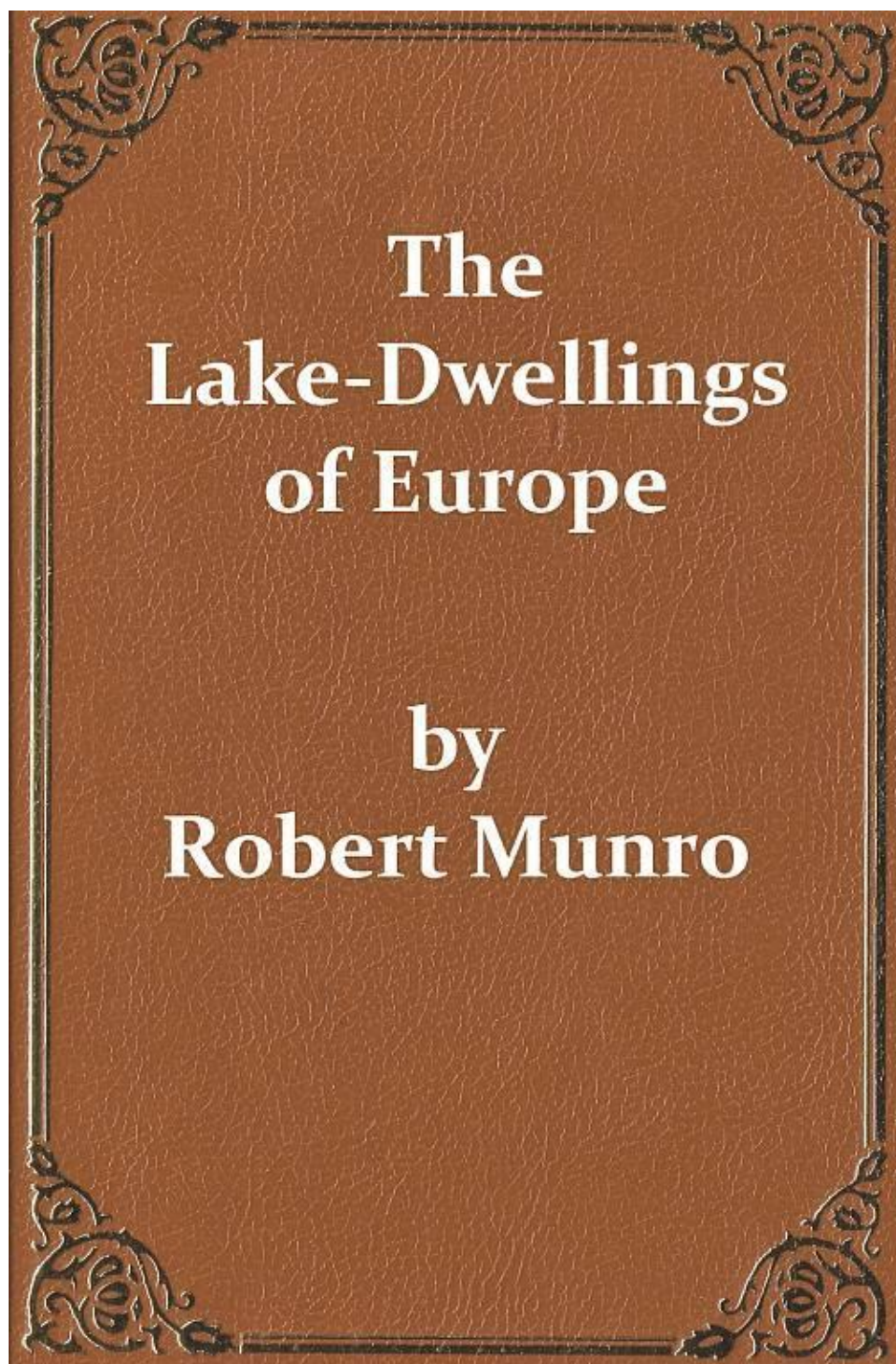

Озерные жилища Европы. Последние лекции по археологии за 1888 год

Роберт Манро

Электронная книга проекта Гутенберга о жилищах у озер Европы

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, отдать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой электронной книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Европейские жилища у озер

Автор: Роберт Манро

Дата выхода: 17 марта 2015 г. [Электронная книга № 48514]

Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Крис Карноу, Пол Маршалл и команда <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных Интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ЖИЛИЩА У ОЗЕР ЕВРОПЫ" ***

Озерные жилища Европы: КАК ПОСЛЕДНИЕ ЛЕКЦИИ ПО АРХЕОЛОГИИ за 1888 год.

РОБЕРТ МАНРО, магистр медицины, доктор медицинских наук,

СЕКРЕТАРЬ ОБЩЕСТВА АНТИКВАРОВ ШОТЛАНДИИ;

АВТОР КНИГИ "ДРЕВНИЕ ШОТЛАНДСКИЕ ОЗЕРНЫЕ ЖИЛИЩА, Или КРАННОГИ".

CASELL & COMPANY, Limited:

ЛОНДОН, ПАРИЖ И МЕЛЬБУРН.

1890.

[ВСЕ ПРАВА ЗАЩИЩЕНЫ.]

Примечания переписчика:

Исправлены очевидные орфографические ошибки. Неточные или устаревшие варианты написания не исправлялись.

Иллюстрации были перемещены таким образом, чтобы они не разделяли абзацы и располагались рядом с текстом, который они иллюстрируют.

Пунктуационные ошибки и непоследовательная расстановка переносов не исправлялись, если не указано иное.

Изображение на обложке было разработано автором и находится в общественном достоянии

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Общество антикваров Шотландии, предложив мне прочитать первую лекцию по археологии на 1888 год, не оставило мне выбора предмета, поскольку они уже предложили, чтобы курс был посвящен "Озерным жилищам Европы". Их сообщение, содержащее это предложение, застало меня врасплох, и, действительно, я обдумывал это предприятие с немалыми опасениями, потому что в то время у меня не было особых знаний о обитателях озер за пределами Шотландии. Но добрая поддержка друзей и тот факт, что у меня было два года на сбор необходимых материалов, в конечном счете преодолели мои сомнения; и поэтому с принятием этого назначения можно сказать, что работа, предлагаемая сейчас публике, была начата. Моим первым и почти немедленным шагом было поспешное посещение основных центров исследований озерных обитателей в Европе, чтобы получить предварительное представление о наилучшем и наиболее практичном способе проведения этой работы. Только тогда до меня дошло, за что я взялся. Реликвии из наиболее важных поселений, за редким исключением, были разбросаны так широко, что для формирования внятного представления о цивилизации и культуре их жителей на основе изучения остатков их промышленных предприятий пришлось посетить десятки музеев и частных коллекций. Состояние литературы и записей о различных открытиях также не было более благоприятным для моей цели. Последовательные расследования, проводимые разными сторонами на более продуктивных станциях, постоянно изменяли предыдущие отчеты и, в некоторых случаях, даже фальсифицировали более ранние выводы, основанные на них. Опять же, описательные заметки были направлены скорее на то, чтобы проиллюстрировать особые и более редкие находки исследователя, чем на то, чтобы донести до широких слоев читателей справедливую оценку *рекламного ансамбля* какой-либо специальной станции. Более ранние отчеты Келлера были действительно исчерпывающими монографиями, но постепенно тема стала настолько обширной, что выполнение работы в том же масштабе потребовало бы публикации многих томов. В 1866 году, когда мистер Ли перевел и оформил первые шесть отчетов Келлера, его работа была достаточно репрезентативной для прогресса, достигнутого тогда в исследованиях обитателей озер; но чтобы идти в ногу с этим прогрессом, второе издание в конце следующего десятилетия приобрело объем в два больших тома.

Однако с тех пор (1878 г.) результаты озерных исследований стали более значительными, чем за любой предыдущий соответствующий период. "Исправление воды Юры", наряду с различными изменениями в гаванях на озерах Цюриха, Женевы и т.д., стали средством значительного увеличения озерных коллекций Швейцарии. В Северной Италии были обнаружены и всесторонне исследованы не только новые и чрезвычайно интересные озерные станции, такие как Лагоцца и Полада, но и исследования в терремаре были такими, что полностью изменили прежние мнения относительно них. Не менее важен и прогресс в этой области исследований во многих других странах Европы, в доказательство чего я могу только упомянуть дополнения, внесенные в шотландские и ирландские краноги; любопытные фасциновые структуры, обнаруженные в Холдернессе, Йоркшир; новые открытия, извлеченные из курганов *терп* в Голландии и других низменных районах побережья Немецкого океана; значительно расширенные и более точные детали озерных структур в Северной Германии; открытие в Венгрии доисторических курганов, аналогичных

отложениям террамара в Италии. , и т.д. Короче говоря, в Европе вряд ли найдется уголок ареала обитания озер, в котором не было бы найдено новых материалов, проливающих более или менее свет на эту странную фазу доисторической жизни.

В этих обстоятельствах я решил действовать *с нуля* и построить свой рассказ о жилищах у озера на основе любых заслуживающих доверия источников, какие только попадутся мне под руку. Чтобы осуществить это намерение, мы с женой объехали всю Центральную Европу с записями и альбомами для рисования в руках, посещая, насколько это было практически возможно, места озерных поселений и обыскивая музеи и библиотеки везде, где, по нашему мнению, можно было найти их реликвии или записи. Восточная граница посещаемого таким образом региона может быть представлена линией, проведенной от Кенигсберга до Триеста, проходящей через промежуточные города Краков, Буда-Пеш и Аграм. Материалы, собранные в этой области, в значительной степени абсолютно новы для британских археологов. Конечно, в работе, целью которой является ознакомление широкого круга читателей с основными фактами и результатами озерных исследований с тех пор, как эти уникальные останки были обнаружены в Европе, мне пришлось принять во внимание некоторые исследования, которые уже были полностью зарегистрированы и проиллюстрированы. Поскольку было невозможно проиллюстрировать типичные группы объектов со всех озерных станций, я, как правило, при выборе иллюстраций для этой работы избегал тех, которые уже были доступны английским читателям благодаря переводу работ Келлера, за исключением случаев, когда они относились к станциям, которые являются лучшими или единственными представителями своего вида в соответствующих регионах — как, например, Rosen Insel на озере Штарнберг. Действуя по этому принципу, я привел очень мало иллюстраций объектов из Нидау, Мусседорфа, Сент-Обена, Вовиля; по той же причине видное место не отведено более ранним открытиям в Робенхаузене, Эставайере, Кратце, Кортайлоде и др. Таким образом, я постарался объединить в вышедшей в настоящее время работе как можно больше новизны, не умаляя ее общего и всеобъемлющего масштаба.

Когда наши странствия подходили к концу, следующим пунктом, который следовало рассмотреть, был метод группировки материалов по шести разделам, соответствующим предписанному количеству лекций. Это была отнюдь не простая задача, поскольку ни географическое распределение, ни исторический порядок открытий не могли быть выбраны исключительно в качестве цементирующего элемента при рассмотрении останков, столь разнообразных по характеру и имеющих столь широкий диапазон в пространстве и времени. План, который я здесь принял, как мне кажется, сочетает в себе наибольшие преимущества с наименьшими недостатками. Его обоснование таково: —После представления моей темы кратким описанием обстоятельств, которые привели к открытию *Пфальбаутена* в Цюрихском озере, и рассмотрения археологической важности и удивительных результатов этого открытия в других швейцарских озерах, исторический элемент отбрасывается, и я провожу своих читателей по Западной Швейцарии и Савойе, по ходу рассказывая об открытиях в последующих озерах. Во второй лекции мы снова начинаем с того же места и продолжаем наши исследования в восточном направлении, и, исследовав район Верхнего Рейна, мы переходим к великому Дунайскому бассейну, по которому мы следуем вниз до тех пор, пока нас не приведет озерная тропа, и в конечном итоге заканчиваем в Лайбахе недалеко от истока Драве. Третья лекция полностью посвящена палафиттам и терремаре в долине По. В этих странствиях мы фактически обошли великую альпийскую цепь гор и увидели, что обычай строить жилища у озера был распространен в верховьях четырех основных водных путей, которые расходятся с ее флангов, а именно. рейн, Рона, Дунай и По.

Обследованный таким образом район обитания на озере включает в себя все остатки, о которых можно однозначно сказать, что они относятся к первичному развитию этих сооружений в Европе, причем период их существования почти исключительно ограничивается доисторическим веком камня и бронзы. В таком случае, это могло бы стать подходящей возможностью для того, чтобы высказать несколько общих замечаний о культуре и цивилизованности их обитателей; но я откладываю это до заключительной лекции, считая предпочтительным перед этим познакомить моих читателей с различными деталями аналогичных останков, обнаруженных в других районах Европы. Соответственно, в четвертой лекции мы продолжим наши географические странствия. Снова отправляясь в Швейцарию, мы обсуждаем необычные останки, найденные в Ла-Тене, почти единственное исключение из обычных *Пфальбаутов* каменного и бронзового веков, встреченных в нашем предыдущем туре; и оттуда, двигаясь на север по нижнему Рейну, мы переходим к Северной Германии, где встречаем поселения, по-видимому, относящиеся ко всем эпохам. Пятая лекция посвящена исключительно описанию пещерных животных и озерных жилищ на Британских островах. Таким образом, в этих пяти лекциях мы рассмотрели всю территорию Европы, на которой в наше время были обнаружены остатки древних озерных жилищ.

За исключением хорошо известных отчетов Келлера и нескольких монографий об отдельных станциях или округах, можно сказать, что вся литература по этому вопросу похоронена в Трудах ученых обществ. Будучи вынужденным искать и внимательно изучать большинство этих малоизвестных и почти недоступных статей — количество и объем которых можно оценить, взглянув на прилагаемую библиографию, — мне пришло в голову, что, сводя в таблицу все работы и уведомления об этих исследованиях в хронологической последовательности, под именами их соответствующих авторов и с правильными ссылками на опубликованные источники, я мог бы принести некоторую пользу будущим исследователям, одновременно обеспечив себя простым и готовым средством обращения к авторитетным источникам без необходимости снова и снова повторять объемистые названия публикаций. Отсюда и происхождение библиографии, приложенной к этой работе, которая, какой бы несовершенной она ни была, я надеюсь, значительно повысит ее ценность. Ее составление доставило мне много хлопот, и единственной ценной помощью, которую я извлек из других публикаций подобного рода, была "Библиография итальянской археологии" Пигорини, которая, к сожалению, относится только к 1874 году.

Теперь остается только приятная обязанность поблагодарить тех, кто помогал мне довести работу до удовлетворительного завершения. На этот счет мои обязательства очень велики.

(1) При сборе материалов на Континенте моей работе в значительной степени способствовали вступительные замечания выдающихся археологов, и среди тех, кто оказал мне такую честь, я должен особенно упомянуть Эванса, Фрэнкса, Восса, Тишлера, покойного Карла Дешмана, майора Трельча, Пигорини и Кастельфранко.

(2) Хранителям музеев и владельцам частных коллекций я обязан разрешением делать заметки и зарисовки предметов, находящихся в их распоряжении. Ниже приведены коллекции, которые снабдили меня оригинальными иллюстрациями:—

МУЗЕИ.

Musée de la Ville.

Musée de la Ville.

Музей римских древностей.

Музей.

Антикварный музей.

Märkisches Museum.
Museum für Völkerkunde.
Кантональный музей. Большая коллегия. Федеральный зал.
Schwab Museum.
Музей.
Musée de la Ville.
Museo di Como.
Rosgarten Museum.
Музей Королевской ирландской академии.
Национальный музей древностей.
Sammlung der Hist. Gesellschaft im Thurgau.
Musée Cantonal.
Museum des Vereins für die Geschichte des Bodensees.
Musée Archéologique.
Museo Ponti.
Das Historische Museum des Rudolfinums.
Das Prussia Museum.
Landesmuseum.
Musée Cantonal.
Museum van het Friesch Genootschap.
Британский музей.
Исторический и художественно-промышленный музей в Ратхаусе.
Sammlung des Stadt und Alterthumsvereins.
Museo Civico.
Museo Civico.
Небольшая коллекция в спортзале.
Ethnographisches Museum.
Musée Archéologique.
R. Museo d'Antichità di Parma.
Археологический музей.
Museo Civico di Reggio d'Emilia.
Museo Preistorico.
Grossherzogl. Alterthümer Sammlung.
Fürstl. Hohenzollern'sches Museum.
Musée National.
K. Kunst-und Alterthums-Sammlung,
K. Naturalien-Sammlung.
Museo Civico.
Steinhaus Museum.
Museo di Varese.
Museo Civico.
Museo Civico.
Музей К. К. Натурхист-Хоф
(ранее Антикенкабинет К. К. Мюнзунда).
Musée de la Ville.
Sammlung der antiquarischen Gesellschaft.

ЧАСТНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ.

Бойнтон, Томас, шотландский профессор, Бридлингтон.

Музее Комо.)

Вуга, магистр медицины (Коллекция в музее Будри.)

Вуга, магистр медицины, Марин.

(3) Господа. Шантр, Гросс, А. и Э. Воуга, Р. Форрер (редактор *Antiqua*) и другие, а также большое количество секретарей Археологических обществ, самым сердечным образом разрешили мне брать выдержки или копировать такие иллюстрации из их опубликованных работ, какие я сочту необходимыми. Примеры, в которых я пользовался этой привилегией, указаны в тексте и в сведенном в таблицу списке иллюстраций.

(4) Следующие общества любезно разрешили мне использовать электротипы ряда их гравюр на дереве, все из которых должным образом указаны в списке иллюстраций:—

Археологическая ассоциация Эйра и Галлоуэя.

æассоциация Ирландии.

(5) Библиография в значительной степени была составлена в библиотеке Британского музея, где я нашел больше возможностей для такой работы, чем в любом подобном учреждении на Континенте. В дополнение к легкому доступу к публичным библиотекам, я должен подтвердить получение ряда ценных аннотаций и ссылок в специальных библиотеках, прикрепленных к музеям или принадлежащих обществам. Среди archæologists, которые так помогли мне, я бы особо упомянуть М. М. Пигорини, Восс, и райнах (Сен-Жермен). Достопочтенный Х. А. Диллон, секретарь Общества антикваров, снабдил меня ссылкой на захват англичанами ирландского крэннога, цитируемой на [странице 482](#).

Мой ученый друг Джозеф Андерсон, доктор права, оказал мне большую помощь в пересмотре корректурных листов.

За весь этот разнообразный и ценный вклад в эту работу, а также за многочисленные акты доброты и добрые пожелания, полученные во время наших странствий, я сейчас выражаю свою самую горячую благодарность.

Эдинбург, 15 мая 1890 года.

Содержание.

Первая лекция.

ПОСЕЛЕНИЯ На ЦЮРИХСКОМ ОЗЕРЕ, В ЗАПАДНОЙ ШВЕЙЦАРИИ И ФРАНЦИИ.

СТРАНИЦЫ

Введение—Первое
обнаружение озерных
жилищ в Обер-Мейлене
Ранними исследователями—
Общий объем лекций—
Описание поселений на
Цюрихском озере—
Исследования на озерах Юра
и археологические
результаты "Исправления
озер Юра" —Подробные
описания станций на озерах
Бьен, Невшатель, Морат,
Инквиль, Бургаши,
Муссидорф, Семпах, Вовиль,
Цуг, Бальдегг, Женева,
Луизель, Бурже, Анси,
Эгебеллет и Клерво

1-109

Вторая лекция.

ПОСЕЛЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ ШВЕЙЦАРИИ, ДОЛИНЕ ДУНАЯ И КАРНИОЛЕ.

110-185

Характер *Пфальбаутена* на
торфяных болотах —
Описания станций на озерах
Пфеффикон, Эгельзее,
Грайфензее, Торфяных
пустошах в Хайменлахене и в
озерах Нуссбаумен,
Констанц, Миндли, Буссен,
Федер, Ольцройте,
Штарнберг, Аттер, Монд и

Фушль—Наводящие на
размышления останки в
Нойзидлерзее—Свайные
сооружения в Венгрии—
Ранние исследования на
озерах Каринтия и Карниола
—Замечательные открытия в
Лайбахской пустоши —
Сообщения о
предполагаемых ловушках
для бобров и подобных
устройствах, найденных в
Северной Германии, Италии
и Ирландии

Третья лекция.

ЖИЛИЩА У ОЗЕРА И СВАЙНЫЕ СООРУЖЕНИЯ В ИТАЛИИ.

186-276

Впервые обнаружены в
Меркураго. (a) *Западные
озерные поселения в долине
По*: Сообщения о станциях на
озере Варезе и прилегающих
водохранилищах Бьяндрона,
Кассаго-Браббия и Пустенга-
Исследования в озерах
Монате и Варано; в
водохранилищах Момбелло,
Валькувия и Бренноно; в
озерах Анноне и Пузиано, а
также в водохранилищах
Бозизио, Каприано,
Маджолино, Меркураго,
Борго—Тичино и Сан-
Мартино—Примечательные
Вокзал в Лагоцце. (b)
*Поселения на Восточном
озере в долине реки По*:
Описание станций на озерах
Гарда, Фимон и Аркуа-
Петрарка, а также в притоках
Полада и Кашина. (c)
Терремаре: Открытие и
значение месторождений
Террамара—Специальные
исследования в Кастионе—
Уведомления о других

типичных станциях в
Монтале, Казале Заффанелла
и Горцано—Общие
замечания о поселениях
Террамара — Их
распределении, реликвиях и
органических остатках

Четвертая лекция.

ОСОБЫЙ ХАРАКТЕР ОСТАНКОВ, НАЙДЕННЫХ В ЛА-ТЕНЕ И В ОЗЕРЕ ПАЛАДРУ: ОЗЕРНЫЕ И
МОРСКИЕ ЖИЛИЩА В РАЙОНЕ НИЖНЕГО РЕЙНА И СЕВЕРНОЙ ГЕРМАНИИ.

277-348

Описание древностей,
найденных в Ла—Тене и на
озере Паладру —
Уведомления о станциях в
Пфальце, в Деуле—а—
Хуплине и об одной из
достопримечательностей
близ Мейстрихта —
Подробные уведомления о
станциях в (a) Мекленбурге,
(b) Померании и
Центральной Пруссии, (c)
Познани и Польше, и (d)
Восточной Пруссии и
Лифляндии -Общие
замечания о поселениях
Северной Германии и их
связи с Бургвалле- Древними
морскими жилищами на
побережьях Голландии и
Западной Германии -Терпен,
Варфен и Вюртен

Пятая лекция.

ОЗЕРНЫЕ ЖИЛИЩА ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ИРЛАНДИИ.

I.-

Ирландские кранноги:
первое обнаружение
краннога в Лагоре—
Последующие открытия,
особенно во время работы
Уполномоченных по
артериальному дренажу
Ирландии—Общие

характеристики
наблюдавшихся тогда
кранногов с описанием
собранных на них реликвий—
Заметки о типичных
кранногах в Рэндалстауне и
Тониморе—Исследования
господ Г. Х. Кинахана и У. Ф.
Уэйкмана—Кранноги в
графстве Фермана—
Недавние открытия в
Лиснакрогере и в Лох Морне
— Список ирландских
кранногов, расположенных в
алфавитном порядке, с
примечаниями и ссылками.

II.-

Шотландские кранноги:
историческое сообщение об
их открытии —Подробные
сведения о характерных
станциях в Доуолтоне, Лохли,
Лохспоутсе, Бустоне,
Эйриуллинде, Бархапле,
Уайт—Лох-оф—Равенстоун и
Фрайарз-Карс-Жилища на
озере Стоун и другие
искусственные острова —
Список шотландских
кранногов, расположенных в
алфавитном порядке, с
примечаниями и ссылками.

III.—

Английские озерные
жилища: The мерес из
Норфолка и Саффолка и др.
—Свайные сооружения в
Лондоне—Крэнног на озере
Ллангорс, Уэльс - Наводящие
на размышления останки в
Берксе-Недавние открытия
озер в Холдернессе.

349-494

IV.-

Общие замечания об
озерных жилищах на
Британских островах: их
структура и способы доступа,
мостки и каноэ -Их местное

распространение и
этнографическое значение—
Их временной диапазон — Их
связь с аналогичными
останками в Европе

Шестая лекция.

ОЗЕРНЫЕ ЖИТЕЛИ ЕВРОПЫ:
ИХ КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ.

495-554

Основатели первых озерных
поселений жили в каменном
веке и были знакомы с
сельским хозяйством,
разведением крупного
рогатого скота и различными
отраслями
промышленности—
Искусство сверления и
распиливания камней—
Нефритовые орудия труда и
их значение среди озерных
жителей—Внедрение
металлов—Переходный
период и медный век (?)—
Бронзовый век и
характерные для него
искусства и индустрии—
Остеологические останки
озерных жителей—Железный
век—Внезапное появление
орудий труда и оружия из
железа у швейцарских
озерных жителей указывает
на новую расу людей—Кто
были эти пришельцы?—
Распространение ла—
Тенской цивилизации в
Европе-Общие выводы

555-583

Библиография исследований
обитателей озер в Европе

585-600

Индекс

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

LAKE ZÜRICH.

FIG.

СТРАНИЦА

1. —

Обер-мейлен: № 1,
Кремневый нож — 2,
Кремневая пила с
деревянной рукоятью — 3 и 4,
Каменные топоры — 5,
Бронзовый топор — 6, Зуб
медведя с отверстием — 7,
Молоток из оленьего рога —
8, 13 и 17, Каменные топоры с
отверстием — 9, Янтарная
бусина — 10, Бронзовый
браслет — 11 и 15, Каменные
топоры или стамески с
роговыми ручками — 12,
Полировщик камня с
небольшой перфорацией для
тетивы — 14, Фаянсовое
веретено — 16, Кремневый
наконечник для стрелы
№ 5 в музее Шваба, а
остальные — в Antiq. Музей в
Цюрихе.

6

2. —

Баушанце, Кляйнер Хафнер и
Гроссер Хафнер: № 1-7,
Образцы керамики — 8,
Глиняное веретено-завиток
— 9, Костяная игла — 10,
Роговые орудия труда — 11,
Костяной кинжал — 12,
Костяной кинжал — 13 и 14,
Врезные балки — 15 и 16,
Кремневые орудия труда —
17, Зуб медведя с
отверстиями — 18 и 28,
Декоративные браслеты — 19
и 27, Подвески — 20,
Задействованные кольца —
21 и 22,
Сельскохозяйственные
орудия из рога — 23,
Рыболовный крючок из кости
— 24-26, Бронзовые булавки -
29, Часть цепочки — 30, нож
с орнаментом — 31,
Фаянсовая ваза,

11

установленная на глиняном опорном кольце — 32, Бронзовый инструмент с ручкой — 33-37, Различные инструменты и спираль. (Эти предметы изготовлены из бронзы, если не указано иное)

Номер . с 1 по 17 после Келлера (В. 336, Стр. i. и ii.), остальные, за исключением с 21 по 23 и 31, из *Antiqua*, 1883. Почти все в Цюрихском музее.

3. —

Воллискофен: № 1 и 2, Рукояти двух мечей - 3, 4, 5 и 14, Наконечники стрел различных форм — 6, с 8 по 11, 19 и с 23 по 26, Образцы булавок - 7, Орнаментированный наконечник копья — 12 и 18, Колесные украшения — 13 и 15, Браслеты - 16, Гребень — 17, Медный плоский кельт — 20, Малоберцовая кость с маленьким кольцом на витой булавке — 21 и 27, Пуговица и гвоздик — 22, Красивая ваза — 28, Кольцо для пальца — 29-31, Подвески — 32, Оловянный круг с орнаментом — 33, витое кольцо с восемью маленькими кольцами - 34, Рыболовный крючок — 35, Топор из Латтена. (Все бронзовые, за исключением № 17) Все в Цюрихском музее. Одна или две кегли расположены после Хейерли (Б. 448).

14

4. —

Воллискофен: № 1-7, Зубила и т. Д. - 8 и 18, Молотки - 9 и 10, Орудия с рукоятями для мечей — 11-15, Ножи различных форм — 16, 20 и 25, Топоры — 17 и 22,

15

Осколки посуды — 19,
Кольцо—рукоять - 21,
Наковальня. (Все
вышеперечисленные
предметы сделаны из
бронзы.)-23, Свинцовая
лепешка с бронзовой
петлей—24, Другой подобный
предмет с двумя петлями (от
Opens)-26, Бронзовая игла

5. —

Воллискофен: Номера с 1 по 17
4, 7, 9, 11 и 12, Образцы
керамики — 5 и 10, Глиняные
бобины — 6, Два вида
фрагментарного глиняного
круга — 8, Полумесяц
(восстановленный) из
обожженной глины — 13-20,
Различные формы глиняных
веретен-завитушек
Все в Цюрихском музее. № 9,
11 и 12 по Хейерли (В. 462,
Стр. ix.).

БЬЕННСКОЕ ОЗЕРО.

6. —

Меринген: № 1 и 3, Подвески 29
—2, 14 и 15, Сосуды —4, 9 и
10, Фибулы —5, Рукоять
рапиры длиной 21 дюйм —6,
Нож с цельной рукоятью
(бронза) -7, Пила —8, Браслет
с орнаментом — 11 и 16,
Бритвы-12 и 17, зубило с
носком и выемка—13,
молотковая, с гнездом и
петлей,
Полностью бронзовая, после
удаления (Б. 252).

7. —

Винельц: № № 1-8, 35
Кремневые наконечники для
стрел - 9, Кремневый скребок
— 10-12, Кремневые
кинжалы, один (№ 11) с
деревянной рукоятью,
окруженный кольцом — 13,
каменный топор с V—
образным роговым

фиксатором - 14, Каменная бусина - 15, 16 и 18, Костяные булавки — 17, Медное шило в костяной рукояти — 19, Предмет в виде поверхностной пластины из бивня кабана с четырьмя отверстиями — 20 и 21, Роговые пуговицы — 22-28, 30 и 31, Различные инструменты и изделия из меди — 29, 32 и 33, Образцы керамики
Все предметы в Кантональном музее в Берне (№ 29 после В. 462, стр. xviii. 10).

ОЗЕРО НЕВШАТЕЛЬ.

8. —

Сент—Блез: № № с 1 по 18, 41
Различные орудия труда из меди (за исключением № 4-бронзы) -19, Каменные наручи — 20, Роговые орудия, полированные и перфорированные — 21, Роговые наконечники копий - с 22 по 24, Костяные булавки —25 и 26, Каменные топоры, один частично перфорированный — 27, Ископаемый аммонит, перфорированный для подвешивания в качестве украшения — 28, Кремневый кинжал с деревянной рукояткой —
№ № 8, 10 по 19, 21, 25 и 27 после *Antiqua*; № 2 в музее Невшателя; № 28 в коллекции Э. Воги; остальные номера после *Anzeiger* (В. 376a).

9. —

Овернье: № от 1 до 8, 43
Топорики различной формы — от 9 до 11, Ножи — 12 и 18, Долото и выемка - 13, 19 и 20, Молотки -14,

Звездообразный орнамент —
 15 и 16, Серпы — 17 и 24,
 Подвески — 21, маленькая
 наковальня — 22, Один
 клапан формы для крылатого
 кельта. (Все
 вышеперечисленное
 изготовлено из бронзы.) -23,
 Трехгранная чаша из фаянса
 — 25, Костяной диск,
 украшенный
 концентрическими кругами
 — 26, Костяной инструмент с
 отверстием посередине —
 27, Бронзовая спираль—28,
 Каменная наковальня в
 деревянном корпусе
 № . с 1 по 6 и 13 в коллекции
 доктора Эванса; № № 8, 12 и
 24 после Дезора (Б. 95, рис.
 36, 46 и 66); а остальные в
 общей коллекции в Берне.

10". —

Кортайо и Беве (16, 18 и с 23
 по 26): № 1, подвеска из
 бронзовых колец — 2,
 Большой рыболовный
 крючок - 3, Крутящий
 момент—4, Копье с
 орнаментированным
 набалдашником —5,
 Наконечник ножен для
 меча—6, Малоберцовая
 кость—7, Серьга—10, 12 и 21,
 Подвески — с 13 по 15 и 26,
 Браслеты — 16 и 18, Топоры
 —17, Колесо—19, Меч—20,
 Кубок—22, Шпилька —23 и
 24, Булавки, одна с
 орнаментированным
 плоским диском в виде
 головки —25 , Бритва. (Все
 вышеперечисленное
 изготовлено из бронзы.) № 8,
 Роговой гарпун—9,
 Маленькая глиняная ваза с
 четырьмя маленькими
 отверстиями для
 подвешивания—11,
 Подвеска, состав которой

46

неизвестен

№ 1, 2, 8, 9 и 11 в музее в Будри; 3-6 и 13 в честь Вуги (В. 414а); 10, 12, 18 и 21 в музее Шваба; 19 в музее в Бале; 15, 17 и 22 в честь Келлера (В. 61 и 286); 14, 16 и 23-26 в честь Келлера. после Дезора (Б. 95 и 252); 20 - после Гросса (Б. 392, Стр. xxii. 8).

11. —

Подвески и корсеты: № 1, Бронзовое ожерелье — 2, Бронзовая булавка с оловянной головкой — 3, 8, 10 и 11, Бронзовые булавки — 4 и 5, Оловянные диски — 6, полое бронзовое кольцо — 7, Деревянный гребень — 9, 12 и 13, Бронзовые подвески — 14, Браслет из бурого угля — 15, Очковое украшение из бронзы — 16, Бронзовый стержень с концевыми кольцами — 17, подвеска из рога — 18, Янтарная бусина, прикрепленная к отрезку бронзовой проволоки — 19, Бронзовый нож в роговой ручке — 20, Бронзовая трубка — 21 и 22, Сосуды из керамика — 23, Центральная часть бронзового конского удила - 24, Рукоять и наконечник бронзового меча № 1, 6 и 12 по Вуге (В. 414d); 16 и с 21 по 23 в музее в Лозанне; 20 в музее в Будри; 24, коллекция доктора Эванса; остальное из *Antiqua* (1886, стр. x, xi. и xii., и 1888, стр. viii.)

56

12. —

Экспонат: № 1, Серп — 2 и 3, Колесные украшения — 4, 12, 14 и 26, фибулы различных форм — 5, Гребень — 6 и 10, Подвески — 7, Нож-бритва — 8, Пила — 9, Пуговица — 11, Булавка с двумя ножками -

62

13, Фрагмент украшения
цепочки — 15, Янтарная
бусина — 16, Золотая серьга
— 17, 19 и 23, Бронзовые
топоры — 18, 22, 24, 30 и 31,
Бронзовые ножи различных
форм — 20,
Перфорированный молоток—
21, Глиняный сосуд—25,
Кремневый наконечник
стрелы — 27, Дискообразная
головка булавки - 28, Часть
булавки со спиральным
наконечником — 29, предмет
из рога (см. стр. 511). (Все из
бронзы, если не указано
иное)

Номер. с 1 по 11, 17, 19, 21,
24, и 25 в музее Фрибурга; 12,
13, 18, 20, 23, 30, и 31 в
Кантональном музее в Берне;
15, 16, 22 и 29 в честь
Келлера (В. 336); 14 и 27 в
честь *Антиквы* (В. 449); 26 в
честь Воуги (В. 414с); 28 в
Общей коллекции.

13. —

Шевру, Форель и Порталбан: 65
№ 1, Кремневый кинжал с
деревянной рукоятью — 2,
Медное долото — 3,
Бронзовая подвеска — 4 и 6,
Костяные булавки — 5,
Кремневый наконечник
стрелы — 7, Янтарная бусина —
8 и 14, Вазы из грубой
керамики — 9, Бронзовый
гребень — 10, Бронзовая
малоберцовая кость — 11,
Бронзовая бритва с
рукояткой — 12, Шаровидная
головка бронзовой булавки с
перфорацией — 13, 17 и 18,
Подвески из рога — 15,
Железный инструмент — 16,
Медный кинжал — 19,
Инструмент из челюсть оленя
— 20, Браслет из рога — 21,
Бронзовый браслет — 22,
Бронзовые кольца

(портмоне)

№ № 1, 3-6, 8 и 14 в музее в Лозанне; 2 и 16 в Кантональном музее в Берне; 10, 11, 12 и 17-20 в честь Вуги (Б. 414b и 414d); 15 в честь Труайона (Б. 31); 21 в музее во Фрибурге; 22 в честь *Антиквы* (Б. 449).

ОЗЕРО ОЗ МОРАТ.

14. —

Валламанд и Гренг-Инсель: 72

№ 1, Железный нож с зазубриной и частью обратной стороны из бронзы — 2, 4 и 10, Бронзовые подвески — 3, Рыболовный крючок с прикрепленной частью проволоки (бронза) - 5, Бронзовый стержень с продолговатыми отверстиями и загнутыми концами - 6, Бронзовое долото с орнаментом — 7, Бронзовая пуговица — 8, Бронзовая бритва в деревянном футляре — 9, Часть кремневого кинжала с красивыми зазубринами — 11 и 12, Бронзовые гребни — 13-16 и 18, Образцы керамики — 17 и 20, Предметы искусства рог — 19, бронзовый кинжал (римский?) - 21, Булавка с прикрепленной частью цепочки — длиннее в настоящем экземпляре (бронза)
№ № 1 и 3 имени Хейерли (В. 462); 2, 4-7 и 10-13 в музее в Лозанне; 8, 14, 15 и 18 в Кантональном музее в Берне; 9 и 17 в музее в Морат; 16 имени Келлера (В. 61); 19 и 20 в музее в Авенше; 21, Общая коллекция.

ОЗЕРО СЕМПАХ.

15. — № 1-7 и 11, Различные бронзовые орудия труда и оружие —8, 9 и 10, Каменные топоры, перфорированные и прекрасно отполированные Все в музее в Люцерне. 77

ОЗЕРА ВАУВИЛЬ, ЦУГ И БАЛДЕГГ.

16. — Номер 1, перфорированный камень выполнения—2 и 3, части каменных топоров, с указанием начала и среднее перфорация—4 и 5, каменные долота, в костяной ручкой—6, Костяной кинжал—7, Рог гарпуна—8, полированный камень, с любопытством формы с отверстиями для подвеса—от 9 до 11, керамика—12, чашка изготовлена из оленьего рога в музей в Люцерне, кроме 8—Музей, Цюрих. 79

ЖЕНЕВСКОЕ ОЗЕРО.

17. — Морж, Тонон и Сент—Прекс. - 84
№ 1, Кусочек керамики с рисунком из селедочной кости — 2 и 3, *Сакре* (см. стр. 531) -4, Браслет—5, Любопытный предмет — 6, Рыболовный крючок—7, Меч—8, Форма— 9, Подвеска—10, Ножной браслет —11 и 16-18, Ножи различных форм — 12-15, кельты или топоры. (Все из бронзы)
№ № 1, 14 и 18 в музее в Аннеси; 2-6 в честь Келлера (Б. 286); 7 и 8 в честь Тройона (Б. 31); 9 и 10 в честь Рабута (Б. 138); 16 в честь Перрена (Б. 282); 11-13 и 17 в музее в Лозанне.
18. — Женева и Туге (9, 10, 12 и 13): 91
номера 1-4 и 10, Различные

формы бронзовых кельтов —
 5, Бронзовый нож—6,
 Каменная форма — 7,
 Фрагмент бронзовой
 малоберцовой кости — 8, 11
 и 14-17, Бронзовые подвески
 — 9, Бронзовый серп с
 выпуклым набалдашником —
 12 и 13, Фаянсовые блюда с
 орнаментом на внутренней
 стороне — 18 и 19,
 Бронзовые бритвы
 Все в Музее Женевы, кроме 9
 и 19 в музее в Анси.

ОЗЕРО ОЗ ЛУИЗЕЛЬ.

19. —

№ 1-3, Рукояти трех
 бронзовых мечей с
 наконечниками первых двух
 — 4, Бронзовый наконечник
 ножен —5, Маленькое
 бронзовое кольцо
 № 1 в музее в Лозанне; 2 и 3 в
 Кантональном музее в Берне;
 4 и 5 в честь Тройона (Б. 31).

94

ОЗЕРО БУРЖЕ.

20. —

№ 1-4, наконечники копий с
 наконечниками - 5, 12 и 15,
 Кинжалы — 6, 7, 8, 13 и 14,
 Ножи — с 9 по 11 и 17,
 Топоры — 16, Рукоять меча —
 18, Наборный молоток с
 боковой петлей — 19, Долото
 — 20 и 21, Серпы — 22 и 23,
 Бритвы — 24, Пинцеты —25,
 Застежка для пояса — 26,
 Форма для камня. (Все
 бронзовые, кроме № 26)
 Номер . 1, 3, 4, 6, 9, и 20, в
 Музее Сен-Жермена: 2, 11 и
 21, в коллекции ресторана
 Lacustre (Порт); 5, 8, 12, с 14
 по 16, 25 и 26, в музее
 Шамбери; 7, Коллекция
 Rabut; 10 в музее Экс-ле-Бен;
 13, с 17 по 19, 22 и 23,
 Коллекция Costa de

100

21. —

Beauregard (по Перрену, Б. 179).

101

Номера 1 и 2, Бронзовые трубки со свободными кольцами — 3-6 и 12, Предметы неизвестного назначения — 7, Спиральное кольцо для пальца — 8, 11 и 14, Сосуды — 9, Игла — 10, 18, 19, 21, 30 и 31, Булавки — 13, с 22 по 26 и 32, Наконечники стрел различной формы — 15, Фрагмент глиняного потолка, украшенный концентрическими кругами, — 16, 17 и 29, Орнаментированные браслеты — 20, Бронзовый наконечник ножен для меча — 27, Янтарная бусина — 28, стеклянная бусина — 33, Бронзовая пуговица — 34-37, Керамика, части посуды и кофеварка. (Все бронзовые, если не указано иное) № № 1, 2, 15 и 36 в музее Экс-ле-Бен; 3, 7, 9 и 10 в музее Сен-Жермен; 4, 6 и 12 в ресторане Lacustre (порт); 5, 8, 11, 23, 24, 26 до 28, 30, 32 и 33, в музее Шамбери; с 13, 14, 16, 18 по 22, 25 и 31, Коллекция Коста (в честь Перрена Б. 179); 17, 29, 34, 35 и 37, после Рабута (Б. 138).

ОЗЕРО АННЕСИ.

22. —

№ 1, Бронзовый плоский кельт — 2, Бронзовая булавка — 3, Медная бусина — 4, Бронзовый ножной браслет (после Рабута) — 5, 6 и 7, Кремневое оружие — 8 и 9, Каменные топоры — 10, Наконечник стрелы из глинистого сланца Все в музее в Аннеси.

103

ОЗЕРО КЛЕРВО.

23. -

№ 1 по 4, Кремневое оружие 106
— 5, Роговое долото с
рукоятью в виде части рога —
6 и 8, Каменные топоры в
роговой оправе или с
рукоятками — 7, роговый
топор—молоток с
сохранившейся частью
деревянной рукояти - 9, 13 и
14, Костяные орудия труда —
10, Плоский предмет из
полированного камня с
небольшой перфорацией на
одном конце — 11 и 12,
Бронзовый кинжал и долото
—15, Деревянное блюдо
№ 15 имени Ле Мира (В. 219),
остальное из коллекции,
выставленной на Парижской
международной выставке
1890 года.

ОЗЕРО ПФЕФФИКОН.

24. —

Робенхаузен: № 1, 115
Кремневый наконечник
стрелы - 2, Костяной
наконечник стрелы — 3,
Подвеска из красного камня -
4, Медный кельт — 5 и 6,
Маленькие красные камешки
с серией круглых отверстий
— 7, Роговая чаша —8,
Каменный кельт в роговой
оправе (Музей Майнца) -9,
Нефритовое долото в роговой
ручке (Музей Мюнхена) -10,
Камень—молоток —11,
Бронзовый кельт— 12,
частично перфорированный
роговой молоток—13,
Перфорированный каменный
диск —14, Фрагменты
керамики (один из *Antiqua*,
1885) -15, Деревянный нож —
16, 17 и 18, Глиняные блюда,
одно из которых опирается
на глиняное кольцо — 19 и

23, Каменные топоры с
деревянными ручками — 20 и
21, Глиняные гири — 22,
Глиняный тигель — 24,
Орудие из дерева,
предположительно крючок
для подцепления лески
(Музей, Берн) - 25, Моток
пряжи (по Келлеру, Б. 126) -
26, Деревянная дубинка
Все, кроме указанного выше
, в Цюрихском музее.

25. —

Робенхаузен: Образцы ткани, 117
бахромы, веревок, рогожи,
сетей и т.д.
Antiqua (1882-3, Стр. vii. и
viii.; и 1885, стр. ii.).

NIEDERWYL.

26. —

№ 1, Кремневая пила с 122
деревянной ручкой — 2,
Перевернутое глиняное
блюдо с рудиментарными
ножками и орнаментом из
полых точек в виде линий —
3, Глиняная масса — 4, 5 и 6,
Глиняные сосуды — 7,
Каменный топорик с
деревянной ручкой — 8 и 9,
Каменные топоры — 10,
Полоса бересты, аккуратно
проколота (Б. 336, Стр. vi.
10)
№ 1, 3, 5, 7 и 8 после Б. 62; 2
после *Antiqua*, 1884, стр. 36;
остальные в Цюрихском
музее.

БОДЕНСКОЕ ОЗЕРО.

27. —

Ванген: № 1-3, Кремневые 126
наконечники стрел - 4,
Костяной гребень из льна — 5
и 6, Каменные топоры с
роговыми ручками — 7, 8 и 9,
Перфорированные каменные
топоры — 10, Каменное
долото — 11 и 16, костяные
крючки различных форм —

12 и 13, Глиняные веретена-завитушки с орнаментом — 14, Каменная подвеска-15, Кремневая пила с деревянной ручкой — 17-19, Образцы глиняной посуды — 20, Перфорированный каменный диск
 № 5, 7-9 и 20 из музея в Зигмаринген; 14 и 18, музей Росгартен, Констанц; остальные в Цюрихском музее.

28. —

Унтерзее, Миндлизее и Буссензее (два последних озера находятся в окрестностях Боденского озера): № 1, Каменное долото с роговой ручкой (Маркельфинген) -2 и 3, Медные булавки — 4, 5 и 7, Бронзовые булавки (Insel Weerd) -6, бронзовый нож (Insel Weerd) -8, Янтарный диск (*Антиква*, 1884, [рис. 60](#)) -9, Янтарная бусина (*Там же*, 1883, [рис. 20](#)) -10, Орудие из перфорированного камня — 11, Медный кинжал—12, Любопытный каменный топор —13, Каменный кельт с небольшим отверстием для подвески (Штекборн) -14 и 15, Бронзовые орудия (несовершенные) -16, Металлический браслет — 17, панцирь черепахи с двумя отверстиями - 18, Костяной свисток— 19, Роговой гарпун (оба последних из Штекборна)
 № № 1 и 16 из музея во Фридрихсхафене; 2-7, 10-12, 14 и 15 Музей Росгартен, Констанц; 13, 18 и 19 после *Antiqua*, 1885, и 17 *Там же.*, 1883, [рис. 19](#).

131

29. —

Констанцский залив: № 1, Бронзовый предмет — 2 и 3,

134

Бронзовые булавки — 4-6,
 Фрагменты
 орнаментированной
 керамики — 7, 9 и 10,
 фаянсовые блюда — 8,
 Горлышко блюда с
 градуированными
 отверстиями (см. [рис. 11](#), №
 21 и [рис. 14](#), № 16) -11 и 12,
 Кремневые орудия — 13,
 Фрагмент каменного топора с
 частичной перфорацией —
 14 и 15, Сломанные
 каменные топоры -
 Все из музея Росгартен,
 кроме № 14 и 15 из
 Фридрихсхафенского музея.

30.

Бодманн: Нет . 1, 2, 4, 6, 7, 8, 137
 10 и 14, Костяные орудия — 3
 и 5, роговые копья — 9,
 Бронзовая малоберцовая
 кость (римская) -11-13,
 Группа из 3 бронзовых
 кельтов — 15, Каменный
 кельт в роговой рукоятке —
 16, Костяной указатель в
 роговой рукоятке — 17,
 Кремневая пила в рукоятке из
 рога (оленьего?) -18,
 Глиняное веретено-мутовка
 (орнаментированная) -19,
 Костяной рыболовный
 крючок - 20 и 21, Глиняные
 сосуды
 № 5, 6, 10 и 21 из музея
 Фридрихсхафена; 11-13 из
 коллекции мистера Лея в
 Бодманне; остальное из
 музея Росгартен, Констанца.

31. —

Нуссдорф, Маурах, 140
 Лютцельштеттен и др.: № 1-5,
 Кремневые орудия и оружие
 — 6 и 7, Костяные гребни — 8,
 Костяное долото — 9-13,
 Костяные подвески, иглы и
 кинжалы — 14 и 15, Глиняные
 веретена-завитушки — 16-19,
 Медные кельты (Маурах) -20,
 Передняя часть каменного

топора — 21, Плоская круглая подвеска из камня — 22, Рыболовный крючок из кабаньего бивня - 23, молоток из оленьего рога с частью деревянной рукояти — 24, Нефритовый нож в роговой рукоятке (Дингельсдорф) -25, Кремневая пила в рукоятке — 26 и 27, Керамика № № с 25 по 27 (Люцельштеттен) из музея Росгартен, Констанца, а все остальные из Античного музея. Музей в Штутгарте.

32. —

Унтер-Ульдинген: номера с 1 по 3, 29 и 30, Бронзовые топоры — с 4 по 8, 14, 24 и 25, Бронзовые декоративные булавки — 9 и 12, Бронзовые ножи — 10 и 13, Бронзовые долото и шило —11, железный нож—15, Железная малоберцовая кость—16, глиняная катушка — 17, бронзовое копье с набалдашником — 18 и 19, Бронзовые рыболовные крючки - 20, Спиральное бронзовое нарукавное кольцо — 21 и 22, Пара бронзовых браслетов - 23, Бронзовый серп—26, Железное копье—27, Фрагмент керамика—28, Круглая матрица или штамп для фаянса
Все из Музея в Штутгарте, кроме № 20—Музей Росгартен, Констанц. 143

33. —

Хальтнау (3, 5 и 13) и Хагнау: № 1-5, Плоские бронзовые кельты различных форм — 6, Бронзовый браслет — 7, 8 и 10, бронзовые булавки — 11, Любопытное орудие из бронзы — 9, Бронзовый нож — 12 и 13, Бронзовые кольца — 14, Железный нож 145

№ 3, 4 и 9 из музея во Фридрихсхафене; остальное в музее Росгартен в Констанце.

ФЕДЕРЗЕЕ.

34. —

Schussenried: Номера с 1 по 8, Кремневые наконечники стрел и скребки - с 9 по 12, Каменные кельты — 13, Шлифовальный станок для ломаного камня — 14, Перфорированный каменный молоток—топор - 15 и 16, Орудия труда из рога и кости — 17, 24 и 25, Фрагменты орнаментированной керамики — 18, Фаянсовая ложка — 19, Каменное долото с роговой ручкой — 20, Полулунная кремневая пила скандинавского типа (Музей нац. История, Штутгарт) - с 21 по 23, Глиняные сосуды Из коллекции г-на Франка в Шуссенриде. 149

35. —

Шуссенрид: № 1-5, Образцы глиняной посуды —6, Своеобразный черпак из рога (аналогичные предметы были найдены на станциях Робенхаузен, Воллисхофен и Бальдегг) -7, Роговая кирка с перфорацией Из коллекции мистера Франка. 150

ШТАРНБЕРГСКОЕ ОЗЕРО.

36. —

№ 1, 2 и 7, Ножи—3, 4, 6, 10, 11, 28 и 29, Булавки различных форм - 5 и 19, Шило и стамеска — 8, Кинжал с тремя заклепками — 9, 12 и 20, Три разновидности топоров — 13, Игла—14, Наконечник стрелы южного типа с носком. (Все 154

вышеперечисленное из бронзы.) — 15, Костяное украшение или подставка — 16, Фаянсовая подставка — 17, Глиняная бусина — 18, Бронзовый серп — 21 и 22, Бронзовые фибулы — 23, Бусина из разноцветного стекла — 24 и 30, Костяные диски (см. стр. 527) -25, Фрагмент орнамента бронзовой пластины — 26, Предмет искусной работы из рога, предположительно предназначенный для плетения - 27, Двойной рыболовный крючок из бронзы

37. —

№ 1, Своеобразный железный нож-2 и 3, кусочки лошадиной кости — от 4 до 10, Бронзовые штыри — 11 и 13, молотки из оленьего рога (перфорированные) -12 и 17, Каменные кельты, один в роговом держателе - 14 и 15, Кремневая пила и наконечник стрелы - 16, Часть блюда из темной фаянсовой посуды — Все предметы, представленные на фиг. 36 и 37 находятся в Этнографическом музее Мюнхена.

155

МОНДЗЕЕ И АТТЕРЗЕЕ.

38. —

Мондзее: № № 1 и с 6 по 12, Кремневые наконечники для стрел, один (№ 10) с частью стержня, прикрепленной асфальтом, - 2-4, Кремневые пилы (Крумессер) -5 и 9, Кремневые скребки — 13-15, Каменные топоры — 16, 27 и 28, Костяные долота со следами использования — 17 и 18, Перфорированные

158

зубья — 19, Костяной
орнамент — 20 и 24-26,
Костяные и роговые орудия —
21 и 22, Украшения из белого
мрамора — 23, Костяной
наконечник для стрел —
Все из коллекции Доктор
Мач, Вена.

39. —

Мондзее и Аттерзее: № № 1, 159
2 и 5, Медные кельты — 3, 4, 6
и с 17 по 19, Медные или
бронзовые кинжалы — с 7 по
12, Костяные орудия труда —
13, Мраморная пуговица—14,
Медный рыболовный
крючок-15, Глиняная
фигурка— 16, Ожерелье из
мраморных бусин в честь
доктора Мача (В. 287) -20 и
21, Кремневые ножи — 22,
Прекрасный образец
перфорированного
каменного топора—молота
№ № 17, 18 и 22 из Нац. Хист.
Музей, Вена; 20 и 21 в честь
графа Вурмбранда (Б. 276);
остальные из коллекции
доктора Мача.

40. —

Мондзее: № 1-8, Образцы 161
керамики—9, Круглый
камень, тщательно
отполированный и
перфорированный
Все из коллекции доктора
Мача.

НОЙЗИДЛЕРЗЕЕ И КОЙТШАХЕРЗЕЕ.

41. —

№ 1 и 3, Каменные топоры- 165
молотки — 2, Камень-молоток
с отпечатком пальца — 4 и 5,
отщепы кремня —6, Фрагмент
полированного кельта —7,
Небольшая урна —8-10,
Образцы керамики
№ с 1 по 9 в честь графа Белы
(Б. 283); 10 из музея
Рудольфинум в Клагенфурте.

ВЕРЕСКОВАЯ ПУСТОШЬ ЛАЙБАХА

42. — № 1-5, Кремневые орудия и оружие — 6 и 16, Хорошо обработанные крючки из рога - 7, Необычный предмет из кости, предположительно служащий приманкой для ловли рыбы — 8, Украшение из рога — 9, Долото из зеленого камня — 10, Орнаментированное глиняное блюдо — 11, Глиняная фигурка в виде ежа — 12, Кельт из нефрита — 13, Предмет из рога, продырявленный на одном конце вдоль — 14, Кусок рога, украшенный клетчатым рисунком из вырезанных линий — 15, Костяная игла — 17, Фрагмент орнаментированной керамики с поперечной перфорацией — 18, Каменная наковальня со следами меди — 19, Предмет из керамики, открытый с обоих концов — 20, Основание блюда, отмеченное вдавленным крестом — 21, Предмет из керамики, конический с обоих концов — 22, Форма из фаянса — 23 и 24, Часть фигуры из фаянса, напоминающая человеческую форму (см. [рис. 195](#)) 173
43. — № 1-4 и 6-9, Образцы керамики — 5, Фаянсовый конус с отверстиями — 10, Каменный молоток-топор- 175
44. — Различные формы дубинок из оленьего рога или топоров-молотов 176
45. — № № 1, 2 и 7, Бронзовые кинжалы — 3 и 4, Рукояти бронзовых мечей — 5, Крылатый кельт из бронзы — 178

- 6 и 8, Медные орудия труда —
9, Медный топор — 10 и 11,
Медные кинжалы — 12 и 13,
Бронзовые штыри — 14,
Глиняный тигель — 15, Черпак
или форма из глиняной
посуды
46. — Дубовая ловушка для бобров 179
длинной тридцать два дюйма
Все предметы,
представленные на фиг. с 42
по 46 находятся в
Landesmuseum в Лайбахе, за
исключением [рис. 42](#), № 20,
который находится в Музее
естественной истории в
Вене.
47. — Деревянная машина, 180
найденная на болотах
Самова, Северная Германия,
и хранящаяся в музее в
Ростоке. (В честь профессора
Меркель в *Zeit. für Ethn.*
Верханд., 1874.)
- 47a. — Похожая машина из Валле- 181
ди-Фонтега, Северная
Италия, показаны
отсоединенные два
центральных клапана и
несколько палочек,
найденных вместе с ней. (По
Мещинелли, Б. 467.)
- 47б. — Старинный деревянный 183
инструмент из Ирландии,
показаны верхняя и нижняя
поверхности. (Из
Ольстерского журнала. Арх.,
том vii.)

ОЗЕРО ВАРЕЗЕ.

48. — Изола Вирджиния: № № 1 и 191
2, Кремневый нож и пила — 3,
Кремневый скребок с
роговой рукояткой — 4, нож-
чешуйка из обсидиана — 5,
Бронзовый нож — 6,
Бронзовый кинжал — 7-9,
Костяные иглы и т.д. -10,

Конический предмет из обожженной глины, перфорированный наподобие горлышка бутылки — 11, Полировщик из змеевика в виде каменного кельта (см. стр. 193) -12, Бронзовый рыболовный крючок - с 13 по 17, с 22 по 24 и с 26 по 29 , Образцы керамики — 18, Плоский и круглый камень, тщательно отполированный и перфорированный в центре — 19, Форма из песчаника — 20, Квадратный кусок дерева, предположительно использовавшийся в качестве поплавка для рыболовной сети — 21, Половинка фаянсового веретена—мутовки - 25, Костяное долото № . с 25 по 29, после Ранче и Регаццони (В. 326), а остальные из Sig. Музей Понти на острове Вирджиния.

49. —

Бодио, Каззаго и Барделло: 196
 № 1-7, Кремневые орудия труда и оружие — 8-11, 21 и 40, Бронзовые кинжалы — 12, 22, 23 и 25-29, Бронзовые булавки — 13, Бронзовое долото или шило — 14 и 39, Фрагменты керамики — 15, Каменные кельты—16, 32, 33, 35, 36 и 38, Различные предметы из камня с одним или несколькими отверстиями, вероятно, используемые в качестве пуговиц или бус — 17-19, Бронзовые рыболовные крючки - 20 и 44, Бронзовые кельты — 24 и 43, Бронзовые наконечники копий из бронзы — 30, Полировщик камня (см. стр. 193) -31,

Каменная форма-34,
 Фаянсовое веретено—
 завиток — 37, Фрагмент
 перфорированного
 каменного топора-41,
 Украшение из тонкой бронзы
 —42, Резец из змеевика
 № 1, 4-7, 10, 11. 30, 32 и 39,
 из Гражданского музея,
 Милан; 2 и 3, из коллекции
 Кастельфранко; 8, 9, 12, 13,
 18, 20 до 22, с 25 по 29 и 43,
 начиная с Sig. Музей Понти,
 Изола, Вирджиния; 14, 15, 17,
 19, 23, 31, 33 на 38, 41 и 42,
 после Регаццони (Б. 327); 16,
 из коллекции Квалья, Варезе;
 24 и 44, из музея в Варезе.

Торбьера Каззаго-Браббия: 199
 № № 1 и 2, Кремневые ножи
 — 3-6, кремневые
 наконечники стрел - 7 и 8,
 кремневые наконечники
 копий — 9-15, бронзовые
 фибулы (кроме № 12-
 железных) -16, Часть
 бронзовой малоберцовой
 кости — 17, Бронзовое
 украшение — 18,
 Любопытный предмет из
 бронзовых стержней — 19,
 Бронзовое кольцо — 20,
 Медный кельт — 21,
 Бронзовый кельт—22-28,
 Бронзовые булавки — 29,
 Фаянсовое веретено—
 завиток — 30, 31 и 36,
 Деревянные поплавки - 32,
 Гарпун из рога — 33,
 Кельтский камень
 (хлормеланит) — 34 и 35,
 Керамика
 № 1 (Торбьера ди Момбелло)
 и 11 (с надписью "Bodio
 Centrale"?) находятся в музее
 в Варезе; 2 и с 4 по 8 после
 Квальи (В. 423); 3, Коллекция
 Кастельфранко; 9, 14, 15, 17,
 19, 23 до 27, 32 и 33,

Коллекция Квалья; 10, Гражданский музей, Милан; 12, 13, 16, с 20 по 22, 28 и 29, Коллекция Регаццони, Комо; 30, 31 и с 34 по 36 после Регаццони (Б. 327); 18 после Маринони (Б. 159).

ТУРБАРИИ БОЗИЗИО, КАПРИАНО И ДР..

51. —	№ 1-7, Кремневые
наконечники стрел - 8,
Кремневые наконечники
копий — 9 и 10, Бронзовые
кельты - 11, Бронзовая
ложка—12, бронзовый нож—
13, бронзовая булавка —14 и
18, Бронзовые фибулы —15 и
16, Бронзовые браслеты —17,
Бронзовая подвеска —19,
Спиральное кольцо из
бронзы
№ . С 1 по 7 Коллекция
Кастельфранко; 8, 9 и 12,
Доисторический музей в
Риме; 10 и 11, Гражданский
музей, Комо; 13 и с 15 по 19, в
честь Маринони (<i>Памятная
записка. Soc. It. di Sc. Nat.</i> ,
том vi.); 14, Гражданский
музей, Милан. | 205 |
|-------|---|-----|

ТУРБАЗЫ МЕРКУРАГО, САН-ДЖОВАННИ И Т.Д..

52. —	Разрез участка торфа,
показывающий
расположение куч	206
53. —	Крышка для фаянсовой
посуды	206
54. —	Кремневые наконечники для
стрел	207
55. & 56. —	Фаянсовые блюда, на
которых видны кусочки
бечевки, прикрепленные к
маленьким ручкам	207, 208
57. —	Часть каноэ	208
58. & 59. —	Два деревянных колеса	208, 209
60. —	№ № 1 и 3, бронзовые
кинжалы — 2, 4-6, 10 и 11,	211

бронзовые булавки — 7 и 8,
 кремневые ножи — 9,
 конические бусины из
 стекловидной пасты — 12, 13
 и 14, керамика — 15,
 бронзовый кулон
 (фаллический) - 16, веретено-
 завиток из мыльного камня —
 17, каноэ и два весла — 18,
 глиняная гиря — 19 и 20,
 каменные кельты — 21,
 Деревянный поплавок от
 рыболовной сети - 22,
 веретено—завиток из
 терракоты - 23, Верхняя и
 нижняя стороны фаянсовой
 крышки сосуда
 Все работы Гастальди (Б. 40,
 168 и 294).

ЛАГОЦЦА.

61. -

№ 1-4, Кремневые ножи — 5 и 214
 6, кремневые наконечники
 стрел — 7, Подвеска из
 стеатита — 8, Каменное тесло
 - 9, Фрагмент льняной ткани
 — 10, Каменный кельт— 11,
 Деревянный гребень — 12-17,
 Различные образцы плоских
 завитушек из темного фаянса
 Номер . с 1 по 4, 10 и с 12 по
 17 из Гражданского музея,
 Милан; 9, Коллекция
 Кастельфранко; остальные из
 доисторического музея в
 Комо.

62. —

№№ 1, 2, 4-6, 8, 9 и 15, 215
 Образцы керамики — 3, 10 и
 13, Фрагменты
 орнаментированных тарелок
 — 7, Фрагмент керамики с
 ручкой блюда с двумя
 поперечными отверстиями —
 11 и 12, Два полированных
 камешка из песчаника с
 царапинами на поверхности
 — 14, Глиняная масса в форме
 почки с перфорацией с обеих

концов -
№ № 1, 8 и 14 из
Гражданского музея, Милан;
11 и 12 имени Кастельфранко
(В. 354); 15, Коллекция
Кастельфранко; остальные из
музея в Комо .

ОЗЕРО ГАРДА.

63. —

Peschiera. (Если не указано 222
иное, все предметы,
представленные на этом
рисунке, изготовлены из
бронзы): Номера с 1 по 5,
Бритвы — 6, Булавка с
двойным стержнем - 7, игла
— с 8 по 18 и с 20 по 27,
Образцы декоративных
булавок — 19, Шейное кольцо
— 28, Гребень-29, Костяной
гребень—30, Кельт с
маленькими крыльями — 31 и
32, Браслеты —33, Серп-34,
Маленькая подвеска из
свинца — 35, шило—36,
долото —

64. —

Пескьера: Номера с 1 по 7, 223
Кинжалы — 8 и с 22 по 25,
Фибулы — 9, Долото—10,
Наконечник копья - 11, Нож
— с 12 по 16, Булавки — 17,
Предмет неизвестного
назначения — 18 и 19,
Рыболовные крючки - 20, 21,
30 и 31, Копья-рыбы — 26,
Маленький крест из олова —
с 27 по 29, Подвески — 32,
Крылатый кельт. (Все
бронзовые, за исключением
№ 26.)

65. —

Пескьера, Минчо и Иль Бор: 225
№ 1-9, Различные орудия
труда и оружие из кремня —
10 и 12-14, Бронзовые
кинжалы-11, Бронзовый
кельт—15, бронзовое
долото— 16, Наконечник
стрелы из бронзы — 17,

Бронзовый нож с
орнаментом - 18, Бронзовый
кинжал— 19, Часть
полированного орудия из
камня — 20, Часть
спиральной проволоки из
бронзы — 21 и 22, Бронзовые
булавки — 23, Бронзовый
штифт—24, Предметы в виде
колеса из бронзы,
предположительно
являющиеся головками
булавок— 25, Бронзовый
колпачок для обуха
деревянной рукояти —от 26
до 30, Керамический - 31,
Наруч из камня

рис. 63, № 3, 4, 5, 21, 24,
26, 27, 29 и 31; Рис. 64, № с 2,
4, 5, 6, 10, 13 по 17, 19, 20, 21,
23, 24, 27, 28, 30 и 32; Рис. 65,
№ с 1 по 9, 16, 17, 19, 25, 27,
28, 30 и 31.

Вена (Музей естественной
истории), рис. 63, № № 1, 2,
9, 12, 15, 17, 18, 25, 30, 32, 33,
35 и 36; Рис. 64, № 18 и 29;
рис. 65, № 10-14 и 21.

Цюрих (антик. Музей), рис.
63, № № 6, 7, 8, 10, 11, 13, 14,
16, 19 и 20; рис. 64, № № 1, 3,
7, 8, 9, 11, 12, 22 и 31.

Верона (Гражданский
музей), рис. 63, № 22, 23, 28 и
34; Рис. 64, № 25 и 26; Рис.
65, № 26 и 29.

Коллекция Рамботти, рис. 65,
№ 18, 22 и 23.

После Каваццокки (В. 355),
рис. 65, № 15, 20 и 24.

ОЗЕРА ФИМОН И АРКУА-ПЕТРАРКА.

66. —

№ 1, Бронзовый кельт—2, 231
Глиняное кольцо — от 3 до 12,
Образцы керамики
№ №. С 1 по 8, после Лиоя (Б.
295); с 9 по 12, после
Корденонса (Б. 464).

ПОЛАДА.

67. —

№ 1, Бронзовый кинжал с
костяной рукоятью — 2 и 3,
Бронзовые кельты — 4-11,
Образцы керамики — 12,
Замечательная пила,
сделанная из четырех
кремней, вставленных в паз в
деревянной рукоятке и
удерживаемых на месте
асфальтом — 13 и 14, Ручки
глиняных сосудов — 15 и 16,
Каменные кельты — 17,
Роговая дубинка или топор —
18, Орудие из оленьего рога
— 19 и 20, Глиняные гири

235

68. —

№ с 1 по 20, Кремневое
оружие и орудия труда — 21 и
32, Костяные пуговицы — 22-
24, Терракотовые лепешки с
орнаментом - 25-27,
Предметы из кости — 28, 29 и
36, Фаянсовые завитушки —
30, Мраморная пуговица-31,
Зуб медведя с перфорацией
— 33, Костяное кольцо с
орнаментом — 34 и 35,
наручи из полированного
камня — 37, Большое блюдо с
круглыми отверстиями — 38,
Большая ваза изящной
формы
Все иллюстрации на рис. 67 и
68 взяты из книги доктора
Рамботти. Коллекция в
Дезенцано.

237

TERREMARE.

68a. —

Керамика из Терремаре в
окрестностях Пармы

241

68b. —

Полулунный или извилистый
Анс, в окрестностях Пармы

242

69. —

Костяной гребень
(викоплодородный)

242

70. —

Костяной круг-украшение,
предположительно

242

	представляющее собой головку булавки (Campeggine)	
71. & 72. —	Орудия из рога и кости (<i>Там же.</i>)	243
73. —	Часть костяной рукояти (Кастион)	243
74. —	Фрагменты костяных орудий (Campeggine)	243
75. —	Дискообразный камень (<i>Там же.</i>)	243
76. —	Бронзовый серп (<i>Там же</i>)	244
77. —	Бронзовый наконечник копья (Баргоне ди Сальсо)	244
78. —	Бронзовый кельт (Кастеллаццо)	244
79. —	Бронзовое шило с костяной ручкой (Campeggine)	244
80. —	Различные формы глиняных веретенообразных завитушек или бусин (<i>Там же.</i>)	245
81. —	Каменная форма (Кастельнуово) а по 81 приведены переводы, подготовленные Лондонским антропологическим обществом для перевода работы Гастальди мистером Чемберсом (Б. 91).	246
82. —	Фотографии, показывающие расположение свай и <i>контраффорте дель</i> <i>Арджинев</i> Кастионе, в честь Пигорини (Б. 407)	253
83. —	№ 1-3, Бронзовые бритвы — 4, бронзовый гребень—5, роговой топорик или стамеска —6, Бронзовое шило с орнаментированной костяной ручкой — 7-11, Бронзовые булавки — 12, 13, 24 и 25, бронзовые топорики — 14-17, каменные формы — 18 и 19, бронзовые кинжалы — 20, Бронзовый наконечник стрелы - 21 и 22, Предметы из	255

глины — 23, Орнамент из известняка
 Все в музеях Пармы и Реджо и найдены на следующих станциях: Монте—Венере (1 и 2), Кампеджине (3 и 7), Киндженто (4), Кастьоне (с 8 по 15, 17 и с 21 по 23), Кассинальбо (16), Скандиано (18, 19, 20 и 25), Кастеллаццо (24).

84. —

№ 1-3, Кремневые орудия — 258
 4, Роговые орудия — 5, 7 и 15,
 Предметы из кости,
 предположительно
 являющиеся наконечниками
 стрел - 6 и 17, предметы из
 рога, предположительно
 являющиеся наконечниками
 уздечек — 8 и 18, посуда из
 рога - 9 и 10, Украшенные
 пуговицы из терракоты -11,
 Верхняя и нижняя стороны
 одной из этих пуговиц — 12-
 14, Костяные гребни с
 орнаментом — 16, Похожий
 на колесо предмет из кости,
 предположительно
 являющийся головкой
 булавки - 19, Длинный
 гребень из рога — 20,
 Костяные булавки — 21 и 22,
 Ручки глиняных сосудов (*anse*
lunate) -23 и 24, Глиняные
 фигурки — 25, Предмет из
 рога - 26, Кость с круглыми
 отверстиями,
 предположительно флейта —
 27, Бронзовый гребень — 28-
 34, Бронзовые булавки
 Все эти предметы из Монтале
 и хранятся в музее Модены,
 за исключением костяного
 гребня № 13, который
 находится в музее Реджо—
 Эмилии; но есть один очень
 похожий на него,
 изображенный Бони, из
 Монтале (В. 421).

85. —

Номера с 1 по 3 и 12,
бронзовое оружие — 4, 13 и
14, бронзовые кельты — 5,
бронзовый серп—6,
каменная форма для колец —
с 7 по 9, бронзовые булавки
— 10, 11 и 15, бронзовые
бритвы — 16, костяной
гребень с орнаментом — 17,
Фаянсовое веретено-18,
костяная булавка — 19 и 23,
Бронзовые предметы — 20 и
21, Бронзовые подвески—22,
головка бронзовой булавки
Эти предметы находятся в
музее в Модене, за
исключением номеров с 12
по 14, 17 и 19, после Коппи (В.
293а) и были обнаружены на
следующих станциях:
Монтале (с 1 по 6), Реду (7, 8,
10 и 15), Горцано (с 9, 11 по
14, 17 и с 19 по 23) и Сан—
Амброджо (16 и 18).

259

86. —

№ № 1 и 2, Костяные гребни
—3, Часть обработанного
рога — 4, Наконечник стрелы
из кости - 5, Ручка глиняного
сосуда — 6, 8 и 9, Бронзовые
штыри — 7, костяной штырь
— 10, 13 и с 19 по 21,
Бронзовые копья и кинжалы
— 11, Кремневый наконечник
копья— 12, Бронзовый нож с
рукояткой и частью лезвия -
14-16, Кремневые орудия —
17 и 29, Глиняные веретена—
завитушки — 18, каменная
пуговица -22, Бронзовый
нож—бритва— 23 ;
Бронзовый наконечник
стрелы - 24, сильно
проржавевший железный
наконечник копья — 25,
Плоское деревянное кольцо -
26, 27, 30 и 31, Фрагменты
керамики —28, Порция
глиняной массы

268

OPPIDUM LA TÈNE.

87. —

№ с 1 по 5, Железные ножны с орнаментом - 6, Кусок железа грубойковки, предположительно предназначенный для меча — 7 и 8, Рукояти мечей — 9-12, Части ножен с различными видами орнамента — 13 и 14, застёжки для подвешивания на нижней стороне ножен. ножны—15, различные вырезанные рисунки, найденные на мечах, предположительно являются знаками изготовителей № 1, 8 и 12 имени Вуги (Б. 428); 3, 4 и 5 имени Келлера (Б. 22 и 126); остальные в музеях Бьенна и Невшателя.

283

88. —

№ 1-6, 11, 12 и 17-21, Наконечники копий различных форм - 7, 10, 13 и 14, Конические наконечники для деревянных ручек копий — 8, 9, 15 и 16, Наконечники для дротиков или стрел. (Все эти предметы из железа) № 7, 10, 15 и 16 из коллекции Вуга, остальные — из коллекций Шваба, Дезора и Гросса.

285

89. —

№ 1, Колпак щита (железный) -2, Рукоять щита (железная) - 3 и 4, Бронзовые украшения щита — 5, с 7 по 11 и 21, Бронзовые украшения для конской сбруи — 6, Железная шпора — 12, Деревянное колесо для телеги с железной шиной — 13, Железное орудие неизвестного назначения - с 14 по 18, Железные уздечки (№ 17 облицован бронзой) -19, Штырь от колеса фургона

287

(железный) -20, Украшение
из тонкой бронзы,
предположительно для
шлема

№ 1, 13, 15, 16 и с 18 по 20,
из коллекции Вуга; с 3 по 5 и
с 8 по 11 (Музей Женевы),
после Вуги (В. 428); 2, Музей
Бьенна; 7 и 17 (Коллекция
Дарделя), после *Антиквы*; 6,
14 и 21, после Гросса (В.
446); 12, после рисования в
Anzeiger, 1882, стр. xxv.

90. —

№ 1-7, Топорики — с 8 по 12 и 289
23, Ножи - с 13 по 14, Зубцы—
с 15 по 17, Ножницы - с 18 по
27 и 28, Бритвы—19, 20, 21,
35, 36 и 38, Различные
предметы хозяйственного
назначения — 22, Молоток —
24, 25 и 29, Ручные пилы - 26,
Заостренные орудия с
широким гнездом — 30-32,
Серпы или косы — 33 и 34,
Стамески —37, Напильники
—39 и 40, Рыболовные
крючки (бронза). Все
предметы изготовлены из
железа, кроме № 40

№ с 3 по 6, 14, 24, 31, 37, 39 и
40, коллекция Vouga; 7, 8, 9,
13, 15, 16, 22 и 29, после
иллюстраций в *Antiqua*, 1884;
1, 18 и 25, в музее в
Невшателе, а остальные в
коллекциях Гросса и Шваба.

91. —

Номера от 1 до 6, утюг 291
fibulae—7, 21, 22, 24 и 25,
бисер—от 8 до 10 и 36
бронзовых штырей—11 до 14,
пинцеты из меди и железа—
15, тупой иглы—16 (золото) и
17 (железо), половинок шее-
кольца—18 и 26, бронза
fibulae—19, бронзовый
футляр, с железной иглой (20)
нашли в ней—23, бронза
кнопка—27, 28, 30 и 32,
Железные пряжки и

застежки—29 и 33, железные кольца—31, небольшой бронзовый топор—34, браслетов, железо—35, железный обруч под № № 7, 17, 31 и 32, в музей Шваб; 16, музея в Невшателе; все остальное после Вога (Б. 428), или в свою коллекцию.

92. —

№ 1, с Железный цепи (банк- 295
вешалка)-2 и 10 золотых монет—от 3 до 9, и 11, монеты из серебра, бронзы, и *Потин*-12 (бронза), 13 и 14 (костный), кости—15, железное кольцо, прикрепленное—16, бронзовая фигура—17, небольшое бронзовое колесо, должен был использоваться в качестве денег—18, бронзовый кубок—19, большой бронзовый котел с железной оправе и ручки—20, утюг ковш—21, Бронза объект, похожий на трубочный табак под № № 1, 10, 15, 17, 19 и 21, после брутто (Б. 446); 8, после Decor (Б. 95); от 12 до 14, до 18, от *Антиква*, 1886; остальное после Вога (Б. 428).

ОЗЕРО ПАЛАДРЮ.

93. —

№ 1, в половине браслет 301
сделаны из свинца—2, одна сторона железного ножницы—3, железный нож—4, железо копья-Глава—5 и 6, подковы—7 и 8, железные цепи и скобы—9, железным ключом—10, железо Карри-расческа—11, железный топор—12, железные шпоры—13 и 16, деревянные поплавки—14 и

15, кость счетчики—17,
деревянным молотком—18,
22 и до 24 лет, Керамика—19,
деревянная ложка—20, кусок
дерева, как бобины—21,
деревянный гребень
после Шантрье (Б. 193).

MAESTRICHT.

94. —

Костяное и роговое оружие 305
Убагов (В. 413)
Размеры [см. на стр. 304.](#)

ВИСМАР И ЭГЕЛУВ.

95. —

№ 1 и 10, Кремневые 309
кинжалы — 2, кремневые
долота или топорик — 3 и 6,
Полированные кремневые
топоры — 4, 7, 16 и 17,
Перфорированные каменные
топоры — 5, Каменный
пестик — 8, Каменная ступка
— 9, Фрагмент керамики
темного цвета — 11 и 12,
Полулунные кремневые пилы
или ножи — 13-15, Предметы
из кости и рога — 18,
Точильный камень — 19,
Веретено-мутовка (глиняная)
-20, Кремневый наконечник
стрелы
№ 5, 7, 8 и 19, по Лишу (Б.
100), а остальное в музее в
Шверине.

ПЕРСАНЦИГ И ФРИЗАК.

96. -

№ 1, Железное кольцо—2, 318
Железный топорик—3 и 4,
Фрагменты керамики—5,
Глиняное кольцо — 6-9,
Фрагменты рабской
керамики того типа, что
найден в Бургвалле
№ № . с 1 по 5 в музее
Маркиша и с 6 по 9 в музее
Фолькеркюнде в Берлине.

ШПАНДАУ, БЛИЗ БЕРЛИНА.

97. — № 1-3, Бронзовые кельты — 4 320
и 17, Бронзовые наконечники
копий - 5, 6, 7, 12 и 13,
бронзовые кинжалы — 8-11,
Бронзовые мечи — 14, Что—
то вроде пилы из рога — 15 и
16, Каменные шары — 18,
Украшенный бронзовый
"командный нож" (?)
Имени Фриделя (Б. 396). Все
предметы находятся в музее
Фолькеркюнде в Берлине.

ЧЕШЕВО, ОБЪЕКТИВЕ И др. (ПОЗЕН).

98. — № № 1 и 2, 322
Перфорированные каменные
топоры — 3 и 8, Глиняные
кольца — 4, Костяной
указатель — 5, Фрагмент
фаянсовой кофеварки — 6 и
7, Кремневые кельты — 9,
Бронзовое шейное кольцо -
10, Серебряное шейное
кольцо — 11, Бронзовая
булавка, часть малоберцовой
кости -
№№ 10 и 11 имени Келера (В.
430), остальные предметы из
Археологического музея в
Познани.

ОЗЕРА АРЫСЬ И КОВНАТКЕН.

99. — № 1-7, Костяные орудия — 8, 327
9 и 13, Кремневые скребки —
12, Каменные кельтские — 10
и 11, Глиняные сосуды — 14,
Полировщик или конек
пястной кости лошади
Все в Музее Пруссии,
Кенигсберг.

ТЕРП-КУРГАНЫ (ЗАПАДНЫЕ ФРИСЛАНДИЯ).

100. — №№ 1, с 16 по 19 и 30, 341
костяные гребни — 2, 3, 6 и
22, глиняные веретена-
завитушки и грузила (?) - 4, 20
и 23, Образцы фаянса — 5 и

15, бронзовая посуда — 7,
 Костяной предмет — 8,
 Бронзовые ножницы — 9,
 железный молоток— 10 и 11,
 костяные ручки — 12,
 костяное кольцо,
 украшенное вырезанными
 кругами — 13 и 24, роговые
 орудия —14, бронзовый
 гребень —21, костяной
 счетчик—25, костяная
 пуговица, украшенная
 вырезанными линиями — 26
 и 28, костяные булавки —27,
 Костяное украшение—29,
 Костяная игла
 № 25 и 29 находятся в
 Национальном музее в
 Эдинбурге, а все остальные -
 в музее в Леувардене.

101. —

Железная уздечка,
 найденная в кургане терпов в
 Ахлуме (ныне в
 Национальном музее,
 Эдинбург)

342

ИРЛАНДСКИХ КРЭННОГА.

102. —

Лагор: Кость с резными
 узорами (*Кат.*, стр. 346)

352

103. —

--- Различные железные
 предметы (Б. 10, стр. 104,
 105)

353

104. —

--- Топор и ковш из железа,
 горшок и два бронзовых
 штыря (*Там же.*, кроме
 булавки с кольцевой
 головкой, которая из *Кат.*,
 стр. 560)

354

105. -

— Костяной гребень, три
 стеклянные бусины,
 бронзовый кинжал (*Кат.*,
 стр. 163 и 165, 271 и 467) и
 фрагмент бронзовой
 переплетенной работы (Б. 10,
 стр. 105)

355

106. -

--- Различные железные
 орудия
 Все в музее Королевской

356

	ирландской академии.	
107. —	Лох-Гур: Каменная форма для бронзовых наконечников копий (<i>Археологический журнал</i> , том хх. стр. 170)	358
108. —	Баллиндерри: Три костяные булавки, костяной гребень и бронзовый пинцет (<i>Кат.</i> , стр. 271, 333, 334, 549)	360
109. —	- Каменные амулеты с орнаментом (Б. 391, стр. 197)	360
110. -	-Костяные или роговые булавки, украшенные вырезанными кругами,	361
111. —	и символы, предположительно являющиеся огами (<i>Там же.</i>)	362
112. —	--- и Строкстаун: Орнаментированные костяные предметы (<i>Кат.</i> , стр. 342)	362
113. —	Лох Фоган: Глиняный кувшин (<i>Кат.</i> , стр. 158)	363
114. —	Ардакиллен: Раздел кранного в (<i>Кат.</i> , стр. 226)	364
115. —	Драмалига: План кранного в (<i>Кат.</i> , стр. 228)	364
116. —	Клунфинлаф: Бронзовое блюдо, украшенное изнутри (<i>Кат.</i> , стр. 533)	367
117. —	--- № с 1 по 14, Бронзовые булавки — 15, костяная булавка—16, бронзовый предмет —17, Бронзовый кинжал—18, железные ножницы —19, железный нож—20, костяной прилавок — 21, Кольцо из заусенцаоленьего рога —22, Кожаный башмак	368
118. —	Штрих—код: вырезанные из кости рисунки, три из которых показаны в натуральную величину (<i>Кат.</i> ,	369

	стр. 345	
119. -	-Костяной гребень (<i>Кат.</i> , стр. 271)	369
120. —	Ардакиллен: Бронзовая брошь (<i>Кат.</i> , стр. 476)	369
121. —	Лох Скур: Каменная форма для бронзовых топоров (<i>Кат.</i> , стр. 91)	370
122. —	Рэндалстаун: № 1, бронзовый нож; 2, Бронзовое блюдо — 3, железный топор—4, Серебряная брошь — 5 и 6, Бронзовые броши — 7, стеклянная бусина — с 8 по 13, Бронзовые булавки —14, сосуд из рога № 3 и 14, в Музее Королевской ирландской академии; 1, 2 и с 9 по 13, в Музее Белфаста; 4, в честь Паттерсона (В. 215); 5, 6 и 8, из <i>Ольстерского археологического журнала</i> , тома iv, стр. 269 и vi, стр. 103 .	371
123. —	Лиснакрогера: № 1, Концевые части бронзовых ножен для меча -2, Потертость части украшенных бронзовых ножен для меча—3, Концевые части бронзовых ножен для меча-4, Бронзовые ножны для меча в двух частях № 3, в Британском музее, а остальные в коллекции Кэнона Грейнджера; № 4 в честь Уэйкмана (В. 411).	381
124. —	— № 1 и 2, Железные мечи —3, Железный наконечник копья-4 и 5, Железный топор и тесло-6 до 9 и 17, Бронзовые кольца - 10, Бронзовое блюдо — 11, 12 и 14, стеклянные бусы - 13, янтарная бусина — 15 и 16, бронзовые предметы — 18, 19, 20 и 22, Бронзовые	383

украшения — 21, Верхушка
 бронзовой заклепки — от 23
 до 25, Бронзовые
 наконечники — 26,
 Бронзовая заклепка с
 зазубринами — 27,
 Бронзовый наконечник
 рукояти — от 28 до 30,
 Бронзовые набалдашники
 для рукоятей копий
 Номера 1, 3, 5, 10 и от 28 до
 30 находятся в Британском
 музее, остальные в
 коллекции Кэнона
 Грейнджера.

125. — Лох—Морн: № 1, Железный 387
 топор — 2, Глиняный тигель с
 выступающей частью в виде
 рукояти — 3, каноэ—4,
 Кормовая половина каноэ-5,
 Сиденье в № 4-6, Часть № 4 с
 выступами, оставленными
 цельными для поддержки
 сиденья.
 № 1 находится в частном
 хранении, остальное в музее
 Белфаста.

ШОТЛАНДСКИЕ КРЭННОГИ.

N.B.—Иллюстрации, отмеченные таким образом, (*) взяты из гравюр на дереве в коллекциях
 Эйра и Галлоуэя. Археологическая ассоциация.

126. — Лох Доуолтон: бронзовое 399
 блюдо, вероятно, римское (В.
 94)
127. — --- Бронзовое блюдо из 400
 тонких листов; клепаное (*Там
 же*)
128. — --- Бронзовое блюдо из 400
 ковanej бронзы (*Там же.*)
129. — --- Ручка с кольцом и часть 400
 блюда из бронзы
130. — --- Бронзовая кольцевая 401
 брошь и бронзовый орнамент
 с отверстиями в форме трубы,
 вероятно, для эмали (*Proc.
 Soc. Antiq. Шотландец.*, том
 iii., N.S., стр. 155)

131. —	————	401
132. —	--- Часть браслета из беловатого стекла *; то же самое из стекла с прожилками; бусина из синего стекла с бронзовой сердцевинкой (Б. 94); 4 Бусины (две покрыты зеленоватой глазурью, одна с красными пятнами, а другая с прожилками)	402
133. —	--- Часть кожаного башмака с чеканным рисунком (Б. 94)	403
134. —	--- Небольшая часть самийской посуды * и примерно половина глиняного тигля	403
135. —	--- Лохли: общий вид участка кренного	404
136. * —	--- Врезная балка с частью стойки и деревянным колышком	405
137. —	--- Эскиз, показывающий врезные балки в положении	405
138. —	--- Рифленые и врезные балки, лежащие поверх бревенчатого покрытия	406
139. -	---- Перпендикулярный разрез через три нижних очага, показывающий конструкцию третьего очага и слоистые отложения под ним	407
140. -	---- Отшлифованный песчаник (<i>Proc. Soc. Antiq. Шотландец.</i> , том iii., N.S., стр. 248)	411
141.* —	--- Верхний гранитный камень; часть камня с концентрическими кругами в форме чаши; два веретенообразных завитка; кремневый скребок и отщеп; и полированный каменный топорик	412
142.* -	---- Костяная игла, набедренная повязка,	413

	крючок, кинжал с носком и дубинка из оленьего рога	
143.* -	--- Деревянный поднос	413
144.* -	--- Кусок ясеня,	414
145.* -	с резным рисунком с обеих сторон	415
146.* -	Лохли: деревянный молоток, двойная лопатка и железный топор	416
147.* -	—— Железный инструмент с тремя зубцами, железные ножницы (<i>указ. соч. Antiq. Шотландец.</i> , том iii., N. S., стр. 248) и бронзовой лопаточкой	416
148.* —	——	417
149.* —	--- Удила для уздечки, частично железные, частично бронзовые	417
150.* -	---- Бахрома из стеблей мха и кусок толстой кожи с медными гвоздями	418
151.* —	Водосточные трубы: Фрагмент каменного диска и кремневый скребок	423
152.* —	--- Костяное долото со следами использования	423
153. —	——	424
154.* —	--- Часть чаши из самийской посуды	424
155.* —	--- Фрагменты керамики	424
156. —	--- Коническое украшение из горного хрусталя, стеклянная бусина, кольцо и подвеска из гагата	425
157.* —	Бустон: Общий вид кранного, обращенный на север. Вода на переднем плане указывает на расположение навозной кучи. (С фотографии мистера Лори)	427
158.* —	--- Часть северной стороны кранного, с вырытым пространством между внутренним и вторым кругами	428

	свай, что позволяет увидеть расположение врезных балок, образующих частокол, и структуру верхней части острова. (С фотографии мистера Лори)	
159.* —	--- Вид каноэ <i>на месте</i> сразу после экспонирования. (По рисунку миссис Анструзер)	429
160.* —	--- Кремневый нож и глиняный тигель	430
161.* —	--- Четыре костяные булавки, одна украшена клетчатым рисунком (Б. 373, с. 216), а другая в незаконченном состоянии; костяная игла; и бронзовая булавка с голубой стеклянной бусинкой в качестве верхней оправы	430
162.* —	- Костяной гребень, украшенный концентрическими вырезанными кругами, причем обе стороны одинаковые	431
163.* -	—— Железный наконечник топора	432
164.* -	—— Часть железного висячего замка (см. Сноску [100]), бронзовая брошь, небольшой железный предмет, раздвоенный на одном конце, и наконечник копья с носком	433
165.* -	——	433
166.* -	—— Фрагмент керамики с коротким носиком	434
167.* -	Страна Эйрриоулланд: алые бусины стекловидной пасты	435
168.* —	—— Фрагмент глиняного тигля и бронзовая пуговица	436
169.* -	Бархатец: кусочек гагата или каннелевого угля	437
170. —	Повозка монаха: перфорированный каменный топор	440

171. —	--- Фрагменты керамики с полосами небольших углублений	441
172. —	Озеро Карлингварк: Большой бронзовый котел (<i>Proc. Soc. Antiq. Шотландец.</i> , т. vii. стр. 7 и х. стр. 286)	444
173. —	Ледайг: Деревянная расческа (<i>Там же, т. х, стр. 82</i>)	446
174. —	Лох-инч-Криндил. Костяной гребень	447
175. —	Барлокхарт и Мачмор: Каменное кольцо (<i>Там же.</i> , том xv, стр. 268) и каменное орудие с выдолбленной поверхностью с каждой стороны (<i>Там же.</i> , том xiv, стр. 127)	448
176. —	Костяные гребни для сравнения с гребнями из озерных жилищ	453

АНГЛИЙСКИХ ОЗЕРНЫХ ЖИЛИЩ.

176a. —	Холдернесс: № 1 и 2, Сломанные части длинных костей с отверстиями для рукояти и использованные в качестве орудий труда — 3, Кремневая пила—4, Бронзовый наконечник копья - Из предметов, находящихся во владении Т. Бойнтон, ЭСКВАЙР.	473
---------	--	-----

СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПРЕДМЕТА, НАЙДЕННЫХ В БРИТАНСКИХ ОЗЕРНЫХ ЖИЛИЩАХ.

177. —	Передняя половина каноэ, найденная в озере Лох-Артур или Лотус, Кирккадбрайтшир (<i>Proc. Soc. Antiq. Шотландец.</i> , т. xi. стр. 21)	480
178. —	Каноэ найдено в озере Лох-Канмор, Абердиншир (В. 94)	481
179. —	Бронзовый (латунный) сосуд, найденный в озере Лох-	483

	Канмор (<i>Там же.</i>)	
180. —	Костяной столовый человек, найденный в озере Форфар (<i>Там же.</i>)	484
181. —	Бронзовые (латунные) горшки, найденные в озере Банчори (<i>Там же.</i>)	484
182. —	Бронзовый (латунный) горшок и кувшин, найденные в озере Банчори	485
183года. —	Вид поверхности острова Лох-оф—Банчори, показывающий фундамент каменного здания (<i>Там же.</i>)	485

РАЗЛИЧНЫХ ПРЕДМЕТОВ, ИЛЛЮСТРИРУЮЩИХ КУЛЬТУРУ И ЦИВИЛИЗАЦИЮ ЖИТЕЛЕЙ ОЗЕРА.

184. -	№ 1, Деревянное коромысло (Винельц) -2, Глиняная лепнина для стен коттеджа (Робенхаузен) -3, Глиняный тигель (Мондзее) -4, Деревянный забойщик свай (Кортайлод) -5, Фрагмент керамики, украшенный кусочками бересты (Мусседорф) -6, Каменный топор-молоток, сломанный до завершения перфорации (Баушанце) -7, Каменный топор с овальной перфорацией (<i>Там же</i>) -8, Часть глиняной воронки, почерневшая от сажи (озеро Бурже) № 1 и 2, в Кантональном музее, Берн; 3, в коллекции доктора Мача; 4, после <i>Анцайгера</i>, 1881, стр. х.; 5, после Келлера (В. 336); 6 и 7, в Античном музее. Музей, Цюрих; 8, в музее в Экс-ле-Бен.	499
185. —	№№ 1, 8, 10, 13 и 14, Рукояти из дерева с различными формами крепежного камня и плоские бронзовые топоры— 2, 5, 6, 9, 11, 26 и 27,	503

Предметы из рога и кости —
3, 16 и 17, Кремневые пилы в
рукоятках — 4, Кирка из
оленьего рога — 7, Зубец из
оленьего рога,
вмонтированный в
деревянную рукоятку — 12 и
18, Маленькие
орнаментированные
коробочки из оленьего рога
— 15, Перфорированный
топор из оленьего рога — 19,
Гребень из полосок тисового
дерева — 20,
Перфорированный кругляш в
виде человеческого черепа
(*Zeit. für Ethn. Verhänd.*, вып.
xviii. с. 368) -21 и 22,
Маленькие
перфорированные кости —
23, Ископаемый аммонит с
гор Юра, перфорированный
для подвешивания — 24,
Бусины из оленьего рога —
25, Деревянная доска,
пробитая болтом и имеющая
размеры тринадцать на
шестнадцать дюймов (Б. 336,
с. 48) -28, Нефритовый нож—
29, Долото из нефрита
Эти предметы находятся на
следующих станциях: —
Локра (1, 7, 11 и 28), Сент-
Обен (2, 3, 5, 6 и 9), Констрик
(12 и 20), Кастионе (13),
Мондзее (14, Коллекция
доктора Мача), Воллисхофен
(15 и 18), Сипплинген (16,
Музей Фридрихсхафена),
Винельц (10, 17 и 19),
Офелиплатце (с 21 по 24, см.
Б. 462), Шаффис (4, 25 и 29),
Герлафинген (26), Суц (27).
Номера 1, 7, 19, 28 и 29 после
Гросса (Б. 392); 2, 5, 6, 9 и 15,
Музей Цюриха; 3, 11 и 12,
имени Келлера (В. 286); 4, 10,
17, 26 и 27, Кантональный
музей, Берн; 8, Музей в

	Авенше.	
186. —	№ 1-5, 7 и 9, Различные формы бронзовых мечей —6, Часть меча с железным клинком и рукоятью (несовершенной) из бронзы, украшенной инкрустированными полосками железа —8 и 11, Бронзовые кинжалы —10, Замечательный двойной кельтский медный нож длиной четырнадцать дюймов с небольшим отверстием	517
187. —	Деревянная рукоятка и бронзовый серп из Мерингена, после Гросса (Б. 392)	519
188. —	№ 1, Бронзовый браслет с перфорацией (из Овернье и после Гросса, Б. 392) -2, Бронзовое круглое кольцо (Воллискофен) -3, оловянный браслет (Монтилье) -4, бронзовый браслет (Билер Инсель) -5, Открытый браслет со спиральными концами (Меринген) -6, Бронзовый браслет, украшенный инкрустированными железными полосами (Меринген) -7, Орнаментированная бронза браслет (Овернье) № 1, 5, 6 и 7, коллекция Брутто; 2, Музей Цюриха; 3, музей Шваба; 4, Кантональный музей, Берн.	520
189. —	№ 1-3, Бронзовые подвески (Opens) -4 и 5, Бронзовые булавки (озеро Бурже), по Перрену (Б. 282, с. 187)-6, Двухколесное украшение из олова (Овернье), из	521

Анцайгера, 1881-7, Подвеска из олова (Овернье) -8, Золотая подвеска (Меринген), по Гроссу (Б. 286)-9, Бронзовая трубка с двумя булавками, № 10 и 11 (озеро Бурже), по Рабуту (Б. 138) -12, Брусок жести с перфорацией (корсеты) -13, Бронзовое украшение (Отерив) -14, Бронзовая подвеска (Овернье) -15, Иглодержатель керамический (Меринген) -16, Бронзовая подвеска-бритва (Отерив) -17, Бронзовая подвеска в виде колокольчика (Меринген), в Цюрихском музее -18, Бронзовый предмет (Овернье) -19, Часть бронзовой малоберцовой кости -20, Бронзовое блюдо скандинавского типа. Эти два предмета находятся в музее Лозанны и представлены здесь в честь Монтелиуса (В. 348) № . с 1 по 3, 13 и 14, в музее Невшателя; 7, 8, 12, 15, 16 и 18, в коллекции Брутто.

190. —

Бронзовый нож (коллекция доктора Эванса) с озера Бурже

524

191. —

№ 1, Полный наконечник из рога для уздечки (корсеты) -2, Боковые части из рога для уздечки (Montale) -3 и 4, То же самое (Меринген) -5 и 6, То же самое из бронзы (Меринген) -7, Полный конский наконечник из бронзы (Меринген) -8, То же самое (корсеты)-9, Два бронзовых наконечника для удила для уздечки (Estavayer) -10, Часть бронзовых перил колесницы (Estavayer) -11 и 12, Бронзовые диски,

525

- предположительно
служившие украшениями для
конской сбруи (Auvernier) -13,
Часть диска, слегка
изогнутая и
перфорированная в центре
№ 1, в честь доктора Бриера
(В. 463а); 2, в честь доктора
Бони (В. 421); 3 и 4, в
Кантональном музее, Берн; 5,
6, 7, 9 и с 11 по 13, в
коллекции Гросса; 8, в Музее
Лозанна; 10, в музее
Фрибурга.
- 192. —** Бронзовое зеркало из 528
Порталбана (В. 420, стр.
xxxix.)
- 193. —** № 1, Четверть фаянсовой 530
тарелки с симметричными
отверстиями (озеро Бурже) —
2, То же самое, с орнаментом
из полосок олова (Кортайо) -
3, Фрагмент керамики,
заштопанный полосками
олова — 6, Ваза с
аналогичным орнаментом
(Отерив) -7, 8 и 10,
Игрушечная посуда
(Овернье) -9, Детская
погремушка из глиняная
посуда (Меринген)
№ 1 в Британском музее; 2 в
музее Шваба; 3 и 4 в музее
Экс-ле-Бен; 5 в музее
Шамбери; 6 в музее
Невшателя; 7, 8 и 10 в
коллекции Гросса; 9 в
Кантональном музее, Берн.
- 194. —** Дискообразный камень, 531
распространенный в
бронзовом веке
- 195гг. —** № 1 и 2, Деревянные *батоны* 532
командования (Кастионе) -3,
То же самое (Меринген) -4,
Бронзовая трубка с
прикрепленными кольцами
(Бурже) -5 - 8, Глиняные
изображения (Лайбах)-9 и 10,

Глиняные фигурки (озеро Бурже) -11, Клеймо на глиняной посуде с крестом или свастикой-12, Куски глиняного гипса с такой маркировкой (озеро Бурже)-13, Фигурка, похожая на утку, украшенные оловянными полосками (Hauterive) -14, Глиняные фигурки, похожие на свинью (Корсеты) -15 и 16, Бронзовые фигурки (Bodmann) -17, Полумесяц (озеро Бурже) -18, То же самое (Меринген) -19, То же самое (Hauterive)
 № 1 и 2, после Штробеля (В. 328е); 3, после Гросса (В. 286); 4, в ресторане Lacustre, Порт (Экс-ле-Бен); 5-8, в музее в Лайбахе; 9 и 10, после Косты (Б. 176); 11 и 12, после Перрена (Б. 282); 13, из *Ансайгера*, 1881; 14, в коллекции Гросса; 15 и 16, в музее Штайнхауса, Уберлингер; 17, в Британском музее; 18, в Кантональном музее, Берн; 19, в музее в Женеве.

196. —

№ 1, Бронзовая булавка—2, 540
 бронза (медь?) бусина — 3,
 Костяной диск — 4 и 5,
 Бронзовые браслеты —6,
 Бронзовое кольцо—7,
 Бронзовое украшение — с 8
 по 11, Бронзовые браслеты—
 12 и 13, Бронзовые булавки
 —14, Фаянсовая ваза
 № . с 1 по 7, после Гросса (Б. 286); 8 и 9, из *Antiqua*, 1884; с 10 по 14, после Келлера (Б. 336).

197. —

Железный топор с частью 544
 деревянной рукояти (Bieler Insel), в Кантональном музее, Берн,

198. —

Железный наконечник копья, 544

	украшенный бронзой или медью (озеро Бурже), в музее Шамбери	
199. -	№ 1, Бронзовый шлем с "позднекельтским" орнаментом (Берру) -2, Бронзовый шлем с ладовым орнаментом — 3 и 4, фрагменты стеклянных браслетов (Градишт) -5, Бронзовая малоберцовая кость (Ла Тен) -6, Бронзовая малоберцовая кость (Градишт) -7, Железный наконечник копья (Нижний Тиль), украшенный рисунком из ладов, спиралей и бегущих завитков с каждой стороны (рисунки показаны вдвое меньше первоначального размера) - 8, Железный наконечник копья — 9, Бронзовый орнамент с участками красной эмали - 10 и 11, Бронзовые фибулы - 12, удила для уздечки —13, золотой браслет —14 и 15, Бронзовые запонки для конской сбруи — 16, Железный меч -17 и 18, Костяные жетоны (Градишт) № 1 в честь Бертрана (<i>арх. Кельт. et Gauloise</i>); 2, и с 8 по 16, после Фурдринье (<i>Культура Голуаз де ла Ущелье-Мейе</i>); 3, 4, 6, 17 и 18 - после У. Осборна (см. стр. 549); 5 и 7 - после Воуги (Б. 428).	547

ЭСКИЗЫ -КАРТЫ, ПЛАНЫ, РАЗРЕЗЫ И Т.Д.

	Страница
Плана озерных жилищ на озерах Цюрих, Пфеффикон, Грайфен и Цуг	9

План озерных жилищ на озерах Бьен, Морат и Невшатель; также показаны поправки к Юре	23
Распределение озерных жилищ в Кортайлод	45
Схема-схема берега озера Невшатель, недалеко от Беве, показывающая взаимное расположение станций каменного и бронзового периодов	50
Схема - карта, показывающая станции на Женевском озере	86
Карта-эскиз, показывающая станции на озере Бурже	95
План озерных жилищ на Боденском озере	129
Эскиз пустоши Лайбах, показывающий расположение озерных жилищ	171
Карта-эскиз, показывающая озерные жилища на озере Варезе и окрестностях	189
План и участки террамары в Горцано	263
Карта-эскиз, показывающая распределение озерных жилищ и терремаре в восточной части Женевы. долина По	266
План обитающих на озере в Персанцигзее	314
План и участки Краннога в Лохли	416, 417

Первая лекция.

ПОСЕЛЕНИЯ На ЦЮРИХСКОМ озере, В ЗАПАДНОЙ ШВЕЙЦАРИИ И ФРАНЦИИ.

Исследования геологов в начале нынешнего столетия, кульминацией которых стала публикация "Принципов геологии" сэра Чарльза Лайелла, не только опровергли существующие теории относительно прошлой истории нашего земного шара, но и произвели революцию в самих формулах, на которых эти теории были основаны. Влияние этого радикального отказа от устаревшего оборудования в геологии вскоре распространилось на смежные науки, и одной из первых, кто извлек выгоду из усовершенствованных методов, была археология. Первое крупное применение научных методов к доисторическим исследованиям было сделано на севере Европы. Скандинавские ученые, пытаясь проникнуть в раннюю историю своего народа, нашли в его сагах и других мифологических баснях так мало достоверной информации, что они вообще отбросили их как бесполезные или вводящие в заблуждение. Пораженные элегантностью и красотой каменного оружия и орудий труда, столь в изобилии разбросанных по стране, они ухватились за идею, которая иногда ранее обсуждалась писателями в других странах, но до сих пор никогда всерьез не рассматривалась, что было время, когда люди были совершенно невежественны в использовании металлов и в ведении своей общественной деятельности должны были зависеть исключительно от таких инструментов, которые могли быть изготовлены из камня, рога, дерева и т.д. Вскоре после этого они связали с этой идеей другую, которая, как показал опыт, также основана на точном наблюдении, а именно. что их самые ранние металлические предметы были сделаны из почти однородного соединения меди и олова, известного как бронза. Утверждалось, что железо не было известно в стране в течение нескольких столетий после этого; но, с другой стороны, когда оно стало известно, оно постепенно вытеснило бронзу при изготовлении всех режущих инструментов и оружия из-за его превосходных качеств для таких целей.

Эти простые наблюдения в руках скандинавских ученых послужили основой для новой системы классификации, которая с тех пор стала такой знакомой во всем мире, как три эпохи камня, бронзы и Железа. Его принятие доктором Томсеном в 1830 году в качестве основы для систематизации доисторических материалов в Музее северных древностей в Копенгагене, а несколькими годами позже - в музеях Лунда и Стокгольма знаменует начало новой эры в истории доисторической археологии. Другие нации не замедлили последовать по стопам северных ученых, и это новое направление было доведено до такой степени, что по крайней мере на какое-то время все предметы старины были классифицированы как относящиеся к той или иной из так называемых эпох на основании простого знания их состава. Очарование этой новой доктрины было настолько завораживающим, что прошло некоторое время, прежде чем даже опытные археологи смогли увидеть ошибочность строгого соблюдения такого метода расположения предметов; как будто в тот момент, когда стало известно о бронзовом или железном орудии труда, производство его аналогов из низших материалов тут же прекратилось навсегда. Таким образом, признавая, что хронологическая последовательность трех эпох, определенная в Скандинавии, в целом верна и справедлива также для европейских стран, я считаю в корне неправильным предполагать, что соответствующие эпохи, обозначаемые этими последовательными стадиями цивилизации, особенно в районах, далеко разделенных, идентичны по времени. Многие местные обстоятельства в стране, такие как бедность людей, их изоляция и удаленность от коммерческих магистралей и т.д., Часто настолько способствовали сохранению обычаев, которые в других местах устарели и полностью вытесняются, что хронологическое сравнение

прогресса цивилизации, определяемого тремя эпохами, становится запутанным, если не вводить в заблуждение, применительно к другим странам. Следовательно, вопрос сводится к следующему: каждая четко определенная археологическая или географическая область должна для себя установить хронологическую последовательность и продолжительность этих эпох.

Но какова бы ни была ценность этой системы применительно к объяснению ранней европейской цивилизации, несомненно одно — она стала средством пробуждения во всем мире огромного интереса к археологическим исследованиям. Отныне первобытные древности любого описания, мельчайшие "беспризорники" человечества, вещи, которые ранее полностью игнорировались, теперь были жадно собраны, описаны и каталогизированы; и в каждом центре разведки были основаны общества и журналы с явной целью проследить по вновь обнаруженному следу доисторического человека. С тех пор проблема места человека в природе в значительной степени вышла на передний план, и теперь ее решение требуется всем разделам науки и всем законным методам рассуждения. Среди тех, кто посвятил свою энергию изучению и разъяснению археологического аспекта этой проблемы, был ученый Фердинанд Келлер, президент Ассоциации антикваров Цюриха, которому мир обязан одним из самых замечательных археологических открытий этого столетия — открытием, которое по своим последующим результатам уникально разнообразием и богатством материалов, с помощью которых оно проиллюстрировало ту уникальную, но долгое время неизвестную и забытую фазу доисторической цивилизации в Европе, результатом которой стала привычка строить жилища в озерах, болотах и т.д. Это открытие доктора Келлера не носило характера счастливой находки, оно было результатом чисто ментального процесса — искры высшего интеллекта, — которому, я не сомневаюсь, способствовало его знание тех самых скандинавских доктрин, о которых я только что упомянул.

В странах, озера и реки которых питаются от покрытых снегом гор и ледников, наблюдается, что их уровень воды в наибольшей степени уменьшается зимой, когда часть ее запасов временно приостанавливается в виде льда. Это явление необычайно усилилось в Швейцарии зимой 1853-4 годов, настолько, что уровень ее озер опустился ниже, чем когда-либо прежде. Некоторые жители деревни Обер-Мейлен, расположенной на восточном берегу Цюрихского озера, воспользовались этим обстоятельством, чтобы расширить свои виноградники, восстановив участки открытого берега, которые они обнесли каменными стенами и заполнили это пространство грязью, чтобы сделать ее поверхность выше обычного уровня озера. В ходе этих операций рабочие наткнулись на верхушки деревянных свай, вокруг которых были части оленьих рогов, каменные топоры и другие орудия труда (рис. 1), что вызвало у них некоторое любопытство. Это событие, однако, не было единичным в округе, поскольку предметы подобного характера несколько раз встречались на берегу озера; и даже в этом же месте в 1829 году, когда углубляли маленькую гавань деревни, среди вынутого грунта были обнаружены обломки прогнивших свай, а также орудия труда из камня и рога. Однако они не были сочтены достаточно ценными, чтобы их можно было вытащить из ила, так что вместе с ним их унесло и повторно поместило на большую глубину. Также в Меннедорфе, деревне в нескольких лигах выше по озеру, зимой 1843-1844 годов, когда расширялась его гавань, были сделаны аналогичные открытия. По этому случаю были собраны некоторые реликвии и отправлены в Цюрихский музей, где их можно увидеть до сих пор. Действительно, эти и другие зарегистрированные случаи вылова антикварных останков из швейцарских озер ни в коем случае не являются исключительными событиями; но какими бы наводящими на размышления они ни казались сейчас, все они не смогли пробудить в умах тех, кто их наблюдал, того великого вывода, который навсегда свяжет имя Келлера с

озерными жилищами Европы. По этому случаю школьный учитель деревни Обер-Мейлен, мистер Эппли, чей дом находился неподалеку, счел находку достаточно важной, чтобы довести ее до сведения Ассоциации антикваров Цюриха, что он, соответственно, и сделал в январе 1854 года. Так на месте происшествия появился доктор Келлер. В результате последовавшего впоследствии расследования были установлены следующие общие факты.

(а) *Состав дна озера.*—Первым, или самым верхним, был слой желтоватого ила толщиной от 1 до 2 футов, смешанного с округлой галькой и во всех отношениях похожего на то, что откладывалось в неглубоких углублениях озера поблизости. Под этим был слой черноватой грязи, смешанной с разложившимися органическими веществами, толщиной от 2 до 2 с половиной футов, в котором виднелись верхушки куч и были найдены все реликвии. Третий слой был по составу несколько похож на первый и, как и он, за исключением глубоко проникающих куч, был лишен остатков старины.

(b) *Расположение штабелей и т.д.* Точные размеры площади, занимаемой сваями, определены не были, но она оказалась значительной и тянулась вдоль берега в пределах нескольких морских сажений от обычной отметки воды. Сваи были сделаны из разных пород дерева — наиболее распространенных дуба, бука, березы и пихты - и различались по толщине от 4 до 6 дюймов. Иногда использовались целые стебли, но чаще их разделяли на половинки или четвертинки. Они располагались на расстоянии около 1½ фута друг от друга и имели своего рода систематическое расположение рядами, параллельными пляжу. Некоторые сваи были вытащены, и было обнаружено, что их кончики заострены тупыми инструментами, зазубрины которых, по оценке опытных плотников, осмотревших их, были точно такими же, как те самые каменные орудия, собранные вокруг них.

(с) *реликвии.*—Реликвии носили смешанный характер и включали следующее: —Каменные кельты и стамески, некоторые из них все еще были закреплены в роговых ручках и креплениях (Рис. 1, № 3, 4, 11 и 15); перфорированные топоры-молотки (№ 8, 13 и 17); мукомольные камни и полировальные станки (№ 12); различные орудия из кремня, такие как скребки, отщепы (№ 1), пилы (№ 2) и несколько грубых наконечников для стрел (только одно из них было аккуратно обработано, № 16); различные орудия труда, изготовленные из кремня. предметы из рога и кости (№ 6 и 7); также несколько деревянных дубинок, фрагменты керамики, веретена (№ 14), скорлупки лесных орехов и т.д. Среди собранных тогда реликвий были янтарная бусина (№ 9) и бронзовая армилла (№ 10).

После тщательного рассмотрения фактов, таким образом, на свет, доктор Келлер пришел к выводу, что сваи раньше поддерживали деревянную платформу, что на этой платформе хижины были возведены, и которые, после того, как они были заселены на длительный срок, вся структура была разрушена в результате пожара.

Известие об этих открытиях в Обер-Мейлене и мнение доктора Келлера относительно них вскоре распространилось среди окрестных жителей, непосредственным результатом чего стало внезапное появление исследователей озер, которые продолжили энергичные поиски похожих останков в этом и прилегающих озерах. Для их руководства были реквизированы всевозможные предания, истории о затопленных городах, которых было множество, воспоминания о случайных находках орудий труда и оружия необычных типов и т.д.; Но наибольшую пользу оказали местные знания рыбаков, которые, начиная с практического опыта стихийных бедствий и заканчивая их сетями и рыболовными снастями, могли сразу указать бесчисленные местности, где можно было найти большие поля затопленных свай. Весной того же года была обнаружена знаменитая станция, известная как Штейнберг, в Нидау, на озере Бьенн, а также множество других станций на озерах Бьенн, Невшатель и

Женева; так что, прежде чем иллюстрированный отчет об открытии Обер-Мейлена мог появиться в Отчетах Цюрихского общества антикваров, доктор Келлер должен был записать важные материалы аналогичного характера из других местностей. Этот отчет, озаглавленный "Die Keltischen Pfahlbauten in den Schweizerseen", появился в конце 1854 года и сразу привлек внимание археологов всех стран. С тех пор исследования озер в поисках озерных жилищ проводились непрерывно не только в Швейцарии, но и во многих других странах Европы, в результате чего с каждым годом их количество увеличивалось, а также соответственно возрастала археологическая ценность обнаруженных таким образом материалов.

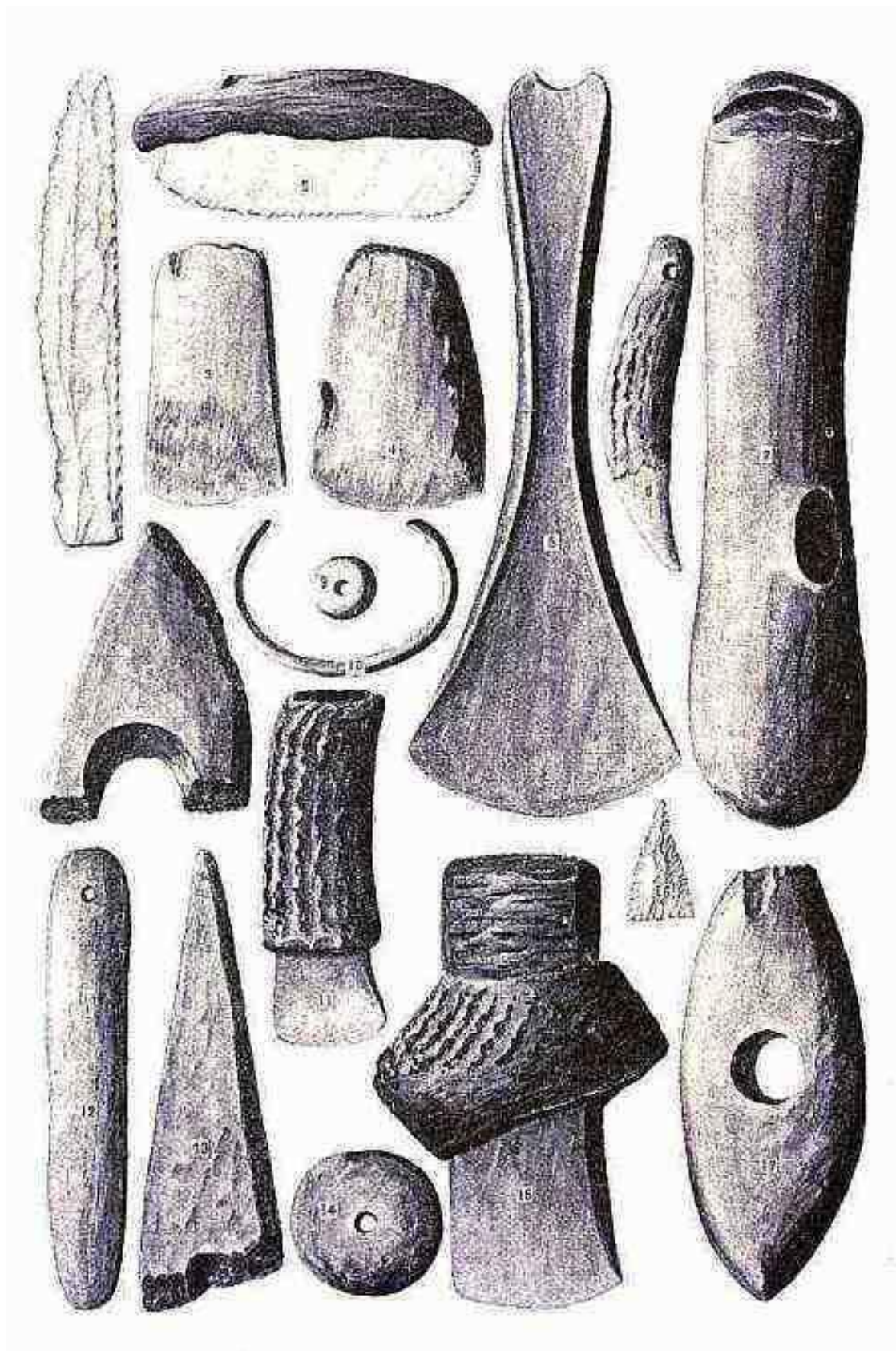

Fig. 1.—Ober-Meilen. Все в натуральную величину.

Видными среди первых исследователей, чьи имена, как утверждают, связаны с этим великим открытием, которое так прославило имя цюрихского антиквара, были полковник Шваб из Бьенна, чья великолепная коллекция древностей, обитающих на озере, теперь украшает его родной город; профессор Дезор, автор замечательного небольшого трактата "Постройки на

озерах Невшателя" и других работ; и профессор Тройон из Лозанны, чья работа "Жилища на озерах времен древних и современных"., "это так хорошо известно. Но на первом месте среди них стоял сам Келлер, который время от времени, в соответствии с требованиями новых открытий, публиковал систематические отчеты о Пфальбаутенах, из которых до 1866 года появилось не менее шести. В том же году было опубликовано английское издание отчетов Келлера, аранжированное и переведенное мистером Ли. Нет необходимости рассматривать здесь далее в историческом порядке различные средства, будь то публикации или исследования, с помощью которых преследовалось открытие Келлера, поскольку они будут рассмотрены в другом месте. Достаточно сказать, что в течение нескольких лет после обнародования этой статьи было полностью установлено существование озерных деревень по всей Центральной Европе в доисторические времена.

Из этих замечаний вы получите некоторое представление о работе, которая предстоит нам на этих лекциях. В нем содержится критический и краткий обзор основных результатов исследований озерных жилищ Европы за последние полвека. Это охватывает обширную географическую территорию, простирающуюся примерно от Ирландии до Болгарии и от Венеции на Адриатике до берегов Балтики. Из очень многочисленных исследований, на которые мне придется сослаться, некоторые проводились частными лицами, другие - общественными или научными организациями, но все они, по-видимому, более или менее квалифицированы, чтобы дать правильное представление о фактах. Отчеты о последовательных открытиях обычно публиковались в трудах местных обществ, но иногда и в отдельных монографиях крайне ограниченного тиража. Что касается древностей, то некоторые попали к торговцам и исчезли в чужих краях. Большая часть, однако, была бережно сохранена в соответствующих районах или странах, в которых они были найдены, и в настоящее время находится в государственных музеях или частных коллекциях, где, как правило, они грамотно расположены и должным образом маркированы. Проводя вас, так сказать, по этой обширной территории среди таких разнообразных материалов, я буду в определенной степени руководствоваться географическим удобством, даже в ущерб исторической последовательности; и при обсуждении типичных находок я, насколько это может быть практически осуществимо, буду использовать схематические и графические иллюстрации, полагая, что даже плохая иллюстрация часто передает больше информации, чем самое точное описание.

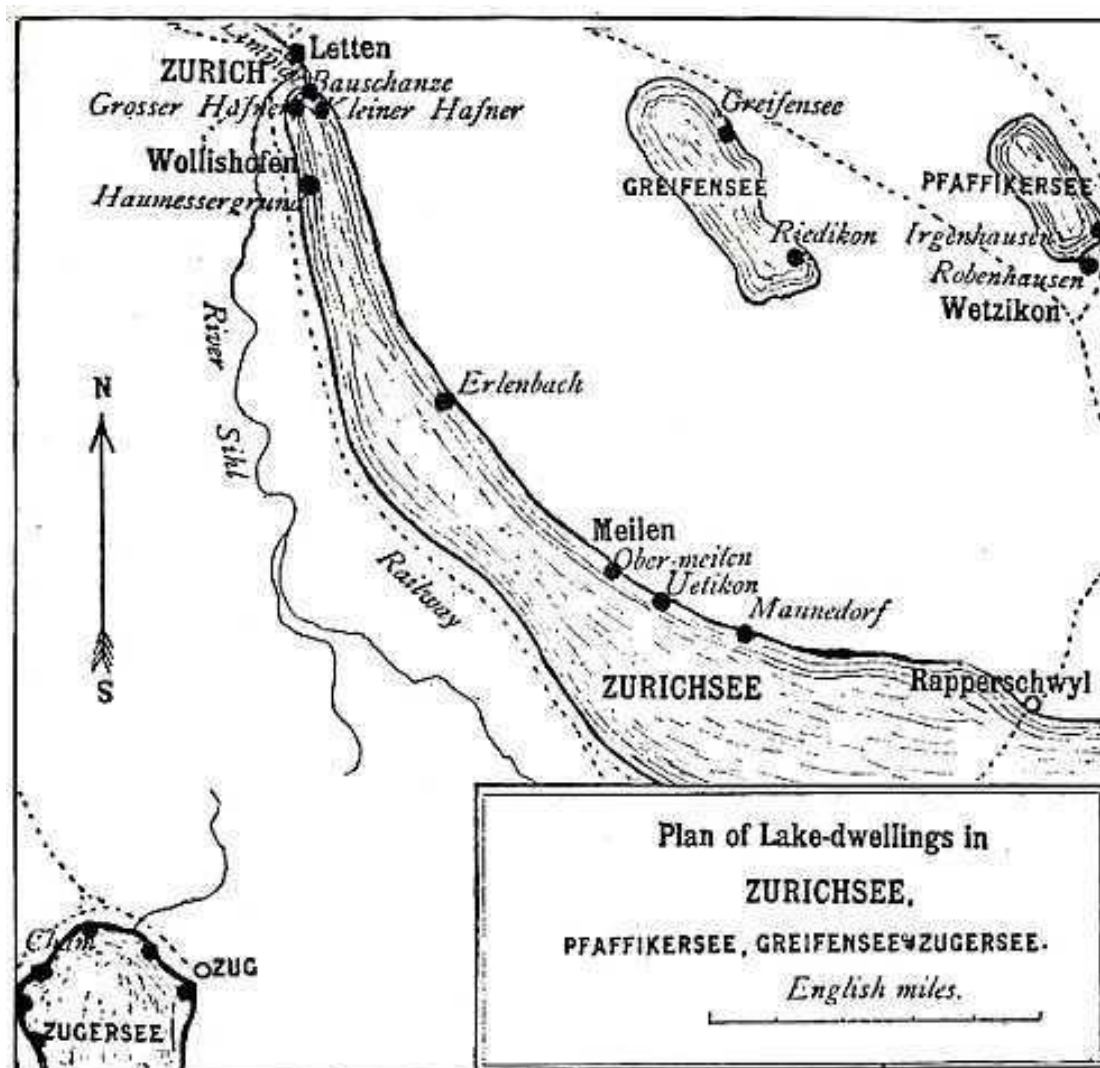
LAKE ZÜRICH.

Дальнейшие открытия в Цюрихском озере были сделаны не так быстро, как в некоторых других швейцарских озерах, и в течение нескольких лет интерес к этому предмету был перенесен в более отдаленные районы. В следующем, 1855 году полковник Шваб посетил Цюрих и провел дальнейшие исследования в Меннедорфе и Обер-Мейлене. Из последнего ему удалось извлечь значительное количество предметов, особенно каменные топоры, некоторые из которых были сделаны из нефрита, и бронзовый кельтский нож плоского типа (рис. 1, № 5).

В 1858 году в ходе некоторых дноуглубительных работ с целью углубления устья Лиммата были извлечены фрагменты керамики, обломки свай и несколько своеобразных балок с одним или двумя квадратными отверстиями (рис. 2, № 13 и 14). Доктор Келлер узнал здесь участок Пфальбау, который простирался как под маленьким островом под названием Баушанце, так и за его пределами по направлению к озеру. (Б. 22 и 336.)

Также было доказано, что два других населенных пункта рядом с выходом, известные как "Кляйнер Хафнер" и "Гроссер Хафнер", были станциями. Первый находился напротив

северной оконечности Тонхалле, и примерно в 150 ярдах от первоначального берега. Он занимал круглую площадь площадью около 1½ акра, и когда вода была низкой, его поверхность погружалась всего на 3 фута. Более Крупный Хафнер находился дальше в озере, и его площадь была значительно больше, чем у Кляйнер-Хафнера. В ясный день в обоих этих местах были видны камни и верхушки свай. Другой населенный пункт, известный доктору Келлеру в этот ранний период, находился примерно в двух милях от Цюриха, на западном берегу озера, прямо напротив паровозного причала в Воллискофене. Здесь дно озера состояло из отложений мелкого ила, и из-за постоянного переполоха, создаваемого проходящими туда-сюда паровозами, обломки обитателей озера были сильно замыты. (Б. 336.)

Поскольку "Кляйнер Хафнер" проходил прямо по курсу, по которому следовали паровозы, и сильно затруднял их прохождение, власти в 1867 году приняли решение полностью устранить это препятствие. Для этой цели была использована дноуглубительная машина, с помощью которой с ее поверхности был удален сегмент толщиной в несколько футов. Во время этой операции среди хлама были обнаружены те же перфорированные балки, которые уже привлекли внимание в Баушанце, а также многочисленные предметы из кремня, камня, кости и т.д., аналогичные тем, что были найдены в Обер-Мейлене (рис. 2, № № 9-17). Однако в дополнение к ним были найдены бронзовые топоры крылатого типа, несколько ложкаобразных тиглей, большие глиняные кольца и фрагменты керамики необычайно

тонкой работы (рис. 2, № 1-8). Но, что считалось еще более странным, среди этих реликвий было железное оружие и римские изразцы.

До сих пор с Большим Хафнером и "Хаумессергрундом" в Воллискофене практически ничего не было сделано, и поэтому предположения доктора Келлера относительно них могли бы умереть вместе с ним, если бы не чрезвычайные усилия жителей Цюриха сделать свою прекрасную среду обитания еще более привлекательной с помощью искусства. Эти обширные преобразования, начатые около шести лет назад и едва ли еще завершенные, настолько полностью изменили вид берега в непосредственной близости от устья, что посетители, чьи воспоминания о городе восходят к более давним временам, чем эти преобразования, с трудом узнают местность. Великолепный мост теперь перекинут через устье Лиммата, и по обе стороны от него раскинулись элегантные променады, сады и декоративные набережные, которые занимают то, что раньше было частью озера. Засыпка такого большого участка дна озера предполагала использование земснарядов, которые с помощью вращающихся ковшей поднимали мусор с наиболее удобных отмелей вдоль берега и, погрузив его в лодки, затем перевозили к месту назначения. Среди населенных пунктов, выбранных для проведения этих операций, были Большой Хафнер и окраины Баушанце. Богатые суглинистые отложения Хаумессергрунда в Воллискофене также были признаны подходящими для смешивания с гравием и формирования хорошей почвы для цветочных и садоводческих садов, которые сейчас являются заметным украшением модных прогулок вдоль северного берега озера.

Рис. 2. —Баушанце (13, 14 и с 21 по 23); Кляйнер Хафнер (с 1 по 12 и с 15 по 17) и Гроссер Хафнер. Все $\frac{1}{3}$ реального размера, кроме 13 и 14.

Гиперссылка Grosser Hafner предоставила замечательную подборку антикварных предметов, по-видимому, всех эпох - каменные топоры (один из которых был 10 дюймов длиной), рукоятки из рога, костяные орудия и т.д. Среди бронзовых предметов были: топоры крылатого типа, стамески, серпы, ножи, некоторые из которых были украшены полукругами, остриями и линиями (рис. 2, № № 30 и 35); булавки с большими головками, овальные или круглые, иногда перфорированные и по-разному орнаментированные (№ № 24, 25 и 26); нарукавные кольца, как закрытые, так и открытые, украшенные выгравированными линиями, точками и т.д. (№ № 18 и 28); несколько спиралей (№ № 34), маленьких колец и подвесок (№ № 19 и 27); два цельных кольца, скрепленных лентой (№ 29); группа из четырех колец — одно большего размера, на которое были подвешены три других (№ 20); предмет, похожий на булавку, длиной 15 с половиной дюймов, с рукоятью, похожей на рукоять меча (№ 32); наконечники копий, некоторые из которых были украшены орнаментом; несколько маленьких янтарных бусин. Среди фрагментов керамики были два сосуда с круглыми основаниями (№ 31) и часть полумесяца в форме луны, грубо орнаментированного углублениями, похожими на следы пальцев.

Здесь, опять же, как и в Кляйнер-Хафнере, были найдены предметы, по-видимому, более позднего времени, среди которых были римские изразцы, керамика, известная как *terra sigillata*, и железный наконечник копья; также свыше 16 монет времен Августа, Тверии и Веспасиана.

С другой стороны, в Баушанце, хотя предметов каменного века было очень много, бронзовых почти не было. Большинство предметов, собранных на этой станции, были рассеяны; но среди немногих, которые стали известны антикварам, есть некоторые замечательные орудия труда из рога, такие как кирки, которые, как говорят, являются полевыми мотыгами (№ № 21 и 22). Один из них длиной 14 с половиной дюймов, заостренный на одном конце и имеющий форму долота на другом. Другой (длиной 10 с половиной дюймов) также заострен на одном конце, но раздвоен на другом. Оба имеют перфорацию с овальным отверстием для вставки деревянной ручки.[2]

Wollishofen.—Величайшей из всех находок на Цюрихском озере была находка в Воллисофене. (В. 448, 449а и 462.) Здесь, опять же, землесосные машины подняли большое количество древесины, среди которой были некоторые из тех необычных дубовых балок с квадратными отверстиями, которые мы уже заметили (рис. 2, № 13 и 14). Древесина была самых разных сортов и в таком изобилии, что у более бедных людей вошло в привычку собирать ее на дрова. Хотя древностей каменного века было множество, замечательной особенностью этой станции является то, что она принадлежала к самому цветущему периоду бронзового века или, по крайней мере, существовала в течение него. Несмотря на хищения и трудность обнаружения мелких предметов, коллекцию, в том виде, в каком она сейчас хранится в Цюрихском музее, следует считать одной из самых важных во всей серии исследований обитателей озер. Среди наиболее примечательных объектов были следующие:—

Оружие.— Четыре бронзовых меча, только один из которых является законченным (рис. 3, № 1); его полная длина составляет 28½ дюйма, включая рукоятку, которая также из бронзы (длиной всего 4 дюйма) и к которой клинок прикреплен двумя заклепками; другой (№ 2), имеющий дефекты как в клинке, так и в рукояти, другого типа, особенно в форме рукояти, которая предназначалась для крепления костяных или деревянных пластин, прикрепленных заклепками к оставшейся бронзовой части; он украшен комбинацией кругов или полукругов с вырезанными на них краями. линии или точки. Три кинжала, на двух из которых есть отверстия для заклепок, а на третьем, по-видимому, остатки наконечника. Одиннадцать

наконечников для стрел из бронзы и несколько из кремня и кости. Из первых только два имеют гнезда (№ 4 и 14), остальные являются имитациями обычных кремневых форм (№ 3 и 5). Наконечников для копий было гораздо больше, чем мечей или кинжалов; в основном они с гнездами, с боковыми отверстиями для заклепок для крепления рукояти; они различались по длине от 3½ до 8 дюймов и иногда украшались орнаментом, как показано в № 7, и только у двух были зазубрины. Куски дерева предположительно являются фрагментами луков.

Промышленные орудия труда и украшения. Каменные топорики чрезвычайно хорошо сделаны и, по-видимому, частично выпилены из истертых водой валунов серпентина и рогового камня. Ни один из них не был сделан из *нефрита* или *жадеита*; было отмечено несколько изделий из рога (**рис. 185**, № 15). Бронзовых топориков (**рис. 4**, № 16, 20 и 25) было множество, наибольшее количество имело четыре крыла и иногда петлю сбоку; направление режущей кромки обычно перпендикулярно направлению крыльев, но в нескольких случаях параллельно ему (как в № 16); в верхней части топорика есть отверстие или небольшая выемка. Плоских было несколько, одно из которых изображено здесь (№ 25). Два маленьких сделаны из меди (**рис. 3**, № 17). Ножи в основном украшены бегущими узорами, кругами или полукругами в виде точек или линий, а все лезвия более или менее изогнуты (**рис. 4**, № № 11-15); рукоятки иногда были цельными и представляли собой единое целое с лезвием, но чаще они были из рога или дерева и крепились зубцами или заклепками. Весьма примечательно, что среди большого количества ножей, собранных в Воллискофене, нет ни одного ножа с носком, которые, как мы увидим позже, так часто встречаются на озере Бурже и на некоторых станциях в западной Швейцарии. Несколько обычных серпов, рыболовных крючков и несколько бритвенных ножей с гнездами. Бронзовых молотков шесть, все с гнездами круглой или прямоугольной формы (**рис. 4**, № 8 и 18). Круглый, № 8, украшен рядом круглых канавок и имеет углубление глубиной 1½ дюйма; он весит 490 гр.

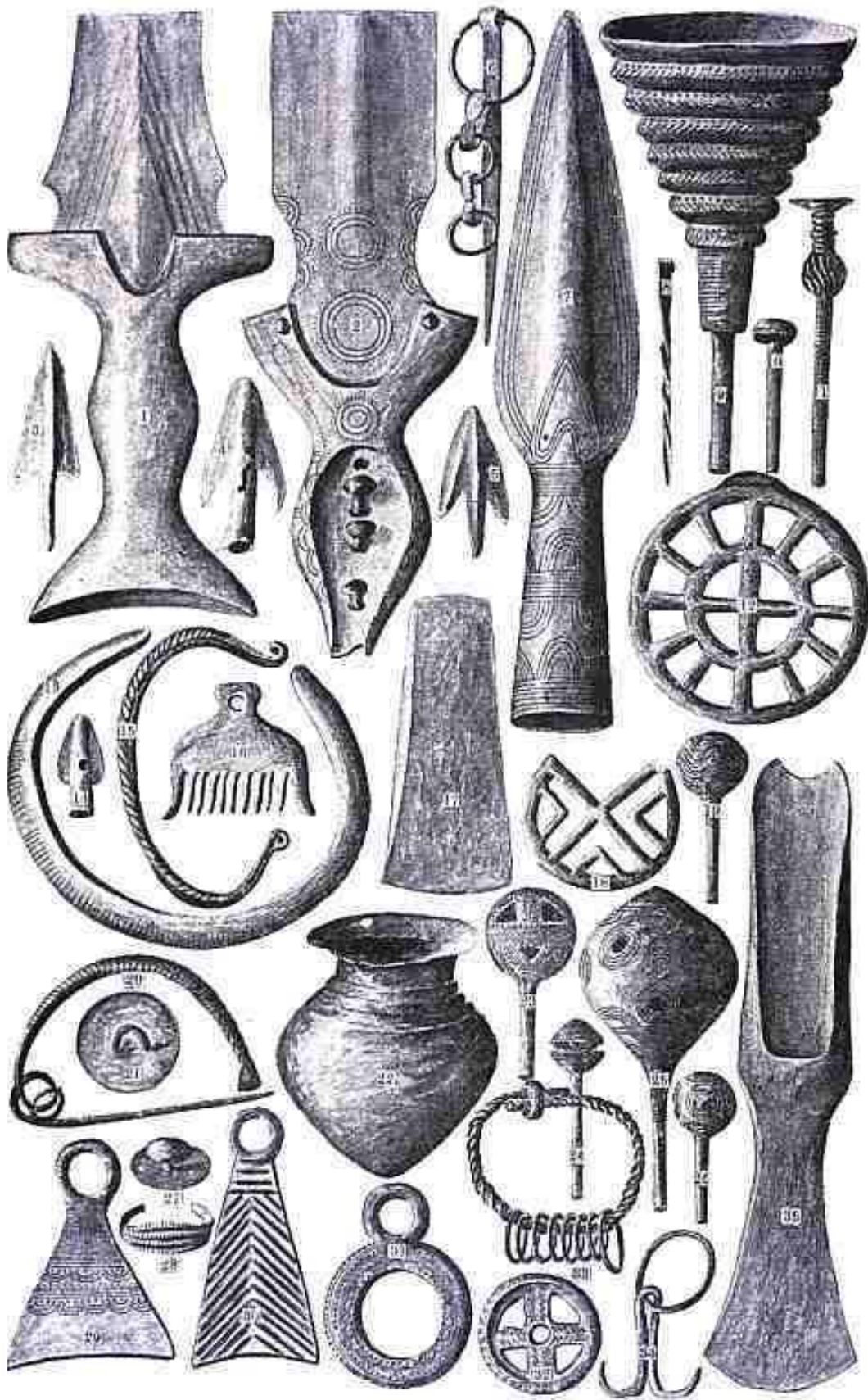

Fig. 3.—Wollishofen. Все $\frac{1}{2}$ в натуральную величину.

Fig. 4.—Wollishofen. Все $\frac{1}{3}$ в натуральную величину. В

Имеется значительное количество долот и выемок (**рис. 4**, № 1-7), маленьких трубочек, гвоздей с широкими головками и шпилек. Один бронзовый пуансон раздвоен (*Antiqua*, 1886, стр. v. Рис. 8). Изящная ваза из цельной бронзы (**рис. 3**, № 22) и фрагменты крупных ситул, выполненных из тонких бронзовых пластинок, склепанных (**рис. 4**, № 17 и 22). Одним из наиболее примечательных объектов является тот, что представлен на **рис. 4**, № 21, который предположительно является наковальней. Несколько длинных булавок с рукоятками, похожими на мечи, похожих на те, что были найдены на Большом хафнере (**рис. 4**, № 9 и 10). Бронзовых заколок для волос было так много, что в музее их можно пересчитать сотнями (**рис. 3**, № № 6, 8, 9, 10, 11, 19 и с 23 по 26). Один бронзовый гребень и одна бронзовая малоберцовая кость (**рис. 3**, № 16 и 20). Хорошо представлены браслеты, как закрытые, так и открытые; они либо плоские, либо из цельной массы (**рис. 3**, № 13) и, как правило, украшены орнаментом; один (№ 15), открытый на концах, сделан из двух прочных проволок, одна из которых имеет спиральную канавку, а другая гладкая; эти проволоки соединены на концах жестяной булавкой, которая проходит через петлю, образованную откручиванием концов проволок. Большое полое кольцо (три дюйма внутреннего и чуть более четырех дюймов внешнего диаметра) богато украшено. (См. **рис. 188**, № 2.) Кольца для пальцев (**рис. 3**, № 28), подвески (№ 29, 30 и 31), пуговицы (№ 21), запонки (№ 27), так называемый *портмоне* для денег за кольца (№ 33), части поясов (**рис. 4**, № 19). Есть также одно золотое колечко и три бусины, одна из янтаря и две из стекла. Среди неописуемых предметов несколько маленьких кругов — три глиняных (**рис. 5**, № 6), пять бронзовых (**рис. 3**, № 12 и 18) и два оловянных (№ 32) — свинцовая гиря с высокой бронзовой петлей (**рис. 4**, № 23). Объект такого же типа (№ 24) с двумя петлями был найден в Онненсе. Помимо двух медных кельтов (**рис. 3**, № 17), там были два маленьких медных шила и несколько кусочков этого металла.

Fig. 5.—Wollishofen. Все $\frac{1}{3}$ в натуральную величину. В

Керамика.—На керамике в Воллишхофене представлены сосуды, изготовленные из двух видов пасты, одной мелкой, а другой крупной, содержащей смесь грубого песка. Сосуды сильно различались по размеру, самый маленький был всего около одного дюйма в диаметре, а более крупные, судя по изгибу фрагментов, варьировались от шестнадцати до двадцати семи дюймов в диаметре. На них не было глазури, и нельзя сказать, что при их изготовлении использовался круг, хотя некоторые из них имеют очень симметричную форму. Кварц или песок не смешивались с тонкой пастой, из которой изготавливались более декоративные сосуды (рис. 5 № № 1, 2, 3, 7, 9, 11, и 12). Некоторые имели основание конической формы, и их можно было сделать только из мягкого материала, такого как песок,

или с помощью кольца, подобного тем, что изображены на картинах Кляйнера и Гроссера Хафнера. Один небольшой сосуд был трехгранным, с тремя камерами или чашами, прикрепленными к одному общему основанию. Было найдено несколько очень плоских сосудов, которые предположительно были крышками (рис. 5, № 7). В изобилии встречаются веретенчатые завитки из обожженной глины с различным орнаментом (рис. 5, № № с 13 по 20) и некоторые другие предметы, такие как современные нитяные пирны (№ № 5 и 10). Все части шести полумесяцев по-разному орнаментированы. Некоторые из них, находящиеся сейчас в музее, были отреставрированы, чтобы показать их первоначальную форму и орнаментацию, и именно с одного из них была взята приведенная здесь иллюстрация (рис. 5, № 8). Некоторые блюда имели форму животных, как в № 4, и, вероятно, использовались в качестве ламп.

Среди других предметов можно упомянуть несколько кусочков красного камня, предположительно использовавшихся в качестве краски; литейные материалы в виде форм и бронзовых окалин; часть выкопанного каноэ; различные куски распиленного рога; и т.д.

Человеческие останки.—Единственной частью человеческого скелета был череп, который, по мнению доктора Коллманна, относится к мезоцефальному типу. (Б. 420, с. 90.)

Органические остатки.—Были идентифицированы пшеница, просо, фундук и крабовые яблоки.

Männedorf.—Я уже, между прочим, упоминал об открытии места обитания у озера в Меннедорфе до 1854 года, когда о таких древностях не знали (стр. 4). Однако в 1866 году участок дна озера, расположенный недалеко от того места, где были сделаны эти ранние открытия, размером примерно восемьдесят футов на тридцать, был углублен, чтобы облегчить проход пароходов, когда были обнаружены дополнительные свидетельства природы этого поселения. Стопки были расположены так плотно, что между ними едва ли была ширина стопки. Собранные предметы были очень похожи на те, что уже были описаны в Обер-Мейлене, среди которых был похожий на ложку тигель, подобный тем, что были в Робенхаузене. (Б. 126, с. 263.) Открытие второй станции недалеко от устья Суренбаха, между Меннедорфом и Уэтиконом, было отмечено доктором Келлером в его втором отчете. (Б. 22, с. 121.)

Uetikon.—Остатки другой станции находятся недалеко от пристани в Уэтиконе, с которой несколько раз забирали предметы древности каменного века. Однако более четкие указания на характер этого поселения были обнаружены в 1886 году в результате некоторых проведенных дноуглубительных работ. На этот раз были найдены не только груды костей различных животных, таких как олень, бык и свинья, фрагменты керамики, каменные топоры и кремневые орудия — обычные реликвии каменного века, — но и несколько бронзовых колец и заколок для волос. (Б. 462, стр. 17.)

В Цюрихском музее можно увидеть значительное количество реликвий с этой станции, среди которых двадцать три каменных кельта (один до сих пор находится в роговом креплении), пять кремневых пил или скребков, четыре роговых наконечника и полушарообразное веретено-завиток.

Erlenbach.— Недалеко от Эрленбаха было два поселения: одно в Винкеле, в нескольких минутах ходьбы выше деревни, а другое в Видене, примерно на таком же расстоянии ниже ее. В 1886 году в ходе некоторых дноуглубительных работ были обнаружены обычные признаки поселений Пфальбау, такие как сваи и различные промышленные реликвии, но объекты были в основном разбросаны. (Б. 462 и 420а, стр. 73.)

Letten.—В 1877 году при рытье канала в связи с Цюрихским гидроузлом были откопаны несколько замечательных предметов старины из бронзы и железа, которые доктор Келлер описывает в восьмом отчете о жилищах у озера. Они были найдены на участке выемки, простирающейся примерно на восемьсот ярдов в длину, в местечке под названием Леттен, на правом берегу Лиммата, почти напротив того места, где в него впадает Зиль. Предметы лежали в мелком иле, отложенном рекой, и под слоем гравия того же происхождения. Доктор Келлер пришел к выводу, что "Леттенфунде" принадлежал поселению, аналогичному более позднему Пфальбаутену и, вероятно, современному ему, с реликвиями, с которыми они во многом совпадают. Тщательный осмотр реликвий Леттена, которые включают в себя два меча, один или два наконечника копий, множество крылатых кельтов, пару серпов с выступающими пуговицами, ножи, большое количество заколок для волос самых разных форм, сложные украшения в виде колец и т.д., Все из бронзы, показывает, что они относятся к более позднему периоду, чем жилища у озера. Среди бронзовых кельтов есть формы (как, например, на [рис. 3](#), № 35), которые никогда не были найдены в истинном реликтовом русле озерного жителя; и кроме того, есть другие предметы, такие как малоберцовая кость и частично отлитый кусок железа, вероятно, предназначенный для меча, которые характерны для ла-тенского периода. (См. [Рис. 87](#), № 6.) При углублении пласта Лиммата часто находили подобные предметы, а также предметы предшествующей и последующей эпох (римские). Предметы из Леттена больше соответствуют доримским древностям, найденным в канале Нидау-Бурен и в некоторых более поздних курганах, и поэтому можно сказать, что они связывают воедино продукты двух очень разных цивилизаций, а именно. бронзовый век озерных жилищ и последующий железный век, столь характерный для Ла-Тена.

Относительное расположение этих станций указано на Эскизной карте, [стр. 9](#).

БЬЕННСКОЕ ОЗЕРО.

Исследования на озерах Юра и археологический результат "Исправления озер Юры".—На небольшом расстоянии от восточного берега озера Бьенн, недалеко от того места, где Зиль несколькими устьями находила свой прежний выход, существует или, скорее, существовало ранее каменистое возвышение площадью около трех акров, которое постепенно поднималось с глубины около 20 футов до уровня 7 или 8 от поверхности. Это любопытное сооружение, похожее на пирамиду, резко контрастирующее с окружающими озерными отложениями, которые здесь состоят в основном из мелкого ила, было хорошо известно рыбакам как "Штейнберг", *то есть* каменный бугор. Среди этих камней было много выступающих головок свай, которые рыбаки время от времени вытаскивали, чтобы не повредить свои сети. Более того, в разное время на этом штейнберге или поблизости от него были найдены римские плитки и некоторые предметы фантастической формы, покрытые меловыми наслоениями, что породило смутное мнение, что это был фундамент римской крепости или маяка.

В 1854 году полковник Шваб и мистер Мюллер из Нидау провели тщательное исследование штайнберга, результатом которого стало то, что не осталось сомнений в том, что это было место озерной деревни, возведенной на сваях, обрубки которых тогда были обнаружены только среди камней. Эти камни были довольно однородного размера, не слишком большие, чтобы их можно было легко перенести человеческими руками, и по материалу они были в точности похожи на те, что разбросаны среди ледниковых обломков на соседних склонах. В эту пирамиду были вкраплены не только вертикальные штабеля круглых или расщепленных стволов, поодиночке или группами, но и поперечные балки, которые, очевидно, упали не случайно, а были намеренно размещены и зажаты между стойками, чтобы более прочно удерживать их в нужном положении. Странного вида предметы оказались бронзовыми

орудиями, инкрустированными таким слоем извести, что их металлическая природа была эффективно скрыта. Станция быстро оказалась чрезвычайно богатой древностями новых и разнообразных форм. Были выловлены не только обычные предметы каменного века, но даже железные орудия труда и фрагменты керамики необычного изящества.

Об этом открытии много говорили в округе, и оно привело к такому оживленному поиску мест обитания озерных, что до конца года только в озере Бьенн было обнаружено около полудюжины стоянок, не говоря уже о гораздо большем количестве в соседних озерах. Несмотря на трудности, с которыми проводились эти озерные исследования, поскольку выемка грунта под несколькими футами воды была трудоемкой и дорогостоящей, количество предметов, собранных швейцарскими антикварами в те ранние годы, поразительно велико, в качестве доказательства чего я могу лишь указать на коллекции полковника Дж. Шваб и профессор Десор.

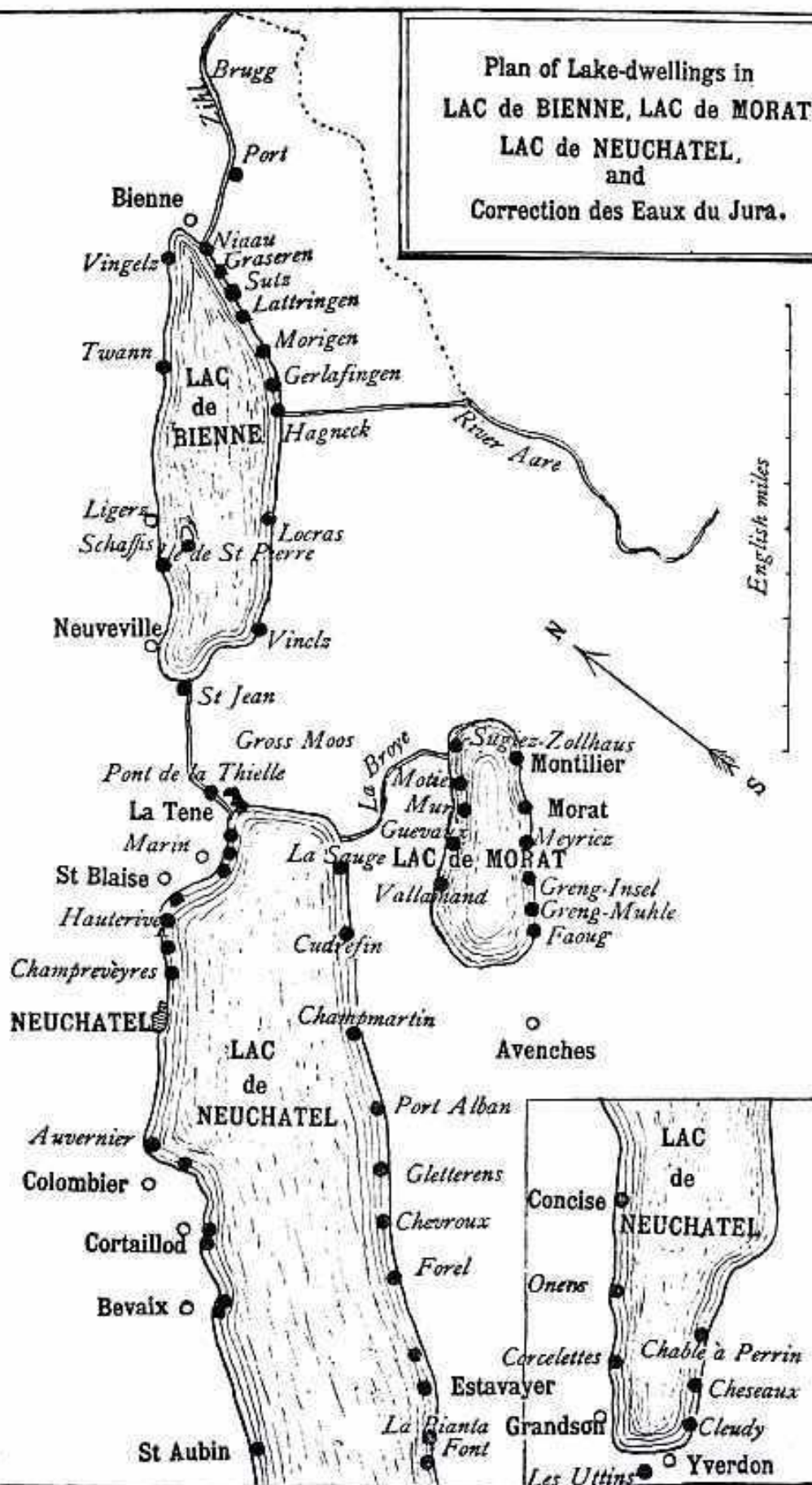
Часто бывает так, что останки антикваров были обнаружены просто случайно во время сельскохозяйственных работ, вырубки торфа, осушения и т.д. Однако такие работы обычно проводятся в небольших озерах и болотах. Идея частичного понижения поверхности обширных водных пространств в долине Юра, включающих озера Бьенн, Невшатель и Морат, была слишком химеричной, чтобы когда-либо рассматриваться в интересах археологии. Но то, что с этой точки зрения было немыслимо и совершенно безнадежно, в интересах сельского хозяйства стало не только практической проблемой, но и теперь является свершившимся фактом. Между озерами Бьенн, Невшатель и Морат простирается обширный мшистый район, известный как "Гросс-Моос", через который совокупный избыток воды из двух последних озер поступает в первое. С северной оконечности озера Бьенн избыток воды снова вытекает и переносится Зилем, или Нижним Тиллем, по слабому руслу на несколько миль дальше вниз по долине, где, перед восстановлением озера О-дю-Юра, оно соединялось с Ааром. Поскольку поверхность этих озер находится почти на одном уровне, более чем вероятно, что в ранние доисторические времена их воды образовывали единый слой, который с течением веков разделился на три озера в результате взаимодействия осадочных и торфянистых отложений, образующих сейчас Гросс-Моос. Соединяющие их каналы, Брой и Верхний Тиль, из-за медлительности течения постепенно поднимались из-за постоянного отложения ила, что пропорционально повышало уровень замкнутых вод и, следовательно, делало окружающие земли все более и более подверженными затоплению. Кроме того, река Аар, хотя и протекала совсем рядом с озером Бьенн, прошла долгий путь за его пределы, прежде чем соединиться с Зилем, и часто причиняла большой ущерб, затопляя богато возделанные земли в низовьях.

Чтобы исправить эти недостатки, швейцарское правительство приступило к реализации гигантского проекта по выпрямлению и углублению всего водного пути от слияния Нижнего Тиля с Ааром до устья реки Брой в озере Морат. Схема также включала в себя прокладку нового русла для Аар, с помощью которого она была бы полностью отклонена от своего старого русла и впадала бы в озеро Бьенн прямым и гораздо более коротким маршрутом. (См. Схему, [стр. 23.](#))

Гидрографическим результатом этих работ (которые были начаты в 1868 году и завершены всего несколько лет назад) было понижение поверхности этих озер на шесть или восемь футов. Зимой 1871-2 годов о боевых действиях начали говорить на озере Бьенн, но прошло несколько лет, прежде чем другие стали ощутимо затронуты. Однако, когда работы были завершены, постоянное воздействие на эти озера, особенно на озеро Невшатель, было очень заметным — гавани, причалы и обширные участки береговой полосы остались высокими и сухими из-за спада воды. Это было время сбора урожая археологии. Многие

озерные обитатели превратились в сушу, и их посещали толпы нетерпеливых искателей; даже рыбаки отказались от своих обычных занятий, сочтя более прибыльным выуживать доисторические реликвии. Правительство, наконец, вмешалось в это неразборчивое "воровство" и приняло закон, ограничивающий привилегии на проведение раскопок властями соответствующих кантонов, на территориях которых находились станции. Таким образом, "Исправление озера Юра", как называлось это начинание, значительно облегчило исследования швейцарских озерных жилищ и внесло огромный вклад в выяснение культуры и цивилизованности их обитателей.

Plan of Lake-dwellings in
LAC de BIENNE, LAC de MORAT,
LAC de NEUCHÂTEL,
 and
 Correction des Eaux du Jura.

В нижеследующих описаниях станций на озере Бьенн я просто следую порядку их распределения вдоль его берега, совершая, так сказать, круговой обход озера, начиная с Нидау и проходя вдоль его южного берега, затем поворачивая на другую сторону, пока мы не вернемся к нашей исходной точке.

Nidau-Steinberg.—Эта станция была настолько тщательно исследована полковником Швабом и его помощниками, что после спуска воды мало что оставалось сделать. Собранные предметы многочисленны и разнообразны, и, будучи одними из самых ранних, обнаруженных в озерных жилищах, они были полностью проиллюстрированы доктором Келлером. (Б. 15 и 22.) Среди них были несколько тяжелых каменных гирь, некоторые с перфорацией, а некоторые с железным обручем; дискообразные камни с краевой канавкой; разнообразные кукурузные дробилки, полировальные машины, молотковые камни и т.д.

Бронза.—Серпы и топоры, как с носком, так и с крыльями, обычно с боковой петлей, но без выемки наверху. Ножей было множество, и некоторые из них были украшены плавными линиями и полукругами; рукоятка их имела зазубрины или гнезда, но в нескольких случаях лезвие и рукоять были отлиты из цельного куска. Несколько наконечников копий, один из которых богато украшен серией колец и змеевидным узором; несколько наконечников стрел с зазубринами; несколько долот различных размеров; многочисленные иглы, заколки для волос, рыболовные крючки, подвески причудливой формы, кольца и раздвоенные предметы, похожие на клешни; один шестиугольный молоток с гнездом, а другой с небольшой петлей, прикрепленной сбоку, как у кельтов. Некоторые удивительно тонкие браслеты, открытые на концах, полые и украшенные снаружи концентрическими кругами, линиями и т.д.; другие цельные или сделаны из проволоки со спиральными желобками. Ряд так называемых бритв, пуговиц, шпилек, гвоздей с широкими головками, спиралей, центральная часть удил и т.д.

Золото.—Маленькая спираль из золотой проволоки и квадратный кусок тонкой пластины, аккуратно гофрированный.

Железо.— Несколько конических дротиков с гнездами.

Керамика.—Искусство гончара, по-видимому, было доведено до большого совершенства. Сосуды были всех размеров, от двух до трех футов в диаметре, вплоть до самых крошечных предметов. Обычно они были круглыми у основания и требовали кольцевых опор, которых было найдено много. Некоторые неглубокие пластины были украшены квадратами, продолговатыми и кругами. Различные формы веретенообразных завитков, некоторые из которых сделаны из тонкой пасты и зачернены древесным углем, как самая изысканная керамика. Более двадцати глиняных полумесяцев, представленных фрагментами, и один из камней. Несколько глиняных цилиндров, гирь и несколько грубых фигурок четвероногих животных.

Кость, Дерево и т.д.— Несколько костяных орудий, указок и т.д.; боковая часть уздечки-обломок оленьего рога с тремя отверстиями; часть ярма, дубинки и т.д.; кусочки глины со следами плетения.

Грасерен.— Небольшая станция, скрытая в камышах и содержащая большие кучи. Предметы старины состоят из нескольких железных предметов, одним из которых является кинжал с рукоятью, украшенной серебряной проволокой, и нескольких мучных камней, каучуков и т.д. (Б. 22.)

Суц. — Это было очень большое поселение, сваи занимали площадь около 6 акров. Оно было соединено с берегом мостом или сходнями, около 100 ярдов в длину и 13 в ширину. На

его территории были разбросаны несколько штейнбергов; а основание для реликвий толщиной от 4 до 16 дюймов находилось недалеко от поверхности. Сваи были в основном из дуба и расположены неровно. Древности классифицируются как относящиеся как к каменному, так и к бронзовому веку, среди которых наиболее интересны следующие (В. 15 и 286):—

Камень.—Топорики обычной формы (несколько из нефрита) и другие с отверстиями; бусины или веретенообразные завитки, один из кварца; кремневые наконечники для стрел, отщепы и ножи.

Рог.—Среди предметов из рога были приспособления для крепления наконечников топоров, многие с V-образным надрезом на конце, вероятно, для лучшего закрепления в деревянной рукояти; перфорированные части оленьих рогов в виде молотков и дубинок, три из которых в музее в Берне примечательны своими неправильными формами.

Янтарь.—Две или три хорошо сделанные бусины.

Бронза.— Меч (рис. 186, № 9), малоберцовая кость, крылатый кельт с обгоревшей частью деревянной рукояти, все еще оставшейся между ребрами, несколько заколок для волос и крючок в форме римского ключа.

Железо.— Два наконечника копий, похожих на те, что были найдены в Нидау, и любопытный предмет, похожий на трезубец. (Б. 31, Стр. xv. 10.)

Дерево.—Лук из тиса, довольно совершенный (длина 5 футов 3 дюйма), часть плетеных корзин и несколько деревянных блюд с ручками.

Керамика.—Керамическое искусство здесь представлено слабо; зафиксированы только фрагменты грубого качества, украшенные следами пальцев или нитей. (В. 462, Стр. ix. 4.) Два глиняных цилиндра находятся в музее в Берне, как и цилиндры из Воллискофена (рис. 5, № 5 и 10), вместе с несколькими глиняными грузилами с отверстиями.

По соседству с этой станцией есть несколько руин римских построек, что наводит на мысль о кверне или жернове, изготовленном по римской моде и считающемся реликвией этого обитателя озера. На основании систематических исследований, проведенных здесь в 1884 году, доктор В. Фелленберг пришел к выводу, что станция, как и Винельц, принадлежала к переходному периоду. (Б. 462, с. 34.)

Латтринген. — Доктор Гросс описывает здесь две станции, обе из которых, судя по преобладающему характеру древностей, по-видимому, относились к каменному веку, хотя до его исследований сообщалось, что полковник Шваб выудил из одной из них несколько бронзовых предметов.

Первая, или нижняя станция, занимала площадь около 5 акров, и ее остатки расположены напротив небольшого порта деревни Латтринген. Он был соединен с берегом четырьмя мостами, самый большой из которых был 65 ярдов в длину и 14 футов в ширину. Реликвии, собранные доктором Гроссом, относятся к каменному веку, и среди них рукояти из оленьего рога и прекрасный гарпун с 11 зазубринами и отверстием на тупом конце. По словам Фелленберга, эта стоянка относилась к периоду среднего каменного века, поскольку на ней не было найдено ни медных орудий, ни перфорированных топоров-молотков, но, с другой стороны, самых превосходных нефритовых орудий. (Б. 462, стр. 35.) Коллекция предметов с этой станции в Кантональном музее в Берне содержит, среди прочего: —Кинжалы; долота, гарпуны и наконечники из кости и рога; несколько перфорированных роговых молотков и

роговых держателей для каменных топоров (только у двух из них расщепленный конец); несколько кремневых наконечников для стрел, все с плоской основой. Несколько каменных бусин и кусочков горного хрусталя. Один маленький кинжал с четырьмя отверстиями для заклепок сделан из бронзы или меди.

До отчета доктора Гросса были зарегистрированы следующие предметы, прибывшие с этой станции: — Камни для измельчения муки, фрагменты грубой керамики, бронзовый кинжал, бронзовый топор в форме лопаты и спиральное кольцо, также из бронзы. (Б. 15, стр. 95.) Верхняя станция находится в 500 или 600 футах от первой, прямо напротив неустойчивого квартала, известного как *Сампфштайн*. В нем лежал небольшой штейнберг, а также прекрасные кремневые наконечники копий, каменный топор из змеевика, заточенный с обоих концов и с овальными отверстиями, и один или два предмета из рога. (См. **Рис. 186**, № 7 и 11.)

Меринген.—Судя по количеству и разнообразию древностей, собранных в Мерингене, его следует считать самой важной станцией на озере Бьенн. Поселение занимало защищенную бухту под названием "Меринген Экен" и занимало прямоугольную площадь около 550 футов в длину и 350 в ширину. Дно реликвии было покрыто слоем песка и ила толщиной восемь или десять дюймов. При обнаружении и в первые годы его исследования были замечены сваи, более или менее выступающие из ила, и среди них можно было легко различить оконечности нескольких каноэ. Исследования проводились здесь почти в каждое благоприятное время года с момента его открытия г-ном Мюллером в 1854 году, но зимой 1872-3 годов правительство взяло дело в свои руки и провело систематические исследования под присмотром г-на Дж. Фелленберг и Дженнер. Затем стало очевидно, что в этой бухте было две станции — одна, относящаяся к каменному веку, а другая — к бронзовому веку, - между которыми можно было провести четкое различие, особенно в отношении свай. Первый занимал положение ближе к берегу, и обрубки его свай были едва видны; в то время как второй находился в более глубокой воде, и его сваи, менее сгнившие, чем первые, выступали на 1-2 фута над озерным илом. Оба моста вели к берегу, на что в каждом случае указывали остатки двойного ряда свай. Но в то время как мост поселения каменного века имел ширину от 5 до 8 футов, мост поселения бронзового века имел ширину от 10 до 12 футов, и, более того, он был намного длиннее, более 200 ярдов в длину. Доктор В. Фелленберг подсчитал, подсчитав сваи в одном или двух выбранных местах, что для всего бронзового поселения должно было быть использовано около 10 000 свай.

Исследование поселения в Мерингене, предпринятое правительством, было продолжено в 1874 году, к тому времени уровень озера упал до такой степени, что большая часть бронзовой статуи высохла, и многие дополнительные реликвии были добавлены к и без того большому коллекциям с этой станции. Среди наиболее интересных можно упомянуть несколько обгоревших досок и столбов с квадратными отверстиями, которые, как предполагается, указывали местоположение и остатки хижин или мастерских. (Б. 271.)

Предыдущие следователи, полковник Дж. Шваб и мистер Мюллер собрали на этой станции ряд предметов, которые сейчас хранятся в музее Шваба, среди которых следующие: — Железный меч типа Ла Тен и любопытная железная вилка. Из бронзы, есть ножи, заколки для волос и множество подвесок. Несколько бус из стекла и янтаря. Новые образцы фаянса; обугленные яблоки, зерна пшеницы и фасоли; веревки и канаты из льна и лыка и т.д.

Меньшая станция, по словам Фелленберга, относилась к периоду среднего каменного века. В суженном пространстве было найдено несколько каменных бусин, в том числе из белого кварца, которые, как предполагается, образовали ожерелье. (Б. 462, с. 36.)

Две лучшие коллекции Мерингена находятся в Кантональном музее и в залах федерального правительства (Общая коллекция), обе в Берне.

Об очень замечательных предметах старины, найденных здесь, доктор Гросс (В. 286) дает полный отчет, классифицируя предметы по следующим разделам:—

1. *Оружие*.—Мечи (**рис. 186**, № 4, 5 и 6), кинжалы, копья, стрелы.
2. *Инструменты*.—Топоры, серпы, полировальные камни, дискообразные камни, наковальни, веретена и ткацкие гири.
3. *Предметы одежды*.—Пояса и пряжки для ремней, заколки для волос, фибулы, браслеты, кольца, серьги, бусы из янтаря и стекла и т.д.
4. *Предметы, принадлежащие к лошадиной сбруе*.—Уздечка - наконечники из бронзы, железа и рога; фалеры. (См. **Рис. 191**, № 3-7 и 13.)
5. Керамика, полумесяцы и т.д.
6. Разные предметы.

В качестве образцов бронзовых реликвий с этой станции я привожу иллюстрации на **рис. 6**, выбранные с прекрасных цветных табличек Дезора и Фавра. (Б. 252.) Назначение этих объектов достаточно очевидно, не вдаваясь в подробное описание.

Я только замечу, что уникальный кинжал, рукоять которого представлена здесь только (№ 5), состоит из толстого бронзового стержня длиной двадцать один дюйм, заостренного с одного конца и становящегося четырехугольным с другого, где он входит в гнездо в рукоятке. Свободный конец рукояти заканчивается неподвижным кольцом, на котором расположены три подвижных кольца; а на его корпусе имеется дополнительная рукоятка с любопытным изогнутым придатком перед ней.

Gerlafingen (Gerofin).—Здесь также было два поселения — одно каменного века, занимавшее немногим более половины акра; и другое бронзового века, гораздо больших размеров и дальше от берега, чем первое. На станциях были отдельные мосты, остатки которых еще раз наводили на мысль, что в бронзовом веке эти подходы были больше. Станция каменного века была покрыта грязью, и реликвии с нее состояли из каменных кельтов (один перфорированный), кремневых отщепов и нескольких фрагментов грубой керамики.

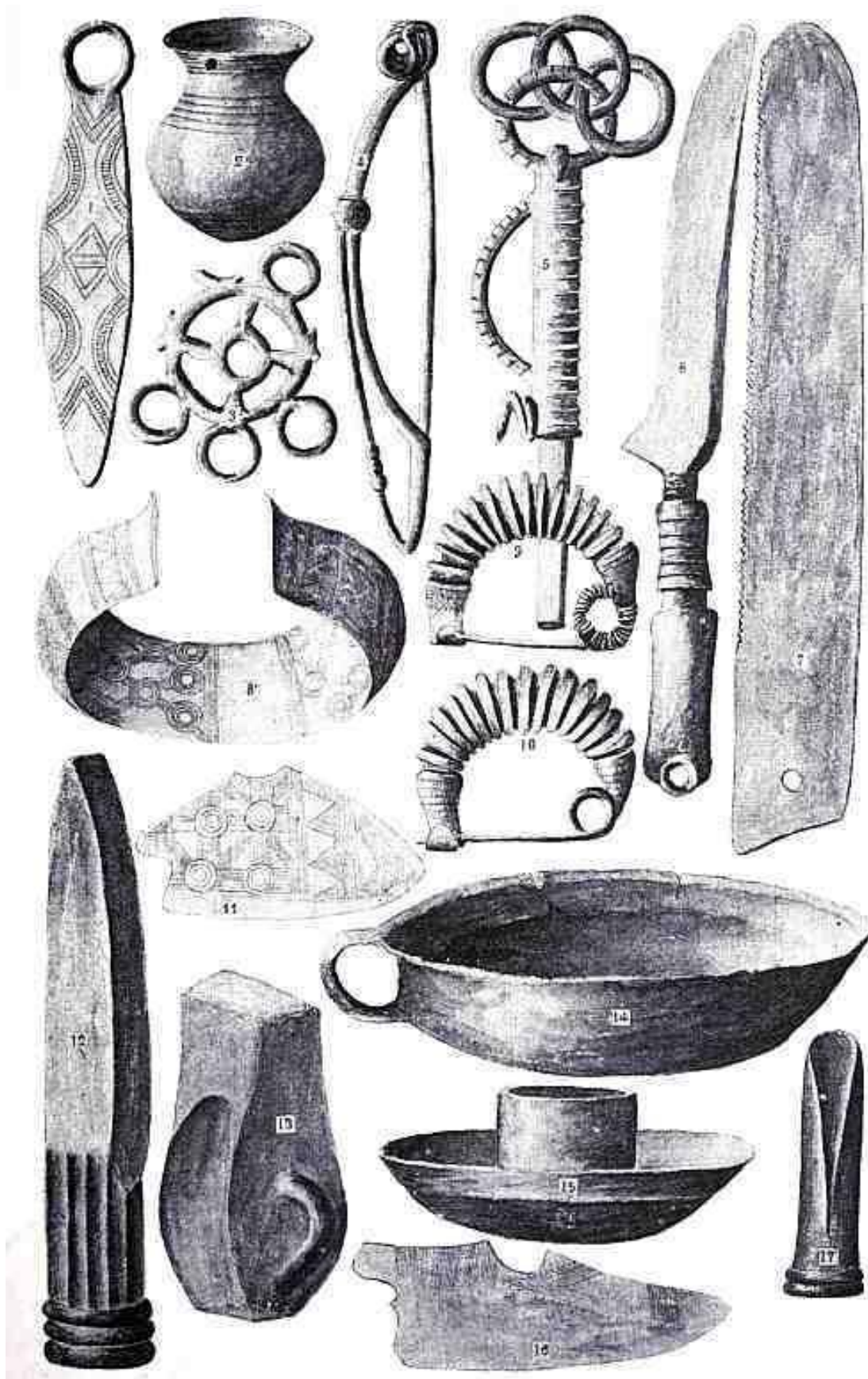

Рис. 6.Меринген. Полностью бронзовый и в натуральную величину 1/2.

На второй станции (Unter Station oder Oefeliplätze) находится штайнберг, который соединен мостом с соседним участком суши. Четко очерченного ложа для реликвий не было, но найденные реликвии представляют большую ценность, среди которых следующие[3]:-

Несколько нефритовых и жадеитовых топориков, нефритовый нож с роговой рукояткой, кремневые ножи, деревянная ложка, миниатюрное каноэ, четыре медных долота (В. 286, Стр. ix. 34 и 35), два плоских бронзовых топорика с рудиментарными крыльями, заколка для волос на двойном стержне (Б. 286, Рис. x. 2), два бронзовых кинжала, один треугольной формы (Б. 286, Рис. iii. 17), массивный бронзовый браслет, несколько молотков из оленьего рога, совок, несколько больших глиняных гирь и т.д. В Бернском музее находятся тринадцать медных бусин с градуировкой, образующей ожерелье; несколько наконечников стрел из горного хрусталя; аммонит и еще одна раковина (*pectunculus*), обе перфорированные; также несколько перфорированных мелких костей, зубов и бусин из рога. (Б. 462, стр. 64 и Стр. xiv.) Доктор Гросс оценивает количество нефритовых орудий из Офели в тридцать или сорок, самое большое - длиной четыре дюйма, а самое маленькое - в один дюйм (оба из нефрита).

Груды были найдены в разных местах этой местности; и с одной группой были связаны римские останки, такие как фрагменты плиток, керамики, монет и осколков стекла.

Хагнек. В этой местности, недалеко от того места, где Аар сейчас впадает в озеро, и примерно в ста ярдах от берега, раньше были видны какие-то сваи, но реликтовое дно, по-видимому, было размыто. Десор нашел несколько каменных топориков и несколько других реликвий. Станция была соединена с берегом мостом длиной шестьдесят пять ярдов и шириной тринадцать футов.

Иль-де-Сен-Пьер. — На южной стороне этого острова находятся остатки обширного поселения, сваи которого тянутся параллельно берегу. Здесь было замечено большое каноэ, лежащее в грязи, очевидно, заваленное камнями, которыми оно все еще было заполнено. Оно было 50 футов в длину и 3-4 фута в ширину. Рядом со стопками была подобрана бронзовая булава с овальной головкой, украшенная волнистыми линиями. Другая стоянка находилась на северо-восточной стороне острова, которая сейчас высохла, и на которой было собрано большое количество бронзовых предметов; но там не было обычного места для реликвий, и поскольку предметы были собраны на поверхности, доктор В. Фелленберг считает, что их смыло. (Б. 462, с. 31.) Среди реликвий есть бронзовый нож, составная подвеска, причудливо скомпонованная (Б. 286, стр. viii. 3), пара щипцов, часть цепи, состоящей из колец и перевязей, и несколько фрагментов мечей, кельтов и серпов; также железный меч с рукоятью из бронзы.

На южной стороне острова Лапен есть несколько куч, которые указывают на то, что здесь находилась железнодорожная станция, но на самом острове были собраны древности разных эпох, такие как римская черепица и монеты, красивое золотое украшение и множество предметов галло-римского производства.

Locras (Lüscherz). — Из-за глубины воды над руинами поселения напротив этой деревни станция, хотя и была известна полковнику Швабу, не приобретала никакого значения до зимы 1871-2 годов, когда вода начала спадать, и правительство Берна предприняло серию исследований. Площадь поселения, по оценке доктора Гросса, составляла около четырех акров, и оно было соединено с берегом коротким мостом. Слой реликвий толщиной от четырех до двадцати дюймов находился под значительным скоплением песка и гравия и состоял из черноватого слоя органических обломков, который, по-видимому, был особенно благоприятен для сохранения обычно скоропортящихся предметов человеческой промышленности. Поэтому он необычайно богат такими остатками и содержит клубки льняных ниток, фрагменты ткани из льна, кучи зерна и различные остатки культурных растений.

В ходе исследования станции было обнаружено, что слой реликтовых отложений становился более глубоко погребенным по мере продвижения вглубь; так что с 2½ футов, его глубины со стороны берега, она постепенно увеличивалась до 7½ на противоположной стороне. Сваи были из дуба, бука, серебристой ели, сосны, тополя и березы, в основном в форме круглых стволов. Все эти различные породы дерева, по-видимому, использовались почти в одинаковой пропорции по всему поселению, за исключением северо-западного угла, в месте под названием Стейнберг, где штабеля были полностью сделаны из расщепленных дубовых стволов. Другой особенностью было то, что сваи были более поверхностными, и поэтому было высказано предположение, что этот угол был более поздним. Как и в большинстве других озерных поселений, на деревянных конструкциях были следы обгорания. Теория о какой-то внезапной катастрофе, такой как всеобщий пожар, была подкреплена количеством человеческих останков — не менее трех черепов и нескольких костей туловища и конечностей, — которые были найдены на глубине 3 футов.

Среди древностей, зарегистрированных доктором Гроссом (В. 286), можно упомянуть следующие:—

Камень.—Несколько сотен отполированных кельтов, около 30 из которых были из жадеита или нефрита; кремневые орудия из черного и желтого кремня прекрасной формы, такие как наконечники копий, наконечники стрел, пилы и отщепы; несколько круглых камешков размером с голубиное яйцо, обернутых берестой и расположенных в ряд, как горошины в стручке; веретенообразные завитушки, кукурузные дробилки и т.д.

Рог и кость. Большое количество черенков, вероятно, от 600 до 800, на многих до сих пор сохранились каменные кельты или долота; около 40 наконечников топоров-молотков с квадратными или круглыми отверстиями; две маленькие расчески с тремя зубьями; стамески, иглы, шилья, набойки, наконечники стрел; чесальный инструмент, сделанный из множества маленьких ребер, заостренных с одного конца и связанных вместе, и т.д.

Керамика.—Большое количество целых сосудов и фрагментов показывает, что использовались два вида пасты: грубая и мелкая. Среди них чаши, тарелки, кувшины — у одних обычная ручка, у других с перфорированными набалдашниками; глиняные гири круглой, цилиндрической или конической формы.

Разные предметы.— Часть веретена с намотанной на него нитью (обугленная), различные деревянные ручки, посуда и орудия труда; фрагменты ткани, циновки, жженой соломы и т.д. Один маленький плоский кинжал из меди находится в Бернском музее.

Следующая выдержка из правительственного отчета мистера Дженнера, заместителя доктора В. Фелленберга (Б. 119, 2—е изд., стр. 203), дает хорошее представление о сравнительном количестве этих реликвий: "Результаты моих раскопок, которые заняли 27 дней и простирались на площади 20 000 квадратных футов, на средней глубине 3½ фута, толщина слоя реликвий составляла от 2 дюймов до 1½ фута, были следующими:-

1. Каменные орудия	600
2. Оленьи рога.	480
3. Кости.	235
4. Кусков ткани	50
5. Предметы для украшения	45
6. Целые глиняные сосуды	11

7. Каменные кельты и топоры в рукоятях	23
8. Кремневые орудия	121
9. Необработанные куски оленьего рога	430
10. Деревянные орудия	24
11. Керамические черепки с орнаментом	26
12. Глиняные гири	8
13. Кельты из нефрита и жадеита	8
14. Количество весов нетто в бересте.	

Рядом с только что описанной станцией, на ее северо-восточной стороне, и на расстоянии около дюжины шагов от нее, впоследствии была обнаружена другая станция, описанная доктором Гроссом как "Une nouvelle palafitte de l'époque de la pierre à Locras". (Б. 336 и 347). Его площадь составляла всего около четвертой части прежней, и залежь реликтов, находясь совсем близко к поверхности, была легко обработана. Здесь были найдены два человеческих черепа, один из которых, по-видимому, использовался как чашка для питья. Судя по характеру реликвий в целом, поселение, по-видимому, процветало в переходный период. Там были перфорированные наконечники топоров-молотов с канавками и выступающими гребнями, напоминающими скандинавские формы, и несколько металлических предметов. Последний состоит из трех изделий из меди — замечательного двойного кельта большого размера (рис. 186, № 10), кинжала и шила - и трех изделий из бронзы, а именно: меч, лезвие кинжала и заколка для волос. Другие предметы относятся к обычному типу каменного века, среди которых можно отметить как довольно редкое явление наконечник нефритовой стрелы (Б. 347, Стр. ii. 9) и нож из того же материала с одной режущей кромкой (рис. 185, № 28).

Винельз (Фенил).—Эта станция, которая сейчас полностью находится на суше, была случайно обнаружена в 1881 году рабочими при рытье канавы для отвода воды, скапливающейся на полях.[4] На глубине двух или трех футов песка и гальки они наткнулись на черноватый слой илистой земли, в котором было обнаружено несколько куч, верхушки которых выступали вверх в песок и гальку примерно на фут. Доктор Гросс, которому сообщили об этом обстоятельстве, вскоре посетил это место и сразу узнал обитателя озера. Похоже, что местность сильно подвержена воздействию северных ветров, и что поселение, таким образом, было полностью засыпано песком и гравием, выброшенными на берег, как это было в случае со станцией Ванген в Унтерзее. Весной и летом 1882 года новый Пфальбау был исследован несколькими экспертами, в том числе докторами Г. Гроссом и В. Фелленбергом. Станция примечательна количеством медных предметов, которые она дала в результате систематических исследований, заказанных Фелленбергом и тщательно проведенных Эдом Маттисом из Лигерца. Исходя из полученных таким образом результатов, станция в Винельце является наиболее типичной из обнаруженных в последний период каменного века (*Uebergangszeit*). (Б. 462, с. 33.) Ниже приведены некоторые из собранных древностей, большинство из которых находятся в Кантональном музее Берна и в Общей коллекции.

Среди почти 100 медных предметов (включая 46 бусин, рис. 7, № 31) есть несколько кинжалов (№ 26 и 28), плоские топоры (№ 27), стамески (№ 24), грубые ножи, шила (№ 17 и 25), подвески (№ 23), трубки и спирали (№ 22 и 30). На этой станции до сих пор не было найдено ни одного бронзового или железного предмета. Многочисленны костяные и роговые рукояти, полированные кинжалы, большие предметы, похожие на пуговицы (№ № 20 и 21),

дубинки с перфорацией, декоративные булавки (№ № 15, 16 и 18) и т.д. Распространены перфорированные каменные топоры и обычные полированные кельты (около 40 первых и 100 последних находятся в Бернском музее). Кремневые кинжалы, иногда обработанные с обоих концов (№ 12), также очень хороши; два были найдены в их деревянных рукоятках (№ 11). Для более надежного крепления вокруг рукояти была аккуратно обмотана тонкая полоска тростника или ивняка. Разнообразные кремневые наконечники для стрел, скребки и т.д. (№ 1-9), глиняные гири различных форм, орудия труда с заостренными ребрами, плетение корзин и т.д. В производстве кусков хорошо сотканной ткани, ниток и рыболовных сетей эта станция соперничает с Робенхаузенем. На части веретена еще осталось немного нити. Там была целая рыболовная сеть (обугленная), связанная с несколькими каменными грузилами.

Керамика (№ № 29, 32 и 33) была украшена точками и отметинами от нитей. У одного сосуда была ручка в форме рога, выступающая из корпуса сосуда.

Деревянные предметы также хорошо представлены в виде тарелок, клюшек, ручек и сеток-поплавков. В один кусок дерева были воткнуты несколько заостренных кремней, смазанных смолой, которые, очевидно, использовались как пила ([рис. 185](#), № 17), на дереве были вырезаны следы пальцев, с помощью которых инструмент было легче держать.

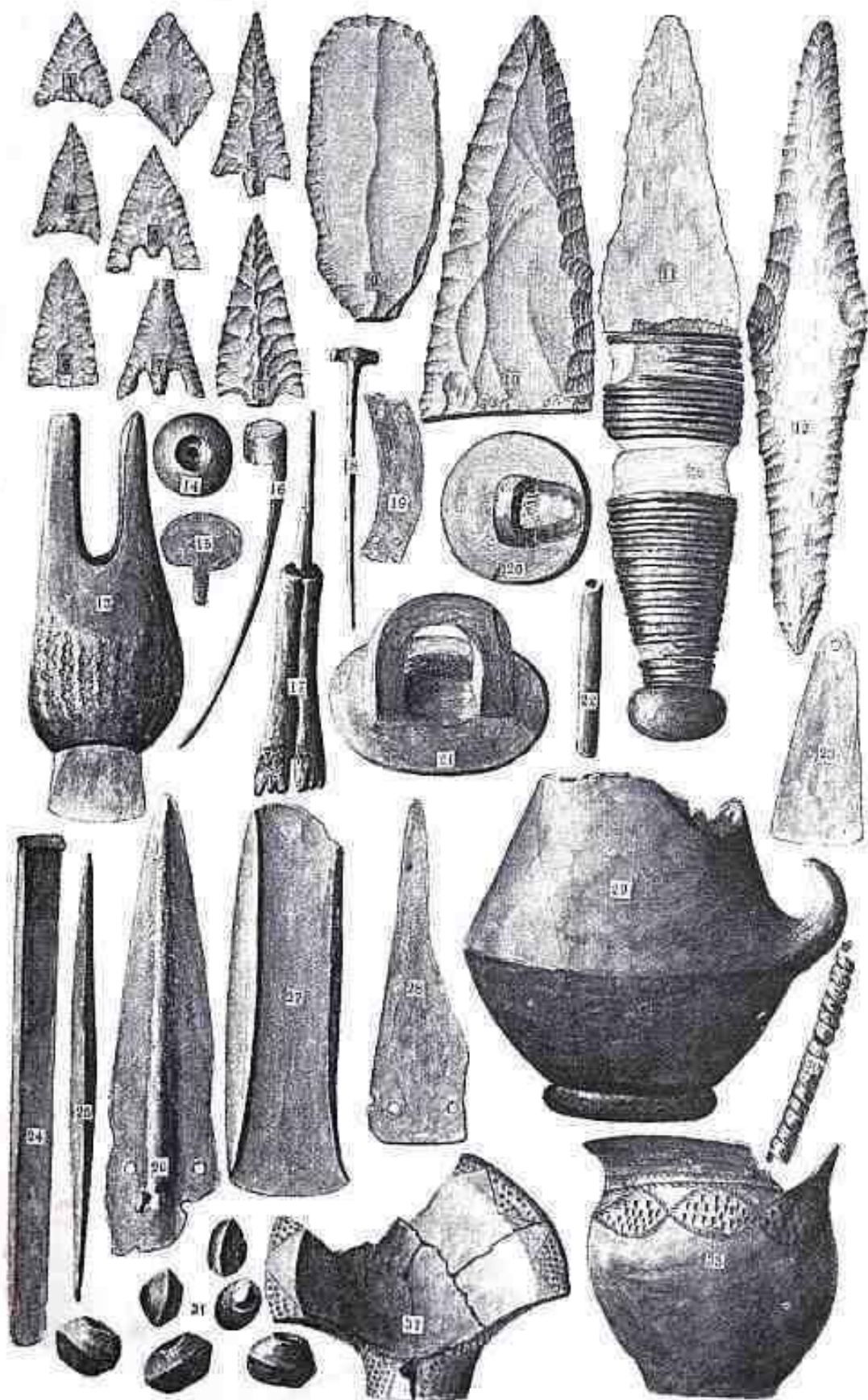

Рис. 7—Винельц. Номера 29, 32 и 33 = $\frac{1}{4}$, остальные = $\frac{1}{2}$ реального размера.

Сен-Жан.— Чуть менее чем в миле от озера, на болотистой равнине, были найдены несколько бронзовых предметов, которые указывают на то, что здесь находилась станция.

Ниже Ландердона есть также несколько свай, верхушки которых сильно сгнили и глубоко занесены грязью. Сообщается, что доктор Гросс нашел здесь средневековый меч.

Шаффис (Шаванн). Это поселение узкой полосой тянулось по левому берегу озера, и, хотя оно было известно в течение значительного времени, оно оставалось неисследованным до тех пор, пока спад уровня воды не облегчил его изучение. Это было сделано доктором В. Фелленбергом в 1873 году от имени правительства. (Б. 271.)

На его месте были обнаружены три штейнберга, два из которых находились близко друг к другу. В непосредственной близости от этих штейнбергов сваи были уложены рядами, уходящими в озеро. В других местах они располагались нерегулярно, но близко друг к другу, редко более чем в двух футах друг от друга, и глубоко проникали в старые черные озерные отложения. Бревен попадалось мало, хотя сучья, плетеные корзины и обуглившаяся еда были обычным делом.

Общая длина станции составляла 640 футов, а наибольшая ширина - 167 футов. Самый большой стейнберг имел размеры 217 на 65 футов. Несколько мостов длиной от 30 до 60 футов соединяли свайную площадку с берегом. Сейчас станция полностью высохла и заросла растительностью.

На стейнбергах залежь реликвий была довольно поверхностной, покрытой лишь тонким слоем песка и гравия. Органические останки, такие как рукояти из оленьего рога и костяные орудия труда, были черноватого цвета и настолько разложились, что лишь немногие удалось сохранить от распада на куски. Каменные кельты были очень многочисленны, но необычно малы, поскольку из нескольких сотен экземпляров лишь немногие достигали длины 5 или 6 дюймов. Большинство из них были всего 3 дюйма в длину, и хотя они были хорошо отполированы и заточены по режущей кромке, качество изготовления у них было хуже, чем у некоторых других станций, таких как Locras. Все они были изготовлены из материалов, которые легко найти в окрестностях, за исключением трех нефритовых орудий (двух жадеитовых и одного нефритового). Больших плит для шлифовки и полировки этих инструментов было на удивление много.

С другой стороны, станция известна красотой и элегантностью своих кремневых орудий, многие из которых, когда их нашли, все еще были в роговых или деревянных ручках. Наряду с роговыми рукоятками можно упомянуть перфорированные молотки, стамески, гарпуны с зазубринами, булавы, шила, льняные щеки, амулеты, перфорированные зубы и кабаньи бивни большого размера. Среди деревянных предметов наиболее примечательными являются деревянная дверь, на которой до сих пор сохранилась часть полированного овального засова из тиса, который проходил через нее горизонтально (Б. 336, с. 48), и часть лестницы (Б. 347). Фрагменты керамики указывают не только на грубый материал, но и на грубую работу. Глина сильно обожжена, и она равномерно перемешана с кусочками кварца или мелкой галькой размером с горошину. Сосуды грубо цилиндрической формы с толстыми основаниями, но без орнамента, даже без выступающих бугорков, столь характерных для Локра. Несколько больших глиняных шариков с отверстиями в центре, вероятно, являются грузилами для ткацкого станка, а среди останков - кусочки плетеного льна, которые доказывают, что искусство ткачества было хорошо известно местным жителям. Доктор В. Фелленберг, из трудов которого я почерпнул суть этого замечания, считает поселение одним из самых ранних среди швейцарских озерных поселений и значительно уступает некоторым другим поселениям каменного века на озере Бьенн.

Найденная здесь чашка, сделанная из верхней части человеческого черепа, привлекла большое внимание. (Б. 119, 2-е изд., стр. 221.)

Twann (Douanne).— Следует помнить, что западная сторона озера не представляет таких же возможностей для строительства свайных жилищ, как противоположный берег, из-за крутизны ближайшего берега и быстроты, с которой встречается глубокая вода. Более того, узкая полоска пляжа, доступная для этой цели, была сильно покрыта аллювиальными отложениями, о чем свидетельствует открытие, сделанное в Тванне. Здесь, на глубине 15 или 20 футов, несколько рабочих, производя раскопки в связи с железнодорожными работами вблизи набережной, наткнулись на почерневший слой плесени, содержащий сваи, глиняную посуду, орудия из оленьего рога и т.д., Которые, после осмотра доктором Гроссом, случайно проходившим в то время мимо, были сразу признаны местом расположения озерной станции. Мистер Ирлет из Тванна также обнаружил другую стоянку в Вингрейсе, неподалеку от которой было найдено каноэ, которое сейчас так хорошо сохранилось в музее в Нойвилле. (См. стр. 481.) Предметы из Вингрейса состоят из каменных топориков, кремней и роговых рукояток. (Б. 462, с. 32.)

В 1886 году доктор В. Фелленберг объявил, что другая станция, получившая название "Бипшаль", была обнаружена Эдом Маттисом между Лигерцем и Тванном. (Б. 462, стр. 35.)

Вингельц.—Доктор В. Фелленберг утверждает (Б. 462, с. 32), что в 1874 году, когда было поднято большое каноэ, которое, как многие годы было известно, лежало в грязи близ Вингельца, было обнаружено глубоко зарытое ложе с реликвиями.

Примерно в 3000 футах от берега, напротив штайнберга Нидау, находится то, что предположительно было небольшой станцией, на которой было найдено несколько предметов, среди которых следует отметить большой каменный груз с железным кольцом вокруг него. Было замечено, что от него в направлении Нидау Штайнберг отходила группа свай, и, следовательно, предполагается, что мост раньше соединял эти две реки. (Б. 15 и 22.)

Между Вингельцем и Бьенне есть небольшой штайнберг, на котором, как говорят, было найдено несколько железных наконечников для стрел.

Порт.—Во время раскопок для "Исправления О-дю-Юра" было сделано несколько замечательных открытий, особенно вдоль Нижнего Тиля, между Нидау и Мейенридом. Сразу под маленькой деревушкой Порт были обнаружены остатки палатита каменного века. Станция, по-видимому, была значительной протяженности, поскольку сваи тянулись на несколько сотен ярдов вдоль линии канала. Залежь реликвий находилась на глубине 7 футов под поверхностью, и среди ее обломков были найдены различные орудия труда из камня и рога. Среди каменных кельтов был один из нефритовых, все еще в роговой оправе, рукоятка которого была покрыта голубоватым налетом аморфного вивианита. (Б. 446, стр. 11.)

НЕВШАТЕЛЬСКОЕ ОЗЕРО.

Озеро Невшатель, как и Бьенн, было усеяно озерными деревнями, особенно в более защищенных районах. Из данных, собранных полковником Дж. Швабом в 1863 году была составлена и опубликована карта, показывающая не менее 46 станций на озере; но многие из них представляли небольшую археологическую ценность, кроме указания на их существование. С тех пор в этот список было добавлено несколько дополнительных мест, и благодаря активности, с которой проводились исследования озер, особенно после спуска уровня воды в результате "Коррекции воды", многие из предполагаемых менее важных мест оказались чрезвычайно богатыми древностями.

Pont de la Thielle.—Покинув Бьеннское озеро и следуя по Верхнему Тиллю, мы прибываем к мосту Тилль (Цильбрюкке), который пересекает реку на небольшом расстоянии ниже того

места, где она вытекает из озера Невшатель. Немного выше этого моста и по обе стороны реки, кол. Шваб обнаружил сваи, среди которых он собрал несколько промышленных остатков на глубине 5 футов, из чего он сделал вывод, что здесь когда-то было обычное свайное жилище, расположенное в том месте, которое тогда, вероятно, было заливом озера. За исключением одной бронзовой заколки для волос, собранные предметы относились к каменному веку. (Б. 32.) В 1870 году В. Фелленберг провел некоторые дальнейшие исследования, которые, хотя и подтвердили сделанные ранее выводы, показали, что станция имела большие размеры, чем предполагалось ранее, и что слой реликвий был в некоторых местах глубоко погребен. Он перечисляет следующие реликвии как результат своих трудов: - 7 больших каменных топоров и 9 маленьких или несовершенных из серпентина, диорита и т.д.; - 20 орудий труда из кости — наконечники, кинжалы, долота и т.д.; - большое количество наконечников топоров-молотов из оленьего рога (перфорированных); - осколки кремня и другие кремневые орудия и один прекрасно обработанный наконечник стрелы; - нож из полированного нефрита. Судя по керамике, это была крупная паста, смешанная с грубым песком, а некоторые сосуды были украшены набалдашниками. (Б. 196, с. 281.)

По словам г-на Дардель-Торанса,^[5] Римская станция сменила палафитте, поскольку среди куч на правом берегу было найдено много предметов чисто римского происхождения. Среди них он упоминает бронзовую голову льва, часть пояса, серебряное кольцо, подобное помпейским, ножи, стамески, топоры и т.д., И плитку со знаком легиона CLXXI; также кусок обработанного рога с фигурками.

Ла-Тен (станции каменного века).—Недалеко от аутлета, на его северной стороне, находится знаменитая станция, известная как Ла-Тен, которая благодаря замечательному характеру и разнообразному ассортименту найденных на ней железных орудий дала название четко определенному периоду раннего железного века. Теперь, когда понижение уровня озера привело к тому, что его территория стала сухой, и исследование стало, таким образом, значительно облегченным, может показаться, что Ла-Тен был скорее цитаделью, возвышающейся над мостом, который пересекал Тиль у ее истока, чем настоящей деревней на сваях. Поэтому его рассмотрение будет отложено до тех пор, пока мы не перейдем к описанию озерных жилищ железного века.

Огибая озеро в западном направлении, мы сразу натываемся на серию из четырех станций, руины которых разбросаны по берегу между Ла-Теном и мысом Префаржье. Их *обломки* лежали в толстом слое древнего ила, который с тех пор был размыв и почти полностью смыт волнами, оставив более тяжелые предметы старины среди обкатанной гальки. Таким образом, было подобрано несколько красивых орудий труда из нефрита и жадеита, а иногда и предметы из меди, некоторые из которых до сих пор находятся во владении господ. Вуга, Дардель-Торанс и другие местные коллекционеры.

Святой Блез.—Эта станция приобрела известность только после того, как на озере начались операции по "Исправлению озера Юра"; и хотя ее исследование проводилось несколько бессистемно, находки, сделанные на ней, чрезвычайно интересны, поскольку они характерны для переходного периода. Поселение было расположено к западу от города Сен-Блез и, по-видимому, занимало большую площадь, поскольку сваи простирались более или менее до самого Отерива. Его главные исследователи и реликвия-держатели гг. Вога, Zintgraff, и Дардел-Торанс. В 1878 году доктор Гросс опубликовал описание его реликвий с двумя иллюстрациями, а впоследствии уведомление об этом появилось в *Anzeiger* (B. 376a) и *Das Ausland* (B. 418, стр. 49). Среди нескольких тысяч каменных топоров, около десяти процентов из которых перфорированные, много нефритовых, жадеитовых, хлормеланитовых и *соссуритных*. Последние, как правило, небольшие и устанавливаются в роговые

фиксаторы с разрезом на конце. Перфорированные топорики (один из которых представляет собой незаконченный образец, сердцевина которого все еще находится в отверстии) часто имеют один конец, выполненный в виде молотка (рис. 8, № 25 и 26). Среди множества обработанных предметов из рога и кости, таких как булавки (№ № 22, 23 и 24), дубинки с отверстиями (№ № 20) и кинжалы или наконечники копий (№ 21), есть несколько предметов необычной обработки, которые навели доктора Гросса на мысль, что они были частью машины для сверления отверстий в твердых материалах. Главный интерес, однако, заключается в количестве и разнообразии медных предметов, найденных на этой станции. Из примерно дюжины металлических изделий только одно считается бронзовым (№ 4) — кинжал с четко очерченным средним ребром, в то время как остальные состоят из двух плоских топоров (№ 6, фрагмент и 14), шести кинжалов по типу кремневого оружия (№ 1-5, 7 и 9), ножа (№ 8), [6] кусочек спирали (№ 18), наконечник стрелы с остатками асфальта (№ 16), два маленьких шила (№ 15 и 17), две серьги (№ 11 и 12) и две бусины (№ 10 и 13).

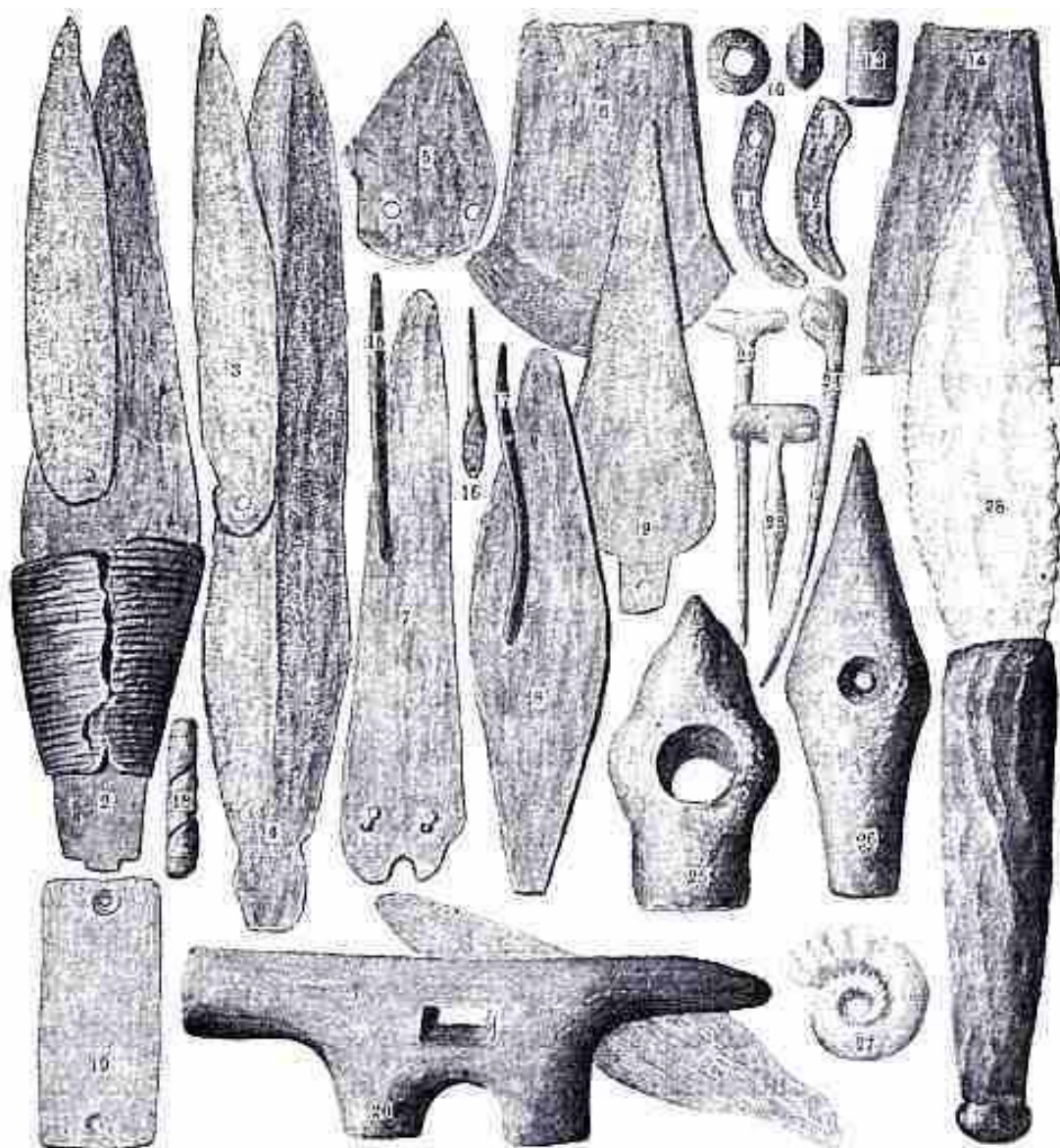

Рис. 8. Святой Блез. Номера 20 и 26 = $\frac{1}{4}$, остальные = $\frac{1}{2}$ реального размера.

Один из медных кинжалов был вделан в рукоятку из прутьев, остатки которой еще можно увидеть (№ 2), и сильно напоминает кремневый кинжал в аналогичной оправе, как показано на № 28. В качестве украшений с этой станции я изобразил ископаемый аммонит и гладкий

камень с отверстиями (№ 27 и 19). Две ископаемые раковины, аммонит (рис. 185, № 23) и пектункулус, описаны в Девятом отчете о Пфальбаутенах (В. 462) как происходящие из Офелиплатце.

Отерив.— Напротив деревни находилось очень большое поселение, в котором хранится значительное количество древностей смешанного характера, в основном рассеянных по музеям Невшателя, Берна, Бьенна и Цюриха. Полковник Шваб нашел два железных наконечника для копий и глиняную посуду. После расследования Шваба Десор обыскал станцию и нашел стейнберга. Среди наиболее интересных предметов: — маленькая фигурка в форме утки, украшенная полосками олова (рис. 195, № 13); ваза, также украшенная таким же орнаментом (рис. 193, № 6); костяной диск, украшенный концентрическими кругами, и несколько бронзовых подвесок (рис. 189, № 13, 14 и 16). В Берне есть четыре булавки с большими головками и несколько заостренных ножей, серпов, браслетов, колец-подвесок, рыболовных крючков и т. Д.; Также блюда из тонкой черной керамики с круглым дном.

Между этим пунктом и Невшателем находятся три станции, а именно. Шампревейр, Монруз и Крет, на которых было обнаружено несколько объектов. В 1885 году на глубине восьми футов был выловлен горшок из темной керамики, украшенный круговыми линиями и треугольниками ("*Wolfszahn-ornamenten*") диаметром 6 с половиной дюймов и высотой 4 с половиной дюйма, который, как предполагалось, принадлежал бронзовой мастерской Шампревейра.[7] В горшке находились песок и следующие предметы: —два каменных кельта, веретено-завиток, проткнутый бивень кабана, частично просверленная половинка каменного топора-молотка, два предмета из камня, немного красной и немного желтой охры.

Auvernier.—В защищенной бухте между Коломбье и Овернье находилось одно из самых больших и интересных поселений на озере. Он был обнаружен рано, и, несмотря на то, что его останки были покрыты слоем воды в десять или двенадцать футов, его тщательно обыскали. Профессор Десор установил, что рядом с одним и тем же местом были две разные станции, одна из которых была бронзовой станцией и находилась дальше в озере. Поселение каменного века, лежавшее как раз между последним и берегом, состояло из груды круглых и угловатых камней и занимало площадь почти в два акра. Сваи бронзовой станции были вмурованы в мягкий ил, и их верхушки выступали на один-два фута над дном озера. В одном месте Десор увидел каноэ и большие куски плетенки, торчащие из грязи. Среди предметов старины, собранных более ранними исследователями, — наконечники стрел различной формы с зазубринами и без них, богато орнаментированный наконечник копья, массивное кольцо-армилла, долото, рыболовный крючок и т.д. Также фрагменты керамики с различным орнаментом, на одном из которых было что-то вроде греческого узора или меандровой линии. Не менее двадцати иллюстраций Дезора (В. 95) относятся к предметам с этой станции.

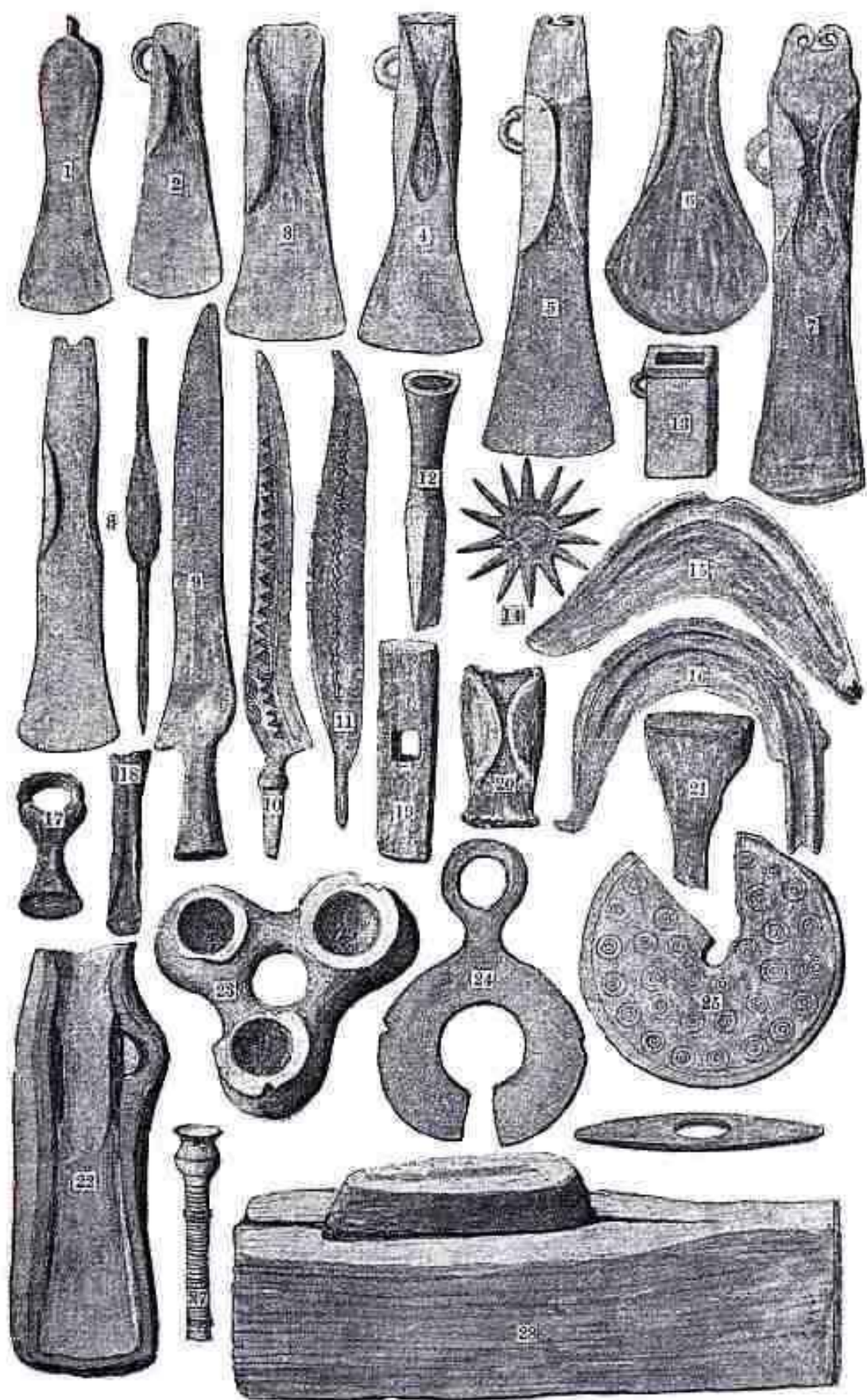
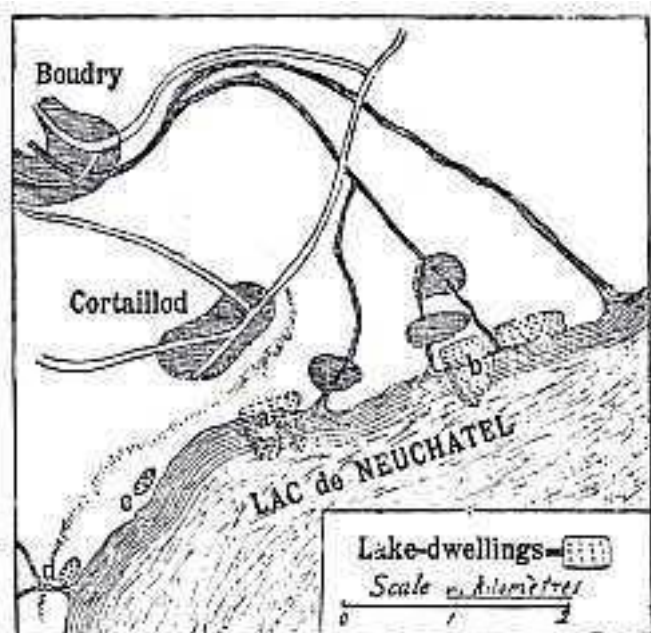

Fig. 9.—Auvernier. Все $\frac{1}{3}$ в натуральную величину. В

Станция систематически исследовалась в течение 1873 года и трех последующих лет, и отчет о результатах был опубликован доктором Гроссом в 1876 году. (Б. 286.) Он описывает предметы старины по следующим разделам, из которых видно, что место стоянки находится почти на одном уровне с местом в Мерингене: (1) Оружие, (2) инструменты, (3) предметы одежды, (4) предметы, принадлежащие к лошадиной сбруе, (5) формы, (6) керамика. Доктор Гросс на восьмом заседании Немецкого конгресса археологов в Констанце в сентябре 1877 г. дал дополнительный отчет о реликвиях из Овернье, в частности о мечах, которых было найдено шесть. (Б. 306.)

Иллюстрации на **рис. 9** включают различные топоры (№№ 1-8), ножи (№ № 9-11), зубило с гнездом (№ 12), выемку (№ 18); три молотка, один с квадратным гнездом и боковой петлей (№ 13), другой с квадратной перфорацией посередине (№ 19), а третий по форме напоминает верхнюю часть крылатого топора (№ 20); два серпа (№ № 15 и 16), звездообразный орнамент (№ 14), подвески (№ № 17 и 24), половинка формы для топора (№ 22) и декоративный предмет (№ 27). Все вышеперечисленные предметы сделаны из бронзы, а из оставшихся один (№ 23) представляет собой трехгранное глиняное блюдо, два - из кости (№ 25 и 26), и последний (№ 28) представляет собой каменную наковальню в деревянном корпусе. Рукоять одного из мечей показана на **рис. 186**, № 3.

Кортайллод.—Затем мы приезжаем в окрестности Кортайллода, где было несколько поселений. Из замечательных и кратких заметок г-на А. Вога (Б. 393 и 414а) о более поздних открытиях следует, что главная станция (Station Principale, отмеченная а на прилагаемой **Эскизной карте**) находилась почти напротив деревни Пти Кортайо и состояла из двух участков — одного, ближайшего к берегу, с реликвиями каменного века; а другой, с реликвиями, характерными для бронзового века. В нескольких сотнях ярдов к северу находилось еще одно крупное поселение каменного века (станция де ла Фабрик, **b**), также с участком бронзового века на внешней стороне, или со стороны озера. На южной стороне главной станции были замечены две небольшие группы свай, вероятно, остатки эмбриональных станций, которые так и не были достроены (**c** и **d**). На одном из них было найдено замечательное деревянное орудие, предположительно забиватель свай, длиной 5 футов 4 дюйма (**рис. 184**, № 4).

Первое исследование поселения началось весной 1858 года, когда г-н Тройон, осмотрев станции близ Ивердона, посетил местность и выудил пять бронзовых браслетов, а также несколько заколок для волос и несколько маленьких колец, которые сейчас находятся в музее Лозанны. Г-н Бурки из Пти Кортайо также нашел несколько бронзовых предметов, некоторые из которых он продал Агассису.

Эти соответствующие успехи побудили полковника. Шваба и проф. Десор хотел бы обратить их внимание на Кортайо, который в течение нескольких лет собрал коллекцию очень замечательных предметов. Среди них заслуживают внимания следующие: —бронзовое колесо диаметром 19½ дюйма с четырьмя спицами (**рис. 10**, № 17); излишек бронзовой отливки, отломанный, очевидно, после завершения операции; несколько подвесок в виде полумесяца и другой различной формы (№ 10, 12 и 21); браслеты (№ 14); массивное кольцо, украшенное концентрическими кругами (№ 15); несколько булавок с крупными головками, серьги (№ 7), запонки (№ 22), топоры, серпы, рыболовные крючки, янтарные бусы. и стекло, ложка из терракоты и т. Д.; Но самой новой была посуда, особенно большая тарелка, украшенная оловянными полосками, расположенными в виде различных линий, кругов и греческого меандра (**рис. 193**, № 2).

Из четырех братьев Копп, работавших на этих антикваров, один впоследствии начал за свой счет и продал находки, и таким образом многие реликвии разошлись по другим местам. В 1874 году было найдено бронзовое ожерелье (**рис. 10**, № 3), которое, по словам г-на Вога, до сих пор находится у джентльмена из Овернье.

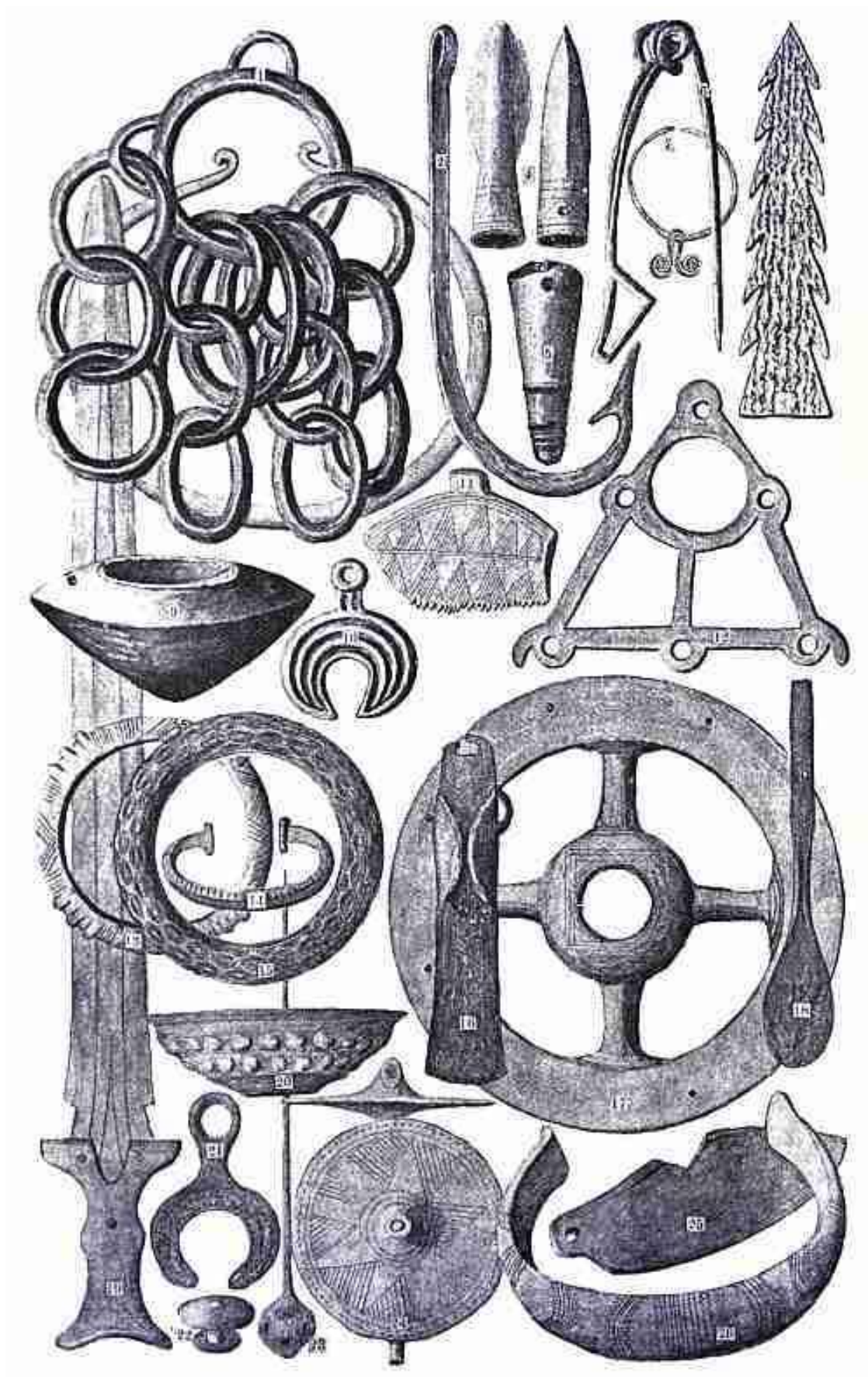

Рис. 10.—Кортайо и Беве (16, 18 и с 23 по 26). Номера 8, 16 и с 18 по 20 = $\frac{1}{4}$, 15 = $\frac{1}{3}$, все остальные, за исключением 17 = $\frac{1}{2}$ реального размера.

В 1876 году рыбак нашел меч, который он продал хранителю музея в Бейле (№ 19).

Тем временем часть главной станции, относящаяся к каменному веку, была мало исследована, поскольку реликвии были глубоко захоронены. Здесь, однако, ранее были найдены некоторые железные предметы ла-тенского типа, а именно. серп (Б. 31, стр. xiv. 20) и каменный якорь с железными обручами, ныне находящиеся в музее Шваба. В 1878 году, когда правительственные дренажные работы на озере начали сказываться, было подобрано много предметов. В связи с этим господа. Вуга и Ф. Борель начали систематические раскопки, и это послужило примером для властей музея Коломбье и Общества музея Будри, которые также начали работу с бригадой рабочих. Среди предметов, собранных до 1883 года, г—н Воуга выделяет следующие:-

Камень.— Несколько точильных камней из песчаника; большой полый камень для измельчения кукурузы размером 1 фут 6 дюймов на 1 фут 9 дюймов и толщиной 5½ дюймов с углублением глубиной 2½ дюйма; несколько сотен молотков, кукурузодробилок и т.д.; части камня со следами распиливания и перфорированные сетчатые грузила; также веретенообразные завитки, овальный молоток из змеевика, украшенный шевронами; несколько перфорированных каменных топоров и т.д.; около 1200 простых топоров, почти треть из которых все еще были в своих роговых креплениях. Большинство этих роговых приспособлений были вставлены в деревянные ручки, но, конечно, все следы последних, как правило, исчезли; среди них было только 12 нефритовых орудий. Около 1500 долот или небольших кельтов, лишь немногие из которых были сделаны из жадеита. Один кельт был сделан из кремня, очень редкой вещи в этих краях, а наконечник стрелы был из полированного змеевика. Многие тысячи орудий труда из кремня различных цветов — пилы, ножи, скребки, кинжалы, наконечники стрел и копий. Наконечники стрел обычно были треугольными без крыльев, а некоторые имели ромбовидную форму. Самый большой кремневый кинжал имеет длину 9 дюймов (музей Коломбье); а некоторые пилы, когда их нашли, все еще были закреплены в ручках асфальтом.

Горн.—Около 3000 приспособлений для каменных топоров, из которых около трети были идеальными. Эти орудия не раздвоены на конце, как это часто бывает с орудиями, найденными в Овернье и в других местах; и многие из них изготовлены лишь частично, так что можно было бы предположить, что здесь была фабрика по их специальному изготовлению. Были также перфорированные молотки и большое количество зубил, указок и т.д.; Также несколько больших табличек, использование которых неизвестно. Из двадцати зазубренных гарпунов один, длиной 8 с половиной дюймов, имеет двенадцать зазубрин (№ 8), а один (сейчас находится в музее Будри) незакончен. Примерно столько же пенделек или бусин и несколько маленьких предметов, похожих на наконечники стрел.

Кость. Большое количество наконечников и долот, некоторые из которых были вставлены в рукояти; множество шил, наконечников копий и дротиков; тридцать кинжалов; около двадцати продырявленных зубов волка или собаки; пятьдесят обработанных бивней дикого кабана и несколько вставленных в рукояти; связки заостренных ребер (льняных щеколд).

Дерево.—Овальная чашка из тиса размером 4 на 2½ дюйма; другие были найдены, но не сохранились. Маленький молоток и кусочки плетенки.

Металл.— Маленький круглый медный браслет и плоский бронзовый топорик с круглой режущей кромкой.

Керамика. Фрагменты грубой посуды, встречающиеся повсюду и обычно указывающие на грубо сделанные сосуды; и несколько перфорированных грузил цилиндрической и круглой формы.

Как воды стало меньше, бронзовая станция стала более доступной, а соответственно и ее исследование было начато гг. Борель, из Будри, и Кайзер, Эставайе. Среди собранных здесь древностей следующие:—

Бронза.— Несколько топориков и ножей; четыре бритвы разных типов (одна выкована из фрагмента браслета); пять серпов; браслет, украшенный линиями и концентрическими кругами, а другой закрытый (№ 13), также украшенный орнаментом; три маленьких браслета; несколько пуговиц, шпилек и т.д.; наконечник ножен (№ 5); несколько наконечников копий, один украшенный орнаментом (№ 4); две фибулы (№ 6); множество заколок для волос, несколько сотен рыболовных крючков; ожерелье из двадцати бронзовых колец, соединенных цепочкой. из меди; и чашка, ныне находящаяся в коллекции доктора Гросса (№ 20).

Среди других реликвий были фрагменты чашек, ваз и другой керамической посуды с орнаментом, около двадцати глиняных подставок, сотни веретенообразных завитушек и т.д. № 11 представляет собой подвеску, материал которой никто не может определить, поскольку это не камень, не кость, не рог и не керамика.

Осенью 1884 года уровень воды был необычно низким, а сваи, оставленные высокими и сухими, представляли такой необычный вид, что многих посетителей привлекло это необычное зрелище. Затем было подобрано множество предметов. Один браслет, украшенный концентрическими кругами, был продан за восемьдесят франков. Среди других предметов, описанных Воугой, следующие: большой рыболовный крючок (№ 2) длиной 4½ дюйма; кусок дерева, окруженный двумя медными полосами; бронзовая булава с перфорированной головкой и еще одна с плоской головкой; маленькая ваза с четырьмя отверстиями (№ 9), маленькая лампа с ручкой, похожей на ложку, и бронзовый кулон, состоящий из одиннадцати массивных колец (№ 1).

Беве.—В ранний период здесь было известно несколько станций, и некоторые объекты с них были описаны Тройоном, Келлером и Десором. Они состоят из бронзовых кельтов (№ 16 и 18), серпов, заколок для волос (№ 23 и 24), браслетов (№ 26), бритвы (№ 25), глиняных колец и т. Д., Которые сейчас находятся в коллекциях Шваба, Дезора и других.

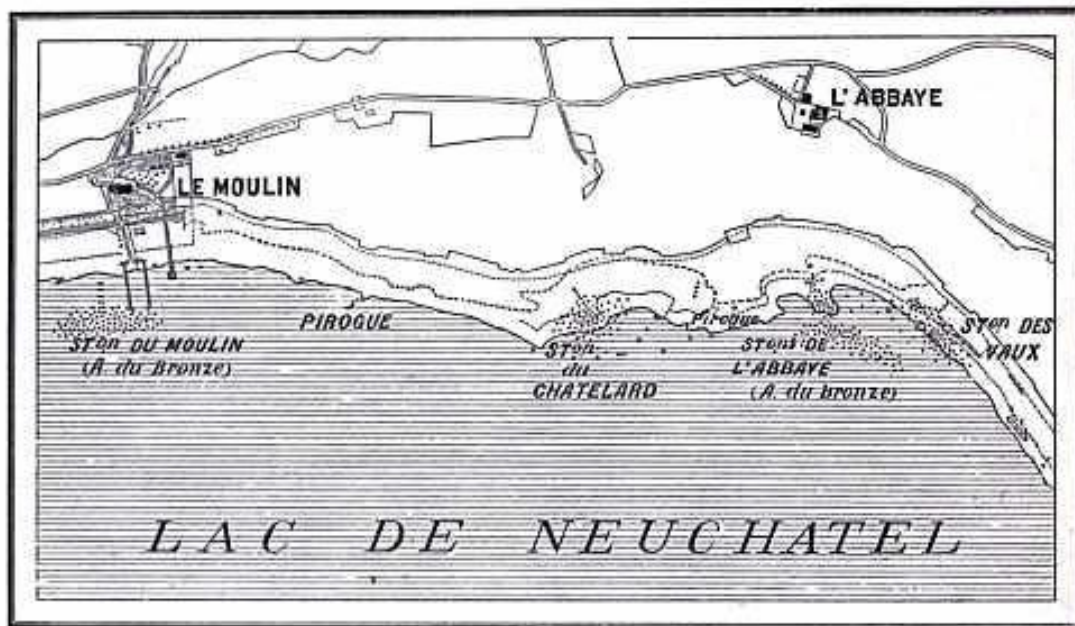
После спада уровня воды в озере Невшателъ господ. Борель систематически исследовал станции в районе Беве и сообщил о них. (В. 445.) От Ла-Тюильер до Трейтеля, береговой линии протяженностью около двух миль, они описывают семь отдельных населенных пунктов, содержащих станции, в основном каменного века. К их описанию прилагается превосходная карта; и если бы они добавили несколько иллюстраций, ее ценность значительно возросла бы.

Одним из самых больших недостатков для посторонних, желающих ознакомиться с археологическими результатами швейцарских озерных исследований, является отсутствие точной карты, показывающей площадь и распределение соответствующих станций; и если это пожелание когда-либо будет реализовано для тех озер, которые попали под влияние Поправки О-дю-Юра, нельзя терять времени, поскольку большинство станций сейчас находятся на суше и почти полностью покрыты растительностью; и эту работу могут выполнить только местные археологи, такие как г-н Дж. Борель, который в течение многих лет обладал практическими знаниями о станциях по соседству.

Прилагаемый [Эскиз карты](#) (после рисунка господ . Борель) показывает, что, хотя фундаменты двух стоянок бронзового века все еще находятся в озере, все постройки каменного века

полностью находятся на суше. На это различие давным-давно указывали Десор и другие, но только после понижения уровня озера такая практическая демонстрация стала возможной.

Господа. Борель предполагает свое согласие с предлагаемым разделением озерно-каменного века на три периода, а именно. первый или ранний период ("период становления"), характеризующийся грубостью и простотой промышленных остатков; второй ("замок пьера"), демонстрирующий коммерческий и сельскохозяйственный прогресс, и особенно большое мастерство кельтов в изготовлении всевозможных каменных изделий; и третий ("переходный период"), который стал свидетелем внедрения металлов среди жителей озера.

Эскиз карты берега озера Невшатель близ Беве с указанием взаимного расположения станций каменного и бронзового периодов.

Типичные примеры всех этих периодов были обнаружены в округе Беве, как будет видно из следующих заметок, взятых главным образом из данных, предоставленных господами. Борель:—

(1) *Station de la Tuilière*.— Это поселение относилось к самому раннему озерному периоду и, будучи сильно подверженным воздействию ветров, по-видимому, было быстро заброшено. Груды сильно обветшали, и их трудно найти, а реликвии немногочисленны и относятся к примитивному типу. Зафиксированы только грубые каменные топоры, несколько гирь и кремни темного цвета.

(2) *Вокзал Во*.— Между Ла Тюильер и вокзалом Во находится мыс "Дю Грен", где по обе стороны от него разбросаны римские плитки. Остатки этого свайного жилища расположены рядом с небольшим источником воды и прямо под возвышенностью, которая здесь покрыта виноградными лозами. Груды расположены двумя группами с небольшим интервалом между ними, но они представляют два разных периода каменного века. Первая или более восточная группа простирается на 100 ярдов при ширине 40 ярдов параллельно озеру; и хотя она находится дальше в пределах бассейна старого озера, господа Дж. Борель - старший из двух, современник Ла-Тюильера и самого раннего озерного поселения на озере. Россыпь обломков камней отмечает его центр, но при обследовании удалось обнаружить лишь

несколько небольших каменных кельтов, наконечники стрел и копий из темного кремня и немного грубой керамики. Среди костных останков есть несколько челюстей бобра.

Вторая группа занимала меньшую площадь, чем предыдущая, и в ней не было стейнберга, но, с другой стороны, было хорошо развитое реликтовое ложе толщиной примерно от 12 до 16 дюймов, в котором хранились реликвии явно более продвинутого характера, такие как хорошо сделанные орудия из оленьего рога, включая разнообразные рукояти для каменных кельтов. Самой важной находкой здесь был человеческий череп долихоцефального типа. (*Antiqua*, 1884, p. 106.) Самые внутренние отвалы этой группы находились всего в 30 ярдах от виноградников, в то время как соответствующие отвалы первой группы находились на расстоянии 70 ярдов. Аномальное утверждение о том, что второе или более развитое поселение каменного века с самого начала располагалось во внешней зоне (факт, который применим ко всем исследованным на побережье Бевер, господина Дж. Борель объясняет это предположением, что площадь озера постепенно увеличивалась с тех пор, как были основаны более ранние поселения. Впоследствии мы увидим, что это предположение вполне обосновано на доказательствах, которые при тщательном наблюдении можно было бы значительно умножить.

(3) *Station de l'Abbaye*.— Немного дальше находится место другой стоянки каменного века, представляющее те же признаки более древнего и более молодого периода, а также имеющее такое же относительное расположение друг к другу, какое мы видели на станциях Во, а именно. те, кто постарше, занимали положение, более продвинувшееся в бассейн старого озера. Перед этими двумя станциями, Де-Во и Де-л'Аббай, находятся остатки большого поселения бронзового века, сваи которого, даже когда уровень воды в озере самый низкий, все еще находятся на глубине нескольких футов; оно тянется параллельно берегу, около 200 ярдов в длину и 160 в ширину. В дополнение к реликвиям, найденным более ранними исследователями (Тройон, Дезор, Вуга, доктор Клемент и др.), и уже замеченным, на станции зафиксированы следующие бронзовые предметы, все из которых находятся либо в частной коллекции господ. Борель или в схоластическом музее в Бевер:—

Шесть кельтов (один из которых с носком), часть ножен от меча, четыре зубила (некоторые красиво украшены), пять серпов, двадцать рыболовных крючков, три браслета, две бритвы, 105 заколок для волос (всех размеров и форм), пять пенделек, две серьги, две пуговицы, два кольца для пальцев, двенадцать больших и 195 маленьких колец и т.д. Среди других находок - фрагменты орнаментированной керамики, глиняное кольцо-подставка, три стеклянные бусины, гири, точильные камни и т.д.

(4) *Вокзал Шатлар*.—Эта станция содержала штейнберг, занимавший площадь в 3000 или 4000 квадратных ярдов, и была соединена с берегом полоской суши, на которой был установлен ряд ступенек. Реликвии, обнаруженные на этом месте, включают около 200 каменных кельтов (десять из которых нефритовые), сорок рукояток из оленьего рога и креплений для кельтов, зубила, каменные молотки, кремневые орудия и т.д. Особой характеристикой станции является появление среди этих реликвий каменного века следующих бронзовых предметов, а именно небольшой перфорированной таблички, двух заколок для волос, четырех маленьких кинжалов, трех плоских кельтов. Г-н Борель утверждает, что были найдены и другие кельты этого типа, один из которых, насколько ему известно, находился во владении г-на Русселе и по одному в каждом из музеев Невшателя, Берна и Цюриха. Один из изображенных здесь (рис. 10, № 18) находится в музее Шваба в Бьенне. Следовательно, эта станция относится к переходному периоду и во многих отношениях сравнима со станцией Розо в Морже.

(5) *Станция дю Мулен*.— Пройдя примерно 600 ярдов дальше на запад, мы подходим к изолированной станции бронзового века, сваи которой все еще находятся более чем в 50 ярдах от нынешнего берега; и до спада воды ее место было покрыто примерно 16 футами воды. Предполагается, что из-за нехватки реликвий на этой станции поселение существовало недолго. Десор нашел здесь несколько украшенных образцов большого полого браслета. У мистера Бореля есть только один маленький экземпляр и часть большого браслета этого типа. Другие бронзовые предметы - это пара рыболовных крючков, несколько булавок и сережек. Фрагменты керамики, однако, пропорционально более многочисленны, среди них ваза элегантной формы, отполированная снаружи графитом. К востоку от этой станции в 1879 году было найдено прекрасное каноэ длиной 26 футов, которое сейчас хранится в музее в Шо-де-Фон.^[8]

(6) *Станция порта*.—Остатки этой небольшой станции, относящиеся исключительно к каменному веку, расположены по обе стороны небольшого ручья, впадающего в древний порт Беве. Исходя из характера реликвий, господ. Борель считает, что часть с восточной стороны относилась к первому озерному периоду, в то время как часть с западной - к более позднему. Казалось бы, поселение было карликовым по сравнению с соседним большим палафитом в Трейтеле.

(7) *Станция Трейтель*.—Эта станция представляет собой прекрасный пример периода второго каменного века. Его *обломки* находятся на открытом берегу, простираясь более чем на 300 ярдов в длину и занимая площадь примерно от 8000 до 10 000 квадратных ярдов. Впервые он был исследован в 1857 году М. Русселе, который, несмотря на то, что тогда он был затоплен, собрал из него прекрасную коллекцию предметов, которая сейчас находится в музее в Невшателе. Кремневые орудия сделаны особенно хорошо, а сырье, в котором виден тонкий желтоватый и частично прозрачный кремнь, предположительно было импортировано из Галлии. Роговые рукоятки и крепления для каменных кельтов разнообразны по форме, а также имеется богатый ассортимент других реликвий.

Chez les Moines.— Здесь есть стейнберг, но найденные древности неважны, всего несколько орудий из оленьего рога и несколько каменных кельтов. Также были найдены фрагменты римских плиток.

Сент-Обен.—Эта станция находилась недалеко от берега и содержала огромный стейнберг размером 300 на 200 футов. Его исследованием в основном занимался доктор Клемент из Сент-Обена. Обен, который собрал великолепную коллекцию его древностей, которые показывают, что поселение принадлежало почти исключительно к каменному веку. Особого внимания заслуживают кремневые пилы с рукоятками из тиса и оленьего рога; наконечники стрел, часть древка которых все еще покрыта асфальтом; несколько бусин — одна из стекла и две из янтаря; три маленьких золотых украшения; перфорированные зубы медведя, волка или собаки. Многие предметы из коллекции доктора Клемента проиллюстрированы во втором и третьем томах *материалов*, страницы 511 и 259 соответственно; а также в отчетах Келлера. Роговые крепления чрезвычайно разнообразны, а те, что для кельтов, предназначенные для использования с деревянными ручками, заканчиваются либо расщепом, либо прямо срезаны. Костяные орудия особенно хорошо сделаны, и многие наконечники закреплены в рукоятках. Наконечники стрел также хорошо зазубрены и имеют продолговатую или треугольную форму. В Цюрихском музее хранится прекрасно отточенный кремневый кинжал длиной более девяти дюймов, принадлежащий этой станции. (См. **Рис. 185**, № 2, 3, 5, 6 и 9.)

Кратко.—Г-н Роша, который первым исследовал остатки этого поселения, описывает полукруглый штейнберг, занимавший часть станции. (Б. 34.) Выпуклая часть смотрела на юг, в сторону озера. Его длина составляла 459 футов, а ширина - 255 футов, и когда уровень озера был самым низким (до коррекции О-дю-Юра), его вершина была всего на несколько дюймов ниже поверхности воды. Слой реликвий был поверхностным, но сваи глубоко уходили в грязь. Во время строительства железной дороги в 1859 году, которая здесь проходила через небольшой участок озера, использовалась дноуглубительная машина, когда сотнями собирались всевозможные древности. Как правило, они продавались от имени рабочих, и, следовательно, предметы из "Краткого изложения" широко распространены, некоторые из них отправились в Америку. На Стейнберге и вокруг него древности относятся к каменному веку. Здесь дноуглубительные работы продолжались в течение шести недель на фоне большого археологического ажиотажа, который привел к созданию множества фальсификаций. (Б. 28, 31 и 39.) Среди огромного количества обнаруженных промышленных остатков были предметы самого разнообразного вида, но все в этой части станции были характерны для каменного века; такие как пилы, ножи и наконечники кремневых стрел; сотни каменных топориков, в основном из змеевика, только два или три были из нефрита; перфорированные каменные грузила и молотковые камни. Из кости и рога были сделаны долота, наконечники, кинжалы, гарпуны, чашки и т. Д. Среди керамики были круглые блюда с перфорированными ручками, маленькие и большие вазы, тарелки и чашки; также несколько ваз с коническими основаниями и соответствующими глиняными кольцами. Глиняные шарики размером в два кулака с отверстиями напомнили мистеру Тройону аналогичные предметы из Вангена.[9]

Среди останков животных были обнаружены три фрагмента человеческих черепов и две челюсти. Также один зуб лошади.

В течение последних нескольких дней этих работ дноуглубительную машину переместили в северо-восточном направлении, и здесь были обнаружены бронзовые предметы, такие как топорики, заколки для волос, ножи, пуговицы, спирали, бусы, кольца и т.д.

Таким образом, получается, что существовало две станции — одна каменного века, а другая бронзового; или что часть первой сохранилась в бронзовом веке.

Именно в окрестностях этой станции капитан Пиллихорди в 1832 году вытащил на поверхность каноэ и два красивых бронзовых меча, только один из которых, как сейчас известно, находится в музее Невшателя. В сентябре 1889 года доктор Эванс показал мне, среди многих других предметов из швейцарских озерных жилищ, шпагу фирмы Concise, купленную им в Париже в 1887 году, которая сразу же поразила меня как другое оружие, столь таинственно исчезнувшее в 1832 году. Рукоять и кончик лезвия этого меча представлены здесь (рис. 11, № 24), и при сравнении с рисунками его предполагаемого собрата из Невшателя (Б. 34, стр. iii. 35; В. 119, 2-е изд., Стр. iii. 17; В. 31, Стр. xi. 11; и В. 252, стр. v. 10), их замечательное сходство будет сразу видно. То, что находится в коллекции доктора Эванса, имеет общую длину 26 с половиной дюймов. Лезвие из желтой бронзы длиной 21 дюйм и заканчивается несколько закругленным концом.

В январе и феврале 1885 года часть станции, до сих пор не исследованная, высохла, и было найдено огромное количество предметов, в том числе бронзовые булавки (рис. 11, № 2, 3, 8, 10 и 11), топоры, браслеты, серпы, ножи, подвески (№ 9 и 13), жестяные диски (№ 4), деревянные гребни (№ 7), вазы и т.д. Среди наиболее примечательных предметов, описанных и изображенных мистером Воугой (В. 414d), следующие: — Ожерелье, сделанное из свернутых бронзовых полосок, образующих трубки и украшенное полыми линиями (№ 1).

Некоторые из этих трубочек сделаны из золота, и вкраплены в них три бронзовые пуговицы и несколько маленьких синих бусин. Два браслета или замкнутых кольца с орнаментом (№ 6); кольцо с выступом внутри; и кулон причудливой работы (№ 12). Эти предметы в основном принадлежат частным коллекционерам.

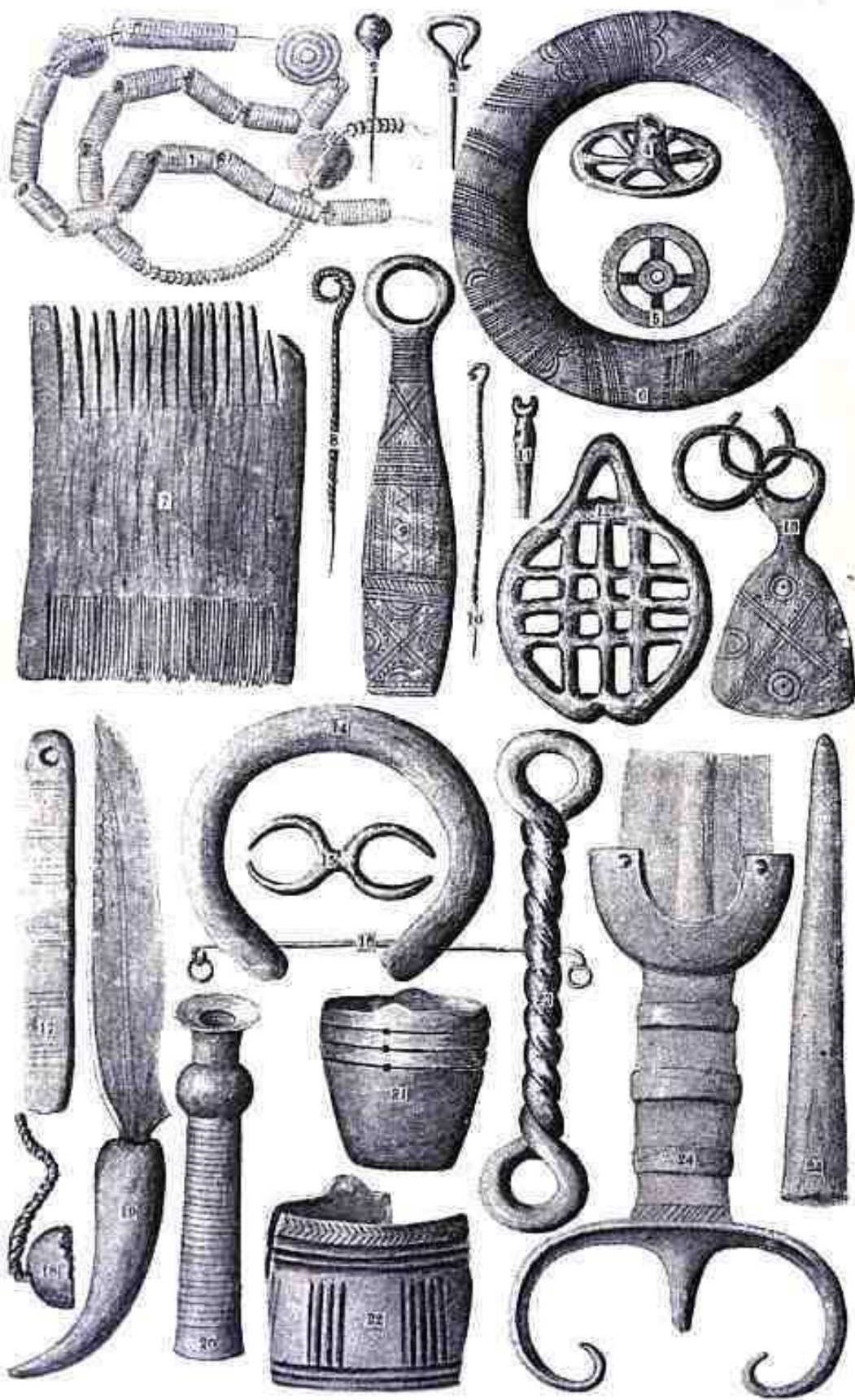

Рис. 11.—Корсеты (5 и с 14 по 23) № 21 и 22— $\frac{1}{4}$, остальные = $\frac{1}{2}$ реального размера.

Оненс.—Две станции расположены недалеко от деревни Оненс — одна (каменный век) к востоку от деревни, а другая (бронзовый век) к югу. Первый, ныне полностью

расположенный на суше, был мало исследован, поскольку в течение некоторого времени был покрыт растительностью. "Je crois," says M. de Meuron, "cependant qu'elle a dû être importante d'après son étendue et la quantité de cailloux éclatés que recouvrent le sol. Cette station appartient à moi; mais la végétation y est devenue si belle que je la laisse pour les générations futures." (B. 462, p. 47.)

На бронзовой станции несколько лет назад было найдено несколько замечательных пенделек в виде тонких бронзовых дисков, которые сейчас хранятся в музее в Невшателе; и после этого открытия они были частично исследованы М. Морель-Фатио, д-ром Бриером и другими. М. де Мерон утверждает, что у него есть несколько предметов с этой станции, а именно: топоры, стамески, браслеты и великолепный наконечник копья длиной 10 дюймов. Из Оненса поступает свинцовая лепешка с подвесными петлями, аналогичными тем, что производятся в Воллискофене (рис. 4, № 24). Иллюстрации некоторых бронзовых дисков приведены на рис. 189, № 1-3.

Корсеты.—Первые исследователи наблюдали две группы куч, одну к востоку, а другую к западу от деревни Корселет, и собрали ряд древностей бронзового и железного веков. Станция, однако, никогда систематически не исследовалась до понижения уровня воды в 1876 году, когда было установлено, что она является одной из самых плодородных и интересных на озере Невшатель. Участок, исследованный с тех пор, описан доктором Гроссом как лежащий непосредственно перед деревней и в 2 километрах от Внука. Он простирался примерно на 200 метров в длину и 100 в ширину. Слой реликвий был тонко засыпан песком и сильно различался по толщине, максимум от 3 футов в центре до края, где он становился тоньше. Собранные здесь бронзовые реликвии, таким образом, оценены доктором Гроссом на двенадцатом собрании Немецкого антропологического общества:— [10] 60 топоров, 4 молотка, 30 серпов, от 60 до 70 ножей, 10 мечей (три из которых целые), 150 целых доспехов и множество фрагментов, 20 наконечников копий, 12 дисков (фалер), 300-400 заколок для волос, 3 сосуда, 11 формы (одна из бронзы и 10 из песчаника), а также множество мелких предметов, таких как пуговицы, подвески, кольца и т.д. Вместе с бусами из стекла и янтаря, маленькими оловянными предметами в форме кругов было около 300 целых глиняных сосудов, некоторые из которых были украшены оловянными полосками, полумесяцами и т.д.

Бронзовые топоры были в основном обычного типа, то есть с четырьмя крыльями и боковой петлей; четыре были с носками, но ни одного плоского.

Кинжалы, по-видимому, были редкостью в корсетах, поскольку был найден только один образец, со следами заклепок и слегка орнаментированный с одной стороны.

Ножи, как правило, были небольшими, но один достигал 10 с половиной дюймов в длину, а у нескольких были массивные рукояти, красиво украшенные орнаментом. Бритв было множество; одна была сделана из сломанного браслета, другая - с двойным лезвием, на ней виднелся перелом, который был аккуратно заделан бронзовой проволокой. Конские удила были из бронзы и рога. Бронзовые полые браслеты красиво орнаментированы, и внутри некоторых из них были обнаружены кусочки воска, предположительно являющиеся остатками центральной сердцевины этого материала, который использовался при литье.

Примечательно, что среди множества украшений с этой станции нет ни одной фибулы, за исключением части той, которая заявлена как привезенная из Скандинавии (рис. 189, № 19).

Из дерева там были: — Круглый дубовый стол; - небольшой ящик размером 8 на 2 с половиной дюйма; - обломок весла.

Из трех бронзовых блюд одно имеет ручку, прикрепленную заклепками; а из двух других (которые находятся в музее в Лозанне) одно северного происхождения (**рис. 189**, № 20).

Корсеты, как и большинство других швейцарских озерных жилищ, были уничтожены пожаром, в доказательство чего доктор Гросс указывает на массу бронзовых предметов в полурасплавленном состоянии, состоящих из трех топориков, четырех браслетов, наконечника копья и серпа. (Фигурирует в В. 392, стр. xxii. 12.)

Одна из крупнейших коллекций корсетов находится в музее в Лозанне, о которой я сделал следующие наброски:—

Керамика.— Дно вазы, отмеченное кончиками пальцев гончаров; некоторые блюда украшены узорами из селечных костей (**рис. 11**, № 22), а другие - круглыми канавками, каждая из которых имеет небольшую перфорацию, как у Констанс (№ 21); маленькие игрушечные чашечки, три из которых двухгранные; глиняные кольца с подогнанными к ним тарелками; две фигурки животных; кусочки глиняных стенок со следами круглых бревен.

Дерево. Фрагменты плетения корзин, две фигурных ручки из дерева для серпов, фрагменты деревянной посуды (одна с ручкой).

Бронза.— Примерно из 100 больших полых браслетов более или менее совершенного вида около 50 украшены поперечными линиями; остальные имеют различные рисунки из линий и кругов. Несколько браслетов цельные, более или менее кольцеобразные, с заостренными или расширенными кончиками. Четыре браслета сделаны из двойной проволоки, один из которых имеет спиральную канавку и заканчивается крючком с ушком. Из шести маленьких молотков с гнездами три имеют боковые петли, и все они более или менее прямоугольной формы. Среди 60 топориков только шесть имеют гнезда, и почти у всех есть боковые петли, но нет концевой защелки. У двух боковая петля расположена поперек режущей кромки.

Из 78 ножей девять имеют гнезда, у трех сплошные рукояти, по-видимому, являющиеся частью лезвия, а остальные имеют зазубрины (три загнуты в петлю наверху).

Среди нескольких сотен штифтов только семь или восемь имеют перфорированные головки.

Из трех удил одно целое (**рис. 191**, № 8); а от остальных осталась только скрученная центральная часть (**рис. 11**, № 23). Кроме того, есть 14 перфорированных участков рога, которые, как предполагается, были частями уздечек.

Среди особых предметов с этой станции - тонкий бронзовый стержень, заканчивающийся на каждом конце подвижным кольцом, чем-то похожим на балку весов (№ 16). В музее в Будри есть любопытная декоративная трубка из бронзы (№ 20).

В 1888 году доктор Бриер отправил в *Antiqua* короткую заметку (В. 463а), в которой он перечисляет следующие предметы как наиболее интересные среди недавних находок: Браслет из бурого угля (№ 14), жестяное колесо (№ 5), бронзовый амулет, похожий на оправу очков (№ 15), большой бронзовый нож с роговой ручкой (№ 19), амулет из оленьего рога (№ 17), янтарная бусина, подвешенная на витой бронзовой проволоке (№ 18), и полный набор украшений. уздечка — наконечник из рога (**рис. 191**, № 1).

Les Uttins (Yverdon).— У подножия горы Шамблон, примерно в миле от озера, есть несколько залежей торфа, которые крестьяне привыкли использовать в качестве топлива. Здесь в двух местах, по словам г-на Роша,^[11] сообщается, что резчики торфа наткнулись на сваи и поперечные балки с пазами. Верхушки свай находились на глубине от 6 до 10 футов под

поверхностью. В одном из таких болот были найдены кремневый наконечник стрелы, две каменные кельты из змеевика и бронзовый браслет; и, следовательно, господа Дж. Тройон и Роша (В. 31, с. 70) считают, что здесь был палафитт — предположение, которое включает теорию о том, что озеро раньше простиралось до этой местности. Эта теория также не лишена некоторых доказательств в ее поддержку, поскольку количество обломков, сбитых "Тилле", очень велико. Исходя из предположения, что римский город Эбуродунум, руины которого сейчас находятся на расстоянии 2500 футов от нынешнего берега, был построен на озере в четвертом веке, мистер Тройон подсчитал, что уровень воды в озере должен был быть таким же, как на месте палафитте, примерно за пятнадцать веков до христианской эры.

Кленди, Шез и Шабль-а-Перрон.— Вдоль этой части берега было три или четыре поселения стейнбергов, но сваи сейчас разрушены, а немногочисленные собранные древности, по-видимому, относятся к каменному веку. Шабль-а-Перрон занимает площадь около 3500 квадратных ярдов, но единственными найденными древностями были змеевидные топорики и их роговые крепления, несколько кремней, заостренные кости и фрагменты грубой керамики. (Р. 336.)

Некоторые интересные заметки о ранних исследованиях и открытиях, сделанных на различных станциях в окрестностях Ивердона, приведены г-ном Роша в третьем отчете Келлера о Пфальбаутенах. (Б. 34.)

Шриффт.— На этой станции был найден камень с надписью "чаша", и Тройон сообщает, что несколько предметов - любопытная бронзовая игла, римские плитки и имперские римские деньги — были родом из одного и того же места. Профессор Гранжье из Фрибурга, [12] нашел здесь несколько римских медалей, а также железный наконечник стрелы, железные ключи и, впоследствии, весло. [13] Он утверждает, что все побережье, от Фонтана до Эставайера, было занято сваями, и что он пытался составить план станций, но отказался от этого, потому что конфигурация постоянно менялась. Первоначальные условия были также полностью изменены количеством свай, добытых рыбаками. Он знал одну семью, которая на протяжении двух поколений никогда не пользовалась никакими другими дровами, кроме куч, добытых на приозерных станциях. Одно место, примерно на полпути между Фонтом и Эставайером, было хорошо известно своими древностями и ходило среди рыбаков под названием "Ла Пианта". (Б. 178, с. 169) Во Фрибургском музее хранится значительное количество бронзовых предметов из Пианты, некоторые из которых представлены здесь фигурно (рис. 12, № 1-10 и 24). Я также обратил внимание на три каменные формы (две из колесных подвесок) и слиток бронзы. Несколько булавок и нож находятся в музее Берна.

Мистер Форрер приводит некоторые заметки о станции в Font, [14] и называет некоторые нефритовые орудия из "нескольких сотен", собранных здесь мистером Беком. Наряду с обычными стамесками и топориками, в коллекции мистера Бека есть наконечники стрел, ножи и т.д. — предметы, довольно редкие из этого материала в Невшатальском озере. Некоторые из топориков примечательны своим размером, один достигает 8½ дюймов в длину, а другие отличаются большим разнообразием расцветок.

Эставайер. — Г-н А. Морло описывает ранние исследования поселений в Эставайере и на прилегающем к нему побережье в третьем отчете Келлера. (В. 34.) Систематические исследования проводились М. М. Морлотом. Беат де Веде и Анри Рей, которые собрали большой и разнообразный ассортимент реликвий, особенно бронзовых, многие из которых изображены на пл. v. Недалеко от Эставайера были две стоянки — одна каменного века; и другая, дальше по озеру, бронзового века. Первый шел параллельно берегу, около 120 ярдов в длину и 60 в ширину. Найденные здесь реликвии были обычными для каменного века —

каменные и роговые топорики, кремневые пилы, наконечники для стрел и т.д. Один топорик-молоток тонкой обработки имеет овальную перфорацию, расширенную режущую кромку и выступающий выступ по центру передней поверхности.

Поселение бронзового века находилось примерно в 400 футах от берега, в воде глубиной шесть или семь футов. Следовательно, сейчас, во время отлива, станция находится в основном на суше. Площадь станции оценивалась в 7 700 квадратных футов. Ниже приводится список бронзовых предметов, собранных М. де Веве и Реем, в основном с помощью щипцов: -128 заколок для волос (36 со сферическими и декоративными головками), 26 ножей, 15 браслетов, 5 серпов, 1 топорик с гнездом, 1 долото, 1 рыболовный крючок, 27 колец разных видов, 2 пуговицы, 1 лезвие кинжала, 1 наконечник стрелы (с гнездом) и 6 сплюснутых проволок, свернутых в виде спирали.

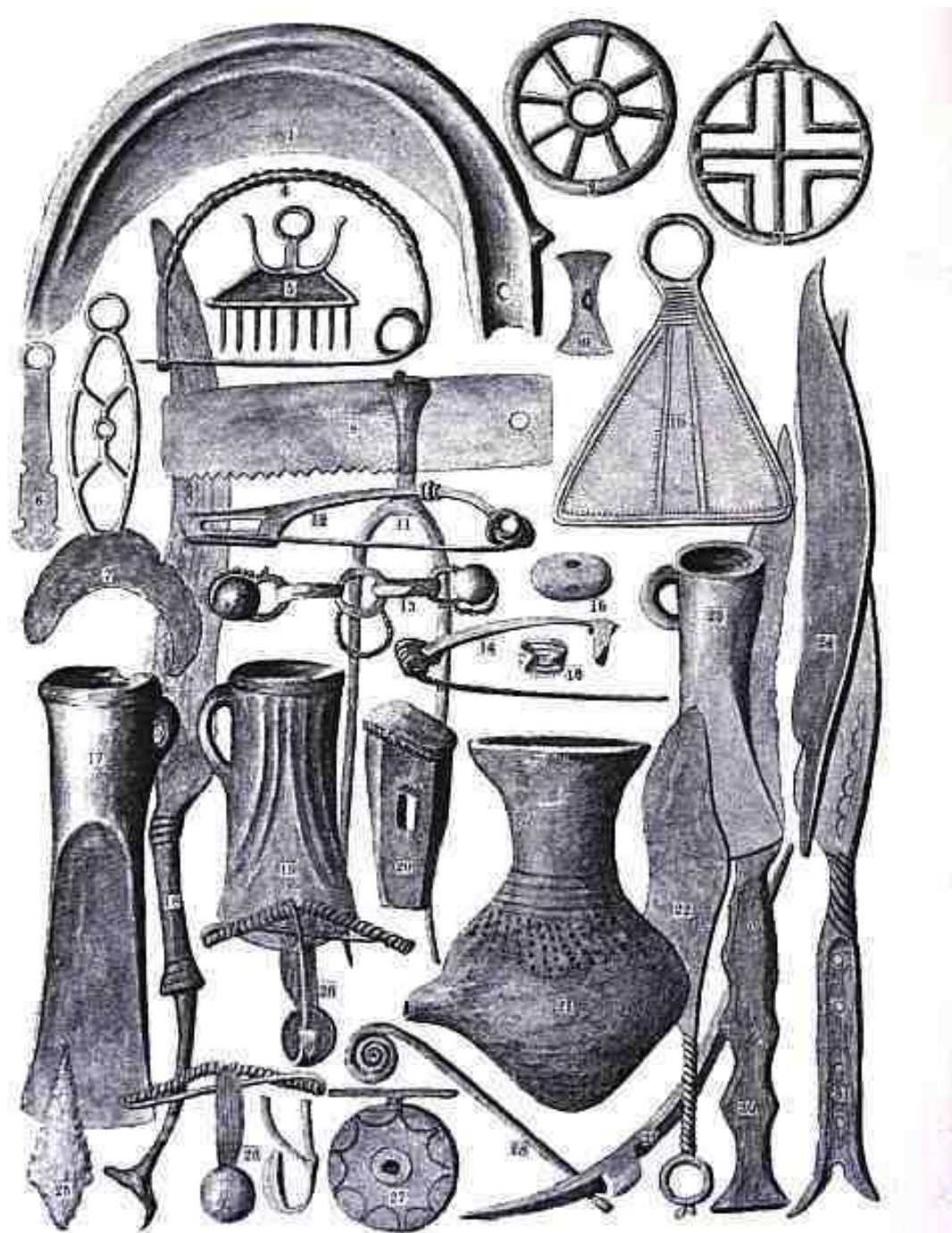

Рис. 12.—Составитель. Все $\frac{1}{2}$ в натуральную величину.

В 1869 году доктор Келлер (Б. 163) сообщает о дальнейших открытиях в Эставайере, в которых он упоминает небольшой глиняный сосуд с воронкообразным отверстием и носиком внизу (рис. 12, № 21); заколку для волос длиной 5½ дюйма с бронзовой ножкой и головой оленьего рога, перехваченную посередине серебряным диском; бронзовый наконечник копья со шпорой на ножке, предположительно использовавшийся как копье для рыбной ловли; бронзовый браслет; и два шипы из оленьего рога - один с отверстиями как для уздечки, а другой украшен концентрическими кругами. Профессор Гранжье, писавший в 1878 году (В. 313), описывает *теневьер* Эставайера как полуостров и дает забавное описание искателей древностей.

Примерно в паре километров к северо-востоку от Эставайера, недалеко от деревни Ла Корбьер, находилось большое поселение, которое также относилось частично к каменному веку, а частично к бронзовому. Первый - штейнберг, и носит название Ла Крез или Ла Красаз. (414 г. до н.э.) На нем, помимо обычных предметов каменного века, были найдены римский кувшин для воды и малоберцовая кость типа Ла Тен (рис. 12, № 26). Часть, в которой были найдены бронзовые орудия труда, находится дальше в озере, и из нее полковник Шваб и другие собрали значительное количество предметов, среди которых были: — Брусок олова длиной 6 дюймов, маленькая бронзовая пила, наконечник стрелы, тонкий браслет из бронзовой проволоки, бронзовый гвоздь, дискообразный камень, фрагменты керамики, украшенные полосками олова, и т.д. Недалеко от этого места в 1875 году профессор Гранжье обнаружил любопытный предмет, который, как теперь предполагается, является ручкой этрусской колесницы. (Б. 270 и 336.)

Таким образом, в окрестностях Эставайера есть три четко выраженных бронзовых поселения, помимо такого же, если не большего, числа поселений каменного века. Основная коллекция реликвий из этой части озера Невшатель находится в музее Фрибурга, где я заметил: — Двуногий штырь (№ 11), часть рукояти колесницы (рис. 191, № 10), маленькую бронзовую чашечку, бронзовый молоток с отверстиями (рис. 12, № 20), пару бронзовых топоров с набойками (№ 17 и 19) и хорошо сделанный кремневый наконечник для стрелы (№ 25).

В Кантональном музее в Берне также находится множество предметов из Эставайера, среди которых можно упомянуть: —Бронзовую малоберцовую кость (№ 12), часть декоративной цепочки из различных бронзовых звеньев (№ 13), топор с набалдашником (№ 23) и три больших ножа (№ 18, 30 и 31). Другие иллюстрации - бронзовая булавка со спиральной головкой (№ 28), золотая серьга (№ 16), янтарная бусина (№ 15), бронзовый нож (№ 22), бронзовая малоберцовая кость (№ 14), булавка с плоской головкой (№ 27) и любопытный предмет из рога (№ 29). Орудия, подобные последнему, часто встречаются на швейцарских озерных станциях. Их длина варьируется от нескольких дюймов до двенадцати и более, и они всегда изогнуты и отполированы. В Бернском музее есть четыре из Герлафингена, пять из Шаффиса и еще несколько из Суца, Локраса и т.д.

Форель.—Мало что было сделано для этой станции до 1883 года, когда правительство Фрибурга бесплатно разрешило поисковикам озерных древностей собирать их на своем участке берега озера Невшатель. С тех пор сообщается, что с этой станции поступило много любопытных предметов, но в основном они хранятся у частных коллекционеров. Г-н А. Воуга приводит некоторые заметки об этих открытиях в *Anzeiger*. (В. 414.) Он утверждает, что реликвии найдены на этой станции в трех разных слоях, самый поверхностный из которых имеет глубину 1 фут 6 дюймов, а самый нижний - 4 фута 8 дюймов.

Среди предметов, описанных и изображенных Воугой, следующие: —Каменный топорик в роговой оправе, несколько топориков из цветного нефрита и один из зеленого нефрита, перфорированные молотки и чашечка из рога; ножи, булавки и т.д. Из кости; изогнутое орудие, сделанное из челюсти оленя (**рис. 13**, № 19). Некоторые замечательные предметы, сделанные из рога или кости и украшенные точками, кругами и т.д., состоящие из браслетов (№ 20) и пенделек (№ 13, 17 и 18), привлекли внимание критиков, и общее мнение таково, что они являются подделками.^[15]

Шевру.—Тройон описывает три крупных поселения бронзового века (Б. 31, с. 150) недалеко от Шевру, дальше от берега, чем поселения каменного века, на которых были найдены браслеты, заколки для волос, серпы, ножи, два бронзовых меча и большая железная вилка (**рис. 13**, № 15). В 1866 году неподалеку был найден предмет (**рис. 191**, № 10), описанный Келлером как часть этрусской колесницы. (Б. 337.)

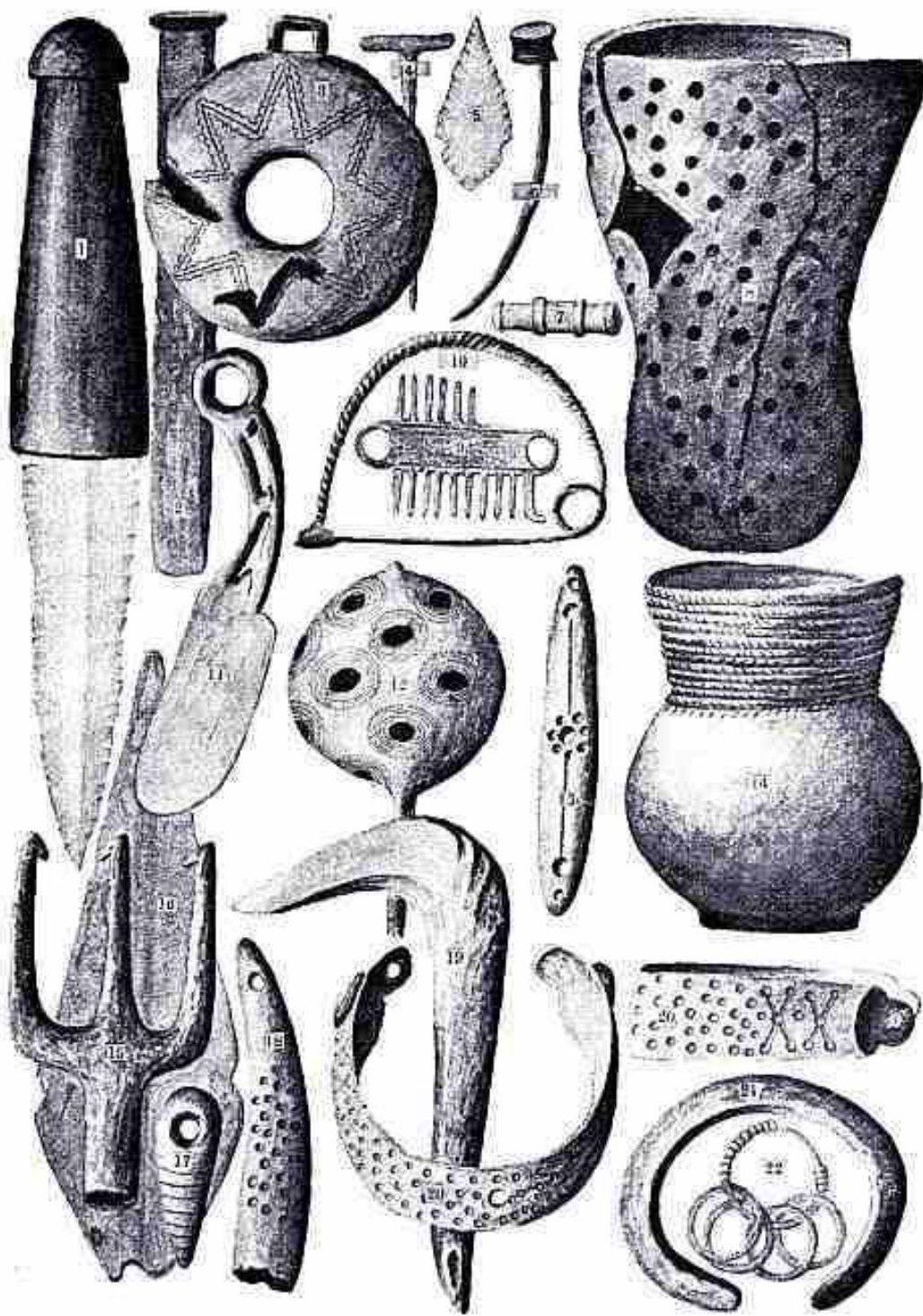

Рис. 13. —Шевроле, Передняя часть (13 и с 17 по 20) и Порталбан (21 и 22). Все $\frac{1}{2}$ в натуральную величину (кроме № 15 $\frac{1}{4}$).

В музее в Лозанне хранится большая коллекция предметов, относящихся как к поселениям каменного, так и бронзового веков, из Шевру. Среди первых: —Два красивых кремневых кинжала с тонкими деревянными ручками (рис. 13, № 1), шесть кремневых пил в рукоятках, часть деревянной расчески, три деревянные тарелки, рукоятка каменного топора с сохранившимся орудием, костяные булавы с аккуратно вылепленными головками (№ № 4 и 6) и т.д. Насчитывается более 300 простых каменных кельтов и 30 перфорированных инструментов. Около 100 рог-креплений, треть из которых имеют раздвоенные верхушки. Некоторые кельты были идентифицированы как принадлежащие к следующим веществам:

—пять хлормеланитов, три из которых находятся в их роговых креплениях (два раздвоенных); соссурит, от 14 до 20, один из которых находится в его ручке (квадратной); жадеит от 22 до 25, пять в ручках (два раздвоенных); нефрит от 23 до 26, два в их креплениях. Есть также несколько разновидностей фельзита, амфиболита и др. Около 100 кремневых наконечников для стрел и такое же количество красиво обтесанных кремневых наконечников для стрел (№ 5). Также из рога изготовлено большое количество долот, заострителей, молотков, льнорезов и несколько рог-дубинок с отверстиями причудливой формы.

Среди керамики есть несколько любопытных блюд, два из которых изображены здесь (№ 8 и 14), причем последнее украшено нитяным орнаментом.

Среди предметов со стоянок бронзового века: Множество заколок для волос, две фалеры, пять серпов, несколько браслетов, один крылатый и один плоский топорик, часть плоского медного кельта, несколько ножей с зазубринами, шесть маленьких кинжалов и два замечательных пенделока, один из которых изображен здесь (№ 3).

Г-н Воуга (В. 414d) описывает некоторые замечательные открытия, которые были сделаны недавно на бронзовых станциях. Среди предметов, попавших в поле его зрения, — Бритва с изогнутой ручкой длиной 4½ дюйма (№ 11); толстый полумесяц, украшенный полумесяцами; малоберцовая кость (№ 10); булавка со спиральным стержнем (длиной 9½ дюйма) и перфорированной головкой (диаметром 1½ дюйма). У другого очень большая головка (диаметром 2 дюйма) с 24 отверстиями в ней (№ 12). Другими предметами с этой станции являются гребень (№ 9), янтарная бусина (№ 7), медный кинжал (№ 16) и медное долото (№ 2).

Привет Ла Соге.—Более ранние исследователи отметили около восьми или девяти стоянок вдоль этой части побережья, на многих из которых обнаружены римские изразцы и керамика. В Порт-Альбане находятся остатки станции, на которой были найдены бронзовые (№ 21) и железные предметы. Недавно было обращено внимание на некое декоративное металлическое зеркало, якобы найденное здесь ([рис. 192](#)).[16]

Другое место находится дальше на восток, что указывает на стоянку раннего каменного века, но на нем Десор нашел железные предметы. Среди недавних находок - несколько больших роговых пуговиц и так называемое "портмонное озеро" (№ 22).[17]

На Мартенском поле есть штейнберг, на котором были найдены веретенообразные завитки и несколько других предметов.

В Кудрефине озерные жилища неважны, но станция хорошо известна как место стоянки каноэ, тщательно описанное профессором Гранжье. Его размеры составляют 36½ футов в длину, 2 фута 9 дюймов в ширину и 1 фут 6 дюймов в глубину. В этой землянке, как и во многих других в Ирландии и Шотландии, для укрепления в твердом теле были оставлены четыре поперечных балки. На носу имелся перфорированный клюв, который, возможно, использовался как средство для крепления веревки. (Б. 194.)

В Ла Соге были найдены фрагменты римских амфор и плиток, связанные с некоторыми кучами.

ОЗЕРО МОРАТ (МУРТЕН).

Прямо между озерами Невшатель и Морат простирается значительное возвышение, называемое горой Вюлли, которое резко обрывается на своей северо-западной оконечности на окраине Гросс-Моос. У основания этого склона лежит река Брой, и поскольку расширение

и углубление ее русла было частью грандиозной схемы коррекции О-дю-Юра, на озере Морат был произведен аналогичный эффект, как и на озерах Бьенн и Невшатель. Однако до спада уровня воды населенные пункты вдоль его берегов были тщательно обследованы полковником Швабом, бароном фон Бонштеттенем и графом де Пурталесом, владельцем поместья на его западном берегу.

В 5-м отчете Келлера (В. 61) количество станций на этом озере было указано как 16, и с тех пор к списку были добавлены еще одна или две. Однако многие из них были простыми указателями, которые при понижении уровня воды оказались всего лишь каменными пирамидами, предположительно служившими местами высадки. Согласно самым последним исследованиям г-на Зюсструнка (В. 336 и 462), их количество может быть сокращено до 11, позиции которых достаточно определены на прилагаемой [эскизной карте](#). Они относились в основном к периоду каменного века, и только три, а именно. Монтилье, Гренг-Инсель и Валламан пережили самый расцвет бронзового века.

Монтилье.—Первая важная станция, начинавшаяся на восточном берегу озера, была расположена немного севернее нынешней деревни Монтилье. В нем находился штейнберг, а сваи были прочными и надежно закреплены. Здесь полковник Шваб нашел не только предметы каменного периода, такие как кремневые ножи, каменные топоры и т.д., но и необычайно большое количество красивых глиняных сосудов, представляющих стиль орнаментации, который сразу же заставил его отнести поселение к бронзовому веку — вывод, который полностью оправдали его последующие открытия. Эти сосуды были аккуратно отделаны, и их поверхность иногда натирали древесным углем или графитом, что придавало им глянцевый вид. Они были изготовлены без участия колеса, и по тому, что при ударе твердым веществом не раздавалось звенящего звука, полковник Шваб заключил, что они были сожжены на открытом огне. Орнамент состоял из глубоко вырезанных линий, кругов, треугольников и т.д., заполненных белым меловым веществом. В некоторых случаях на поверхность были наклеены полосы жести, которые заменяли линейные надрезы и, таким образом, представляли собой приятное сочетание тех же принципов орнаментации. Формы сосудов чрезвычайно элегантны и разнообразны, и могут быть классифицированы как *чашки*, *чаши*, *тарелки*, *кувшины* и *кувшинчики*. У одних есть ручки, у других носики, выступающие из середины выпуклости, а у третьих ряд симметричных отверстий, но трудно решить, для украшения или для использования. Одно из самых замечательных блюд, похожих на блюдца, имеет внутреннюю поверхность, украшенную линейными надрезами и серией из тридцати симметрично расположенных групп отверстий. Цвет этой керамики был либо черным, либо красным, либо серым, и иногда одно и то же блюдо имело комбинацию этих цветов. Также были в изобилии веретенообразные завитки разнообразных форм, украшенные точками, овальными углублениями и т.д. (Б. 126, Стр. iv. и v.)

Среди других древностей бронзового века, собранных здесь, были несколько каменных форм, заколки для волос, топоры, ножи, нарукавники, кольца, серпы, рыболовные крючки, бусы из стекла и янтаря, маленькое плоское золотое кольцо на палец и т.д. Там же была часть оловянного браслета. Бронзовых ножей было немного, но один был сильно украшен серией из трех плавных узоров в виде полукругов, разделенных вырезанными линиями, которые проходили вдоль его изогнутой задней части.

На этой станции не сохранилось ни мечей, ни бронзовой посуды; а из трех бронзовых топоров в музее Муртена обычного крылатого типа на одном имеется петля поперек режущей кромки, и часть его деревянной рукояти все еще остается между крыльями.

Murten.—Эта станция находится немного выше памятника битве при Муртене. Он имеет значительные размеры, и в нем было найдено большое количество предметов каменного века, таких как большие перфорированные каменные топоры, молотки из оленьего рога, кремневые наконечники стрел, куски обугленной пшеницы и многие другие семена, гирьки для плетения, а также кусочки обожженной ткани. Станция в настоящее время полностью отработана. (Б. 61 и 462.)

Мейриз (Мерлах).—Эта станция относится к раннекаменному периоду, и среди ее реликвий нет перфорированных топоров. Среди немногих вещей, собранных на его сайте, можно упомянуть следующее: —Кусочки ткани, горелую кукурузу, каменный топорик с деревянной ручкой, еще один топорик из нефрита и т.д. Деревянные конструкции сильно прогнили, и сваи едва можно было различить. Неподалеку от станции было найдено каноэ с ребристым дном (сейчас находится во Фрибургском музее). (В. 462.)

Гренг-Инсель.—Это поселение располагалось в конце невысокого участка земли, выступающего в озеро, и занимало площадь 49 000 квадратных футов. Ближе к берегу реликвии принадлежали исключительно каменному веку, но дальше в озере они смешались с бронзовыми и даже железными предметами. Во время отлива, предшествовавшего коррекции О-дю-Юра, значительную часть этой станции можно было посетить по суше, но сейчас она полностью пересохла. В его окрестностях находится несколько каменных пирамид, которые сильно озадачили антикваров, поскольку на них не было найдено никаких реликвий. В двух из них были обнаружены сваи — одна лежала к северо-востоку, а другая к юго-западу от нее.

Когда эта станция была впервые исследована (1861-182 гг.), на ней было найдено несколько перфорированных молотков и топорики (на некоторых видны незаконченные перфорации), шесть кремневых ножей, кукурузные дробилки, каменная ступка, бронзовое кольцо, заковка для волос и несколько железных орудий труда. (Б. 61.)

Впоследствии владелец, граф де Пурталес, в сотрудничестве с местными археологами провел дальнейшие раскопки, которые доказали, что он, по сути, принадлежал к каменному веку. Из отчета доктора Ульмана (1865) следует, что слой реликвий находился на глубине от 1 до 4 футов под слоем гравия и спутанных корней. Кучи обычно делались из дубовых стволов толщиной с руку или ногу человека, а некоторые достигали 1 фута в диаметре, но когда они достигали этого размера, их обычно раскалывали. Они были расположены неровно и глубоко уходили в грязь вниз. Они были черноватого цвета, хорошо сохранились и, по-видимому, заострены каменными топорами. Среди собранных реликвий были кинжалы, пилы и наконечники стрел из кремня, прекрасно сделанные (рис. 14, № 9); каменные кельты, аккуратно просверленные; орудия труда из кости, такие как стамески, заострители и т.д., а также рукояти из оленьего рога.

Фрагменты керамики отличались двумя качествами — красноватой плотной фаянсовой посудой, сильно обожженной, и более тонкой, с некоторым линейным орнаментом.

Обнаруженные кости были очень многочисленными; среди них доктор Ульман узнал кости следующих животных: —уруса (большое разнообразие рогатого скота) и маленькой *болотной коровы*. Кости овцы указывали на крупную расу с крепкими роговыми стержнями, загнутыми назад и наружу; но кости козы принадлежали более стройным животным: оленю, лосю и косуле. Среди хищников были большой медведь, зубы которого были продырявлены для подвешивания, собака (крупнее, чем в Муссидорфе), лиса, еж и бобр. Кости лягушки, чешуя и кости рыбы, вероятно, разновидности щуки. Также было найдено несколько частей черепов и других человеческих костей.

Среди растительных остатков были орехи лещины и бука, косточки терна и черемухи; семена малины, ежевики и клубники; и обуглившиеся зерна пшеницы. (Б. 126.)

Когда в 1874 году станция пересохла из-за дренажных работ, г-н Зюсструнк снова исследовал ее от имени города Морат и кантона Фрибург. Среди найденных тогда предметов были два плоских кельта, состав которых, согласно анализу доктора В. Фелленберга, представлял собой смесь карбоната меди и серы без каких-либо следов олова. Среди прочего были пуговицы и черенки из оленьего рога; конический камень, вставленный в длинную черенку из оленьего рога; несколько деревянных иголок для плетения и т.д. (Б. 286.)

С тех пор на этой станции было найдено значительное количество обычных бронзовых предметов, таких как топоры, ножи, заколки для волос, рыболовные крючки, кольца и т.д. (Б. 462.) Заслуживает внимания нож, частично из бронзы, частично из железа (рис. 14, № 1).

Среди экспонатов музея в Морате - глиняные гири, глиняные блюда (№ № 13 и 15), рукояти из оленьего рога (некоторые с прорезью на конце рукояти); любопытный предмет из оленьего рога, похожий на большую серьгу (№ 17); прекрасно обработанные кремневые кинжалы (№ 9) и большое количество костяных долот, заострителей и т.д. В музее в Берне есть форма для плоского кельта, отливка которого все еще находится в футляре, как в музее в Штутгарте из Уберлингерзее.

Greng-Mühle. Следующая станция, следующая в том же направлении, является большой и плодотворной станцией каменного века, среди реликвий которой преобладают орудия из оленьего рога. Отсутствуют перфорированные каменные топоры. (Б. 462.)

Faoug (Pfaeu).—Недалеко от железнодорожной станции, в ходе рытья колодца, был обнаружен реликтовый слой свайного жилища, относящегося к каменному веку, но его содержимое еще не раскопано. Немного западнее этого в озере были найдены несколько бронзовых предметов, связанных со сваями, но предполагается, что эти реликвии были привезены из Валламанды. (Б. 462.)

Недалеко от Фауга было замечено любопытное деревянное сооружение, которое, по предположению доктора Келлера, могло быть круглым озерным обитателем, наподобие ирландских крэнногов. Г-н Зюсструнк написал краткое уведомление об этом (Б. 336), в котором он приходит к выводу, что это, скорее всего, было связано с рыболовством, чем с Пфальбауеном. Он состоял из семи концентрических кругов из тонких свай, разделенных интервалом от 2 до 3 футов. Диаметр самого большого круга составлял едва ли 14 ярдов, так что внутри оставалось мало места для любого предполагаемого жилья. Внешний круг был сформирован из досок шириной около 10 дюймов и толщиной 2 дюйма, стоящих торцом и вонзающихся в почву на глубину около 3 футов и посаженных так близко, что они почти соприкасались. Кучи в других кругах были круглыми и маленькими, и их концы уходили всего на 18 дюймов в землю.

Валламанд.—Эта станция была чрезвычайно богата предметами бронзового века и была известна полковнику Швабу, который нашел множество сосудов, глиняных колец, дискообразных камней, бронзовую серьгу и бронзовую неглубокую тарелку диаметром около 10 дюймов и глубиной 1 дюйм. Одно из вымышленных блюд (№ 16) имеет форму бутылки с водой, и его горлышко перфорировано рядом маленьких отверстий, расположенных на одинаковом расстоянии друг от друга так, чтобы они находились на перпендикулярной линии. От каждого отверстия круговая линия проходит вокруг горловины. (Б. 61, стр. 49.)

Станция была окончательно исследована в интересах музея Лозанны, где сейчас находится великолепная коллекция ее реликвий. Некоторые вещи, однако, отправились в музей в Берне и в музей в руинах замка в Авенчесе. Один из самых интересных предметов с этой станции - бритва в деревянном футляре (№ 8). В музее Лозанны представлены предметы с маркировкой Guévaux, и среди них следующие: —Из бронзы — четыре крылатых кельта с боковыми петлями (две из которых имеют концевую защелку), три больших полых кольца с линейным орнаментом, один браслет, две чашечки, украшенные маленькими выступами репуссе, шесть серпов (два с обратными шпорами и один с вертикальными шпорами), большая булавоочная головка в форме чашки, подобная булавке из Воллисхофена (**рис. 3**, № 9), несколько подвесок (**рис. . 14**, № 10), включали кольца (№ 2 и 4), выемки, пуговицы (№ 7), заклепки, 1300 колец, найденных вместе, гребни (№ 11 и 12) и любопытный стержень с зацеплением на концах и перфорацией (№ 5). Рыболовный крючок с насадками (№ 3), булавка с прикрепленной цепочкой (здесь представлена только часть, № 21) и любопытный кинжал с орнаментом - из других коллекций.

Рис. 14.—Валламанд и Гренг-Инсель (1, 9, 13, 15 и 17). Керамика = $\frac{1}{4}$, остальное = $\frac{1}{2}$ реального размера.

Несколько образцов керамики (№ 14 и 18) и украшенный орнаментом рог (№ 20) дополняют иллюстрации с этой станции.

Guévaux, etc.— Четыре станции в этой части побережья— а именно. От Гево, Мура, Мотье и Сугиез-Цольхауса сохранилось лишь несколько следов их существования, из которых можно заключить, что они принадлежали к чистому каменному веку.

Группа хорошо сохранившихся свай в устье реки Шандон, вероятно, была римской пристанью, поскольку вместе с ними были найдены римские плитки.

В Нанте были найдены два чайника, один из бронзы, другой из меди с железным кольцом, два кинжала, несколько железных наконечников для стрел и кусок скульптурного мрамора, очевидно, более позднего периода, чем жилища у озера.

Из оставшихся восьми или девяти пирамид, вершины которых время от времени выступали над водой, ни на одной не обнаружено промышленных реликвий, и, следовательно, нет никаких свидетельств относительно их возраста и использования. Они слишком малы, чтобы вместить даже одну хижину. (Б. 462.)

ЧЕРНИЛЬНИЦА.

Маленькое озеро Инквил окружено низкими пастбищами, а посреди него есть небольшой круглый остров, поросший густым лесом, который по внешнему виду наводит на мысль о шотландском Крэнноге. Профессор фон Морлот впервые в 1854 году обратил внимание на вероятность того, что остров был искусственно построен, и краткое уведомление об этом, появившееся в 1857 году (Б. 19), побудило мистера Амиета из Солера провести некоторые раскопки. В следующем году (1858) эти исследования были продолжены мистером Ротом, владельцем острова. Результат их работы[18] показал, что первоначально на месте этого острова было свайное жилище, которое впоследствии превратилось в сплошной остров, сейчас возвышающийся примерно на десять футов над поверхностью воды. Остров имел размеры 90 на 80 футов, а внутри него, примерно на глубине 6-7 футов, была устроена грубая платформа из бревен, опирающихся на сваи. Предметы старины, собранные непосредственно на платформе и под ней, состояли из каменных топоров из нефрита и серпентина вместе с рукоятями из оленьего рога; молотков для измельчения кукурузы; кремневых наконечников стрел; костяных орудий; перфорированных бивней; фрагментов керамики, как грубой, так и тонкой; глиняных колец и гирь; веретенообразных завитушек; сломанных костей различных животных, таких как олень, косуля, болотная свинья, кабан, бык, бобр и некоторые птицы. (Б. 22.)

В поверхностных слоях были найдены бронзовая ложка, фрагменты римской керамики и ребристые кровельные плитки, железный наконечник копья и шпора, по-видимому, реликвии средневековья.

BURGÄSCHISEE.

Примерно в полчасе ходьбы от Инквиля есть довольно обширная долина, в которой лежит небольшое Бургашизее, чьи заболоченные края некоторое время считались остатками озерных жилищ, поскольку торфорезы нашли несколько каменных предметов и пару бронзовых штырей. Несколько лет назад этот вопрос был поставлен под сомнение исследованиями, проведенными под руководством доктора Ульманна и мистера Дженнера. Вдоль берега озера в торфе была вырыта серия ям, и на глубине от 2 до 4 с половиной футов они наткнулись на очень прогнившие сваи и большое количество обычных промышленных остатков жителей озера каменного века. Реликвии и костные останки были похожи на те, что были найдены в Муссидорфзее; и среди первых были каменные топоры, кремневые пилы, скребки и кинжалы, наконечники стрел из кремня и горного хрусталя со следами асфальта и мучнистых камней. Также фрагменты различных сосудов, один с ручкой; орудия из кости и рога, такие как долота, заострители и т.д.; инструмент для натиранья, сделанный из нижней челюсти бобра; раздвоенные орудия из ребер и т.д.

Примечателен тот факт, что некоторые каменные реликвии свидетельствуют о том, что они были распилены. Краткое сообщение об этих открытиях включено в восьмой отчет о Пфальбаутенах г-на Кайзера из Бургдорфа. (В. 336.)

МУССИДОРФЗЕЕ.

Это поселение, известное как Мусседорф, располагалось на болоте Мюнхенбухзее, примерно в семи милях от Берна. Небольшое озеро с таким названием сейчас представляет собой не что иное, как вересковую пустошь, окруженную лугами и торфяными болотами. Он имеет продолговатую форму, его наибольшая ось (с востока на запад) совпадает с осью долины. Зимой 1855/6 года в результате прокладки канала сельскохозяйственного назначения его обычный уровень был понижен примерно на восемь футов, и, таким образом, значительная часть его торфяного ложа обнажилась, и впервые стало известно о существовании двух доисторических свайных жилищ, по одному на каждом конце озера. Западный, который был исследован более удовлетворительно, поскольку его участок превратился в сушу, оказался небольшим параллелограммом размером 70 на 55 футов. Этот участок был занят грудami целых или расщепленных стволов дуба и других пород дерева, а от него к берегу вело что-то вроде проселочной дороги из веток. Реликвии были найдены среди куч и под слоем грязи, содержащей корни тростника и водных растений. Толщина этого слоя реликтов варьировалась от 5 дюймов до 2 футов, и он содержал камни, гравий, кости, древесный уголь и т.д., лежащие непосредственно поверх ракушечного мергеля. Сваи проникли в этот ракушечный мергель, но никаких реликвий в нем обнаружено не было. В течение последующих десяти лет после его открытия эти поселения и их промышленные остатки были тщательно обследованы г-ном Дж. Ян, Морло и доктор Ульманн. (Б.) 19, 22, 34, 40, 126.)

Реликвии, большинство из которых хранится в Бернском музее, включают в себя большой ассортимент промышленных останков: 40 каменных кельтов (четыре из которых из нефрита), несколько камней с отверстиями и одно каменное веретено-мутовка; кремневые пилы в рукоятках; наконечники стрел из кости, кремнь (одно с зазубринами) и горный хрусталь; гарпуны; роговые крепления для кельтов, некоторые с раздвоенным концом; три роговые чашечки, все с круглым отверстием по краю; иглы, выемки, стамески и заостренные наконечники из кости; гребень из тиса, рыболовный крючок из бивня кабана, конек из кости ноги лошади, куски ткани и бечевки, куски дерева с отверстиями для поплавков для сетей, мотки бересты и т. Д.

Фрагменты керамики имели перфорированные ручки для подвешивания, и некоторые из них указывали на большие сосуды — около 16 или 17 дюймов в диаметре. В 1868 году доктор Ульман нашел фрагмент керамики с перфорированным набалдашником, а рядом с ним, очевидно, для украшения, лежали треугольные кусочки бересты, покрытые сверху асфальтом. (Б. 336, с. 37.) (Рис. 184, № 5.)

Две отпиленные части камня показывают, что искусство распиливания этого материала было тогда известно.

В соответствии с проведенным доктором Ульманом анализом его флоры и фауны были идентифицированы следующие виды:—

Флора.—Ячмень, пшеница (*Tritum. vulg.* и *compactum*), горох, мак и лен (*L. angust.*); также водяной каштан (*Trapa natans*).

Фауна.— Среди домашних животных были собака, овца и различные виды быков. Среди костных останков также было найдено несколько костей лошади, но поскольку пока нет уверенности в том, что лошадь была одомашнена в каменном веке, они могут принадлежать дикому виду.

Обнаружены останки диких животных: медведя, барсука, хоря, куницы, дикой кошки, выдры, лисы, ежа, бобра, зайца, белки, полевой мыши, болотной свиньи, дикого кабана, лося, оленя, косули, быка (*Bos прим.*), бизона, нескольких видов соколов, совы, дикого голубя, вороны, куропатки, цапли, аиста, морской чайки, дикой утки и чирок; также черепахи, лягушка, жаба, окунь, карп, щука и лосось. (Б. 284.)

ЗЕМПАХЕРЗЕЕ.

В 1806 году уровень воды в этом озере понизился на 6 или 8 футов, и на обнаженном таким образом берегу стало видно несколько куч, среди которых, как сообщалось, было найдено кельтское оружие, заколки для волос и другие орудия труда. "Keltische Waffen, die in vii Bande des Geschichtsfreundes beschreiben sind, Nadeln und andere Gegenstände." (Б. 15, р. 99.) Но в то время эти заметки и реликвии прошлой цивилизации привлекли мало внимания, и только в свете открытия Келлером озерных жилищ воспоминания о находке в Семпах были возрождены и должным образом истолкованы. Полковник Шваб в своих путешествиях по озеру распространил свои исследования также на озеро Семпах и выявил семь или восемь станций вдоль его берегов, большинство из которых в то время находились на суше. Эти поселения были расположены вблизи следующих мест: Эйх, Шенкен, Инзельхен, Мариацелль, Маргаретен и Ноттвиль; и во всех них были собраны некоторые предметы старины из камня или бронзы. (Б. 61.)

На северной оконечности, недалеко от места обитания озерных жителей в Мариацелле, но примерно в 20 футах от воды и на фут под землей, был найден замечательный бронзовый клад. (Б. 126.) На небольшом расстоянии от него был извлечен из могилы человеческий череп, а вместе с ним заколка для волос и бронзовый выемка; но принадлежали ли эти предметы обитателям озера или нет, сказать невозможно. Большая часть останков озерных обитателей из Семпахерзее хранится в музее Люцерна, среди которых я отметил следующие: - Один или два камня дисковидной формы; несколько глиняных цилиндров с вывернутыми краями; завитушки различных форм и размеров, некоторые украшены линиями и выбоинами; керамика, украшенная линиями и треугольниками, следами пальцев и т.д.; и четыре прекрасно обработанных каменных топоров (**рис. 15**, № 8, 9 и 10). Бронзовая находка из Мари Целлермос включает семь крылатых и два плоских кельта, долото, два ножа, один кинжал с шестью заклепками, четыре серпа (один с задней шпорой) и 13 плоских браслетов. К этой находке примешаны римские ключи, пряжки, несколько желтых стеклянных бусин (одна из янтаря) и т.д. Образцы этих бронзовых орудий приведены на **рис. 15**, № 1-7 и 11.

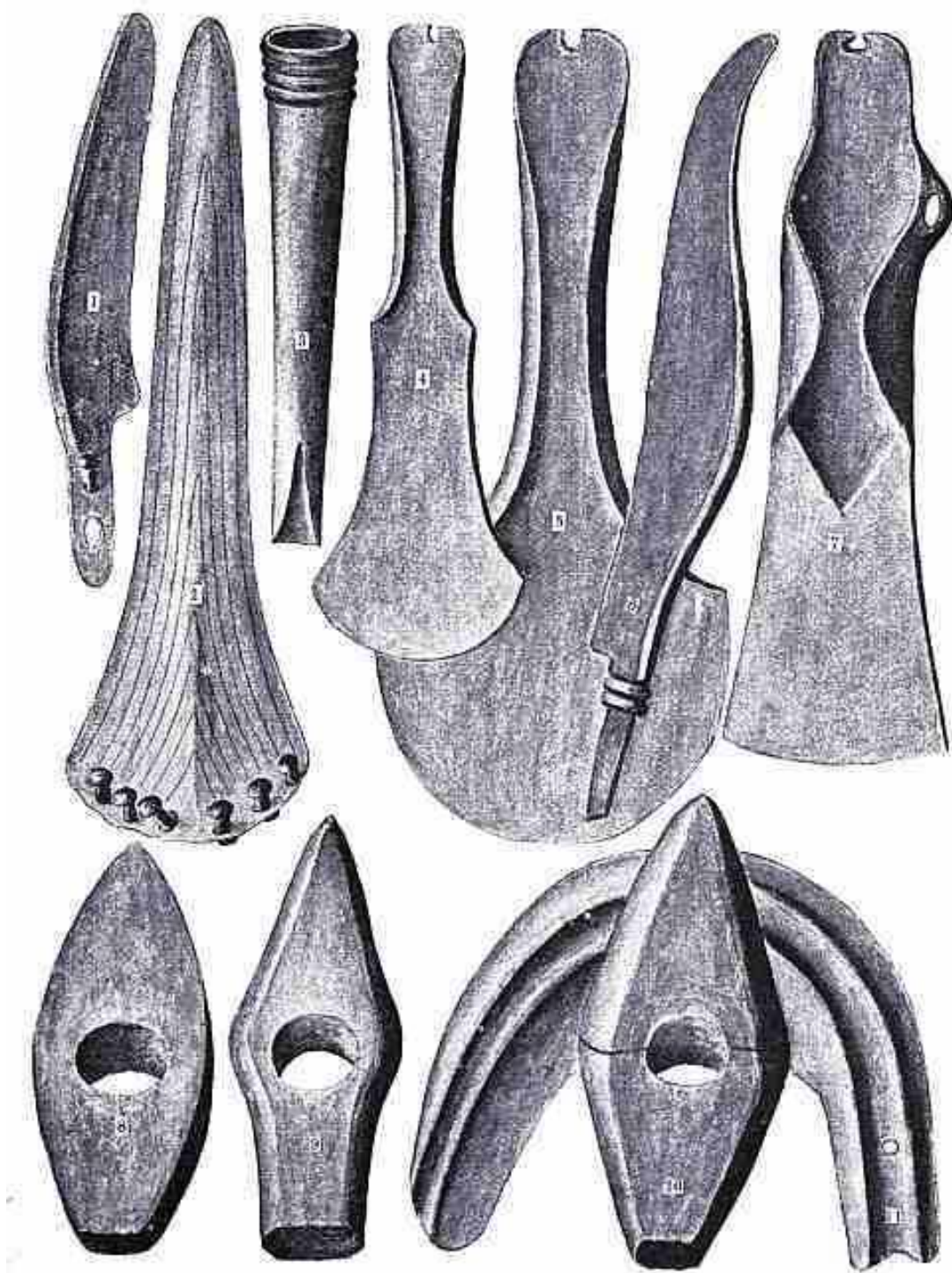

Рис. 15.—Земпахерзее. Все $\frac{1}{2}$ в натуральную величину.

ВАУВИЛЕРЗЕЕ. (Б. 34 и 126.)

К западу от маленького озера Ваувил находится обширная торфянистая равнина, на которой после спуска уровня озера для дальнейшего использования торфа были обнаружены остатки нескольких причудливо построенных озерных жилищ. Встречались деревянные платформы, опирающиеся не на сваи, а на ряд последовательных грядок из грубо срезанных стеблей, лежащих поперек друг друга, самая нижняя из которых покоилась на дне озера. Между этими слоями лежали ветки и хворост, смешанные с глиной, и во всю массу были вбиты

вертикальные сваи, верхушки которых были по меньшей мере на фут выше верхней платформы. Этим слоев было целых пять, и общая толщина массы при обнажении составляла около 3 футов, но не может быть сомнений в том, что первоначально она должна была быть больше, поскольку произошло значительное уплотнение массы из-за гниения, особенно промежуточных ветвей. Было замечено, что стойки никак не были связаны с платформой, и единственной особенностью в способе их расположения было то, что они были расположены более плотно по углам, как бы для удержания деревянной массы на месте. Эти искусственные сооружения имели площадь всего 10 или 12 квадратных футов, но они были очень многочисленными и стояли так близко, что лучи от одного иногда доходили до следующего. Они были найдены в разных частях болот, но в одном месте они были сложены в прямоугольник размером 90 на 50 футов, который был окружен несколькими рядами вертикальных свай, как бы для общей защиты. Вертикальные сваи были сделаны из дуба, ольхи или пихты и глубоко проникали в раковинный мергель — самый прочный вид дуба, достигающий 5 дюймов или более в диаметре. Примечательно, что самые нижние горизонтальные деревянные элементы лежали на ракушечном мергеле, показывая, что эти жилища были построены до того, как торф начал расти. Толщина торфа теперь составляет не менее 6 футов., т.е. 3 фута торфа лежат над самыми верхними платформами.

Под деревянными конструкциями не было обнаружено никаких антикварных останков, но в основном в промежутках между ними, где предметы лежали почти прямо поверх ракушечного мергеля. Поселение, по-видимому, прекратилось до бронзового века, поскольку не было найдено ни одного металлического предмета. Поэтому представляет интерес маленькая стеклянная бусина, свидетельствующая о том, что колонисты, должно быть, имели торговые отношения с отдаленными странами. Среди других древностей следующие: —Каменные кельты (некоторые из нефрита) с рукоятью в виде оленьего рога и кремневые орудия труда; долота, заострители, льнорезы и т.д. Из кости; кусок асфальта, гарпуны из оленьего рога, ножи из тиса и различные фрагменты керамики с перфорированными набалдашниками. В музее Люцерна есть несколько экспонатов, среди которых один или два предмета, свидетельствующие о том, что искусство сверления камня было известно (**рис. 16**, № 1 и 2).

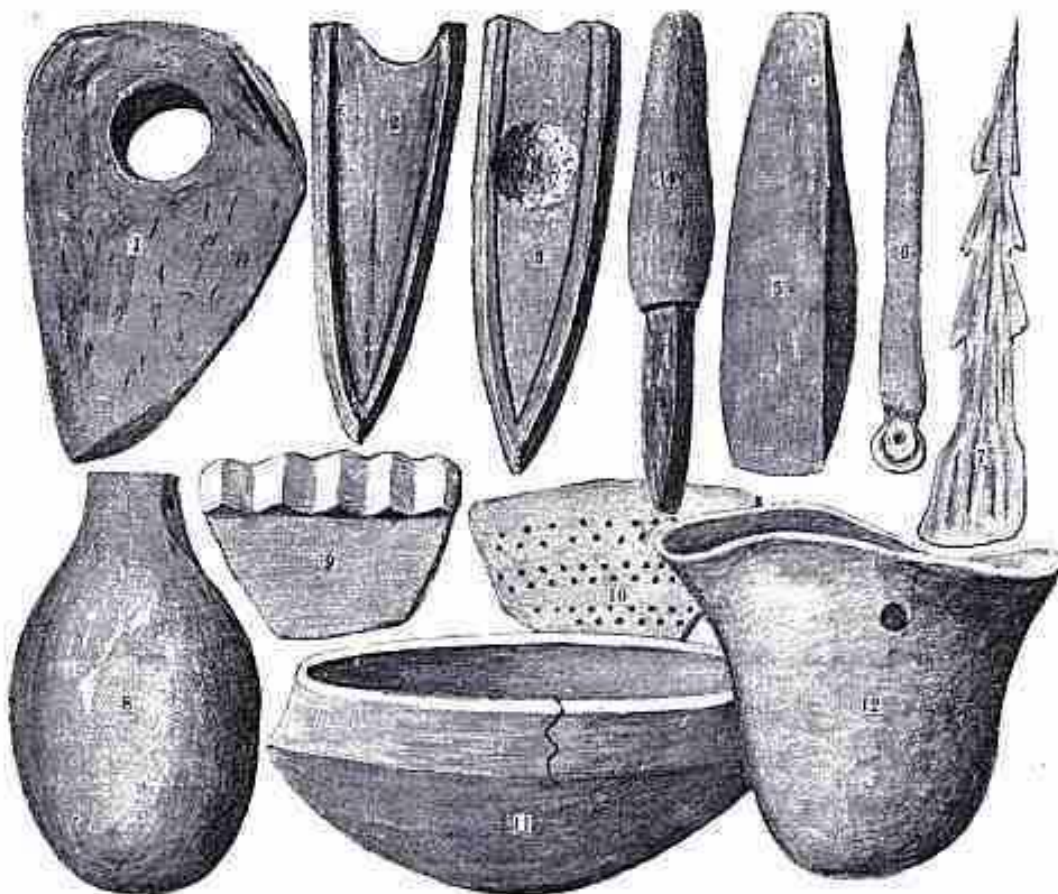

Рис. 16. — Озера Ваувил (1 и 2), Цуг (8) и Балдегг. № 5 = $\frac{1}{4}$, все остальное = $\frac{1}{2}$ в натуральную величину.

ОЗЕРО ЦУГ. (Б. 61 и 126.)

Место первого обнаруженного поселения на этом озере находилось немного севернее города Цуг. Участок некоторых раскопок, выполненных в строительных целях примерно в 50 футах от озера, показал сначала слой обычной плесени толщиной $2\frac{1}{2}$ фута, затем слой песка и обкатанных камней толщиной $1\frac{1}{2}$ фута, после чего шел слой реликтов - черноватая полоса разложившегося органического вещества толщиной от 8 дюймов до 1 фута, содержащая верхушки свай и различные промышленные остатки. Головки свай находились на одном уровне, и в некоторых местах виднелись поперечные балки. Реликвии включают несколько каменных топориков, один фрагмент из нефрита; несколько кремневых предметов — наконечников копий и стрел и один нож. Были также части распиленных камней, очевидно, для изготовления орудий труда. По небольшой коллекции костей профессор Рютимейер идентифицировал лошадь, корову, собаку, болотную свинью, благородного оленя, косулю и зайца.[19]

Поверхность почвы, где были сделаны эти открытия, находилась примерно на 15 футов выше поверхности воды в озере, что, конечно, оставляло реликтовое ложе все еще на суше — особенность, которая объясняется сообщениями об углублении выходного отверстия в прежние времена. Это объяснение весьма вероятно, поскольку русло Лорце, которое отводит излишки воды из озера Цуг, проходя через город Чам, свидетельствует о том, что оно было искусственно углублено. Большое количество детрита, ежегодно переносимого в эту часть озера, также удовлетворительно объясняет глубину, на которой реликтовое дно залегает ниже поверхности.

Дальше в верховьях озера, в Коллере, недалеко от Чама, было обнаружено другое место, на котором были проведены некоторые раскопки, в результате которых был обнаружен реликтовый слой на глубине 3 фута под поверхностью. Находками здесь были сломанные кельтские змеевики, фрагменты керамики, указывающие на большие сосуды. Нынешний уровень озера на 3 фута ниже этого реликтового ложа.

Третья станция находилась в Сент-Андреасе, свидетельством чего была находка большого количества каменных кельтов, кремневых ножей и наконечников для стрел на определенной части возделанного поля, граничащего с озером. Особняком среди находок здесь стоят несколько любопытных овальных предметов из известняка с короткой перфорированной шейкой (**рис. 16**, № 8).

Следы трех других станций, а именно. в Дершбахе, Цвейрене и Бадеплаце — были отмечены за пределами Чама, но они не были тщательно исследованы. Керамика, украшенная треугольными линиями и узором "меандр", по-видимому, указывает на более поздний период. (Б. 126, Стр. iii.)

Несколько предметов, собранных на этих станциях, находятся в небольшом музее в Цуге; другие - в Цюрихе; а в Берне есть 12 каменных кельтов и один из меди, помеченных как поступившие со станции в Лорце.

БАЛЬДЕГЕРЗЕЕ. (Б. 253 и 336.)

В 1871 году владельцы земли вокруг этого озера понизили его уровень путем осушения примерно на 2-3 фута, вследствие чего вблизи выхода из озера стали видны признаки озерных жилищ. Сваи были расположены вдоль берега нерегулярно и располагались на большом расстоянии. В одном месте площадь достигала ширины 400 или 500 футов, затем она снова сужалась, и сваи появлялись только группами. При проведении раскопок верхушек куч становилось все больше, и на глубине 7 футов были обнаружены слои древесного угля, содержащие ореховую скорлупу и осколки керамики.

Профессор Амрейн, проводивший исследования, смог различить два вида свай, некоторые из которых старше других. Горизонтальные балки встречались редко. Здесь не было обычного ложа для реликвий, поскольку обработанные орудия были найдены на всех глубинах, от 1 до 8 футов. Несколько прекрасных образцов костяных наконечников и змеевидных долот (**рис. 16**, № 4 и 5) были обнаружены с глубины 8-10 футов. Иногда встречались пласты глины, и кучи, по-видимому, были устроены так, чтобы окружать квадратные хижины. В одной из траншей несколько каменных кельтов лежали на глиняном ложе на глубине 6-7 футов. Один из них был травянисто-зеленого цвета с прозрачным краем и таким твердым, что им можно было поцарапать стекло. В соседнем раскопе на глубине 4 футов был найден большой плоский камень размером 2 на 1½ фута, покоящийся на вершинах шести или семи свай, которые проникали сквозь слой глины к ракушечному мергелю. Пространство между этими опорными сваями было заполнено глиной, а вокруг самого камня были разбросаны кусочки древесного угля, осколки керамики, орешники и т.д.

Профессор Амрейн завершает свой отчет, высказывая свое мнение о том, что это поселение изначально было палатитом, и что впоследствии на его руинах были построены фасциновые сооружения.

Собранные реликвии частично хранятся в Археологическом музее, а частично - в небольшом киоске с диковинками в Gletscher Garten в Люцерне. Среди экспонатов музея - кинжалы и стамески красивой формы из кости и рога (№ 6); четыре больших гарпуна (№ 7) и черпак из

рога; два роговых молотка (с перфорацией) и три маленьких чашечки из того же материала (№ 12); ручки из рога и т.д.; каучуки, полировальные станки и кельты из камня в большом количестве; два плоских камешка (с перфорацией); и несколько фрагментов каменных топоров-молотков, на одном из которых видны попытки заново просверлить его (№ 3); несколько кусочков горного хрусталя и кремней, обработанных в виде пилы, скребки и наконечники стрел; фрагменты керамики с набалдашниками и другие изделия, украшенные группами треугольных линий, точек и т.д., Формы которых чрезвычайно изящны (№ № 9, 10, 11).

ЖЕНЕВСКОЕ ОЗЕРО.

Покинув великую цепь озер Юра, мы после короткого путешествия по высокогорной ледниковой долине попадаем в бассейн Роны и Женевское озеро. Если предположить, что именно этим маршрутом следовали основатели озер, то первым и наиболее естественным местом для поселения был бы залив Морж; и несколько странно, что именно в этом месте одно из крупнейших и наиболее поучительных поселений на этом озере процветало в течение последующих эпох. Здесь, на расстоянии нескольких сотен ярдов друг от друга, были обнаружены три стоянки, соответствующие остаткам которых отмечают прогрессивные стадии цивилизации, проявившиеся в каменном веке, переходном периоде и самом расцвете бронзового века. Поэтому будет важно тщательно изучить факты, выявленные при повторном обследовании этих типичных станций, прежде чем обращаться к другим в этом озере. Выбирая его, я также не отклоняюсь от порядка находок, поскольку он был самым ранним из известных и впервые исследованных в этой части Швейцарии, после того как наблюдения и исследования Келлера в Обер-Мейлене пробудили любопытство антикваров к этому вопросу.

О существовании свай в заливе Моржес рыбакам было известно давно, но, конечно, их значение не было понято. Однако 22 мая 1854 года господина Дж. Морло и Тройон обследовали местность и быстро продемонстрировали, обнаружив настоящие промышленные остатки, что на этом месте когда-то находилось *жилое озеро*. Часть залива, в которой были обнаружены эти сваи, находилась примерно в 500 футах от берега и на глубине воды, которая варьировалась от 8 до 10 футов, даже когда озеро было самым низким. При таких обстоятельствах легко увидеть, что проводить исследования было нелегко; но, несмотря на связанные с этим трудности, у местных археологов не было недостатка в энергии, которые в течение многих лет систематически вели работу по вылавливанию с помощью ручных земснарядов, клещей и т.д. затопленных остатков этих озерных деревень. Выдающимися среди этих исследователей были мм. Форель из Моржа, отец и сын, чьи отчеты и богатая коллекция древностей в основном подтвердили сообщаемые факты.

Когда Тройон (1860) опубликовал свою хорошо известную книгу о жилищах у озера (В. 31), в исследовании станции был достигнут значительный прогресс, и из-за богатства находок она получила название "La grande Cité de Morges"; но еще не было установлено, что существовало три отдельных станции, не говоря уже о том, что эти станции относились к разным периодам. По словам Тройона, большинство свай были дубовыми, а на некоторых были накладки, чтобы они не слишком глубоко погружались в грязь. Часть одной из этих опор имела размеры 13½ дюйма в длину, 4 дюйма в ширину и 1 дюйм в толщину и содержала два квадратных отверстия диаметром 1½ дюйма на расстоянии 4 дюймов друг от друга. Реликвии, найденные до этого периода, представляли большой интерес. Среди них были бронзовые топоры длиной 4-7 дюймов, в основном крылатого типа, только у одного было гнездо. Из 13 ножей у девяти были зазубрины, а у четырех - гнезда. Два меча, один из которых с плоской рукоятью был целым; два наконечника копий с набалдашниками;

несколько браслетов разных видов; и бронзовая форма для литья кельтов[20] (рис. 17, № 8). Керамика, глиняные кольца для опор, дискообразные камни с краевыми канавками, веретенообразные завитки, пара каноэ и т.д. Впоследствии ММ. Форель начал различать соответствующие станции, которым они дали следующие названия: (1) "La Grande Cité de Morges", (2) "La Station des Roseaux" и (3) "La Station de l'Église".

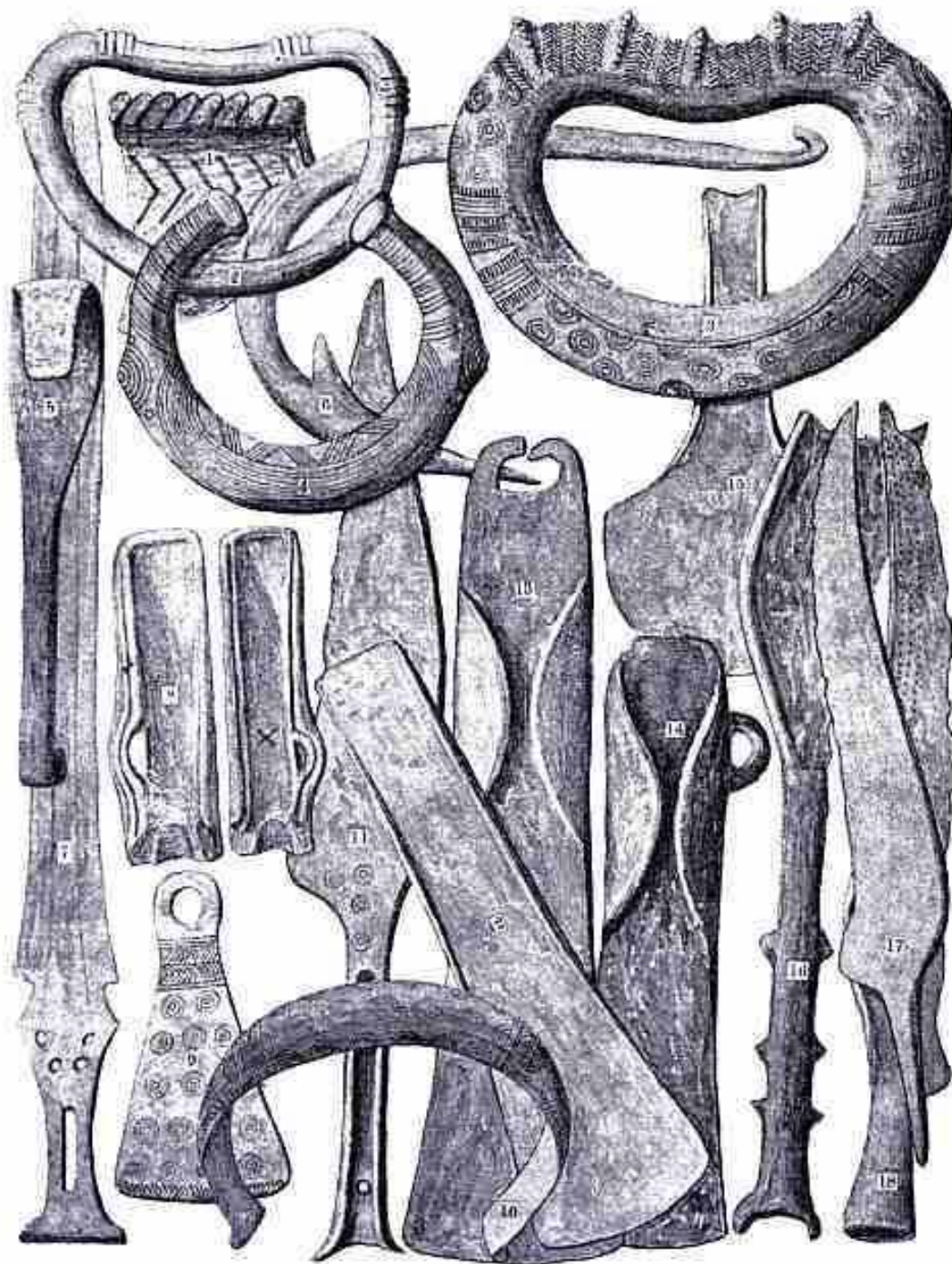

Рис. 17.—Морж, Тонон (1, 2, 9, 10 и с 16 по 18) и Сент-Прекс (12). Номера 7 и 8 = $\frac{1}{4}$, остальные = $\frac{1}{2}$ реального размера.

(1) Великий город находился примерно в 500 футах от берега и занимал территорию длиной 1200 футов и шириной от 100 до 150 футов. Обрубки его толсто набитых свай были видны в воде глубиной не менее 8-10 футов, и среди них были обнаружены несколько поперечных балок и каноэ шириной в 2 фута, нос которого торчал из ила. Также был собран большой и

разнообразный ассортимент реликвий. Более 450 бронзовых предметов, пишет доктор Форель в 1876 году (Б. 286), были найдены на этой станции, и все они принадлежат к чистейшему типу того, что Дезор называет "бронзовым веком", включая мечи, ножи, серпы, заколки для волос, браслеты и т.д. Одно замечательное наблюдение, сделанное тогда, заключалось в том, что среди 60 бронзовых крылатых кельтов (№ № 13 и 14) не было ни одного экземпляра плоского вида. В 1866 году к списку предметов из Моржа были добавлены два больших почковидных **кольца, одно с орнаментом** (рис. 17, № 3), а другое простое. Был найден только один предмет из железа, а именно. пуаньяр, аналогичный тому, что был найден на озере Бурже. Среди костных останков были идентифицированы олень, коза, овца, лошадь и свинья.

Доктор Форель перечислил бронзовые предметы с этой станции до настоящего времени следующим образом (Б. 462, стр. 55):

Крылатые кельты, 66; кельты в носках, 6; долота и выемки, 6; мечи, 4; наконечники копий, 19; ножи, 61; серпы, 23; браслеты, 95; кольца, 79; заколки для волос, 256; ныряльщики, 23. В это общее число из 633 предметов включены, вероятно, под заголовком "épingles", пять любопытных предметов из бронзы с ручками, похожими на те, что были найдены в Воллисофене и Гроссер-Хафнере в Цюрихе. (Б. 280, с. 699.)

(2) Примерно в 450 ярдах от северной оконечности Большого Города находилось другое поселение (Розо) меньших размеров, в котором сохранились объекты, существенно отличающиеся от объектов первого. Здесь, в заметное отличие от Grand City celts, их было 18, все плоского типа (№ 15), и ни одного с крыльями или гнездами. Но, с другой стороны, там было несколько кельтов из полированного камня и кремневых предметов, три маленьких копья, одна бронзовая заколка для волос и несколько железных серпов современного типа. Керамика также была смешанного характера, на ней были обнаружены фрагменты посуды грубого и тонкого помола. На стопках были видны следы, как будто сделанные металлическими инструментами.

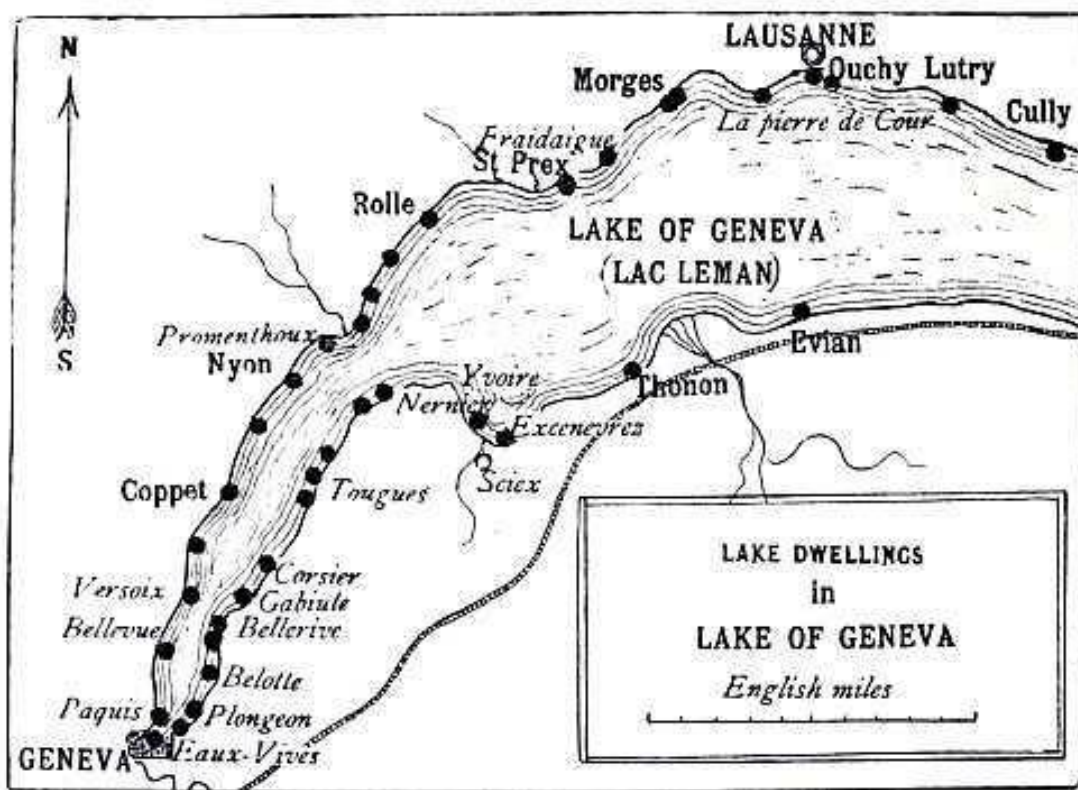
(3) Третья станция (l'Église) расположена между побережьем и Гранд-Сити и отделена от последнего стерильной полосой шириной 220 ярдов. Здесь есть решительный стейнберг, представляющий необычную особенность в виде 20 или 30 прямоугольных или овальных пространств диаметром от 13 до 20 футов без каких-либо камней. Древностями с этой станции были каменные кельты (из которых 86 зарегистрированы доктором Форелем на сегодняшний день), каменные веретена, точильные камни и несколько фрагментов грубой керамики; но никаких металлических предметов любого вида.

(4) Доктор Форель назвал четвертую станцию, расположенную напротив древнего *пудриера* в Морже и содержащую небольшой штейнберг, на котором были найдены шесть каменных кельтов и несколько других предметов каменного века.

Поиски озерных остатков в других частях озера велись настолько активно, что Тройон смог перечислить не менее 26 стоянок, обнаруженных за шесть лет до 1860 года. (Б. 31, с. 31.) С тех пор их число, недавно скорректированное доктором Форелем (Б. 462), увеличилось до 44, несмотря на то, что восемь населенных пунктов (а именно. Вильнев, Кре-де-План, Лютри, Пюлли, Сен-Сюльпис, Ивуар, Амфион и Эвиан), где были обнаружены предполагаемые останки обитателей озера, исключены как сомнительные или не подтвержденные последующими исследованиями.

Хотя такое случайное обстоятельство, как "Исправление воды Юры", не пришло на помощь *озерникам* Женевы, они собрали очень значительное количество реликвий. Только на

нескольких станциях, таких как Тонон и Порт Женевы, они воспользовались дноуглубительными работами, проводимыми в целях общественных работ. Из результатов, полученных в этих благоприятных условиях, совершенно ясно, что огромное количество древностей, особенно бронзового века, все еще погребено в водах этого озера.

Теперь мы совершим экскурсию по озеру, по ходу движения отмечая различные характеристики обитающих на озере станций. (Смотрите прилагаемую [эскизную карту](#).)

Над Моржами расположены следующие четыре станции:—

Станция де Калли.—Несколько свай к востоку от города, но в воде глубиной от 10 до 13 футов. Зафиксировано лишь несколько изолированных предметов из камня и бронзы.

Станция Пьер-де-Кур.—Недалеко от Лозанны, у большой неустойчивой глыбы, известной купальщикам как Пьер-де-Кур, есть несколько рядов свай на глубине 13 футов и на расстоянии почти 300 ярдов от берега. Заколка для волос и два маленьких кусочка бронзы - единственные сохранившиеся реликвии.

Станция дю Флон (Види).—С этой станции зафиксировано несколько дискообразных камней с краевыми канавками, а также несколько каменных резинок и полировальных средств. Б. 22.)

Station de la Venoge.— К востоку от устья реки, недалеко от Сен-Сюльпис, и сильно покрыт обломками.

Моржи.—Уже заметил четыре станции.

Фрай д'Айг.—В заливе Фрай д'Айг, немного севернее Сен-Прекса, расположены три станции, а именно: Де Терренев, Де Моннивер и Де Фрай д'Эгю — протяженностью в один километр. Все они принадлежали к каменному веку и, вероятно, представляют собой части одной и той же деревни. Мистер Коломб собрал более 200 каменных кельтов различной степени

изготовления на площади 150 квадратных метров. С той же станции в музее Лозанны находится около 40 каменных кельтов, несколько кремневых отщепов и ножей, а также веретено-мутовка.

Сент-Прекс.—В заливе к югу от Сент-Прекса находится станция бронзового века, сваи которой видны на глубине 10 или 11 футов. На станции было найдено значительное количество реликвий, некоторые из которых хранятся в музее Лозанны, а именно. плоский бронзовый кельт (рис. 17. № 12), глиняная подставка-кольцо, части глиняных полумесяцев, семь каменных кельтов, три или четыре фрагмента керамики, украшенных изогнутыми линиями и канатным узором (один фрагмент черной керамики украшен полосками олова), бронзовый штырь со сферической головкой, большой брусок для заточки инструментов. Другие бронзовые изделия, известные со станции, - это четыре ножа, один браслет, пять колец и 11 булавок.

Rolle.—Напротив этого города, по-видимому, располагалась озерная деревня значительных размеров, в которой сохранились предметы, характерные как для каменного, так и для бронзового веков. Часть территории, занятой сваями, была перекрыта искусственным островом, на котором сейчас находится монументальный обелиск. Среди реликвий были фрагменты керамики того же характера, что и из Моржеса, дискообразные камни, молотки и точильные камни.

Доктор Форель перечисляет бронзовые реликвии с этой станции следующим образом: — Два крылатых топора, одно долото, одно копье, два ножа, один серп (сейчас находится в музее Лозанны), один браслет, 15 колец и девять заколок для волос. (В. 462.)

К югу от него находится *станция Болье*, довольно обширная, но бедная реликвиями, на ней было найдено всего около 10 бронзовых предметов. (Тамже.)

Станция Шатенье. — Небольшая станция каменного века перед деревней Дюлли. (Тамже.)

Station du Creux de la Dullive.— Большая круглая станция бронзового века, на которой были собраны два крылатых кельта, два браслета, несколько колец и заколок для волос. (Тамже.)

Ньон.—Согласно доктору Форелю (В. 286), в Ньонском заливе есть две станции — одна в Проментуксе (каменный век), справа от устья реки; и другая (бронзовый век) к северу от города Ньон. Мистер А. Ревиллиод обнаружил на последней станции замечательный объект, состоящий из 300 бронзовых колец диаметром от 7 до 8 дюймов, которые срослись друг с другом из-за отложений конкреции из озера. Общее количество бронзовых реликвий из Ньона составляет 62, таким образом, они исключены: — Семь крылатых кельтов, одно долото, один наконечник копья, 10 ножей, два серпа, 15 браслетов, 23 заколки для волос и три неопределенных предмета.

Теперь мы входим в нижнюю часть озера, где его ширина внезапно сокращается с 8 до 3 миль; и здесь может показаться, что озерные жители густо заселили свои своеобразные деревни по обе стороны озера. Вдоль берега, от Ньона вниз до места впадения Роны, а затем вверх по другой стороне до противоположной точки Кот—д'Ивуара, доктор Форель (В. 462) перечисляет не менее 22 станций в следующем порядке: -

Вокзал Селиньи.—Прямо перед пристанью. Бронзовый век.

Станция Коппе. — Открыта в 1874 году М. Маньеном. Бронзовый век.

Станция Мис. — Открыта в 1877 году, напротив замка Крене. Бронзовый век.

Вокзал Версуа.— Отличная станция рядом с пристанью. Бронзовый век. Говорят, что на этой станции были найдены топоры и железные ножи.

Станция Бельвю.— Обнаружена в 1880 году, к северу от пристани. Бронзовый и каменный века.

Железнодорожный вокзал Паки. — Простирается к югу от причала нового порта. Каменный век.

Station des Eaux-Vives.—За пределами порта, вдоль одноименного пригорода. Каменный век.

Сите—де-Женева. - Обширная станция, занимающая нынешний порт. Бронзовый век.

Station de Plongeon.— В северной части станции О-Вив, в суженном месте, доктор Госс нашел около 30 предметов из железа, некоторые из которых напоминают предметы из Ла-Тена.

Последние четыре обычно известны как станции Женевы, так что нижняя оконечность озера, должно быть, действительно была усеяна поселениями. У подножия самого большого из двух хорошо известных и суеверно почитаемых валунов, называемых Пьер-а-Нитон, примерно в середине прошлого века были найдены нож (рис. 18, № 5) и кельтский бронзовый предмет плоского типа, которые до сих пор хранятся в городском музее. Рядом с этим находилась станция бронзового века, названная доктором Форелем "Сите де Женева", но иногда ее называют станцией О-Вив. Похоже, что под последним названием описаны две станции — одна каменного века, примерно в 100 ярдах ближе к берегу; и другая бронзового века ("Сите де Женева").

Сите де Женева в настоящее время является самой богатой бронзовой станцией, исследованной до сих пор на Женевском озере. Он занимал площадь в форме подковы, заполняя все пространство, в настоящее время образующее порт, и даже был продлен до острова Руссо. Доктор Форель оценивает количество собранных здесь бронзовых предметов в 1500 штук, что значительно больше, чем общее количество всех других стоянок на Женевском озере.

На его северной оконечности, рядом со станцией О-Вив, доктор Госс наткнулся на то, что, должно быть, когда-то было литейным цехом. Здесь, на ограниченном пространстве площадью не более 100 квадратных ярдов, он выудил не менее 50 каменных форм, тиглей, слитков бронзы и олова, скорлупы и других предметов искусства основателя. (Б. 462.)

Большинство предметов, представляющих общий интерес с этой станции, были переданы на хранение в Археологический музей. Доктор Форел классифицирует изделия из бронзы следующим образом: -25 крылатых топориков, 19 топориков с гнездами, четыре плоских топорика, семь долот и выемок, четыре меча, семь наконечников копий, 72 ножа, 22 серпа, 75 браслетов, 230 колец, 1000 заколок для волос и 60 различных предметов. Просматривая эту коллекцию, я сделал следующие пометки: —У кельтов с носком петля обычно расположена под прямым углом к режущей кромке. Ножи бывают как зазубренными, так и зазубренными. Браслеты отличаются большим разнообразием форм, но преобладают массивные. Серпы чаще имеют выступающую пуговицу. Керамическое искусство демонстрирует обычное украшение треугольниками бронзового века, а паста бывает двух видов. Глиняные подставки для колец, веретенообразные завитушки, дискообразные камни и т.д. Встречаются в большом количестве. Среди всякого хлама следует отметить булавки с большими перфорированными головками, рыболовные крючки, пуговицы, крупную бляху со слегка приподнятыми выступами ручной работы, грубое изображение в виде бронзового

оленья, разнообразные подвески, маленькие оловянные предметы, похожие на колеса, расположенные концентрическими кругами и т.д. Некоторые из этих объектов представлены на **рис. 18**, все они, за исключением номеров 9, 10, 12 и 13, с этой станции и хранятся в музее в Женеве.

Station de la Belotte.— Большая станция, богатая реликвиями каменного века. Пара браслетов, несколько колец и бронзовых заколок для волос, всего 21 предмет, входят в число сокровищ этого поселения, которые насчитывают не менее 1400 кельтских камней.

Станция Пуэнт-де-ла-Биз.— Непосредственно к северу от Ла-Белотт есть еще одна станция, которая, как говорят, относится к переходному периоду, поскольку на ней была установлена пара плоских осей. Единственные другие металлические предметы - это несколько колец и заколки для волос.

Станция Бельрив. — Большая станция, где хранятся предметы как каменного, так и бронзового веков.

Габиула. Перед пристанью парохода находятся две станции — одна каменного века, а другая, более глубоководная, бронзового века.

Станция Аньер (Басси).— Небольшая станция бронзового века на большой глубине.

Затем мы подходим к группе из четырех станций, все в радиусе двух миль, которые иногда путают друг с другом и описывают как "Les Station de Tougues". Один находится недалеко от Эрманса и известен как вокзал Жизни в Ане или дю Мулен; второй находится напротив кантона ла Фабрик; третий находится напротив замка Борегар; а четвертый, Крю-де-Туг, находится перед деревней Шен. Все эти поселения располагались параллельно берегу, и их остатки находятся на большой глубине. Их реликвии имеют смешанный характер и указывают на то, что, будучи основанными в каменном веке, они существовали и в бронзовом.

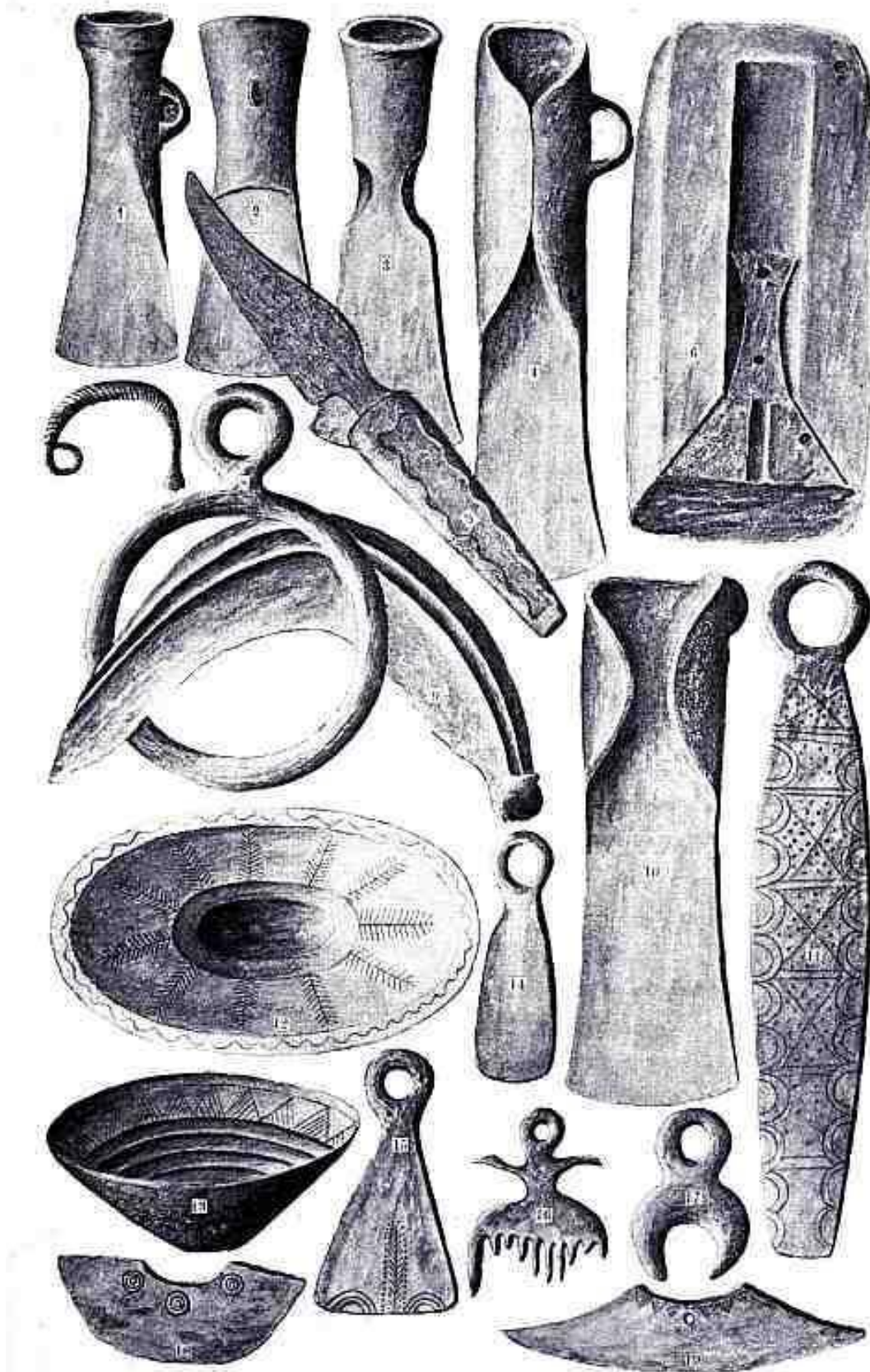

Рис. 18.—Женева и Тауг (9, 10, 12 и 13). Номера 6, 12 и 13 = $\frac{1}{4}$, остальные = $\frac{1}{2}$ реального размера.

Станция Кре-де-Туг является самой важной из группы, и на ней представлено большое количество предметов старины. Он находится примерно в 130 ярдах от берега, на глубине от 5 до 10 футов. Обычные каменные кельты, 27 из которых были собраны (В. 462), были

найжены в части, прилегающей к берегу. Коллекция бронзовых предметов состоит из: — Четырех крылатых кельтов (рис. 18, № 10), одного плоского кельта, двух долот с набойками, одного меча, одного наконечника копья, 21 ножа, пяти серпов (№ 9), 14 браслетов, 120 колец, 170 заколок для волос и шести различных предметов. Керамика с этой станции (№ 12 и 13) выходит в основном на передний план, и в музее Женевы есть прекрасные образцы тарелок, чашек, ваз и других сосудов из тонкой черной посуды, которые как по форме, так и по орнаменту напоминают изделия из палафиттов озера Бурже и других сооружений бронзового века в Швейцарии. Также в изобилии встречаются веретенообразные завитки, дисковидные камни с краевой канавкой, трущиеся камни и т.д. Здесь стоит отметить каменный объект необычной формы, известный как "ущелье Пули". (Б. 31, 281 и 462.)

Мессери.—Здесь видны сваи, выступающие над илом на 2-5 футов, на глубине около 12 футов под водой. На одной из куч, поднятых Тройоном, были обнаружены следы металлического инструмента. Были найдены многочисленные фрагменты керамики, характерные для бронзового века, но только два предмета из этого металла, а именно. крылатый кельт и серп.

Nernier.—В окрестностях деревни с таким названием описаны две стоянки. Одна, расположенная недалеко от берега и частично засыпанная гравием, относилась к каменному веку. Здесь Тройон заметил несколько больших куч на глубине 6 футов в воде, а другие он нашел на берегу, зарытыми в гравий. Среди собранных предметов - отщепы кремня, веретена-завитушки, серпантинные топоры (перфорированный находится в музее Анси), несколько обработанных костей и т.д.

Стоянка бронзового века находится в 600 ярдах к западу от деревни и в 150 от берега. Реликвии состоят из керамики, веретенообразных завитков, подставок для колец и т.д. Среди бронзовых предметов: Восемь крылатых кельтов, два зубила, один меч, два наконечника копий, три ножа, три серпа, пять браслетов, три кольца и пять заколок для волос. В число колец входит подвесной замок в виде большого полого кольца, к которому прикреплено маленькое кольцо для подвешивания.

Stations d'Excenevrez et de Coudré.— Огибая мыс Кот-д'Ивуар, мы подходим к защищенной бухте, в которую впадает пара ручьев, унося с собой значительное количество обломков, так что останки обитателей озера здесь глубоко погребены. Однако были обнаружены следы двух станций: одной, станции Мулен-Паки, недалеко от Эксеневеркса, и другой, Де Кудре, напротив замка Бартолонии, недалеко от деревни Съекс. Оба, по-видимому, относятся к каменному веку, и в последнем, в 1874 году, были найдены 12 каменных топорики.

Тонон.—В Тононе было два отдельных поселения. Один из них (каменный век), расположенный примерно в 20 ярдах от берега, был обнаружен в 1862 году, когда формировался новый порт. Собранными там предметами были груды, кремневые орудия, каменные топоры, веретена и немного грубой керамики.

Стоянка бронзового века находилась значительно раньше первой и на глубине 3-4 ярдов. Поселение было обширным и тянулось параллельно берегу, и из его остатков было собрано большое количество реликвий. Будучи одним из первых обнаруженных в Женевском озере, он был тщательно исследован рядом известных археологов, таких как Тройон, Форель, Ревон, Моно, Ревиллиод, Каррард и др., и, следовательно, его сокровища широко распространены. Бронзовых предметов, по словам доктора Фореля (В. 462), насчитывается 48, а именно. 11 крылатых кельтов, два наконечника копий, шесть ножей, два серпа, 14 браслетов, два кольца, пять заколок для волос и шесть различных предметов. Один из ножей, украшенный тонким орнаментом и длиной в один фут, отличается тем, что в рукояти

содержится меньше олова, чем в лезвии (**рис. 17**, № 16). Другой нож был приспособлен для приклепывания боковых пластин к его рукоятке (№ 11); в то время как другие были зазубрены (№ 17 и 18). Некоторые топоры имеют боковую петлю, а другие ее лишены. Среди прочего - большое кольцо, *крестцовая мышца* (Каррард), (№ 2); подвеска из трех соединенных колец вместе с различными другими подвесками (№ 9). Среди керамики есть фрагменты с перфорированными набалдашниками, узор из селедочных костей (№ 1) и т.д.; А также несколько очаровательных ваз, глиняных подставок для колец и т.д.

Таким образом, по словам доктора Фореля, существует 11 стоянок каменного века; три относятся к переходному периоду (*т.е.* с бронзовыми топорами плоского типа), шесть - со смешанными предметами, 19 - бронзового века и одна (станция де Плонжон), на которой были представлены предметы, характерные для раннего железного века.

Эти заметки собраны из фрагментарной и широко разрозненной литературы, включая следующие оригинальные источники:—Б. 22, 31, 34, 40, 121, 126, 138, 152, 280, 282, 286, 315, 377, и 462.

LAKE LUISSEL, CANTON DE VAUD.

В небольшой долине среди высот над Бексом, примыкающей к долине Роны, в 1791 году при рытье канала для облегчения добычи торфа были обнаружены остатки промышленных сооружений, которые указывают на существование озерного поселения бронзового века. На севере котловины, на глубине 6 футов, было найдено некоторое количество костей (несколько человеческих), зерна кукурузы, бронзовые кольца, наконечник ножен и три замечательных меча (от 23 до 26 дюймов в длину) (**рис. 19**). Мечи сохранились до сих пор и, несомненно, относятся к самому цветущему периоду бронзового века. Летом 1859 года мистер Тройон производил раскопки в дерне бывшего русла этого озера, но нашел только часть обработанного дерева, которое, возможно, использовалось в качестве рукояти каменного топора. Согласно старой традиции по соседству, здесь когда-то существовал замок, который был затоплен озером. (Б. 31.)

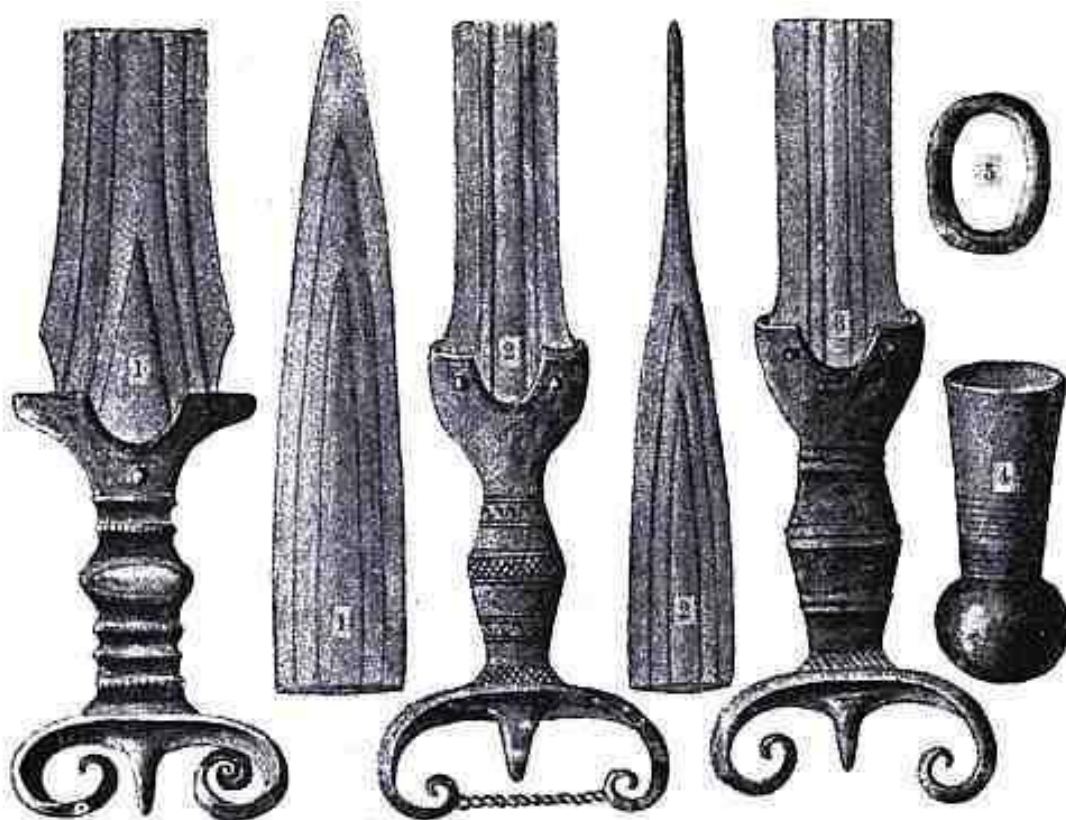
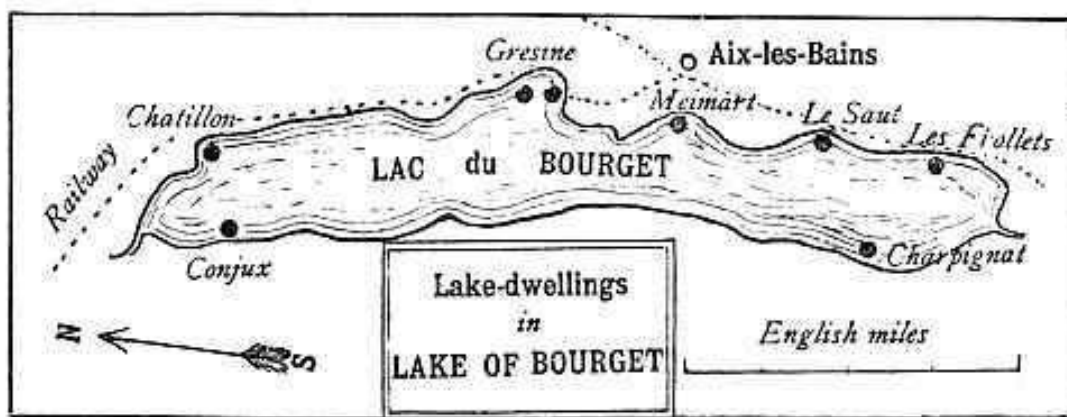

Рис. 19.—Луизель. Все $\frac{1}{3}$ в натуральную величину. В

ОЗЕРО БУРЖЕ.

Еще в 1856 году, когда строилась железная дорога Мон-Сени и Кюлоз, в заливе Грезин на озере Бурже были обнаружены некоторые предметы старины, которые, как предположили инженеры, были остатками обитателей озера. Хотя эта информация была официально доведена до сведения Савуазского общества, только в 1862 году, вследствие возобновления внимания к этим открытиям со стороны барона Деспина и месье Дезора, это общество предприняло шаги по расследованию этого дела. Предварительное расследование, проведенное комитетом из семи джентльменов, было признано настолько удовлетворительным, что комитет был обновлен, получив в свое распоряжение средства для систематических исследований среди палафиттов. С тех пор несколько археологов провели независимые исследования, среди которых можно особо отметить графа Коста де Борега, М.М. Рабута, Перрена, Ревона, Казалиса де Фондуша и Шантра. (Б. 73, 138, 176, 179, 282.)

Совокупные результаты этих исследователей теперь установили тот факт, что на этом озере существовало восемь поселений, все они относятся к бронзовому веку. Выловленных древностей было очень много, но, к сожалению, они широко распространены, многие из них действительно находятся в частных коллекциях. Однако наибольшую долю можно найти в музеях Шамбери, Экс-ле-Бена, Анси и Сен-Жермена, а также в частной коллекции графа де Борега в его замке на Женевском озере. (Чтобы узнать взаимное расположение этих станций, см. [Схему озера Бурже](#).)

Conjux.— Эта станция находится в 200 метрах от берега, напротив одноименной деревни. Предполагается, что группа свай всего в 50 ярдах от берега была руинами римского гончарного производства из-за обилия характерной посуды, найденной среди них. Особенностью этой станции является количество найденных на ней форм пропорционально количеству других предметов, до 1875 года было зарегистрировано не менее 13, представляющих всевозможные промышленные орудия, такие как ножи, кельты с крыльями и носками, серпы, молотки, булавки, кольца и пуговицы.

Chatillon.— Это поселение занимало защищенное место примерно в 500 футах от берега. В одной части сваи выступают из грязи и все наклонены на восток под углом 45° , но в остальной части станции они прямые. Среди этих куч был найден глиняный сосуд, подобный более поздним изделиям озерных жителей, с именем Северин, выбитым на нем римскими буквами. (Б. 176, с. 24.) Здесь было найдено около 40 или 50 таких замечательных сосудов из черного фаянса, украшенных полосками олова, образующими комбинацию приятных узоров ([рис. 193](#), № 4 и 5); также несколько фрагментов галло-римской керамики и другие изделия очень раннего типа. Среди реликвий - восемь форм (одна из которых предназначена для наконечника копья) и около 320 предметов из бронзы.

Грезин.—В заливе Грезин расположены два поселения — одно рядом с железной дорогой, а другое дальше и большей протяженности. Последняя, по-видимому, была соединена с Пуэнт-де-Грезин, поскольку от этой части берега к участку палафитте ведет насыпь из гравия; и две станции были соединены проходом, остатки которого были прослежены. Железная дорога как раз соприкасается с участком внутренней станции, случайностью которой и связано открытие палафиттеса на озере Бурже. Хотя станции в Грезине обыскивались чаще, чем какие-либо другие, из-за их близости к Экс-ле-Бену они долгое время оставались самыми богатыми на всевозможные предметы старины, обугленные фрукты и т.д. Среди форм есть форма для рукояти меча с одной стороны и пряжки с другой. (Б. 282, Стр. 2.) На этой станции было найдено не менее пяти бронзовых молотков, все они имеют цокольную цилиндрическую форму. Прошлым летом было выловлено несколько замечательных

предметов, которые я видел в коллекции the finder в ресторане Lacustre (порт-Пуэр), некоторые из которых представлены здесь (рис. 21, № 4, 6 и 12).

Меймарт.— Обломки этого поселения находятся примерно в 100 ярдах от берега, на глубине от 16 до 20 футов, и, следовательно, его меньше искали, хотя оно имеет значительную протяженность и дало несколько предметов старины, в частности бронзовый меч, формы, фрагменты керамики и римскую вазу.

Le Saut.— Это поселение, как и другие, находилось на небольшом возвышении, примерно в 110 ярдах от берега, и при низкой воде его останки приходилось выуживать с глубины около 10 футов. Станция была хорошо исследована, и было замечено, что остатки керамики указывают на большее техническое мастерство, чем дальше в озере они подобраны, и где видно, что сваи выступают выше над илом. Кусок дерева длиной 22 фута с многочисленными выемками на каждом конце и костяной гарпун с одним зазубриной, подобный бронзовым гарпунам из Пескьеры, - единственные предметы, отличающие древности этой станции, которые в целом очень похожи на древности из Грезина.

Les Fiolllets.— Небольшое поселение на глубине от 15 до 20 футов. Несколько найденных здесь бронзовых предметов покрыты известковым веществом. Некоторые из собранных на нем булавок имеют необычные формы, но самым интересным предметом является небольшой напильник, который можно увидеть в музее Шамбери. С этой станции также были выловлены врезные балки.

Шарпинья.—Некоторые сваи были обнаружены недалеко от деревни Бурже, но связанные с ними промышленные остатки, если таковые имеются, пока не обнаружены.

В 1875 году мистер Перрен составил серию подробных статистических данных, с помощью которых он оценил общее количество бронзовых предметов из палафиттес на озере Бурже в немногим более 4000 и распределил их по различным категориям в соответствии с их использованием, указав станции, на которых они были найдены, и музеи или коллекции, в которых они тогда находились. (Б. 282.) С тех пор из палафиттеса было извлечено так много дополнительных реликвий, что таблицы мистера Перрена не могут дать никакого приближения к точности; но, тем не менее, они имеют определенную ценность, показывая относительную частоту встречаемости различных объектов. Поэтому я взял на себя смелость реконструировать по данным мистера Перрена следующий список предметов, найденных на озере Бурже, который дает лучшее общее представление о культуре и цивилизованности обитателей озера, чем страницы описательных деталей:

Озеро Бурже.

Основатели	Формы для формования	22	49
Материалов	Слитки и отливки	46	171
	Молотки	5	7
	Топорики	19	38
	Долота	2	4

изделиями	с т а м е с к и	1	1
	с е р п ы	7	23
	н о ж е й	35	126
	к о ж у р а н о ж и (Tranchets)	4	13
	└ Б р и т в ы	18	32
а Инструмента	М а р к а	—	1
	С в е р л а и т . д .	32	164
	П и л ы	1	2
	Н а п и л ь н и к	—	1
	З а к л е п о к и г в о з д е й	115	248
вооружений	и г л	46	190
	к р ю ч к и	38	144
	└ к л е щ и	5	7
	мечи	2	3
	к и н ж а л ы	9	12
	└ к о п ь я	5	16
	с т р е л	23	49
	└ щ и т ы	1	2
	заколки	163	798
	Fibulae	2	2
Предмет из Украшение	Б р а с л е т ы	82	252
	К р у т я щ и е м о м е н т ы	1	2
	К о л ь ц а д л я п а л ь ц е в	32	121
	С е р ь г и	4	22
	└ П о я с а	1	1
	 П р я ж к и , К о л ь ц а и т . д .	140	598
	П о д в е с к и	7	16
	З а с т е ж к и	7	50

	П у г о в и ц ы	35	63
	К р о н ш т е й н ы и т . д .	43	185
	Б у с и н ы	115	488
	└ Т р у б о ч к и и с п и р а л и		
Разнообразные предметы		34	108
	Всего	1110	4,002

Общие замечания о дворцах озера Бурже.—Граф Коста де Борега в своей превосходной статье "Жилища на озере Бурже" (В. 176) утверждает, что колья, на которых были построены эти деревни, обычно были дубовыми, диаметром от шести до восьми дюймов, и что они были установлены на расстоянии от 100 до 200 ярдов от берега, на глубине 4-5 ярдов воды. На их нижних конечностях почти всегда были следы порезов, которые могли быть нанесены только металлическими инструментами. Большие различия в состоянии их сохранности показывают, что поселения были заселены в течение длительного времени, что требовало обновления свай в разные эпохи.

The Count also believes that all the palafittes of Lake Bourget were constructed during the Bronze Age, in regard to which he thus writes:—"Malgré les quelques instruments de silex et les hachettes de pierre rencontrés dans nos fouilles, il est peu probable, comme je l'ai déjà dit, que ces bourgades aient été fondées à l'Epoque de la Pierre. Tout nous porte à croire, au contraire, qu'elles florissaient à l'Epoque du Bronze, période qui a dû être de fort longue durée en Savoie, car il a fallu bien des siècles pour accumuler sur les différents points que nous avons explorés une pareille quantité d'objets et de débris de toute sorte." (Там же., стр. 23.)

Реликвии.—Оружие.—Найденных мечей немного, и они одного типа (рис. 20, № 16). То, что они домашнего изготовления, более чем вероятно из находки части формы оружия того же класса, хранящейся в настоящее время в музее Шамбери. До сих пор найдено лишь несколько наконечников ножен (рис. 21, № 20). Оба кинжала были зазубрены и прикованы к рукояткам. Наконечники копий (№ 1-4) все с гнездами, за одним или двумя исключениями (№ 5 и 12), которые могут быть кинжалами. Как правило, они без украшений. Наконечники стрел изготавливаются по большей части из треугольных бронзовых пластин с двумя или четырьмя отверстиями для крепления их к стержню; но встречаются и другие формы (рис. 21, № 13, 22-26 и 32).

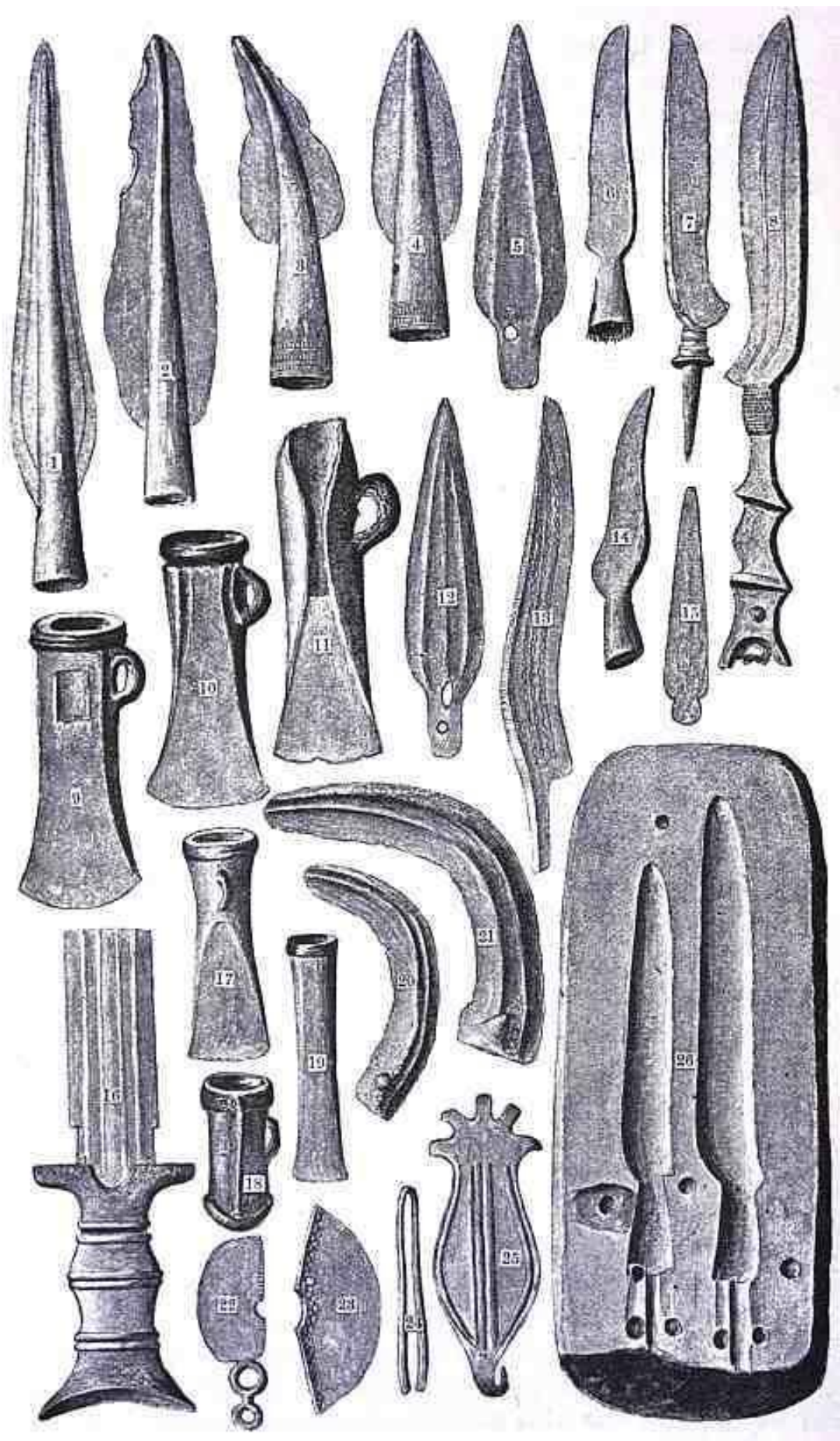

Рис. 20. —Озеро Бурже. Все $\frac{1}{3}$ в натуральную величину.В

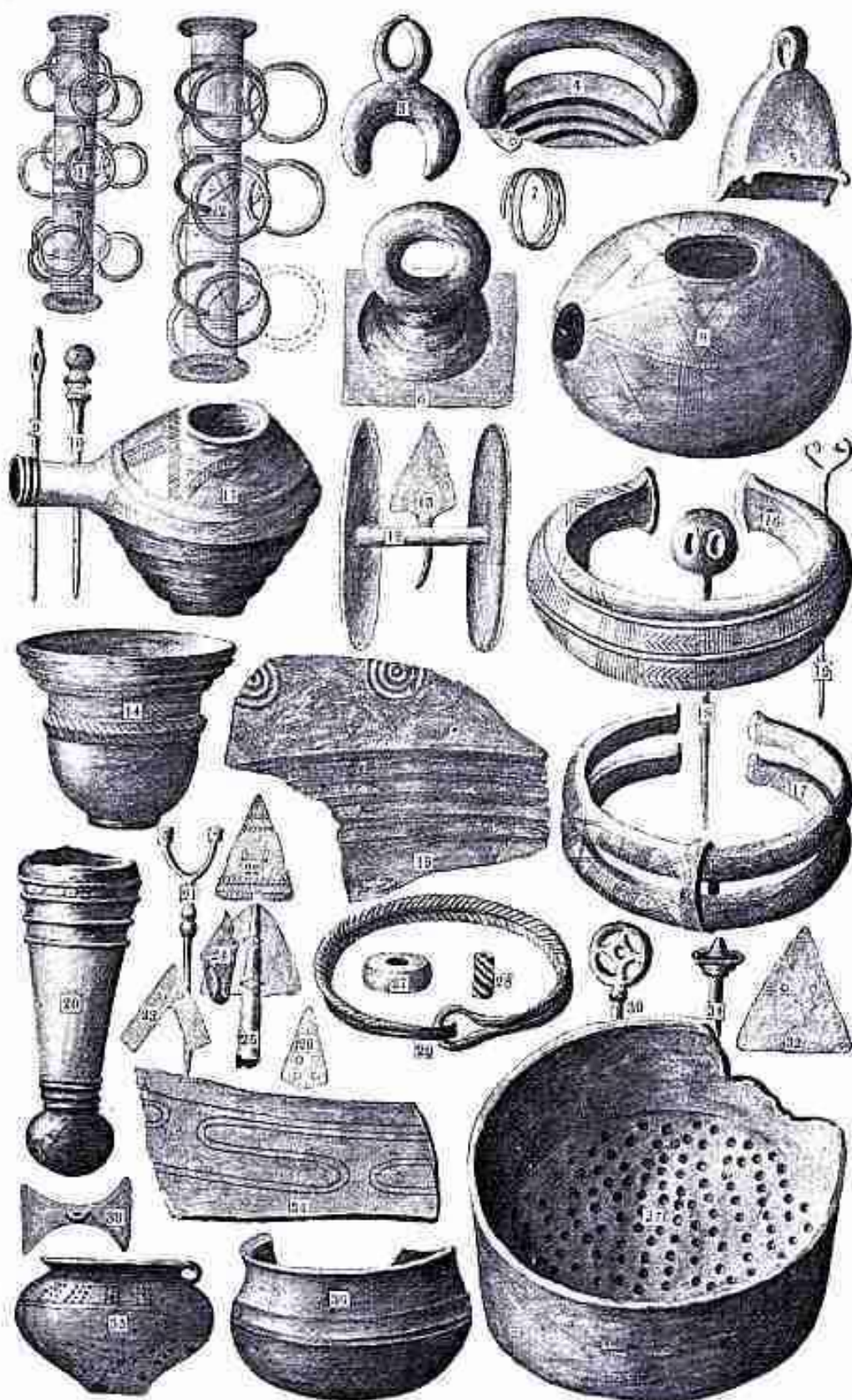

Рис. 21. —Озеро Бурже. Номера с 34 по 37 = $\frac{1}{4}$, остальные = $\frac{1}{2}$ реального размера.

Орудия труда.—Топорики (рис. 20, № № 9, 10, 11 и 17) бывают как с крыльями, так и с гнездами, причем гнезда у последних круглые, овальные или прямоугольные. Все стамески и выемки выполнены в виде гнезд (№ 19). Серпы (№ 20 и 21) почти все имеют выступающую кнопку для крепления рукояти (в этом отношении они отличаются от швейцарских) и могут быть отнесены к различным группам в зависимости от степени кривизны и расположения их выступающих ребер. Ножи заостренные, заостренные и с прочной рукоятью (№ 6, 7, 8, 13 и 14); первые встречаются чаще, а вторые реже. Бритвы бывают двух видов, с ручкой или без нее (№ 22 и 23). Иглы имеют ушко либо на конце, либо посередине. В изобилии встречаются шила и различные рыболовные крючки, но копыя или гарпуны встречаются очень редко. В некоторых местах в изобилии встречаются заклепки, гвозди и кусочки тонких бронзовых пластин. Были найдены примеры пил и напильников, но в небольшом количестве.

Украшения.—Штифты с большими круглыми головками очень редки, как и штифты с круглыми головками (различные формы показаны на рис. 21, № № 10, 18, 19, 21, 30, и 31). Браслеты (№ № 16, 17 и 29), многочисленные и в основном открытые, либо сплошные, либо полые (один из них из олова); фибулы и накладки редки; кольца для пальцев двух видов, простые и спиральные (№ 7); в изобилии встречаются части поясов, пряжек, подвесок (№ 5), пуговиц (№ 33), бронзовых бусин и маленьких спиралей; застежка похожа на меригенскую (рис. 20, № 25). Олово встречается в слитках, в браслетах, дисках и тонких полосках для украшения посуды; также золото в виде нескольких отрезков витой проволоки или листа. Несколько бронзовых сосудов. Одна очаровательная маленькая ваза (рис. 21, № 14) из литой бронзы, выполненная по рисунку графа Коста де Борега и ныне находящаяся в его владении, была найдена в Грезине вместе с мечом (рис. 20, № 16), ножом (№ 8) и примерно 250 гвоздями, предположительно использовавшимися при изготовлении щита. Номера 1 и 2 на рис. 21 представляют собой два замечательных предмета из Грезина, которые сейчас выставлены в музее Экс-ле-Бен. Похожий предмет, но более изношенный и без некоторых колец, находится в музее Шамбери; а четвертый - в музее Озер в Порту (рис. 195, № 4). Полумесяцы, веретенообразные завитки, фрагменты ткани, кусочки плетеного тростника и плетеных корзин, стекло в мелком цветном бисере и янтарь (рис. 21, № 27 и 28), также в мелком бисере, представлены полностью.

Предметы, представленные номерами 4, 6 и 12, могут быть медными украшениями на сбруе; но что касается двух любопытных бронзовых сосудов (№ 8 и 11), я не могу определить их назначение.

Керамика демонстрирует большое мастерство в керамическом искусстве. Она серого, черного или красного цвета (№ 34, 35, 36 и 37). Среди них были найдены сосуды, сочетающие три цвета, различных геометрических форм, с линейным орнаментом, а также другие с орнаментом, напоминающим отпечатки листьев папоротника (*Polypodium vulgare*).

В этих палафиттах также было собрано несколько железных наконечников копий (рис. 198) и ножей, а также римские изразцы и керамика.

Домашние и дикие животные, насколько их удалось идентифицировать, похожи на обитателей швейцарских озер.

ОЗЕРО АНСИ.

С 1856 года в нескольких местах озера Аннеси были обнаружены сваи, но из-за глубины воды и скопления ила связанные с ними реликтовые слои было нелегко исследовать. До настоящего времени только четыре стоянки были исследованы в достаточной степени, чтобы позволить нам составить некоторое представление об их хронологическом положении

по отношению к другим остаткам озерных жилищ. Это станции Порт, Вьехи, Шатийон и Розле.

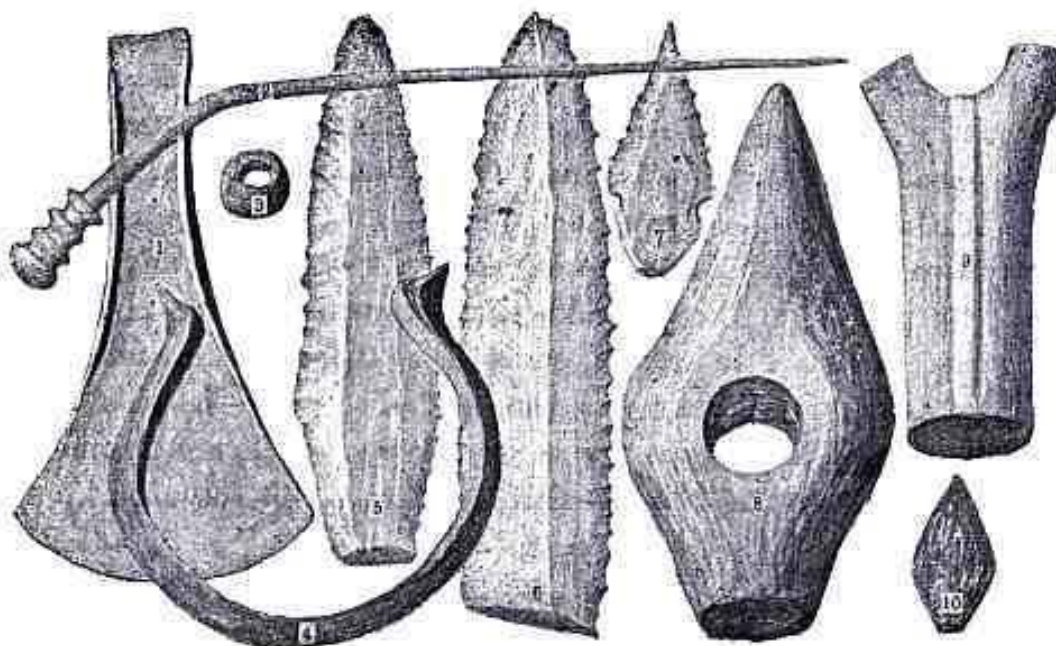

Рис. 22.—Озеро Анси. Все $\frac{1}{2}$ в натуральную величину.

Первое название (Station du Port) появилось на свет только в начале 1884 года, когда небольшую гавань в городе Аннеси углубляли, чтобы облегчить движение прогулочных пароходов, курсирующих по озеру в течение сезона. В ходе этих операций земснаряды наткнулись на сваи и поднимали из ила различные виды каменных орудий и т.д., которые, к сожалению, в основном повторно откладывались на большой глубине. Место, где были найдены эти останки, находится как раз на оконечности острова Суон; и после завершения общественных работ земснаряд был предоставлен в распоряжение Общества Флоримонтан, которое провело систематические исследования как там, так и на станциях Розле и Вьюги. До этого времени на всех исследованных станциях было обнаружено большее или меньшее количество бронзовых предметов, и поэтому они считались аналогичными станциям озера Бурже, все из которых были основаны в бронзовом веке. Исследования, проведенные на станции Порт, опровергли это мнение, поскольку, судя по характеру найденных на ней реликвий, не могло быть никаких сомнений в том, что ее обитатели жили в основном в каменном веке, но станция дожила до бронзового века. Предметы, собранные из него, состоят из перфорированных серпантинных топоров-молотков (рис. 22, № 8 и 9), полированных серпантинных топориков, каменных веретенообразных завитушек, прекрасно обработанных кинжалов и кремневых наконечников копий (№ 5, 6 и 7), а также наконечников стрел (один из сланцевого камня № 10), пил, скребков и т.д. Из того же материала. Только два металлических предмета, а именно. зафиксированы бронзовая заколка для волос (№ 2) и бусина (№ 3), вероятно, из меди, подобные тем, что были найдены в Винельце; но говорят, что они находились на поверхности реликтового слоя.

Станция дю Розле была первой обнаруженной на этом озере, но на ней было найдено лишь несколько реликвий, среди которых фрагменты керамики, несколько тонких завитушек, топорик из змеевика и бронзовый браслет.

Шатийон находился на глубине от 8 до 13 футов, и среди его реликвий - нож в носке и пара браслетов (№ 4).

Поселение во Вьюги было обнаружено в 1868 году, и наиболее важными предметами из него являются бронзовый топорик плоского типа (№ 1), несколько каменных форм и несколько резиновых изделий. (Б. 315.)

ОЗЕРА ЭГЕБЕЛЛЕТ И ТЮИЛЬ.

Месье Тройон сообщил о существовании свай в двух местах на озере Эгеллетт и одной в озере Тюиль; но о них я больше не нахожу записей. (Б. 31.)

ОЗЕРО КЛЕРВО (ФРАНЦИЯ).

Озеро Клерво расположено на первом возвышающемся плато гор Юра, недалеко от города Лон-ле-Сольнье, и занимает площадь около 200 акров. На его северо-западной оконечности в озеро вдается полоска суши под названием Ла Мотт-о-Маньен, которая, как полагают, в прежние времена была островом, но сейчас представляет собой сплошную полосу болотистой местности, простирающуюся между Моттом и городом Клерво.

Было зарегистрировано, что в разное время до 1870 года в ходе дренажных работ в этой болотистой местности были найдены различные предметы старины, такие как орудия из рога, каменные топоры из кремня и нефрита, бивни кабанов, осколки керамики, бронзовые кельты, малоберцовая кость и армилла; также галло-римские останки, в том числе галльская золотая монета и римские монеты. В самом озере не было сделано никаких открытий, за исключением группы из пяти свай, известных рыбакам. Но ни одно из этих открытий никогда никому не наводило на мысль о обитателях озера, общепринятое мнение заключалось в том, что они были остатками времен и обычаев друидов.

27 июня 1870 года, когда вода была почти на самом низком уровне, мистер Ле Мир случайно шел по берегу и споткнулся о черную дубовую сваю. Его внимание, таким образом, было направлено на такой любопытный объект, он огляделся и обнаружил множество других, просто выступающих со дна озера. Затем он решил расследовать это дело и сразу же нанял несколько рабочих для проведения раскопок. Выбранное место находилось в 100 ярдах к западу от Мотт-о-Маньен и в 25 ярдах к востоку от канала, который образует выход из озера. Были вырыты траншеи шириной около 1 ярда и такой же глубины (большей глубине препятствовала просачивающаяся вода). Во время этих операций в изобилии встречались отвалы, но никаких остатков обнаружено не было, и было отмечено, что в веществе, выброшенном из траншей, не произошло никаких изменений, это были обычные беловатые отложения, подобные тем, что видны на нынешней поверхности стрэнда. Сваи были из дуба, ели, тиса, тополя, ивы и орешника и имели размеры от 4 до 6 дюймов в диаметре.

Затем мистер Ле Мир перенес свои работы на южную сторону Мотт-о-Маньен и, пройдя через 6-8 дюймов белесых поверхностных отложений, наткнулся на черноватый торфяной слой, содержащий корни водных растений и другие органические обломки, который оказался настоящим реликтовым слоем обитателей озера.

Здесь он продолжал раскопки около трех недель с парой рабочих, и таким образом была обследована площадь около 120 квадратных ярдов, которая, по его мнению, составляла не более двадцатой части от общей площади озерного жилища. Груды не достигали поверхности, но встречались в изобилии, на обследованном пространстве их насчитали не менее 150. Начало войны положило конец этим раскопкам, а последующее возвращение уровня воды к обычному помешало их возобновлению.

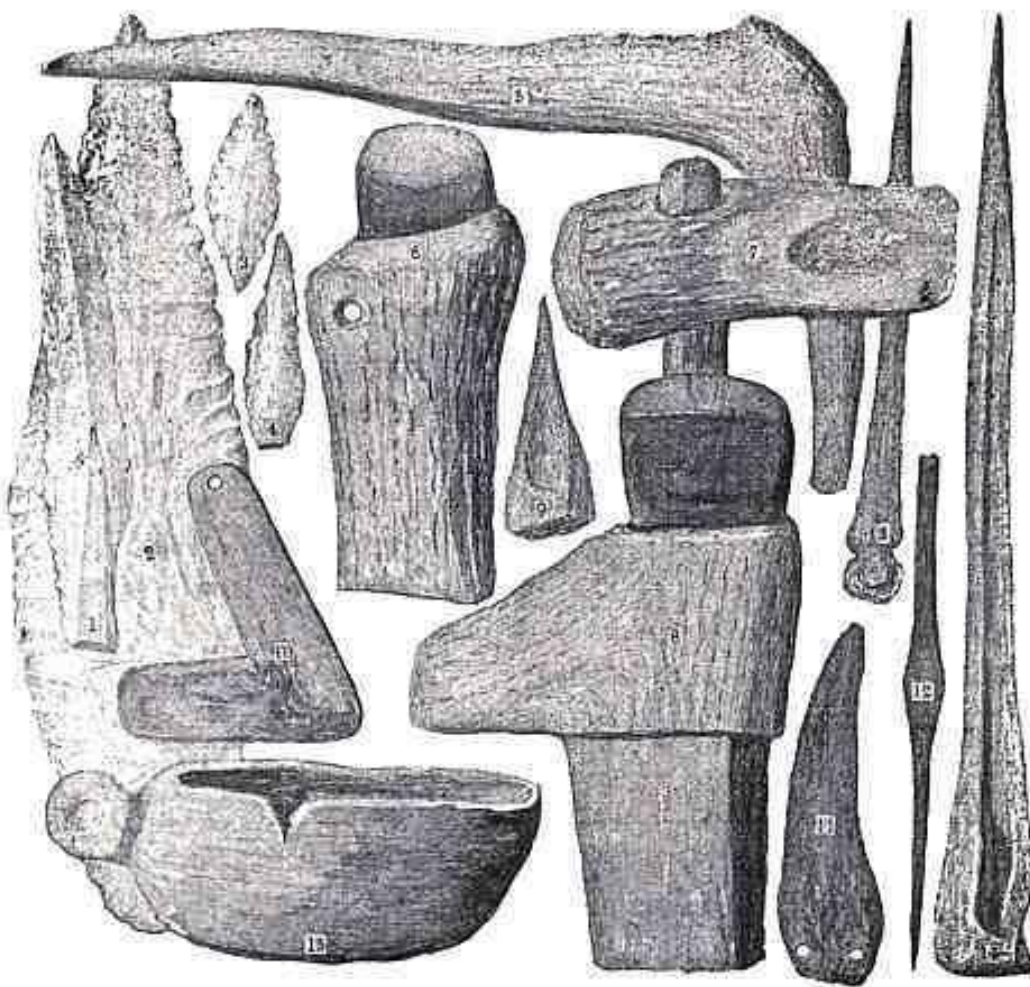

Рис. 23.—Клерво. Номера 5, 7 и 15 = $\frac{1}{4}$, остальные = $\frac{1}{2}$ реального размера.

Г-н Ле Мир опубликовал иллюстрированный отчет о своих исследованиях (В. 219), из которого взяты эти заметки, но прилагаемые иллюстрации ([рис. 23](#)) взяты из подборки предметов, выставленных в антропологической секции Парижской международной выставки 1889 года. Я отмечаю, что в этой коллекции есть несколько реликвий, таких как два бронзовых предмета, на которые г-н Ле Мир не ссылается в своем отчете; вероятно, они были найдены после его публикации.

Среди реликвий видное место занимают орудия труда из оленьего рога. Рукоятей и креплений для каменного оружия насчитывалось 49, и на двух изображенных здесь (из пяти выставленных в Париже) до сих пор сохранились кельтские изображения (№ № 6 и 8). Есть несколько перфорированных молотков из рога, у одного из которых (№ 7) сохранилась часть деревянной рукоятки, когда его нашли; другой имеет длину в фут, а перфорация находится ближе к заусенцу на роге, который образует наконечник молотка. Черенок длиной 11 дюймов служит ручкой для небольшого каменного долота. Другой предмет (№ 5) является *уникумом* в своем роде. Это зубило из рога тайна, корпус которого образует аккуратно отполированную ручку.

Отполированные кинжалы или наконечники также прекрасно сделаны и почти напоминают те, что изготавливаются в Лайбахе. Двадцать шесть экспонатов были выставлены в Париже, три из которых представлены здесь, включая самые большие и самые маленькие (№ 9, 13 и 14).

Около дюжины наконечников стрел треугольной или листовидной формы и один или два кремневых наконечника для копий. Из последних один (№ 2) примечателен своими размерами и элегантным исполнением.

Деревянные блюда, сформованные из цельного материала, все с круглым основанием, были собраны в количестве 15 штук, и предполагалось, что несколько больших шарообразных кусков дерева станут основным этапом их изготовления. Здесь воспроизведено одно блюдо, изображенное Ле Миром, с аккуратной ручкой (№ 15). Были также деревянные молотки с отверстиями для ручки. Три части лука, на одной виден наконечник с выемкой для тетивы. Ось для телеги Ле Мир считает интересной, поскольку демонстрирует знание и использование тяги колесами.

Помимо нескольких каменных кельтов и долот, большинство из которых все еще были в роговых рукоятках, там было несколько кремневых ножей (№ 1), три точильных камня, два любопытных и новых предмета из полированного камня, один из которых проиллюстрирован (№ 10).

Керамика включает 140 фрагментов посуды с различными формами ручек и линейным орнаментом.

Из бронзы изготовлено всего два предмета: маленькое шило или стамеска и сильно потертый кинжал (№ № 11 и 12).

Специалист не сообщил о костях животных весом 150 килограммов, но, по словам Ле Мира, они принадлежали в основном быку, оленю, кабану и свинье; среди них был прекрасный образец черепа медведя. Среди других органических остатков было несколько зерен пшеницы и желудей.

БОЛОТНОЕ ЖИЛИЩЕ В ГОРОДЕ БОРДО.

В 1867 году г-н Делфортри (В. 136) опубликовал сообщение о доисторических древностях эпохи неолита, найденных в ходе раскопок по благоустройству города Бордо, которые указывают на существование какого-то болотного жилища в самом центре города. Внимание к этому вопросу было впервые привлечено количеством костей, выброшенных из нижней части раскопок, среди которых Делфортри обнаружил несколько обработанных, и с ними были связаны различные каменные и кремневые орудия.

Что касается костных останков, он отмечает, что на нижних челюстях жвачных животных, которых было относительно много, намеренно удалили резцы, но коренные зубы сохранили. С другой стороны, верхние челюсти полностью отсутствовали или были сломаны, как и все другие костномозговые кости.

В трех разных точках, образующих почти равносторонний треугольник со стороной 200 метров, он раздобыл участки этих уличных вырубков, на всех из которых последовательность слоев и реликвий указывала на схожие условия. В какой—то момент он приводит следующие подробности раздела:-

Mètres.

A.	Земля и подпочвы }	
Б.	Террамаре галло-римского периода }	4.
С.	Морское дно с раковинами	·10
D.	Песчаный торф	·50

Е.	Пепелище с устричными раковинами, обработанными костями и т.д.	·50
фунтов стерлингов.	Озерный песок	·45
Г.	Черный торф с песком и гравием	1·55 7·10

Кости представляли следующих животных: крупного быка, быка поменьше, оленя, свинью, дикого кабана, лошадь (небольшого вида), козу, овцу и собаку. Мистер Делфортри считает, что кости лошади показывают, что животное не было одомашнено. Никаких куч не было обнаружено, кроме как в галло-римский период. На морском дне С. были обнаружены следующие раковины: *Ostrea edulis*, *Pecten maximus*, *Mytilus edulis*, *Venus decussata*, *Cardium edule*, *Mactrea solida*, *Turbo neritoides* и *Trochus cinerarius*.

Реликвии были найдены в основном в ложе Е., среди пепла, некоторые из них были обнаружены в песчаном торфе над ним. Они состоят из наконечников, игл, полировальных инструментов, лопаток, наконечников стрел и костяного инструмента, называемого свистком; кремневых пил, полированного кельта, также из кремня, трех маленьких полированных каменных кельтов из серпентина или кварцита и около дюжины кремневых ножей.

По мнению рассказчика, здесь было болотное жилище датских кеккенмедингов, которое по времени предшествовало швейцарским озерным жилищам, но существовало после периода оленеводства в Центральной Франции.

По моему мнению, характер и отделка реликвий не дают оснований предполагать, что это жилище предшествовало ранним швейцарским озерным жилищам; и мы также не можем на основании тех ограниченных исследований, которые можно было провести на улицах города, исключить более вероятную идею о том, что это был обычный палафит, несмотря на то, что свай не наблюдалось.

Вторая лекция.

ПОСЕЛЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ ШВЕЙЦАРИИ, ДОЛИНЕ ДУНАЯ И КАРНИОЛЕ.

Остатки озерных жилищ, которые я до сих пор описывал, были, за одним или двумя исключениями, расположены на границах больших озер, а извлеченные из них промышленные остатки были найдены более или менее погребенными в озерных отложениях. Но это не те неизменные обстоятельства, при которых встречаются подобные древности, как уже было замечено в случае с Ваувилем; но их отличительные моменты я тогда не обсуждал, прибегая к их для данного особого случая.

Каждый внимательный наблюдатель природных явлений должен был заметить, как при определенных четко определенных условиях поверхностные участки озер постепенно засоряются не только за счет накопления обломков, переносимых в них ручьями и дождевыми стоками, но и за счет роста торфа на их берегах. Этот последний процесс чаще происходит в небольших озерах — настолько часто, что некоторые из них в настоящее время почти полностью исчезли из-за полного заполнения их бассейнов. Хотя рост торфа

происходит медленно и почти незаметен для отдельных наблюдателей, продолжительность жизни которых, как правило, слишком коротка, чтобы заметить его прогрессивный характер, он оказался самым грозным антагонистом озерных поселений, разрушив их озерный характер и, таким образом, вынудив их жителей полностью покинуть их. В некоторых случаях торф фактически поглотил целые деревни вместе с накопившимися *обломками* их промышленного оборудования, таким образом герметично запечатав все, что является одним из лучших противоядий от естественного разложения. Города и могущественные империи возникали, процветали и исчезали, не передав будущим эпохам ни единого свидетельства своего существования, подобно цветам, рожденным для того, чтобы расцвести невидимыми. Такой, действительно, могла бы быть судьба многих из этих свайных поселков, несмотря на благоприятные условия, в которых были замурованы их руины, если бы не простая случайность при вырубке торфа, которая обнажила так много их зарытых сокровищ. Эти замечания особенно применимы к знаменитому поселению в Робенхаузене, с которого я начинаю сегодняшнюю лекцию.

LAKE OF PFÄFFIKON.

На небольшом озере Пфеффикон, расположенном к востоку от Цюрихского озера, располагались два поселения, а именно: Robenhausen and Irgenhausen.

Robenhausen.—Эта хорошо известная станция, которая предоставила образцы останков обитателей озера большинству европейских музеев, расположена примерно в середине обширного участка пастбищ на южной стороне озера. Хотя сейчас его участок находится в нескольких сотнях ярдов от озера, не может быть никаких сомнений в том, что первоначально он был полностью окружен водой; ближайшая суша, расположенная на западе, находится примерно в 2000 ярдах от него. С восточной стороны старый берег озера находится на расстоянии 3000 ярдов, и к нему, несмотря на большее расстояние, тянулся проход, остатки которого все еще можно проследить. Под травой скрывается толстый слой торфа, который использовался в качестве топлива в соответствии с потребностями окружающего сообщества; и простой взгляд на местность показывает, что все это пространство представляет собой всего лишь вторжение торфа на то, что раньше было частью озера. Луг принадлежит крестьянам-собственникам, среди которых он разделен на небольшие участки. Зимой 1857-8 годов г-н Якоб Мессикоммер, владелец одного из этих участков, обнаружил на своем участке остатки свайного дома, и с тех пор он посвятил себя его исследованию. Его усилия были высоко оценены доктором Келлером и другими членами Общества антикваров Цюриха, в музей которого были отправлены многие из главных реликвий. Через несколько лет после его открытия проект углубления и расширения протоки, которая, так получилось, проходила через обитателей озера, предоставил археологам прекрасную возможность исследовать его антикварные останки. Мессикоммер был назначен руководителем предполагаемых раскопок. С тех пор он неоднократно, когда воды было низким, как и в годы 1864, 1865, 1870, 1875, 1882, 1884, 1886 год, сделаны более или менее обширные раскопки в разных частях поселка с целью выяснения непонятных или спорных моментах. В целом он хорошо использовал свои преимущества, и его разумной и бдительной заботе мы обязаны тщательным описанием реликвий, а также серией пронизательных наблюдений, касающихся характера и продолжительности существования этого поселения, что сделало его одним из самых поучительных во всем спектре озерных исследований.

Пространство, занимаемое поселением, представляло собой неправильный четырехугольник, площадью немногим меньше трех акров. Сваи были сделаны из круглых или расщепленных стволов деревьев — преобладающими породами были дуб, бук и сосна.

Исходя из предположения, что они были размещены на одинаковом расстоянии друг от друга, Мессикоммер рассчитывает на основе данных, предоставленных каналом Аабах, площадь которого составляла около 4000 квадратных футов, что для строительства всей озерной деревни потребовалось 100 000 свай.

Чтобы добраться до реликвий, нужно прорыть 5-6 футов торфа, в котором реликвий не обнаружено, за исключением куч, верхушки которых почти достают до поверхности. Такие ямы вскоре заполняются водой, так как все реликтовые залежи находятся ниже уровня озера.

По мере продвижения раскопок Мессикоммер сделал важное наблюдение о том, что груды можно разделить на три группы, соответствующие такому большому количеству слоев с реликвиями.

Первый набор свай проник в мергель-ракушку примерно на 10 или 11 футов ниже нынешней поверхности; и непосредственно над этим мергелем был слой жирного торфа толщиной всего 4-5 дюймов, содержащий несколько реликтов. Затем последовал слой древесного угля с обуглившейся пшеницей, ячменем, тканью и т.д., что, по мнению нашего исследователя, явилось результатом общего пожара, уничтожившего все поселение. После этой катастрофы была возведена новая надстройка, сваи которой были установлены так плотно, что в среднем на каждый квадратный фут приходилось по три-четыре. Эта новая деревня, по-видимому, процветала долгое время, поскольку ее продолжительность представлена торфянистым отложением толщиной почти 3 фута, содержащим множество реликвий, таких как кости, керамика, куски глиняного пола и т.д. Затем последовал второй слой сгоревших материалов, таких как кукуруза, фрукты, хлеб и обычные каменные промышленные орудия труда — все это указывает на второй пожар. Но, по-видимому, ничуть не обескураженные, озерные жители снова взялись за реконструкцию своих своеобразных жилищ, и Мессикоммер отличает эту третью серию свай тем, что они проникают не так глубоко, как сваи предыдущих поселений. В то время как сваи более ранних жилищ проникали в ракушечный мергель, сваи третьего строения не дотягивали до первого на 2 с половиной фута и заканчивались скопившимися *обломками*. Однако, с другой стороны, их верхушки поднимались выше в торфе, доходя почти до нынешней поверхности. Далее он заметил, что только в третьем поселении сваи были расколоты, причем сваи двух первых были круглыми и гораздо более сгнившими. Кроме того, в соответствии с его продолжительностью, там было отложение торфа глубиной 3 фута, содержащее различные реликвии, но никаких признаков пожара, и выше этого места торф был полностью лишен остатков человеческой деятельности. Таким образом, создается впечатление, что озерные жители добровольно покинули свою деревню либо из-за накопления торфа, либо потому, что в силу требований цивилизации они нашли более благоприятные условия обитания в другом месте.

Во время раскопок на канале Аабах вышеупомянутые факты были наглядно продемонстрированы, как, впрочем, и в настоящее время, любым человеком, решившим произвести необходимые раскопки, разрешение на которые добровольно дает владелец.

Исходя из своеобразной группировки и распределения реликвий по определенным районам, мистер Мессикоммер пришел к выводу, что, хотя в каждом коттедже были свои особые приспособления, такие как очаг, жернов, точильные камни и материалы для ткачества, существовали и другие реликвии, специально локализованные. Таким образом, в одном месте было большое количество кукурузы, в другом - сухофруктов, в третьем - льна и т.д. Он также научился распознавать по виду используемой подстилки и помету животных, где располагались стойла для крупного рогатого скота, овец и коз, которые, по его словам,

находились в промежутках между коттеджами. В изобилии встречались кости, чешуя рыбы, сушеные фрукты, водяные каштаны, буковые и лещинные орехи, желуди и другие остатки пищи. Ниже приведены некоторые из наиболее интересных реликвий из этого обширного хранилища промышленных остатков многих эпох:—

Деревянные предметы.—Тисовый лук длиной пять футов, с насечками для тетивы на обоих концах; другой экземпляр имеет длину всего 3 с половиной фута. Большое блюдо, похожее на кадку, почти 16 дюймов в диаметре, и множество половников. Хомут для крупного рогатого скота, сделанный из ветки орешника. Большая деревянная дверь, расположенная так, чтобы поворачиваться на шарнире, размером 4 фута 9 дюймов на 2½ фута в ширину и 1½ дюйма в толщину; каноэ длиной 12 футов, шириной 2½ фута и глубиной 5 дюймов; большой ассортимент ручек, ножей (рис. 24, № 15), дубинок (№ 26), посуды, подвесных крюков и т. Д.

Рог и кость.—Рукоятки для каменных топоров и долот (№ 8 и 9), кинжалов, стамески, перфорированные топоры-молотки (№ 12), наконечники для стрел (№ 2), сельскохозяйственные орудия, маленькая чашка (№ 7) и т.д.

Камень.—Топоры из нефрита редки, но они в изобилии изготавливаются из обычных материалов (№ 23) — некоторые перфорированы; кремневые пилы в ручках, камни-молотки (№ 10), подвески (№ 3), каменный диск, отполированный и перфорированный в центре круглым отверстием (№ 13), наконечники стрел и скребки из кремня (№ 1), два небольших предмета из красного камня с рядом отверстий (№ 5 и 6).

Керамика.—Глиняные чашки, ложки и различные виды сосудов (№ № 14, 16, 17 и 18). Особого внимания заслуживает тигель с коническим основанием, требующий кольцевой опоры (№ 18). Несколько тиглей крупного помола с ручками (№ 22). Когда был обнаружен первый из этих предметов, предполагалось, что это большая ложка, но позже в порах одного из них были обнаружены следы меди, и таким образом была распознана их истинная природа. Эти тигли были найдены через несколько лет после обнаружения обитателей озера, и хотя Мессикоммер постоянно искал металлические предметы, его поиски были вознаграждены только в 1882 году. Это был небольшой медный кельт плоского типа (№ 4), но поскольку он некоторое время находился в хламе, выброшенном из траншей, невозможно было сказать, какому поселению он принадлежал. (Б. 383, с. 324.) В 1884 году Мессикоммер объявил, что тигель, который, очевидно, использовался, был найден в слое *дебриса*, соответствующем второму поселению в Робенхаузене.[21]

4 октября 1887 г. (Б. 454) мистер Х. Мессикоммер, производя раскопки в нетронутой части этого озерного жилища, обнаружил у поверхности торфа и на уровне вершин свай другой топорики плоского типа, изготовленный из бронзы (№ 11). Из этих соответствующих находок ясно, что обитанию на озере Робенхаузен пришел конец еще до того, как бронза вошла в широкое употребление.

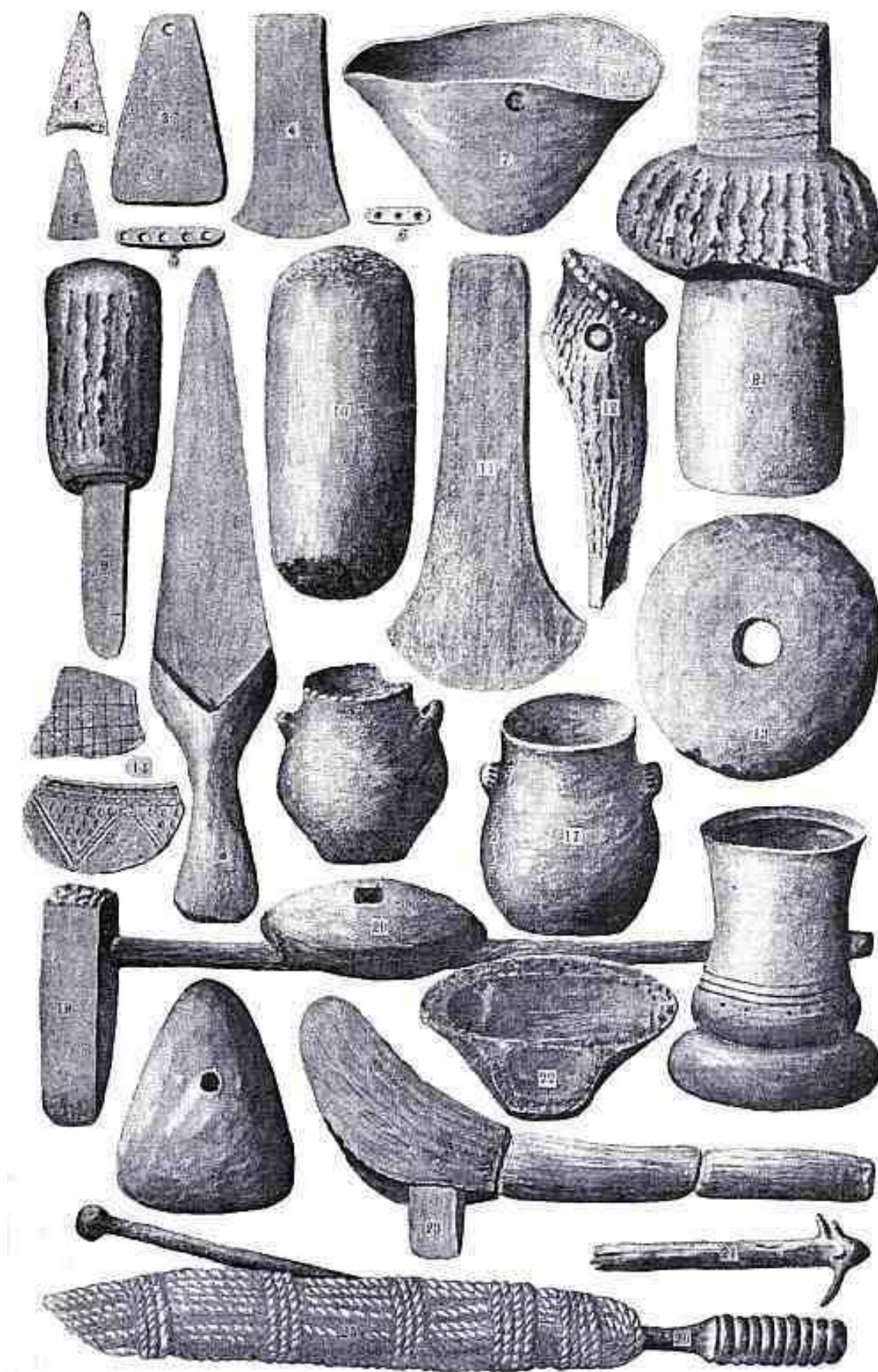

Fig. 24.—Robenhausen. Номера с 12 по 14, с 16 по 22 и 24 = $\frac{1}{4}$, 23 = $\frac{1}{8}$, 26 = $\frac{1}{10}$, а остальные = $\frac{1}{2}$ реального размера.

Weaving Materials.—Огромное количество образцов льна, нитяных канатов, мотков ниток, кусочков ленты и тканей различной ткани, рыболовных сетей и сеток для волос, [22] плетеные бордюры, бахрома и циновки (рис. 25). Встречались также грузила для ткацкого станка (рис. 24, № 20 и 21) и глиняные стержни, но, что довольно странно, почти не было завитков веретена. Не очень ясно, в каком положении были найдены эти зарегистрированные реликвии; но в 1882 году, когда уровень воды оказался очень низким, было тщательно обследовано самое нижнее русло реликвии, и в нем были обнаружены похожие останки. В результате этих находок Мессикоммер объявил в 1882 году (В. 383а, стр. 379), что он убежден в том, что все виды ткачества были полностью известны в самом начале обитания Робенхаузенов на озере.

В третьем поселении найдено очень мало ткани или ниток, вероятно, из-за того, что не было пожара, при обугливании которого такие останки сохраняются от разложения. С другой стороны, были собраны нефритовые орудия труда, среди которых наконечник стрелы из нефрита, а также около 60 семян и плодов. Среди последних можно особенно отметить водяной каштан (*Trapa natans*), поскольку он больше не растет в данной местности. (В. 462.)

Irgenhausen.— Только одно другое поселение было признано настоящим обитателем озера в этом озерном бассейне, а именно. Иргенхаузен, расположенный примерно в получасе ходьбы к востоку от Робенхаузена. Станция проходила параллельно берегу на расстоянии около 300 футов при ширине всего 30 футов. Найденные на нем реликвии сходны по характеру с реликвиями из Робенхаузена, наиболее примечательными из которых являются образцы вышитой ткани и клетчатого муслина. (Б. 126, Стр. xvi. Илл. 2 и 2а.) Мессикоммер считает, что только один ряд коттеджей занимал этот участок. Почти все место обитания этого озерного жителя исчезло в глубинах с 1881 года, и его больше нельзя найти. [23] Там, где раньше стояли остатки Пфальбау, теперь можно увидеть только зияющую бездну (*eine gährende Tiefe*). Это явление, однако, не является единичным для швейцарских озер, свидетельством чего является недавняя катастрофа на озере Цуг, в результате которой было уничтожено не только место обитания доисторических озерных обитателей, но и большая часть города Цуг.

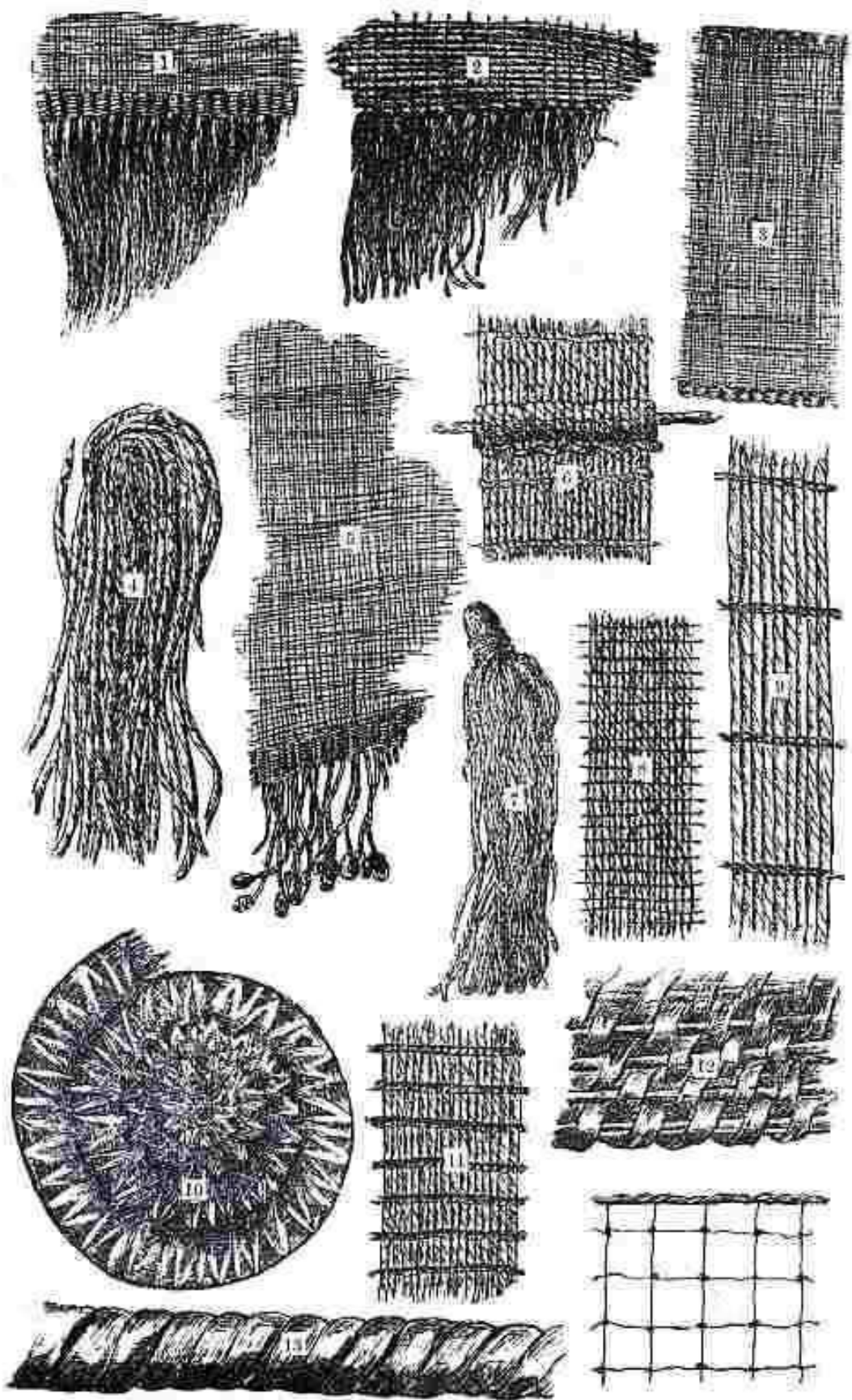

Fig. 25.—Robenhausen. Все $\frac{2}{3}$ в натуральную величину. В

Недалеко от кромки воды на южном берегу, примерно в десяти минутах ходьбы прямо к северу от Робенхаузена, находится искусственный холм под названием Химмерайх, который

раньше считался местом постройки свайного жилища. Он построен из мелких и крупных камней, среди которых были найдены кремневые пилы, наконечники стрел и керамика озерного типа, связанные с римскими изразцами и гончарными изделиями (*terra sigillata*). Однако не было обнаружено ни свай, ни каких-либо признаков структурных жилищ, и в настоящее время в отношении него общепринято мнение, что это был доримский рефугиум, который впоследствии попал в руки римлян.^[24] Остатки римской станции также находятся недалеко от Иргенхаузена, что может иметь какое-то отношение к кургану Гиммерейх. (В. 462.)

Записи о многочисленных открытиях, сделанных в Робенхаузене время от времени, в зависимости от благоприятной погоды, как и сами реликвии, широко разбросаны. В дополнение к докладам Келлера и Дж. Мессикоммера (В. 22, 34, 40, 61, 126, 336, и 462) в трудах Общества антикваров Цюриха у нас есть ряд дополнительных заметок в различных журналах, таких как *Anzeiger*, *Antiqua*, *Das Ausland* т.д. (В. 143а и 143b, 154, 256, 383, 385а и 385b, 402, 403, 406с и 406d, 434с, 449b, 454b и т.д.), из которых можно почерпнуть более или менее важную информацию.

ЭГЕЛЬЗЕЕ, НЕДАЛЕКО ОТ ФРАУЭНФИЛДА.

Niederwyl.— Поселение Нидервиль располагалось в небольшом бассейне площадью всего около 60 акров, который, хотя сейчас полностью зарос торфом, должно быть, раньше был озером, как следует из его древнего названия Эгельзее. Сразу к югу находится открытая долина, от которой она отделена узкой грядой земли, через которую ее владельцы проделали глубокую выемку для лучшего дренажа, тем самым облегчив вывоз торфа. Пока крестьяне были заняты таким образом, они наткнулись на часть котловины ближе к ее центру, где торф начал редеть; и по мере того, как они продвигались, оказалось, что там было что-то вроде насыпи, полностью погруженной в торф и состоящей из глины, деревянных балок, камней, древесного угля и всякого мусора. В центре этого холмика глубина залегания торфа составляла всего 2 или 3 фута, в то время как вокруг него было 8 или 10 футов. Рабочие просто обошли это любопытное возвышение, сняв с него слой торфа; и так оно и оставалось открытым, пока однажды преподобный мистер Пупикофер случайно не проходил по болоту, когда осознал его археологическую важность. Это было в 1862 году, и Историческое общество Тургау немедленно организовало расследование этого дела; и мистеру Якобу Мессикоммеру, чей опыт проживания на озере в Робенхаузене сделал его авторитетом в подобных вопросах, было предложено провести необходимые исследования. Сделав разрезы в обнаженной части этого холма, он обнаружил искусственную подструктуру из хвороста, уложенного поперечно и смешанного с вертикальными кучами, которые доходили до первоначального дна озера. К счастью, однако, вся насыпь не была обнажена от торфа, и Мессикоммер мудро выбрал нетронутую часть для своих последующих раскопок. Следующая цитата из его доклада даст лучшее представление об этих структурах, чем любой реферат, который я мог бы составить:—

"Когда я начал раскопки с несколькими рабочими 18 июня, я был удивлен, обнаружив под слоем глины и гравия толщиной от 2 до 4 дюймов, с верхнего слоя которого было снято 3 фута торфа, конструкцию из правильно уложенных и совершенно прочных хвороста; а так как древесина была чрезвычайно мягкой, нам пришлось проявить всю осторожность, чтобы раскопать как можно большую ее часть. Сначала мы оголили пространство, которое было в идеальном состоянии, 20 футов в длину, 6 футов в ширину по концам и 10 футов в ширину посередине. Верхняя платформа была сделана из колотого бруса или дубовых досок, уложенных с большой осторожностью, и опиралась на круглые бревна или хворост диаметром от 3 до 4 дюймов, которые были окружены штабелями. Задняя часть помещения

была засыпана древесным углем и несколько обуглилась; были также найдены довольно большие камни (камни для очага) в их первоначальном положении. Самым поразительным фактом было то, что нижняя часть боковой стены все еще стояла; она состояла из своеобразного затвора, вставленного между вертикальными сваями, окружавшими пространство. На этом месте я открыл другие участки и везде наткнулся на ту же конструкцию, отличающуюся только тем, что платформа или пол были сделаны из хвороста вместо досок. Кое-где пол значительно просел, часто на один-полтора дюйма на шесть дюймов.

Затем это место было оставлено для обследования членами ассоциаций Тургау и Цюриха, а в другом месте были проведены раскопки для изучения подструктуры. Результат оказался не менее интересным; на глубине 1 фута под первой платформой мы наткнулись на вторую; еще на фут глубже мы обнаружили третью; затем четвертую и так далее; так что расположение аналогично тому, что было в Ваувиле. Хижины располагались на деревянных массивах, состоящих из пяти или шести платформ, расположенных одна над другой, промежутки между которыми были заполнены хворостом и ветками деревьев, главным образом ольхи, камыша, гравия и глины. Мы были удивлены, обнаружив кости, глиняные колбочки и большой деревянный молоток между платформами; мы также нашли тканую ткань под пятой платформой и древесный уголь недалеко от дна озера. Из этого я делаю вывод, что платформы были сделаны не одновременно, а через определенные промежутки времени, одна за другой; или что их ремонтировали по частям, поскольку мы обнаружили отдельные обугленные стволы под свежей древесиной". (Б. 119, 2-е изд., стр. 77.)

В другом разделе Мессикоммер заметил небольшое изменение в вышеописанных фасциновых конструкциях, которое он объясняет следующим образом: "То, что я назвал решеткой или шпалерной, состояло из тонких стволов деревьев, которые были уложены не близко друг к другу, а с интервалом от одного до двух дюймов друг от друга; самые верхние стволы опирались на другие, лежащие под ними под прямым углом, а эти снова на другие, параллельные тем, что находятся на верхнем слое. Промежутки между бревнами были заполнены древесным углем и обожженной глиной".

Каждое строение, казалось, было приспособлено для одного коттеджа, поскольку между ними были узкие промежутки, которые были заполнены *обломками* и содержали реликвии, такие как сломанные каменные топоры, обуглившаяся ткань, фрукты и т.д.

"Мы не можем себе представить, — продолжает Мессикоммер, — что это поселение было уничтожено пожаром, потому что, хотя мы иногда встречали обгоревшие балки, на вертикальных сваях, которые возвышались на целых 2 с половиной фута над полом, не было видно ни единого следа пожара — более того, даже на большинстве из них кора все еще хорошо сохранилась.

"Изделия гончарного искусства, как правило, были очень грубыми, и все же мы нашли несколько фрагментов с орнаментом, а также части ободков сосудов, изготовленных из промытой или очищенной глины без зерен кварца. Фрагменты сосудов также были найдены аккуратно отполированными, почерневшими и с ручками удобной формы. Не было найдено более мелких орудий, таких как булавки, маленькие стамески и т.д. Очень странно, что было найдено так мало костей; корова, олень и свинья были единственными животными, останки которых были обнаружены здесь.

"На дне некоторых разбитых глиняных сосудов все еще оставались зерна пшеницы, ячменя и лесных орехов. Несомненно, вся пища, животная или растительная, хранилась в больших или маленьких глиняных сосудах".

Впоследствии археологические общества дважды просили Мессикоммера дать практическое представление об этом интересном *Пакверкбау* в наизидание своим членам — один раз в 1872 году, когда во Фрауэнфилде проходило собрание Швейцарского общества естественной истории; и еще раз в 1877 году, когда Немецкая антропологическая ассоциация собралась в Констанце. (В. 406с.)

Во всех этих случаях Мессикоммер обращал особое внимание на размер и вид коттеджей, которыми обладали озерные жители. В 1862 году, исходя из обрубков свай, торчащих из части нетронутого настила, он оценил размер пригодной для жилья территории каждого коттеджа в 24 фута в длину и 18 футов в ширину. На этих полах были видны остатки еды и промышленных изделий, такие же свежие, как если бы люди недавно покинули это место. ("Die Mühle mit Gerste und Weizen daneben, als wäre sie first gestern noch bewohnt gewesen"). Он считает, что в каждом коттедже была не только собственная домашняя утварь, но и ткацкие станки, зернотерки и т.д.

Площадь, занимаемая всем поселением, составляла 20 000 квадратных футов, а ближайший берег, когда бассейн был озером, находился на расстоянии 30-40 ярдов.

Промышленные остатки, время от времени собираемые в Нидервиле, состоят из: пшеницы, ячменя, льна, лепешек, деревянных орудий труда, глиняных гирь (рис. 26, № 3), каменных топоров (№ 7 и 8), кремневых пил (№ 1) и скребков; нескольких хорошо сделанных тарелок (№ 4, 5 и 6), одного замечательного кувшина (№ 6) с ручкой; другая, из черной фаянсовой посуды, была заделана асфальтом. Полоска бересты (ныне находящаяся в музее в Цюрихе) была аккуратно сшита (№ 10). В том же музее есть каменный (перфорированный) наконечник топора-молота, который по элегантности исполнения соперничает с любым топором из Скандинавии (№ 9).

Недавно Мессикоммер пришел к выводу, что *Пакверкбау* в Нидервиле существовало в раннем бронзовом веке, поскольку он нашел кусок дубовой древесины с надрезами, которые не могли быть сделаны каменным орудием. Исходя из различных соображений относительно более поздних фактов, выявленных в ходе его частых раскопок здесь и в Робенхаузене, он высказывает мнение, что везде, где находят расщепленные дубовые балки или сваи, мы можем с уверенностью заключить, что поселение относится к эпохе раннего металла. ("Man darf mit Bestimmtheit annehmen, dass alle jene Niederlassungen, in welchen gespaltenes Eichenholz in grösserer Menge zum Vorschein kommt, auch das Metall in einfacher [Kupfer] oder zusammengesetzter Form [Bronze] gekannt haben.") (В. 454с, р. 2.)

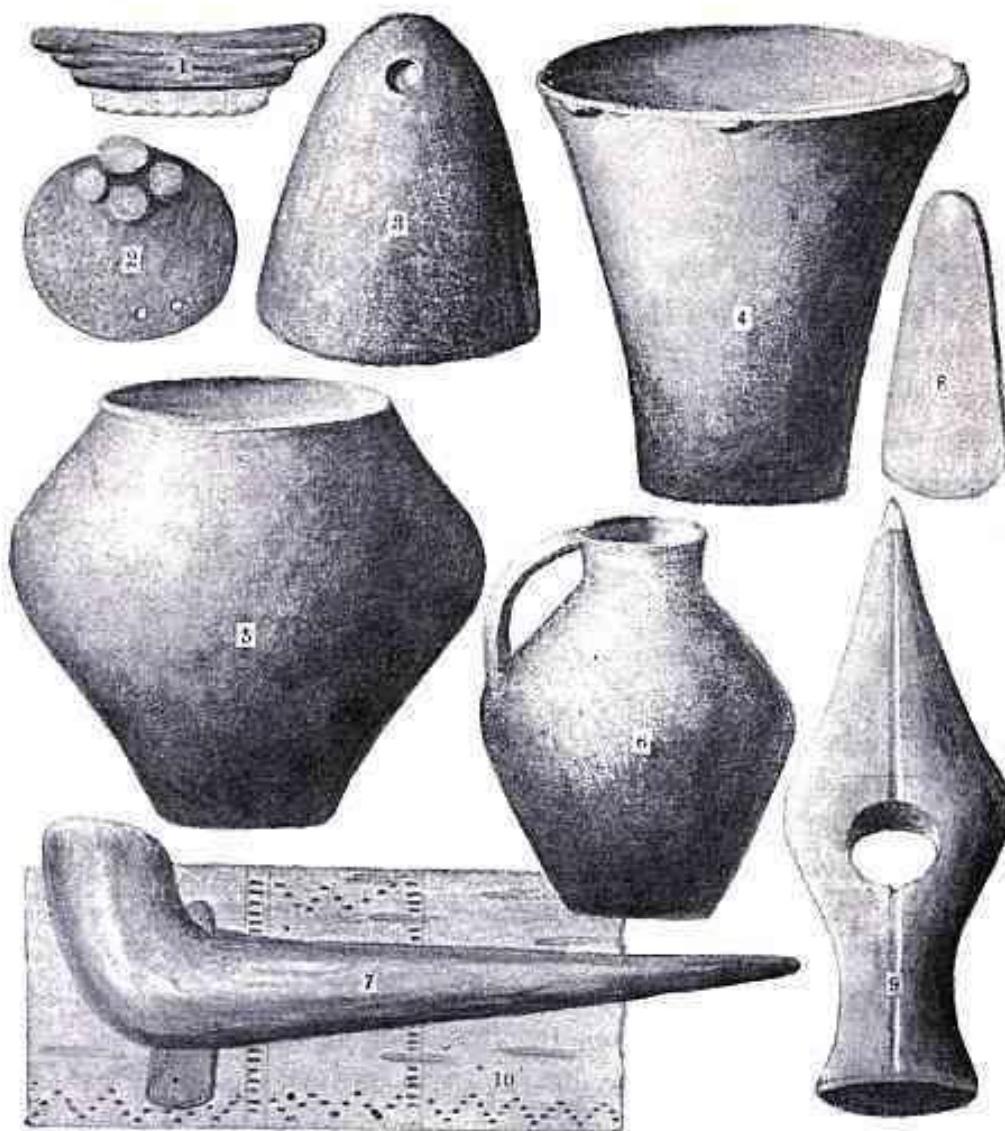

Рис. 26.—Нидервиль. Номера 5-7 = $\frac{1}{6}$, 10 = $\frac{2}{3}$, а остальные = $\frac{1}{3}$ реального размера.

Вторая станция.—Рядом с бассейном Эгельзее и отделенный от него всего лишь дюжиной шагов, находится другой небольшой торфяной бассейн, известный как Ридзее, в котором недавно были найдены остатки настоящего свайного жилища. Здесь в течение некоторого времени в торфе встречались фрагменты керамики, каменные топоры, рога и кости различных животных; но в августе 1884 года Мессикоммер обнаружил настоящие груды, связанные с обычными предметами жилища каменного века. Площадь этого Пфальбау была небольшой, размером всего 13 ярдов на 10. Его участок находился недалеко от границы торфа, и древности были обнаружены на глубине 1 фут под поверхностью. Среди них было небольшое глиняное блюдо или крышка, украшенная четырьмя выступами и несколькими рядами проколотых точек (№ 2), несколько деревянных блюд на всех стадиях изготовления, цельные ручки каменных топоров, обработанный рог и т.д. Неподалеку от того же места был найден тигель, похожий на те, что были найдены в Робенхаузене.

Среди костных останков есть части черепа уруса с прикрепленными к нему обоими роговыми стержнями. Другими представленными животными являются бизон, олень, бык, свинья, коза и т.д. (B. 420d.)

GREIFENSEE.

Зимой 1865-6 годов, когда вода была низкой, Мессикоммер узнал место свайного жилища в Грайфензее, недалеко от Ридикона, но оно оказалось малозначимым, поскольку было найдено всего несколько предметов — несколько кремней и каменных кельтов, фрагменты керамики, скорлупки лесных орехов и несколько зерен ячменя. Его участок был покрыт битыми камнями, и, находясь примерно в 100 футах от берега, на глубине 3-4 футов, даже когда вода была низкой, было трудно провести удовлетворительный осмотр. (Б. 126, с. 308.)

Говорят, что следы второй стоянки были обнаружены между Ридиконом и деревней Грайфензее, недалеко от того места, где Аабах впадает в озеро. (Б. 462.)

HEIMENLACHEN.

Недалеко от деревни Хайменлахен, в кантоне Тургау, есть торфяная пустошь площадью около 15 акров, на которой крестьяне во время рубки торфа время от времени находили глубоко зарытые предметы человеческой промышленности, но они были либо рассеяны среди любопытных, либо выброшены. Большой череп быка, предположительно принадлежавший урусу, годами лежал на виду среди кучи мусора, но при последующих поисках его найти не удалось. Среди этих реликвий были кельты из нефрита, каменные молотки, различные изделия из кости и рога, а также некоторые фрагменты керамики и плетеных изделий. Мистер Буркхард Ребер из Вайнфельдена обратил внимание на эти текущие сообщения и провел некоторые раскопки на болотах, в ходе которых он обнаружил многочисленные сваи и несколько поперечных балок, которые, по его мнению, принадлежали платформе.

В 1875 году на том же болоте было обнаружено еще одно место, которое дало аналогичные свидетельства свайного жилища. Деревянные конструкции были обнаружены только после того, как было удалено 4 фута торфа. Мистер Ребер подсчитал, что поселение имело длину от 80 до 100 ярдов. (Б. 182а, 199 и 336.)

KRÄHENRIED, NEAR KALTENBRUNNEN IN THURGAU.

Мистер Ребер обнаружил свидетельства существования свайного поселения на торфяном болоте в Кренриде. Здесь слой реликвий был глубиной 5 или 6 футов и содержал остатки свай, древесный уголь, орешники, фрагменты керамики и хорошо сделанный кельтский серпантин. Орнамент на керамике во многих случаях состоял из правильных рядов точек, нанесенных на высококачественную пасту с гладкой поверхностью. Резчики торфа заверили мистера Ребера, что подобные предметы они часто находили, но, считая их не представляющими ценности, выбрасывали. (Б. 288.)

ОЗЕРО НУССБАУМЕН.

В открытой долине между Штайном и Фрауэнфилдом есть цепочка из трех небольших озер, верхнее из которых носит название Нуссбаумен. Здесь есть искусственный остров, на котором мистер Морло заметил сваи и другие признаки обитателей озера, но этот вопрос никогда не был тщательно исследован. Согласно Морло, этот остров имеет размеры 110 на 60 футов, окружен сваями и имеет вид, аналогичный тому, что был на маленьком озере в Инквиле. (Б. 31, с. 84.)

БОДЕНСКОЕ ОЗЕРО.

Район вокруг Боденского озера, по-видимому, был очень привлекателен для первых озерных поселенцев. Это пристрастие, без сомнения, было вызвано исключительно благоприятными условиями, которые озеро предоставляло для строительства их свайных поселков, а именно. дно озера с пологим уклоном, за которым простираются широкие пастбища или сельскохозяйственные угодья. В каждой защищенной бухте вокруг Унтерзее, Уберлингерзее и нижних частей Бодензее были обнаружены следы этих поселений; но из-за трудностей и дороговизны исследования они еще не собрали должного количества реликвий.

Wangen.— Первым это было обнаружено в Вангене. Записано, что г-н Каспар Леле, прочитав первый отчет Келлера о Пфальбаутенах, вспомнил, что видел на берегу возле своего собственного дома предметы старины, похожие на те, что были обнаружены в Обер-Мейлене. Затем, осенью 1856 года, он приступил к их сбору; и когда вода спала, он произвел раскопки, которые постепенно вознаградили его некоторыми замечательными остатками человеческого трудолюбия. Станция находилась в небольшой бухте к востоку от деревни, перед значительным участком ровной земли, которая отделяла ее от солнечных склонов за ней. Эта бухта, благодаря своему защищенному положению, была подвержена необычному отложению озерных отложений, так что со временем обломки поселения покрылись слоем грязи и гравия толщиной 3-4 фута. По мере того как это отложение продолжалось, из года в год дно озера постепенно поднималось, и вода вытеснялась, так что в определенные сезоны, когда воды в озере было очень мало, реликтовое дно поселения можно было исследовать, копая на суше.

Г-н Леле в ходе своих обширных раскопок установил, что поселение простиралось в форме параллелограмма примерно на 700 шагов в длину и 120 в ширину. Сваи были сделаны из круглых или расщепленных стволов различных пород дерева, таких как дуб, бук, вяз, береза, ясень, пихта, бузина, клен и два вида ивы. Они были расположены плотно, иногда по три или четыре вместе, и г-н Леле подсчитал, что во всем поселении использовалось 40 000 или 50 000 реликвий. Собранных реликвий было очень много, но они широко разбросаны. Лучшие публичные коллекции, которые я видел, находятся в музеях Цюриха, Констанца и Зигмарингена. Приведенные ниже примечания и сопроводительные иллюстрации (рис. 27) дадут четкое представление об их характере.

Камень. Кельты, камни-молотки, каучуки и т.д. Существовали сотнями и на всех стадиях производства, но подавляющее большинство было сделано плохо. Перфорированные инструменты встречались сравнительно редко (№ № 7, 8, 9 и 20). Кремневые пилы, вырезанные из дерева (№ 15), а также кремневые наконечники стрел и копий были в достаточном количестве (№ 1, 2 и 3). Кельты и резцы были изготовлены из обычных, истертых водой материалов, найденных по соседству (№ 6 и 10), и только несколько небольших образцов были из нефрита и жадеита. Очень немногие имели застежки из рога, и распространенным методом использования этих орудий было вставлять кельтский нож в расщелину на ветке с длинной ручкой и крючком на другом конце. Также часто встречались плиты для шлифовки и полировки у этих кельтов, а также у других, со следами огня, которые, как предполагается, использовались в качестве очагов.

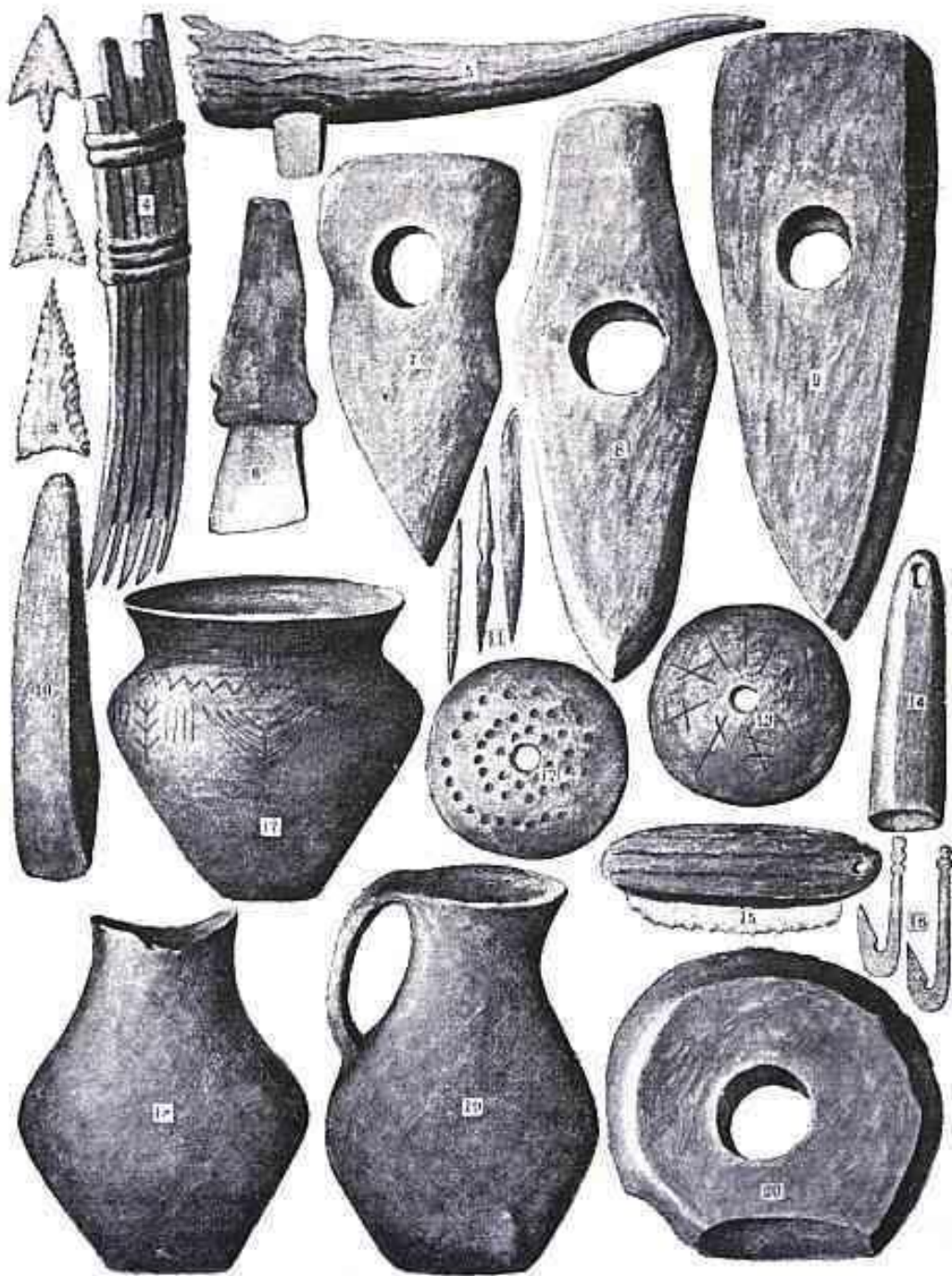

Fig. 27.—Wangen. № 5 и с 17 по 19 = $\frac{1}{4}$, а остальные = $\frac{1}{2}$ реального размера.

Кость и рог.—В большом количестве были найдены наконечники, кинжалы, шила, маленькие стамески и наконечники стрел. К некоторым костяным наконечникам стрел еще прилипал асфальт, с помощью которого они крепились к древкам. Также льняные крючки (№ 4) и разнообразные рыболовные крючки (№ 11 и 16).

Глина.—Фрагменты керамики указывали на посуду простой формы, обычно цилиндрической, и редко украшенную орнаментом, но покрытую черным закопченным веществом (№ № 17, 18 и 19). Веретена из обожженной глины (№ № 12 и 13) и большие глиняные шары с отверстиями, вероятно, гири для ткацкого станка.

Дерево.—Предполагается, что дубовая доска длиной 7 или 8 футов и шириной 1½ фута служила рабочим столом. Другая доска, тоже дубовая, была похожа на круглый стол и имела размеры 2½ фута в диаметре и 2½ дюйма толщиной.

Органические остатки.—Однако наиболее примечательной особенностью поселения в Вангене было количество обугленной кукурузы, выкопанной из его обломков. Г-н Леле считает, что в общей сложности и в разное время он собрал до 100 бушелей. Иногда он находил целые колосья, иногда только зерна; но всегда в обугленном состоянии. Можно было легко идентифицировать двухрядный ячмень и два вида пшеницы. Хлебные лепешки с грубо измельченными зернами, дикие яблоки и груши - все, конечно, в обугленном состоянии, иначе они не сохранились бы от разложения. В некоторых местах было обнаружено большое количество шелухи сосновых шишек, огрызков яблок, буковых и лесных орехов, а также семян малины и ежевики. Судя по количеству яблочных огрызков, найденных в одном месте, было высказано предположение, что озерные жители делали из фруктов какой-то ликер. Лен на всех стадиях производства, от грубых пучков стеблей с еще прикрепленными семенными коробочками до пряжи и разнообразных красиво сотканых тканей. Также было собрано большое количество мха, камыша, древесной коры, соломы и т.д. Эти предметы старины не были беспорядочно разбросаны по всей территории поселения, но у каждой группы была своя четко определенная территория, из чего г-н Леле сделал вывод, что различные ремесла были разделены.

Костей было немного, но среди них представлены следующие животные: урус, зубр, олень, косуля, кабан, волк, лиса и собака.

В одной части поселения г-н Леле заметил несколько свай, которые погнулись и перекрутились наподобие буквы **S**, очевидно, из-за чрезмерного давления; и в этих местах в качестве опоры было вставлено несколько дополнительных свай.

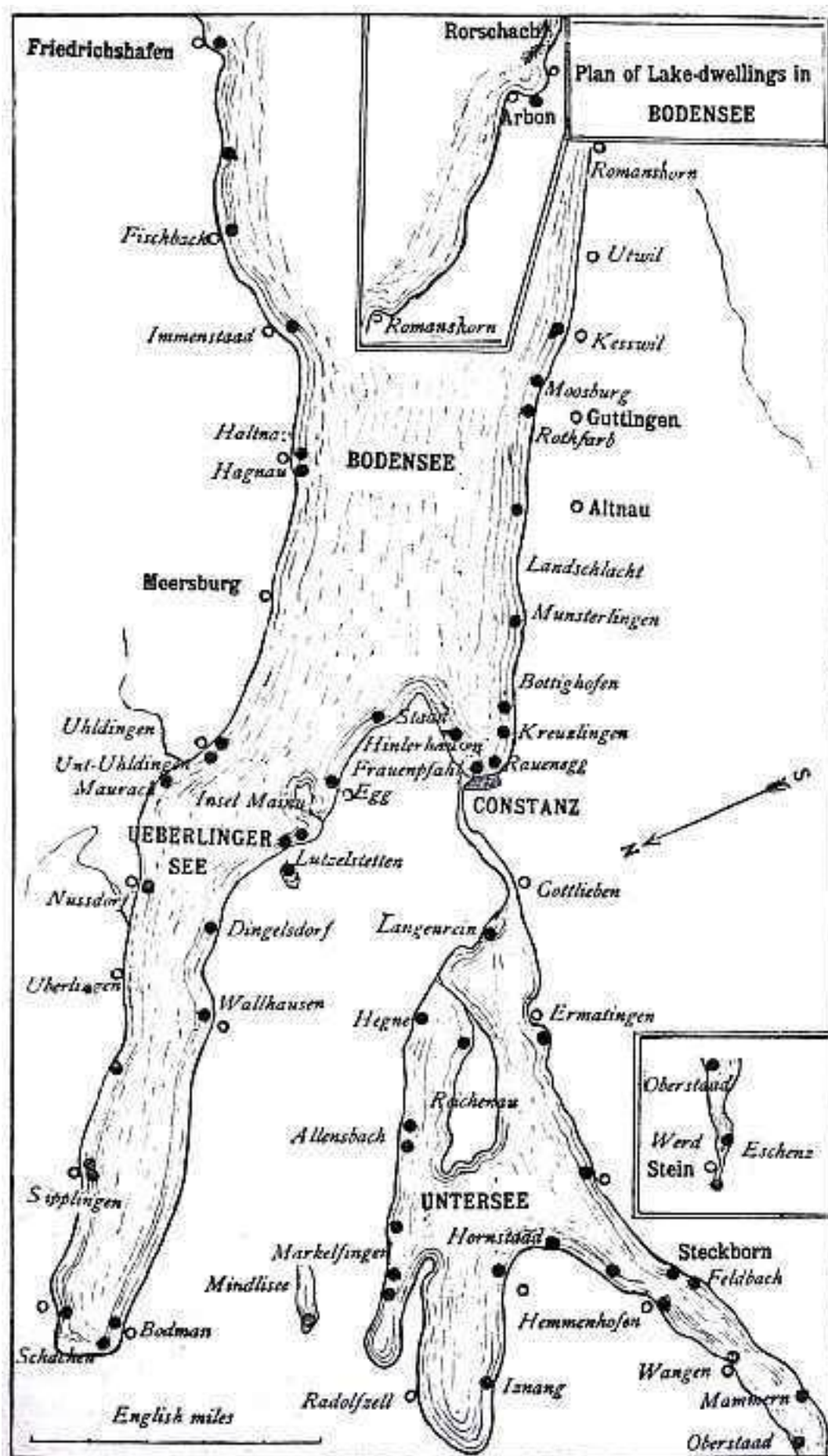
Не было найдено ни металлических предметов, ни глиняных колец-опор, ни дискообразных камней. (Б. 22, 34, 35 и 40.)

Oberstaad.—Начав с Вангена, мы теперь объедем Унтерзее, кратко отмечая различные его станции по мере продвижения. Теперь их число превышает 20, и их соответствующие положения можно определить по прилагаемой эскизной карте ([страница 129](#)). Ниже Вангена первое, к чему мы подходим, находится в бухте между Оберштаадом и Каттенхорном. Судя по широко разбросанным остаткам, эта станция занимала большую территорию; но ее нагромождения видны редко, а ее местоположение мало исследовано. Найденные реликвии представляют собой несколько каменных кельтов и керамику.

Hof bei Stein.— Немного ниже моста, который пересекает устье Рейна в Штайне, есть мелководная часть реки, известная как "Ауф-дем-Хоф", которая в редких случаях, когда уровень воды низкий, обнажается. Это имело место в двух случаях на памяти ныне живущих людей, а именно в 1858 и 1883 годах. В последнюю из этих дат мистер Б. Шенк, натуралист из Штейна, обнаружил, что там находятся останки свайного жилища, погребенного в грязи. Сваи в этом сооружении были прочными и намертво закреплены, и среди них были некоторые поперечные балки, а другие располагались наклонно, как бы для защиты сооружения от потока. Несмотря на трудности работы здесь, мистер Шенк собрал большое количество промышленных останков его обитателей, таких как кремневые орудия, около 150 каменных топоров (три из которых были из нефрита) и перфорированный каменный диск, похожий на большое веретено-завиток, размером 2½ дюйма в диаметре и 1½ дюйма толщиной. Перфорированные каменные топоры были редкостью, но некоторые из них представляют интерес, особенно часть одного из них, сделанного из базальта. Были также

обработанные предметы из рога и кости, остатки льняной ткани, нитки и тканая ткань из лыка. Среди костяных предметов следует отметить лопатку оленя, в которой проделано круглое отверстие, а центральный гребень стерт, чтобы превратить ее в инструмент для полировки. Сосуд в форме урны высотой 12 дюймов хранится в Цюрихском музее. Также зафиксировано несколько металлических предметов, а именно маленький медный кельтский нож длиной 2½ дюйма, а также бронзовое кольцо и бронзовый топорик. Кости, представляющие быка, свинью, оленя, косулю, медведя и бобра. (Б. 462; *Antiqua*, 1883, стр. 68.)

БОДЕНСКОЕ ОЗЕРО

Das Weerd.—О существовании останков озерного жителя на восточной оконечности Инсел-Вирда было известно давно. Это место находится недалеко от того места, где римский мост тянулся из Эшенца в Арах; но сваи несколько разбросаны и охватывают оба берега реки. В 1882 году мистеру Шенку удалось обнаружить его реликтовое ложе, которое, по его описанию, состоит из двух отдельных слоев: верхний был темного цвета, вероятно, в результате пожара, уничтожившего поселение; и нижний желтоватого цвета, содержащий много органических обломков. Было исследовано около 4 кубических метров этого культурного наследия, и среди собранных реликвий были три человеческих черепа, один из которых совершенный, но остальные были разорваны на куски; нож, заколка для волос и несколько бронзовых колец; медный кельт (В. 420b, стр. 174); отполированные каменные кельты, одно из которых было сделано из жадеита. В дополнение к ним, на этой станции или поблизости от нее были собраны различные предметы римских времен, в том числе плитка с надписью, бронзовая статуя, римские монеты и т.д. В музее Росгартена есть бронзовый меч, предположительно с этой станции; также каменный кверн диаметром 21 дюйм с центральным отверстием диаметром 3 дюйма. Но маловероятно, что какой-либо из этих предметов действительно принадлежал обитателям озера. Бронзовый нож, три булавки и несколько перфорированных каменных орудий (рис. 28, № № 4-7 и 10) также находятся в этом музее и помечены как "Insel Weerd". Профессор Коллманн сообщил о человеческом черепе, который показал, что он долихоцефальный. (*Antiqua*, 1883, стр. 69; и 1884, стр. 174; *Das Ausland*, 1885, стр. 219; В. 462.)

Mammern.—В бухте над Маммерном, в местечке под названием Нойенбургерхорн, есть обширная территория с сильно сгнившими сваями. Он был исследован Мессикоммером в 1861 году по поручению Исторического общества Тургау. (В. 41.) Сваи начинались примерно в 160 футах от берега и простирались примерно на 400 футов в длину, занимая площадь в 40 000 квадратных футов. Все древности были найдены на поверхности и состояли из сотен каменных кельтов, кремневых орудий, керамики и костей. Не было обнаружено ни мелких костяных орудий, ни каких-либо следов более легких промышленных остатков или пищевых материалов, равно как и подстилки для реликвий под ними. Отсюда Мессикоммер пришел к выводу, что более мелкое содержимое реликтового слоя было смыто течением воды, которое, по-видимому, в этом месте довольно сильное. (В. 40, с. 26.)

Фельдбах и Штекборн. —Станция под названием "Пфальбау Турги", расположенная недалеко от Фельдбаха, известна давно, и время от времени на ней находили несколько доисторических предметов. В 1882 году из-за низкого уровня воды Историческое общество Тургау предприняло некоторые систематические исследования. По различным признакам было сделано заключение, что эта станция не входила в число уничтоженных пожаром. Собранные предметы старины относились к чистому каменному веку, среди которых: — Каменные кельты, предметы из кости и рога, образцы ячменя и пшеницы, лубяные ткани и фрагменты плетения корзин. Из наблюдений мистера Шенка следует, что это свайное жилище было защищено от волн чем-то вроде деревянного фальшборта. (В. 383а.)

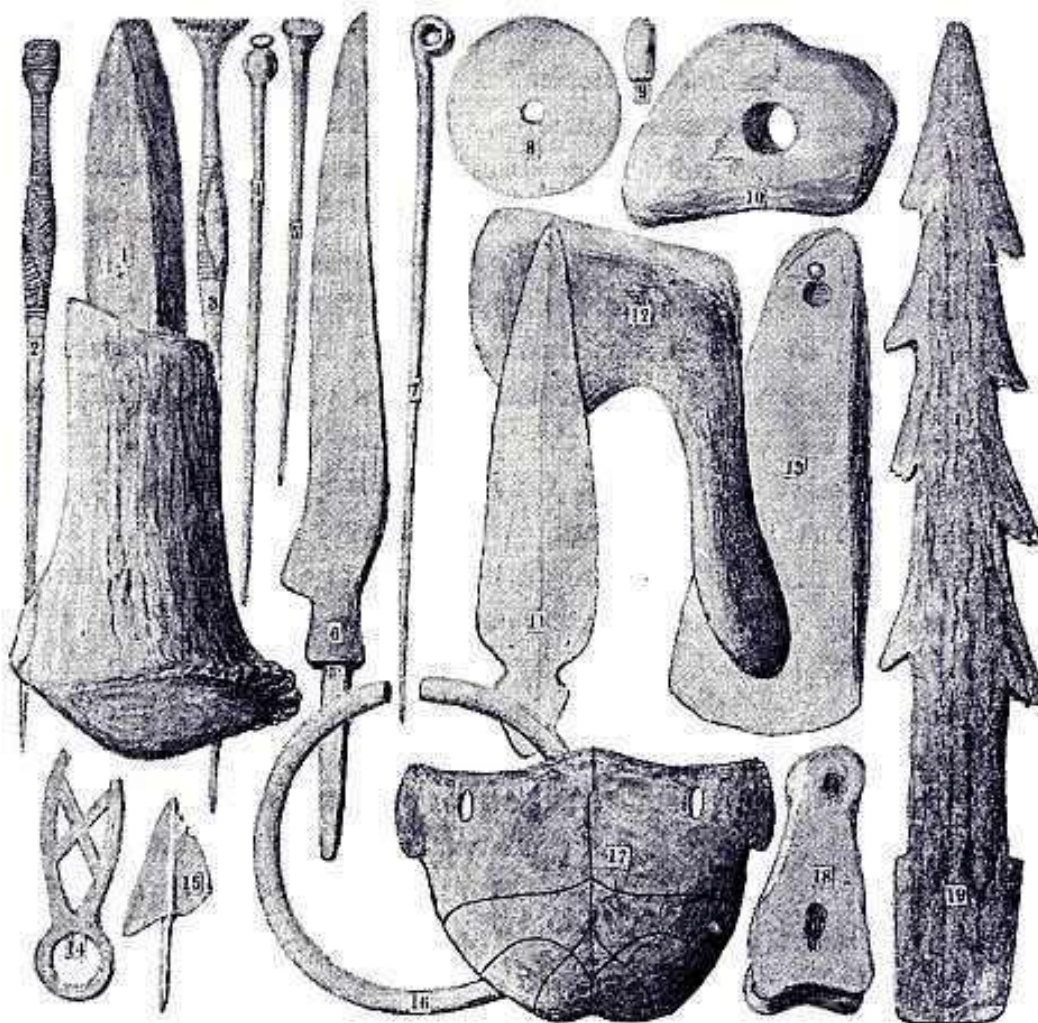

Рис. 28.—Унтерзее (с 1 по 4 по 7, 13, 16, 18 и 19), Миндлизее (2, 3, 11, 12, 14, и 15), и Бюссензее. Номера 10 и 12 = $\frac{1}{4}$, а остальные = $\frac{1}{2}$ реального размера.

Недалеко от Штекборна была еще одна небольшая станция, известная как "Der Pfahlbau Schanz", на которой были найдены некоторые интересные предметы — тарелки, гарпуны и т.д. В 1885 году Мессикоммер снова обыскал его (В. 434b, стр. 33), и среди собранных тогда предметов были каменные кельты (рис. 28, № 13), роговые гарпуны (№ 19), щеколда для льна и инструмент, называемый свистком (№ 18), сделанный из короткой кости коровьей ноги. Согласно Мессикоммеру, это поселение дважды уничтожалось пожарами, и в изобилии были найдены обычные обугленные материалы — ткань, зерно, древесный уголь и т.д. (Б. 462.)

Berlingen.—В бухте над этим городом есть сваи, но их трудно различить, а по всему берегу были найдены каменные кельты.

Эрматинген.— Это поселение располагалось в заливе ниже деревни, и его территория особенно богата кремневыми орудиями труда и отходами их изготовления. Также в изобилии встречаются каменные кельты, и среди них несколько изделий из нефрита. В этой местности отмечено несколько фрагментов керамики с сетчатым орнаментом на внутренней стороне. Станция, по-видимому, была добровольно заброшена, поскольку среди ее обломков нет обуглившихся материалов. (Б. 40 и 462.)

Langenrain.— Ниже Готтлибена, на северной оконечности небольшого острова, образованного расходящимся ответвлением Рейна, доктор Негели из Эрматингена обнаружил в 1882 году остатки свайного жилища бронзового века. Некоторые из свай были видны в воде, выступающей из ила, но в основном они скрыты отложениями, принесенными ручьем (Волльматингер-Бах), который здесь впадает в Рейн. Они представляют собой частично круглые, а частично расщепленные стебли, заточенные металлическими инструментами, и занимают площадь около 100 ярдов в длину и 15 в ширину. Ложе с реликвиями было покрыто слоем грязи толщиной от 1 до 2 с половиной футов. Среди предметов, обнаруженных на этой станции, крылатый кельт, два наконечника копий и две бронзовые заколки для волос, фрагменты керамики (некоторые из которых украшены меандровым узором) и два кусочка глиняных полумесяцев. Также различные кости животных и части человеческого черепа, причем последний был найден в присутствии мистера Лейнера на глубине 2 с половиной футов от поверхности. (В. 462.)

Oberzell. Первая станция на острове Райхенау, открытая лишь недавно, находится к северу от Оберцелля. (Б. 462.)

Хегне, Алленсбах и Маркельфинген. — О поселениях вдоль этой части побережья г-н Дехофф подробно рассказал в пятом отчете Келлера о Пфальбаутенах. (Б. 61.) С тех пор в Хегне была обнаружена новая станция, но в остальном никаких важных открытий с этих станций зафиксировано не было. Все они относятся к каменному веку. В Маркельфингене сваи были обнаружены вокруг небольшого штайнберга примерно в 30 шагах от берега, который при низком уровне воды превращался в низкий остров. На этом острове не было обнаружено никаких свай, но на нем было найдено большое количество грубо обработанных каменных кельтов. Отсюда я заметил в музее Фридрихсхафена красивое полированное каменное долото с рукояткой из оленьего рога (рис. 28, № 1) и металлический (медный или бронзовый) браслет (№ 16).

Близ Алленсбахских свай они тянулись широкой полосой примерно на 1000 шагов параллельно берегу. В одном месте ряды свай тянулись в сторону берега таким образом, что наводили на мысль о мосте или входе на сцену. Сваи, как правило, представляли собой круглые стержни, но некоторые из дубовых были расщеплены и имели в некоторых случаях диаметр от 14 до 16 дюймов. Они выступали всего на несколько дюймов над грязью. В некоторых местах были найдены горизонтальные балки из расщепленного дуба, погребенные в иле, но находящиеся на большой глубине и достигающие 15 футов в длину и 4-6 дюймов в диаметре.

Собранные древности были в основном более тяжелыми орудиями труда, такими как каменные кельты, которые очень сильно различались как по размеру, так и по форме — от менее дюйма до 21 дюйма в длину. Лишь на нескольких фрагментах были видны перфорированные топоры. В большом изобилии имелись кукурузодробилки, а также кремневые пилы и другие предметы из этого материала. Другая станция, расположенная прямо напротив Алленсбаха, в основном снабжала коллекционеров каменными кельтами и значительным количеством перфорированных топоров-молотков. В Хегне каменные кельты отличаются лучшим мастерством изготовления, и среди реликвий есть несколько прекрасно сделанных пил, кинжалов и наконечников копий из желтого и темного кремня. Дехофф отметил, что два глиняных сосуда, слегка выпуклых в середине и имеющих отверстия для шнуров вместо ручек, содержали черное вещество, похожее на сажу, а третий был наполнен лесными орехами.

Остальные станции на Унтерзее находятся в Изнанге, Гундольцене (Б. 462, с. 12), Хорнштааде, Гайенхофене и Хемменхофене, но они имеют те же черты, что и те, которые уже были замечены в каменном веке. (Б. 22.)

Констанция.— В Боденском заливе находилось несколько таких озерных жилищ, остатки которых были обнаружены совсем недавно. В восьмом отчете Келлера о швейцарских озерных жилищах (В. 336) г-н Лейнер, хранитель музея Росгартен, дает краткий отчет о древностях, найденных в гавани (Рауэнегг) при ее расширении. Среди нескольких рядов древних штабелей из дуба и поперечных балок, тянувшихся в южном направлении к берегу Кройцлингена, были найдены зарытые в ил, в основном поверх ракушечного мергеля (*überkalkter Conchylien*), фрагменты орнаментированной керамики (рис. 29, № 4-10), гири для ткацких станков, веретена, куски глиняной штукатурки для хижин, каменные кельты и перфорированные топоры-молотки, а также различные кремневые орудия (№ 11 и 12). Г-н Лейнер отмечает, что, хотя керамика, найденная на многих соседних станциях, была грубой и полностью ручной работы, то, что было сделано на станции Рауэнегг, почти указывает на знание гончарного круга. Эта керамика была обожжена до серого, черного или желтоватого цвета и относилась к бронзовому веку; в доказательство этого он приводит среди древностей несколько бронзовых предметов (№ 1-3), небольшой кусочек янтаря и несколько осколков тонкого зеленого и синего стекла. Один из бронзовых предметов (№ 1) совершенно уникален, но о его назначении, похоже, ничего не известно.

Рис. 29. — Констанцкий залив. Номера с 6 по 10 = $\frac{1}{4}$, а остальные = $\frac{1}{2}$ реального размера.

В 1882 году прямо напротив общественных садов было обнаружено место строительства станции, которое носит название Фрауэнпфаль. Было определено, что его площадь составляет около 130 ярдов в длину и 100 ярдов в ширину. Среди предметов старины - топорики из серпентина и хлормеланита, осколки ваз, большая бусина из синего стекла, бронзовый топорик и каноэ.

В тот же сезон (вода тогда была очень низкой) была обнаружена еще одна крупная станция, проходящая вдоль северного берега залива недалеко от Хинтерхаузена. Он простирался в длину примерно на 400 ярдов при средней ширине 50; и среди его куч было найдено несколько сотен каменных топориков, предметов ручной работы из кости и рога, керамики и большого ассортимента костей различных животных. (В. 381, 382 и 462.)

По пути к *Уберлингерзее* первая станция, на которую мы приезжаем, - Штаад, которая находится непосредственно под Альмансдорфом; а чуть дальше есть еще одна, напротив деревни Эгг, обе они недавно пополнили длинный список озерных поселений, известных в этом ответвлении Боденского озера. За мостом, соединяющим Инсель-Майнау с материком, лежат *остатки* очень большого поселения, которое образовало по меньшей мере две деревни. То, что находится рядом с Лютцельштеттенем, отличается высококлассной керамикой каменного века. Вдоль берега каменные кельты встречаются на всем пути до деревни Дингельсдорф, прямо напротив которой находится поселение каменного века.

Следующая станция находилась недалеко от Вальхваузена, который из-за количества собранных на нем кремневых орудий известен среди коллекционеров под названием "Остров Флинт". Среди найденных здесь кельтов есть несколько нефритовых и один отполированный кремнь. (Б. 462, с. 4.) С этой станции были сделаны большие коллекции, одна из которых, по словам г-на Белля, недавно была продана за 60 фунтов стерлингов. (Б. 378.)

От Вальхваузена на север не встречается ни свай, ни каких-либо промышленных остатков, пока мы не добираться до Бодманна. Это, без сомнения, связано с крутым характером побережья, которое делает берег озера непригодным для подобных сооружений.

Бодманн. У этого города холмы снова отступают и оставляют открытую долину, простирающуюся далеко на запад, по которой протекает ручей *Штоках*, впадающий в исток озера. Здесь были два поселения, в которых обнаружено огромное количество промышленных остатков. Самый последний улов был в 1888 году, большая часть которого поступила в музей Росгартена. Когда я в последний раз был в Констанце (август 1888 г.), материалы все еще находились в частной резиденции мистера Лейнера, и было совершенно ужасно видеть количество ящиков, бочонков и т.д., в которые были сложены материалы. Помимо музея Росгартен, хорошие коллекции с этих станций есть во Фридрихсхафене, в музее Штайнхаус в Юберлингене и в самом Бодманне (ранее в замке, но теперь в частной резиденции г-на Лея).

Результаты более ранних исследований были описаны М. Лей и Дехофф (Б. 61 и 126), а некоторые примечания к более поздним находкам даны Лейнером и Беллем. (Б. 378, 381 и 382.)

Первая станция находилась недалеко от нынешней пристани, и было замечено, что сваи узкой полосой тянутся к берегу на протяжении нескольких сотен ярдов. В одном месте размером примерно 30 на 10 ярдов были найдены кремневые орудия и отбросы, включая всевозможные щепки, в таком поразительном количестве, что возникло мнение, что на этом месте находилась кремневая фабрика. Г-н Дехофф утверждает, что кремней здесь было так

много, что до появления спичек lucifer и насколько помнит человечество, они снабжали всю округу необходимыми кремнями и фактически использовались как предприятие для этой цели. Г-н Лей описывает слой реликвий как состоящий из двух слоев, разделенных тонким слоем грязи. , и погребен под слоем гравия толщиной от 1 до 2 футов. Нижний слой был толщиной от полуметра до фута и лежал непосредственно над первоначальными озерными отложениями. В некоторых местах этот слой, по-видимому, был покрыт тонким слоем карбонизированных материалов.

Толщина второго слоя реликвий была лишь вдвое меньше толщины первого, и, по словам мистера Лея, только в нем были найдены перфорированные наконечники топоров; в других его остатках, таких как керамика, он видит свидетельства прогресса и усовершенствованного ремесла.

Среди наиболее примечательных предметов из Бодманна (**рис. 30**) - роговые копья для ловли рыбы с двумя и четырьмя зубцами (№ 3 и 5); рыболовные крючки и другие костяные орудия (№ 3 и 5). 1, 2, 4, 6, 7, 8, 10, 14 и 19); лук из тисового дерева; кельт и серп из кремня; сосуд, содержащий не менее 600 перфорированных бусин из известняка Юры; похожие на кубки блюда из черноватого фаянса с коническими основаниями (№ 21); и вазы с причудливым орнаментом (№ 20); пила в корпусе, предположительно сделанная из рога северного оленя (№ 17); глиняные веретена (№ 18). Номера 7, 8, 14, 15, 17, и 18 взяты из недавней находки.

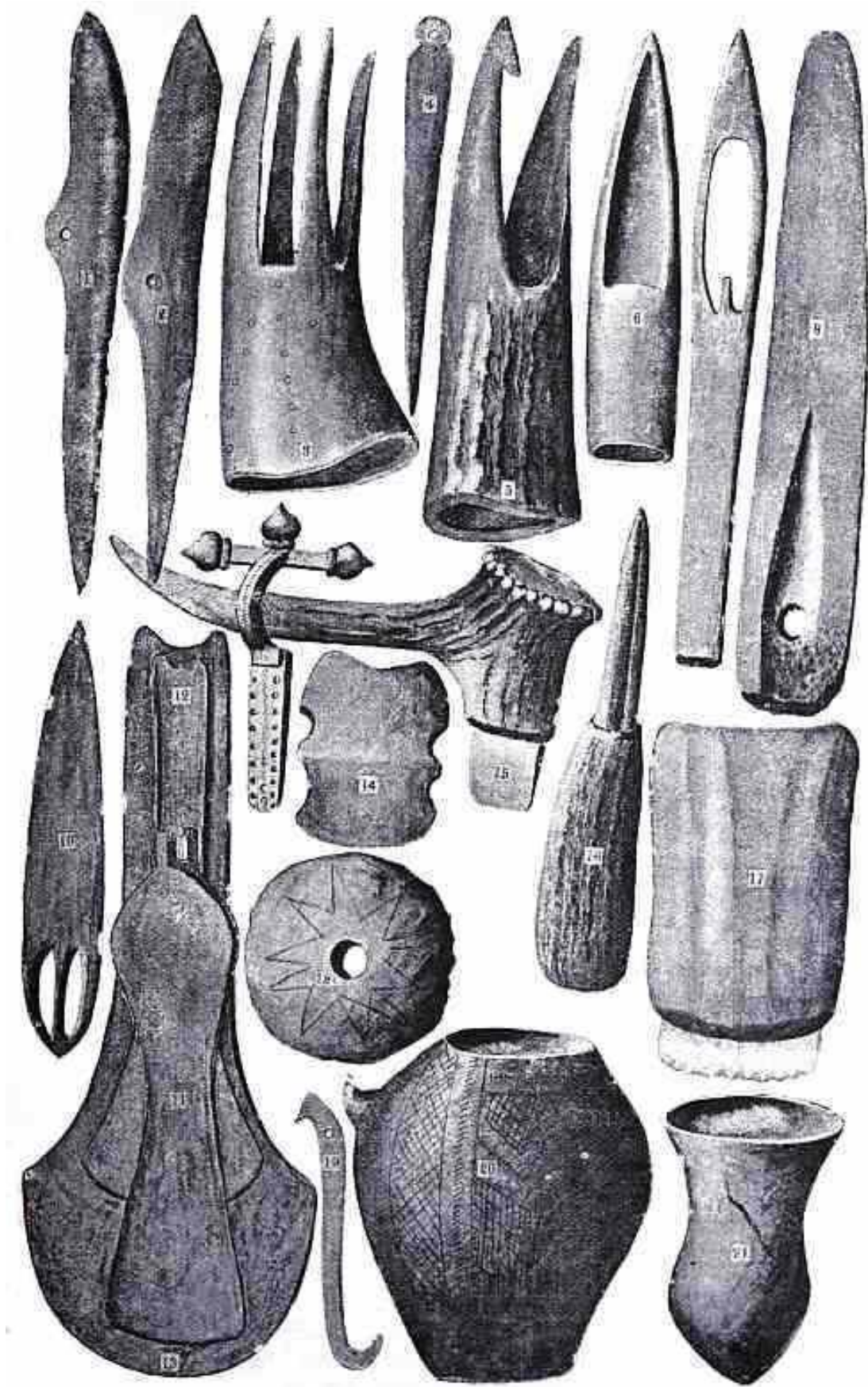

Рис. 30.—Бодманн. Номера 20 и 21 = $\frac{1}{4}$, а остальные = $\frac{1}{2}$ реального размера.

Примерно в 500 или 600 ярдах севернее, недалеко от самой удаленной точки Юберлингерзее, мистер Лей обнаружил остатки второго поселения, которое, по его мнению,

было построено в бронзовом веке. На нем были найдены не только бронзовые и железные предметы, но и груды гораздо менее разрушенные, чем на ранее описанной стоянке; более того, на некоторых из них, извлеченных им с глубины шести футов, были следы, которые могли быть оставлены только острыми режущими орудиями. Он называется Шахен, но трудно сказать, с какой станции прибыли многочисленные предметы, выставленные в музеях, поскольку на них без разбора написано "Бодман". По словам мистера Лея, это поселение было обширным, но большая его часть глубоко погребена в грязи, и ее нелегко исследовать. Бронзовые предметы, описанные мистером Леем, - это три кельта, два плоских (№ 12 и 13) и один крылатый (№ 11), а также булава. Те, что сделаны из железа, представляют собой нож, два наконечника стрел и часть рыболовного крючка. Малоберцовая кость в музее Росгартен с надписью "Бодманн" относится к римскому периоду (№ 9), но это неудивительно, поскольку по соседству сохранилось много римских руин. Здесь были выловлены расщепленные дубовые балки и другие с квадратными отверстиями (например, из Цюриха, [рис. 2](#), № 13 и 14), что подтверждает идею Келлера о том, что такие балки использовались только там, где грязь мягкая. Сообщается о нескольких изящных вазах, одна из которых украшена так же, как из Шуссенрида (№ 20), и роговых предметах из него. (В. 462.) В музее в Уберлингене есть несколько бронзовых и железных предметов из Пфальбау Бодманн, таких как браслет из бронзовой проволоки, булава, иглы, кольцо, наконечник копья и две маленькие фигурки ([рис. 195](#), № 15 и 16).

Ludwigshafen. Поворачивая на Уберлингерзее, мы приезжаем в деревню Людвигсхафен, где недавно в двух местах были обнаружены груды, в одной из которых оказалось чрезвычайно много орудий из оленьего рога - настолько, что наводит на мысль, что это была специальная фабрика по производству этого материала. Эта станция находилась примерно в 30 ярдах от берега, и давно было известно, что в непосредственной близости от ее развалин повсюду валялись римские плитки. Эти плитки бывают двух видов: полые и плоские, последняя размером 12 на 7 дюймов.

Sipplingen.—В Сипплингене есть две станции — одна, на восточной окраине деревни, занимает почти 30 акров. Площадь второго участка составляет всего около 4 акров, но он не был тщательно исследован. Главный интерес заключается в заявлении г-на Белля о том, что в грязи было обнаружено большое количество дерева, а среди балок был найден железный меч, предположительно римского происхождения. Недалеко от этой станции были найдены обломки плохо сконструированной лодки, в которой не было гвоздей, но которая скреплялась медной проволокой. (В. 378, с. 97.) Бывшая станция более интересна, поскольку здесь выставлены предметы, характерные для трех эпох камня, бронзы и железа, а также для римской, аллеманской и франкской эпохи. По словам доктора Лахманна (В. 126), подавляющее большинство реликвий относится к каменному веку, и очень немногие - к бронзовому. Среди предметов более позднего времени были следующие изделия из железа: Наконечник копья, наконечники трех стрел, два серпа, обоюдоострый меч и римский ключ. Что еще более загадочно, так это находка стекла в значительных количествах здесь. Оно бывает двух видов, и один кусочек был украшен золотой эмалью. Среди более поздних находок - керамика, представляющая собой большие сосуды с ободком и перфорированными набалдашниками для подвешивания, и большой кельтский кремнь весом в три фунта. (В. 378.)

Здесь, а также в Бодманне были найдены кубки с коническим основанием, предположительно являющиеся тиглями ([рис. 30](#), № 21), но, как мне кажется, они указывают на начало бронзового века, когда такие формы вошли во всеобщее употребление.

Далее можно отметить, что среди этих реликвий есть около 100 образцов камней яйцевидной формы, которые были найдены в одном месте, несколько топориков и долот из нефрита, а также небольшой медный кельт, заключенный, когда его нашли, в глиняную оболочку, вероятно, форму, в которой он был отлит.

Еще одна небольшая станция, обломки которой глубоко захоронены, находилась недалеко от Святой Катерины, недалеко от Брунненсбаха, где также обнаружены предметы более позднего времени. (Б. 462.)

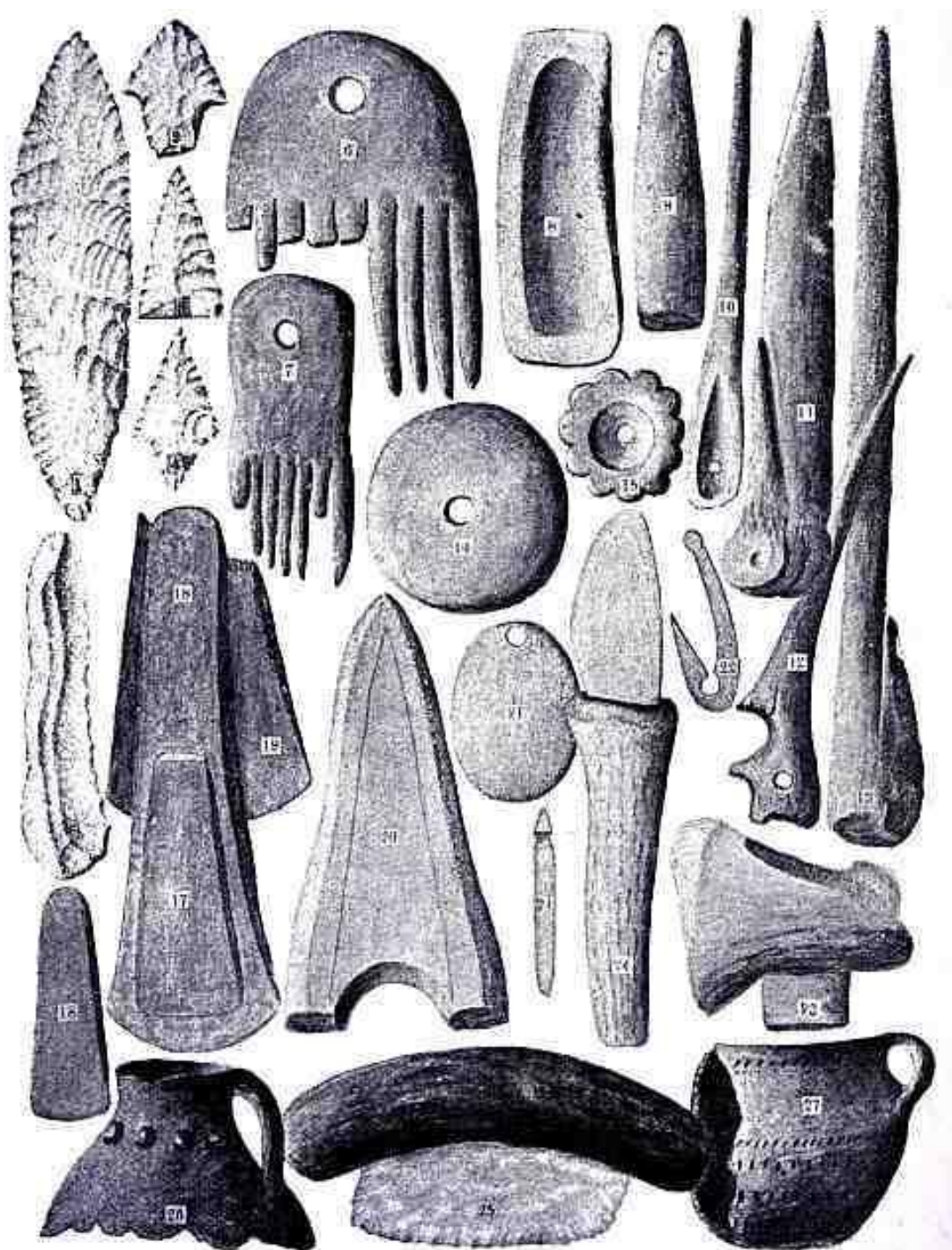

Рис. 31.—Нуссдорф, Маурах, Лютцельштеттен и др. № 24 = $\frac{1}{4}$, 26 и 27 = $\frac{1}{8}$, а остальные = $\frac{1}{2}$; реальный размер.

Nussdorf. Поселение в Нуссдорфе занимало площадь около трех акров в форме параллелограмма. Груды в основном круглые, обычно на расстоянии около двух футов друг от друга, но иногда и группами. Эта станция была первой обнаружена г-ном Уллерсбергером в 1862 году и важна из-за количества найденных на ней древностей чисто каменного века. доктор Лахманн с большой подробностью описывает ранние исследования и открытия. (В. 126.) Среди кремневых предметов было около 100 образцов наконечников стрел и копий (рис. 31, № 1-5) всех градаций размеров, а также 80 пил, зазубрин и ножей. Пилы были, как правило, 3 с половиной дюйма в длину и 2 дюйма в ширину, и у восьми из них до сих пор сохранились рукоятки. Каменных кельтов, долот и топоров-молотов (№ 20) насчитывалось около 1000 штук, и из них около 50 кельтов были сделаны из нефрита. У некоторых кельтов использовались роговые крепления, но были и деревянные рукоятки с зазубринами, которые свидетельствовали о том, что их изготавливали различными способами. Перфорированные топоры были сравнительно редки, в коллекции их было всего около 50. Перфорации как круглые, так и овальные.

Были широко представлены глиняные веретена (№ № 14 и 15) и гири для ткацких станков, но керамика была редкой и низкого качества. Из кости и рога было найдено несколько сотен предметов, в том числе стамески (№ 8), шила, кинжалы (№ 11-13), различного рода булавки (№ 10), три гребня (№ 6 и 7), 16 перфорированных молотков из оленьего рога (№ 23), перфорированные зубы, рыболовный крючок из кабаньего бивня (№ 22) и т.д.

Маурах.—Примерно на полпути между Нуссдорфом и Унтер-Ульдингенем находится знаменитый вокзал в Маурахе. Он был обнаружен зимой 1862-1863 годов и входил в число тех, которые исследовал мистер Уллерсбергер. По-видимому, в 1839 году здесь была построена плотина, которая покрывала часть территории, занимаемой озерным поселением, так что исследовать его можно было лишь частично. Сваи подходили вплотную к берегу, но вдавались в озеро примерно на 1000 футов, занимая площадь около 8 акров. По словам доктора Лахманна, предметы старины, которых было собрано около 600, были точно такими же, как из Нуссдорфа. Каменные топоры встречались на всех стадиях изготовления, но керамики почти не было. Сплюснутая бусина из янтаря и четыре медных кельта (рис. 31, № № 16-19) - единственные заслуживающие внимания объекты, включенные в число ранее исследованных. В. 126.)

Только в 1880 году, когда ремонтировалась упомянутая выше дамба, стала известна особенность, которая сейчас характеризует это поселение. Среди найденных тогда каменных топориков было около 500 нефритовых, две трети из которых были сделаны довольно хорошо. Но более интересным является тот факт, что нефрит был найден в необработанном виде, в виде необработанных кусочков размером от ногтя пальца до 3 дюймов в длину и 2 дюймов в ширину; так что не может быть никаких сомнений в том, что этот материал был обработан на месте. Эти более поздние находки поступили в основном в музей Росгартена. Г-н Лейнер, писавший в 1882 году (В. 381), утверждает, что с различных станций на Уберлингерзее он получил 800 нефритов, 12 жадеитов, 11 хлормеланитов и один соссурит, а также топоры или стамески.

Унтер-Ульдинген.—Доктор Лахманн описывает два поселения, которые сохранились недалеко от деревни Унтер-Ульдинген, примерно в 1000 футах от берега и почти в миле друг от друга, и каждое занимает площадь от 8 до 10 акров. С другой стороны, г-н Белль упоминает только об одной станции, которую он характеризует как самую большую на Боденском озере, занимающую площадь около 30 акров. Обе станции содержали несколько четко очерченных штейнбергов — три в одной и четыре в другой, — в которых были поперечные балки, соединяющие сваи вместе, как в штейнберге в Нидау. Реликвии

относятся ко всем эпохам и указывают на непрерывную продолжительность от каменного века до римского периода, если даже не на несколько столетий позже. Реликвии каменного века похожи на те, что найдены на других станциях в Уберлингерзее. Доктор Лахманн описывает среди кремневых пил одну длиной 9 с половиной дюймов. Кельтов, долот и топоров насчитывалось около 300, а веретенообразных мутовок - 40. Керамика встречалась здесь в большем количестве и была сделана лучше, чем на любой другой стоянке. Около 130 фрагментов и целых блюд указывают на большое разнообразие сосудов — чашек, кувшинов, ваз, крышек и т.д. У некоторых были ручки, а другие были украшены различными способами (рис. 32, № 27); и, помимо керамики бронзового века, там были кусочки красной фаянсовой посуды, хорошо известной саамской посуды (*terra sigillata*) римлян.

Однако особенность этой станции заключается в количестве найденных на ней бронзовых предметов. В коллекции Уллерсбергера доктор Лахманн описывает шесть наконечников для копий (№ 17); 16 топоришков с крыльями (№ 2 и 3), два с гнездами (№ 1) и несколько плоских (№ 29 и 30); 25 лезвий для ножей (№ 9 и 12); четыре нарукавника, два с орнаментом (№ 21 и 22); несколько серпов (№ 23), рыболовных крючков (№ 18 и 19), колец и более 100 заколок для волос (№ 4-8, 14, 24 и 25). Также около 40 предметов из железа, в том числе несколько копий (№ 26) и наконечников стрел, один топор, несколько ножей, два секатора (№ 11), несколько железных колец, малоберцовая кость (№ 15), часть обоюдоострого меча, короткий меч с деревянной рукоятью, орудие, похожее на вилку, пара щипцов и т.д. Кроме них, в музее Фридрихсхафена есть еще одна коллекция аналогичных орудий труда из бронзы и железа. Среди железных предметов здесь два так называемых секатора (*Hirpen*), топор-молоток, два гарпуна, несколько наконечников стрел и колец, малоберцовая кость (тип *La Tène*), шесть подков, кинжал и крюк для ремня.

Здесь, а также в Сипплингене, на месте поселения было найдено большое количество хорошо сделанного стекла, состоящего в основном из донышек кубков зеленоватого цвета, которые, по словам г-на Хофрата Клемма из Дрездена, относились к шестому или седьмому веку после Рождества Христова. В Унтер-Ульдингене было найдено очень мало предметов из кости и рога.

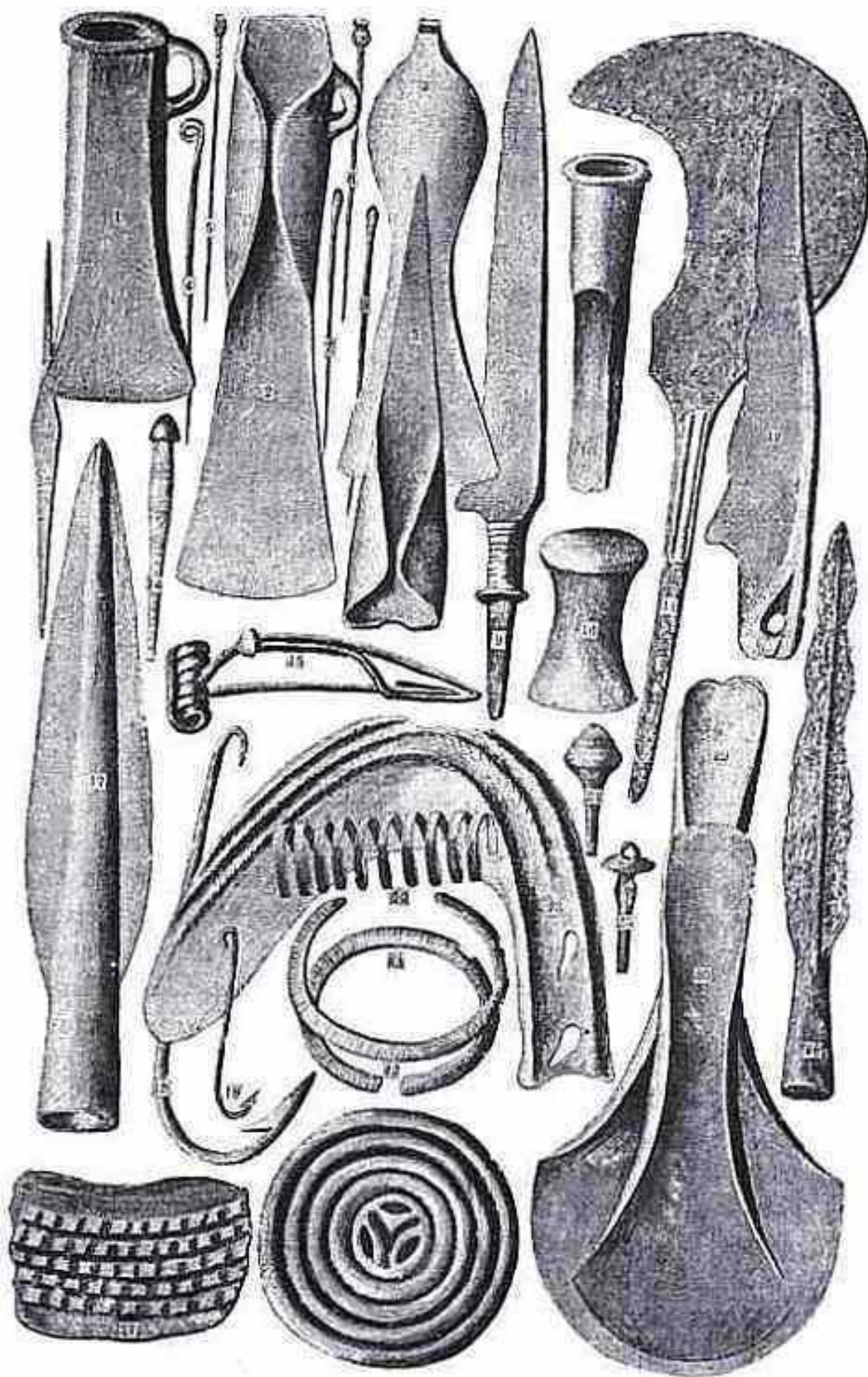

Fig. 32.—Unter-Uhldingen. Номера 20 и 26 = $\frac{1}{4}$, а остальные = $\frac{1}{2}$ реального размера.

Коллекция древностей с северного берега Уберлингерзее, включая поселения Нуссдорф, Маурах, Унтер-Ульдинген и Сипплинген, созданная г-ном Уллерсбергером и доктором Лахманном до 1865 года, была приобретена правительством Вюртембурга и сейчас

находится в музее Штутгарта. С тех пор было найдено значительное количество предметов, которые рассеяны по местным музеям и частным коллекциям, как можно видеть при осмотре музеев в Констанце, Уберлингене, Фридрихсхафене, Брегенце и Бодманне.

Покинув северную часть Боденского озера и продолжая следовать вдоль побережья, мы подходим, немного за Меерсбургом, к паре станций, Хальтнау и Хагнау, обе из которых существовали в раннем бронзовом веке. Из Хальтнау было привезено значительное количество смешанных реликвий, в том числе бронзовый наконечник копья и топорик, две большие вазы, красивые каменные долота и перфорированные топоры, орудия труда из нефрита и т.д. (Б. 378.) В музее Росгартен есть несколько бронзовых предметов, таких как нож, маленькая стамеска или шило, например, [рис. 32](#), № 13, плоский топорик ([рис. 33](#), № 3) и подвеска (№ 13). В последние годы в Хагнау было найдено большое количество бронзовых предметов, в том числе ножи (№ 9), серпы, спирали, браслеты (№ 6), плоские топоры (№ 1, 2 и 4), два с крыльями, а также подвески, наконечники копий, часть лезвия меча и около 200 заколок для волос (№ 7, 8 и 10). (Б. 381 и 462). Несколько иллюстраций этих предметов, приведенных здесь, взяты из музеев Констанца и Фридрихсхафена. Станции в Имменштаде, Фишбахе и Манцелле богаты хорошими образцами нефрита. Из Манцелля привезен один из лучших хлоромеланитовых топориков, найденных в этом районе, а также небольшой топорик из жадеита, оба из которых находятся в музее во Фридрихсхафене.

Недалеко от Линдау, между Виллой Амзее и Эшбахом, по-видимому, существовало поселение, из которого несколько реликвий попали в музеи Мюнхена и Брегенца. (Б. 462.)

Станции вдоль южного берега Бодензее пока еще не были столь продуктивны в плане промышленных остатков, как станции на более защищенных Унтерзее и Уберлингерзее, но, тем не менее, имеется достаточно доказательств того, что они существовали вдоль побережья, как будет видно из следующего списка их стоянок, которые последовательно встречаются между Поршахом и городом Констанц, а именно. Arbon, Romanshorn, Kesswil, Moosburg, and Rothfarb near Güttingen, Altnau, Landschlacht, Münsterlingen, Bottighofen, and Kreuzlingen. За исключением станции в Арбоне, остатки этих поселений состоят из большего или меньшего количества куч и россыпи каменных и кремневых орудий. В 1882 году было обнаружено, что берег от Кройцлингена до Констанца постоянно усеян сваями, и среди них было подобрано большое количество реликвий, в том числе несколько орудий труда из нефрита и жадеита, янтарная бусина и большой кремневый топорик. (Б. 462.) Два фрагмента каменных топоров, № 14 и 15, показанные на [рис. 29](#), взяты из этой части озера.

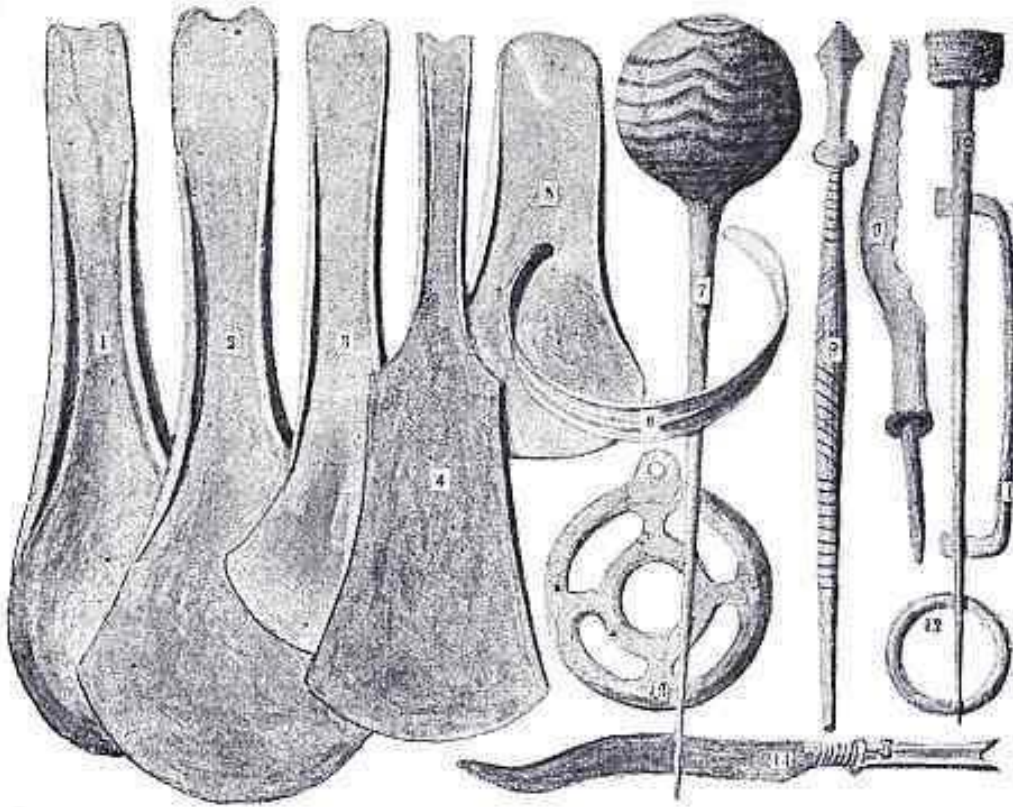

Рис. 33.—Хальтнау (3, 5 и 13) и Хагнау. № 14 = $\frac{1}{4}$, остальные = $\frac{1}{2}$ реального размера.

Блайш-Арбон.—В 1885 году Мессикоммер рассказывает, что во время очень низкого уровня воды в озере в 1882 году его попросили посетить Арбон и провести исследование относительно обнаружения некоторых доисторических орудий на берегу, которые, как предполагалось, указывали на существование обитателей озера по соседству. В упомянутых местах он нашел несколько кремневых пил и другие орудия труда, но, несмотря на его известный опыт в исследованиях обитателей озер, ему не удалось найти сваи; и единственным результатом его визита были обнаружены руины римской сторожевой башни недалеко от входа в гавань.

19 сентября 1885 года Мессикоммер снова получил сообщение от властей Арбона с просьбой вернуться в их город, поскольку на этот раз не могло быть никаких сомнений в том, что были найдены останки настоящего Пфальбау. Местом этого нового открытия было не морское побережье, а равнина, простиравшаяся между Арбоном и Стейнахом. Здесь, в ходе раскопок для водоснабжения города, рабочие наткнулись на сваи с поперечными бревнами, среди которых были вкраплены различные реликвии человеческого труда. Место, где были сделаны эти открытия, находилось примерно в километре от Арбона, недалеко от дороги на Санкт-Галлен. На обнажаемом участке были обнаружены следующие слои: — Сначала полфута почвы, затем фут суглинка, а под ним слоистый слой песка и гравия толщиной около 3 футов, содержащий пресноводные раковины. Толщина реликтового ложа составляла от 1 до $\frac{1}{2}$ фута, и в нем были найдены каменные топоры; фрагменты распиленных камней, по-видимому, отходы изготовления орудий труда; дробилки для зерна; четыре перфорированных роговых молотка, "Фельдхакен"; несколько костяных предметов — иглы, долота, шила, кинжалы; похожее на нож орудие, сделанное из бивня дикого кабана, и еще одно, сделанное из тисового дерева; весло; фрагменты орнаментированной керамики и т.д. Также были найдены ячмень, многочисленные семена и фрукты, скорлупа лесных орехов,

череп собаки и некоторое количество костных останков, представляющих урусов, бизонов, оленей, коров, свиней, медведей и т.д. (Б. 431, 434с и 462.)

МИНДЛИЗЕЕ И БЮССЕНЗЕЕ.

В окрестностях Констанца есть два небольших озера или болота, в которых сохранились важные остатки озерных жилищ. Это Бюссензее и Миндлизее, оба расположены в сельской местности, простирающейся между Унтерзее и Уберлингерзее. Первое находится недалеко от Лютцельштеттена, и в его окраинных торфяниках были найдены следующие предметы старины: — Деревянное блюдо, вырезанное из ствола ольхи диаметром 13 дюймов; две янтарные бусины - одна представляет собой перфорированный диск диаметром 1½ дюйма (рис. 28, № 8), подобный той, что была найдена в Обер-Мейлене и, как говорят, находилась во владении покойного мистера Эпли, а другая - маленькая обычная бусина (№ 9). Также несколько изделий из камня, рога, меди и бронзы. А любопытство представляет собой часть панциря черепахи с двумя отверстиями для подвешивания (№ 17). Также женский человеческий череп долихоцефального типа.[25]

Миндлизее находится недалеко от Меггингена, и его Пфальбау исследовать сложнее из-за заболоченности торфа. Некоторые предметы старины из этой местности, которые сейчас находятся в музее в Констанце, состоят из фрагментов керамики, двух украшенных булавок и медного кинжала (№ № 2, 3 и 11), нескольких бронзовых предметов (№ № 14 и 15) и камня необычной формы, похожего на топорик и рукоятку в одном куске (№ 12). (Б. 381 и 462.)

ФЕДЕРЗЕЕ.

О поселении в Федерзее сообщил оберферстер Франк из Шуссенрида в 1876 году, что стало результатом систематических исследований, проведенных им в течение предыдущего года. (Б. 285.) Он был расположен в юго-восточном углу обширного торфяного массива, который сейчас в значительной степени занимает древний бассейн Федерзее, в месте, примерно в трех милях от нынешнего небольшого озера и в 380 ярдах от его древней или ледниковой окраины. Непосредственно над ледниковыми обломками, в которых образовался этот бассейн, лежит слой беловатой глины, "Вайссергрунд", толщиной около 15 дюймов, а затем следует торф толщиной 10 или 12 футов. Останки обитателей озера обнаружены на глубине 6 с половиной футов, но невозможно составить правильное представление о масштабах всего поселения, поскольку обнажилась только его часть. На этой глубине в торфе встречаются деревянные платформы, образованные из слоев круглых или расщепленных бревен, лежащих поперечно друг над другом и образующих своего рода фасциновую структуру. Между деревянными слоями всегда помещается слой глины, количество которых варьируется от трех до восьми, так что нет однородности по толщине, представленной этими конструкциями.

Сквозь эти твердые массы глины и дерева с интервалом примерно в 2/4 фута были вставлены вертикальные балки, лишь некоторые из которых достигали Вайссергрунда. Эти сваи были тонкими, всего около 4 дюймов в диаметре, и не имели никаких признаков наличия ни пазов, ни шипов, с помощью которых их можно было бы соединить с горизонтальными балками.

Реликвии были найдены не только на поверхности этих фасциновых сооружений, но и в глине между последовательными слоями или платформами, и даже под самым нижним, вплоть до Вайссергрунда, но никогда на самом деле в последнем. Между нижними слоями деревянных изделий и Вайссергрундом иногда остается пространство в 4-5 футов, на котором находят рога, сломанные кости и другие реликвии; но именно "над горизонтальными слоями деревянных изделий и между ними, и главным образом в непосредственной близости от

вертикальных штабелей, встречаются орудия всех видов — из кремня, камня, рога, кости, зубов и дерева; также глиняные сосуды и ложки вполне совершенного вида".

В июне 1879 года мистеру Фрэнку посчастливилось найти настоящий фундамент хижины, на котором были показаны полы и части боковых стен, размеры и другие детали, о которых я расскажу позже.[\[26\]](#)

Не было никаких свидетельств того, что этому поселению, как и многим другим в Швейцарии, пришел конец в результате пожара; и, действительно, свежесть деревянных конструкций верхнего этажа и отсутствие сгоревших поленьев и т.д. опровергали идею такой катастрофы.

Предполагается, что предметы старины, обнаруженные в этих замечательных торфяных жилищах, относятся исключительно к каменному веку, поскольку до сих пор среди них не было найдено металлических предметов ([рис. 34](#) и [35](#)).

Керамика.—В коллекции мистера Фрэнка большое количество целой и разбитой посуды. Иногда они сероватого цвета, а иногда черные, как будто отполированные сажей или графитом. Паста либо тонкая и гладкая, либо смешивается с крупным песком, и именно из этого последнего качества изготавливаются сосуды большего размера. Из примерно 140 образцов в коллекции мистера Фрэнка самый крупный имеет высоту 12 дюймов. Использовались как ручки, так и перфорированные набалдашники. Несколько фрагментов тонкой желтоватой пасты сильно орнаментированы ([рис. 34](#), № 17, 24 и 25). Изящная черная керамика состоит из красивых кувшинов, мисок, ложек и т.д., которые часто украшены комбинацией линий, заострений, клеточек, набалдашников и т.д. Любопытно, что здесь нет веретенообразных завитков, а только один предмет, который можно считать грузом для ткацкого станка.

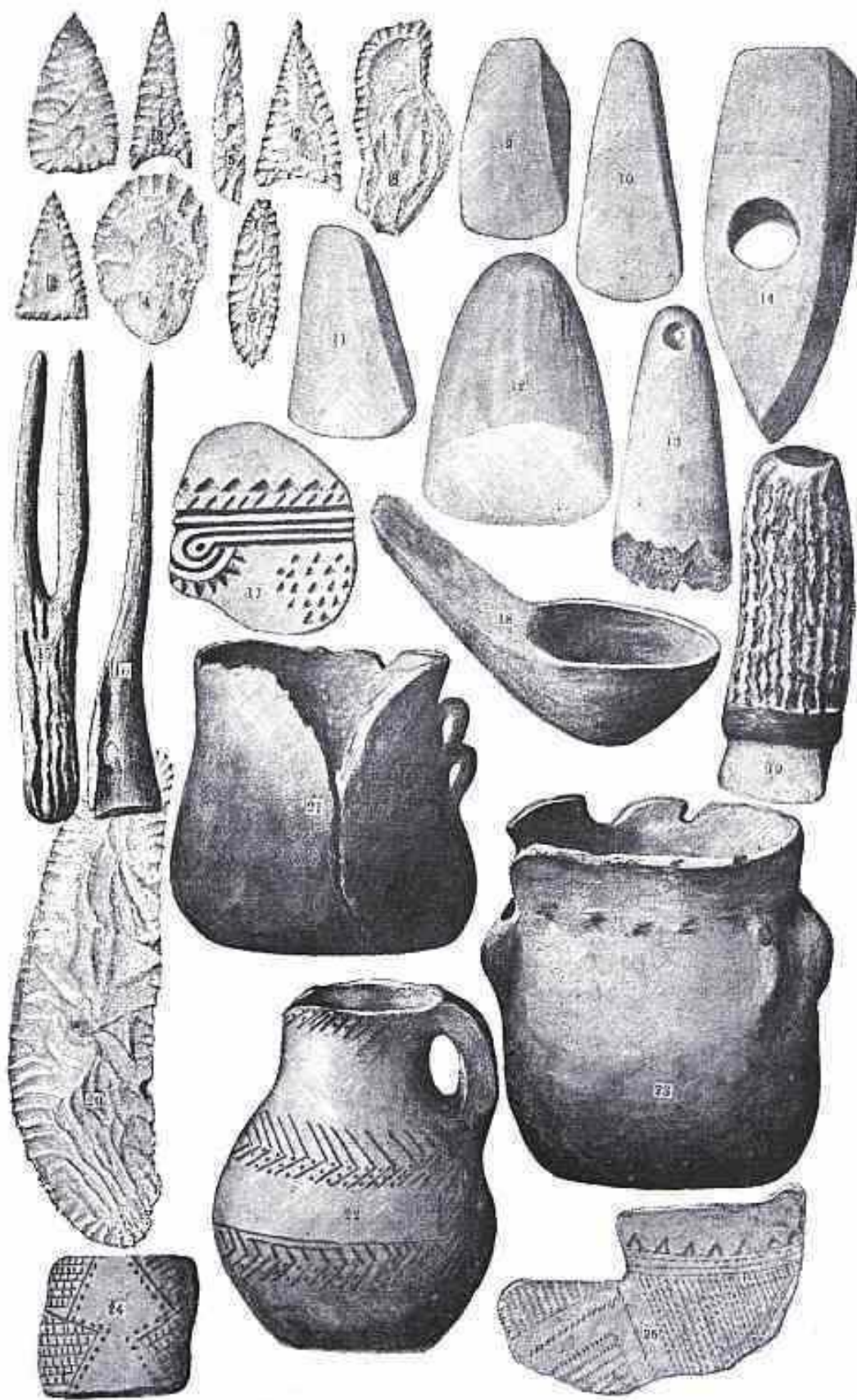

Fig. 34.—Schussenried. Все $\frac{1}{2}$ в натуральную величину.

Камень.— Кремневые орудия в количестве 40 штук, такие как пилы, наконечники стрел и скребки, хорошо изготовлены (№ 1-8). Одна полукруглая пила интересна как относящаяся к

северному типу, которая, однако, находится не в коллекции мистера Франка, а в Музее естественной истории в Штутгарте (№ 20). Из нескольких каменных топориков некоторые простые, а другие перфорированные и прекрасно отполированные, у некоторых из них все еще есть роговые или деревянные ручки (№ № 9-14 и 19). (В коллекции отсутствуют рожковые держатели с квадратным верхом для вставки в деревянные ручки.) Каменные орудия обычно изготавливаются из гранита или серпентина, только одно - из жадеита (sp. gr. 3-360). В небольшом кусочке красного камня проделаны три отверстия, точно такие же, как в аналогичных предметах из Робенхаузена (рис. 24, № 5 и 6).

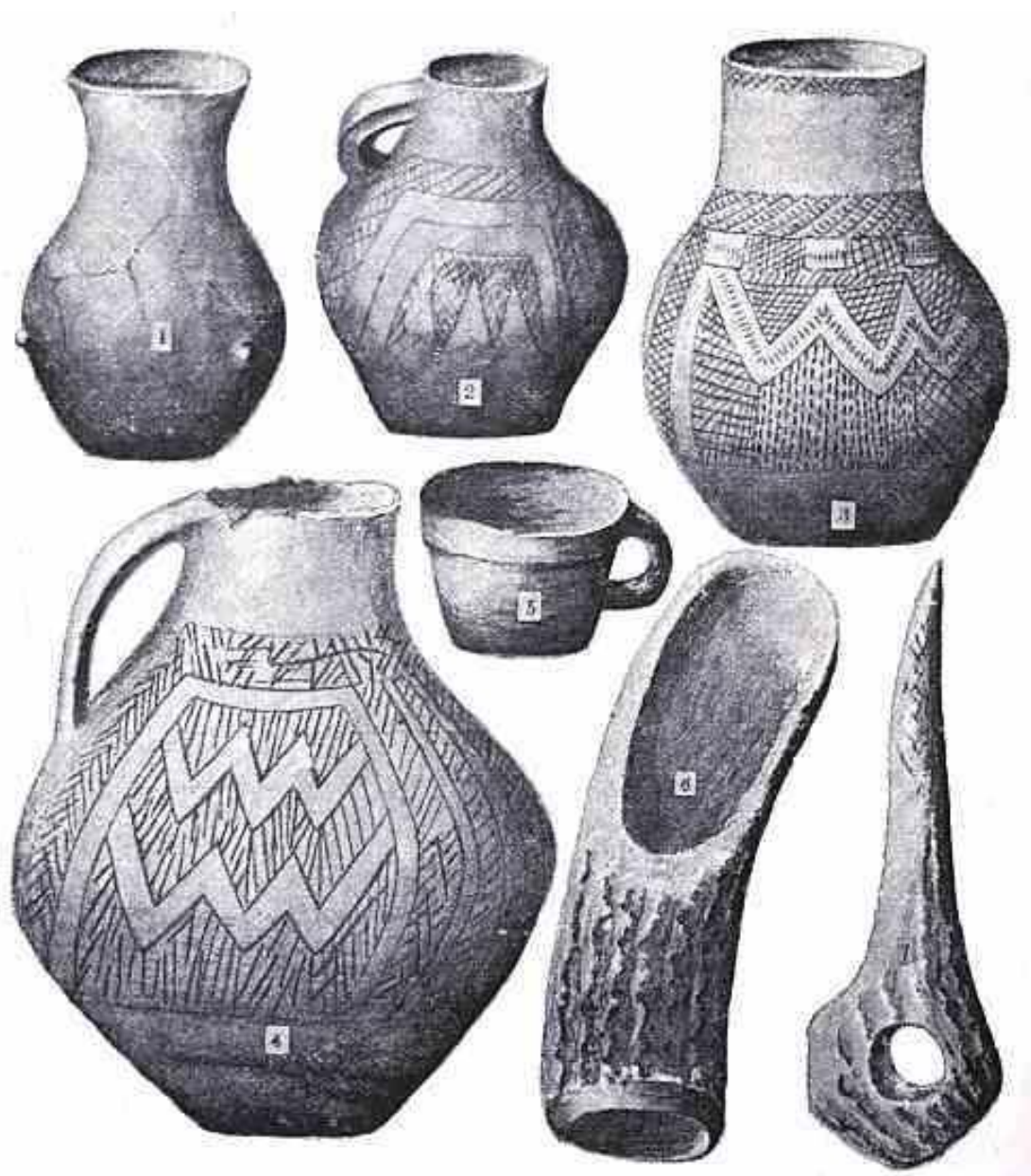

Fig. 35.—Schussenried. Все в натуральную величину $\frac{1}{3}$.

Рог и кость и т. Д. - Из рога сделаны два черпака (рис. 35, № 6) и несколько перфорированных молотков (№ 7), в одном из которых есть часть деревянной ручки. Есть также ложки из рога, а также маленькие костяные долота, кинжалы, булавки, ножи, черенки и т.д. (Рис. 34, № 15 и 16), перфорированные зубья и некоторые режущие приспособления из зубов кабанов. Часть рукояти каменного кельта, все еще находящаяся в своем гнезде, интересна тем, что показывает клин, который был вставлен для более тщательной фиксации,

как это делается в наши дни. Кусок дерева, на котором отчетливо видны следы каменного топора, мистер Фрэнк сохранил в жидкости, так же как и различную деревянную посуду.

Органические и другие останки.—Были найдены обрывки веревок и грубые рогожи, сделанные из лыка, но без ткани. Что касается последнего, то с особым интересом мне показали большую уплотненную массу черного материала, сделанного из зерен пшеницы, которая наиболее отчетливо сохраняла впечатление тонко сотканной ткани, очевидно, мешочка, в котором хранилось зерно. Другими любопытными предметами являются два куска асфальта, один из которых весит три четверти фунта, и блюдо, наполненное маленькими рулетиками из бересты. Доктор Дом из Тюбингена, [27] считает, что этот так называемый асфальт был продуктом из бересты, который жители озера использовали в смеси с черным порошком для намазывания на посуду.

Выдающийся профессор Фраас из Штутгарта идентифицировал следующих животных среди представленных ему костных останков, а именно: олень, косуля, свинья, медведь, волк, лиса, рысь, заяц и бизон (дикие); а также собака, бык, болотная свинья и овца (домашние). Примечательно, что здесь не представлены ни лошадь, ни коза. (Б. 303.)

Пшеница, встречающаяся в изобилии, была определена профессором Хегельмайером как крупнозернистая разновидность обычного вида (*Triticum vulgare*). Среди других фруктов и семян были льняное семя, желуди, буковые орехи, лещина и т.д. Сосны среди древесины не было.

В банке был обнаружен серовато-черный порошок, который при анализе оказался карбонатом извести в сочетании с битуминозным веществом. Было обнаружено, что другой порошок представляет собой красный оксид железа.

Одной маленькой бусинке ярко-красного цвета, похожей на коралл, нашлось место в коллекции Schussenried, но отсутствуют следующие предметы, а именно: глиняные подставки для колец, кожа, ткань, хлеб, яблоки и груши, обычно встречающиеся в жилищах у озера.

Из фактов, изложенных в пространной статье м-ра Франка, следует, что поселенцы в Шуссенриде начали свое проживание до того, как торфяной пояс, который сейчас в значительной степени покрывает древнее русло Федерзее, простирался очень далеко от берега, отведенного ему отступающими ледниками; и что с тех пор, как они покинули свои жилища, над ними заросло не менее 6-7 футов торфа.

OLZREUTHERSEE.

Примерно в двух километрах к северо-востоку от Шуссенрида находится небольшое озеро Ольцройтерзее, в котором г—н Франк обнаружил остатки Пфальбау, сходного по характеру с только что описанным.

Получив информацию о том, что на поле недалеко от этого озера были найдены орудия из кремня и оленьего рога, он немедленно посетил это место и узнал место обитания озерных обитателей, расположенное на небольшом полуострове площадью около 800 квадратных ярдов и возвышающееся на полтора фута над водой, которая окружала его с трех сторон. Здесь были найдены изделия из дерева, керамика и другие обломки человеческого жилья, вложенные в реликтовое ложе толщиной менее фута. Керамика была сильно разбита, но она напоминала глиняную посуду из Шуссенрида как по качеству, так и по стилю орнаментации. Как и в Шуссенриде, не было найдено ни завитков, ни сетчатых грузил. Из 784 собранных кусочков кремня 178 были обработаны. Они классифицированы следующим образом: -47

наконечников стрел, 57 скребков, 38 ножей, 16 пил и 20 неопределенного характера. Некоторые наконечники стрел и пилы сделаны особенно хорошо. Из каменных орудий было 11 топоров из местных материалов (некоторые из которых были перфорированными), а также 3 топорика и 4 долота из нефрита. Нефритовые топорики были маленькими, самые большие размером всего 1½ дюйма на 1 ¼ дюйма, а стамески имели размеры от 2 дюймов до 3 дюймов в длину и от ¼ дюйма до 1 дюйма в ширину. Кроме того, там было несколько кукурузодробилок, 28 орудий из оленьего рога, несколько перфорированных, рулоны бересты и т. Д., Но никаких следов металла. Также несколько иголок, шило и маленькие стамески.

Г-н Франк обращает внимание на примечательный факт, что, хотя здесь были нефритовые предметы, а жадеита не было, в Шуссенриде все было как раз наоборот. (В. 395.)

БАСЕЙН ДУНАЯ.

Переходя к большому Баварскому плато, которое господствует над истоками Дуная, на северных склонах альпийской горной цепи находится ряд озер, многие из которых, как было показано, содержат остатки озерных жилищ. Те из них, которые были достаточно исследованы, чтобы претендовать на уведомление здесь, следующие: —Вюрмзее, Мондзее, Фушльзее, Аттерзее и Нойзидлерзее.

LAKE OF STARNBERG (WÜRMSEE).

Штарнбергское озеро находится примерно в 18 милях к югу от Мюнхена, недалеко от отрогов великой альпийской цепи гор. Побережье представляет собой холмистую возвышенность, перемежающуюся лесами, виллами, местами отдыха и симпатичными деревушками, мимолетный взгляд на которые вместе с постоянным видом на покрытые снегом горы вдалеке делает поездку по этому озеру одной из самых приятных достопримечательностей Мюнхена. На своей северной оконечности, где излишки воды уносит Вюрм, он имеет всего около мили в ширину, но по мере того, как мы плывем на юг, он значительно расширяется и в конечном итоге достигает трех или четырех миль в ширину, а общая длина составляет 12 миль. Примерно в четырех милях выше, на его западной стороне, находится низкий, но красиво поросший лесом остров, который с 1850 года называется Розен-Инсель, потому что тогда он был куплен королем Баварии. Здесь на руинах старого церковного учреждения была построена королевская резиденция, и при раскопках ее фундамента были обнаружены различные захоронения смешанного характера — доисторические, римские и средневековые. Традиция гласит, что первоначально на острове находился языческий храм и священное место захоронения, которое впоследствии было присвоено христианами и использовалось для аналогичных целей.

Когда профессор Десор посетил местность в 1864 году в поисках остатков озерных обитателей, он обнаружил на западной окраине этого острова многочисленные нагромождения, связанные с некоторыми древностями озерного типа, столь широко встречающимися в швейцарских озерах, из чего он сделал вывод, что на этом месте находилась деревня свай, и предположил, что весь остров мог быть искусственного происхождения. В течение следующего года были проведены еще несколько раскопок, но никаких важных результатов, кроме подтверждения мнения Десора, получено не было.

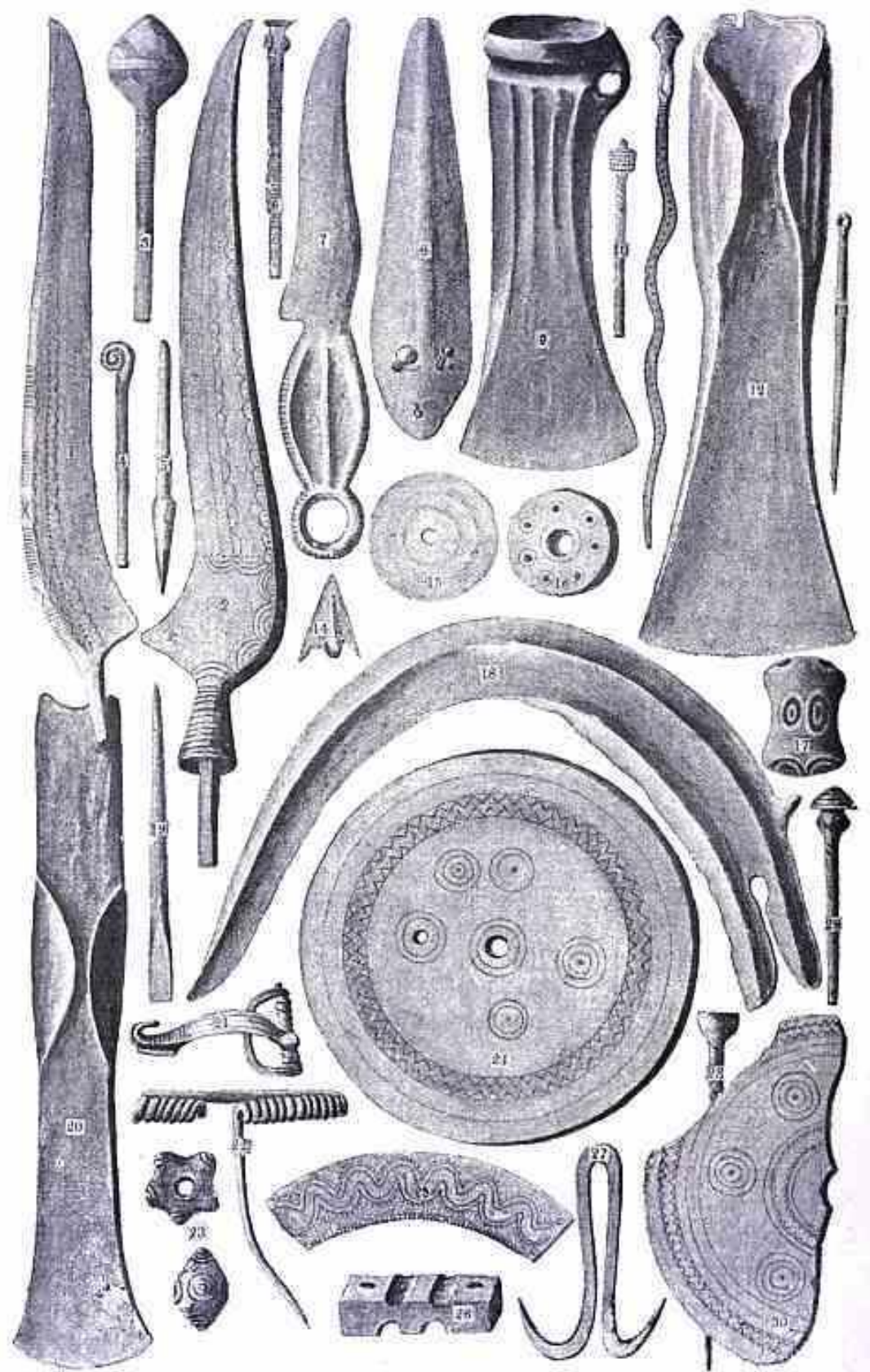

Fig. 36.—Starnberg. Все $\frac{1}{2}$ в натуральную величину.

Однако в 1874 году было использовано малое количество воды, и под руководством г-на В. Шаба, государственного юрисконсульта в Штарнберге, были проведены обширные раскопки. На окраине острова были вырыты многочисленные шахты, и во всех случаях

встречались залежи реликвий, содержащие предметы старины, по-видимому, очень разного возраста. Здесь было в изобилии не только обычные реликвии каменного века, но и некоторые изделия из бронзы, железа, стекла, янтаря и т.д. Коллекция предметов, изготовленных тогда, таким образом, кратко изложена в отчете г-на В. Шаба (В. 291): Из оленьего рога 187, бронзы 158, камня 69, кости 48, дерева 7, железа 6, стекла 3 и янтаря 1. Коллекция хранится в Этнологическом музее Мюнхена, откуда я имел честь взять большую часть прилагаемых иллюстраций (илл. 36 и 37). В витрине музея из озерного поселения Штарнберг, по-видимому, больше предметов, чем описывает фон Шаб, как, например, кельтский бронзовый браслет (рис. 36, № 9), но, с другой стороны, хорошо известно, что некоторые из них попали в частные руки.

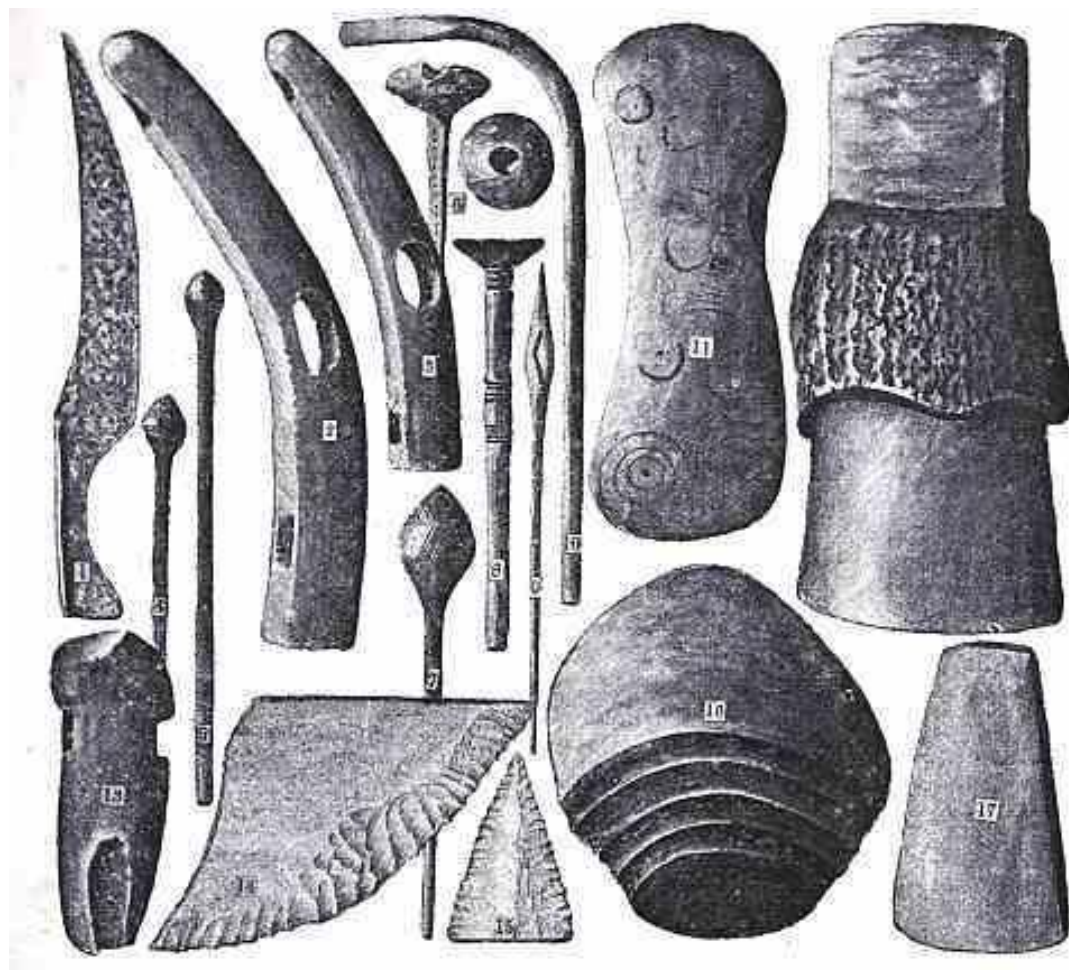

Fig. 37.—Starnberg. Nos. 1 = $\frac{1}{6}$, 13 = $\frac{1}{4}$, а остальные = $\frac{1}{2}$ реального размера.

Камень.—Кремень с этой станции голубовато-серого цвета и не соответствует французскому сорту. Изделиями, изготовленными из этого вещества, являются щепки, наконечники стрел, наконечники копий, скребки, пилы и т.д. (рис. 37, № 14 и 15). Из нефрита есть один или два образца в виде небольших режущих инструментов; из обычных каменных кельтов есть несколько более или менее совершенных (№ 17), и один в роговой оправе (№ 12); также несколько полировальных и точильных камней.

Рог и т.д.—Различные виды рукоятей; около 12 поводов для уздечки, несколько из которых цельные (№ 2 и 3); несколько перфорированных топоров-молотков (№ 11 и 13); костяные кинжалы, перфорированные бивни кабанов, шила и т.д. Наиболее примечательными предметами являются два или три больших костяных диска с орнаментом (рис. 36, № 24 и 30).

Бронза.— Часть цельного браслета, украшенного линиями и концентрическими кругами, шилы и стамески (№ № 5 и 19), ножи (№ № 1, 2 и 7), кинжалы (№ № 8), топоры (№ № 9, 12 и 20), украшенные булавки (№ № 3, 4, 6 и т.д.), фибулы (№ № 21 и 22), иглы (№ 13), наконечники стрел (№ 14), рыболовные крючки (№ 27), один серп (№ 18), часть орнаментированной пластины (№ 25).

Железо.—Большой нож (**рис. 37**, № 1), подкова, два наконечника для копий.

Керамика.—Фрагментов керамики было очень много, вероятно, это 100 сосудов; но среди них нет ни одного целого блюда. Орнамент разнообразен и иногда состоит из параллельных канавок, как на керамике террамара в Северной Италии (**рис. 37**, № 16). Используемая паста также была разного качества. Веретенообразные завитушки различных размеров и форм, глиняные кольца-подставки, конические и четырехугольные глиняные грузики; также крупные бусины из обожженной глины оранжевого цвета, украшенные концентрическими кругами синего и белого цветов (**рис. 36**, № 17).

Стекло и т.д.— Несколько стеклянных бусин разных цветов (№ 23) и одна из янтаря.

Дерево.— Деревянные клинья, ложки, фрагмент плетеной корзины и т.д.

Органические остатки.—Фундук, жженная кукуруза и различные другие семена. Что касается костных останков, то останков домашних животных было в два раза больше, чем останков диких видов. Может быть интересно отметить, что к последним относятся северный олень (одна часть рога), кошка (одна нижняя челюсть большого размера), бобр (четыре особи) и два вида собак (*Canis familiaris* и *matris opt.*).

МОНДЗЕЕ.

В паре миль к западу от южной оконечности Аттерзее лежит река Мондзее, за которой в той же долине, выше по течению, находится небольшое озеро Фушль, оба из которых направляют свои объединенные излишки воды в первое. Прямо напротив устья реки Мондзее, в местечке под названием Зее, было обнаружено очень интересное озерное обиталище, которое с 1872 года очень тщательно исследовал доктор Мач из Вены, в результате чего этот неутомимый исследователь теперь владеет одной из самых поучительных коллекций останков озерных обитателей в Европе. Археологическая станция занимала площадь около 3500 квадратных ярдов. Сваи были круглыми, от 3½ дюймов до 8 дюймов в диаметре, и расположены нерегулярно, а ложе для реликвий было глубоко покрыто грязью. Древности, многие из которых здесь проиллюстрированы (**рис. 38, 39 и 40**), могут быть классифицированы таким образом.

Камень.—Кремневые наконечники для стрел в большом количестве имеют треугольную форму и очень аккуратно изготовлены. На одном или двух сохранились следы асфальта, с помощью которого они были прикреплены к стержню (**рис. 38**, № № 10-12). Некоторые из них находятся в незавершенном состоянии, а одна сделана из прозрачного горного хрусталя. Среди кремневых пил есть несколько орудий в форме полумесяца, похожих на те, что так часто встречаются в скандинавской археологической зоне (№ 2-4). Некоторые из них были сделаны с выступом для рукояти, как у ножей, используемых современными кожевниками. Наконечники копий и скребки также многочисленны и хорошо сделаны. Из наличия большого количества щепок и остатков кремня не может быть никаких сомнений в том, что все эти орудия были изготовлены *на месте*, замечание, которое в равной степени применимо к ножам (круммессерам) датского типа, которые были сделаны из того же вида кремня, сырье для которого можно было легко найти в гравии соседних ручьев. Среди

обычных каменных орудий имеется около двух десятков перфорированных и отлично обработанных наконечников топоров-молотов (№ № 13-15). Материалом часто служит пестрый змеевик. Отполированные кельты насчитывают почти 100 экземпляров, из которых самый крупный имеет длину 6½ дюйма, а самый маленький - 1½ дюйма. Один хорошо отполированный круглый камень с перфорацией в центре, возможно, образовывал наконечник дубинки (**рис. 40**, № 9).

Рог и кость.—Из останков этого класса имеется замечательный ассортимент долот (**рис. 38**, № 16, 27 и 28), наконечников и т.д., И особенно примечательны кинжалы с обоюдоострыми концами (**рис. 39**, № 9 и 12). Они неизменно хорошо сделаны и красиво отполированы, а на некоторых есть канавка, как будто для крепления бечевки. У кельта есть только одно древко из оленьего рога, и в нем посередине просверлено отверстие для рукояти, но количество перфорированных молотков из этого материала значительно. Один треугольный наконечник стрелы сделан из кости (**рис. 38**, № 23).

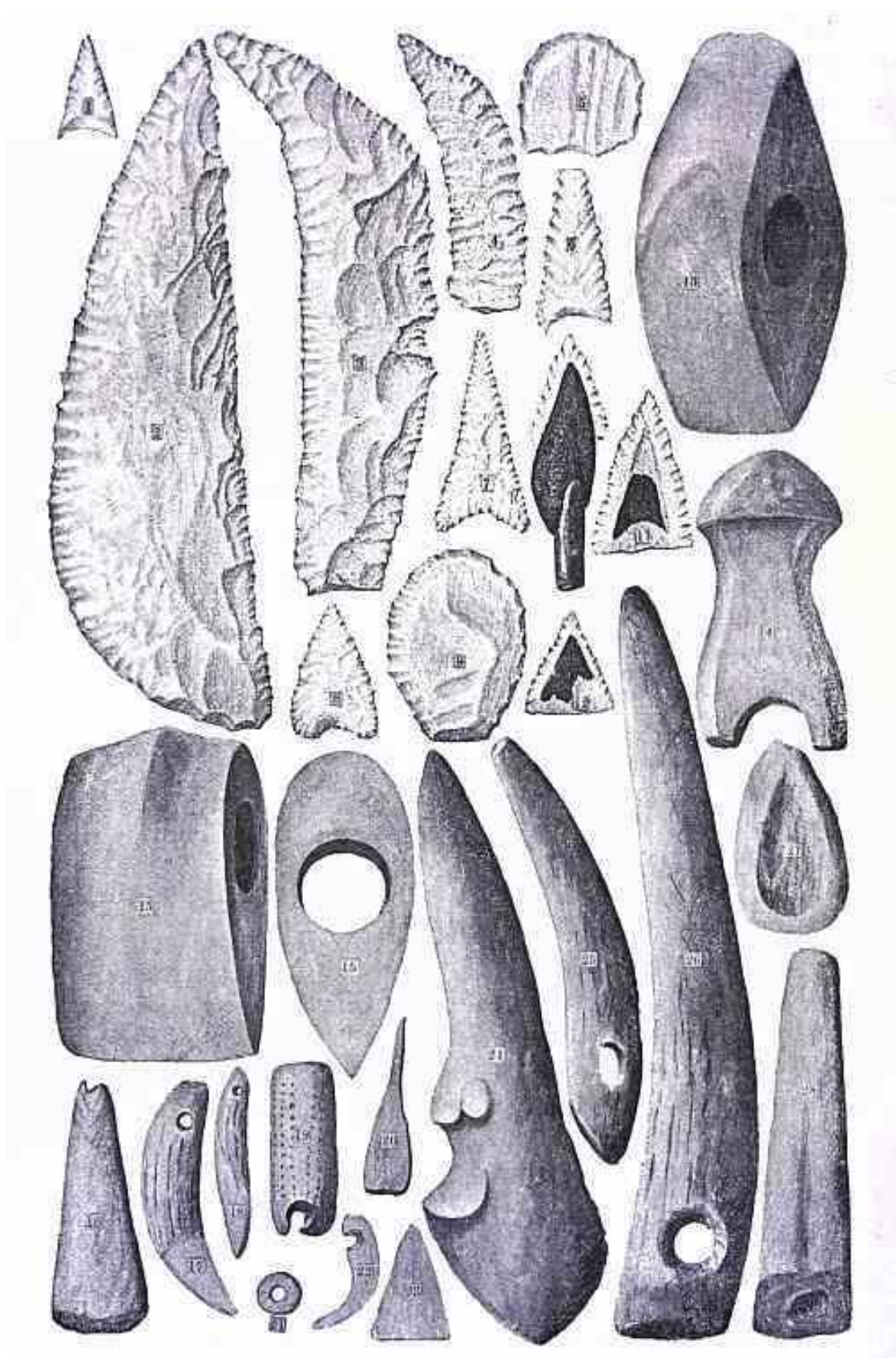

Рис. 38.—Мондзее. Все $\frac{1}{2}$ в натуральную величину.

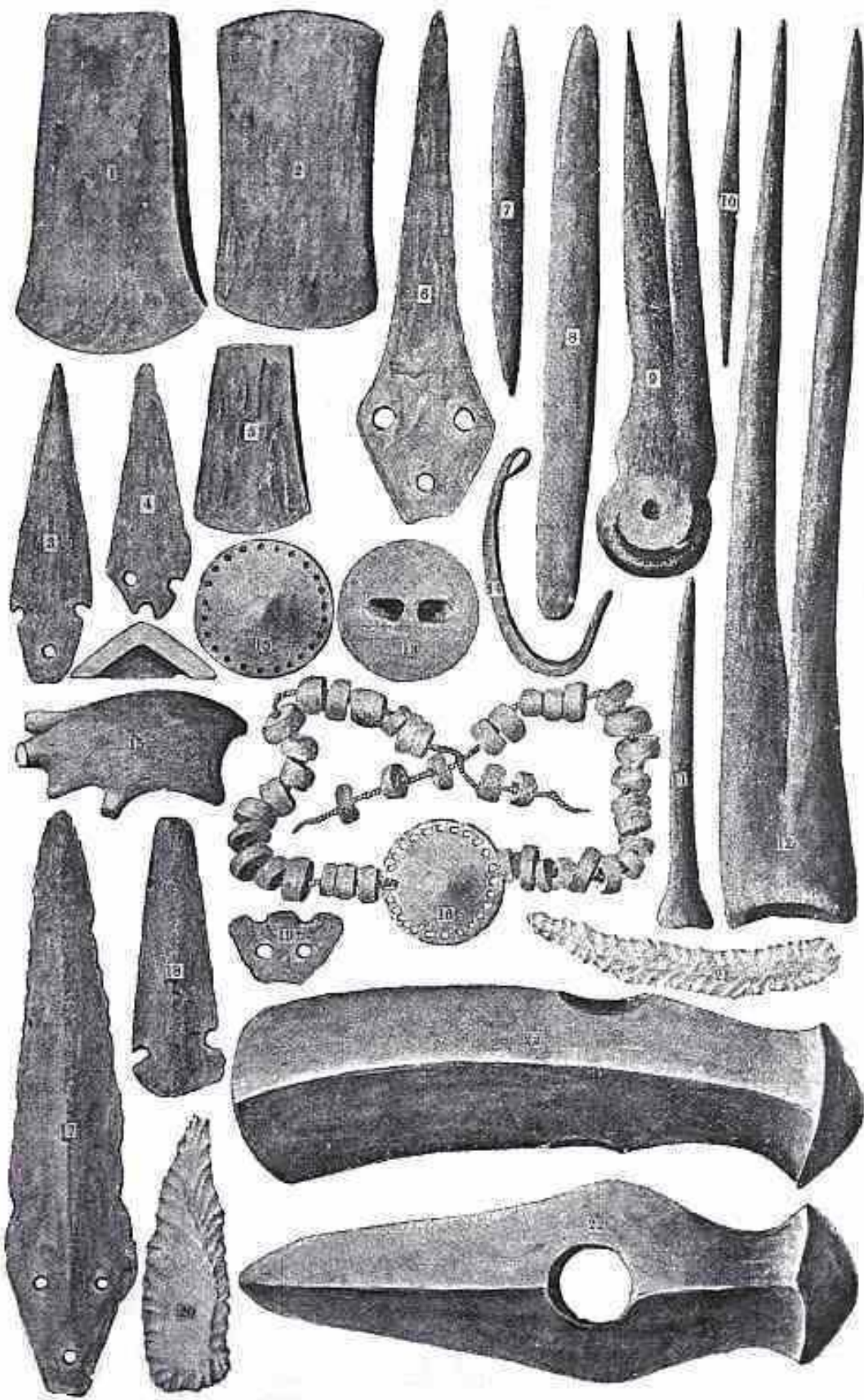

Рис. 39.—Мондзее и Аттерзее (17, 18 и с 20 по 22). Все $\frac{1}{2}$ в натуральную величину.

Металл.— С самого начала исследования этого поселения по находке нескольких грубых тиглей с выступающими ручками был сделан вывод, что его жители были знакомы с

искусством плавки. В порах этой посуды было обнаружено не только немного меди, но и среди деревянных предметов были несколько изогнутых дубинок с прорезью на конце (рис. 185, № 14), которые могли использоваться только в качестве ручек для плоских кельтов, таких как те, что обычно изготавливаются из меди. В течение последних нескольких лет эти предположения были подтверждены открытием нескольких металлических предметов, в основном из меди, среди которых: -14 плоских кельтов (некоторые находятся во фрагментарном состоянии) (рис. 39, № 1, 2 и 5), шесть кинжалов (№ 3, 4 и 6), три спирали, три шила, один рыболовный крючок (№ 14) и два небольших предмета неопределенного размера. Из бронзы есть только два изделия, а именно. часть кинжала с отверстиями для заклепок и часть стержня булавки.[28]

Керамика.—Сосуды большего размера сделаны из грубой глины, смешанной с песком, и одновременно неуклюжи и без украшений, за исключением иногда следов от гвоздей по краю. Вместо ручек у них есть перфорированные ручки под бортиком или на выпуклости сосуда. Разительный контраст с этими грубыми блюдами составляют богато украшенные кувшины, изготовленные из тонкой пасты, и другие маленькие блюда с ручками или без них. Орнамент своеобразный, состоящий из глубоких широких линий, расположенных в виде разнообразных узоров, в которые было вставлено белое меловое вещество, и для лучшего его сохранения нижнюю часть вырезанных линий иногда гофрировали (рис. 40, № 6). Цвет этой керамики сейчас сероватый, но первоначально предполагается, что она была черной, так что белый орнамент на черном фоне, должно быть, производил поразительный эффект. Также можно отметить несколько глиняных предметов в виде грубых статуэток, которые, как можно предположить, изображают какое-нибудь обычное четвероногое, например собаку, свинью или корову (рис. 39, № 15).

*Другие объекты.*Несколько примечательно, что во всей этой большой коллекции есть только три маленьких перфорированных предмета из камня, которые можно было бы принять за веретена, и только одна глиняная гирька; нет и ничего другого, что указывало бы на искусство ткачества, за исключением нескольких завязанных узлом нитей и туго сплетенной циновки из лыка.

Рис. 40.—Мондзее. Номера 6, 8 и 9 = $\frac{1}{4}$, а остальные = $\frac{1}{2}$ реального размера.

Личные украшения очень разнообразны. Перфорированные зубы, имитации птичьих когтей из белого мрамора ([рис. 38](#), № 22), а также круглые пластины из мрамора в виде пуговиц, бусин и др. ([рис. 39](#), № 13 и 16). В одном месте за один заход земснаряда было поднято не менее 48 последних, которые при приведении в порядок воспроизводят браслет (№ 16).

В 1874 году доктор Мач обнаружил вторую стоянку в Шарфлинге на южном берегу Мондзее, но, поскольку она находится на большой глубине и подвержена отложению большого количества *обломков*, принесенных Киенбахом, трудности тщательного исследования еще не преодолены.

Об исследованиях, проводимых время от времени в Мондзее, и о собранных древностях доктор Мач представил несколько точных отчетов. (Б. 223, 257 и 287.)

АТТЕРЗЕЕ (ВЕРХНЯЯ АВСТРИЯ).

Первые сообщения об исследованиях озерных жилищ в Аttersee были опубликованы в 1871 году графом Вурмбрандом и мистером Симони, и они были продолжены первым в течение следующих пяти лет по мере того, как были сделаны новые открытия. (В. 200, 201а, 202, 229 и 276.) На озере было пять поселений — одно, Зивальхен, недалеко от выхода; два, Аttersee и Ауфхам, на западном берегу; и два, Вейерегг и Пушахер, на восточном берегу.

Seewalchen.— Это поселение имело форму неправильного четырехугольника, примерно 500 на 180 футов, и находилось на расстоянии от ближайшего берега между 200 и 300 футами. Глубина воды здесь около 5 футов, и, хотя она прозрачная, никаких реликвий или куч не видно, так как *обломки* покрыты слоем гравия, который пришлось удалять с помощью дноуглубительных работ. Сваи представляли собой круглые бревна диаметром 6-8 дюймов и на расстоянии 3-4 футов друг от друга, которые так глубоко проникали в ракушечный мергель, что любой из них с трудом удавалось вытащить. Слой реликта представлял собой черноватый конгломерат органических *обломков* толщиной около фута, сильно спрессованный перекрывающим слоем гравия. Граф Вурмбранд не думает, что это поселение было уничтожено пожаром, поскольку обычные симптомы такой катастрофы совершенно отсутствуют. Предметы старины, хотя среди них и несколько металлических предметов, в основном относятся к каменному веку, среди которых наиболее типичны следующие.

Камень.—Все наконечники кремневых стрел имеют треугольную форму, примеров с центральным стержнем обнаружено не было. Одним из примечательных предметов является маленький нож-чешуйка обсидиана. Каменные кельты (несколько перфорированных и в основном битых) были сделаны из диорита, зеленого камня, гранита, роговой обманки и т.д., Но ни одного нефрита. Шлифовальных и полировальных камней было в изобилии.

Рог и кость.—Из этих материалов были наконечники (некоторые с двойными зубцами), стамески, скребки, но ни одной рукояти кельтов, подобной тем, которые так часто встречаются на местах швейцарских озерных поселений; несколько костяных колец, вероятно, предназначенных для бус, и другие из каннелевого угля.

Керамика.—Керамики было немного, но, судя по ее характеру, граф Вурмбранд полагал, что она была намазана графитом или каким-либо красящим веществом и обжигалась на открытом огне. Орнамент был сделан ногтем или небольшими заостренными орудиями из мягкой глины. На некоторых фрагментах были видны ручки, а на других - перфорированные набалдашники.

Металлические.—Две маленькие бронзовые булавки, одна с конической головкой и перфорацией в стержне немного ниже головки. В нижних двух третях он четырехугольный и украшен точками. Другие предметы - это шило, заточенное с обоих концов, кусок бронзы и два небольших осколка железа.

Останки животных принадлежали свинье, медведю, бобру, быку и оленю.

Среди использованных пород древесины были ель, липа, бук, дуб, орешник, береза и кизил-вишня.

Вейерегг.—Следующая по значимости станция - Вейерегг, примерно в трети пути вверх по озеру. Здесь были найдены хорошо сделанные костяные орудия, обработанные роговые зазубрины, перфорированные кабаньи зубы и несколько тонко отполированных каменных топориков. Один из них цвета морской волны, похожий на нефрит, а другой имеет изящную форму (рис. 39, № 22). В последнее время на этой станции было найдено несколько металлических предметов, среди которых два представленных здесь кинжала (№ № 17 и 18). На остальных станциях было собрано лишь несколько предметов из камня и керамики, однако их достаточно, чтобы показать, что они были похожи на уже описанные. На Пушахере были найдены два кремневых ножа в форме полумесяца (Krummesser) (№ № 20 и 21) и круглый каменный шар из полированного змеевика с аккуратными отверстиями, предположительно, булава.

FUSCHLSEE.

На южном берегу озера Фушль есть небольшой остров круглой формы и около 50 шагов в диаметре, который, по-видимому, искусственного происхождения и поразительно похож на наши шотландские и ирландские крэнноги. Остров, немного возвышающийся над уровнем воды, лежит недалеко от берега, отделенный от него только узкой канавой или каналом, который со временем зарос мхом и *обломками* болотных растений. При рытье ямы внутри нее сначала обнаружился толстый слой мха и вереска, а затем масса гнилой древесины, в основном ветвей сосны и карликовой березы. Эта масса удерживалась вместе небольшими сваями, но по краям были более прочные сваи и виднелось множество других балок. Однако на нем было найдено мало предметов старины, и его исследование с этой точки зрения не показалось очень обнадеживающим. (Б. 257.)

НОЙЗИДЛЕРЗЕЕ.

На обширной территории, дренируемой Дунаем, есть еще несколько озерных остатков, указывающих на озерные или свайные жилища, но это, вероятно, лишь малая часть того, что можно было бы обнаружить при тщательном и систематическом исследовании. В 1872 году Джейтелес опубликовал сообщение о свайных сооружениях, обнаруженных в городе Ольмютц (В. 221); а совсем недавно в Нимлау, в том же районе, аналогичные деревянные конструкции были обнаружены в пруду. В данном случае было пять рядов дубовых свай, соединенных с поперечными балками; каждый ряд находился на расстоянии пяти футов друг от друга, и весь он был покрыт грязью почти на два фута.[29]

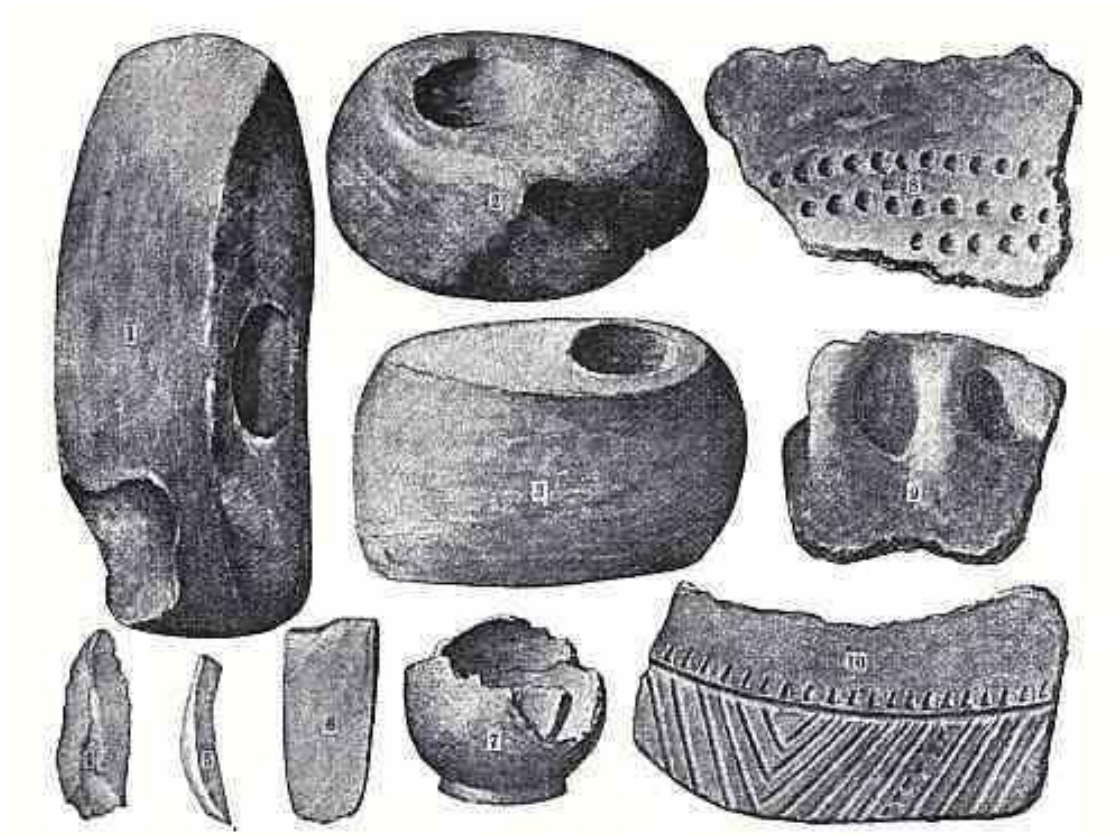

Рис. 41.—Нойзидлерзее и Койтшахерзее (10). Все $\frac{1}{2}$ в натуральную величину.

В 1874 году граф Бела Сечени (В. 283) сделал несколько важных открытий на южной оконечности русла Нойзидлерзее, которые вряд ли можно объяснить какой-либо другой гипотезой, кроме того, что они были промышленными *обломками* обитателей озера. Это большое озеро с солоноватой водой, имеющее около 72 миль в окружности, но настолько мелкое, что в своей самой глубокой части оно достигает глубины всего 10 или 12 футов. На юго-восточной стороне она заканчивается болотом под названием Ханзаг ("плавающий дерн"), более обширным, чем само озеро. По-видимому, он подвержен большим колебаниям в своей протяженности, настолько сильным, что в 1854 году его площадь начала уменьшаться, пока через несколько лет его русло полностью не пересохло. Затем была начата обработка занимаемой им земли, но с тех пор вода вернулась. Именно в 1874 году на земле, отвоеванной у этого озера при таких обстоятельствах, граф Сечени нашел разбросанные по поверхности осколки керамики, каменных кельтов, кремневые орудия и т.д. Проводя систематические исследования этих находок вместе с некоторыми из своих друзей-ученых, он обнаружил, что в двух местах эти реликты встречались в большом изобилии, и что в соответствии с этими продуктивными районами имелся слой черноватой плесени, который становился более четко очерченным из-за густоты растительности. Предполагалось, что это были места обитания, и, соответственно, были предприняты раскопки, чтобы прояснить этот вопрос, но они не выявили ничего нового. Были найдены только те же классы реликвий, что и на поверхности, за исключением нескольких сильно истлевших костей. Никаких свай не наблюдалось, и после рытья на глубину около трех футов вода попала в траншеи и таким образом остановила дальнейшее продвижение в этом направлении. Было исследовано около 100 квадратных ярдов, в ходе которого были собраны следующие реликвии: -31 перфорированный каменный топор или молоток, из которых только два были целыми; 96 простых каменных топоров, из которых около двух третей были хорошо сформованы, остальные более или менее фрагментарны; шесть каменных долот и 14 обработанных камней

или полировальных станков, измельчителей кукурузы и т.д.; сетчатое грузило и две маленькие бусины вместе с несколькими скребками и кремневыми отщепами; и керамика в количестве от 200 до 300 фрагментов, среди которых целыми остались только три вазы. Иллюстрации некоторых из этих реликвий приведены на **рис. 41**, № 1-9.

Костные останки сильно разложились, но среди них были идентифицированы следующие животные, а именно: олень, урус, бык, свинья и лошадь (представлены только двумя зубами).

Кремни были сравнительно редки, но каменные орудия труда различались как по форме, так и по материалу, изготавливаясь из таких материалов, как серпентин, диорит, базальт и сланец.

Керамика, хотя и грубая, по-видимому, частично была изготовлена на круге, но все же имела следы ногтей и другие изогнутые оттиски в качестве украшения. Использовались все виды ручек, от простых отверстий для струн до самой совершенной ручки. Паста была смешана с грубыми материалами.

Отсутствие куч и органических веществ, вероятно, можно объяснить их быстрым разложением при попеременном воздействии воздуха и воды.

Дальнейшие сообщения об этих находках были даны графом Вурмбрандом (В. 259), доктором Мачем (В. 318) и Фон Лушаном (В. 365).

СВАЙНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ВЕНГРИИ.

На правом берегу Тайсса, в нескольких милях от железнодорожной станции Сольнок и недалеко от деревни Тосег, находится искусственный курган под названием "Кучорго, или Лапош-халом", которому со времени заседания Международного конгресса в Буда-Пеше в 1876 году придается большое значение из-за высказанного Пигорини мнения, что он идентичен по структуре курганам террамара в Северной Италии. Курган, хотя в настоящее время значительно подорван рекой Тайсс во время великого наводнения 1876 года, все еще имеет значительную протяженность, его размеры составляют около 360 метров в длину и 100 метров в ширину, а максимальная высота над окружающей равниной достигает 8 метров. Только во время наводнения вода достигает насыпи, ее обычное русло находится примерно в 1½ миль от нее. Когда искусственная природа этого кургана стала известна по участку, обнаженному наводнениями, были проведены некоторые обширные исследования, чтобы определить его археологический характер. Предметы, собранные в ходе этих исследований, были выставлены на Конгрессе как особая находка, и среди них были следующие (Каталог, стр. 85-87):—

1. Перфорированные молотки из оленьего рога, различные заостренные орудия из рога и кости, перфорированные зубы свиней и кость ноги, перфорированная в двух местах, вероятно, конек.
2. Кельты из полированного камня и перфорированные молотки, четыре кремневых отщепа и один из обсидиана, дробилки для зерна и различные другие обработанные камни.
3. Фрагмент бронзовой булавки, бронзовый нож и небольшой слиток бронзы.
4. Керамика, изображающая разнообразную посуду, некоторые с ручками и т.д.; различные предметы из обожженной глины, такие как свисток, пуговицы, ложка, 18 пирамидальных глиняных грузил (перфорированных) и т.д.

5. Значительное количество пищевых отходов, таких как кости, чешуя рыбы, ракушки, обугленная пшеница и т.д.

Когда в Буда-Пеште проходил Международный конгресс, Пигорини, Вирхов и мисс Месторф посетили этот курган и провели некоторые дальнейшие исследования, которые не только подтвердили подозрения Пигорини относительно структуры кургана, но и побудили его выдающихся коллег-исследователей принять основную часть его теории. По возвращении домой они[30] опубликовали отдельные отчеты об этой экскурсии в Тосег и полученных результатах, из которых я должен здесь довольствоваться замечанием, что следующие утверждения являются признанными фактами:—

1. Существование свай и деревянных балок было удовлетворительно доказано, и Пигорини утверждает, что они соответствовали трем различным уровням, точно таким, какие встречаются в курганах террамара.
2. Материалы, содержащие обломки заселения, были отчетливо расслоены, образуя параллельные или волнистые слои общей толщиной 4 метра.
3. Собранные предметы старины представляли все эпохи, включая каменные кельты, бронзовые и железные орудия труда, а также коньки, сделанные из кости ноги лошади.

Впоследствии доктор Ромер дал отчет о раскопках, проведенных в Тосеге перед заседанием Международного конгресса, в статье, озаглавленной "Террамары в Гонконге", наряду с которой он описывает аналогичные отложения в других местах, таких как Надь-Рев, Шелевени, Кемените и Асотт-халом. Что касается последней станции, он отмечает, что прогнившие сваи были замечены в ее самом нижнем слое еще до того, как Пигорини обратил внимание на их важность. Некоторые предметы из Асотт-халома были выставлены на Конгрессе (см. Кат., стр. 44) и включали полированные каменные топоры и молотки, отщепы обсидиана, перфорированные молотки из оленьего рога и т.д. Автор завершает свою статью утверждением, что отложения террамары ни в коем случае не ограничиваются долиной Тисы, поскольку они уже были обнаружены в различных других низменных районах вдоль Дуная, Гарама и т.д. (Б. 316.)

ИССЛЕДОВАНИЯ НА ОЗЕРАХ КАРИНТИЯ И КАРНИОЛА.

В 1864 году профессор Фердинанд В. Хохштеттер представил отчет об исследованиях, проведенных им по просьбе Венской королевской академии наук на озерах Каринтия и Карниола в поисках остатков озерных жилищ. (Б. 98.) Но результаты были, в основном, отрицательного характера, поскольку никаких следов обнаружено не было ни в озерах Мильштеттер, Африцер, Бренн и Вайсен в Каринтии, ни в озерах Вельдезер, Вохайнер и Циркницер в Карниоле. В последнем озере с уверенностью ожидалось, что будут обнаружены останки обитателей озера, поскольку хронист Вальвасор (1689) сообщает, что в этом озере был старый мост, сваи которого он сам видел; но при посещении местности фон Хохштеттером и Дешманом ничего подобного увидеть не удалось.[31]

С другой стороны, фон Хохштеттер полагал, что ему удалось найти следы этих поселений не менее чем в пяти озерах Каринтии, а именно. *Wörther, Keutschacher, Rauschelen, Ossiacher, and Längsee. Кетчахерзее*, однако, является единственным, где обнаружены положительные останки достаточно разнообразного характера, чтобы сделать свидетельства Пфальбаутеновцев более чем проблематичными. Это небольшое озеро, известное также как *Плашишерзее*, которое находится к югу от Вертерзее, содержит около середины неглубокий участок, который легко отличить от берега по зарослям камыша, которые растут над ним.

Площадь обозначенного таким образом пространства невелика, размером всего 20 саженей в длину (Klafter) и 10 саженей в ширину, и оно покрыто водой глубиной не менее 4-6 футов. Здесь были замечены сваи и большие балки, вмурованные в камни и грязь, но настолько прочно, что их невозможно было вытащить. Несмотря на сложность обследования, были собраны некоторые свидетельства пребывания человека. Они, которые впоследствии были дополнены дальнейшим исследованием, проведенным г-ном Уллепичем из Клагенфурта, хранятся в музее этого города; они состоят из кусков полубоженной глины с оттиском плетения и предположительно являются частью стен коттеджа. Есть также один или два фрагмента черной и серой керамики, один из которых украшен орнаментом (рис. 41, № 10); точильный камень; кусок оленьего рога вместе с древесным углем; кучки раковин (*адонта*); орешники и часть деревянной сваи.

Доктор В. Хохштеттер обращает внимание на необычайное количество затопленных пирамид, которые он обнаружил вдоль берегов Вертерзее и Оссиахерзее. На восточном берегу последнего он насчитал не менее 29. Эти пирамиды из камней имеют высоту около 6 футов, диаметр от 15 до 20 футов, а их вершины обычно покрыты слоем воды от 4 до 6 футов. Следует помнить, что подобные пирамиды из камней были замечены на озере Морат.

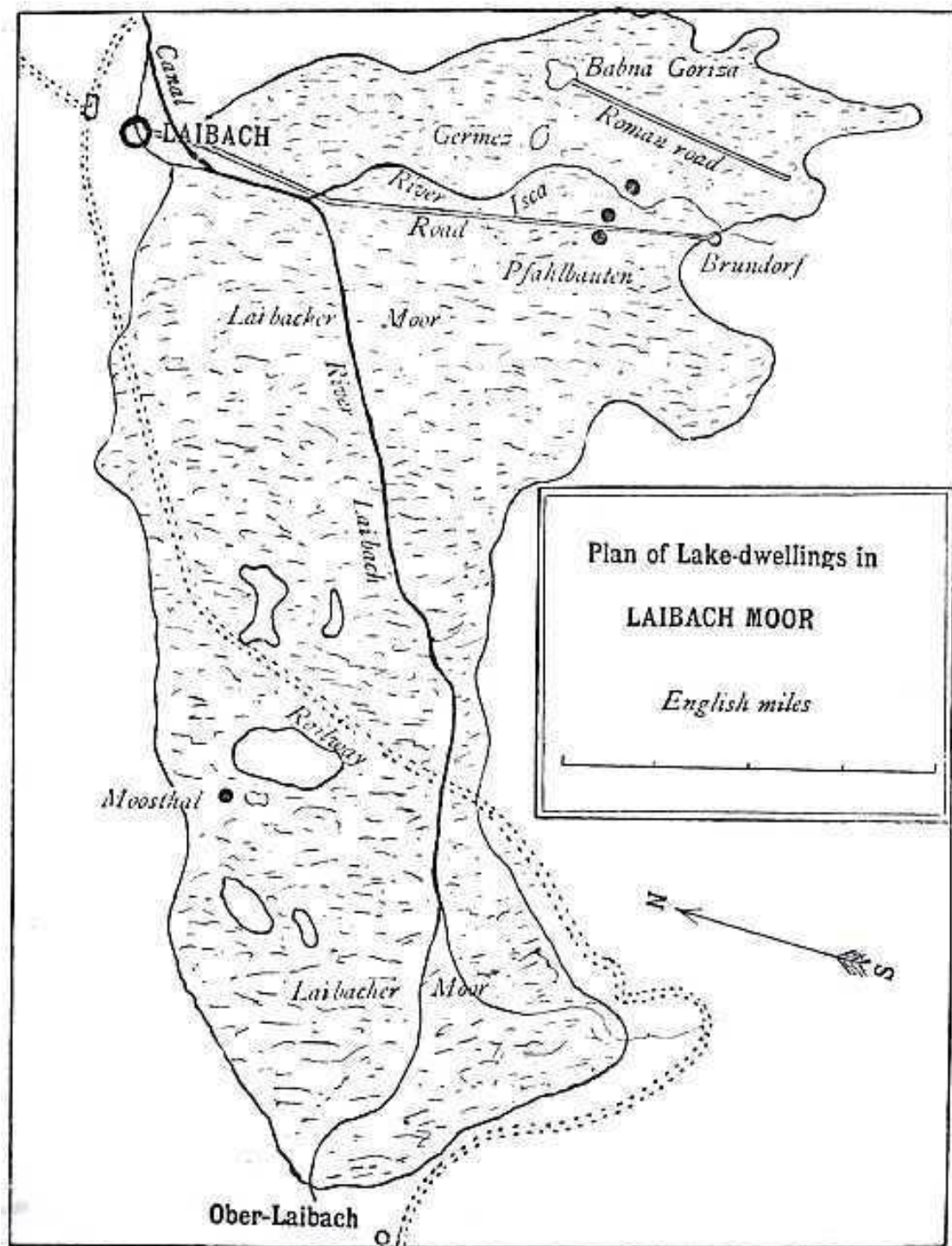
Единственным другим местом, свидетельствовавшим о существовании озерных жилищ, был "Лайбахер Мораст", в котором несколькими годами ранее из торфа были выкопаны пара каноэ и некоторые другие промышленные реликвии, полное значение которых стало очевидным только сейчас. С тех пор обширное болото принесло большое количество обломков этих поселений, к описанию которых я сейчас и перейду.

ПУСТОШЬ ЛАЙБАХ (КАРНИОЛА).

То, что известно как Лайбахская пустошь, представляет собой обширную, но неправильной формы равнину, ныне почти полностью хорошо возделанную, которая простирается на юг от города Лайбах до Обер-Лайбаха, примерно в 12 милях отсюда. До серии дренажных схем, выполнявшихся в разное время в течение последних пятидесяти лет, вся эта равнина представляла собой трясину или торфяное болото, и не может быть никаких сомнений в том, что в доисторические времена это был судоходный водный простор. Он занимает площадь около 85 английских квадратных миль и кое-где перемежается шестью или семью скалистыми возвышенностями, которые, когда местность была под водой, образовывали множество островов. Его также пересекают реки Лайбах, Иска и несколько более мелких ручьев, которые соединяются перед тем, как достичь города Лайбах, и примерно на полпути вверх по течению его пересекает железная дорога, ведущая в Триест. Несколько лет назад вдоль долины реки Иска была проложена новая дорога от Лайбаха до Брундорфа, а в 1875 году в ходе раскопок канавы рядом с ней рабочие обнаружили различные костяные орудия и фрагменты керамики. Мистер Мартин Перуцци, владелец, признавая археологическую ценность этих предметов, сразу же сообщил о находке властям Земельного музея в Лайбахе. Это привело к обширной серии исследований, которые были продолжены в течение следующих двух лет под руководством доктора Карла Дешмана, куратора этого музея. Иллюстрированный отчет о работах первого года был опубликован выдающимся археологом бароном фон Сакеном (В. 290), в то время как работы двух последующих лет нашли способного представителя в лице доктора Дешмана. (В. 302 и 317.)

В ходе работ в течение первого года был обнаружен фундамент свайного сооружения недалеко от дороги на ее западной стороне, где после удаления примерно 3000 квадратных ярдов торфа образовался целый лес свай. Они были расположены неровно, но в среднем их было три или четыре на дюжине квадратных футов. Они были сделаны из осины, тополя, вяза

и пихты, последняя, однако, использовалась редко. Толщина торфа составляла около 6 футов, а под ним находились древние отложения озера, в которое были вбиты сваи, теперь их верхушки просто входили в торфяной слой. Между торфом и озерными отложениями находился тонкий слой органических обломков толщиной 4-5 дюймов, в котором были обнаружены останки обитателей озера. В следующем году от торфа было очищено около 2000 квадратных ярдов, частично в том же месте, а частично по другую сторону дороги. В этом новом месте кучи были расположены более плотно, а залежи торфа были немного толще, но характер реликвий был точно таким же, только большая часть фрагментов керамики была украшена орнаментом.

Осенью 1877 года было обнаружено место третьего свайного жилища, примерно в 300 ярдах от последнего упомянутого, на другой стороне Иски (см. Набросок, стр. 171), в точно таких же

условиях, что и два первых, но из-за нехватки средств раскопки были прекращены до того, как была обследована вся территория. Доктор Дешманн придерживается мнения, что это ни в коем случае не единственные участки болот, где существовали озерные жилища, поскольку признаки их были найдены в нескольких других местах вдоль русла Иски. В подтверждение этого мнения я могу упомянуть, что в 1857 году, до того, как жилища у озера привлекли внимание в этом квартале, в Мустале, в совершенно другой части болот, были найдены некоторые предметы, которые указывают на то, что это было место обитания у озера. Здесь глубина торфа составляла 10 футов, и на этой глубине, прямо над озерным илом, были найдены три перфорированных молотка из оленьего рога, два каноэ и некоторые другие предметы человеческой промышленности, которые, однако, были рассеяны до того, как доктор Дешман узнал об открытии.

Реликвии человеческого труда, собранные в ходе этих систематических исследований, за исключением нескольких экспонатов Венского музея, хранятся в красивом новом музее в Лайбахе, где они представляют собой удивительно полную и интересную демонстрацию культуры и цивилизации жителей озера. Некоторые из них проиллюстрированы на [рис. 42, 43 и 44](#).

Керамика.— Сосудов для домашнего использования чрезвычайно много, они разнообразны по форме и орнаменту. Все они сделаны вручную, и качество пасты, судя по всему, было хорошим — для больших блюд ее смешивали с грубым песком. Вся керамика имеет темноватый вид, но большинство сосудов меньшего размера были намазаны каким-то черным составом. Немало из этих блюд были совершенно цельными, так что можно легко различить их разнообразные формы и применение. Они могут быть классифицированы как банки, вазы, чашки, тарелки, кувшины, чаши, фляжки, ложки и т.д.; и обычные ручки, перфорированные набалдашники, трубчатые отверстия (*ansa canalicularis*), по-видимому, использовались без разбора.

Некоторые блюда меньшего размера имеют четыре или пять шиповидных отростков или рудиментарные ножки, а другие имеют основание, похожее на пьедестал, слегка расширяющееся в нижней точке, на нижней стороне которого часто выгравирована форма широкого креста ([рис. 42](#), № 20). Орнамент, сведенный к его простым элементам, может быть сформулирован следующим образом:—

(1) Прямые или волнистые гребни, иногда с надрезами поперек, идущие вверх или поперек корпуса судна; (2) следы пальцев или ногтей; (3) отметки, сделанные группами пересекающихся надрезанных линий; (4) ромбовидные промежутки, попеременно ровные и выровненные; (5) рисунок из елочных костей; (6) треугольники, кресты, круги, ромбы и другие простые геометрические фигуры, иногда с вписанными фигурами или линиями; (7) оттиски нитей, точек и т.д. Стиль более богато орнаментированных сосудов, хотя и сложный, но художественный, и когда вырезанные линии были заполнены белым материалом, как это предположительно было в случае с некоторыми из них, эти узоры на темном или почерневшем фоне, должно быть, были очень эффектными. Орнаментация не всегда ограничивается внешней стороной сосуда, как видно из [рис. 43](#), № 8. Доктор Дешманн видит поразительное сходство между керамикой Лайбаха, как по изготовлению, так и по орнаменту, с той, что представлена в работах доктора Шлимана о Трое.

Fig. 42.—Laibach. Номера с 19 по 24 = $\frac{1}{4}$, а остальные = $\frac{1}{2}$ реального размера.

Помимо обычной посуды, под эту рубрику подпадает около двухсот или трехсот веретен, одна или две цилиндрические гири, перфорированные конусы ([рис. 43](#), № 5), несколько тиглей превосходной работы ([рис. 45](#), № 14), форма для топорща ([рис. 42](#), № 22) и некоторые другие мелкие предметы, по-видимому, игрушки ([рис. 42](#), № 21). Среди наиболее примечательных и загадочных предметов - более или менее фрагментарные

орнаментированные изображения животных и людей с головами причудливой формы (**рис. 42**, № 11, 23 и 24; и **рис. 195**, № 5-8).

Камень.—Каменные орудия труда, за исключением резинок, молотков и точильных камней, сравнительно редки. Точильные камни широко представлены различными инструментами — от небольшого переносного хона с перфорацией в виде струны до большого полого бруска весом 220 фунтов. Простых каменных топоров и долот насчитывается всего около дюжины хороших примеров, но среди них есть два небольших драгоценных камня — один топорик из нефрита (**рис. 42**, № 12), а другой миниатюрный долото из зеленого камня (№ 9).

Перфорированных топоров-молотков насчитывается около двух десятков (**рис. 43**, № 10); они в основном змеевидные и правильной формы, а расточка выполнена аккуратно. Кремневые предметы, которых насчитывается около четырех дюжин, состоят в основном из аккуратно сформированных наконечников копий; но среди них есть несколько скребков и отщепов, но вряд ли один из них можно назвать наконечником стрелы (**рис. 42**, № 1-5). Почти уникальными являются две конические наковальни, на плоской поверхности одной из которых (№ 18) имеются металлические частицы меди или бронзы. Существует также полированный каменный диск, показывающий начало перфорации около его центра с еще сохранившейся сердцевинной.

Кость и рог.—Характерной чертой поселений Лайбаха является обилие найденных ими орудий труда из кости и рога, которые можно классифицировать следующим образом:—

1. Перфорированные молотковые оси из оленьего рога, числом от 300 до 400, на всех стадиях изготовления. Наиболее типичные формы этих орудий зарисованы на **рис. 44**.

2. Отполированные кинжалы, заостренные наконечники, стамески и т.д. Длиной от 4 до 10 дюймов насчитывают многие сотни. Более мелкие наконечники, шила и булавки изготавливались из осколков кости и шлифовались до тонких заострений. Более тонкие кинжалы неизменно изготавливались из костей ног оленя или другого животного. Похоже, что они были изготовлены путем распиливания кости вдоль и слегка по диагонали, так что из одной кости получились два вида оружия, при этом у каждого было соединение для рукояти. Были найдены одна или две кости, свидетельствующие о незавершенной стадии этой операции. У некоторых из этих кинжалов на конце рукояти были отверстия для подвешивания.

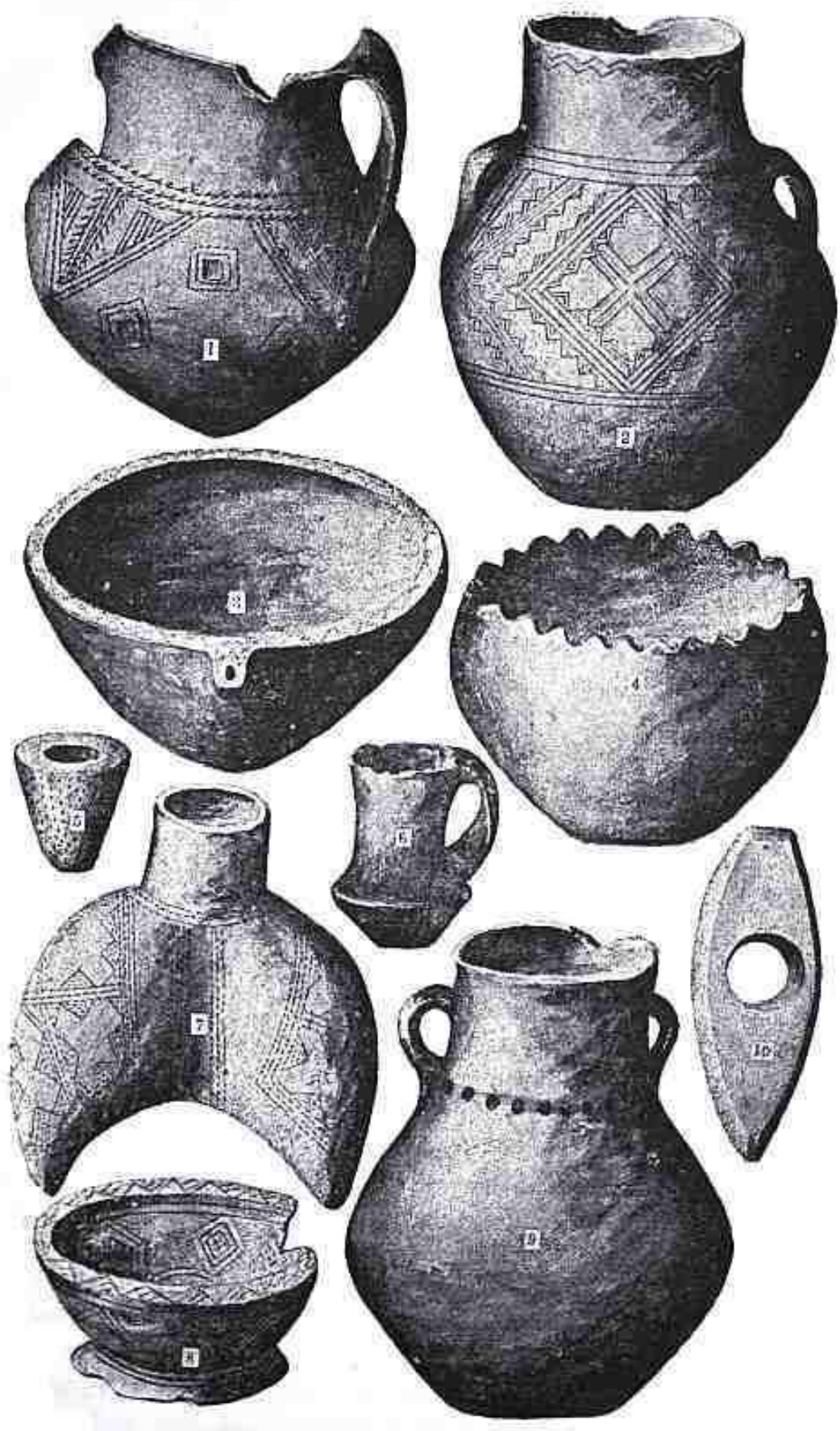

Fig. 43.—Laibach. Все $\frac{1}{3}$ в натуральную величину. В

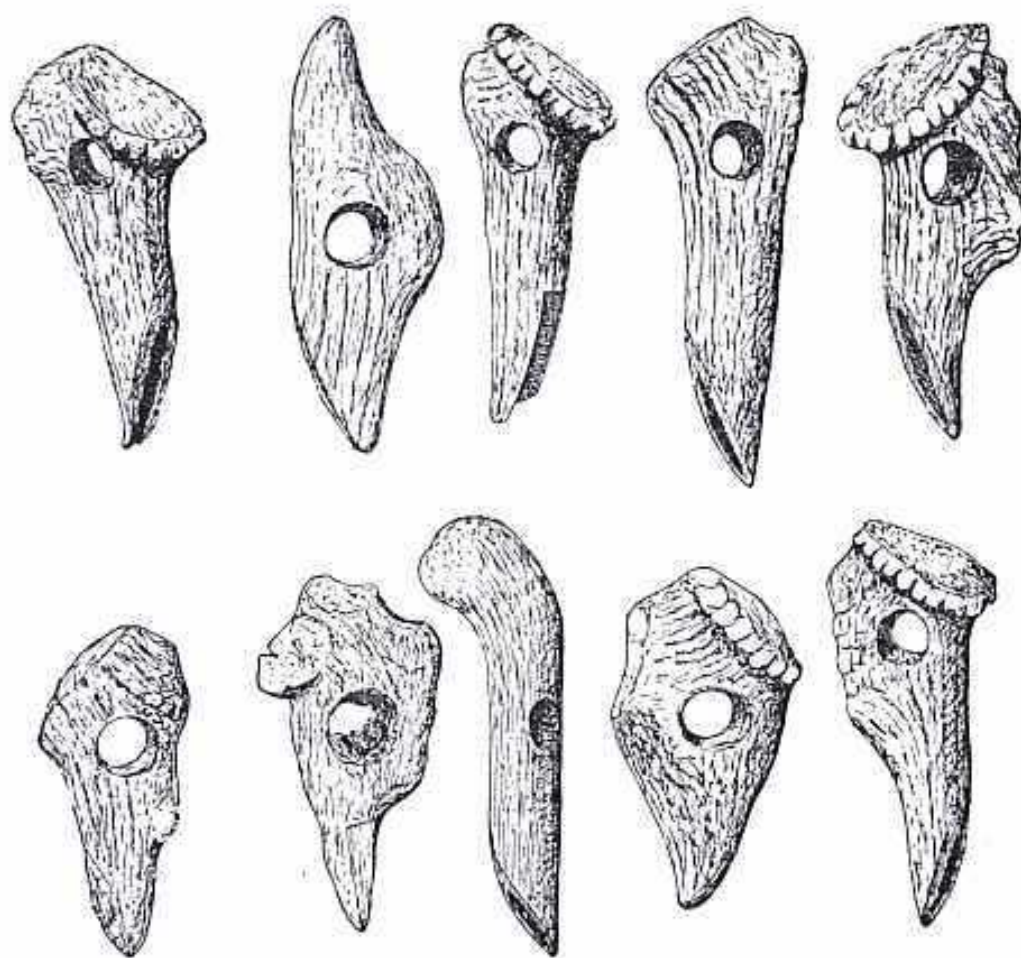

Fig. 44.—Laibach. Все $\frac{1}{4}$ в натуральную величину.

3. Наконечники оленьих рогов были превращены в грубые иглы ([рис. 42](#), № 13) и использовались, вероятно, при изготовлении сетей. Было собрано более десятка таких орудий труда.
4. Предполагается, что несколько тонко отполированных предметов, таких как крючки, использовались в качестве застежек для платья (№ 6 и 16).
5. Другой набор любопытных предметов (№ 7), которых было собрано около десятка, по предположению доктора Дешмана, использовался в качестве искусственной приманки для ловли крупной рыбы, точно так же, как мы в наши дни используем имитацию голяна. Они сделаны из шипов оленьих рогов и различаются по длине от 2 до 5 дюймов.
6. Примерно дюжина очень острых и тонко отполированных игл, сделанных из поверхностной пластинки ребра. Глаз, который находится на одном конце, либо круглый, либо удлиненный (№ 15.)
7. Несколько полых костей (часть дикого лебедя), открытых с обоих концов и различающихся по длине от 5 до 10 дюймов, имеют отметины внутри, как будто оставленные трением бегущих нитей. Предполагается, что они использовались при изготовлении нити и, следовательно, получили название "Zwirndreher".
8. Некоторые плоские части рогов лося и нижней челюсти быка, за вычетом их зубов, использовались в качестве полировальных средств.

Металлические предметы.—(Рис. 45.) Общее количество металлических предметов, находящихся сейчас в музее в Лайбахе и отнесенных к озерным жилищам, составляет 24. Все они либо из бронзы, либо из меди, поскольку до сих пор нигде не встречалось ни следа железа. Ниже приводится их список:—

1. Два бронзовых меча с плоскими рукоятками длиной 21 и 14½ дюйма (№ 3 и 4).
2. Три бронзовых кинжала длиной 11½, 8 и 7½ дюйма (№ 2, 1 и 7). У большего из них есть четыре заклепки для крепления рукояти; у следующего - шесть заклепок, и лезвие красиво украшено; а у третьего - два отверстия для заклепок, расположенных иначе, чем в двух других.
3. Бронзовый кельт с крыльями (№ 5); и один плоский (№ 9), предположительно из меди.
4. Части трех бронзовых штифтов (№№ 12 и 13).
5. Два тонких бронзовых браслета, сильно потертых.
6. Пять необычных предметов из меди, похожих на шила (№ 6 и 8).
7. Семь предметов, таких как кинжалы, наконечники копий или ножи, грубо откованные, также должны быть из чистой меди (№№ 10 и 11).

Крылатый кельт и более крупный из двух мечей не упомянуты ни в одном из отчетов о различных исследованиях, но я уверен, что они являются частью одной и той же находки; и в подтверждение этого я обнаружил, что они включены в фотографию, выпущенную властями музея, предположительно представляющую все металлические предметы из Пфальбаутена.

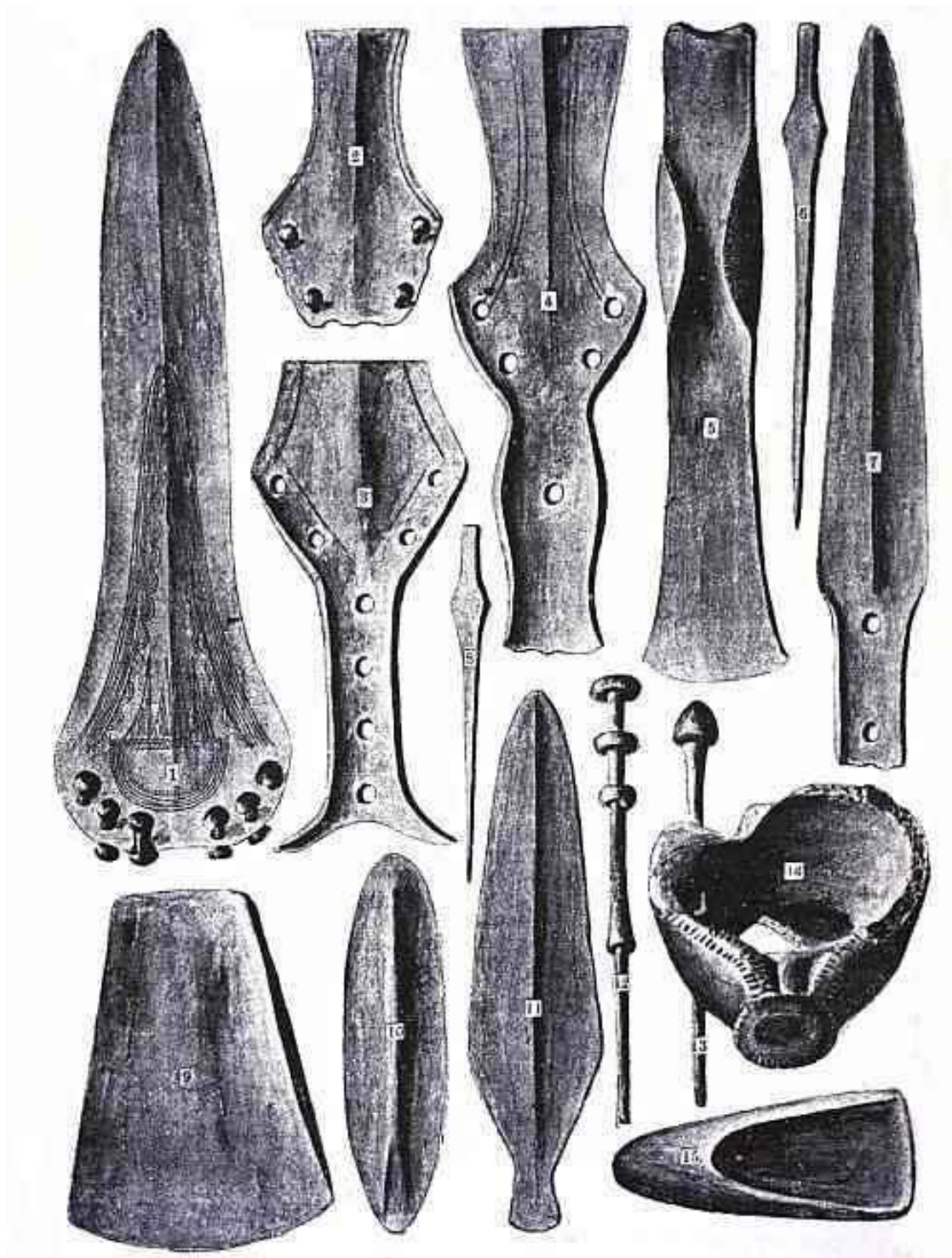

Fig. 45.—Laibach. Номера 14 и 15 = $\frac{1}{4}$, а остальные = $\frac{1}{2}$ реального размера.

Предметы из дерева.—Каное длиной $15\frac{1}{2}$ футов и шириной $2\frac{1}{2}$ фута было заострено с обоих концов. Также игрушечное каное. Фрагменты нескольких блюд, таких как большая тарелка, ложка из тисового дерева и несколько мисок, одна из которых вырезана из большого круглого естественного выступа дерева. Несколько продолговатых камешков, завернутых в бересту. Куски лубяных веревок и несколько мотков очень тонких обугленных льняных ниток.

Две замечательные машины ("Biberfälle") (рис. 46), каждая из которых изготовлена из цельного куска дерева и имеет два подвижных клапана в центре, приводимых в действие выступающими шарнирами, свободно закрепленными в соответствующих отверстиях машины. Эти клапаны могут свободно перемещаться при толчке вверх, но это движение

задерживается чуть ниже перпендикуляра из-за наклонной формы их задних краев, так что, будучи предоставлены сами себе, они всегда опускаются вместе и никогда не откидываются назад. Тот, что представлен здесь, находится в очень совершенном состоянии сохранности; а другой, хотя сейчас и находится во фрагментарном состоянии, ясно показывает, что по своей структуре он был в точности подобен первому. Эти необычные орудия, хотя и найдены на небольшом расстоянии, считаются современными останкам озерных жителей, поскольку они находились в том же археологическом слое и примерно на той же глубине в торфе. Тот, что изображен здесь, сделан из дуба и имеет размеры 32 дюйма в длину, 12 дюймов в ширину и 4 дюйма в глубину. Отверстие, когда клапаны открыты, имеет размеры 9 на 5 дюймов. Самое недавнее мнение относительно использования этих машин состоит в том, что это были капканы на бобров — мнение, которое с большой долей вероятности вытекает из необычайного количества скелетов этого животного, найденных среди пищевых отходов обитателей этого озера.

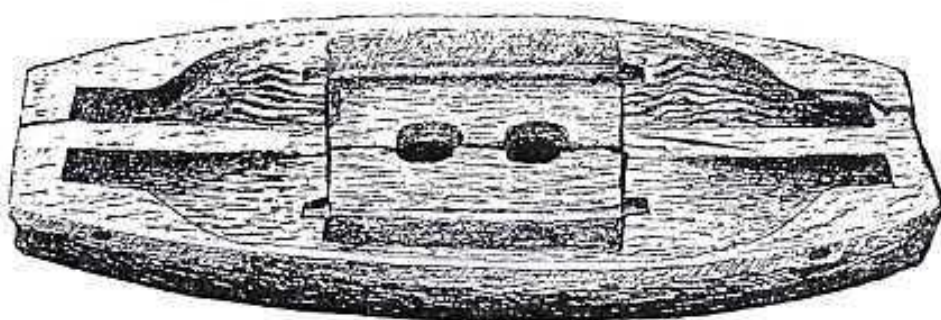

Fig. 46.—Laibach. Деревянная машина, предположительно служащая ловушкой для Бобров.

Такие машины не являются абсолютно новыми для археологии, и то немного, что о них известно, скорее укрепляет приведенное выше мнение относительно их использования. Первое обнаруженное, на которое было обращено внимание в археологических журналах, было описано в 1873 году[32] доктором Хильдебрандтом из Трибзее, Новая Передняя Померания. Он имеет размеры 29½ дюймов в длину и 6 дюймов в ширину на концах и имеет два подвижных клапана в центре. Он был найден в торфяном болоте на глубине 5-6 футов под поверхностью и сейчас хранится в музее в Грайфсвальде. Доктор Хильдебрандт предположил, что это была какая-то ловушка для ловли рыбы.

В ответ на уведомление доктора Хильдебрандта о машине, найденной в Трибзее, профессор Ф. Меркель из Ростка написал, чтобы сообщить,[33] что две похожие машины были найдены в разных частях Северной Германии, которые, по его мнению, были ловушками для выдр, а не для рыбы. Один из них был найден на пустоши Самов, недалеко от Гнойена, на глубине 6-7 футов, и сейчас находится в музее в Ростке.

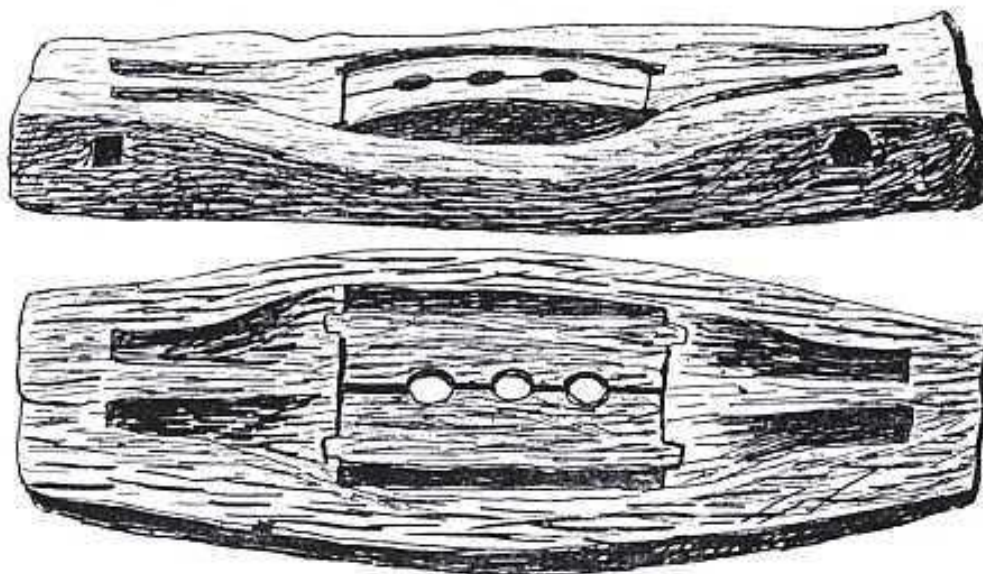

Рис. 47. Деревянная машина длиной 3 фута из Северной Германии.

Он удивительно похож на тот, что производился в Laibach, и отличается только тем, что на 4 дюйма длиннее и имеет три отверстия в клапанах вместо двух (рис. 47). Третья[34] была найдена на болоте в Фридрихсбрухе, недалеко от Флатов, в провинции Западный Пройссен, и отправлена в музей Маркишеса. Никогда в истории не было известно, что такие машины использовались, так что их назначение до сих пор остается предположительным, если только косвенные доказательства, полученные из Pfahlbau в Лайбахе, не подтвердят, что они были "Biberfälle".

Пока корректуры вышеприведенных замечаний были еще у меня в руках, я получил от доктора Луиджи Мешинелли из Геологического музея Королевского университета Неаполя копию его статьи, озаглавленной "Studio Sugli Avanzi Preistorici della Valle di Fontega".[35] Предметы, описанные в этих мемуарах, были найдены в ходе раскопок торфа в небольшой долине, которая впадает в озеро Фимон в окрестностях Виченцы. Среди многочисленных промышленных останков человека, состоящих из фрагментов керамики, различных орудий труда из камня и кремня, бронзового кельта и римской монеты времен императора Адриана, были три любопытных и новых предмета из дерева, по форме напоминающих небольшие каноэ. Одна из этих машин — лучше всего сохранившаяся, хотя и не самая большая — тщательно описана и зарисована доктором Мешинелли, и из его подробного описания не может быть сомнений, что это еще один пример того же устройства, которое, как я только что описал, было найдено в Северной Германии и на пустоши Лайбах.

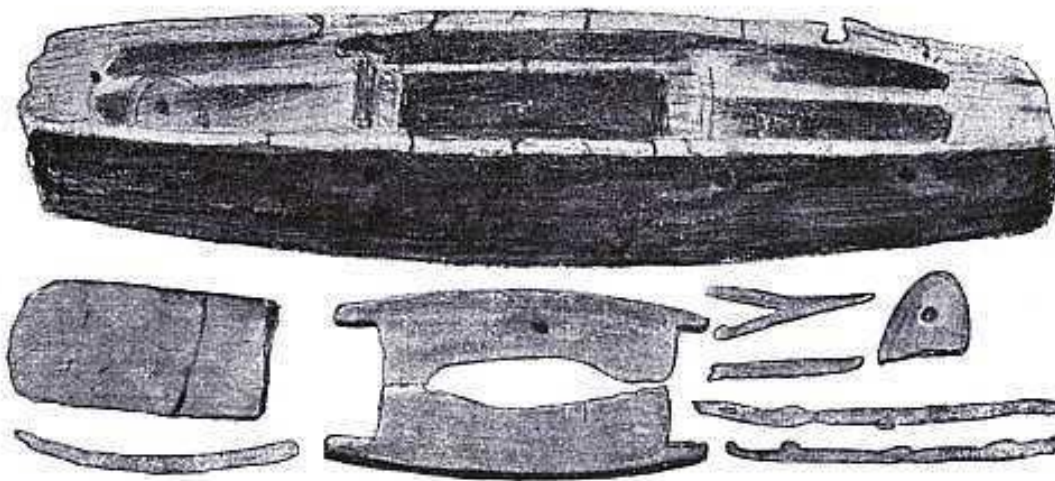

Рис. 47а.— Деревянная машина из Фонтеги, длиной 28 дюймов, с отсоединенными клапанами и несколькими обработанными палочками, найденными вместе с ней.

Корпус итальянской машины был изготовлен из цельного куска дуба и имел размеры 28 дюймов в длину, 6½ дюйма в ширину и 2½ дюйма в толщину (рис. 47а). Отверстие в центре, которое закрывалось двумя клапанами, вращающимися на выступающих шарнирах и опирающимися вдоль их оси на глубокую канавку, вырезанную с каждой стороны машины, имело размеры 6½ дюйма на 3½ дюйма с нижней стороны, так что это был фактический размер отверстия, когда клапаны были открыты. С машиной, как видно из иллюстрации, были связаны несколько обработанных частей палочек, очевидно, обломки какого-то прикрепленного к ней механизма. Похожие палочки были найдены вместе с образцами из Лайбаха. Следует отметить, что размеры итальянской машины немного меньше, чем у ранее описанных машин, но во всех остальных отношениях они идентичны. Два других, найденных в Фонтеге, были, по словам доктора Мешинелли, в точности похожи на тот, который он описывает.

Среди органических остатков из этих торфяных раскопок я не нахожу упоминания о костных останках бобра, и это животное также не включено Лиоем в фауну озерных поселений в Фимоне. Таким образом, пока нет предполагаемых доказательств того, что машины, описанные доктором Мешинелли, были ловушками для бобров. Однако о том, что бобр часто посещал долину По в доисторические времена, у нас есть убедительные доказательства в виде находок его костей в нескольких населенных пунктах, таких как, например, терремары Кастеллаччо (В. 457) и Когоццо (В. 389а).

Озадаченный объяснением этих любопытных машин, которые, к счастью, привлекли внимание доктора Мешинелли, он заканчивает свое описание их следующим образом:

"A che cosa poteva servire questo oggetto? Era forse un modello per costruire poi una piroga di dimensioni maggiori per utilità pratica? Portata a queste dimensioni, serviva essa al trasporto, o meglio quei congegni erano stati inventati a facilitare la pesca? Volle invece l'artefice sbizzarrire il suo genio inventivo nel costruire un trastullo così grazioso? E perchè allora costruirne due di eguali?"

Возможно, будет интересно добавить, что в 1859 году деревянная машина, которая, очевидно, относится к той же категории, что и вышеупомянутая, была найдена в болоте в городке Кулнаман, приход Агадоуи, графство Дерри, Ирландия. Он фигурирует в

Ольстерском археологическом журнале (том vii, стр. 165) как "старинное деревянное орудие труда", которое редактор описывает следующим образом:

"Он был обнаружен вмурованным в твердую насыпь дерна на глубине 4 футов от поверхности, под которой на большую глубину простиралось болото. Рядом с ним не было найдено никаких других предметов. Он полностью изготовлен из дерева и имеет следующие размеры: — Крайняя длина - 3 фута 5 дюймов; ширина по центру - 7½ дюймов; глубина - 2½ дюйма; крышка - 14 дюймов в длину и 3½ дюйма в ширину; нижнее отверстие - 12½ дюймов в длину и 3½ дюйма в ширину. Верхние края, очевидно, были выше со всех сторон, когда были идеальными — вероятно, на уровне крышки или маленькой дверцы — или даже поднимались еще выше, образуя своего рода желоб. Крышка теперь несколько уже, чем отверстие, которое она предназначена закрывать, но, без сомнения, была сделана так, чтобы точно подходить по размеру при использовании. Он перемещается вверх и вниз на шарнире, образованном двумя выступами, которые лежат в соответствующих углублениях, и, по-видимому, открывался и закрывался с помощью ручки, вставленной в отверстие в его центре. Эти петли, без сомнения, удерживались на своем месте какой-то частью дерева над ними, которая сейчас утрачена. С каждого конца крышки на одном уровне с ее верхней поверхностью проходит полый желобок, равномерно спускающийся вниз к концу приспособления и заканчивающийся отверстием, которое перфорирует дно, по-видимому, для слива жидкости. На каждом конце имеются два боковых отверстия, расположенных напротив друг друга, по одному на каждом выступе канавки, по-видимому, для пропускания через них веревки, которая служит ручкой для переноса изделия с места на место. Нижняя сторона инструмента плоская, в центре имеется продолговатое отверстие (нижнее отверстие полости, закрытой крышкой), все четыре края которого скошены.... Кулнаман, давший название таунленду, представляет собой значительный холм, полностью возделанный, но окруженный у своего подножия болотом неизвестной глубины, которое, очевидно, занимает место древнего озера. На склоне холма, где было обнаружено орудие труда, дерн совершенно затвердел и до поверхности образует плотную черную массу".

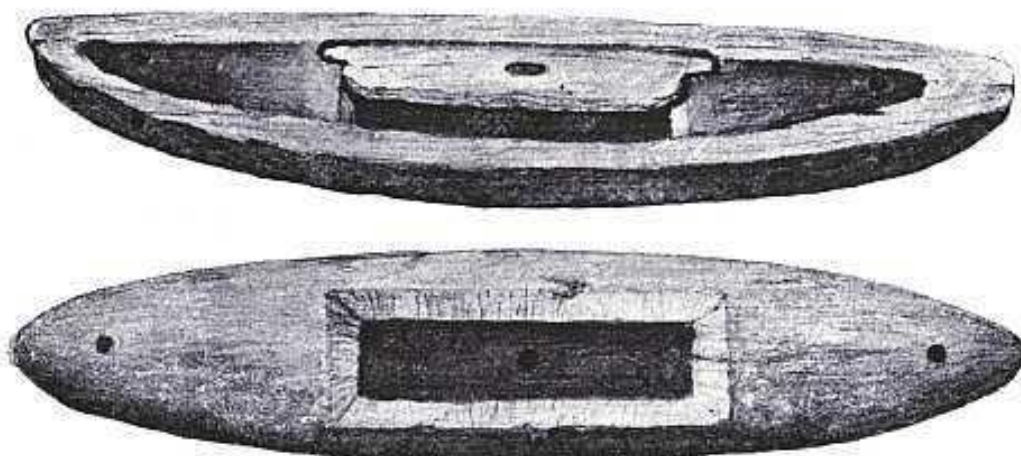

Рис. 47б.—Старинный деревянный инструмент из Ирландии, показаны верхняя и нижняя поверхности. Длина 3 фута 5 дюймов.

При взгляде на [рис. 47б](#), на котором показаны верхняя и нижняя стороны этого приспособления, сразу видно, что оно отличается от континентальных образцов только наличием одного клапана или крышки, закрывающей центральное отверстие, вместо двух. Ни редактор, ни кто-либо из сторон, которые в то время исследовали эту любопытную

машину, никогда раньше не видели ничего подобного, и с тех пор не было предложено никакого рационального объяснения ее использования. Один думал, что это ловушка для рыбы, предназначенная для погружения в реку; другой - что это что-то вроде насоса; третий - что это машина для приготовления торфа; и четвертый, что это пресс для сыра (*Там же.*, стр. 289).

Обнаружение такого количества этих машин неизвестного назначения и столь удивительно похожих по конструкции в таких отдаленных друг от друга районах, как Ирландия, Северная Германия, Штирия и Италия, должно представлять интерес для археологов, и никто не может сказать, что правильное объяснение их использования содержится в каком-либо из предложений, высказанных до сих пор по этому вопросу. Я могу упомянуть один элемент, который может помочь в решении этой проблемы, а именно. все примеры из Италии, Лайбаха и Ирландии были найдены в болотах, которые раньше были озерами. Возможно, это верно в отношении выходцев из Северной Германии, но об этом не говорится в появившихся коротких уведомлениях о них. Если эти машины действительно являются ловушками, их можно использовать только в воде, куда животное может просунуть голову снизу, а среди земноводных только к *выдре* и *бобру* могут применяться все условия, предусмотренные теорией ловушек.[36]

Органические остатки.—В отчете о расследованиях за 1877 год доктор Дешман приводит следующий анализ собранных костных останков, который показывает относительную частоту встречаемости соответствующих животных:—

	Отдельные лица.		Физические лица.
Рогатая разновидность овцы	147	Дикий кабан	28
Олень	131	Медведь	18
Бобров	52	Бизон	17
домашних волов, 48 штук			
	35	Собака	16
Коз	31	Косуля	12
Барсук	31	Волк	от 2 до 3
Болотных свиней	35	Лось	3 - 4

Некоторые из этих костей содержали кристаллы вивианита, напоминающие в этом отношении костные останки, найденные на некоторых шотландских крэнногах, особенно в Лохли. (Б. 373, с. 88.)

The *Bos primigenius* также представлен частью рога длиной 21 дюйм. Наличие орехов лещины с прогрызенными дырочками также указывает на существование каких-то мелких грызунов, вероятно, сони. Одна или две кости (пястная кость оленя и локтевая кость медведя) повсюду покрыты группами странно исчерченных отметин, как будто нанесенных напильником; но с какой целью и была ли это работа человека или какого-то грызуна, остается загадкой.

Здесь также находится значительное количество костей птиц, хребтовых костей рыб, челюстных костей крупных щук, карпов и т. Д. И часть панциря черепахи (*Emis lutaria*).

Из человеческих останков есть два черепа взрослых, за вычетом лицевой части, еще один череп ребенка, нижняя челюсть и несколько костей конечностей.

Несмотря на тщательные поиски, до сих пор не обнаружено никаких следов какого-либо вида кукурузы; но поэтому мы не должны делать вывод, что обитатели озера были несведущи в сельском хозяйстве и обычных злаках, поскольку зерно очень склонно к разложению, если только оно не находится в обугленном состоянии. Однако вполне вероятно, что выращивание зерна не было главной отраслью промышленности колонии, и что мучные косточки, которые были в таком изобилии, должно быть, использовались не только для измельчения зерна, но и для какой-то другой пищи, такой как ядра лесных орехов и водяных каштанов. Водяной каштан (*Trapa natans*), согласно Дешману, в настоящее время в Карниоле не растет; и никогда, со времени самого раннего ботанического исследования страны, проведенного Скополи, он не считался местным растением в *Flora Carniolica*. В прошлом веке монахи цистерцианского ордена в Ситтиче выращивали его в своих прудах. Плиний, однако, отчетливо утверждает, что в древние времена его употребляли в пищу. "Thraces qui ad Strymona habitant foliis tribuli equos saginant, ipsi nucleo vivunt, panem facientes prædulcem, et qui contrahit ventrem." (Н. Nat., xxii. 10-12.)

Среди огромного количества костных останков нет ни одного фрагмента скелета лошади. С другой стороны, подсчитано, что олень представлен не менее чем 500 особями, а бобр - не менее чем 140. Для последнего это колоссальная цифра, учитывая, что среди швейцарских озерных поселений сохранилась самая богатая стоянка бобров, а именно. Муссидорфзее насчитывает всего восемь особей. В настоящее время это животное в стране вымерло, и оно никогда не упоминалось ни в одной из исторических летописей Карниолы.

Третья лекция.

ЖИЛИЩА У ОЗЕРА И СВАЙНЫЕ СООРУЖЕНИЯ В ИТАЛИИ.

20 июля 1860 года М. Г. де Мортилле написал письмо Сигу. Корналия, президент Итальянского общества естественных наук в Милане, [37] в которой, упоминая открытия, сделанные в Швейцарии, он предположил, что аналогичные древности могут быть найдены в озерах Ломбардии. Чтение этого письма привело к дискуссии, которая сразу же выявила одно или два заявления, имеющих археологическое значение. Вице-президент Sig. Антонио Вилья напомнил о том факте, что бронзовый наконечник топора и несколько кремневых наконечников стрел были найдены в торфяном болоте Бозизио на глубине 10 футов, которые были описаны и изображены в миланском журнале, *Il Fotografo*, 2 августа 1856 года.

Президент также упомянул, что у него есть оружие аналогичного характера, которое было найдено вместе с несколькими человеческими костями в торфяниках Бренны. Вскоре после этого знаменитый натуралист Гастальди в статье в *Il Nuovo Cimento* обратил внимание на некоторые древности, которые резчики торфа имели обыкновение находить в "торбьере Меркураго". (Б. 37.) Впоследствии Гастальди посетил эту местность и вместе с профессором Моро из Ароны (который первым осознал важность рассматриваемых объектов) провел дальнейшие исследования торфа в Меркураго, результатом которых стало то, что не осталось сомнений в том, что здесь они имели дело с остатками настоящего палафитта, аналогичного свайным жилищам в швейцарских озерах. В течение следующих двух лет отчет Гастальди был значительно дополнен новыми находками в Меркураго. (Б. 43 и 52.)

Примерно в то же время, когда были сделаны эти открытия в Меркураго, о существовании палафитта на озере Гарда стало известно по находкам в разное время бронзовых орудий труда и оружия в гавани Пескьеры; но больше ничего определенного не происходило до лета 1863 года, когда профессора Дезор и Де Мортилле посетили Ломбардию в поисках озерных жилищ. К этим выдающимся археологам присоединился профессор Стоппани, и

непосредственным результатом их исследований стало открытие нескольких поселений на озере Варезе и в других местах. (Б. 67.) С тех пор число озерных стоянок к югу от Альп значительно увеличилось, и сейчас едва ли найдется хоть одно из небольших озер и заводей Северной Италии, где не было бы большего или меньшего количества останков такого характера.

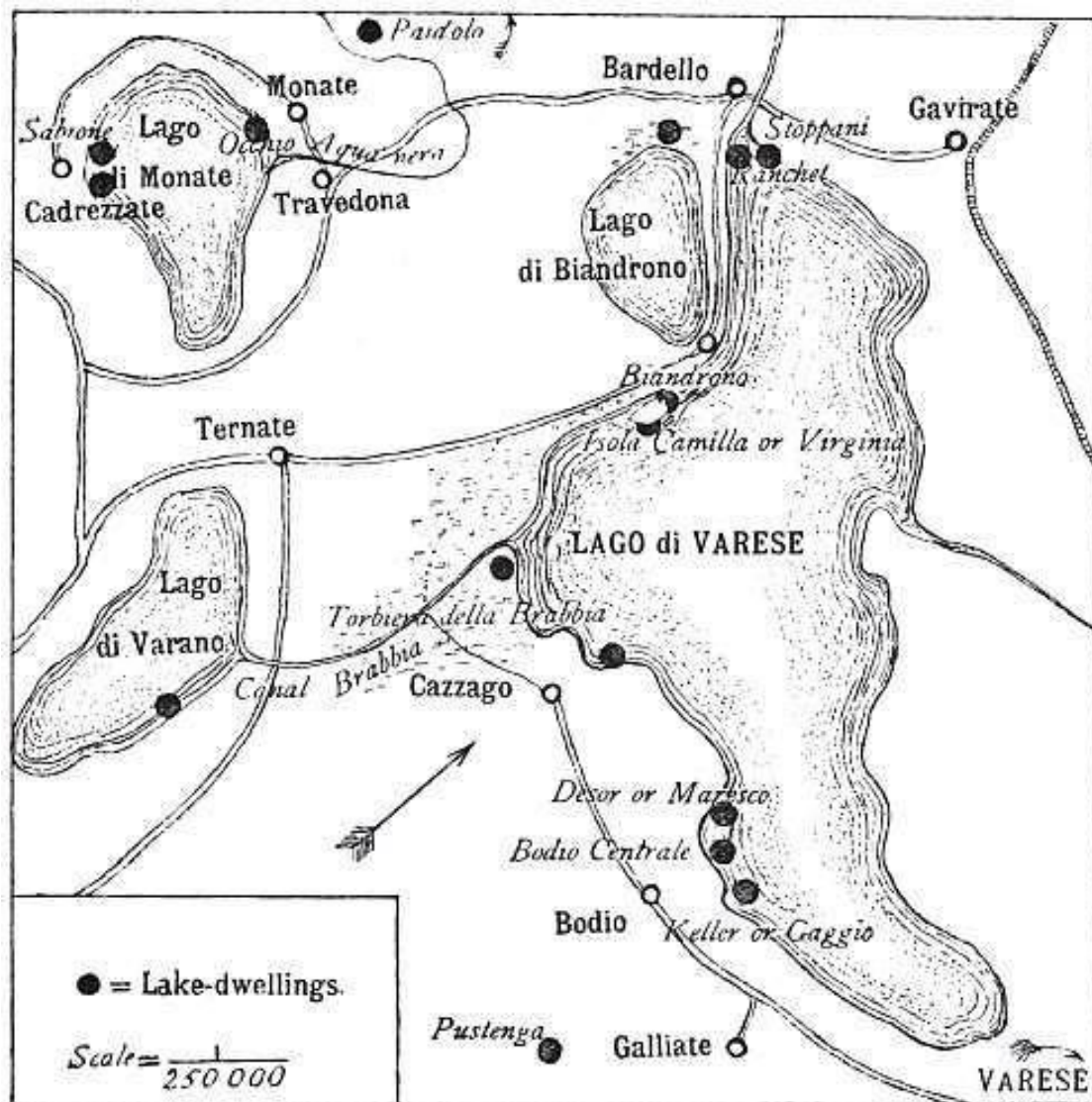
В дополнение к этим обычным озерным жилищам, построенным либо в воде, либо в торфе, в долине По есть другие древние остатки, известные как "Терремары", которые, как теперь показано, настолько близки к первым, что их можно назвать наземными палафиттами. Они встречаются только в восточной части долины, и поскольку некоторые из их реликвий, как и реликвии соседних палафиттес, обладают некоторыми характеристиками, которых нет в западной Ломбардии, я придерживаюсь этого различия как удобного принципа классификации озерных и торфяных жилищ на западную и восточную группы, оставляя "терремаре" для отдельного рассмотрения. Соответственно, мы начнем с озера Варезе, поселения которого, по-видимому, были самыми важными и центральными в западной группе.

ОЗЕРО ВАРЕЗЕ.

Озеро Варезе имеет неправильную форму, около 5 с половиной миль в длину и менее половины в ширину. Он занимает несколько неглубокую котловину, его наибольшая глубина составляет 85 футов, и, хотя с севера он ограничен высокими холмами, его берега обычно плоские или пологие. Его поверхность находится на высоте 770 футов над уровнем моря и на 134 фута над уровнем озера Маджоре, к которому излишки воды несет Барделло, ручей, впадающий в северную оконечность озера. Местность вокруг богатая и хорошо возделанная, за исключением южной стороны, где озеро граничит с обширным торфяным болотом под названием "торбьера делла Браббия". Когда Стоппани и его прославленные друзья вместе с опытным рыбаком Дезора Бенцем начали свои исследования озер в Ломбардии, они выбрали озеро Варезе для начала из-за пригодности его берегов для подобных сооружений. В первый же день (21 апреля 1863 г.) их труды были вознаграждены открытием двух поселений — одного на юго-восточной стороне маленького острова, который тогда назывался Изолино, или Изола Камилла, а теперь I. Вирджиния,^[38] а другое напротив деревни Бодио.

Профессор Стоппани продолжил свои исследования после отъезда своих друзей и сделал дальнейшие открытия не только в озере Варезе, но и в некоторых других озерах Ломбардии. В ноябре того же года капитан Анджело Анджелуччи из Турина был привлечен к месту этих открытий на озере Варезе и с тех пор принимал активное участие в исследовании его палафиттов. (Б. 63.) Я также не должен упускать из виду упоминание ранчо Абате в списке первых исследователей. В том же году он открыл не только новую станцию на южной стороне выхода, но и, в следующем году, еще две в прилегающем озере Монате. (Б. 85.) В конце первого года исследований мы узнаем из отчетов Стоппани и Анджелуччи, что на озере Варезе было обнаружено не менее шести станций, все они расположены на его юго-западном берегу. В 1868 году, когда доктор Камилло Маринони опубликовал отчет "Об истории озер и гли аванси уманской промышленности в Ломбардии" (В. 159), их число увеличилось до семи. Хотя с тех пор их число не пополнялось, их расследованию уделялось много внимания, особенно в последние годы. На эскизной карте озера Варезе (стр. 189) показаны названия и соответствующее расположение этих населенных пунктов, которые я сейчас кратко опишу.

Изола Вирджиния. — Это небольшой остров яйцевидной формы, лежащий вдоль западного берега, от которого он удален примерно на 80 ярдов. Его длина составляет 240 ярдов, максимальная ширина - 100 ярдов, и, помимо нескольких прекрасных деревьев, на нем находится двухэтажный дом, верхний из которых превращен в археологический музей, а чуть поодаль расположено кафе для удобства многочисленных посетителей, часто посещающих этот район. Его площадь составляет почти 3 акра, а его самая высокая точка всего на 8 футов выше среднего уровня озера.

Сваи были обнаружены в озере на юго-восточной стороне острова, на участке, простирающемся вдоль его края примерно на 100 ярдов и примерно вдвое меньшем расстоянии в ширину. Два года назад, когда я посетил эту местность, головки свай были хорошо видны сквозь воду, они лишь слегка выступали над песчаным дном. В некоторых случаях их было трудно отличить от камней, но тычок веслом или длинной палкой сразу определял, что это такое. Профессор Стоппани в своем первом отчете (В. 67) описывает это как штейнберг, но идея о том, что весь остров искусственный — идея, впервые предложенная Десором, который нашел аналогичные экземпляры в Розен-Инселе, озере Штарнберг, на маленьком острове в Инквиле и в ирландских Крэнногах, — приобрела силу после обнаружения похожих обрубков свай на его северо-западной стороне. Хотя местные антиквары — Ранчет, Регаццони, Квалья, Кастельфранко и другие - время от времени

посещали эти озерные станции и проводили значительные исследования, в результате чего пополнили свои частные коллекции, только в 1878 году были проведены какие-либо систематические исследования с целью проверки предположения Десора о том, что остров представляет собой гигантский кранног. Впервые это было предпринято англичанином, мистером У. К. Фостером из Лондона, который случайно проживал по соседству. В проведении необходимых раскопок ему помогали Ранчет и Регаццони, оба опытные исследователи озерных древностей. В разных частях острова были вырыты пять траншей общей площадью около 80 квадратных ярдов, и во всех них были обнаружены груды, фрагменты керамики (один из которых имел вид плетеной из тростника) и различные другие реликвии человеческой промышленности. На участках, представленных этими траншеями, последовательно были пройдены следующие слои:—

1. Приподнимите почву примерно на	14 дюймов.
2. Форма для овощей темного цвета	10 дюймов
3. Песок и гравий	21 "
4. Песок и земля с большим количеством органических <i>обломков</i>	16 "
5. Песок и грязь (первоначальный озерный осадок).	

Наиболее примечательными предметами, собранными в ходе этих операций, были следующие: — В первом слое - римская монета Марка Аврелия и часть формы для наконечника копья ([рис. 48](#), № 19). Во втором - два фрагмента бронзы. В третьем - два отполированных каменных кельта с частью трети и две глиняные гирьки. В четвертом - кремневая пила с деревянной ручкой, два костяных штыря и несколько точильных камней.

Сваи, очевидно, находились в своем естественном положении, и вывод о том, что весь остров был населен сваями, был неопровержим; но вопросы, когда и какими средствами была осуществлена трансформация, оставались такими же неясными, как и раньше. Главным образом с целью прояснения этого вопроса, Sig. Этторе Понти в сентябре следующего года дал указания провести дальнейшие раскопки в разных частях острова. По этому случаю было вырыто 12 траншей площадью около 230 квадратных ярдов со средней глубиной 3-4 фута.

Расслоение и состав материала были очень похожи на те, что были обнаружены при прежних раскопках. На этом участке было подсчитано 440 свай, и Регаццони подсчитал, что при таком соотношении первоначальное количество свай, необходимое для строительства всей озерной деревни, составило бы от 35 000 до 40 000. Среди *обломков также были обнаружены несколько горизонтальных балок*. Среди реликвий заслуживают внимания следующие: — Наконечник из оленьего рога с кремневым орудием, вставленным в его конец (№ 3); небольшая глиняная гирька в форме груши; несколько предметов из обработанной кости, таких как иглы (№ № 7-9), указки, стамески (№ № 25), ручки и т.д. Нож (№ 5) и бронзовый кинжал (№ 6), а также две продолговатые бусины из цветного стекла с поперечными бороздками были найдены в слое непосредственно под поверхностью почвы.

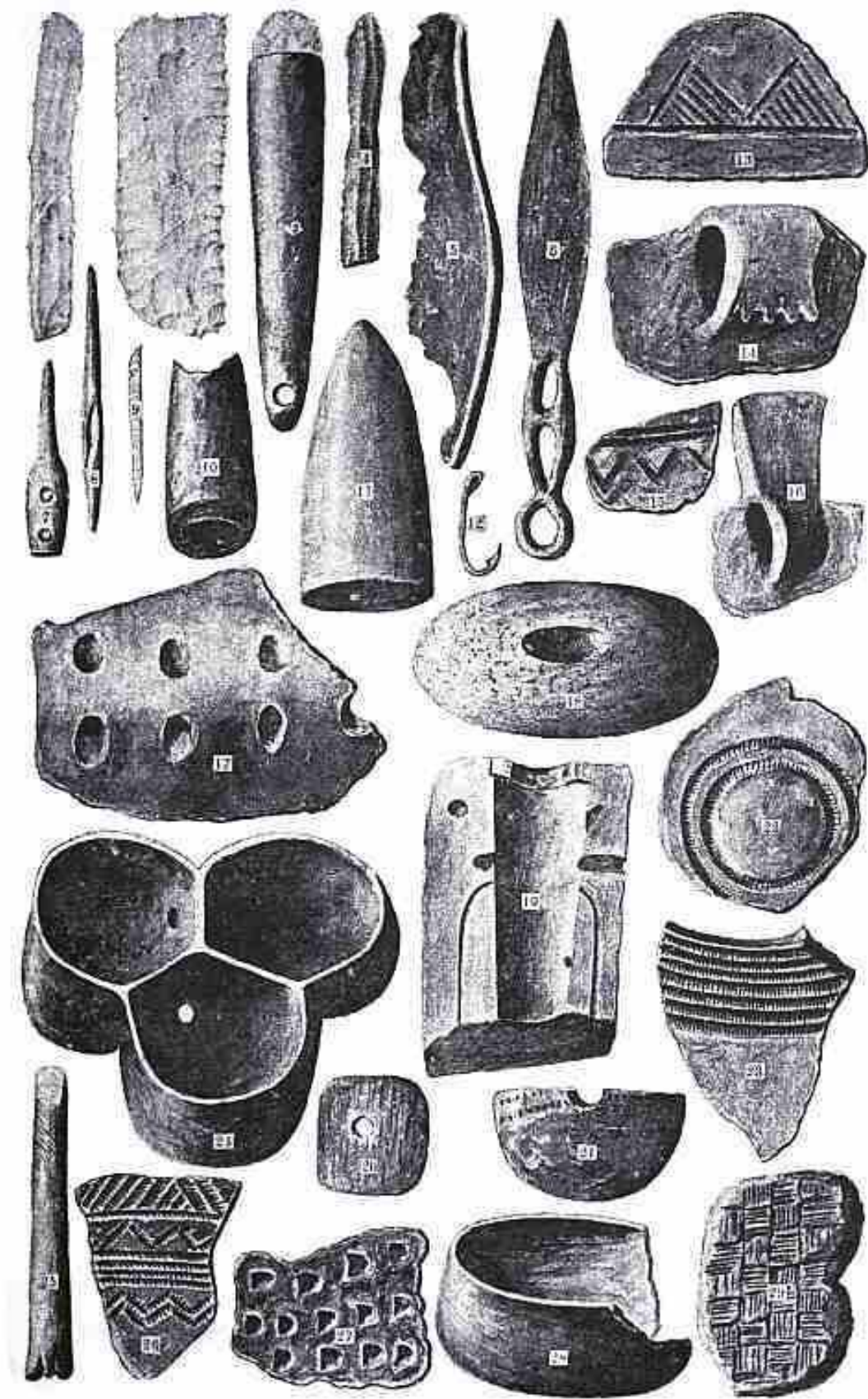

Рис. 48—Изола Вирджиния. № 25 = $\frac{1}{4}$, а остальные = $\frac{1}{2}$ в натуральную величину.

Как правило, верхушки свай в этих траншеях находились на уровне поверхности воды, в то время как верхушки свай в озере были на несколько футов ниже — более или менее, в

зависимости от глубины воды. Причиной этого, без сомнения, была защита, предоставленная первым за счет накопления *обломков* вокруг них. Было замечено, что только в самом верхнем слое были найдены римские монеты, но вместе с ними были предметы как каменного, так и бронзового веков — сопоставление, которое может быть объяснено сельскохозяйственными и другими операциями, которым остров подвергался в исторические времена. Четвертый, или тот, что лежал непосредственно над древними озерными отложениями, был единственным, отложившимся исключительно под водой, поскольку он содержал несколько целых тарелок, а связанные с ним *обломки* были обычным содержимым озерных реликтовых пластов, а именно. скорлупа лесных орехов, желуди, обугленные кусочки дерева, кости различных животных (среди прочих череп огромного дикого кабана), а также орудия труда из кости, рога и кремня, керамика и т.д. Второй и третий слои были составлены почти из тех же материалов, что и четвертый, но они, по-видимому, представляли собой содержимое искусственно насыпанного ранее слоя реликвий, поскольку содержали части деревянных балок, которые не имели определенного назначения, но лежали в почве во всех направлениях.

Реликвии человечества, собранные на острове Вирджиния в ходе этих различных раскопок, настолько многочисленны, что одна из двух комнат, выделенных Sig. Понти как археологический музей озерных остатков озера Варезе полностью посвящен их экспонированию и сохранению, где они были тщательно и аккуратно расставлены под умелым руководством профессора Регаццони.

Керамика.— Как и на других озерных станциях на этом озере, здесь есть два вида керамики— одна черная, сделанная из тонкой пасты, из которой изготовлено большинство мелких сосудов; другая сероватого цвета, но иногда имеет красноватый оттенок и содержит смесь мелкого гравия или крупного песка, что придает ей грубый вид. Фрагменты и целые блюда в музее Понти определенно свидетельствуют о значительном мастерстве в керамическом искусстве. Помимо перфорированных набалдашников и трубчатых отверстий для вставки шнуров (№ 17), существуют ручки различных форм, как в № 14 и 16, последняя из которых интересна, поскольку предполагает начальную стадию *ansa lunata*, которая является столь характерной чертой керамики восточной части долины По.

Также заслуживает внимания разнообразие орнамента — выступающие точки, следы от гвоздей, перфорированные ободки, линии, рифленые канавки и отметины от шнура, образующие разнообразные комбинации (№ № 13, 15, 22, 23, 26, и 27). На одном фрагменте изображен отпечаток плетеной тростниковой работы (№ 29). Другое блюдо, целиком приготовленное из тонкой черной пасты, по-своему любопытно; оно состоит из трех чашек, соединенных и сообщающихся друг с другом небольшим отверстием в разделительных перегородках (№ 24). Грубая керамика указывает на сосуды больших размеров. Есть также гири для ткацкого станка, веретена (№ 21), несколько конических предметов, проткнутых вертикально (№ 10), и слепки плетеных изделий, предположительно являющиеся остатками стен коттеджа.

Кость и рог.— Многочисленные предметы этого класса, такие как полированные кинжалы, заостренные наконечники, стамески (№ 25), иглы (№ 7-9); также несколько перфорированных зубов.

Камень.— Кельтов и долот довольно много, и среди них одно или два из нефрита. Хотя я заметил только один фрагмент перфорированного наконечника топора, искусство сверления камня было известно и умело практиковалось, поскольку есть несколько веретен и других орудий с аккуратными отверстиями (№ 18). Есть также молотки (на некоторых есть следы

пальцев), измельчители кукурузы и полировальные машины. Среди последних - большие плоские полировальные плиты и несколько ручных полировальных станков, выполненных в виде каменных кельтов (№ 11), которые характерны для Северной Италии, если не для жителей озера Варезе, которые я видел только у одного другого в этом районе, а именно. во Вьадане.

Среди кремневых предметов - ножи, скребки, пилы, наконечники стрел, стамески (как на [рис. 68](#), № 8, 14 и 15), стержни и большое количество отщепов (№ 1-3). Для изготовления мелких режущих орудий кремнь был не единственным материалом, используемым этими озерными жителями, поскольку здесь есть 36 мелких чешуек обсидиана (№ 4) и несколько наконечников для стрел из горного хрусталя.

Бронза.—Бронзовых предметов в музее, включая фрагменты, всего 15, и они представляют собой ножи, рыболовные крючки и т.д. (№ 5, 6 и 12).

Янтарь.—Есть также кусочек янтаря, который, по-видимому, был украшением.

Предполагается, что небольшие квадратные или продолговатые куски дерева с перфорацией (№ 20) служили поплавками для сетей.

Органические остатки, собранные в четвертом слое, который считался настоящим реликтовым слоем палафитте, были переданы профессору Сорделли, который среди других семян и фруктов распознал следующие: -Просо (*Panicum miliaceum*), пшеницу (*Tritum. вульгарный*), ежевика (*R. fruticosus*) и виноградная лоза (*Vitis vinifera*).

Среди обнаруженных костей животных были кости медведя, волка, барсука, бобра, дикого кабана, оленя, косули и др. Также были представлены обычные домашние животные, и в дополнение к ним я должен упомянуть части двух человеческих челюстей, которые были найдены на несколько дюймов ниже вершин куч. (Б. 324, 326, 341, 343а, 359 и 437.)

Профессор Кастельфранко (В. 456), тщательно изучивший феномены, представленные этими повторяющимися раскопками, формулирует следующую теорию относительно последовательности событий, которые привели, так сказать, к эволюции острова Вирджиния:

(1) Первоначальный палафитт был уничтожен пожаром в конце бронзового века или в начале железного.

(2) Его жители были охотниками, рыбаками, разводили домашних животных и земледельцами.

(3) Вскоре после разрушения свайной деревни последующие оккупанты превратили большую часть ее территории, которая уже, по крайней мере частично, вышла на поверхность из-за постепенного накопления *обломков*, в настоящий остров, насыпав на него хлам, выкопанный с окраины и особенно со стороны суши, где сейчас находится канал, отделяющий остров от материка. Таким образом, верхние слои содержат *обломки* древних людей, смешанные с песком, гравием и илом. Эта точка зрения становится вероятной благодаря тому факту, что в одном месте, к северу от острова, второй слой был вытеснен искусственно созданным слоем крупной гальки.

(4) Новоприбывшими, которым Кастельфранко приписывает превращение палафитте в остров, были лигурийцы, чьи "культуры возрождения" столь многочисленны по соседству.

Бодио.— В бухте напротив этой деревни находятся остатки трех станций, самая южная из которых известна как "Келлер" или "Дель Гаджио", следующая как "Бодио Централье" или "Делле Монете", а третья как "Десор" или "Дель Мореско". Все они расположены сравнительно недалеко от берега, всего в 30 ярдах, а центральный примерно на равном расстоянии — около 800 ярдов — от двух других. (Б. 327, с. 47.) Центральный вокзал, по-видимому, был настоящим штайнбергом, поскольку его территория была покрыта камнями; по поводу чего Стоппани отмечает, что раньше их было больше, потому что в недавнее время некоторые, как известно, были демонтированы для строительных целей. Сначала на Келлере было найдено больше бронзовых предметов, а на Дезоре — больше керамики, в то время как Центральный район отличался обнаружением клада римских монет. Последующие исследования не подтвердили этих ранних различий, основанных на характере их реликвий, и сейчас общепризнано, что они принадлежат к одной эпохе.

Монеты, найденные в Центре, были в основном мелкими серебряными монетами, сильно разложившимися, относящимися к последнему полувеку существования Республики. Стоппани собрал около 70, а Анджелуччи, который исследовал вскоре после него, не менее 128. Один из них, найденный Регаццони в 1876 году (Б. 327, с. 52), имеет на нем, наряду с головой Марка Антония, следующую надпись:—M. ANT. IMP. AUG. III. VIR. R.P.C. M. BARBAT. Q.P. и др., что позволяет датировать клад примерно 40 годом до н.э. Предполагается, что он был утерян или отложен здесь задолго до того, как обитатели озера перестали быть обитаемыми — предположение, подтверждаемое тем фактом, что монеты были сосредоточены в одном ограниченном месте, всего в пару квадратных ярдов. В 1876-7 гг. Понти проводил исследования Дезора, которые значительно обогатили его музей как каменными, так и бронзовыми предметами. (Б. 327.) Подборка объектов с этих станций приведена на [рис. 49](#).

Каззаго-Браббия. — Эта станция расположена напротив одноименной деревни, и поначалу она давала такие плохие результаты, что Стоппани назвал ее пробной станцией или попыткой основать поселение. В результате исследований, проведенных в 1877 году, было обнаружено, что он богат останками и в точности похож на те, что были найдены в Бодио. Однако он находился дальше от берега и тянулся параллельно ему примерно на 150 ярдов. Его ширина была несколько неправильной, и, судя по расположению свай, это, по-видимому, были две станции четырехугольной формы, почти соприкасавшиеся друг с другом. Среди бронзовых предметов, собранных на этой станции, четыре наконечника копий, долото, шило, 10 рыболовных крючков, четыре заколки для волос, малоберцовая кость и т.д. (Б. 456.) Есть также несколько тонких кремневых наконечников для стрел.

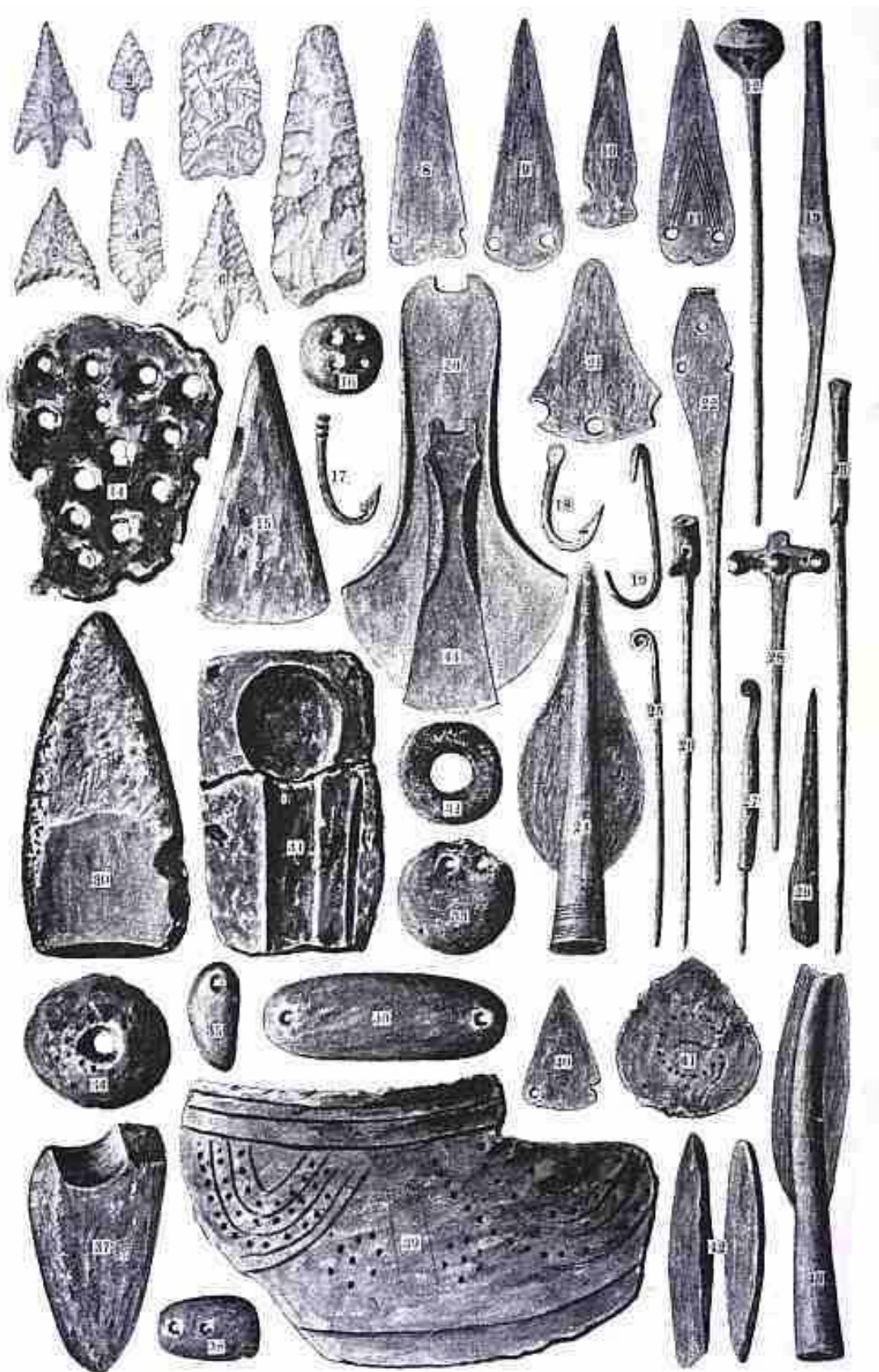

Рис. 49.—Бодио, Казаго и Барделло. Номера 24, 31, 39, 43 и 44 = $\frac{1}{4}$, а остальные = $\frac{1}{2}$ реального размера.

Барделло.—Недалеко от устья реки находятся две станции, одна на левом, а другая на правом берегу. Первое, названное Ранчо в честь его первооткрывателя, представляет собой

небольшое поселение примерно в 200 ярдах от устья реки и в 6 или 7 от берега. Его размеры составляют около 60 ярдов в длину и 50 в ширину. Здесь было найдено большое количество костей домашних животных, а также несколько кремневых и костяных наконечников для стрел, веретенообразных завитушек и различных фрагментов керамики. Ранчет также зафиксировал небольшой бронзовый наконечник копья, часть вазы с прилипшим к ней каким-то черным веществом (предположительно, остатками пищи) и кусочки другой вазы с тонкой черной пастой. Станция на северном берегу, названная Регаццони в честь профессора Стоппани, находится примерно в 100 ярдах от устья Барделло, в направлении Гавирате. Он имеет форму параллелограмма размером 65 на 45 ярдов и, как и на предыдущей станции, сваи расположены параллельными рядами. Среди его реликвий: Кости быка, козы, оленя и свиньи; кремневые наконечники стрел, скребки и т.д. Обычного вида; некоторые костяные орудия труда. Двух бронзовых значков и крылатого кельта достаточно, чтобы показать, что станция была похожа на другие на озере Варезе (№ 23 и 44).

Маринони (В. 159) упоминает другую станцию напротив Гавирате, но ни Регаццони, ни Ранчет не смогли найти никаких ее следов. (В. 327, с. 66.)

Торбьера ди Бьяндрона.—Озеро Бьяндрона, которое раньше занимало большую площадь, чем в настоящее время, имеет на своей северо-западной стороне обширное торфяное болото, в котором доктор Б. Квалья обнаружил останки настоящего палафитте, лежащие под слоем мха толщиной около 6 футов. Станция находится примерно в 200 ярдах от озера и имеет четырехугольную форму, по всей ее площади разбросаны массивные сваи. Она примечательна тем, что поставляла предметы, которые можно считать характерными для всех периодов — от самого раннего века полированного камня до того, когда изготавливались ножи, копья, крюки и железные шпоры. (Б. 327, с. 89.) Другими предметами, обнаруженными на этой станции, являются полированные каменные топоры; наконечники стрел и копий из желтого и темного кремня; фрагменты керамики, некоторые из которых были сделаны из тонкой пасты с помощью гончарного круга и имели чрезвычайно изящные формы (Б. 423, с. 86); два рыболовных крючка из кости и два весла, которые сейчас находятся в музее в Варезе. Здесь были найдены четыре любопытных предмета, похожих на один из Торбьера-ди-Казаго-Браббия (рис. 50, № 18). (Б. 327, с. 87.) Эти реликвии были широко рассеяны, некоторые из них попали в музеи Павии, Милана, Варезе и Комо. Железная шпора работы Регаццони находится в музее Комо.

Торбьера делла Браббия.—Около сорока лет назад крестьяне начали рубить торф на обширном турбарии, раскинувшейся по обе стороны канала Браббия, и есть записи о том, что время от времени находили предметы старины, которым, однако, уделялось мало внимания. Еще в 1856 году Анджело Квалья обратил внимание на обработанные балки в торфе, а с 1863 года, когда к таким объектам стали больше интересоваться, в одном или двух местах были обнаружены другие кучи. Самая важная из этих станций находится недалеко от устья Браббии, на ее восточном берегу. Здесь за последние несколько лет было найдено много интересных реликвий. В то время как обычных кремневых и каменных предметов (№ 2-8) в изобилии, к списку необходимо добавить несколько других, более необычного характера. Особого внимания заслуживают несколько фибул необычной формы (№ № 9-15), одна из которых железная (№ № 12); и любопытный предмет, сделанный из бронзовых колец (№ 18), предположительно являющийся эполетой, также с этой станции. Другими бронзовыми предметами являются несколько заколок для волос (№ 22-28), декоративная подвеска (№ 17), крылатый кельт (№ 21) и кольцо (№ 19). Есть также один плоский кельт из меди (№ 20). Среди каменных кельтов и долот некоторые из них в настоящее время признаны нефритовыми. (Б. 423, с. 80.) № 33 представляет собой топорик из хлормеланита. Квалья

изображает любопытный плоский камень, похожий на колесо, с широкой круглой перфорацией и острым краем по внешнему краю. Были также терракотовые веретена (№ 29) и некоторое количество керамики (№ 34 и 35); также две маленькие подвески из янтаря. Из оленьего рога сделаны два великолепных гарпуна, один из которых здесь изображен (№ 32). Предполагается, что квадратные куски дерева с центральными отверстиями (№ 36) использовались в качестве поплавков для рыболовных сетей. Среди костных останков есть череп оленя с прикрепленной частью рогов.

Рис. 50.—Торбьера Казаго-Браббия (кроме № 1). № 18 и 35 = $\frac{1}{3}$, 32 = $\frac{1}{4}$, а все остальные = $\frac{1}{2}$ реального размера.

Пустыньга. Между Галлиате и Дуврио, и не очень далеко от южного берега озера Варезе, на равнине, называемой "Пустенга", существует водохранилище площадью около 17 акров, которое раньше было небольшим озером и в котором Г. Квалья (Б. 423, с. 90) обнаружил останки палафитта. Среди предметов, обнаруженных на этой станции, - два наконечника стрел, кремневый нож и пила, шесть каменных кельтов и большая челюсть быка. Из каменных топориков четыре сделаны из серпентина, один из жадеита (?) и один из хлормеланита. Последнее изображено Квальей. (Б. 423, Стр. iv. 45.)

LAKE MONATE.

В апреле 1863 года Стоппани, Дезор и Де Мортилле безуспешно обыскали это озеро и, следовательно, пришли к выводу, что оно непригодно для жилья у озера ("non potesse offrire spiaggia opportuna per le palafitte"). Несмотря на это мнение, ранчо Абате с помощью двух местных рыбаков вскоре после этого удалось обнаружить места расположения двух поселений на восточном берегу озера, недалеко от деревни Кадреццате. (Б. 159.) Станции находились в воде глубиной от 6 до 9 футов и примерно в 200 ярдах друг от друга, а их места были отмечены большими насыпями камней ("enormi cumuli di grossi ciottoli"). В изобилии были найдены фрагменты керамики, которые по качеству пасты и форме соответствовали керамическим изделиям палафиттес на озере Варезе. В одном блюде также было немного чего-то черного, что, как предполагалось, было остатками какой-то каши. Пила, два наконечника стрел и несколько осколков кремня и кусочков древесного угля были единственными предметами, помимо керамики, которые удалось собрать.

Мало что было сделано для изучения этих станций до 1875 года, когда братья Борги, владельцы озера, заинтересовались его затопленными древностями и предложили провести дальнейшие исследования. Опытному археологу Кастельфранко они доверили проведение этих исследований, и именно его отчету я обязан следующими фактами. (Б. 321.)

Сабионе.—Самая северная и самая большая из двух станций в Кадреццате находится примерно в 60 ярдах от берега и занимает четырехугольное пространство около 100 ярдов в длину и чуть больше половины этого пространства в ширину. Эта территория была покрыта каменистыми насыпями с интервалами от двух до четырех ярдов между ними, и по этой причине было трудно управлять волокушей. Сваи были найдены в промежутках между этими штейнбергами, а также на них самих; но Кастельфранко считает, что первые были дорогами между хижинами, которые были построены на сваях, опирающихся на камни.

Собранные реликвии были похожи на реликвии из Варезе, основными объектами которых являются следующие:—

Бронзовый топорик (*coltello-ascia*) длиной 5 дюймов и шириной 1-2 дюйма.

Керамика, включая фрагменты с ручками различной формы.

Часто встречались блюда с черной корочкой ("сравнение остатков нежной поленты в фондаль-пиноло до ла коттуры"). Часть этого вещества была передана профессору Сорделли для анализа, и он считает, обнаружив в нем половинки желудей, что это была своего рода каша, приготовленная из этого фрукта. На поверхности одного тонкого веретенообразного завитка диаметром 2 дюйма было несколько проколотых точек, предназначенных для украшения. Один кремневый наконечник для стрелы и каменный топорик, переделанный в полировальный станок, подобный уже описанному в Варезе. Были также скорлупки лесных орехов и ядра кизила.

Поццоло.—Эта станция была похожа на предыдущую в том, что касается каменистых насыпей, но только вдвое меньше. Главными реликвиями от него были:—

Бронза. Наконечник копья или кинжал треугольной формы длиной 3/4 дюйма и шириной в дюйм у основания, где имелись два отверстия для заклепок; заколка для волос длиной 3½ дюйма с кольцевой головкой; также рыболовный крючок.

Камень.— Несколько щепок, наконечники стрел и зубило из темного кремня; молоток и полировщик в форме топорика.

Керамика.—Фрагменты грубой и тонкой работы. Уже замеченные вазы с "sostanza terrosa". Была найдена одна косточка, а в одном месте было большое количество вишневых косточек.

Осchio.— "Stazione dell'Oschio" находится недалеко от Монате и представляет собой груды камней в воде глубиной от 10 до 14 футов; но, несмотря на трудность поиска на такой глубине, были собраны следующие промышленные остатки: — Осколки кремня, древесный уголь, фрагменты керамики, скорлупки лесных орехов и бронзовый крючок - достаточно, чтобы показать, что он принадлежал к тому же периоду, что и другие.

ОЗЕРА ВАРАНО, ТЕРНАТЕ Или КОМАББИО.

Предыдущая неудача первых исследователей, а впоследствии и опытного рыбака, известного как "Ло Спарисс", в поисках палафиттеса на озере Варано не помешала Кастельфранко попытаться счастья и на этом озере. В июле 1878 года с помощью двух рыбаков, опытных в исследованиях обитателей озера, он совершил экскурсию по озеру (около 5 миль в окружности) и обнаружил следы не менее восьми стоянок в разных местах, в основном на восточном берегу. Но объекты, хотя и достаточно характерные, чтобы показать их происхождение, слишком малочисленны и неважны, чтобы требовать какого-либо детального рассмотрения.

Профессор Кастельфранко приходит к выводу, что в озерах Монате и Варано палафитты являются ровесниками таковых в озере Варезе. Однако его поражает полное отсутствие костей у них обоих — факт, который кажется ему необъяснимым. (Б. 321.)

TORBIERA DI MOMBELLO

Между деревнями Момбелло и Серро, на восточном берегу озера Маджоре и в нескольких милях к югу от Лавено, находился небольшой турбазар, в котором доктор Карло Тинелли обнаружил останки палафитте. Добыча торфа велась с 1844 года, но только 20 лет спустя были обнаружены останки палафитта. За дальнейшим ходом вырубки торфа внимательно наблюдали Тинелли и священник Джузеппе Делла Кьеза в интересах археологии. Некоторые из куч были извлечены, и, как говорили, на них были обнаружены следы обработки каменными орудиями.

Здесь собраны реликвии: —Кремневые предметы в значительном количестве, среди которых были две пилы, наконечник копья и красивый нож-отщеп (рис. 50, № 1), ныне находящиеся в музее в Варезе; - фрагменты грубо обработанной посуды без ручек и украшений. Три каноэ, грубо сделанные и похожие на те, что были сделаны в Меркураго, были найдены на глубине 8 футов. Одно из каноэ длиной 7 футов было подарено музею в Варезе. Наряду с этими предметами были кости оленя, козы и косули. (Б. 171.)

TORBIERA DI VALCUVIA.

В 1870 году профессор Леопольди Магги описал останки палафитте, найденные в "ун бачино торбосо" между Санта-Мария-ди-Кювельо и Кавоной. (Б. 187.) Эта впадина лежит среди ледниковых обломков и раньше была небольшим озером, но в наше время она полностью заполнилась торфом. На поверхности был слой растительной почвы толщиной 10 дюймов, затем губчатый торф на глубину 3 фута, а затем слой более твердого торфа толщиной около 1 фута 8 дюймов. Под этими слоями находился черноватый илистый налет, простиравшийся на неизвестную глубину, в который были вставлены сваи. Эти сваи были от 5 до 10 футов в длину и от 8 до 10 дюймов в диаметре. Они были плотно посажены, и вместе с ними было несколько горизонтально лежащих балок. Реликвии состояли из керамики, бронзовых и железных ножей, древесного угля и т.д., Все это было разбросано.

TORBIERA DI BRENNO.

Еще одним населенным пунктом, в котором обнаружены интересные останки "стационари палустри", является "торбьера ди Бренноусерия", расположенная вдоль дороги из Варезе в Порто-Церецио, на озере Лугано. Здесь несколько лет назад торфорезы выкопали каноэ, и с ним было связано большое количество бронзового и железного оружия, браслетов, фибул (рис. 51, № 14), костей домашних животных и человека, но никаких кремневых предметов. (Б. 327, с. 92.)

ОЗЕРО ЛЕККО.

Еще в 1860 году Десор думал, что обнаружил признаки палафитте в озере Маджоре,^[39] но впоследствии это было опровергнуто, и до настоящего времени в этом озере не было найдено никаких остатков этих древних жилищ. Объяснение их отсутствия в более крупных озерах Италии следует искать в физических условиях этих ледниковых и изрезанных скалами бассейнов, которые из-за глубины воды и их быстро обрывающихся берегов не позволяют удерживать сваи.

Стоппани в своей первой исследовательской поездке обратил внимание на озеро Лекко как, по его мнению, подходящее место, и, обнаружив группу свай на полпути между мостами Лекко и Мальграте, тянущуюся к западному берегу, он пришел к выводу, что это "*una bella palafitta a cui nulla mancherebbe per ritrarre perfettamente quelle della età del bronzo*".

Единственным сходством этого предполагаемого палафита с сооружениями бронзового века был тот факт, что верхушки свай выступали на 1-2 фута над озерным илом, поскольку никаких реликвий какого-либо рода обнаружено не было. Дальнейшие исследования не подтвердили подлинность этого палафита, и Регаццони намекает, что сваи, замеченные Стоппани, могли быть работой современных рыбаков, которые привыкли вставлять колья для крепления своих сетей и которые между собой известны под названием *serrade* или *gueglie*. (Б. 67 и 327, с. 70.)

ОЗЕРО АННОНЕ.

В узком проливе, соединяющем небольшие озерные бассейны Сале и Анноне, Стоппани обнаружил несколько куч, выступающих из кучи камней на глубине 6-7 футов, которые он принял за признаки палафитта. В 1877 году Кастельфранко (В. 307) повторно обследовал местность и пришел к выводу, что затопленные сваи и камни, замеченные Стоппани, были всего лишь остатками моста, который в какой-то прежний период соединял полуостров Изелла с южным берегом; и поэтому вопрос до сих пор остается открытым.

ОЗЕРО ПУСИАНО.

Однако более удовлетворительные открытия были сделаны Стоппани во время его предварительной экскурсии по озеру Пузиано, где на северной оконечности острова Чипресси он обнаружил свайное жилище. Подлинность этой станции была подтверждена как Кастельфранко, так и Регаццони, которые впоследствии провели некоторые исследования в этой местности. Промышленные остатки ограничивались несколькими предметами из кремня - пилами, скребками, отщепами и наконечниками стрел, частью терракотового завитка и несколькими костями и зубами животных. В 1877 году Регаццони обнаружил на другом конце острова Чипресси груды камней, погребенные под грудой камней. (Б. 327, с. 72.)

TORBIERA DI BOSISIO.

К востоку от озера Пузиано находится торбьера ди Бозизио, которая рано привлекла внимание археологов благодаря обнаружению в ней на глубине 10 футов красивого бронзового наконечника топора (**рис. 51**, № 10). С тех пор в этом торфе время от времени находили множество реликвий, но они были широко рассеяны, и поскольку месторождение сейчас почти исчерпано, больше никаких находок искать не приходится. Сиг. Г. Б. Вилла,^[40] в своих описаниях этого торфяного болота говорит об наконечниках стрел, обгоревшем дереве, кусочках соломы, стволах деревьев и т.д. Среди других вещей, которые были отправлены в разные музеи, - бронзовая ложка (№ 11) (вероятно, гораздо более позднего происхождения, чем другие предметы), несколько красивых наконечников для стрел (№ 1-7) и кремневый наконечник копья. Железный крюк современной формы был найден на глубине 3 футов. (Б. 327, с. 97.)

TORBIERA DI CAPRIANO.

В 1869 году доктор Маринони описал турбазу на Каприано, недалеко от Ренате (В. 169), в которой на глубине около 7 футов были найдены несколько замечательных предметов из бронзы. Подобные предметы преобладают среди реликвий швейцарских озерных жилищ, и, судя по тому, что мы знаем о раннем железном веке в Италии, они, по-видимому, относятся к этому периоду. Находка включала в себя заколку для волос (**рис. 51**, № 13), малоберцовую кость (№ 18), три браслета (№ 15 и 16), подвеску (№ 17) и спиральное кольцо (№ 19), все из которых воспроизведены здесь по работе Маринони. (*Там же, Мет.*, том vi. Pl. 1.)

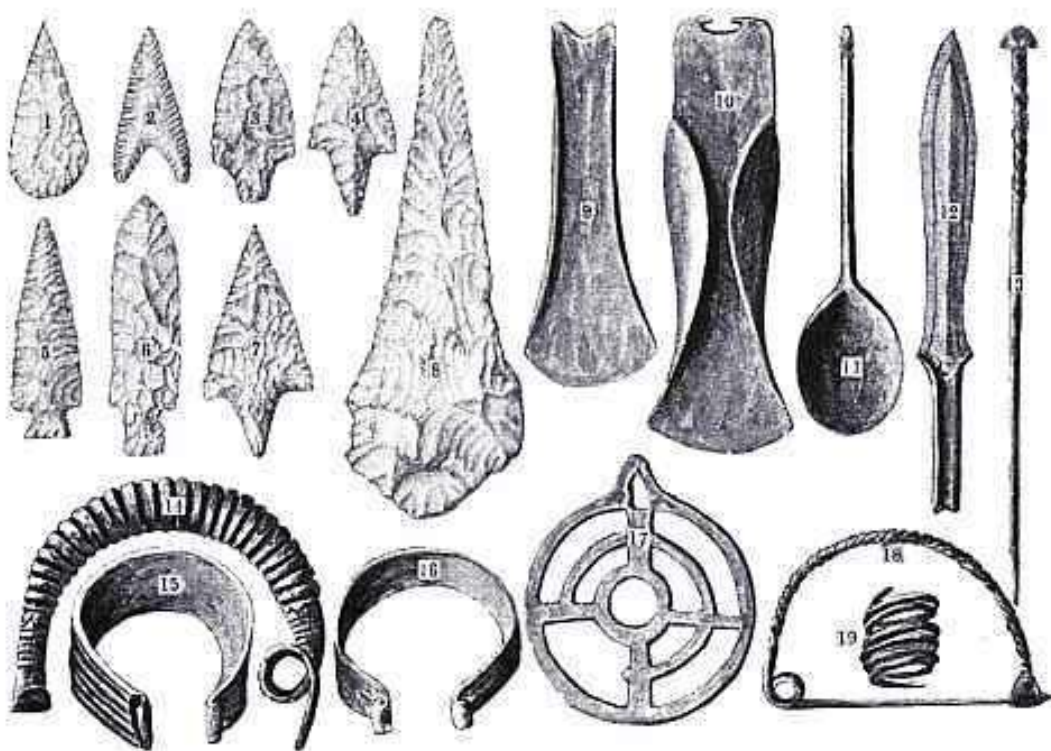

Рис. 51.—Бозизио (1-7, 10 и 11), Каприано (13 и 15-19), Бренноно (14) и Кашина (9 и 12).
Номера с 9 по 12 = $\frac{1}{4}$, а остальные = $\frac{1}{2}$ реального размера.

TORBIERA DI MAGGIOLINO.

Сиг. Г. Б. Вилья в своей "Заметке сулле Торбе делла Брианца" (В. 90) описывает другую местность недалеко от Бозизио, на территории Рогено, под названием Маджолино, в которой были найдены груды, кости, фрагменты керамики, кремневые ножи, наконечники стрел и т.д. - очевидно, обычные *обломки* палафитта. (См. также В. 327, стр. 97.)

TORBIERA DI MERCURAGO.

С тех пор, как Гастальди опубликовал свой первый отчет об открытии профессором Моро палафиттеса в болоте Меркураго, появилось много дополнительных объектов из этой местности, некоторые из которых были замечены и описаны Гастальди в его многочисленных статьях о древностях Ломбардии. В настоящее время запасы торфа исчерпаны, но из этих заметок, а также осмотра реликвий, все еще хранящихся в Туринском музее, мы можем составить относительно правильное представление об этом первом обнаруженном озерном жителе в Италии. (Б. 43, 52, 91, 168 и 294.)

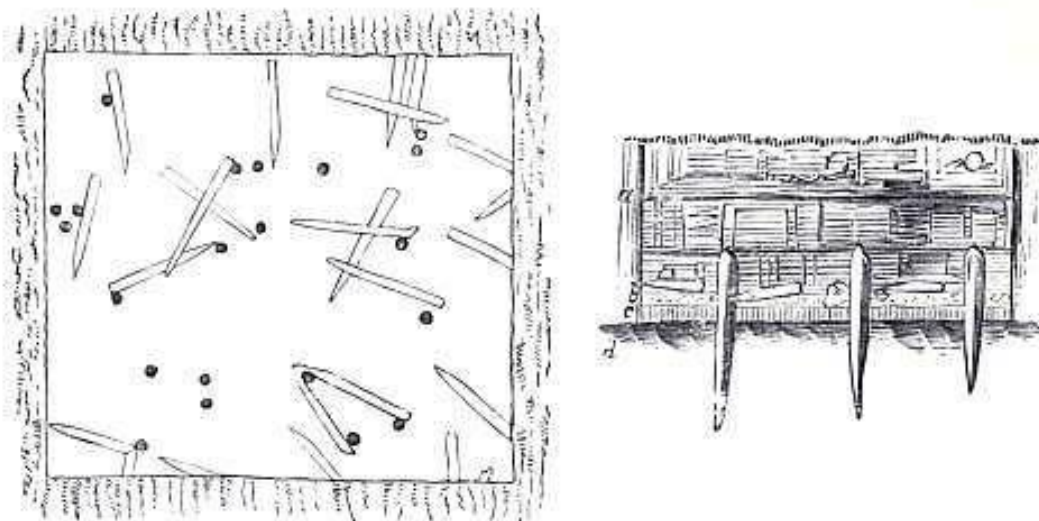

Рис. 52.—План и сечение участка Торбьера-ди-Меркураго, показывающие распределение свай.

Рис. 53.—Крышка глиняного сосуда ($\frac{1}{3}$).

Торфяной бассейн Меркураго имеет продолговатую форму, а древности и груды камней находились в ограниченном месте на его северной оконечности, примерно в 130 футах от берега. Здесь на пространстве площадью 30 квадратных футов, расчищенном для антикварных целей, было насчитано 22 сваи, скрепленные поперечными бревнами ([рис. 52](#)). Поверхностный слой торфа был толщиной около 6 футов, и верхушки куч доходили до половины высоты, в то время как их нижние концы уходили на 3-4 фута в озерный ил внизу. Между этим илом и лежащим сверху торфом была подстилка из папоротника, а непосредственно над ней лежали три глиняных блюда в хорошей сохранности, одно из которых, по-видимому, было крышкой для другого блюда ([рис. 53](#)), вместе с большим количеством осколков других, бронзовой булавкой ([рис. 60](#), № 6), скребком 4½ дюйма длиной (№ 7), несколькими наконечниками стрел ([рис. 54](#)) и целой россыпью кремневых отщепов, скорлупой лесных орехов и камнями того же цвета. кизил вишневый и др.

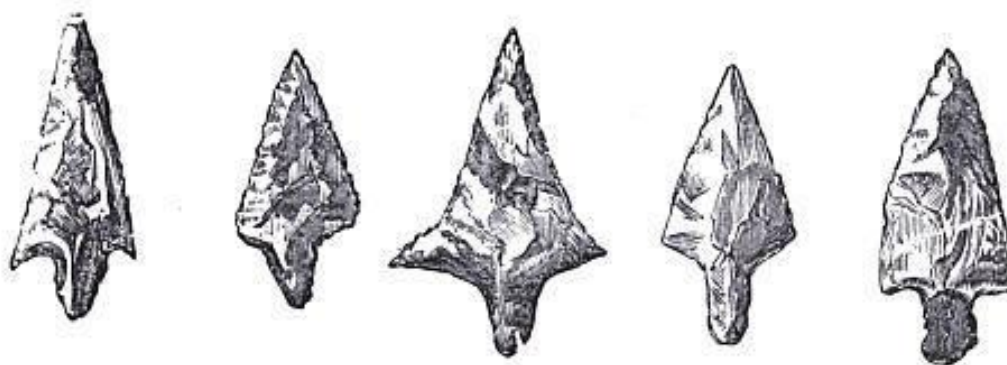

Рис. 54.—Кремневые наконечники стрел ($\frac{2}{3}$).

Керамика была изготовлена из черноватой пасты, смешанной с крупными зернами песка или кварца, а несколько блюд были украшены узорами из зигзагообразных царапин, разделенных параллельными линиями (**рис. 60**, № 13). У одних были ручки, у других - маленькие ушки или перфорированные набалдашники, к двум из которых все еще были прикреплены кусочки бечевки (**фиг. 55** и **56**).

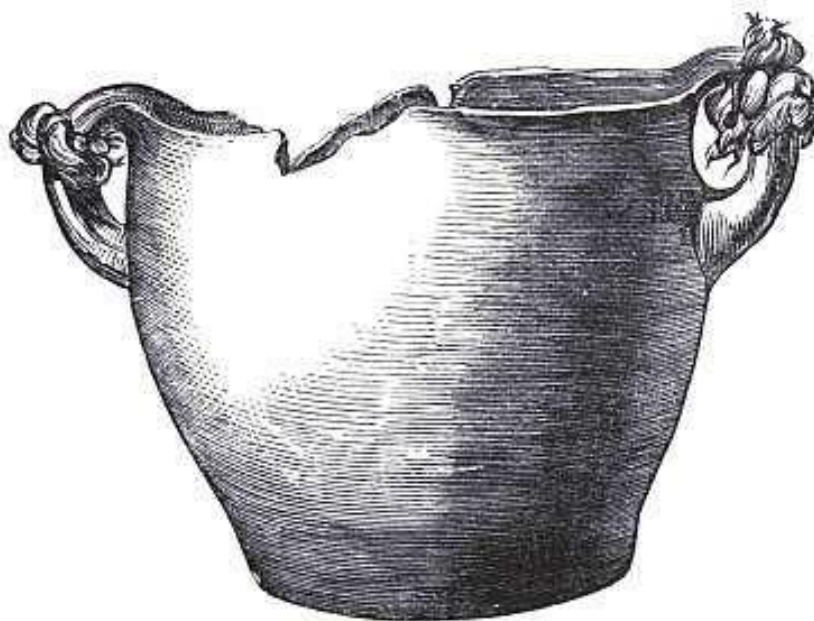

Рис. 55.— Глиняный сосуд с кусками бечевки, прикрепленными к ручкам ($\frac{1}{2}$).

Среди других реликвий с этой стоянки были: — Два бронзовых кинжала, на одном из которых сохранилась пара заклепок для крепления рукояти (**рис. 60**, № 1); два бронзовых штыря (№ 2 и 4); деревянный якорь длиной $\frac{3}{4}$ фута, заканчивающийся на одном конце двумя крючьями, а на другом отверстием, как будто для крепления веревки; каноэ длиной 6 футов, шириной $\frac{3}{4}$ фута и глубиной около фута (**рис. 57**); рядом с каноэ лежало бронзовое сверло (**рис. 60**, № 5); и аккуратный веретенообразный завиток из обожженной глины диаметром $1\frac{1}{2}$ дюйма (№ 22). Среди более поздних находок - многочисленные кремневые наконечники стрел и скребки (№ 8); веретено из мыльного камня, *пьетра олларе* (№ 16); деревянное блюдо и перфорированные поплавки для сетей; большое разнообразие глиняных блюд (№ 12); и 16 конических шариков из стекловидной пасты, которые, будучи нанизанными вместе,

образовывали красивое ожерелье (№ 9); и большой кусок обожженной глины с отверстиями посередине (№ 18).

Рис. 56.—Глиняный сосуд ($\frac{1}{2}$).

Рис. 57.—Часть каноэ.

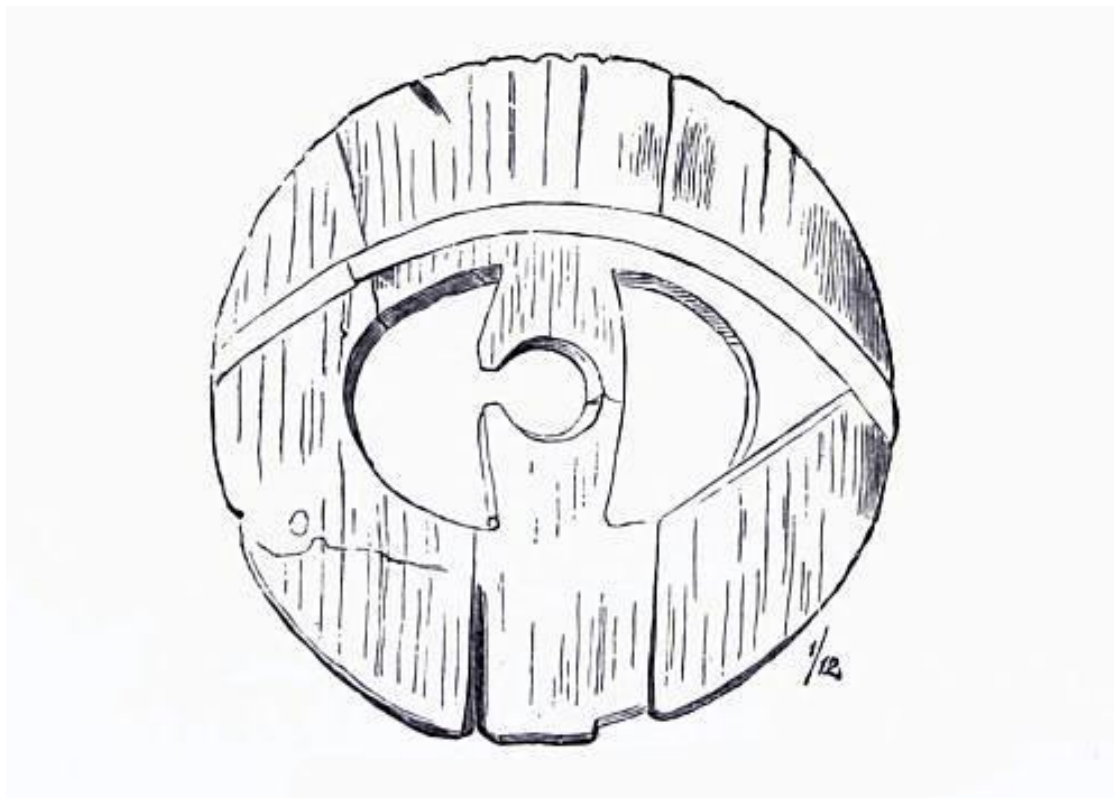

Рис. 58.—Деревянное колесо.

Но самыми примечательными предметами были два деревянных колеса. Один (**рис. 58**) был сделан из трех досок, скрепленных двумя перекладинами, вделанными в доски, а в центре было круглое отверстие, по обе стороны от которого было полулунное пространство. Это колесо, которое было не совсем круглым, имело средний диаметр 2 фута. Другое колесо (**рис. 59**) было другой конструкции. У него было шесть спиц: две из них были сделаны из того же куска дерева, что и ступица, и их концы образовывали часть бортика; остальные четыре, по две с каждой стороны, соединяли бортики с центральной деталью. Фелли были аккуратно сшиты вместе, и работа была очень хорошей. Эти колеса настолько обветшали, что их невозможно было сохранить, но с них были сняты слепки, которые сейчас можно увидеть в музее в Турине.

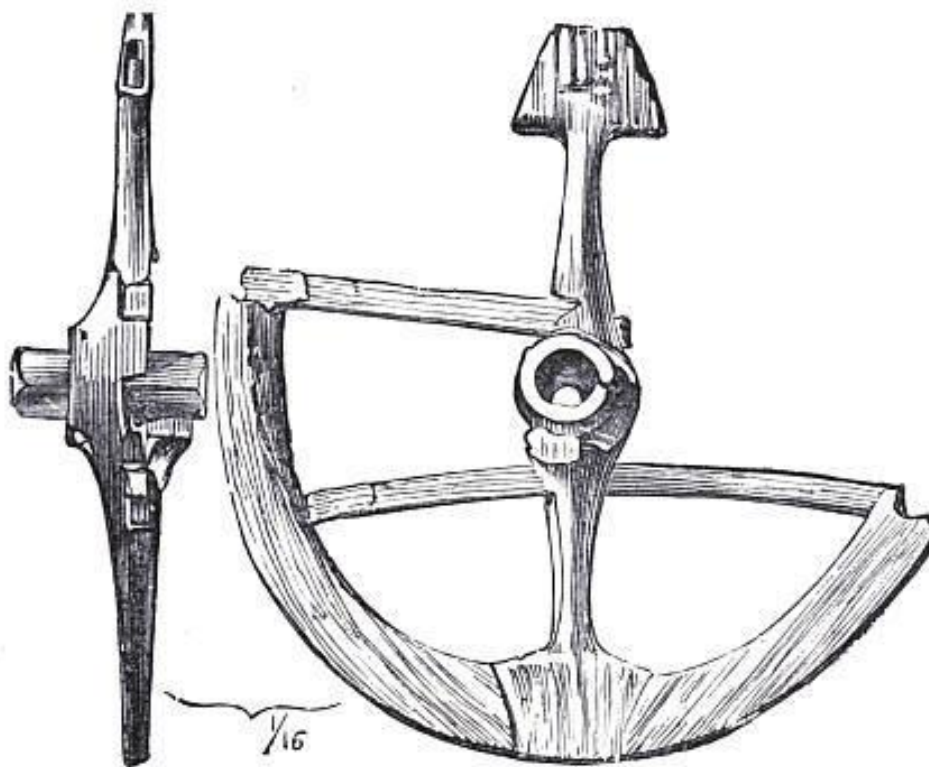

Рис. 59.—Деревянное колесо.

TORBIERA DI BORGO-TICINO, ETC.

Аналогичные останки из Меркураго были найдены в нескольких других населенных пунктах, особенно в районах под названием Пеннино близ Борго-Тичино и на пустоши Ганьяно; но предметы были разбросаны или выброшены. Каменный кельт с этого места изображен Гастальди (**рис. 60**, № 19).

На соседней пустоши Контурабия в центре болота была замечена группа свай, которые, по-видимому, принадлежали палафитту более поздней эпохи, поскольку некоторые из свай, как говорили, были обиты железом. Гастальди раздобыл одну из таких свай, и хотя на ней не было железа, он был убежден, что она была заточена инструментами, подобными тем, которые используются в наши дни. (Б. 52.)

TORBIERA DI SAN MARTINO (SAN GIOVANNI DEL BOSCO).

Этот моренный бассейн расположен в окрестностях Ивреи, непосредственно к югу от деревни Джованни, и в нем также время от времени обнаруживаются предметы старины, которые не оставляют сомнений в том, что это был дом озерных жителей. Болото имеет овальную форму, около 1/4 мили в длину и вдвое меньше в ширину, и красиво расположено среди каштановых и ореховых рощ, перемежающихся богатыми лугами и полями. На его краю найдены стволы деревьев диаметром от 1 до 2 футов, все еще прикрепленные к своим корням и лежащие так, как они упали, остриями к центру болота. Этими деревьями обычно являются сосна, дуб, орешник, ольха и т.д.

Под обычным торфом находится слой черноватого ила, который при высыхании становится горючим, а под ним лежат слоистые слои древнего озерного ила, состоящего из беловатого глинистого вещества. В сентябре 1864 года в черноватом промежуточном слое было найдено

каное длиной 8 футов 4 дюйма, шириной 1 фут 9½ дюйма и глубиной 8 дюймов. (Модель этого каное сейчас находится в музее в Турине.) Несколькими годами позже (1868) в этом чурбане было найдено другое каное, немного больших размеров, с двумя веслами (**рис. 60**, № 17). Следующие предметы, среди прочего, описаны и изображены Гастальди как происходящие из того же места, а именно: —Образцы керамики (№ 14 и 23), один из которых (№ 23) представляет собой крышку сосуда, в точности похожего на сосуд из Меркураго (**рис. 53**); кремневые и каменные орудия (**рис. 60**, № 20); деревянные поправки для сетей (№ 21); две бронзовые булавки (№ 10 и 11); и замечательная бронзовая подвеска (№ 15), которая, как предполагается, была Этрусского или римского происхождения и более поздней даты, чем другие останки. (Б. 168 и 294.)

Другими захоронениями в западных районах По, в которых обнаружены доисторические останки, но рядом с которыми не было свай или других признаков озерных жилищ, являются:-

Торб. di Torre Bairo.—Фрагменты сосудов, выполненных на колесе. В другом небольшом болоте был найден каменный квершлаг, предположительно относящийся к римским временам.

Торб. ди Монжене.—Бронзовый нож. (Б. 294, тав. xiii. 4.)

Торб. di Bolengo.—Бронзовый наконечник стрелы. (*Ibid.*, tav. xiii. 9.)

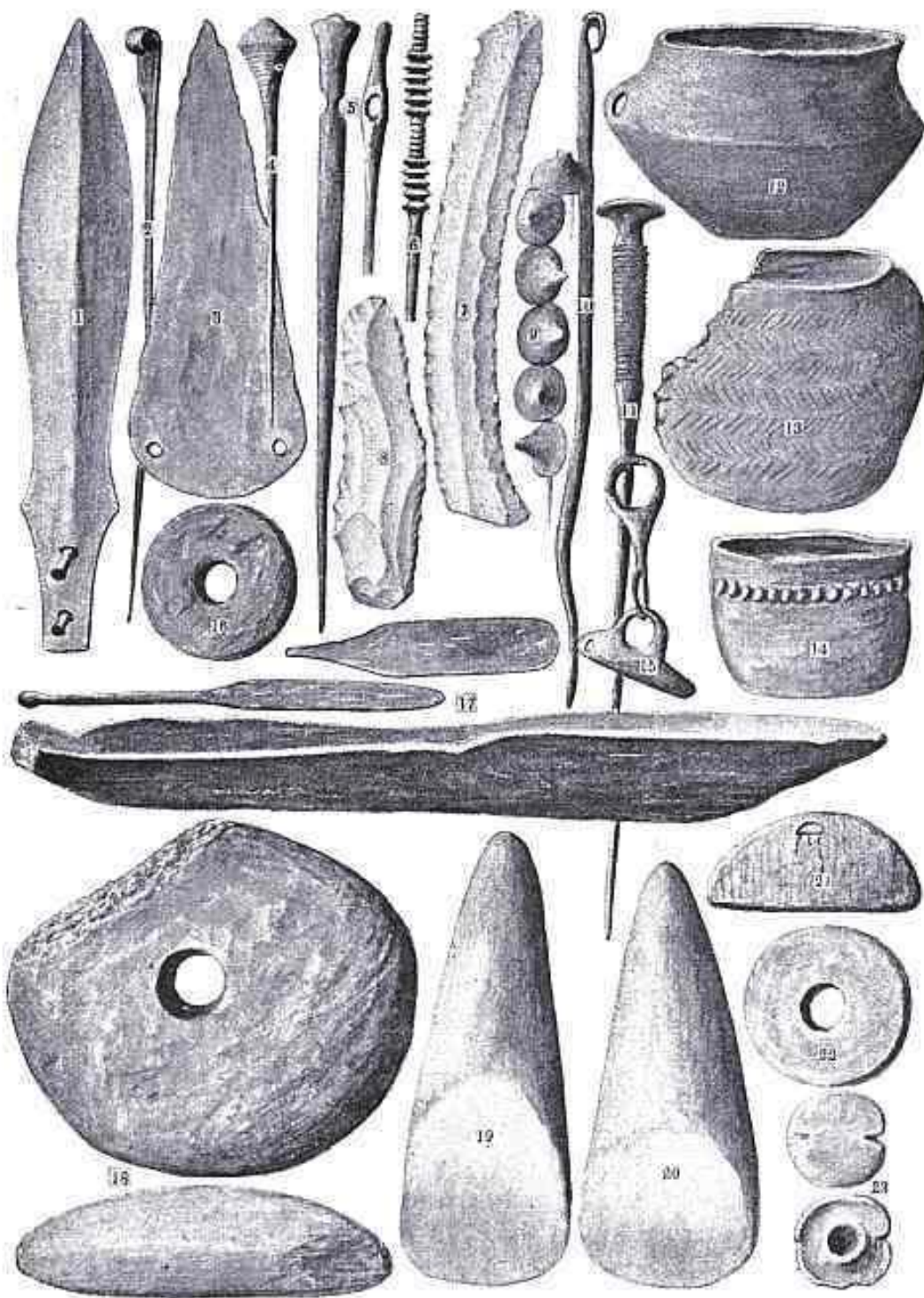

Рис. 60. — Меркураго (с 1 по 9, 12, 13, 18 и 22), Борго-Тичино (19) и Сан-Мартино. Номера 12, 14, 18, 21 и 23 = $\frac{1}{4}$, 13 = $\frac{1}{6}$, 17 = $\frac{1}{24}$ (весла $\frac{1}{20}$), а остальные = $\frac{1}{2}$ реального размера.

Торб. di Trana. Бронзовый меч длиной 27 дюймов (Б. 294, стр. xi) и кельтский меч плоского типа (Б. 168, стр. viii)

Lago di Piverone.—Бронзовый меч. (Б. 168, стр. viii.)

Торба. ди Оледж-Кастелло.—Бронзовый меч и наконечник копья с набалдашником. (Тамже.)

ЛАГОЦЦА.

Лагоцца - это название, данное небольшому природному "бачино торбоса", расположенному на волнистом плато моренных *обломков*, примерно в 4 милях от Галларате в провинции Милан. Он имеет примерно овальную форму и занимает площадь в 10 или 12 акров. До недавнего времени эта впадина представляла собой торфянистое болото, по которому летом, с определенными предосторожностями, можно было пройти до "Каччиатори"; но в прежние времена, как следует из его названия, это было стоячее озеро. В 1875 году владелец, граф Корнаджо, страстный и умелый агроном, решил полностью убрать торф и с этой целью начал работы, прорубив центральный канал для отвода воды. Пока рабочие были заняты таким образом, они начали находить ближе к середине болота обломки керамики, древесный уголь и гнилые кучи, которые при умелом обращении к ним оказались несомненными признаками доисторического обитателя озера. Поэтому местные антиквары с большим интересом наблюдали за процессом расчистки торфа, поскольку эта операция потребовала бы более тщательного изучения древностей, заложенных в торфе, чем любые исследования, которые, вероятно, были бы предприняты исключительно с научной точки зрения. Только весной 1880 года торфорезы добрались до основной части палафитте, и тогда были обнаружены различные антикварные предметы. В настоящее время дерн полностью удален, и собранные реликвии хранятся частично в Гражданском музее в Милане, а частично в Археологическом музее в Комо.

Свайное жилище занимало прямоугольное пространство недалеко от центра *бачино*, около 80 ярдов в длину с севера на юг и 30-40 ярдов в ширину. Толщина дерна здесь варьировалась от 1 до 2 ярдов, в зависимости от состояния влажности; под ним был илистый слой, содержащий корни водных растений (*fango con radice*), среди которых виднелись верхушки куч. Этот слой был толщиной 16 дюймов, а непосредственно под ним находился *археологический слой*, толщина которого варьировалась от 2 до 8 дюймов и который содержал обычные *обломки* человеческого жилья, встроенные в матрицу из черной торфяной грязи и земли. Под ним снова был слой черной земли, смешанной с беловатой глиной или мергелем древнего озерного дна, в который были прочно воткнуты наконечники свай. Сваи были заострены у основания и закреплены нерегулярно, по 4 или 5 штук на квадратный ярд, и варьировались в длину от 3½ до 5 футов, при диаметре от 4 до 8 дюймов. Множество подготовленных пучков из круглых или расщепленных стеблей, некоторые длиной более 20 футов, лежали погребенными в торфе, как будто они упали с платформы. Регаццони обращает внимание на несколько коротких балок с квадратными отверстиями на каждом конце. Одна из этих балок имела размеры 24½ дюйма в длину, 4½ в ширину и 3½ в толщину, а отверстия были размером 2½ на 1½ дюйма. Предполагалось, что верхушка дерева, ветви которого были аккуратно обрублены на расстоянии 6-7 дюймов от ствола, использовалась в качестве лестницы.

Кастельфранко считает, что наконечники свай были сделаны каким-то остро режущим инструментом из металла, поскольку некоторые из надрезов были длиной 11 дюймов, и их не могло сделать ни одно каменное оружие ("non credo che una scure di pietra sia mai stata capace di tanto"). Это наблюдение очень важно перед лицом того факта, что среди реликвий из Лагоццы нет металлических предметов, за исключением малоберцовой кости (**рис. 61**, № 18), найденной в нижней части дерна и, следовательно, за пределами четко очерченного слоя реликвий. Эта малоберцовая кость относится к раннему железному веку, и сомнительно, принадлежала ли она жителям палафитте. Тот же автор также утверждает, что там, где древесного угля и частично сгоревших дров было в большом изобилии, там же были

и многочисленные реликвии, и, следовательно, он приходит к выводу, что поселение закончилось пожаром ("il risultato di un incendio generale o di parecchi parziali").

Среди промышленных остатков, собранных в Лагоцце, керамика занимает главное место. Качество бывает двух видов: крупнозернистое и мелкое, последнее имеет гладкий черный вид и без какой-либо примеси крупного песка. Сосуды, значительное количество из которых целы или почти целы, состоят из чашек, мисок, тарелок, ваз, ложек и т. Д. Как правило, они не имеют ручек, а вместо них имеют перфорированные выступы, как видно из прилагаемых иллюстраций (рис. 62, № 2, 6, 7, 9 и 15). Пластины иногда украшены панелями, содержащими оттиски кругов, точек и линий (№ 3, 10 и 13). На некоторых блюдах большего размера по краям имеются конические выступы или отпечатки пальцев (№ № 1 и 4).

Веретенообразные завитки, около 40 из которых находятся в музее в Комо, несколько своеобразны: они представляют собой плоские круглые лепешки из обожженной глины с отверстием в центре и часто украшены линиями или рядами эллиптических оттисков (рис. 61, № № 12-17).

Некоторые глиняные гири имеют обычную коническую форму, а другие - почковидную с отверстиями на каждом конце (рис. 62, № 14). В некоторых из этих грузов были обнаружены кусочки соломы и зерна ячменя и пшеницы.

Здесь нет ни единого изделия из кости или рога, ни каких-либо следов рыболовных или охотничьих снастей, за исключением одного или двух наконечников стрел (рис. 61, № 5 и 6).

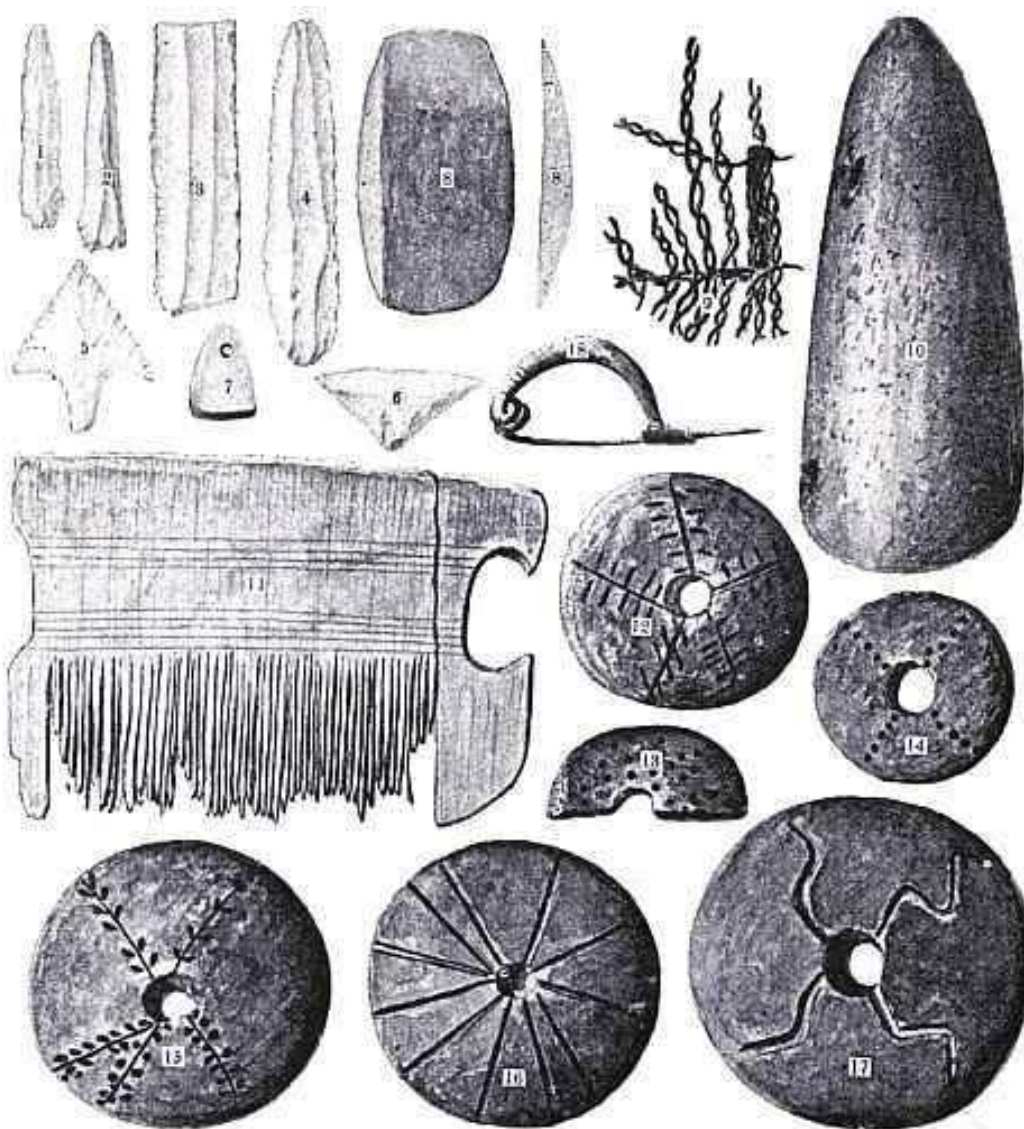

Рис. 61.—Лагоцца. Все $\frac{1}{2}$ в натуральную величину.

Каменных кельтов мало, всего около 30, и ни одного перфорированного (№ 10). Одно небольшое орудие имеет форму обоюдоострого топора и приспособлено для рубки с обоих концов (№ 8).

Кремневые отщепы или ножи (№ 1-4) многочисленны, но сердечники и стружка встречаются реже. Наконечников для стрел крайне мало — всего три я видел в музее в Комо, но их подлинность, похоже, ставится под сомнение Кастельфранко, который считает, что на самом деле они были взяты не из хранилища реликвий в палафитте. Среди обычных каменных предметов, таких как молотки, каучуки и т.д., следует заметить несколько белых кварцевых камешков и восемь или девять маленьких полированных камешков с выцарапанными на них отметинами (рис. 62, № 11 и 12).

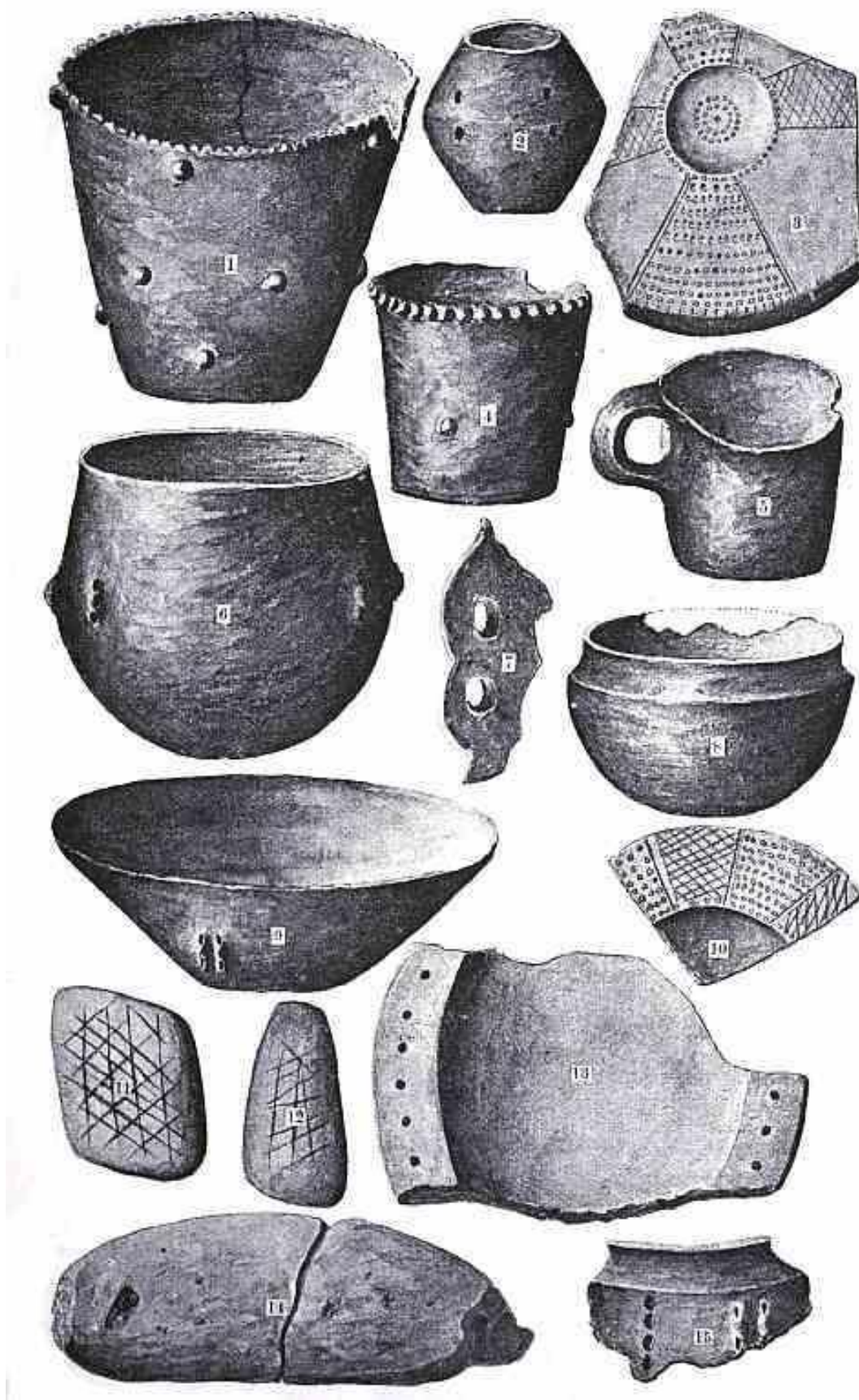

Рис. 62.—Лагоцца. Все $\frac{1}{3}$ в натуральную величину.В

Деревянная расческа ([рис. 61](#), № 11) с зубцами с одной стороны, я полагаю, единственный экземпляр из озерных жилищ в Италии.

Украшения или амулеты представлены одним маленьким кулоном из зеленого стеатита с перфорацией для подвешивания (№ 7).

В качестве свидетельства того, что жители имели обыкновение прясть и ткать, помимо веретен и глиняных грузил, есть обрывки ниток и шнура, а также один небольшой фрагмент льняной ткани грубой выделки (№ 9). По словам профессора Сорделли, это было сделано из дикого льна (*Linum angustifolium*), семена и волокна которого он обнаружил в изобилии, но никаких следов культивируемых видов. С другой стороны, было два вида пшеницы и шестичленный ячмень. Среди остатков пищи были дикие яблони, желуди, орешники, косточки кизила, семена мака и т.д.

Но самой замечательной особенностью Лагоццы является то, что не было найдено костей животных любого описания - ни зубов, ни рогов, ни костей любого вида. Не было там и никакого воинственного оружия, за исключением нескольких сомнительных наконечников для стрел. Поэтому Кастельфранко предполагает, что жители Лагоццы, возможно, были вегетарианцами. (В. 354, 359b, 372d, 387, 409, 452, 456 и 459c.)

ОЗЕРО ГАРДА.

В 1851 году, когда углубляли гавань Пескьеры, в определенном месте возле северного мола крепости были найдены многочисленные бронзовые орудия, связанные со сваями, глубоко зарытыми в дно озера; но на них не обратили особого внимания. Рабочие отложили бронзовые предметы в сторону, и говорят, что некоторое их количество, весом около 15 или 20 фунтов, было продано как старый металл. Из этой находки очень немногие были отправлены в кабинет К. К. Антикена в Вене. В 1860 году возникла необходимость в дальнейшем углублении гавани, и снова среди вынутого грунта были найдены похожие предметы. Эти операции проводились под руководством М. Лоренца и полковника фон Зильбер, который в интересах археологии собирал и сохранял бронзовые предметы. Впоследствии, когда было высказано предположение, что это палафитт, подобный тем, что недавно были обнаружены в швейцарских озерах, полковник Дж. фон Зильбер переслал набор реликвий доктору Келлеру в Цюрих со следующим пояснительным уведомлением об обстоятельствах, при которых они были найдены:

"При углублении входа в гавань Пескьеры для недавно построенной канонерской лодки, что было сделано с помощью глинобитной машины (называемой "патерностер") на глубину 7 или 8 футов ниже обычного уровня воды, рабочие обнаружили среди грязи и песка, поднятых машиной, большое количество бронзовых орудий труда. Они были бережно сохранены в целях археологии мистером Лоренцем, морским инженером, ныне проживающим в Поле, и мной. Я был настолько непосвящен в эту науку, что, когда я обнаружил, что большая часть предметов была поднята с пространства всего в несколько квадратных саженей, у меня возникло предположение, что здесь потерпел крушение корабль, груженный бронзой, и только после разговора, который у меня состоялся с доктором Фрейденбергом из Бонна, я пришел к выводу, что на этом месте, вероятно, существовал обитатель озера. Эта идея подтверждалась тем фактом, что как раз в этом месте работе глинобитной машины очень мешало множество обгорелых свай, которые были полностью покрыты грязью. К сожалению, сначала мне показалось, что эти груды привезены из рыбацких хижин, которых в наши дни в изобилии много в этих окрестностях, так что я не обратил внимания на их расположение. Сваи, которые были насыпаны, были в среднем 4 или 5 футов длиной, совершенно скрыты под песком и обожжены до такой степени, что я совершенно не могу с уверенностью сказать, из какой породы дерева они были сделаны. Я полагаю, однако, что древесина была в основном каменного дуба (*Quercus ilex*). Стопки были 4-5 дюймов в диаметре.

"Помимо бронзовых орудий было найдено одно каменное, которое, как я полагаю, является камнем для пращи. Недавно, читая отчеты о швейцарских озерных жилищах, я вспомнил о большом количестве кусочков обожженной глины, найденных в грязи. Эти куски были черноватого цвета, удивительно толстые и не имели какой-либо определенной формы. Я не сомневаюсь, что это были фрагменты глины, покрывавшей хижины озерных жилищ". (Б. 119, 2-е изд., стр. 364.)

Эти открытия побудили выдающегося археолога, доктора Э. Фрайхерра фон Сакена, посетить Пескьеру с целью расследования предполагаемого Пфальбау. В дополнение к своим собственным специальным исследованиям у него были точные сведения о результатах, уже полученных от капитана фон Костерзица, который присутствовал и внимательно наблюдал за раскопками в 1860-182 годах, и на основе этих данных он составил замечательный отчет, опубликованный в 1864 году (Б. 75), который ясно доказывал, что здесь было настоящее свайное жилище бронзового века.

В настоящем отчете дается следующее секционное описание осадочных толщ:—

(1) На глубине около 5 футов сначала был слой песка толщиной от 2½ до 3 футов, в котором не было обнаружено никаких реликвий.

(2) Под этим слоем песка находился слой реликвий толщиной от 2 до 3 с половиной футов, состоящий из мшистого налета, содержащего остатки растений, органические обломки, уже упоминавшиеся промышленные объекты и верхушки многочисленных куч.

(3) Под слоем реликвий находился толстый слой твердого суглинка и песка, в который глубоко врезались сваи. Эти сваи обычно делались из сосны и дуба, причем первые преобладали в пропорции два к одному.

Размеры обитателя озера точно установлены не были, но площадь, пройденная дноуглубительными работами, превысила 10 000 квадратных ярдов, и на большей части этого пространства были обнаружены сваи. Никаких каменных орудий найдено не было, за исключением полированного дискообразного камня, присланного доктору Келлеру; но количество бронзовых предметов составило 250, большинство из которых было отправлено в Вену.

Профессор Франц Унгер тщательно изучил органические остатки, и среди различных фруктов, растений и древесины, выявленных им, наиболее интересными являются рожь (*Secale cereale*) и виноградная лоза (*Vitis vinifera*). Первые до сих пор не найдены ни в одном из террамаре или озерных жилищ Северной Италии.

Костные останки представляли обычных домашних животных — собаку, овцу, козу, быка, лошадь и свинью, — а также оленя, косулю, дикого кабана и т.д.

Помимо бронзовых предметов, там были фрагменты керамики и одна или две римские монеты — одна Траяна и одна Домициана.

Тем временем археологи искали палафитты в других частях озера. Похоже, что еще в 1861 году Кавинант Мартинати обнаружил сваи в месте под названием Рокка-ди-Гарда, недалеко от Бардолино, на восточном берегу озера, которые он счел остатками свайного жилища. Доктор Альберти также обнаружил аналогичные свидетельства в двух населенных пунктах южнее, Иль-Бор и Порто-ди-Паченго, которые он описал в письме Мартинати в 1864 году. (Б. 77 и 355.) Это стимулировало Ассад. д'Агриколтура, Искусство и коммерция Вероны предложили назначить комиссию для расследования этого дела; но вскоре их работа была

прекращена из-за политических беспорядков 1866 года, и только десять лет спустя эти предложенные археологические исследования были возобновлены и Комиссия была воссоздана. Хотя в этом случае не было найдено никаких бронзовых предметов, нельзя сказать, что исследования были полностью лишены интереса, поскольку было не только подтверждено существование описанных палафитов, но и собрано значительное количество костных останков обычных домашних животных, фрагментов керамики (включая ручки, известные как *anse lunate*) и деревянной ложки. Но вскоре Комиссия отказалась от этой работы как от бесполезной. Именно тогда мистер Альберто Каваццокка из Вероны начал самостоятельно обыскивать Иль-Бор и за пару сезонов добился успеха в приобретении небольшой коллекции древностей, включая предметы из камня и бронзы.

На западных и более защищенных берегах озера Гарда профессор Стоппани из Милана обнаружил следы нескольких станций, особенно в заливе Сан-Феличе-ди-Сковоло, три из которых были расположены недалеко от его северного берега, а две - недалеко от Изола Лекки на обращенной к суше стороне острова. Поскольку было найдено мало реликвий — всего несколько кремневых предметов — и поскольку сваи на всех этих стоянках находились недалеко от берега и на сравнительно мелководье, Стоппани пришел к выводу, что они принадлежали к каменному веку. Эти исследования были продолжением первых исследований на озере Варезе, столь удачно начатых Дезором и Мортилле, и которые Стоппани продолжил, совершив ознакомительную поездку по озерам Северной Италии. Наблюдения Стоппани, однако, не были подтверждены никакими последующими исследованиями, хотя эта конкретная местность, безусловно, наиболее приспособлена для озерных жилищ во всем этом обширном водном пространстве. (Б. 87.)

В 1879 году под умелым руководством Cav. Стефано де Стефани (R. Ispettore degli Scavi, Верона), дноуглубительные работы были возобновлены на старом месте в гавани Пескьера, что значительно увеличило количество реликвий с этой станции.

Весной следующего года Де Стефани перенес свои операции в совершенно новое место на реке Минчо, ниже железнодорожного моста, где ручей разделяется на несколько отдельных протоков. Среди образовавшихся таким образом островов у него были основания подозревать существование свайных жилищ, и в своих ожиданиях он не был разочарован, поскольку ему удалось найти не только затопленные сваи и поперечные балки, но также большое количество кремня, несколько бронзовых предметов и даже несколько римских останков.

Поскольку оба этих исследования проводились по приказу министра народного просвещения и за счет правительства, реликвии были отправлены для пополнения доисторического отдела Кирхеровского музея в Риме.

Жители Вероны были очень огорчены, обнаружив, что эти последовательные открытия, которые теперь приобрели большую известность в археологических кругах, постоянно ускользали из их рук, и что в их собственном местном музее едва ли имелся хоть один предмет, иллюстрирующий культуру и социальное положение этих ранних обитателей озера. Чтобы исправить это положение вещей и загладить свою прошлую небрежность, Академическая комиссия была вынуждена назначить новое расследование под руководством Де Стефани, чей недавний успех был охарактеризован как "*risultati splendidissimi*". И снова раскопки Де Стефани увенчались большим успехом. В 1881 году его внимание было направлено на Пескьеру, которая принесла ему значительное количество предметов, став четвертым важным источником с момента ее открытия в 1851 году. В 1883 году станция в Минчо была подвергнута дальнейшим исследованиям, и труды Де Стефани

были вознаграждены богатым урожаем реликвий, в основном каменного века, включая множество кремневых орудий, таких как ножи, топоры, пилы, наконечники для стрел и т.д.

Реликвии, собранные в обоих этих случаях, теперь хранятся в Гражданском музее Вероны, и, наконец, этот город разделяет с Римом, Веной и Цюрихом честь обладать коллекцией этих замечательных останков. (Б. 342, 358, 370, 424 и "Notizie degli Scavi", 1880 и 1884.)

Из этих общих замечаний видно, что на озере Гарда есть только три озерных жилища, сохранивших останки, достаточно обширные по количеству и разнообразию, чтобы мы могли составить некоторое представление о периоде, к которому они принадлежали, а именно. станция находится недалеко от крепости Пескьера, что в Минчо, и того, что известно как Иль Бор на юго-восточном берегу озера.

Пескьера.—После доклада барона В. Сакена различные исследования, проведенные здесь, не пролили дополнительного света на общее состояние и распределение свай. Де Стефани подтверждает точность фактов относительно археологического слоя, в котором были найдены реликвии, и отмечает, что вышележащий слой песка и гравия иногда достигал глубины более 4 футов. (Б. 424, с. 9.) В нем были обнаружены разложившиеся органические вещества, кусочки древесного угля, фрагменты керамики и бронзовые предметы. В предыдущих находках было зафиксировано только одно каменное орудие, так что станция считалась относящейся исключительно к бронзовому веку. Недавние исследования также не сильно изменили его характер в этом отношении, поскольку было найдено всего несколько каменных орудий, а именно: два ножа или скребка, один наконечник стрелы и несколько осколков кремня, круглый гранитный камень для пращи и еще один овальной формы со следами использования. Ничего важного не было добавлено в отношении его флоры и фауны. Де Стефани описывает любопытный предмет, похожий на печенье, извлеченное из вынутаго грунта, которое, по его мнению, могло быть хлебной лепешкой. Оно было сделано из вязкой материи, имело 4 дюйма в диаметре и $\frac{3}{4}$ дюйма толщиной и содержало измельченные хлопья; но, когда он рассматривал его, оно выскользнуло у него из пальцев и снова упало в воду. (Б. 424, с. 10.)

Это поселение, по-видимому, процветало исключительно в бронзовом веке, как видно из прилагаемых иллюстраций (рис. 63, 64 и 65).

Керамика.—Фрагменты фаянса указывают на большое разнообразие сосудов, изготовленных из двух видов пасты — грубой и тонкой. Из последних, № № 26-30, рис. 65, достаточны, чтобы показать, что керамическое искусство жителей озера в определенный период их существования было идентичным керамическому искусству террамариколи, для которого так характерны полулунные ансы (№ 26).

Бронза.—Оружие, орудия труда и украшения из этого материала чрезвычайно многочисленны и насчитывают более 300 предметов. Среди оружия мы находим наконечники копий с выступами (рис. 64, № 10), кинжалы (№ 1-7), ножи с одним лезвием (№ 11) и замечательную серию обоюдоострых кинжалов с клепаными наконечниками или рукоятками, похожими на мечи (рис. 65, № 10 и 12-14).

Орудия труда включают три вида топориков (рис. 63, № 30; рис. 64, № 32 и рис. 65, № 11), стамески и долбилки (рис. 63, № 36), серпы (№ 33), различные формы бритв с рукояткой и двойными режущими кромками (№ 1-5), иглы (№ 7), а также рыболовные зубцы и крючки (рис. 64, № 18-21, 30 и 31).

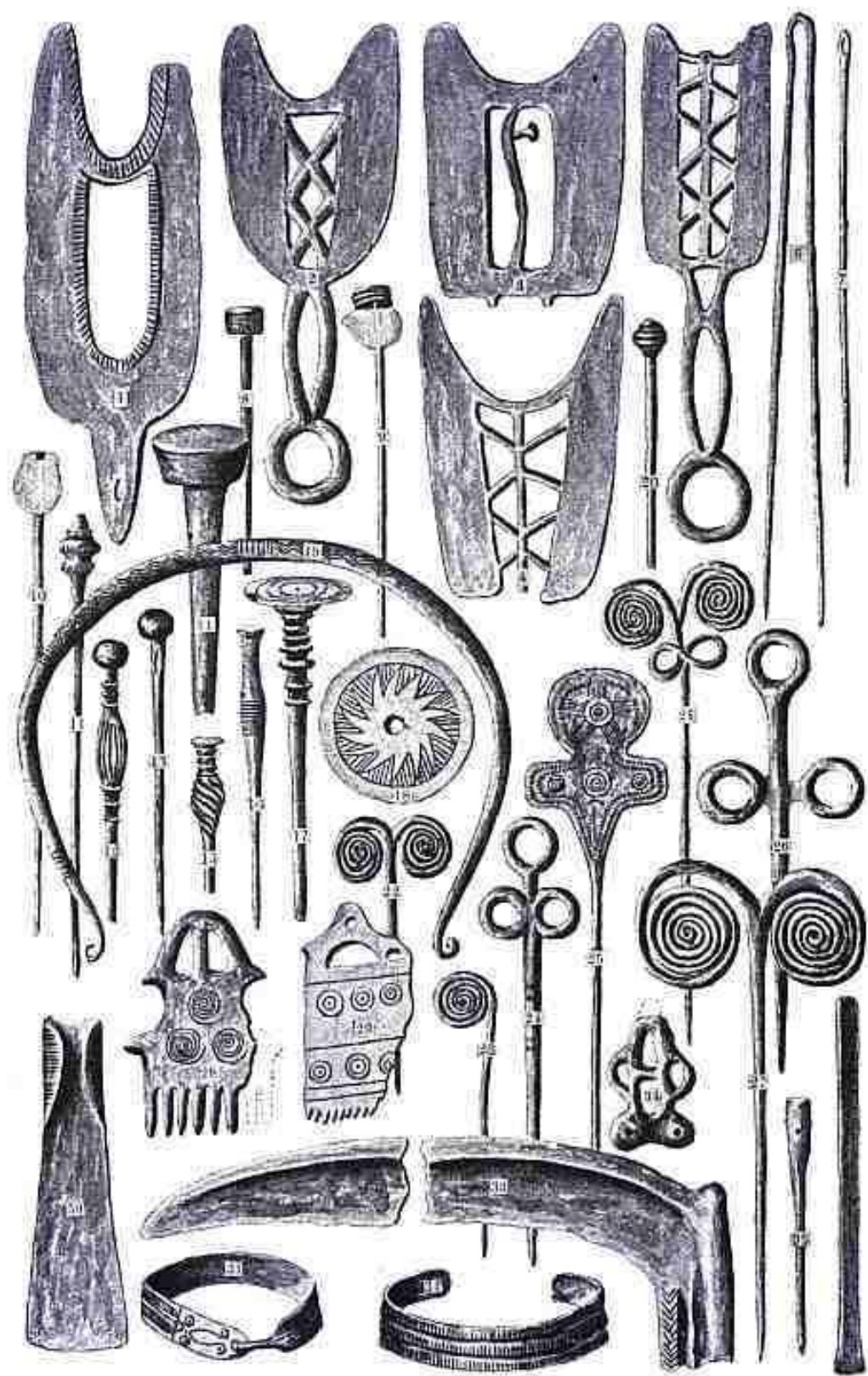

Fig. 63.—Peschiera. Все $\frac{1}{2}$ в натуральную величину.

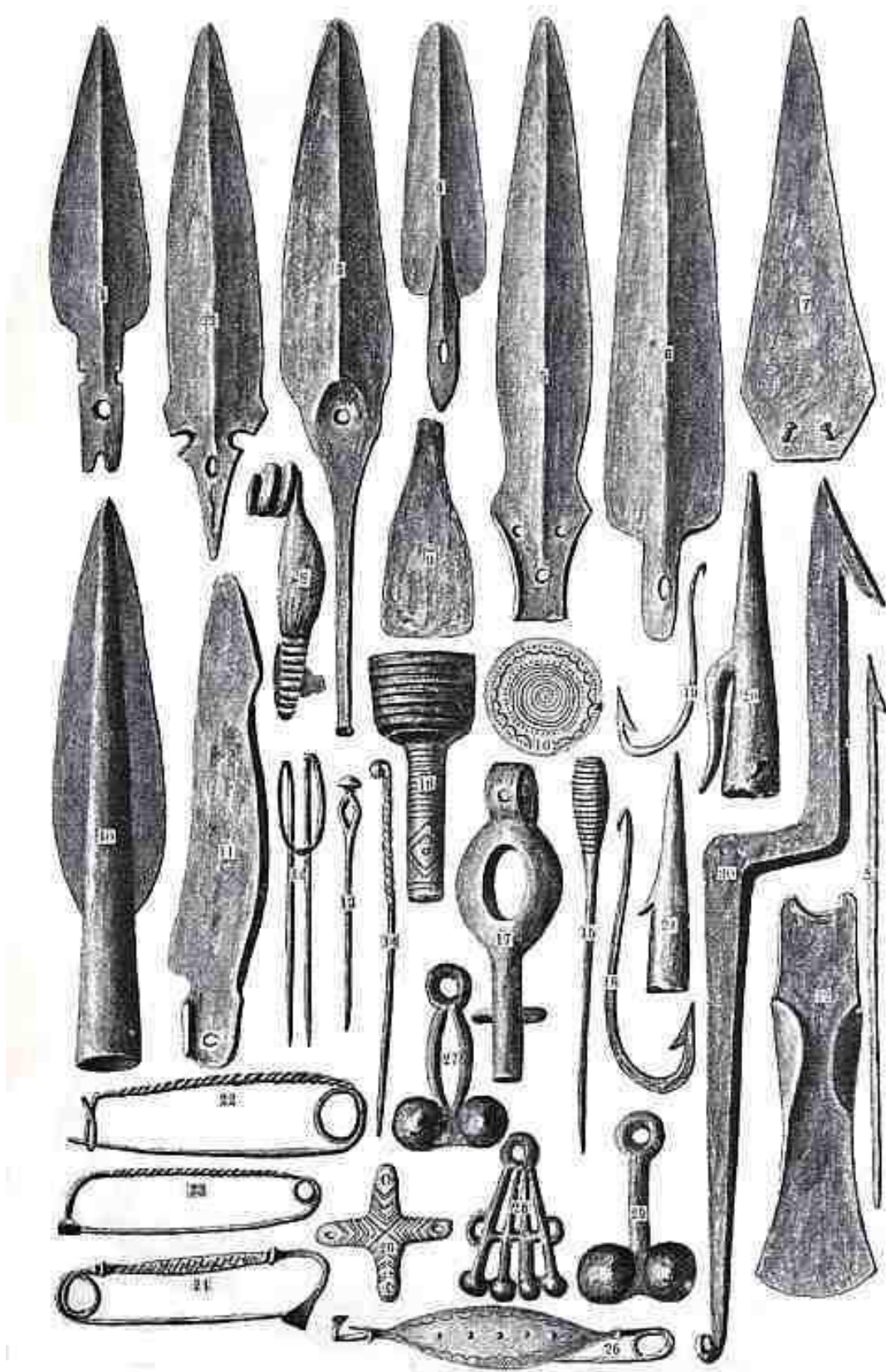

Рис. 64.—Пескьера. № 32 = $\frac{1}{4}$, а все остальное = $\frac{1}{2}$ в натуральную величину.

Декоративными предметами являются закладки для волос, гребни, подвески, браслеты, фибулы и крутящий момент. Закладки для волос представлены в большом количестве и отличаются чрезвычайной элегантностью как по форме, так и по орнаменту (подробно проиллюстрированы на [рис. 63](#), [64](#) и [65](#)); среди них есть некоторые с янтарными головками ([рис. 63](#), № 9 и 10); у некоторых головки плоские, у других дискообразные (№ 17, 18 и 25);

особенно интересны те, у которых головки сделаны из различных комбинаций спиралей (№ с 21 по 27), поскольку они идентичны заколкам для волос с терремара. Гребни бывают как из кости (№ 29), так и из бронзы (№ 28). Также в изобилии встречаются подвески любопытных и разнообразных форм (**рис. 64**, № 27-29), среди которых одна (**рис. 63**, № 34) сделана из свинца. Маленький орнаментальный крест, представленный № 26, **рис. 64**, сделан из олова. Фибулы также имеют разнообразную форму, как видно из иллюстраций (**рис. 64**, № 8 и с 22 по 25). Браслеты бывают двух видов, сделанные из тонких полосок (**рис. 63**, № № 31 и 32), одна из которых закрывается на крючок, а другая открывается. В Пескьере был найден только один торк (№ 19), и по форме он похож на те немногие, что были обнаружены в швейцарских озерных жилищах (**рис. 10**, № 3).

Наконец, есть несколько спиралей, кусочки проволоки и один особый предмет неизвестного назначения (**рис. 64**, № 17).

Связь, которую эти объекты имеют с аналогичными остатками в зарубежных странах, наиболее исчерпывающе и умело раскрыта профессором Пигорини. (Б. 310.)

Минчо.—Поскольку избыточная вода озера Гарда под названием Минчо выходит за пределы железнодорожного моста, оно разделяется на два больших канала и несколько меньших, образуя серию остроконечных островов. Русло здесь неровное, и в разных местах были видны верхушки свай, группами выступающие из русла реки. Первые исследования проводились в более крупном канале слева. Здесь Де Стефани нашел несколько предметов старины, среди которых главными являются следующие (В. 358):—

Бронза.— Изъеденное коррозией лезвие ножа-кинжала (обоюдоострого), часть лезвия кинжала со средним ребром, часть другого лезвия с глубокими продольными канавками, часть небольшого диска и часть спирали.

Кремень.— Два топорика прямоугольной формы, пила (изогнутая), дротик, наконечник стрелы, наконечник копья, маленькие ножи и большое количество щепок, стержней и необработанных кремней.

Керамика.— Два веретена, некоторое количество ручек и фрагментов посуды.

Fig. 65.—Peschiera. (с 10 по 14, 21, 26 по 29 и 31.), Il Mincio (с 1 по 9, с 17 по 19, 22, 23, 25 и 30) и Il Bor (15, 16, 20 и 24). Все $\frac{1}{2}$ в натуральную величину.

Олений рог. — Деталь, переделанная в форму топорика, заковки для волос и нескольких других обработанных наконечников.

Кости и т.д.— Большое количество зубов и костей обычных домашних животных.

В другом месте, на 200 ярдов ниже по центральному каналу, среди группы куч, которые он собрал:—

Бронза.— Нож (рис. 65, № 17), два маленьких кинжала с отверстиями для заклепок, острие серпа, два наконечника топоров (paalstabs), две заколки для волос длиной 10 дюймов и три поменьше, головка булавки в форме диска, части малоберцовой кости вместе с фрагментами различных других неопределенных предметов. Предполагается, что одной интересной реликвией является набалдашник ручки (№ 25).

Камень.— Одна часть полированного камня из базальта (№ 19).

Кремень.—Орудия из этого материала были здесь в большом изобилии (№ 1-9). Восемнадцать топориков, в основном прямоугольной формы (№ 9); 60 пил (№ 5 и 6); 49 наконечников для стрел (№ 1-4), из которых один (№ 4) имеет четыре зазубрины, а другой - долотообразную форму (№ 8); 13 наконечников для копий (№ 7) и т.д.

Янтарь.— Две бусины, одна красноватая, другая желтая.

Керамика.— Различные фрагменты, особенно ручки сосудов разной формы —*cornuta, lunata, lagotis, bituberculata* и др. Некоторые блюда были из тонкой черной посуды, среди которой я могу отметить ложку (№ 30), но обычно преобладали более грубые сорта. Веретенообразные завитки также были многочисленны и разнообразны по форме, их было собрано не менее 31. Также было два больших нетто, одно круглое, а другое кольцевидное.

Олений рог.— Несколько обработанных деталей: одна представляла собой часть украшенного гребня, а другая - часть какой-то ручки.

Деньги.— Четыре монеты, сильно проржавевшие, предположительно, Де Стефани, относящиеся ко второй половине третьего века.

В 1883 году Де Стефани возобновил свои исследования в том же месте. (В. 424.) В этом случае бронзовые предметы были ограничены одним или двумя незначительными фрагментами; но, с другой стороны, увеличилось количество кремневых орудий — ножей, пил, дротиков, наконечников копий и стрел было в изобилии. Среди прочего я могу упомянуть два маленьких каменных диска с отверстиями, вероятно, использовавшихся как веретена; небольшой кусочек зеленого стекла вместе с кусками обработанного и необработанного рога, кости и т.д.

Декоративное лезвие (рис. 65, № 18), аккуратная булава со спиральной головкой (№ 22) и шпилька (№ 23), все из бронзы, находятся в коллекции доктора Рамботти и, как говорят, со станции в Минчо.

Il Bor.—До исследований Il Bor, проведенных Каваццоккой (В. 355), доктор Альберти оценил количество головок свай, видимых на этой станции, в 500, но первое считает это число довольно высоким. Станция тянулась параллельно берегу, от которого ее место теперь удалено примерно на сто ярдов; но предполагается, что нынешний уровень воды стоит выше, чем во времена обитателей озера. Одна из причин такого мнения заключается в том, что было обнаружено, что тройной ряд свай, идущий к берегу и считающийся остатками трапа, внезапно обрывается примерно на полпути. *Археологический слой* лежит под тонким слоем песка и гравия, который Каваццокка объясняет как обломки разрушенного моренного побережья, вынесенные наружу бурными волнами.

Ниже приведены основные реликвии, собранные Каваццоккой, большинство из которых проиллюстрировано в его монографии:—

Бронза.— Четыре ножевых кинжала, похожих на те, что были найдены в Пескьере; три булабочные головки, "*capocchie di aghi crinali*" (рис. 65, № 24), подобные тем, что были найдены в терремаре; один топорик с крыльями, как № 30, рис. 63; одна коническая пуговица; две стамески (рис. 65, № 15); четыре заколки для волос; два фрагмента спиральных трубок (№ 20) и шесть неопределенных предметов.

Керамика имела разнообразные формы, в том числе *полулунную*, фрагменты сосудов, веретенообразные завитки и т.д.

Камень.— Три фрагмента каменных форм, несколько точильных камней, а также стрела, нож и несколько осколков кремня.

Бронзовый наконечник стрелы (№ 16) и пара маленьких кинжалов из Иль Бора находятся в музее Рима.

ОЗЕРО ФИМОН. (Б. 83, 110, 132 и 295.)

Примерно в четырех милях к югу от Виченцы, в самой южной точке долины неправильной формы, покрытой густыми лугами, лежит небольшое озеро Фимон. В настоящее время она едва достигает пары миль в окружности, но до того, как был прорыт канал Дебба, который несет излишки воды в реку Бахильоне, известно, что она была значительно больше, и в доисторические времена, как предполагается, она покрывала большую часть долины. На лугу под названием Паскалоне, недалеко от его северной оконечности и недалеко от того места, где начинается канал Дебба, мистер Лиой обнаружил выступающие из травы верхушки свай, которые, как он сразу же заключил, являются остатками обитателей озера — предположение, которое было полностью подтверждено обширными раскопками. Поверхность луга, где были видны эти груды, находилась менее чем в 2 футах над уровнем озера, и при проведении раскопок на выбранном участке были установлены следующие факты:—

Груды.—Свай были от 8 до 12 дюймов в диаметре, расположенные поодиночке и нерегулярно, но иногда и группами; некоторые были твердыми и черными (дуб), а другие мягкими, но на них не было следов каких-либо режущих инструментов. В некоторых случаях они были окружены грудями камней. Они проникали глубоко, и один из них, который был вытасчен, достигал 18 футов в длину. Никаких следов трапа, тянувшегося к берегу, обнаружить не удалось.

Реликтовое ложе.— Под тонким слоем растительной плесени находился торфяной слой толщиной около 16 дюймов, а под ним озерный мергель, содержащий различные виды пресноводных раковин размером 3 фута 4 дюйма. За этим последовал *археологический пласт* с его разнообразным содержимым — разложившимся органическим веществом, сломанными костями, фрагментами керамики, кремневыми орудиями и другими обработанными камнями, кусочками соломы, тростника, древесного угля, глиняной штукатурки, сгоревшего хвороста и т.д. Толщина этого слоя составляла около 12 дюймов, а его матрица была желтовато-черного цвета, которая при разрезании имела рыхлую консистенцию и издавала сильный сернистый запах.

Реликвии. Грубые каменные орудия были сделаны из известняка соседних холмов, очень редко из песчаника, но чаще из кремня с отрогов Альп. Эти кремни были в значительном количестве в виде отщепов, ядер и незаконченных орудий, очень немногие из которых были

хорошо обработаны; несколько грубо обработанных наконечников стрел, копий, ножей и пил или скребков; галька из известняка, вероятно, камни-молотки; каменные диски диаметром 2-4 дюйма (только один был перфорированным); также многочисленные камни для пращи из песчаника, базальта и серпентина; один фрагмент гранита, сплюснутый и отполированный со всех четырех сторон, но только один маленький кельтский полированный камень. Многие кости были обработаны, и среди них были наконечники из оленьего рога, заостренные наверху и продырявленные у основания; также наконечники копий, лопатки и занозы всех видов.

Осколков керамики было так много, что нельзя было взять горсть грязи, не обнаружив в ней каких-нибудь осколков. Среди нескольких тысяч фрагментов было выбрано около 50 сосудов в более или менее идеальном состоянии. Все они темного цвета, с прикрепленными ручками, обычно ниже края, и плоскими основаниями. Некоторые из них имеют вывернутые губы, а многие украшены бугорками, впадинами или приподнятыми гребнями (круглыми, волнистыми или сливающимися). Некоторые из ручек имеют форму, известную как *полулунные*, другие заканчиваются круглой кнопкой (*ansa mono-appendiculata*). У одной маленькой чаши было две ручки. Паста была двух видов: одна мелкая, а другая смешанная с крупными кусочками гравия, кварца и карбоната извести.

Многочисленные образцы веретенообразных завитков. Они представляют собой плоские круглые лепешки из глины, похожие на маленькие круги, перфорированные и без украшений.

Органические остатки.—Плоды водяного каштана (*Trapa natans*), ядра вишни, фундука, желуди, семена ежевики и т.д.

Кости оленя и дикого кабана, по-видимому, преобладают среди костей овцы, быка, косули, барсука и т.д.; Также большое количество сломанных панцирей небольшой пресноводной черепахи (*Emys lutaria*).

Примерно пять или шесть лет спустя (1871 г.) г-н Лиой провел дальнейшие раскопки недалеко от того же места и наткнулся на слой реликвий толщиной 8 дюймов и всего на 16 дюймов ниже поверхности, который, по его мнению, был остатками свайного жилища более поздней эпохи. В этом слое реликвий он нашел бронзовый кельтский камень (рис. 66, № 1) и несколько кремней серо-красноватого или желтоватого цвета (отличающихся от синей разновидности в более раннем жилище), но никаких каменных орудий и наконечников стрел. Керамика была немногочисленна, но она была сделана более высокого качества, а орнамент свидетельствует о более высоком стиле искусства. Г-н Лиой также отмечает, что костей домашних животных, таких как овцы и быки, сейчас больше, чем костей диких животных.

В качестве заключительного отчета о *обитании озер* на озере Фимон (В. 295) г-н Лиой опубликовал объемную монографию с многочисленными иллюстрациями. Работа, однако, больше посвящена посторонним и общим соображениям, чем конкретным фактам или деталям, имеющим отношение к останкам палафиттов в этом озере. Я считаю станцию в Поладе с ее замечательными реликвиями гораздо более типичной для озерных жилищ каменного века и соответственно выбрал ее в качестве эталона для подобных останков в восточной долине реки По. Более того, мистер Ли (В. 119, 2-е изд.) уже представил английским читателям сокращенное изложение Mr. Работа Лиоя, содержащая не менее девяти иллюстраций; тогда как отчет об открытиях в Поладе вообще еще не опубликован. Поэтому я ограничил свои иллюстрации с озера Фимон несколькими предметами на рис. 66,

которые включают бронзовую плоскую кельту, большое глиняное кольцо и несколько образцов керамики.

АРКУА-ПЕТРАРКА.

В окрестностях Падуи, в небольшом озере Аркуа-Петрарка, расположенном на Эуганских холмах, недавно были обнаружены остатки озерных жилищ, во многом сходных по характеристикам с таковыми в озере Фимон. Он был обнаружен осенью 1885 года профессором Фредерико Корденонсом, который с помощью фондов музеев Падуи и Эсте проводил раскопки в течение этого и следующего лета, результат которых он только что опубликовал. (В. 464.) Похоже, что озеро, хотя сейчас оно занимает всего несколько десятков акров, раньше было гораздо большей площади и занимало всю нынешнюю долину. В иле этого древнего озерного бассейна, который сейчас покрыт отложениями торфа толщиной более 3 футов, были обнаружены остатки двух стоянок, одной на восточной, а другой на западной окраине нынешнего озера. Эти останки, состоящие из свай, частей поперечных балок и большого ассортимента промышленных обломков жителей, полностью приурочены к древнему грязевому месторождению, в торфе над ним ничего не найдено. Г-н Корденонс не дает столь подробного описания реликтового слоя и его окрестностей, как можно было бы пожелать; но поскольку раскопана только четвертая часть площади, занимаемой сваями (1000 квадратных ярдов), настоящий отчет может быть лишь первой частью исследований.

Среди собранных предметов следующее даст общее представление о его хронологическом положении по отношению к аналогичным останкам в долине По: —Несколько перфорированных каменных топоров, половина перфорированного топора-молота из зеленого серпентина, прекрасно отполированного, большой камень-молоток, красивая кремневая пила длиной четыре дюйма ("un bellissimo coltello-sega"), часть тонко обработанного кремневого наконечника в форме лаврового листа, несколько наконечников стрел, наконечников копий, пил, ножей и т.д. Из кремня.

Предметы из оленьего рога были немногочисленны, и зафиксировано лишь несколько перфорированных колец из этого материала.

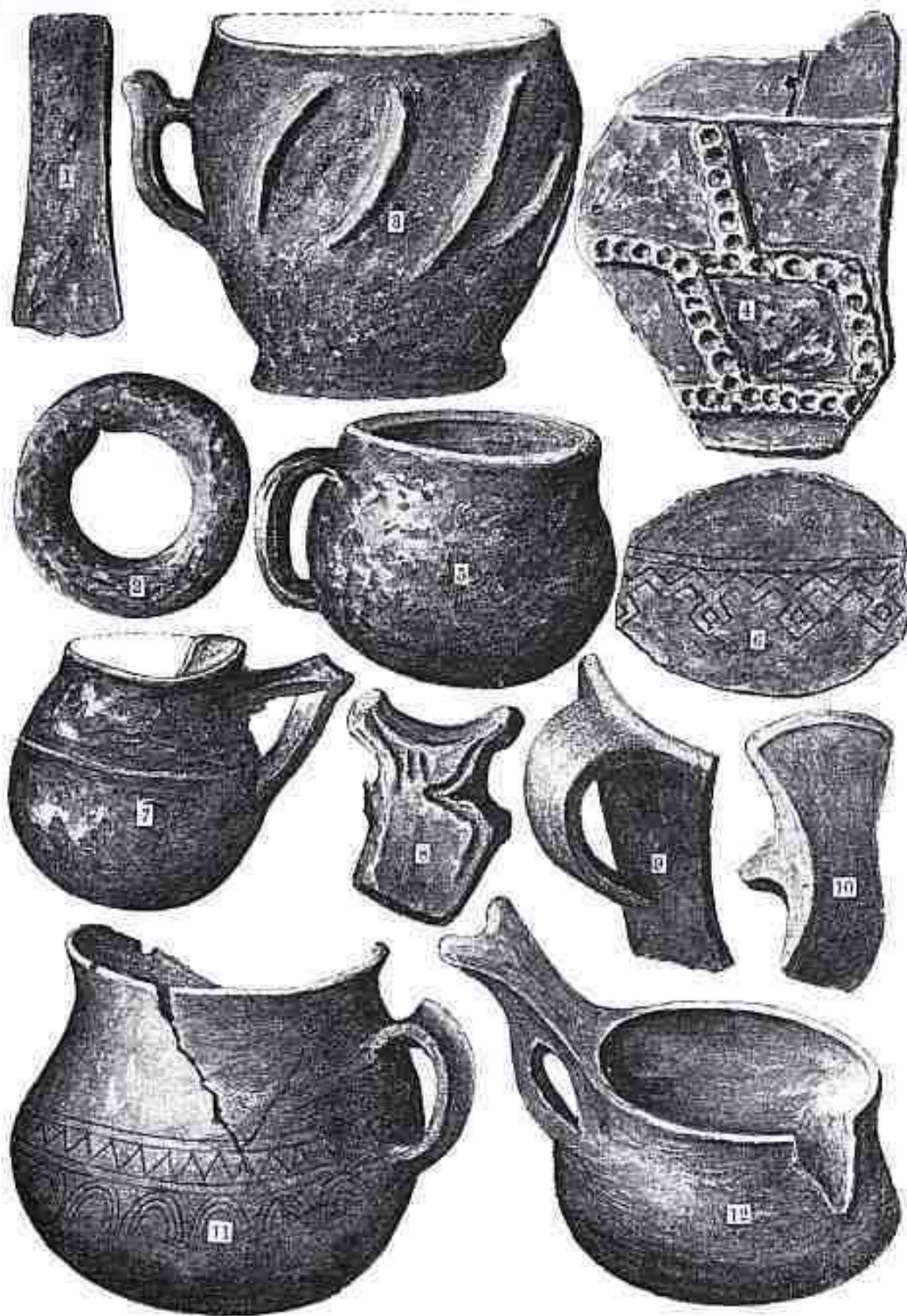

Рис. 66.—Фимон (с 1 по 8) и Аркуа-Петрарка (с 9 по 12). Все $\frac{1}{3}$ реального размера, кроме № 2 = $\frac{1}{6}$.

Керамика здесь в изобилии, и ее описанию посвящена большая часть монографии Корденонса. Паста в большинстве сосудов смешивается с песком и кусочками слюды, которые, как известно, являются *обломками* окружающих холмов. Только на одном блюде (рис. 66, № 11) был обнаружен орнамент из вырезанных линий, но, с другой стороны, выпуклые линии, сходящиеся в точках, образующие треугольники и т.д., были наиболее распространены. Ручки были различной формы и демонстрировали полный набор

прогрессивных этапов, от верхней части в виде одной пуговицы до почти идеальной формы *ansa cornuta*.

Никаких металлических предметов найдено не было, и, следовательно, г-н Корденонс приходит к выводу, что станция принадлежала к чистому каменному веку, вывод, который, однако, Пигорини оспаривает. (Б. 466b.)

Керамика очень похожа на керамику из соседних озерных жилищ в Фимоне и ни в коей мере не отличается от керамики из Полады.

ПОЛАДА.

Примерно на полпути между Дезенцано-суль-Лаго и деревней Лонато, и немного южнее прямой железной дороги между Миланом и Венецией, посреди ряда моренных холмов есть небольшая чашеобразная впадина, едва ли 300 ярдов в диаметре, которая когда-то образовывала стоячее озеро под названием Полада. Похоже, что в какой-то прежний период, о котором сейчас нет никаких записей, этот бассейн был частично осушен с помощью небольшого туннеля, который был пробит в моренном выступе на его северной стороне и таким образом отводил воду в более низкую долину. Результатом этого стало обнажение значительной части дна озера, одна часть которого образовывала языкообразный выступ или мыс, примыкающий к его восточному краю. Так продолжалось в Поладе на протяжении многих веков, и со временем оставшаяся часть озера полностью заполнилась торфом. Несколько лет назад владельцы этого болота начали использовать его содержимое в качестве топлива, и, чтобы облегчить эту операцию, на краю воронкообразной полости был проложен второй туннель на более низком уровне, чем первый, чтобы избавиться от воды. Затем было обнаружено, что мыс земли, который с момента его первоначального обнажения был возделан, был лишь частично обнажен первым дренажом, поскольку на его внутренней стороне был тонкий слой торфа, который чуть дальше внезапно опустился на большую глубину. В ходе удаления этого торфяного покрова с оконечности мыса и непосредственно на границе обрабатываемой земли были обнаружены несколько прогнивших свай и другие признаки доисторического жилища. Доктор Джованни Рамботти, президент Лисео Джиннасио в Дезенцано, признал, что это остатки озерного жилища, возведенного на сваях, и его так сильно заинтересовали найденные предметы, которые появлялись ежедневно, что он договорился с рабочими сохранить все реликвии для него. Это открытие было сделано в 1872 году, и по мере того, как работы по очистке торфа продвигались в течение следующих двух или трех лет, поселение оказалось очень богатым промышленными остатками. Теперь, когда дерн полностью удален и все реликвии собраны вместе, доктор Рамботти оказывается обладателем одной из самых ценных и поучительных коллекций останков обитателей озер в Италии.

На основании осмотра первоначального выхода доктор Рамботти подсчитал, что до того, как был проложен первый туннель, этот участок суши был покрыт слоем воды от восьми до десяти футов, и он считает, что на такой глубине обитатели озера, должно быть, соорудили свои сваи и платформу. Вполне вероятно, что эта часть участка могла быть обнажена и разрушена при проведении первого дренажа; но, во всяком случае, сохранилось достаточно, чтобы составить некоторое мнение относительно ее размеров. Когда я посетил местность с доктором Рамботти, он дал мне следующие размеры, которые он вывел на основе тщательного изучения местности и расположения свай. Его форма представляла собой продолговатый параллелограмм, 65 ярдов в длину и примерно треть этого расстояния в ширину. Его наибольший диаметр тянулся почти на восток и запад, и жилище, таким образом, было обращено своей короткой стороной к ближайшему берегу. Два ряда свай,

примерно в двух футах друг от друга, тянулись до берега на расстояние около 100 ярдов, и доктор Рамботти справедливо заключил, что это остатки трапа. Недалеко от места обитания озерного жителя было найдено неглубокое каноэ длиной 25 футов и шириной 30 дюймов со следами приспособлений для весел в трех равноудаленных местах с каждой стороны. Части второго каноэ, по-видимому, меньших размеров, были извлечены из-под земли в конце трапа.

Но ценной особенностью этого обиталища на озере является большой и уникальный ассортимент промышленных остатков, которыми оно обставлено, и все они хранятся вместе в частной резиденции доктора Рамботти, где они представляют собой респектабельный музей.

Керамика. Большие сосуды были сделаны из грубой сероватой глины, смешанной с грубым песком или галькой; но меньшие по размеру и более декоративные были сделаны из тонкой черной однородной пасты. Помимо большого количества фрагментов, в коллекции Рамботти насчитывается около 150 сосудов, более или менее целых, демонстрирующих значительное разнообразие размеров и форм, в зависимости от назначения сосудов. Некоторые из них представляли собой большие банки с широким горлышком, с двумя, а иногда и четырьмя ручками. У самых крупных из этого сорта горлышко было 15 дюймов в поперечнике и 9 дюймов в глубину. Одно плоское блюдо было 12 дюймов в диаметре и всего 4 в глубину, в то время как другое имело форму цветочного горшка и имело размеры 10 дюймов в поперечнике вверху, 5 ½ у основания и 12 в глубину. Другое блюдо (**рис. 68**, № 37) было по всей поверхности продырявлено маленькими круглыми отверстиями, расположенными вертикально и на равном расстоянии друг от друга рядами, которых было всего тридцать, и в каждом ряду по восемь отверстий. Размеры этой любопытной кофеварки составляют 10½ дюймов в диаметре, 8 у основания и 4½ дюйма в глубину. Некоторые сосуды, особенно большие вазы, были украшены линией перфорации или выступающими шишечками по краю; на других тоже кое-где были отмечены выступы с шишечками вокруг выпуклой части (**рис. 67**, № 6). Немногие были без ручек. В одном или двух случаях вместо ручки имелся полый выступ, достаточно выступающий, чтобы за него можно было ухватиться, и полая часть сообщалась с внутренней частью сосуда. Ручки крепились обычно по краю, но часто под ним, а иногда и на полпути вниз по борту сосуда. Самая большая ручка, которую я заметил, находилась на расстоянии 6 дюймов от двух точек крепления. Некоторые ручки были увенчаны выступом в форме пуговицы (№ 10); другие заканчивались раздвоением, похожим на пару рогов, что наводит на мысль о рудиментарной форме *ansa lunata*, столь характерной для *terremare* (№ 13 и 14). Из более изысканных видов керамики существует большое разнообразие посуды, которую можно классифицировать как чашки, миски, тарелки, кувшины и т.д., Некоторые из которых были украшены простыми узорами, выполненными точками и линиями (№ № 9, 10 и 11). На одной рукоятки был насечен крест, а одна рукоятка переходила в длинный стержень, идущий книзу, точно как у современного христианского креста.

Около 140 терракотовых веретенообразных завитков, некоторые из которых по-разному орнаментированы (**рис. 68**, № 28, 29 и 36). Значительное количество перфорированных глиняных гирь, пять из которых плоские, с отверстием в центре (**рис. 67**, № 19 и 20). Самыми новыми предметами были несколько продолговатых лепешек из терракоты, украшенных повторяющимися линиями небольших круглых углублений (**рис. 68**, № № 22-24).

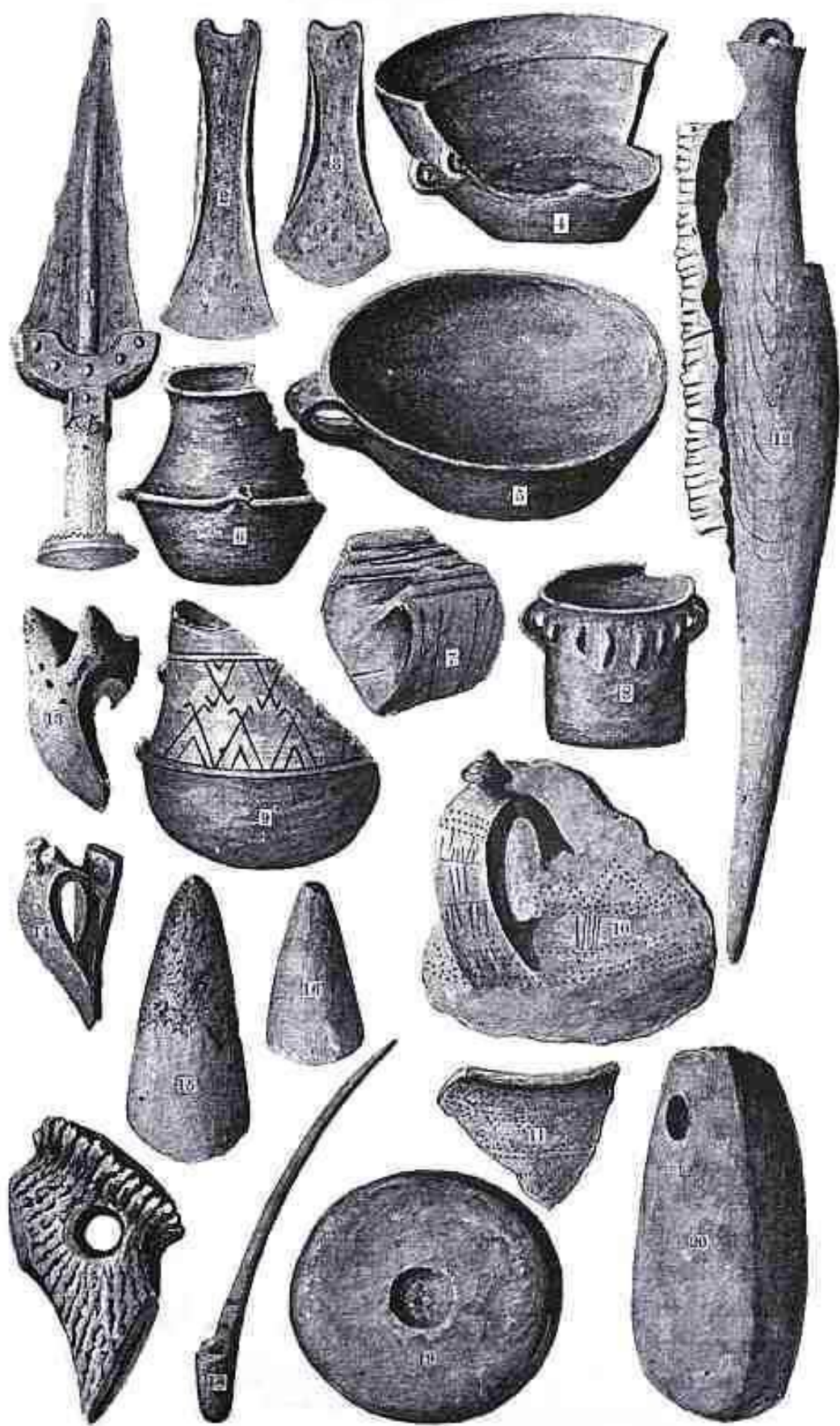

Рис. 67.—Полада. Все $\frac{1}{3}$ в натуральную величину. В

Предметы из камня.—Большая полировальная машина для песчаника вместе с несколькими более мелкими. Около 40 камней-молотков из кварца, серпентина и т.д., некоторые с углублениями для пальцев. Несколько перфорированных камней, используемых в качестве грузил или молотков. Шесть круглых камней размером с яйцо, найденных в каное. Отполированных кельтов было всего шесть обычного типа (**рис. 67**, № № 15 и 16). Одной из самых примечательных особенностей коллекции является количество наконечников стрелок, которое превышает 300, представляя в этом отношении заметный контраст с Lagozza. Как видно из иллюстраций (**рис. 68**, № № с 1 по 19), наконечники этих стрел и копий разнообразны по форме и чрезвычайно хорошо изготовлены. Восемь имеют ромбовидную форму, а аналогичное число имеет только один зубец (№ 7). Три прямоугольные пластины из полированного камня с отверстиями по углам, вероятно, использовались для защиты запястья лучника (№ 34 и 35). Кремневых пил насчитывается около 100 штук, некоторые из которых уникальны. У одной из них наклонные зубья, как показано на рисунке № 20, который представляет обе стороны кремня. Некоторые из них все еще были в ручках, когда их нашли. Один из них очень примечателен (**рис. 67**, № 12) тем, что состоит из четырех отдельных кремней, закрепленных в деревянной оболочке с помощью паза и асфальта. Этот корпус или рукоятка имеет захватную часть на каждом конце — короче говоря, это двуручная пила. На иллюстрации это орудие представлено лежащим плашмя, а рогообразный конец выступает вверх под углом около 40 °, так что при установке в рабочее положение кремнями вниз рогообразный выступ будет направлен влево. Поэтому доктор Рамботти решил, что озерные жители были левшами. Там были две другие деревянные гильзы, точно такие же, но без кремней.

Рог и кость.— Около 40 костяных кинжалов и наконечников, из которых 12 сделаны из расщепленных костей ног и прекрасно отполированы, как кинжалы из Лайбаха и других мест. Ряд небольших заостренных предметов из кости, долота, булавки и т.д. (**Рис. 68**, № № 25-27). Семь перфорированных наконечников топора из оленьего рога (**рис. 67**, № 17), также похожих на наконечники из Лайбаха.

Бронза.—Бронзовый кинжал (№ 1) с аккуратно обработанной костяной рукоятью, заканчивающейся капсулой в форме пуговицы. Клинок крепился к полулунной капсуле из тонкой бронзы с помощью заклепок. Предполагалось, что части обработанной кости, похожие на рукоять этого оружия, принадлежали другому аналогичному оружию. Три плоских кельта типа террамара (№ 2 и 3).

Украшения.—Восемь костяных колец, одно из которых орнаментировано маленькими кружочками (**рис. 68**, № 33). Три перфорированные пуговицы или веретенообразные завитки из мрамора (№ 30). Несколько других форм пуговиц из камня или мрамора (№ 21 и 32). Несколько перфорированных зубов собаки, волка, медведя (№ 31) и дикого кабана; также одна перфорированная раковина.

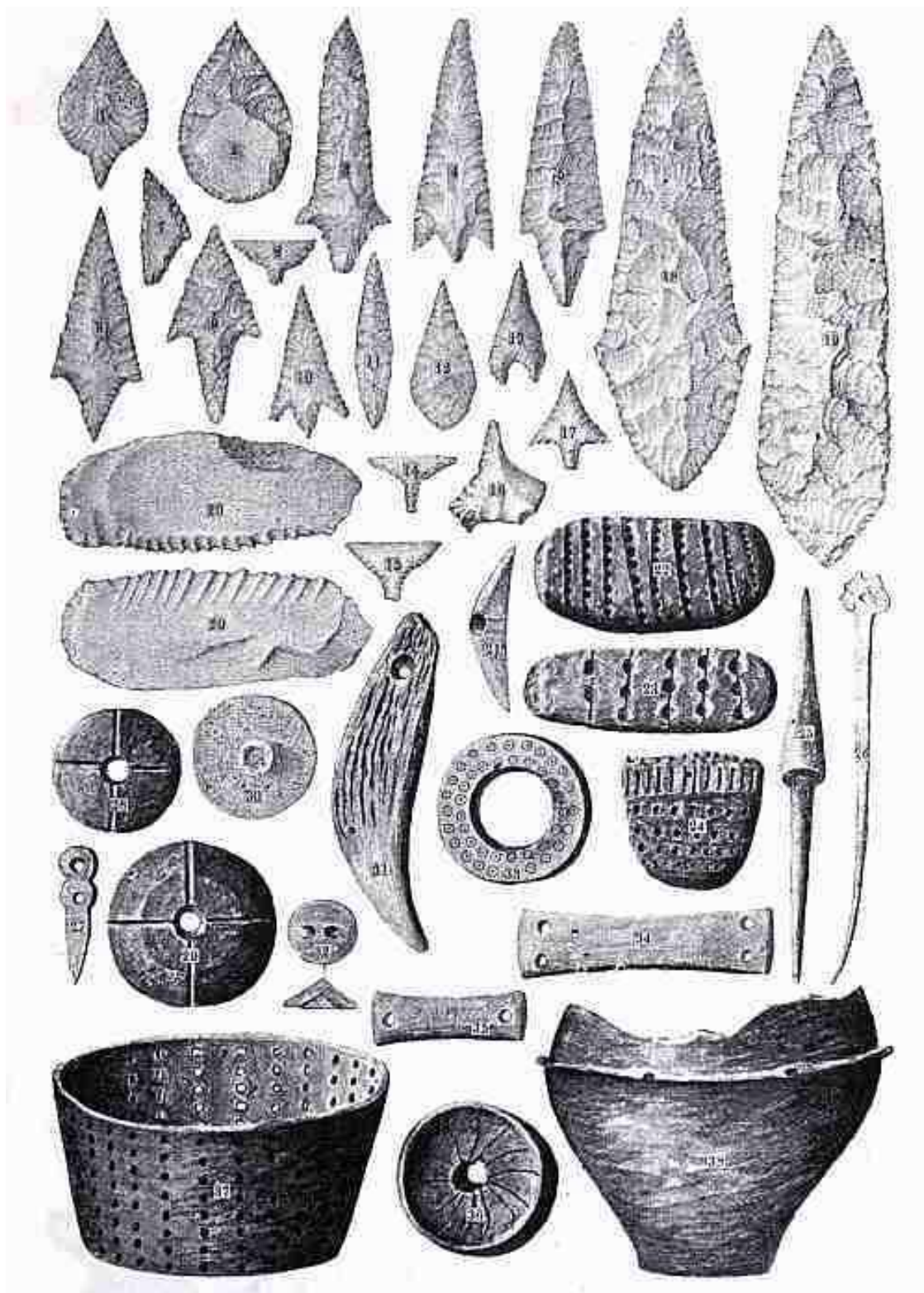

Рис. 68.—Полада. Номера 37 и 38 = $\frac{1}{6}$, а все остальные = $\frac{1}{2}$ реального размера.

Дерево.— Сохранилось несколько деревянных изделий, таких как ручки орудий труда, часть весла, фрагменты гильз для кремневых пил. Табурет с шестью ножками, вырезанными из массива. Сейчас они в основном сморщились и едва узнаваемы.

Костные останки.—Верхняя часть человеческого черепа. Также многочисленные кости следующих животных: —урусов и некоторых других пород крупного рогатого скота, лошади, овцы, козы, собаки, кошки (один череп), дикого кабана, свиньи, оленя и косули.

Доктор Рамботти считает, что имелись достаточные доказательства для вывода о том, что поселение было уничтожено пожаром.

В Италии еще не было опубликовано ни одного сообщения об этом замечательном обитателе озера, но основные объекты были выставлены на Конгрессе искусства и археологии, состоявшемся в Брешии осенью 1875 года. По этому случаю не менее четырнадцати страниц опубликованного каталога выставки посвящены перечислению коллекции доктора Рамботти из Полады.

CASCINA, Etc.

В Торбьера-ди-Кашина, расположенном между Кастельнуово и Сан-Джорджо в Салисе, время от времени находили предметы, которые, без сомнения, принадлежали древним обитателям свай. Стоянка была впервые обнаружена Мартинати (*Адидже*, 1874, № 23), который нашел кремневые наконечники стрел, наконечник копья в форме лаврового листа, некоторые каменные орудия, кусочки оленьего рога и т.д. В 1878 году Пигорини дает дополнительный отчет (В. 328d') о некоторых обнаруженных с тех пор предметах, в том числе о 18 кремневых наконечниках стрел различной формы, в том числе о так называемом ромбоидальном типе (*selce romboidale*), великолепном наконечнике копья, прекрасной пиле и одном маленьком треугольном долоте. В музее Кирчериано в Риме также сохранились бронзовый топор плоского типа (**рис. 51**, № 9) и любопытный бронзовый нож (№ 12), подобный ножам озерных жителей Пескьеры, которые были найдены в этом месте.

Мартинати (Б. 279, с. 179) также описывает другую небольшую торбьеру в окрестностях Лацизе, в которой были обнаружены три ряда куч, и с ними были связаны фрагменты черной керамики. Также сообщалось, что в прошлые годы в этом населенном пункте были найдены целые сосуды такого же типа.

TERREMARE.

Вскоре после середины прошлого века определенные искусственные залежи землянистого вещества, обнаруженные разбросанными в форме больших плоских насыпей в провинциях Парма, Реджо и Модена, стали известны земледельцам как обладающие большой удобрительной способностью — свойством, которое они впоследствии использовали с выгодой, используя их содержимое в качестве навоза. Эта практика была доведена до такой степени, что многие из этих залежей, несмотря на их большую протяженность, покрывающую, в большинстве случаев, многие акры, в настоящее время полностью исчезли. Это вещество выглядит как смесь глины, песка, золы и т.д., расположенных слоями разного цвета - желтовато—коричневого, зеленого или черного - и распространено среди крестьян под названием *марна* или *мерне*; но в научных кругах его обычно называют террамарой, особенно после заседания Международного конгресса в Болонье. В ходе этих ежегодных раскопок рабочие заметили различные предметы древности, такие как римские монеты и изразцы; орудия труда из кости, рога, бронзы и т.д.; иногда попадались кости домашних и диких животных; и даже человеческие кости. Но эти популярные наблюдения не привели к какому-либо научному исследованию, и когда эти таинственные курганы случайно были замечены первыми авторами этого столетия, у каждого из них была своя теория, объясняющая их. Так, знаменитый натуралист Вентури в своей "Истории Скандиано", опубликованной в 1822 году, относит их частично к бойям, кельтской расе, которая здесь, по его словам, кремировала своих мертвых воинов и церемониально бросала их оружие и животных, захваченных на войне, в горящие кучи; и частично к римлянам, которые впоследствии заселили страну и выбрали эти кучи для своих жилищ и захоронений. Другие

предполагали, что это священные или традиционные кладбища сменяющих друг друга рас, и поэтому их содержимое называется "terrecimenteriale"; и любопытно, что многие из этих усеченных курганов по сей день увенчаны современной церковью или монастырем, вокруг которых христиане имели обыкновение хоронить своих мертвецов. Не пролило особого света на этот вопрос и мнение Гастальди, опубликованное в 1861 году (В. 43). Видя, что терремары неизменно располагались рядом с текущими ручьями, он счел их груды останков разных эпох — римских могил, кремаций и поминальных пиршеств, которые были смыты и переделаны наводнениями. Но эти и подобные теории, основанные на предположении, что это были жилища умерших, не соответствовали домашнему характеру найденной керамики и орудий труда. Отправной точкой длинной серии исследований, которые теперь прояснили проблему, стало заявление профессора Штробеля из Пармы в 1861 году (В. 44) о том, что под настоящими отложениями террамара в Кастьоне-деи-Маркези были обнаружены остатки палафитте, аналогичные тем, что были найдены в озерах и болотах.

Это знаменитое и наиболее известное из всех этих поселений расположено примерно в четырех милях к северо-западу от Борго-Сан-Донино, в провинции Парма. Он был обнаружен около семидесяти лет назад, и раскопки продолжались исключительно в сельскохозяйственных целях до 1861 года, когда публикации Гастальди привлекли внимание к доисторическим останкам Северной Италии. До тех пор многочисленные предметы человеческого труда, извлеченные рабочими из-под земли, почти не вызвали любопытства. Ситуация, однако, сильно изменилась после того, как северная волна археологических исследований, теперь значительно ускорившаяся из-за открытия швейцарских озерных жилищ, дошла до парменсианских антикваров. Отныне инструкции исходили от владельца, Sig. Уголотти, что эти предметы должны были быть тщательно сохранены, и теперь они составляют особую и наиболее интересную коллекцию в Археологическом музее в Парме. Посетив Кастьоне, можно увидеть небольшое возвышение, возвышающееся примерно на 10 футов над равниной и увенчанное церковью и женским монастырем. К этим зданиям, которые одновременно высокие и обширные, с западной стороны ведет каменный мост, перекинутый через похожий на канал бассейн со стоячей водой, который лежит вдоль края насыпи и частично окружает ее. В других местах склон от этого плато к ровной равнине постепенный, за исключением тех мест, где были произведены более поздние раскопки, которые имеют почти такой же вид, как придорожный песчаный карьер. Относительно первоначального размера и формы кургана сейчас трудно дать правильную оценку из-за количества ежегодно вывозимого мусора, но часть, все еще нетронутая или покрытая постройками, может быть оценена в два акра.

Перпендикулярный разрез, который можно легко получить в различных точках, представляет собой следующую последовательность слоев сверху вниз:—

1. Обычная плесень или потревоженная почва на глубине 6 футов, предположительно содержащая римские и более поздние останки.
2. Собственно пласты террамара, расположенные тонкими волнистыми слоями разноцветной земли. Иногда в глаза бросается толстый слой глины или черная полоса древесного угля; в другом месте видно, что перекрывающийся слой выдвигается и вообще исчезает. Но, несмотря на волнистый вид, общая горизонтальность этих слоев сохраняется. Их средняя общая толщина составляет 8 футов.

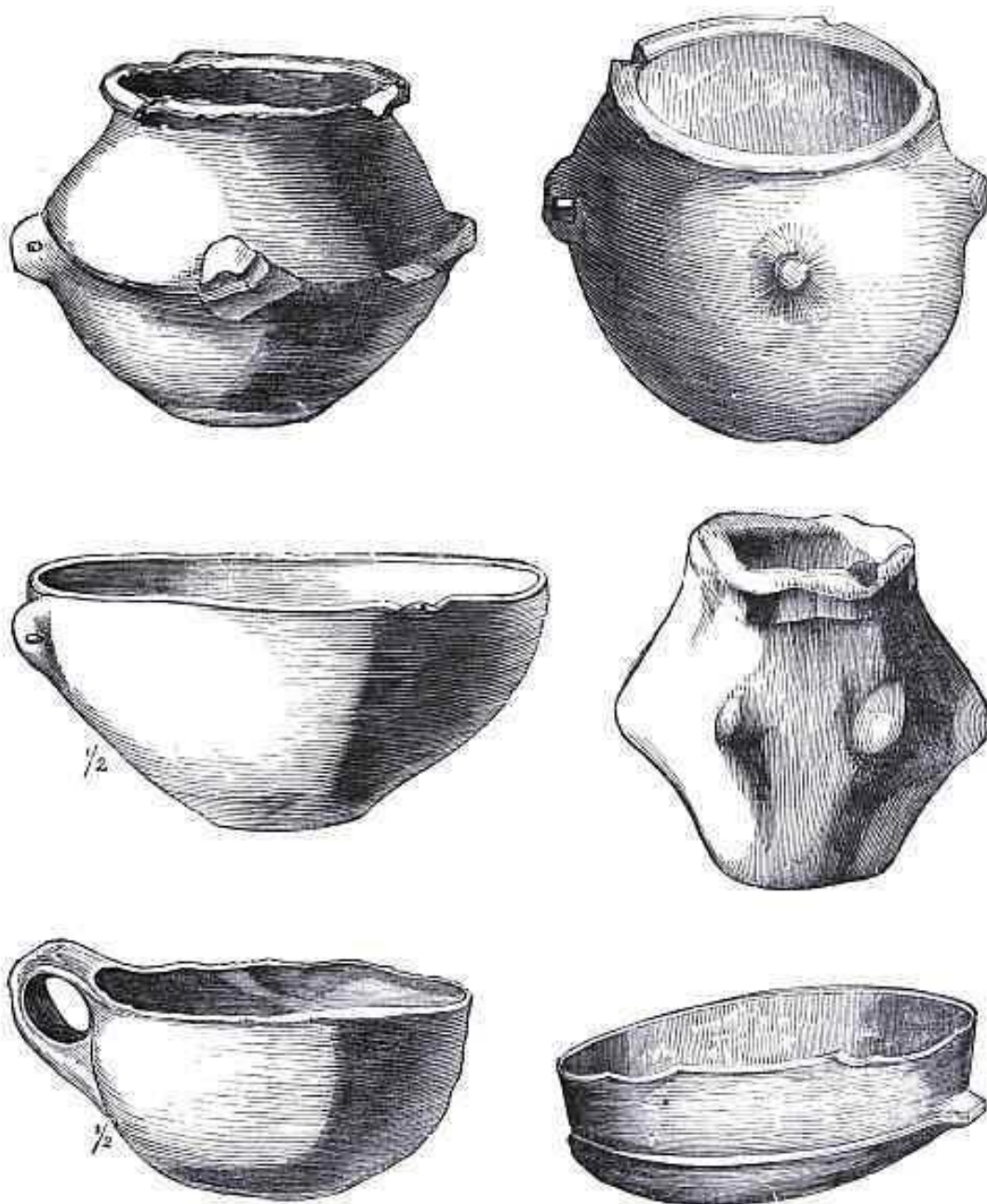

Рис. 68а—Керамика из Терремаре.

3. Под этими слоями находится черноватое торфянистое вещество толщиной около 3 футов, в котором, как уже упоминалось, Штробель обнаружил остатки палафита.

Под этим торфянистым слоем находится зеленоватый глинистый осадок, сходный по составу с тем, что был найден на некоторой глубине на окружающей равнине, в которую были вбиты сваи.

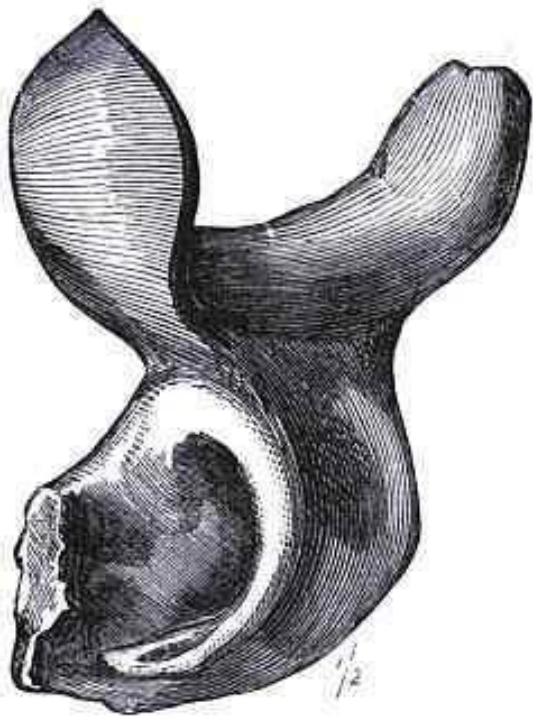

Рис. 68б.—Анс Полулунный или роговидный с территории.

Открытие Штробеля вызвало большой спекулятивный интерес, особенно в связи с исследованиями, начатыми Гастальди в отношении озерных и свайных жилищ, существование которых в Италии только что было продемонстрировано в Меркураго и на озере Гарда.

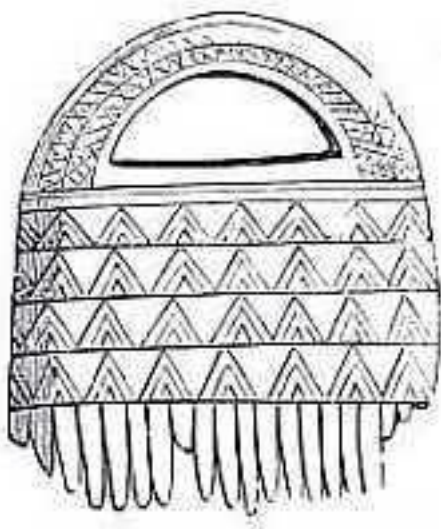

Рис. 69.—Костяной гребень ($\frac{1}{2}$)

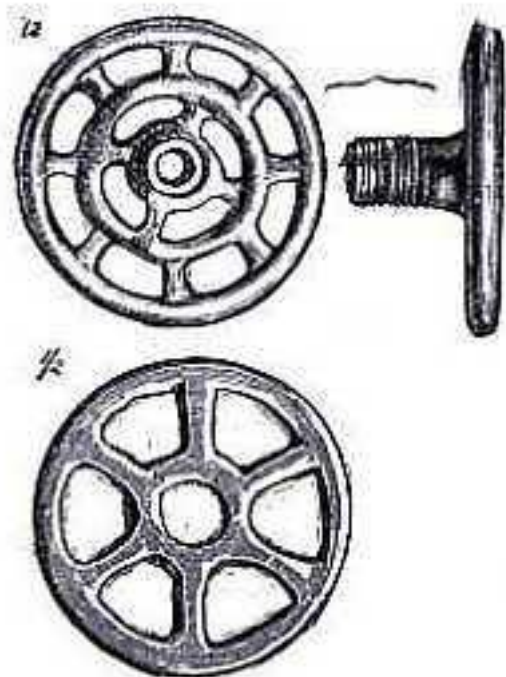

Рис. 70.—Костяные диски

из Вико-Фертилити.

из Кампеггина.

Размышляя над этими новыми открытиями и, без сомнения, движимые растущим интересом к подобным исследованиям, Штробель и Пигорини, оба проживавшие в то время в Парме, начали серию наблюдений и расспросов о терремаре в их окрестностях, результатом которых стал совместный отчет, впервые опубликованный в 1862 году как часть хорошо известной статьи Гастальди "Нуови ченни сугли огgetti альта античита тровати нелле торбьер и нелле мариньер дель Италия". (Б. 52.)

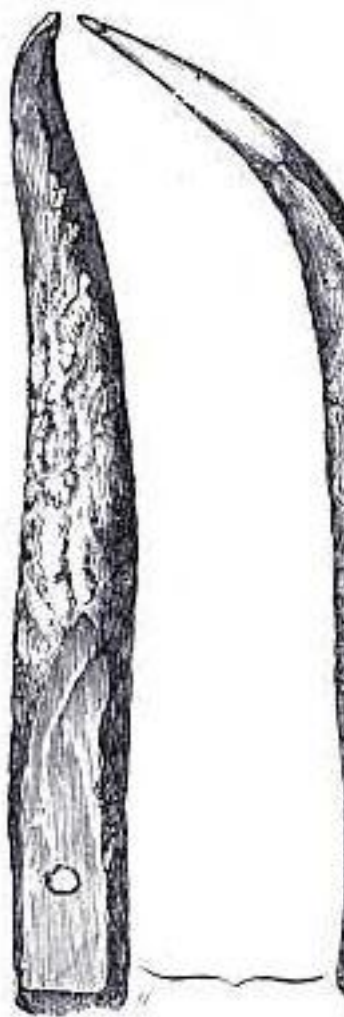

Рис. 71.—Орудие труда из рога.
Оба из

рис. 72.—Кость ($\frac{1}{2}$)
Кампеггина.

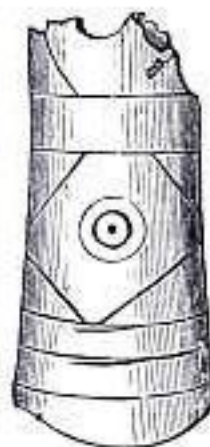

Рис. 73. — Часть
костяной рукояти из
Кастиона ($\frac{1}{2}$).

Рис. 74.—Два костяных предмета из Кампеггина ($\frac{1}{4}$).

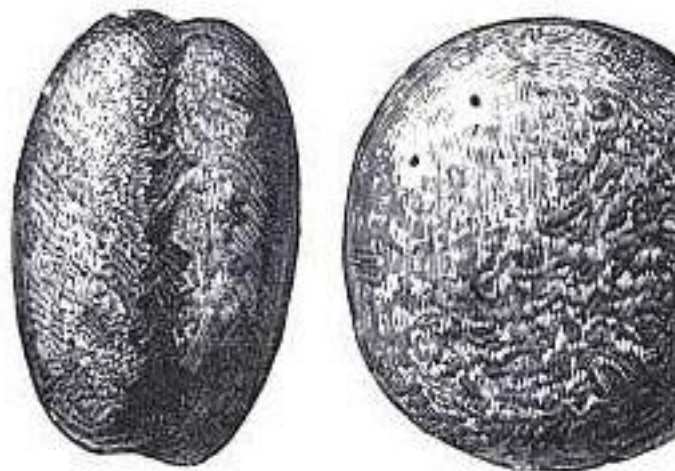

Рис. 75.—Дисковидный камень из Кампеггина ($\frac{1}{2}$).

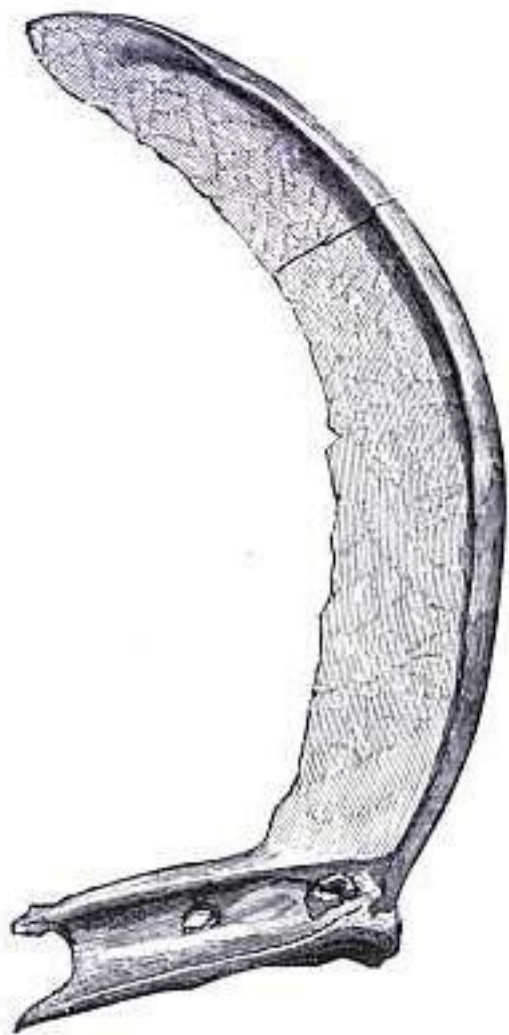

Рис. 76.—Бронзовый серп из Кампеджине ($\frac{1}{2}$).

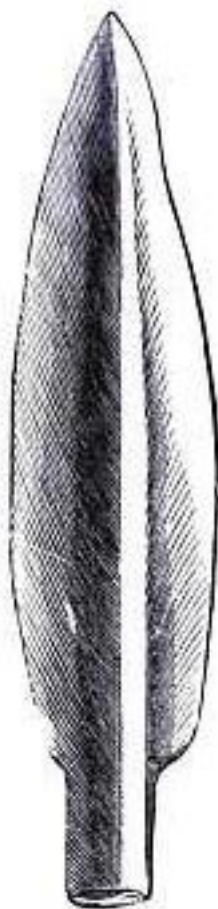

Рис. 77.—Бронзовый наконечник копья из Баргоне ди Сальсо ($\frac{1}{2}$).

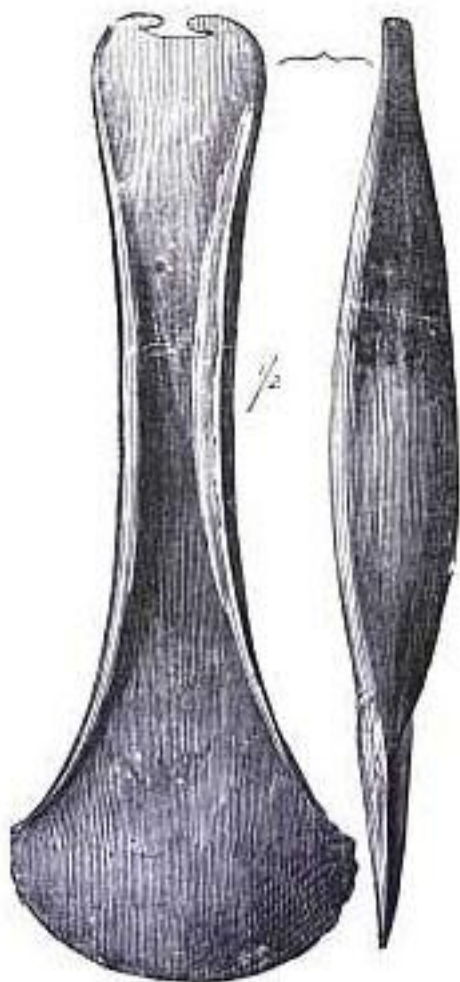

Рис. 78.—Бронзовый кельт из Кастеллаццо.

Рис. 79.—Бронзовое шило с костяной ручкой, из Кампеджине ($\frac{1}{2}$).

В этом отчете авторы обсудили работы человека, найденные в пластах мергеля под следующими пятью насадками, а именно. жилища, сосуды, утварь, оружие и предметы неопределенного назначения. Глиняная посуда, по их признанию, имела степень качества в зависимости от назначения сосудов. Большие вазы были грубо замешаны, песчинки были крупнее и заметнее, а цвет пасты был пепельно-черным внутри и красноватым снаружи. У них не было глазури. Тарелки поменьше были сделаны из тонкой однородной пасты, с очень тонкими стенками, гладкой поверхностью и черноватой поверхностью, напоминающей лак. По своей форме их можно было бы разделить на великое множество разновидностей, таких как тарелки, чашки, тазики, бутылки, вазы и т. Д. (Рис. 68,а). Авторы распознали в производителях этой керамики склонность к разнообразию своих изделий, и это особенно проявилось в различных формах и украшениях ручек, называемых *аппендикулятами*, которые появлялись в большом количестве. Это были обычные ручки с дополнением сверху либо в виде вертикального пуговичного отростка, либо в виде поперечной планки. Последнему был придан наибольший интерес, поскольку концы прутьев были загнуты различными способами, чтобы придать им форму ушей или рогов, как на рис. 68б.

Среди утвари они выделяли разнообразные промышленные предметы, такие как иглы, булавки, гребни с орнаментом, маленькие колесики, ручки и т.д., сделанные из кости или

рога (рис. 69-74 и др.). Из камня было много резинок, кукурузных жерновов и рифленых камней сферической формы (рис. 75), но очень мало топориков и стамеск.

Из бронзы были найдены серпы (рис. 76), наконечники копий (рис. 77), плоские кельты (рис. 78), шила (рис. 79), стамески, булавки и т.д.

К объектам неопределенного назначения были отнесены серии веретенообразных завитков различной формы (рис. 80).

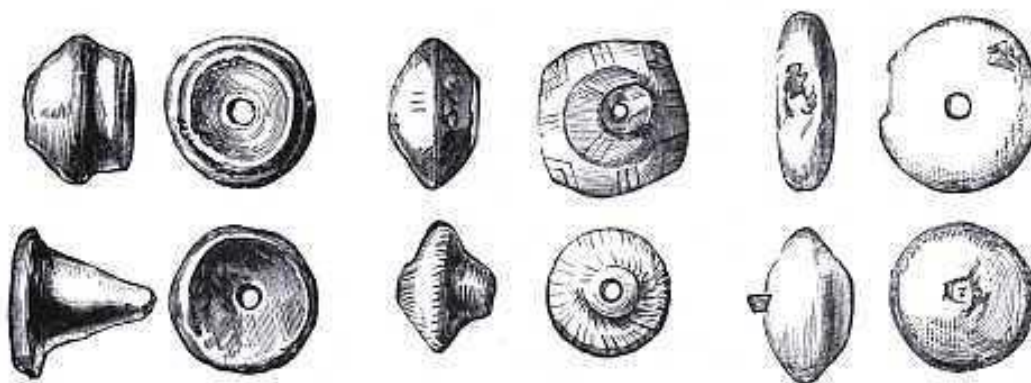

Рис. 80.— Различные формы веретенообразных завитков или бусин ($\frac{1}{2}$) из Кампеггина.

Исходя из наличия металлических шлаковых и каменных форм (рис. 81), авторы пришли к выводу, что террамариколи владели искусством литья металлов.

Профессор Штробель дал также подробное описание костей и других органических останков, на которые я впоследствии буду ссылаться, рассказывая о его последующих исследованиях в этой широкой и важной области исследований.

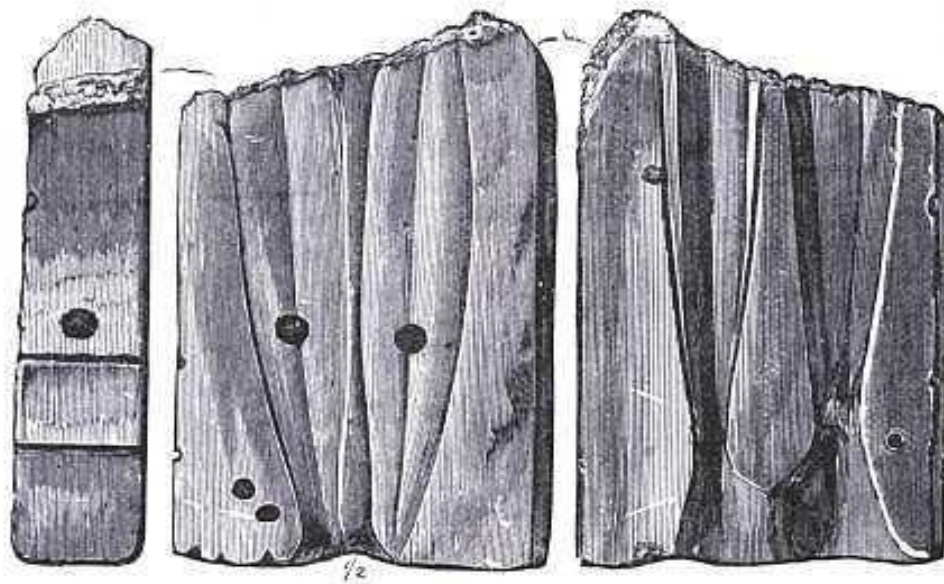

Рис. 81.—Каменная форма из Кастельнуово.

Подводя итог, авторы использовали следующие слова:—

Что касается первого происхождения мергелевых земель, ясно, что пиршества, как вы утверждаете, составляют значительную часть; но нам кажется, что в уже упомянутых

скорлупах, жерновах, кучах зерна, частоколах, черепках, вместе с оружием и всевозможной утварью, которые можно найти в этих землях, появляется нечто большее, чем просто место встречи для банкета. Нам кажется, если мы не ошибаемся, что в этом есть что-то оседлое и долговременное. Люди собирались там не только для того, чтобы устроить пир и поглотить его, но и для того, чтобы заниматься домашними делами, готовить орудия труда и оружие, шить одежду и плести сети — одним словом, жить в них; кроме того, совершать обряды своего религиозного поклонения и, возможно, также сжигать своих мертвецов, и все это по обычаю варваров, какими, должно быть, были жители *мергелевых зарослей*. Эти люди, в зависимости от места и времени, были рыбаками, охотниками, пастухами и даже земледельцами". (Б. 91, с. 83.)

В этих словах заключена наиболее важная особенность данного отчета. Авторы, хотя и не совсем свободны от прежних представлений о том, что наводнения имели какое-то отношение к расслоению *обломков*, отчетливо признают, что терремаре следует рассматривать как остатки *жилищ живых*, а не, как предполагалось до сих пор, места упокоения мертвых.

Интерес ко всему предмету в настоящее время быстро возрос и распространился на земледельцев и местных наблюдателей. Ежегодные раскопки тщательно просматривались, и даже проводились специальные исследования в интересах науки. Штробель, признанный натуралист с удивительно точными привычками, посвятил свою огромную энергию изучению органических остатков, особенно богатых и разнообразных продуктов торфяного слоя (*terra uliginosa*) в Кастионе, в котором были обнаружены кучи. Пигорини, с другой стороны, был археологом в чистом виде, но наделенным большими способностями и большой плодотворностью в сопоставлении и обобщении фактов — качествами, которые с тех пор принесли ему кафедру археологии в Риме, которую он сейчас занимает с таким отличием. Можно сказать, что эти два человека, связанные таким образом, создали новую школу археологии, особенно в отношении терремаре, основной и незаменимой целью которой был сбор достоверных данных, без которых, по их утверждению, никакие выводы, какими бы блестящими они ни были, не могли быть научными.

В ходе исследований, проведенных Штробелем в Кастионе в 1862 и 1863 годах, он заметил, что сваи были размещены в своего рода бассейне, естественном или искусственном; что они поддерживали поперечные балки, поверх которых были уложены глиняные настилы; и что они были более толстыми к краю и наклонными, как будто для укрепления внутренних надстроек. Более того, он доказал, что предполагаемая торфянистая формация (*terra uliginosa*) не имела ничего общего с настоящим торфом, а была просто подводным отложением обычной земли, связанным с разложившимися органическими *обломками*. Другая террамара в Парме, имеющая характеристики, аналогичные террамаре в Кастионе, была исследована Пигорини в следующем году, и, таким образом, теория о случайном превращении палафитте в наземное жилище, по их мнению, подтвердилась. До этого расслоение пластов — одна из наиболее примечательных особенностей этих отложений — не вызывала особого удивления, но теперь это начали комментировать.

Эти и некоторые другие заслуживающие внимания наблюдения, появляющиеся то тут, то там, побудили Штробеля и Пигорини опубликовать второй отчет о терремаре Пармы. (Б. 89.) Но в этой *брошюре*, появившейся в 1864 году, по-видимому, нет какого-либо разительного отклонения от взглядов, выраженных авторами в их предыдущем отчете. Они утверждали, что люди, построившие и населявшие эти жилища, были кочевой или земледельческой расой, относящейся к бронзовому веку, и, вероятно, были родственниками швейцарских озерных жителей; и что их жилища различались по структурному характеру в зависимости от

требований выбранного участка. Сваям в Кастионе и других местах не придавалось никакого значения, за исключением того, что они служили доказательством того, что использовались различные методы строительства, принятие которых зависело от местных условий. Предполагалось, что состав слоев в виде "земляных пластов, то пепельного, то желтоватого, то красноватого или черного цвета" и их особенно волнистое расположение просто указывают на разнообразие.

Терремаре теперь стал предметом споров между приверженцами старой и новой школ. На первых оказали свое влияние Кавеони, Коппи, а впоследствии и Креспеллани; в то время как последние были усилены Бони, Канестрини, Калегари и Кьеричи. Среди всех них в течение следующих нескольких лет Кьеричи занимал выдающееся положение. Уже будучи страстным коллекционером древностей своей родной страны, он нашел в таинственном терремаре благоприятное поле деятельности и новую отдушину для своей любви к практическим исследованиям. Для тщательного наблюдения и ясного изложения явлений, наблюдаемых в ходе исследований, у Чиеричи было мало начальников. Ему, несомненно, следует приписать следующий значительный вклад в прояснение проблемы терремаре. Наблюдая в нескольких случаях, что земляная дамба прямоугольной формы с канавой снаружи окружала курган террамара, и что вертикальные балки или их следы были видны во всех частях отложений, он предположил, что это были нормальные черты в их структуре. Хотя некоторые из современных ему исследователей случайно заметили нагромождения в слое, отличном от того, в котором было сделано их первоначальное открытие в Кастионе, и даже зафиксировали этот факт (Б. 407, с. 7), только Кьеричи мог интерпретировать истинное значение открытия. В поддержку теории универсальности системы палафитта он показал, что во многих случаях сваи полностью исчезали в результате разложения и что единственными следами их существования были ямы, которые они занимали. Некоторые из них, действительно, впоследствии были заполнены просочившимся веществом, так что на разрезе они имели вид перевернутых конусов. По этому поводу он рассказывает, что в одном помещении площадью 210 квадратных метров он насчитал не менее 124 "пучков пали". (Б. 206, стр. 9.)

Следует помнить, что до этого археологи не имели четкого представления о порядке или относительном расположении изделий разных эпох и рас, и та же путаница распространилась на территорию. Например, в Кастельнуово Кьеричи, казалось, был озадачен, обнаружив под террамарой бронзового века признаки более древнего периода. С другой стороны, в Кампеггине были обнаружены предметы раннего железного века, но в основном в верхних слоях, в то время как в нескольких случаях были обнаружены этрусские останки.

Еще одним моментом, на который было обращено внимание Кьеричи, была частота расположения прямоугольных ограждений таким образом, чтобы их четыре стороны были обращены по сторонам света; и эту ориентацию в определенных пределах, изменяющуюся, по-видимому, в зависимости от направления восхода солнца при основании поселения, он считал также применимой ко всем деревням террамара. По этому поводу см. также Хельбига. (В. 308.)

В своей знаменитой теории строения деревень террамара (В. 206) Кьеричи выдвинул идею о том, что они были построены над искусственными бассейнами, в которые был направлен бегущий ручей, чтобы превратить *бачино* в бассейн с водой. Этот бассейн был окружен земляной дамбой, внутри которой на сваях была возведена деревянная платформа, покрытая слоем глины. Затем над этой платформой через равные промежутки времени были возведены хижины, и мусор из них через отверстия тут и там выбрасывался в пространство

внизу. Вода, поступавшая с одной стороны ограждения, выходила с противоположной стороны. Таким образом, пространство под платформой было более или менее занято водой, и *обломки*, выброшенные в нее, образовали осадочные слои и так продолжали накапливаться до тех пор, пока все пространство не было заполнено. Когда накопление *обломков* достигло такой степени, возникла необходимость поднять их настилы, и это было сделано путем повторения того же процесса на более высоком уровне; и таким образом Кьеричи учитывал последовательные платформы и палафитты, которые должны были встречаться на террамарских грядах.

Таким образом, в руках Кьеричи почти каждая деталь месторождений террамара вызывала новый интерес и стремление к дальнейшим исследованиям. Груды или их следы были обнаружены почти сразу же на всех станциях, где их тщательно искали. В 1872 году Кьеричи и Мантовани исследовали две станции, одну в Монте-Венере и другую в Монте-Монте, на которых были обнаружены не только дамба, окружающая бассейн и палафитте, но и в одной из них три ряда свай, одна наложенная поверх другой, что ясно показывает, что когда пространство вокруг свай и под платформой было засыпано *обломками*, была применена вторая палафитте, за которой, в свою очередь, последовала третья. (Б. 233 и 247.) Всеми было признано, что во многих частях своеобразное расслоение слоев в определенных слоях могло быть объяснено только предположением, что вода каким-то образом связана с сортировкой их ингредиентов, поскольку плавающие материалы, такие как кусочки древесного угля, часто удалялись и образовывали отдельные слои. Пока что теорию Кьеричи можно рассматривать как предлагающую полное объяснение этих явлений. Но оставалось учесть отложение более высоких частей насыпи, поскольку было трудно представить себе скопления воды на требуемой высоте. Еще более серьезным возражением была невозможность транспортировки воды без вмешательства гидравлической системы к участкам, расположенным на возвышенностях, намного превышающих уровень любых соседних ручьев, и из этого класса были известны несколько таких мест, как Монте-Венере, Ротелья, Кастеллаччо и т.д. (Б. 407, с. 9); однако в большинстве случаев они также содержали палафитте и дамбу. Это была самая слабая часть теории, и она нашла мало сторонников, но в других отношениях каждое дополнительное открытие только подтверждало ее. Штробель, однако, отказался верить в универсальность ни дамб, ни палафиттов. Так, в письме 1874 года (Б. 267) он говорит: "В заключение статьи, которую я написал в 1872 году о раковинах *Унио*, найденных в мариере и др., я утверждал, что терремары, эти доисторические поселения, были наземными; что в некоторых из них человек жил в свайных жилищах на сухой земле, в других он обитал в палатках или хижинах; и что в некоторых террамарских пластах видны земляные валы, которые, возможно, использовались как дамбы или бастионы и которые, по всей вероятности, были укреплены". с канавами." Показав, насколько невозможным было бы для террамариколи из Ротельи и Кастеллаччо иметь водоемы на такой высоте, как они были, он продолжает: "И здесь мне, возможно, будет позволено возвысить свой голос против тех, кто воображает, что доисторические люди, и особенно жители мариера, а также наших терремаров и свайных жилищ бронзового века, всегда и везде постоянно следовали единому и неизменному порядку в обустройстве своих жилищ, как если бы они были ниже животных, более того, даже беспозвоночных, которые модифицируют свои жилища". их конструирование в зависимости от обстоятельств. Но, на самом деле, в этих землях гораздо меньше единообразия, чем часто встречается в жилищах животных; поэтому я логично утверждаю, что даже доисторические люди меняли свой образ жизни в зависимости от места, времени и обстоятельств; и что террамариколи жили не только в бассейнах с водой, как утверждают некоторые, но имели поселения как в воде, так и на суше, и что пласты террамары являются результатом последнего. В некоторых земных поселениях у них, вероятно, были свайные

жилища, в то время как в других они жили в хижинах или палатках. По крайней мере, некоторые наземные поселения были защищены дамбами и канавами". (Б. 119, 2-е изд., стр. 402.)

Пигорини, с другой стороны, благосклонно отнесся к большей части обобщений Кьеричи, и в ходе исследований, проведенных им в Казарольдо в 1874 году (Б. 266 и 297), он обнаружил, что все не только согласуется с его взглядами, но и некоторые дополнительные факты, которые, казалось, укрепляли ту часть его теории, в которой он утверждал, что палафитте было обычным методом, принятым при устройстве терремаре, независимо от характера местности, в которой они были построены. Таким образом, в Казарольдо, хотя бассейн с палафитте окружали и канава, и дамба, в нем не было торфянистого грунта (*terra uliginosa*), как в Кастионе, но вещество, точно идентичное наложенным отложениям. Здесь также были обнаружены следы свай на более высоком уровне.

Почти одновременно с публикацией теории терремаре Кьеричи в 1871 году состоялся Международный конгресс антропологии и доисторической археологии в Болонье, который дал огромный импульс подобным исследованиям. Действительно, последующее десятилетие можно охарактеризовать как эпоху Августа на кафедре доисторической археологии в Италии. Замечательные открытия на старых кладбищах Болоньи и в этрусских гробницах в других районах Циркумпаданы, вместе с увеличением числа доисторических стоянок в озерах, водохранилищах, пещерах и т.д., Значительно расширили поле исследований и усложнили расшифровку из-за бесконечного нагромождения их останков истории различных цивилизаций, которые ранее характеризовали страну. Чтобы облегчить эти исследования, в начале 1875 года был основан *бюллетень итальянской палитнологии* под совместной редакцией Кьеричи, Пигорини и Штробеля. Это периодическое издание принесло много пользы и до сих пор находится в процветающем состоянии.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ РАССЛЕДОВАНИЯ В КАСТИОНЕ.

Таков был общий характер мнений относительно терремаре вплоть до 1877 года, когда из-за интереса, проявленного тогда к этим необычным останкам, и с целью прояснения некоторых спорных моментов министр общественного просвещения приказал провести новые раскопки в Кастионе под руководством профессора Пигорини. Выбранная часть представляла собой продолговатое пространство с северной стороны церкви, начинающееся с края и простирающееся внутрь на значительное расстояние. Результатом этого стало раскрытие новой и замечательной особенности в его структурном устройстве. Внутри земляной дамбы, между ней и лесом свай, тянувшимся внутрь, находился ряд небольших прямоугольных ограждений, построенных из горизонтальных балок, уложенных одна над другой. Эти ограждения, тянувшиеся бок о бок, как вереница бревенчатых домов, образовывали крутой выступ к дамбе. Балки были грубо обтесаны и частично врезаны друг в друга в местах пересечения, от чего их концы выступали нерегулярно, некоторые даже тянулись из одного отсека в другой. Внутри этих бревенчатых домов не было ничего, кроме мусора — глины, гравия, кусков дерева и т.д., - плотно уложенного вместе. Но нет необходимости вдаваться во все подробности этого любопытного сооружения; достаточно сказать, что Пигорини пришел к выводу, что их назначение состояло в том, чтобы поддерживать внутреннюю часть земляной дамбы (*contrafforte dell'argine*). Штабеля располагались рядами на расстоянии примерно двух футов друг от друга, и каждая штабель была отделена от соседней интервалом в один фут. Когда пространство было расчищено, там образовался целый лес таких свай, и примечательно, что все они были наклонены в одном направлении, а именно. северо-восток, что хорошо показано на первой из двух приведенных здесь фотографических иллюстраций (рис. 82).

В результате изучения состава почвы за пределами станции Пигорини установил, что слой голубоватой глины, образующий подпочву кургана террамара, соответствовал поверхности окружающей равнины, когда террамарики основали свое поселение, и что толстая масса аллювиальной желтоватой глины, в которой сейчас частично погребен курган, была впоследствии отложена.

Рис. 82.— Два вида свай и деревянных изделий, обнаруженных в Кастионе во время специальных раскопок, проведенных профессором. Пигорини в 1877 году.

Другие интересные подробности приведены в исчерпывающем и замечательном отчете Пигорини, касающемся структуры рва, дамбы, платформ, очагов и т.д., А также особенностей и состава слоев. Но эти ограничения, имеющиеся в моем распоряжении в этой работе,

вынуждают меня переступить их, и я должен довольствоваться цитированием следующего резюме его выводов относительно происхождения станции: —

"Террамариколи, прибыв в место, ныне называемое Кастионе-дей-Маркези, выбрали для своего лагеря не низменное место, подверженное затоплениям, а вершину небольшого возвышения из голубоватой глины, еще не покрытой более поздними аллювиальными отложениями. Отмеренное для станции пространство имело прямоугольную форму и занимало около пары акров. Эту область они окружили рвом, выкопанный грунт был заброшен внутрь, и таким образом образовалась дамба высотой 6 футов, которая, следовательно, окружала *бачино*, основание которого покоилось на первоначальной почве равнины. Определенный таким образом район имел ориентированное положение с отклонением на 30° с востока на север.

"Завершив окружающий ров и дамбу, следующим шагом было строительство вдоль внутреннего края дамбы ряда бревенчатых домов, связанных вместе и заполненных *обломками*, поверх которых, наконец, уложили гравийное покрытие. Главной целью этого сложного сооружения была поддержка земляной дамбы. Затем они установили по всему *бачино* ряды свай через равные промежутки времени, вершины которых достигали уровня поверхности *контрафорта*, а поверх них уложили горизонтальные деревянные доски, которые в определенных местах были покрыты слоем глины (*таволе коперте д'Аргилья*).

"На этой платформе были построены хижины людей. Точная форма этих хижин не установлена, но они определенно были сделаны из дерева, соломы и глины, поскольку никакие другие материалы не использовались ни в Кастионе, ни в какой-либо другой террамаре. Теперь деревня была достроена, и жители, занимаясь своими домашними делами, выбрасывали остатки пищи и другой мусор в пространство внизу, вероятно, с помощью отверстий, которые постепенно накапливались, пока пространство не стало полностью заполнено.

"Когда эта стадия была достигнута, люди не изменили выбранное ими место, а приступили к возведению нового дворца над старым. Они подняли дамбу, расширив ее основание, разместили новые *приспособления* вдоль ее внутренней стороны, наложенные на старые, и таким образом продолжили превращать поверхность первой платформы в основание нового *бачино*. Здесь они повторили операцию по установке свай, а поверх них были возведены новая платформа и хижины, которые были заселены по-прежнему, пока накопление мусора снова не вынудило жителей построить третье жилище на еще более высоком уровне". (Б. 407, с. 44.)

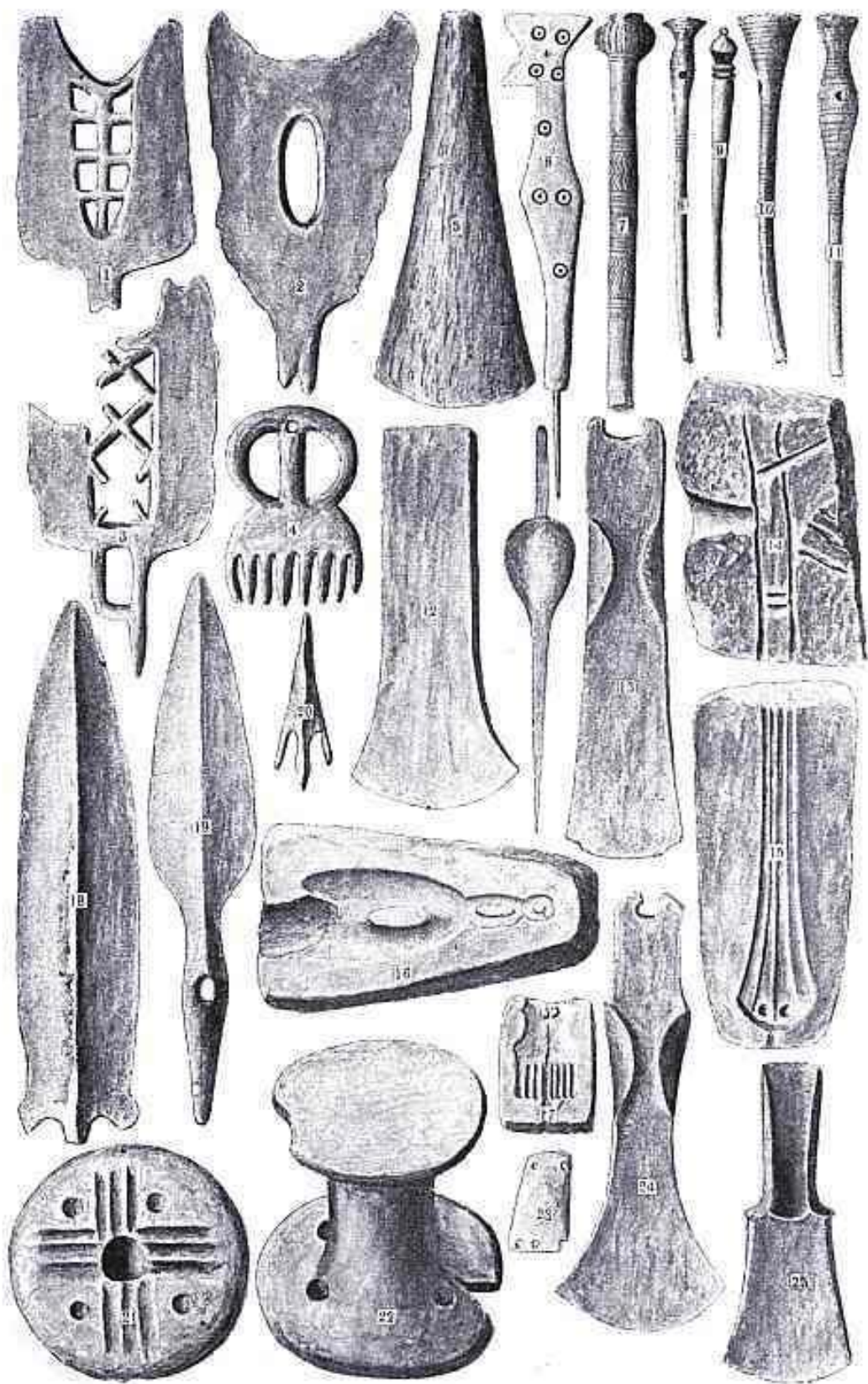

Рис. 83.—Кастione и различные другие территории в окрестностях Пармы. Номера с 1 по 12 и с 18 по 20 = $\frac{1}{2}$, а остальные = $\frac{1}{4}$ реального размера.

Иллюстрации некоторых промышленных остатков, найденных в Кастione и других местах в окрестностях Пармы, приведены на [рис. 83](#).

МОНТАЛЕ.

Еще одна поучительная станция, которую я посетил вместе с выдающимся археологом Сигом. Креспеллани, находится в Монтале, в нескольких милях к югу от Модены. Здесь высота кургана более заметна, чем в Кастионе, поскольку вся масса возвышается над окружающей равниной, и, как и она, центральная часть занята церковью и некоторыми другими религиозными сооружениями. Открытие этой террамары было сделано только в 1868 году, но, поскольку ее содержимое было легкодоступным, процесс ее сноса был быстрым. В 1871 году он был выбран как наиболее подходящий для посещения членами Международного конгресса, и затем, для их особого удобства, была открыта новая секция. Ежегодные исследования, проводимые в этом кургане, разумеется, регулируются сельскохозяйственными требованиями, и теперь полностью находятся в руках властей Гражданского музея в Модене, которые присваивают все редкие предметы для пополнения своей большой и ценной доисторической коллекции. Директор музея Сиг. Бони время от времени публикует отчет о раскопках и полученных результатах. (Б. 380 и 421.)

По словам Бони, площадь кургана, включая дамбу, составляла 9000 квадратных метров (около 2 акров), из которых около 4000 заняты уже упомянутыми церковными зданиями. Из оставшегося свободного для исследований пространства была расчищена примерно половина. С северной стороны церкви, как раз на краю ямы, где рабочие заготавливали заготовки для продажи, стоял огромный каштан, корни которого виднелись под травянистой поверхностью, выступающей с перпендикулярной стороны участка. Священник, чей дом является частью церковных построек на холме, вскоре присоединился к нашей компании и стал распространяться о баснословном возрасте этого дерева, который Креспеллани уменьшил примерно до 150 или 200 лет. Вся высота обнаженного здесь участка составляла бы от 15 до 20 футов, верхние пять из которых состояли из заплесневелой почвы, которую, конечно, необходимо было удалить, прежде чем доберутся до коммерчески ценного материала. В ходе удаления этого верхнего слоя были найдены следующие предметы, а именно. железный топорик, фрагменты шпоры, несколько ключей и несколько сильно проржавевших монет Старой империи. Были также обнаружены останки пятнадцати человеческих захоронений, в трех из которых тела были заключены в урны, сделанные из больших кирпичей. Действительно, некоторые большие плитки, по-видимому, часть гробницы, все еще можно было увидеть выступающими из части этого слоя. Рядом с одним из незакрытых захоронений лежали терракотовая лампа и костяной гребень с двойным рядом зубьев. В верхней части пластов террамары находилась примитивная печь для обжига извести, "очевидно, - говорит Бони, - введенная в *кучево-марнозо* в более поздний период, чем его формирование". (Б. 386, с. 13.)

Огромная глубина этого верхнего слоя плесени, которая существует на всей территории, очень примечательна и больше всего озадачивает археологов. Бони считает, что его разбросали по кургану в какое-то более позднее время либо для сельскохозяйственных целей, либо в качестве гигиенических мер предосторожности, либо, возможно, из соображений уважения к предполагаемому священному характеру его содержимого.

Вся остальная часть участка представляла собой собственно террамару, чьи изогнутые и волнообразные грядки можно было легко различить. Перед разрезом торчали бесчисленные осколки черной керамики, сломанные кости и кусочки древесного угля. Весь хлам, прежде чем быть выброшенным, проходил через риддлы, а то, что оставалось, выбрасывалось как бесполезный мусор, кучи которого можно было оценить только по количеству телег. Загадки почти полностью состояли из битой керамики, среди которой иногда попадались глиняные

гирьки и чаще всего веретена-завитушки, а также кости и рога животных, многие из которых были переделаны в орудия труда. Бронзовые предметы были сравнительно редки.

Часть большой земляной дамбы, которая, как предполагается, окружала весь курган, все еще остается открытой с северной стороны. Он имел размеры от 20 до 30 футов в ширину у основания и 11½ футов в высоту. Бони в своем описании этой дамбы утверждает, что секция, которая должна была бы быть конической, на самом деле не такая, а более наклонная снаружи; кроме того, иногда видно, что с внутренней стороны ее содержимое перекрывает слои террамары. Из этой и некоторых других структурных деталей он приводит доказательства того, что дамба была впоследствии пристроена террамариколи во время их оккупации поселения. Принимая во внимание то, что Пигорини говорит о Кастионе, важность этих наблюдений будет легко воспринята.

Рис. 84.—Montale. Все $\frac{1}{2}$ в натуральную величину.

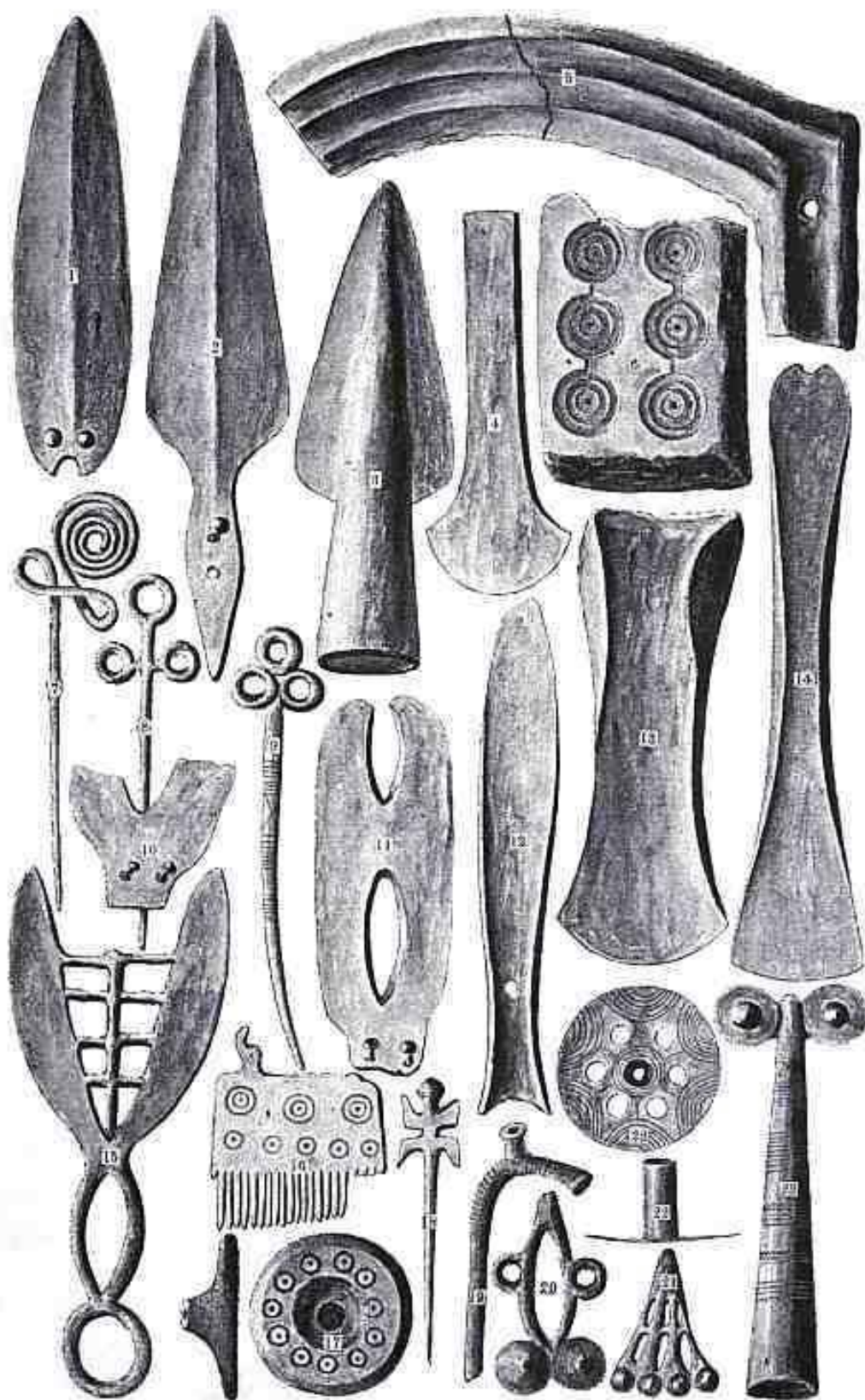

Рис. 85.—Монтале и различные другие территории в окрестностях. Все $\frac{1}{2}$ в натуральную величину.

Иллюстрации реликвий из Монтале см. на [рис. 84](#) и [рис. 85](#), № 1-6; а также литературу Б. 157, 184, 186, 204, 231, 298b, 367, 386, 421, 422, 425a'. Отчет о поездке в Монтале членов Международного конгресса приведен в их Материалах за 1871 год (Болонья).

CASALE ZAFFANELLA.

Другой типичный пример терремаре, который я хотел бы кратко описать, находится в 1/4 мили к северу от По, недалеко от города Виадана. Эта станция была случайно обнаружена несколько лет назад братьями Пьетро и Джакомо Тассони, крестьянами-владельцами поля, на котором они делали траншеи для посадки виноградных лоз. В ходе своих работ они откопали фрагменты керамики, которые привезли архипрету Антонио Парацци из Виаданы (уже широко известному как опытный археолог и основатель превосходного музея местных древностей района). Некоторые фрагменты керамики оказались римскими, в то время как другие, несомненно, были доримскими, и это привело к предварительному исследованию местности, в ходе которого опытный глаз Парацци вскоре обнаружил жилище террамара. Полный отчет о последующих раскопках и полученных результатах был опубликован Парацци в *Бюллетене* за 1886 год (В. 451) — монографии, которая является идеальной моделью описания деталей расследования, проведенного с использованием научных методов.

Прежде всего позвольте мне подчеркнуть тот факт, что здесь вообще не было никакого кургана. Поле было довольно ровным, и, чтобы добраться до поверхности пластов террамара, необходимо было пройти через слой обычных аллювиальных отложений значительной толщины, варьирующийся от 1 до 2 футов. Затем пласты террамара продолжались на глубину 8 или 10 футов, под которыми простирались недра, на которых первоначально было построено поселение. Примечательно, что в одной части района, под собственно грядами террамара, был обнаружен торфяной слой, подобный тому, что был обнаружен в Кастионе. Чтобы сделать сходство еще более поразительным, эта *терра улигиноза* также содержала останки палафитты. Эти груды очень хорошо сохранились, и некоторые из них сейчас можно увидеть в музее во Виадане.

Было невозможно без огромного труда исследовать это поселение в значительной степени; но по нескольким хорошо направленным траншеям Парацци установил, что оно имело четырехугольную форму и было ориентировано с точностью до 11 градусов и что оно было окружено рвом и дамбой. Ограждение, за исключением участка дамбы, имело поверхностную площадь около одного английского акра. Его четыре стороны имели размеры соответственно 208 (N.), 218 (S.), 227 (W.) и 237 (E.) футов. Дамба имела ширину 26 футов у основания и высоту 11 футов 6 дюймов и свидетельствовала о том, что ее пристраивали в трех разных случаях. Его внутренний край, по-видимому, был очень крутым, что наводит на мысль о том, что, как и в Кастионе, там была какая-то опора, предотвращавшая обвал земли. Ширина рва составляла 34 фута, а его максимальная глубина - 6 с половиной футов.

Подстилающий торфяной слой, содержащий отвалы, занимал большую часть внимания Парацци, и он подробно рассматривает его. Один любопытный факт, который он фиксирует, заключается в том, что дамба проходила посередине, оставляя значительную часть *терра торбоса* и палафитте за пределами области отложений террамара. Это, несомненно, наводит на мысль о том, что палафитте существовали до поселения террамара. Однако по характеру реликвий мы увидим, что обе принадлежали одному и тому же веку и народу.

На поверхности пластов террамара были в основном обнаружены римские останки, а в одном месте они наткнулись на прямоугольный раскоп площадью 18 квадратных метров, содержащий обычную землю, кирпичи, черепицу, фрагменты кувшинов и другую римскую керамику. Когда это место было расчищено, на дне, на глубине 7 футов 6 дюймов, была обнаружена римская мостовая, а на перпендикулярных стенах отчетливо виднелись

слоистые слои террамары. Очевидно, что этот погреб был построен задолго до заселения террамары.

Поселение Казале Заффанелла также не является единственным примером в районе Виадана. Парацци уже подготовил большую карту района, на которой указано подходящее местоположение на стене его музея, и на ней отмечены не менее 12 станций *terramaga*. Среди них есть одно Когоццо (В. 372b), расположенное примерно в полутора милях от города и в 200 ярдах от По, которое имеет те же черты, что и в Казале Заффанелла, а также содержит следы палафитте. Его площадь представляет собой ориентированный четырехугольник площадью около акра, но он полностью занесен грязью, его самая высокая точка находится на 31 дюйм ниже поверхности. Он окружен рвом и дамбой; и, более того, было обнаружено, что внутренний край дамбы был почти перпендикулярен, что показывает, что первоначально у нее, должно быть, были какие-то *противопоказания*.

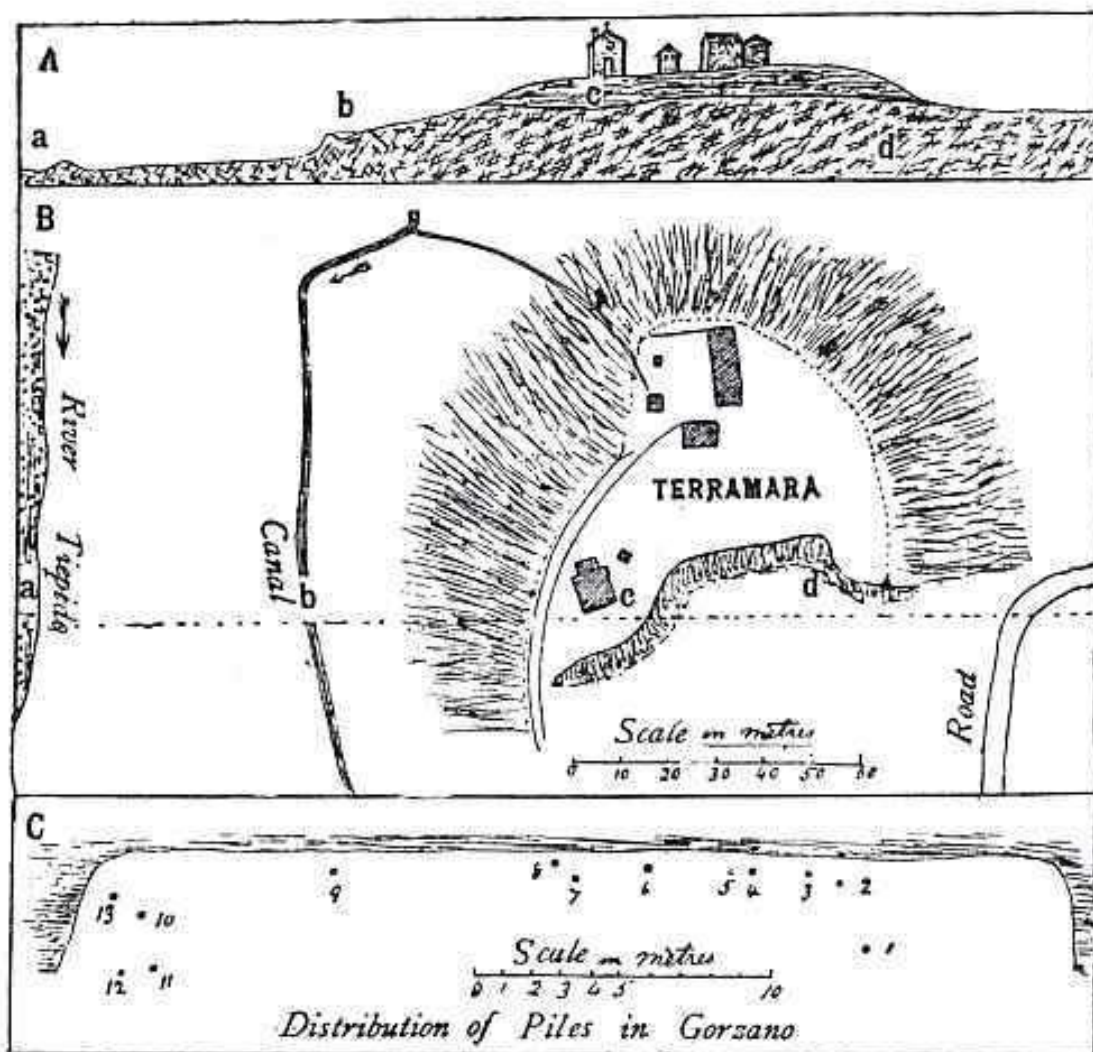
Некоторые объекты из этой группы станций террамара, которые сейчас хранятся в музее Виаданы, представлены на **рис. 86**, № № с 1 по 13.

GORZANO (MODENA).

Взгляды старой школы, отстаиваемые доктором Коппи, а именно: то, что террамары были остатками погребальных костров (*rogi*), настолько сильно занимало его сознание, что в течение многих лет он, казалось, уделял мало внимания значению слоев, и, следовательно, первые два тома его великолепно иллюстрированной монографии о поселении террамара в Горцано (В. 207 и 261) потеряли большую часть своей ценности из-за того, что предметы разных возрастов были без разбора перемешаны. Этот недостаток настолько устранен в третьем томе, что он делит отложения на верхние и нижние, соответствующие историческому и доисторическому периодам. Но, несмотря на этот недостаток в ранних работах доктора Коппи, его исследования представляют значительную научную ценность, поскольку следует строго полагаться на его многочисленные фактические наблюдения.

Прилагаемый план и разделы Gorzano дадут некоторое представление о расположении грядок *terramaga* по отношению к их ближайшему окружению. Отложения (обозначенные с на разрезе А) простирались в длину примерно на 90-100 метров с севера на юг и на 70 метров в ширину при средней толщине 3½ метра. Поселение было построено на естественном возвышении, возвышающемся примерно на 9 метров над остальной частью равнины и на 11 метров над руслом соседнего ручья Тьепидо. Он был окружен рвом и дамбой, а также содержал остатки палафитта. Существование свай ясно доказано самим доктором Коппи, который приводит раздел (С), показывающий их соответствующее положение, но в то же время он отрицает, что они указывают на останки палафитта.

О сравнительной частоте промышленных остатков в отложениях террамара правильное представление можно получить из изучения отчета доктора Коппи о раскопках в Горцано в 1875 году. В этом году было раскопано 274 кубических метра на площади 180 квадратных метров; и из этой массы *обломков* был собран 3051 предмет, из которых 173 принадлежали к верхнему или романо-средневековому слою, толщина которого варьировалась от 1 до 1½ метра. Остальные объекты, которые были извлечены из нижних слоев и считались доисторическими, классифицируются следующим образом: -852 промышленных объекта, 1544 останки позвоночных животных, 285 останков моллюсков, 153 растительных остатка.

852 промышленных останков снова распределены следующим образом:—

Бронза. -50 предметов, а именно. восемь штырей, четыре топора, 12 кинжалов, одно долото, два шила, шесть дисков, одно веретено, два фрагмента серпов и 14 различных долот.

Кость. -80 предметов: 38 игл и булавок (из них 23 целых), девять лопаток, 17 наконечников, три стамески, шесть зубьев, одна пластинка, пять шил и одна ручка.

Горн. -62 объекта: а именно. семь маленьких колесиков, один цилиндр, одна расческа, два наконечника для стрел, 17 лопаток, 12 наконечников, два шила, три украшения, две кирки, четыре ручки и 17 различных предметов.

Камень. -68 объектов: а именно. два кремневых ножа, две подвески, четыре веретена, два диска, четыре гири, шесть точильных камней, один полировальный станок, три кремневых конкреции, четыре отщепы и 30 обработанных камней.

Терракота. -585 предметов: 494 веретена ([рис. 85](#), № 17), два цилиндра, 12 гири, 68 ваз, три крышки, пять перколяторов и одна фигурка маленького животного.

Кости, которые можно определить, принадлежали следующим животным: -15 быкам, 25 овцам или козам, семи оленям, восьми косулям, 30 свиньям, двум диким кабанам, 14 собакам или волкам, одной кошке, восьми птицам, одной черепахе и 15 жабам.

Промышленные остатки из верхнего слоя были следующими: Центральная часть византийского распятия, одна лампа, две фибулы, три кольца из бронзы, 12 терракотовых завитушек (из которых четыре были глазурованными), одна завитушка из янтаря, одна завитушка из стекла, две завитушки из талька; из железа было 20 дротиков, два наконечника копий, восемь ножей, семь ключей, один замок, восемь пряжек, одна подкова, одна подкова из воловьей кожи и 11 неопределенные фрагменты; пять осколков стеклянных сосудов; одна рукоятка меча из дерева с бронзовыми накладками; четыре бронзовых фрагмента; 25 керамических изделий (три со знаком гончара); небольшой таз из кирпича; 52 монеты (из которых 46 были вместе); и немного шлака и т.д.

Предметы в верхнем слое были в основном связаны с Ораторией ди С. Альберто, построенный примерно в начале семнадцатого века, и другие средневековые здания, ныне полностью разрушенные. Было обнаружено, что он был построен над еще более старой церковью, датируемой третьим веком. Несколько монет были римскими примерно той же даты, но наибольшее количество датировалось концом двенадцатого или началом тринадцатого века, а несколько были еще более поздними. Там же было найдено христианское кладбище с несколькими скелетами.

В 1879 году Коппи опубликовал (Б. 340) отчет о дальнейших открытиях, и среди прочих предметов он описывает несколько каменных форм (10 для булавок, пять для наконечников копий и семь для кинжалов), каменное оружие из нефрита, два кремневых ножа, груз из белого мрамора и т.д. Из бронзы изготовлено 12 булавок, три иглы, 20 лезвий для кинжалов, пять долот, девять шил и небольшое колесо, украшенное *граффити*, помимо множества других предметов из рога, кости, керамики и т.д.

В 1885 году рабочие наткнулись на могилу, вырытую в девственной почве под грядками террамара и, как предполагалось, предшествовавшую их образованию. Он был построен из небольших необработанных камней, и заключенное в нем пространство имело размеры 5 футов 10½ дюймов в длину, 1 фут в ширину и 1 фут в глубину. В этой могиле находился человеческий скелет, который лежал на правом боку головой на восток, а вместе с ним были найдены лопатка из оленьего рога, фрагменты ископаемых раковин и несколько кусочков обуглившегося растительного вещества. (Crespellani, "Scavi del Modenese," 1886, p. 11.)

Некоторые бронзовые предметы из Горцано показаны на [рис. 85](#), № 9, с 12 по 14 и с 19 по 23.

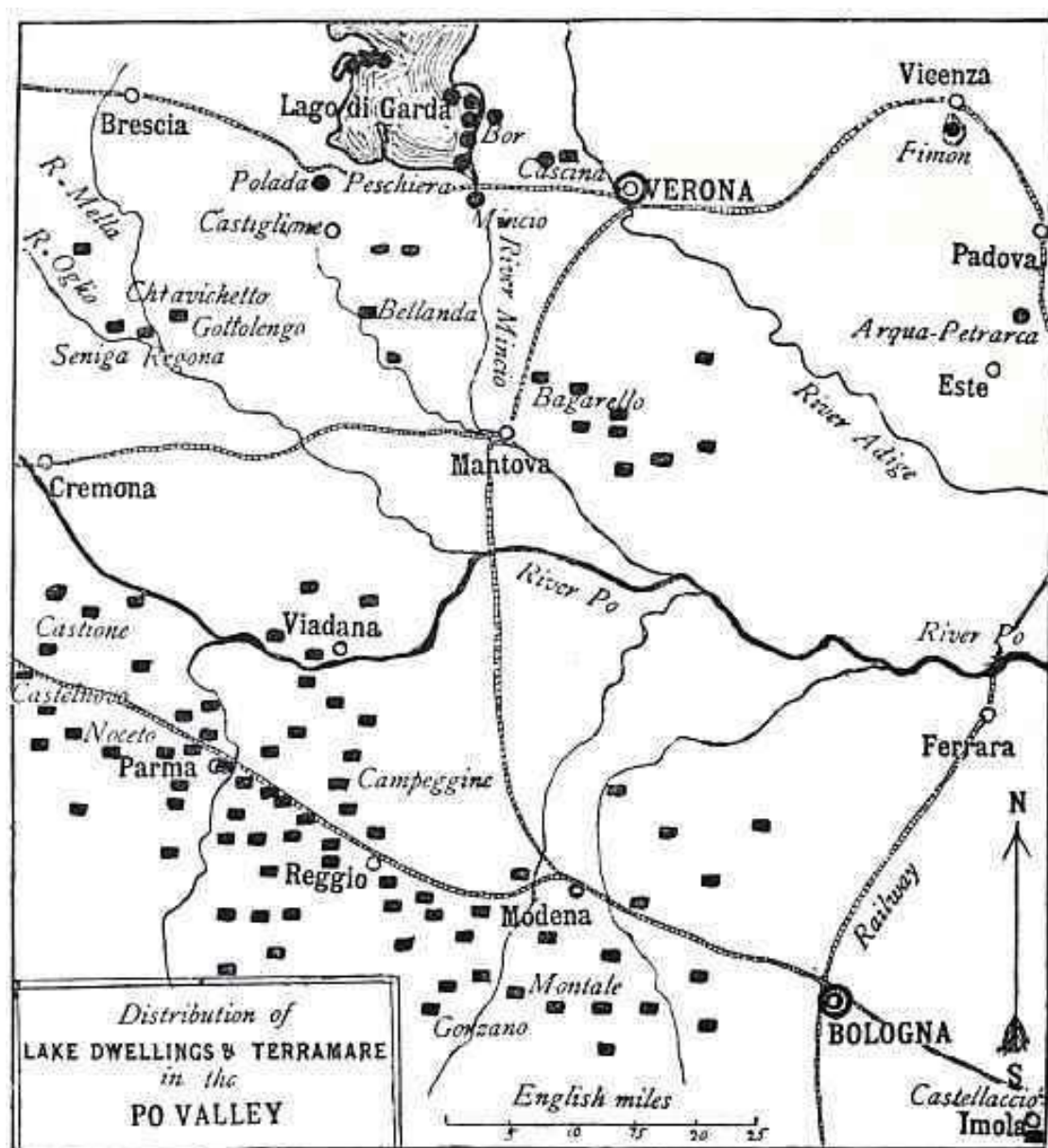
ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ПОСЕЛЕНИЯХ ТЕРРАМАРА.

В приведенном выше обзоре хода научных исследований терремаре я отобрал четыре типичных примера для специального описания. Мы видели это в одном, а именно. Монтале, скопивший *обломки*, возвышался четким холмиком на поверхности окружающей равнины, в то время как город Горцано покоился на естественном холме. Отложения Кастиона также имели ту же форму, но в этом случае курган лишь частично возвышался над равниной, остальное было погребено в ней. Вершины куч, обнаруженных в его торфянистом слое (*terra uliginosa*), находились в среднем на 3 фута ниже уровня нынешней поверхности окружающей равнины, а самая нижняя часть этого слоя была еще на пару футов ниже. В четвертом примере, Казале Заффанелла, вообще не было видно кургана, но при осмотре было обнаружено, что остатки поселения в точности похожи на остатки других, только курган был полностью погребен, так сказать, в море затвердевшей грязи.

Объяснение этого будет легко понято, если мы вспомним, что величина затопления, соответственно показанная в этих примерах, находится в обратном отношении к их расстоянию от нижних частей равнины и ее крупных водных каналов. Ежегодные разливы

реки По и ее притоков распространяются далеко и широко, каждый раз оставляя за собой грязевую пленку, из-за повторения которой с течением веков поверхность равнины значительно возвышалась. Таким образом, прирост ила с момента основания поселения террамара Казале Заффанелла составляет 12 с половиной футов — глубина, достаточная, чтобы покрыть самую высокую часть насыпи. Трудно сказать, насколько этот процесс повышения уровня связан с нехваткой этих станций в нижних частях долины По. Однако то, что они существовали в непосредственной близости от реки, убедительно доказывается этими станциями во Виадане, а также одной или двумя другими, например, в Брешелло, в районе Парменсиан, на южном берегу реки.

Распространение.—Ранее предполагалось, что отложения террамара характерны для среднего течения Пармы, Реджо и Модены; но более поздние открытия опровергли это обобщение, поскольку теперь показано, что они имеют гораздо более широкое распространение, охватывая провинции по обе стороны По. (См. Схему, [стр. 266.](#))

Доктор Джакометти первым (1868) обратил внимание на месторождения террамара в провинции Мантуя и показал их сходство с месторождениями Эмилии. В нескольких милях к северо-востоку от города Мантуя была обнаружена группа из семи или восьми стоянок,

относительно одной из которых, Бигарелло, он заявил, что она содержала тот же вид керамики и те же формы каменных орудий, что и в Кастельнуово в Эмилии, с единственной разницей в виде используемого камня: один был взят из обломков Альп, а другой - с Апеннин. Среди фрагментов керамики он обратил особое внимание на разнообразие ручек, на которых были показаны все переходные формы от набалдашников до самых изящных *полулунных* хансов. "Havvene," says he, "*di bicornute, di lunate, di bitubercolate, bilanceolate, cincinnate, transverse, appendiculate*, ecc., quasi tutta in somma, la famiglia designata dal Mortillet ('Les Terramares du Reggiana', 1865), colla speciale caratteristica di anse lunate."

В 1874 году Маринони дал интересный отчет о доисторических останках района Сенига в провинции Брешиа, особенно о терремаре в Кьявичетто и Готтоленго. (Б. 265.) Первая, которая является наиболее интересной из группы из семи станций, расположена в углу, образованном пересечением Меллы с Оглией, почти в 20 милях к югу от города Брешиа. При раскопках грунта для возведения дамбы рабочие нашли предметы человеческого труда — скребки и пилы из кремня, три серпантинных топора, одно большое каменное тесло, различную каменную резину и т.д., Несколько фрагментов обработанного рога и необычайное количество битой керамики. Другие обнаруженные здесь предметы были в основном из камня, редко из бронзы, и, по словам Маринони, они были очень похожи на предметы со станций террамара в Бигарелло и Помелле к востоку от Мантуи.

Станция в Готтоленго, открытая в 1871 году, расположена в пяти милях к северу от Регоны, на левом берегу Меллы. До того, как его потревожили, он имел форму плоского холма, в котором при осмотре были обнаружены реликвии, сходные с реликвиями других хорошо известных терремаров, из которых можно упомянуть следующее:-

Более 20 наконечников стрелы —плодоножечные, треугольные или сердцевидные. Несколько фрагментов полированных топориков из змеевика; веретенообразные завитки из терракоты (**рис. 86**, № 17): —один очень большой, 4½ дюйма в диаметре (№ 28), был похож на другой, найденный в Кьявичетто. Сломанные кости, части оленьих рогов, некоторые из которых · были превращены в кинжалы и наконечники; два костяных гребня, украшенных треугольными линиями и *граффити*, похожие на гребни из Кастионе и Ночето. Овальный пирог или кольцо из дерева, похожее на подставки для ваз (№ 25). Из бронзы изготавливались различные инструменты. Наиболее распространены были наконечники копий с зазубринами; № 19 представляет собой наконечник с двумя отверстиями для заклепок, тип, который также был представлен в Кьявичетто. Обоюдоострое орудие все еще удерживало заклепку, которая крепила его к рукоятке (№ 22). Один наконечник стрелы (№ 23) похож на тот, что был найден на станции Террамара в Кампеджине в провинции Парма. Несколько фрагментов булавок, проволоки, спиралей и маленьких бронзовых пластинок. Среди железных предметов, все сильно проржавевших, был наконечник копья (№ 24). Порции зеленоватой стекловидной пасты.

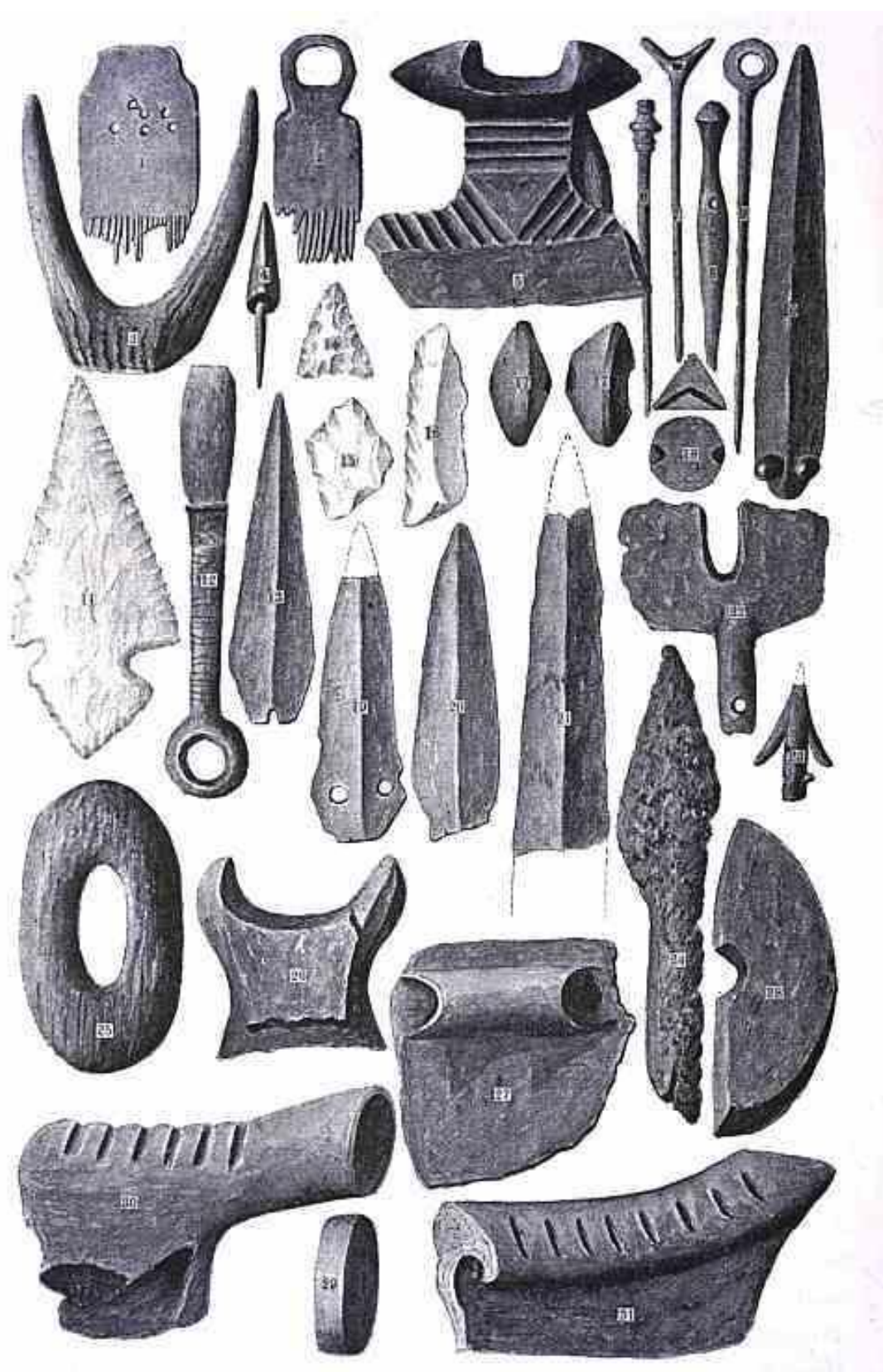

Рис. 86. —Виадана и станции на северной стороне По. № 3 = $\frac{1}{4}$, 28 = $\frac{1}{3}$, а остальные = $\frac{1}{2}$ реального размера.

Среди костных останков были идентифицированы следующие животные: олень, бык, коза, овца, лошадь и свинья.

Было показано, что станции террамара на севере По идентичны станциям на южной стороне не только в отношении реликвий, но и по внутренней структуре. Это мы уже видели в описании Казале Заффанеллы. Но впервые этот факт был установлен неутомимыми исследователями Кьеричи, который в 1881 году вместе с несколькими другими антикварами исследовал станции в Белланде и Вилла-Капелла в коммуне Газзолюдо, примерно в 10 милях к западу от Мантуи. Здесь были четко установлены все характерные черты терремара — окружающая дамба, палафитт и ориентация. (Б. 372a.)

Лучше всего исследованная террамара в районе Болоньи находится в Кастеллаччо, примерно в трех четвертях мили к югу от Имолы. (Б. 457.) Отложения расположены на изолированном возвышении на правом берегу реки Сантерно, возвышающемся почти на 120 футов над ее руслом; но на нем нет остатков древних каменных построек, как, по-видимому, следует из названия. Холм состоит из желтоватого песка, относящегося к верхнему плиоцену. Скарабелли, который недавно опубликовал иллюстрированную монографию о его особенностях и найденных на нем древностях, утверждает, что куч было много, хотя многие исчезли в результате разложения, и тогда были обнаружены только следы их отверстий. Некоторые стопки были большими, более фута в диаметре, и располагались они неровно. На разных уровнях было обнаружено не менее 26 очагов, а те, что находились на одном уровне, находились на расстоянии от 4 до 6½ метров друг от друга.

Особенность этой террамары в том, что ее древности, по-видимому, относятся как к каменному, так и к бронзовому векам. Кремневые орудия включали около 20 грубо обтесанных инструментов, таких как скребки, несколько плохо сделанных наконечников для стрел и пилы, похожие на те, что были найдены в палафиттах в Минчо. Всего было собрано 216 обработанных кремней и около 600 отщепов и стержней. Несколько полированных каменных топоров, а также четыре части перфорированных орудий труда.

Среди примерно 120 веретенообразных завитков из обожженной глины только одна была украшена орнаментом. Были найдены различные орудия труда из оленьего рога и кости, некоторые из первых были перфорированными и, по-видимому, использовались в качестве наконечников топоров и молотков, подобных тем, что были найдены в Горцано. Также зафиксировано несколько перфорированных раковин.

Керамика была в точности похожа на ту, что обычно находят на хорошо известных месторождениях террамара в Эмилии, с ручками различной формы, роговидными выступами, перфорированными набалдашниками и т.д.

Общее количество бронзовых изделий составило всего семь штук и включало небольшой серп, кольцелло-аску, подобную той, что была найдена в Бозизио ([рис. 51](#), № 10), и небольшой кинжал с двумя заклепками — остальные были неопределенного характера. Среди потревоженных слоев на поверхности были найдены два предмета *работы пьетры олларе* (маленькое веретено и блюдо, вращающееся на колесе) и бронзовая пряжка.

За пределами долины По не обнаружено никаких достоверных остатков палафиттеса или терремаре, а неясные указания, которые были зарегистрированы, оставляют сомнения в том, что они имеют доисторический характер.^[41] Из них единственное, заслуживающее подробного внимания, - это жилище, найденное недалеко от Оффиды, в районе Пичено (Центральная Италия), и описанное профессором Пигорини. (Б. 343b.)

Примерно в полутора милях от Оффиды, в небольшой долине, окруженной холмами, раньше было небольшое озеро, которое осушилось в результате размыва ручья, впадающего в Трезино. Здесь, покрытый 16 футами песка и *обломков*, маркиз Элливи обнаружил

платформу длиной 50 ярдов, шириной 15 ярдов и толщиной 2 фута. Под платформой на глубине 9 с половиной футов находился озерный ил, содержащий пресноводные раковины, в котором были древесный уголь, кости животных, фрагменты керамики и другие останки, оставленные человеком. Эта платформа была сооружена из больших стволов, лишенных ветвей, и уложенных горизонтально с интервалом около четырех футов, над которыми шли балки поменьше, уложенные неровно, без всякого порядка, а затем слой глины и мха. На этой платформе были найдены обожженные круглые камни, дно блюда и около 12 фрагментов других сосудов, как из тонкой, так и из грубой керамики. У одного кусочка был загнутый выступ, а другой был украшен чем-то вроде зигзагообразного орнамента в виде вырезанных линий. Там также было около 20 кусков меди, некоторые из которых выглядели как тигли.

Степень.—Что касается фактических размеров курганов террамара, получить точные измерения сложно по нескольким причинам. Во многих случаях они либо застроены современными зданиями, либо нет ничего, что позволило бы отличить их *обломки* от окружающей почвы без проведения обширных раскопок. Даже если участок представляет собой четко очерченный холм, как в Монтале, одна оценка может отличаться от другой в зависимости от того, включена или не включена площадь окружающей дамбы в измерения. Вообще говоря, они прямоугольной формы, и, по словам Кьеричи, их средняя площадь составляет около семи акров. (Б. 311, с. 105.) Но их соответствующие площади очень сильно различаются, как видно из следующих станций, в дополнение к уже приведенным, измерения которых были точно подтверждены компетентными органами: —

Казарольдо (Парма), 200 на 160 на 3·70 метров. (Б. 297, с. 360.)

Парма, 300 на 28 метров. (Strobel e Pigorini, Seconda Relazione, p. 149.)

Кастильоне ди Марано (Модена), 114 на 64, толщиной 3 метра. (Б. 422, с. 19.)

Прагатто (Болонья) размером 200 на 150 и толщиной 3 метра. (Б. 372, с. 138.)

В своем описании Белланды (Мантуя) Кьеричи отмечает, что бачино представлял собой прямоугольник диаметром 96 метров, что давало площадь около двух акров, к которой он добавляет "обычную площадь земли". (Б. 372, с. 80.) С другой стороны, те двое, чьи измерения были точно даны Парацци, а именно. Когоццо и Казале Заффанелла показывают поверхностную площадь лишь в половину этого размера, и этот факт побудил Парацци заметить, что терремаре во Виадане казались меньше, чем терремаре в Эмилии и Белланде. (Б. 451, стр. 4.)

Число.— Общее количество станций terramara в долине По превышает 100, которые, таким образом, (приблизительно) распределены по провинциям: —Парма - 30; Реджо - 25; Модена - 16; Болонья - 5 или 6; Мантуя - около 20; и Брешиа - 8.

Реликвии.—Более достоверные сведения о социальных условиях и общей культуре террамарики можно получить из изучения остатков их деревень, чем если бы они были описаны в самых ранних письменных источниках. Обычные *обломки*, скопившиеся здесь, такие как наиболее нетленные порции пищевых отходов, случайные предметы и т.д., расположены в хронологической последовательности подобно геологическим слоям, причем более поздние находятся на поверхности, а самые старые - на дне. Куда бы ни падал предмет человеческого труда, там он и оставался, обозначая на все последующие времена свое относительное место в жизни сообщества. Остатки промышленных сооружений показывают, что эти люди основали свои жилища в раннем бронзовом веке. Существование

нескольких кремневых орудий и других предметов каменного века вполне гармонирует с обычным наложением друг на друга реликвий умирающих обычаев переходного периода. О том, что они в значительной степени занимались ткачеством ткани, свидетельствует необычайное разнообразие и изобилие веретен и грузил для ткацкого станка. Они изготавливали декоративные пуговицы из терракоты, рога и кости, а также булавки, гребни и другие предметы из последних материалов. Дерево также широко использовалось при изготовлении самых разнообразных вещей, таких как ручки, тарелки, ложки, настилы и т.д. (В. 328е.) О том, что они изготавливали свои орудия труда и украшения из бронзы, свидетельствует количество собранных литейных изделий, таких как бронзовый шлак, каменные формы и т.д. (Рис. 83, № № 14-17).

Мы уже видели, что террамарики обладали обширными знаниями в области керамического искусства. Сосуды, которыми пользовались ежедневно, были не менее разнообразны и элегантны по форме, чем наши современные кувшины, чайники, чашки, миски, тазики, блюда, вазы для цветов и т.д. У некоторых были вывернутые обода, а у большинства плоские основания. Орнамент состоял из параллельных и волнистых выступов, бугорков (иногда перфорированных), треугольников и крестов с вырезанными канавками, круглых или полукруглых оттисков и т.д. Но наиболее характерными являются отростки, прикрепленные к верхушкам ручек (рис. 84, № 21 и 22), которые были самых разнообразных и причудливых форм. Эти замечательные ручки не встречаются на керамике за пределами территории, ограниченной терремаре. Также *лунатик* не встречается в озерных жилищах в этом районе, за исключением стоянок в Пескьере, Минчо и Иль Бор, в юго-восточном углу озера Гарда. Рудиментарные формы этих ручек, например, из озерных жилищ Полада (рис. 67, № 13 и 14), Аркуа Петрарка и Фимон (рис. 66), также найдены в западном районе долины По (рис. 48, № 16). Таким образом, терремаре, по-видимому, находится несколько позже более ранних озерных жилищ. Но, с другой стороны, более поздние озерные жилища (Пескьера и Минчо) располагались позади терремаре. Керамика палафитте в Пескьере не только имеет характерную форму *полулунной кости* (рис. 65, № 26), но и среди бронзовых реликвий есть образцы почти всех предметов, найденных в терремаре, таких как бритвы, булавки, серпы, ножи и т.д. — факт, который сразу станет очевиден при сравнении их соответствующих предметов, проиллюстрированных здесь. (Сравните рис. 63, 64 и 65 с рис. 83, 84 и 85.) Более того, из этого сравнения будет сделан дальнейший вывод, а именно. что останки обитателей озера содержат различные предметы, которых нет в терремаре, такие как фибулы (рис. 64, № 8 и 22-25), браслеты (рис. 63, № 31 и 32), ножи с односторонним заточением (рис. 64, № 11), торки (рис. 63, № 13, 19) и т.д., Все из которых, бесспорно, более позднего времени, чем реликвии собственно терремаре.

Органические остатки.—Основной пищей террамарики были продукты, полученные в результате сельскохозяйственного и пастбищного земледелия. Исчерпывающий анализ их растительных остатков еще не проведен; но, судя по случайным запасам зерна, главным образом в обугленном состоянии, и другим встреченным продуктам, они, как полагают, имели привычку употреблять в пищу следующие семена и фрукты: пшеницу (двух сортов), фасоль, просо, желуди, буковые орехи, яблоки, груши, терн, кизил, вишню, ежевику, фисташки (*Staphylea pinnata*), лещину и виноград (*Vitis vinifera*). Лен в основном выращивался, и предполагалось, что его семена использовались в пищу, в то время как его волокна, конечно же, перерабатывались в нити, веревки и ткань. Среди растительных остатков из Казале Заффанелла, представленных профессору Оресту Маттироло в Турине, были обнаружены пшеница, а также семена и древесина виноградной лозы.

Что касается домашних и диких животных, которыми питались террамариколи, мы располагаем более определенной информацией благодаря настойчивой бдительности профессора Штробеля. Ниже приводится его исправленный список вплоть до 1883 года (В. 410с):—

Erinaceus europæus, L. (еж). Gorzano.

Ursus arctos L. (медведь). Кастеллаччо, Горцано, Кампеджине и др.

Вульпы вульгарные., Бриссон (лиса). Castellaccio, Gorzano, Montecchio, Ronchi di Viadana.

Canis familiaris, S. (домашняя собака).

Спаллетти, Строб. Montecchio, Castione(?), Cogozzo(?), Casale Zaffanella.

2025 *palustris*, Rüt. Обычный.

matris optimæ. Gorzano, Montale, Montecchio, Demorta.

Обыкновенная волчанка (волчья). Castellaccio, Redù.

Мелес обыкновенный (барсук). Монтале.

Мартес фойна, Л. (хорек). Gorzano.

Felis catus, L. (wild-cat). Горцано(?), Монтале(?).

Sus scrofa (ferus), L. (дикий кабан).

Широко распространен, но не распространен.

Sus palustris, рут. (домашняя свинья). Обычный.

Asinus africanus, Без. (задница). Обычный.

Equus caballus (лошадь). Широко распространен и не редок.

Обыкновенный капреолус (икра). Реже встречается на южной стороне По.

Cervus elaphus, L. (олень). Обычный.

Dama platyceros, плинй (лань). Gorzano. Очень редко.

Cervus tarandus (северный олень). Gorzano (Coppi).

Хиркус эгарпус, L., *палустрис* (козел). Широко распространенный.

Ovis aries, L. (овечий). Эмилия, Мантуя, Брешиа.

вар. *palustris*, рут., *козерог*, Может. Не редкость.

"О. Мусумом. Castellaccio.

Бос примигениус, Воj., *доместикус*. Эмилия, Мантуя и Брешиа. Встречается редко.

Bos brachyceros, рут. Очень распространен как домашний скот.

Лепус робкий (заяц). Gorzano (Coppi).

Mus sylvaticus (лесная мышь). Кастион.

Hystrix cristata, L. (дикобраз). Обломок пера этого животного был найден в гнезде бронзового наконечника стрелы из Кампеггина.

Касторовое волокно, L. (бобр). Castellaccio, Cogozzo.

Frugilegus segetem (ворон). Gorzano (Coppi).

Gallus domesticus, L. (domestic fowl). S. Ambrogio, Gorzano, Bismantova,

Ciconia alba, W. (аист). Монтале.

Ardea cinerea, L. (цапля). S. Ambrogio.

Anser segetum (дикий гусь). S. Ambrogio, Поссиончелла близ Виаданы.

Анас босхас, Л. (утка). Montale, Parma, Cogozzo.

Эмис европейская, Щ. (черепаха). Gorzano, Montale, S. Ambrogio (Boni),

Буфо (разновидность жабы).

Esox lucius, L. (щука). Parma, Casale Zaffanella (Parazzi).

Как относящийся к категории органических остатков, я могу добавить, что в отложениях террамара обнаружено большое разнообразие раковин, как живых, так и ископаемых видов. Многие из них перфорированы, особенно более декоративные ископаемые разновидности, и, несомненно, использовались в качестве украшений. Некоторые плоские раковины двустворчатых моллюсков издают звенящий звук при ударе, и поэтому предполагается, что они использовались для получения какого-то музыкального звука. Наземные и пресноводные виды также, без сомнения, использовались в качестве пищи. Коппи в своей монографии (том ii, стр. 100) описывает и иллюстрирует множество наиболее ярких форм, собранных в Горцано; и, подводя итог своему списку, он утверждает, что 479 были морского происхождения (современные или ископаемые), 388 принадлежали к пресноводным видам и 31 были наземными раковинами.

Исходя из существования роговых оболочек различных видов насекомых, одни из которых живут в воздухе, а другие - в воде, и их личинок на различных стадиях эволюции, Пигорини приводит аргумент против предположения, что бачино постоянно наполняли водой. (Штробель, Б. 88, с. 18 и 89, с. 36; Пигорини, Б. 407, с. 38; Парацци, Б. 451, с. 54.)

Затянувшаяся дискуссия о том, был ли янтарь найден в самом терремаре, была окончательно разрешена заявлением Пигорини о том, что в ходе его недавних исследований (1877 г.) в Кастионе он был найден в самом нижнем слое. "Ora siamo certi che l'ambra si trovò in Castione sepolta nello strato infimo, e colla certezza che vi fosse penetrata nei giorni in cui lo strato stesso si formava." (Б. 407, р. 51.)

Еще в 1863 году Штробель и Пигорини объявили об открытии в Кастионе пары янтарных бусин, но поскольку их положение в *обломках* не было определено, из этого открытия нельзя было сделать никаких выводов. В 1871 году Коппи нашел крупную (*fusaiuola*) в Горцано, а позже еще одну такую же. Один также был найден в Монтале, а другой - в Казинальбо. Поскольку это все записи о янтаре до решительного открытия Пигорини, ясно, что это был очень редкий предмет среди террамариколи. Однако число от Montale теперь составляет 16, самое большое из которых имеет 1½ дюйма в диаметре. (Б. 279b, 298b, 311a'.)

Возраст.—Весной 1865 года Пигорини исследовал и описал станцию в районе Пармы под названием Фонтанеллато, которую в то время он считал террамарой, содержащей фасциновое сооружение, относящееся к железному веку. (Б. 112.) В ходе раскопок, которые проводились здесь, сверху вниз были обнажены следующие различные слои: (1) слой почвы толщиной 2 фута; (2) слой аллювиальных отложений толщиной 4 дюйма; (3) слой материалов, похожих по цвету и составу на обычные отложения террамара, толщиной 1 фут 10 дюймов; (4) масса смешанных материалов толщиной 2 фута 7 дюймов, содержащая корни, ветви, листья и т.д., Смешанные с глиной, вместе с керамикой, небольшими кучками, древесным углем, костями животных, ракушками, фруктами, семенами и т.д.

Собранными предметами, представляющими особый интерес, были фрагменты грубой керамики, изготовленной, однако, на круге, и особенно некоторые сосуды из *керамзита*; большой каменный осколок со следами использования; бронзовое кольцо и немного железного шлака.

В 1883 году Пигорини возвращается к останкам в Фонтанеллато (Б. 408) и объясняет, что благодаря большому прогрессу, достигнутому в исследованиях отложений террамара, и дополнительному свету, пролитому на этот предмет, он пришел к выводу, что станция в Фонтанеллато была не прямым продолжением системы террамара, преобладавшей в бронзовом веке, а "палафитта варварка", в которой он видит практическое свидетельство вторжений в долину По много веков спустя северных орд варваров, которые дали

окончательный результат. *государственный переворот* в римской империи. О том, что эти люди были знакомы с подобными сооружениями, имеется достаточно свидетельств в аналогичных останках терпена в Голландии, бургвале и озерных жилищах в Германии, Тосеге и других курганах в Венгрии и т.д. (В. 410b.)

Станция в Фонтанеллато также не является изолированным примером этих более поздних сооружений. Кьеричи нашел один в Мармироло, в районе Реджо.[42] Другой зарегистрирован Cornalia,[43] и Пигорини считает, что несколько других станций, которые были более или менее описаны, принадлежат к тому же классу, что и станции в районе Тразимене[44] и что в Оффиде, недалеко от Пичено. (В. 343.) За этими исключениями, курганов террамара железного века нет, и предполагается, что система процветала в раннем бронзовом веке и полностью пришла в запустение до начала железного века.

Четвертая лекция.

ОСОБЫЙ ХАРАКТЕР ОСТАНКОВ, НАЙДЕННЫХ В ЛА-ТЕНЕ И НА ОЗЕРЕ ПАЛАДРУ: ОЗЕРНЫЕ И МОРСКИЕ ЖИЛИЩА В РАЙОНЕ НИЖНЕГО РЕЙНА И НА СЕВЕРЕ ГЕРМАНИИ.

LA TÈNE.

Знаменитая озерная станция Ла-Тен расположена на северной оконечности озера Невшатель, недалеко от нынешнего искусственно образованного выхода, где начинается сухопутная оконечность его мола или дамбы. От этой точки на восток тянется каменистое возвышение, примерно 200 ярдов в длину и 50 в ширину, которое до "Исправления О-дю-Юра" образовывало мелководную часть озера, и по этой причине среди рыбаков его называли La Tène (отмель). Еще в 1858 году полковник Шваб обнаружил, что здесь находится богатое хранилище древностей, совершенно отличающееся по характеру от тех, что были найдены в любом из исследованных до сих пор районов Пфальбаутена. Шваб обнаружил, что здесь находится богатое хранилище древностей. Впоследствии профессор Дезор обратил свое внимание на местность и собрал коллекцию ее древностей, среди которых он назвал несколько галльских монет (рис. 92, № 8) и ножны для меча, украшенные фигурами трех фантастических животных (рис. 87, № 9). Дальнейшие открытия его замечательных древностей были сделаны М. Дардель-Торансом, который в течение многих лет, будучи постоянным смотрителем Сумасшедшего дома Префаржье, расположенного неподалеку, посвящал свое свободное время исследованию Ла-Тена. Поскольку реликвии были связаны с многочисленными сваями, у этих антикваров, по-видимому, не было сомнений в том, что станция была полностью аналогична обычным сваям каменного и бронзового веков, с той лишь разницей, что она представляла более позднюю эпоху.

Несмотря на возможности для исследований, предоставленные понижением уровня воды в озере в 1876 году, что привело к высыханию Ла-Тена, больше ничего не предпринималось до 1880 года, когда М. Э. Вуга, школьный учитель в Марине, заинтересовался этим вопросом. Одной из причин такого пренебрежения было мнение, что вся местность уже была настолько тщательно исследована предыдущими исследователями, что ничего не оставалось делать. Однако, прежде чем описывать открытия М. Вога, необходимо более подробно остановиться на положении Ла-Тена и природе субстрата, в котором были найдены его древности.

При прокладке участка через возвышенность Ла-Тен сначала встречается слой размытого водой гравия и песка толщиной от трех-четырех футов до стольких же ярдов. Этот гравий, очевидно, был выброшен на поверхность под действием волн, и в нем не найдено никаких предметов старины, за исключением редких фрагментов римской керамики и изразцов. Под этим поверхностным гравием залегает черноватый слой торфа значительной толщины, под которым находятся древние озерные отложения. Именно на поверхности этого промежуточного мшистого слоя, а иногда и погребенные в нем, находятся предметы, характерные для Ла-Тена. Из этих стратиграфических сведений о природных процессах может показаться, что в доисторические времена весь низменный район от Префаржье до озера Бьенн представлял собой мелководный залив, который в конечном итоге зарос болотными растениями и торфом до такой степени, что образовались "Большие болота". Разбросанные по залежам этой тихой бухты, и особенно вдоль водного пути в Бьенну, часто встречаются предметы старины, относящиеся ко всем трем эпохам доисторических времен, предшествовавших заселению местности римлянами, останки которых, конечно же, также встречаются. Профессор Десор и другие, которые тщательно исследовали местность с геологической точки зрения, объясняют последующее чрезмерное распространение Ла-Тена как совокупный результат двух естественных причин, а именно: во-первых, повышение уровня озера из-за осадочных отложений или случайного засорения каналов, по которым уходили излишки воды; и, во-вторых, постепенное удаление под действием волн защитного барьера в виде выступающей морены из песка и гравия, которая простиралась от Префаржье в направлении Ла Соге и на протяжении многих веков защищала Ла-Тен от воздействия открытого озера. Но каким бы ни было объяснение, несомненно, что с тех пор, как образовались эти осадочные отложения тонкого ила, произошли значительные изменения, поскольку в настоящее время количество гравия, выбрасываемого на берег Ла-Тен, настолько велико, что пляж ежегодно расширяется на два-три ярда; и это происходит, несмотря на то, что уровень воды из-за операций, необходимых для "Исправления озерной воды", даже ниже, чем был во времена расцвета соседних озерных поселений каменного и бронзового веков.

Недавние исследования.—Однажды, когда месье Вуга проводил раскопки возле группы свай, которые, по его мнению, были опорами моста, он наткнулся на фундамент деревянного дома, и в ходе его расчистки он сделал важное открытие, что он был расположен на краю глубокого канала, который впоследствии был засыпан песком и гравием. Самым естественным объяснением было то, что этот канал представлял собой древнее русло реки, которое, когда строился дом, образовывало выход из озера. Имея эту идею первостепенной в своем сознании, Вуга решил проследить ее направление и ориентиры. Примерно в 20 ярдах выше — *т.е.* в направлении озера — он наткнулся на остатки второго деревянного дома, балки фундамента которого все еще были *на месте*, а две из вмещающих его стен (которые, очевидно, обвалились) лежали одна над другой. Здесь берег канала образовывал крутой спуск глубиной 10 футов. Пол этого сооружения был образован из двух прямоугольных балок, каждая более 16 футов в длину и 8 дюймов в толщину, с рядом близко расположенных врезных отверстий для поперечных балок. Его ширина составляла 9 футов 2 дюйма, и он лежал на глубине 2½ фута под поверхностью и примерно на 7 футов выше дна реки. Две стороны здания были образованы из трех балок, соответствующих по длине перекрытию, на расстоянии около 2½ футов друг от друга, с поперечными креплениями и решеткой из ветвей. Один из них, по-видимому, упал в реку, поскольку его конец доходил почти до дна канала. Продолжая свои исследования по-прежнему в направлении озера, он наткнулся на остатки третьего здания, рядом с которым виднелись сваи второго моста. Расстояние между двумя мостами составляло около 100 ярдов, и, судя по расположению свай, этот мост был направлен в ту же точку, что и предыдущий, — вероятно, в Ла-Соге, на противоположном

берегу озера. Эти мосты опирались на ряд параллельных рядов дубовых свай диаметром от 4 до 6 дюймов, расположенных с интервалом от 3 до 20 ярдов; и каждый ряд состоял из пяти или шести свай на расстоянии от половины фута до 3 футов друг от друга. Примерно в 50 ярдах выше второго моста было обнаружено четвертое жилище, но, похоже, его содержимое уже было разграблено. Недалеко от этого места наш исследователь расчистил часть русла реки и обнаружил в грязи и гравии на глубине 10 футов от первоначальной поверхности большое количество предметов старины — мечи, копья, топоры, цепи, бритвы, различные деревянные орудия, фрагменты большой вазы, целое колесо и другие части колесницы, а также кости людей, лошадей и быков. Впоследствии между третьим и четвертым было обнаружено пятое здание, так что здесь мы имеем свидетельство ряда из пяти домов, расположенных вдоль правого берега древней реки, и все на расстоянии 200 ярдов.

На левом берегу этой предполагаемой реки было обнаружено только одно жилище, напротив дома № 1, которое, по мнению г-на Вуги, уже было разграблено. Сообщалось, что недалеко от этого места было обнаружено несколько человеческих скелетов, у одного из которых на шее была веревка! Ниже этого русло становится глубоко засыпанным, и поверхностный слой гравия достигает глубины около десяти футов; но, тем не менее, Воге удалось произвести раскопки, которые определили хронологическую последовательность римских и галльских останков. "Именно среди этих отложений, - говорит он, - я обнаружил слой, содержащий римские останки — плитки и фрагменты керамики, гвозди и т. Д. — На высоте от двух с половиной до трех футов над галльскими предметами". (Б. 428, стр. 13.) Эти галльские предметы состояли из хорошо известных фибул и других изделий, характерных для Ла Тена, так что наложение ясно указывает на то, что римская профессия была более поздней, чем у ее первоначальных строителей.

М. Вога считает, что канал, на берегах которого он обнаружил остатки стольких домов, был правым ответвлением двух существовавших в то время протоков, которые соединялись ниже, образуя Тиль. Левое ответвление находилось ближе к возвышенности, ведущей к Эпанье, но сейчас оно засыпано гравием и еще ни разу не исследовалось. Примерно в 300 или 400 ярдах ниже есть несколько гравийных карьеров, которые иногда обрабатывают для производства щебня, в которых я видел летом 1886 года огромное количество свай, поодиночке и группами, пробивающихся сквозь черный торфяной налет под гравием. Я упомянул об этом месье Воге, и он сообщил мне, что несколько найденных там вещей указывают на галло-римский период.

По словам М. Вога, территория станции Ла-Тен простиралась от южного берега протоки до небольшого острова, образованного двумя ее ответвлениями до того, как они объединились. Верхняя часть этого острова, ныне очищенная от торфянистых отложений под действием волн, образует часть озера. Этот процесс обнажения все еще продолжается на берегу озера на всем пути от Ла-Тене до Префаржье. Большие массы древних осадочных отложений, содержащих груды и реликвии обитателей озера, были подорваны и разбиты волнами, оставив их более твердые реликвии, такие как каменные топоры, смешанными с гравием. Их часто выбрасывают на пляж, и таким образом было подобрано множество красивых нефритовых топориков с мест четырех озерных жилищ, которые сейчас почти полностью разрушены, которые существовали вдоль северного побережья от Ла-Тена до Префаржье. Именно в гравии в верхней части Ла-Тена было собрано большинство монет.

Успех раскопок Вуги побудил М. Бореля от имени Музея Невшателя провести дальнейшие раскопки вдоль берегов и русла древней реки, обнаруженной первым, но без особого успеха. Наконец, в 1884 году правительство кантона предоставило Историческому обществу исключительное право на проведение исследований в Ла-Тене, и это общество предприняло

новые раскопки под руководством г-на Дж. Вуга и В. Вавр. Во время этих исследований основными находками были фрагменты золотого ружья и несколько золотых монет. Эти монеты ценны тем, что были найдены *на месте*, а не, как большинство других, среди осыпающегося гравия.

Из описания Келлером (В. 126) более ранних открытий на Ла-Тене следует, что полковник Дж. Шваб, сняв несколько больших врезных балок, обнаружил множество оружия и других предметов старины, сваленных в кучу. В свете исследований Вуги, вероятно, что это место было жилищем, подобным тем, которые я уже описал, поскольку нам сказали, что там были три бревна из пихты длиной от 15 до 20 футов, лежащие параллельно друг другу и на расстоянии нескольких футов друг от друга. Эти балки опирались на вертикальные сваи и содержали ряд треугольных отверстий, как бы для шипов деревянных надстроек.

Реликвии.—Как и судьба большинства озерных останков, останки из Ла-Тена были широко разбросаны. Многие из них хранятся в кантональных музеях Бьенна, Невшателя и Берна. Общая коллекция, являющаяся теперь общественной собственностью, также находит временное пристанище в зале Федерального собрания в последнем городе. Некоторые из них, в том числе некоторые из наиболее интересных реликвий, были переданы в Женевский музей. Крупнейшие из частных коллекций принадлежат господам Дж. Вуга из Марина и Дардель-Торанс из Сен-Блеза. За исключением предметов, находящихся во владении последнего джентльмена (которые, однако, обильно иллюстрированы в *Antiqua* и работах Воуги и Гросса), я неоднократно изучал все эти коллекции. Поскольку основные объекты уже были более или менее описаны и проиллюстрированы в превосходных работах Келлера, Дезора, Гросса и Вуги, я хочу здесь признать, что при создании прилагаемых иллюстраций я бесплатно использовал все эти публикации либо для исправления моих собственных эскизов, либо (и это особенно важно) для придания объектам правильного размера — момент, который довольно сложно достичь через стеклянную витрину, когда, как это часто бывает в небольших музеях, авторитетных чиновников может не оказаться под рукой, чтобы предоставить доступ к витринам.

Благодаря торфянистой природе матрицы, в которую были вложены реликвии из Ла-Тена, они находятся в удивительно хорошем состоянии сохранности. Они состоят в основном из железных орудий труда и оружия, разительно отличающихся не только по материалу, но также по форме и стилю изготовления от любых других, найденных в обычных озерных жилищах. Изделия из бронзы встречаются редко, и они, за одним или двумя исключениями, очень не похожи на изделия из настоящих палафиттов бронзового века. Давая краткое описание этих реликвий, будет удобно сгруппировать их по следующим разделам: (1) Оружие; (2) Орудия труда и утварь; (3) Украшения и одежда; (4) Лошадиная сбруя и повозки; (5) Деньги, предметы развлечения и т.д.; (6) Костные останки.

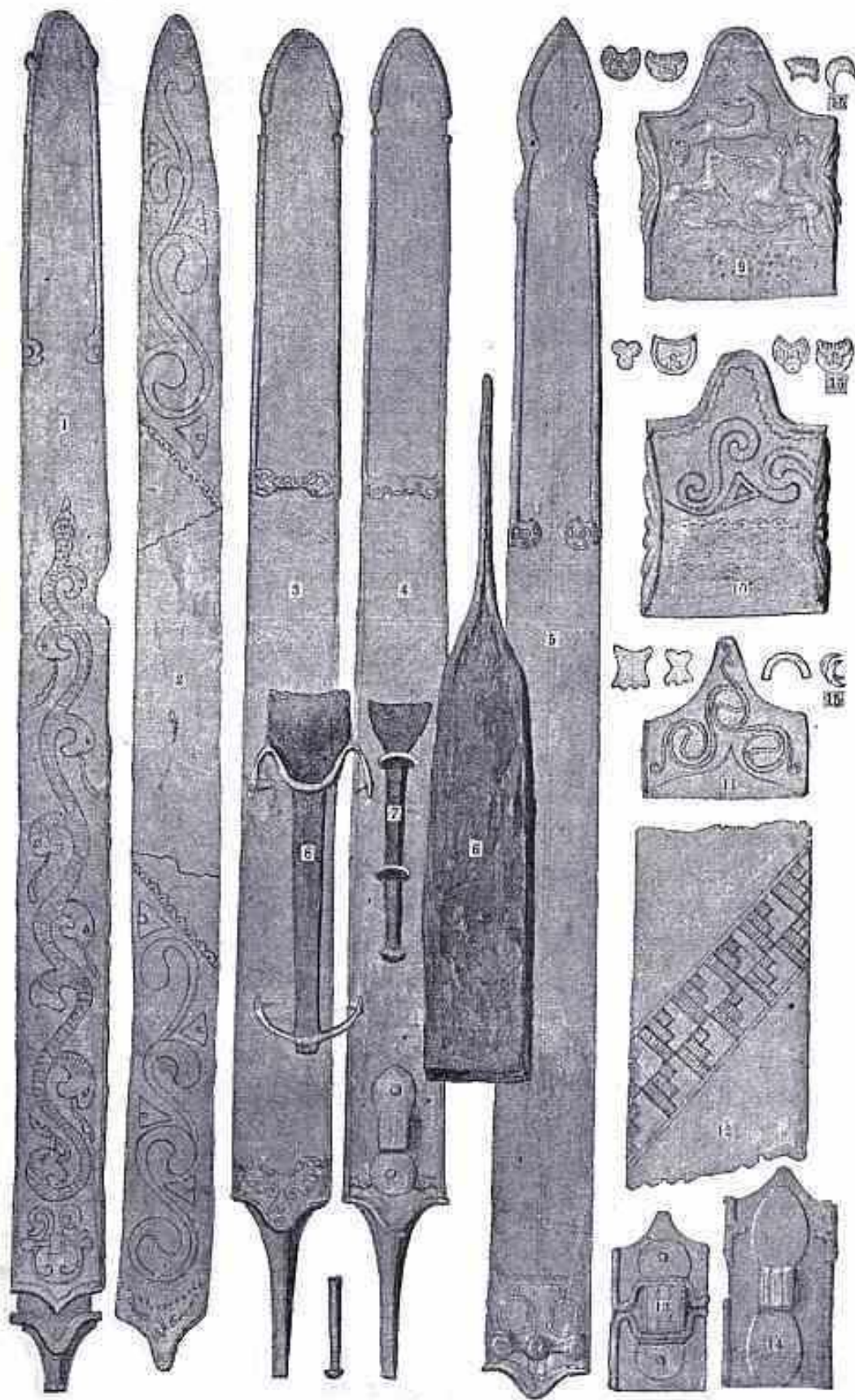

Рис. 87.—Ла-Тене. Номера с 9 по 12 и 15 = $\frac{1}{2}$;, а остальные = $\frac{1}{4}$; реальный размер.

1. Оружие.—*Мечи* (рис. 87).— Все мечи из Ла-Тена, которых сейчас насчитывается значительно больше 100, изготовлены по одному характерному типу. Их общая длина

варьируется от 30 до 38 дюймов (или даже больше), из которых ручки занимают от 4 до 6½ дюймов. Лезвие всегда обоюдоострое, обычно без выраженного срединного выступа, и едва сужается по всей длине до нескольких дюймов от края, когда постепенно образует округлый тупой кончик. Он лишен орнамента, за исключением одного или двух случаев, когда вдоль средней линии проходят параллельные бороздки или поверхность густо усеяна мелкими отпечатками. На других тоже есть небольшие вырезанные фигурки (№ 15), но предполагается, что это знаки изготовителя — интерпретация, которая, по-видимому, подтверждается тем фактом, что изделия с такими знаками высшего качества. Рукоять отделена от клинка выступающим изогнутым выступом, прикрепленным к рукояти клинка, в вогнутую сторону которого аккуратно вписывается конец ножен. Хотя все мечи, найденные до сих пор в Ла-Тене, имеют этот разделяющий гребень в форме изящного изгиба, подобного тому, который представлен на иллюстрациях, я могу заметить, что некоторые мечи того же типа из других находок прямые. То, что сейчас осталось от рукояти, - это всего лишь центральный выступ, поверх которого была рукоятка из рога или дерева. На этом наконечнике иногда были маленькие поперечные бляшки для крепления рукояти (№ 8); и Воуга изображает одну с двумя маленькими кругами из могилы железного века в Беве, которую я здесь воспроизвожу (№ 7) из-за ее поразительного сходства с рукоятками мечей из Лиснакрогеры. (См. **Рис. 124**, № 1 и 2.)

Ножны состоят из двух железных (реже бронзовых) пластин, одна из которых перекрывает другую по краям, где они склепаны вместе. Иногда эти пластины укрепляются одним или несколькими поперечными выступами, и примерно в нижней трети начинается выступающий бортик, который проходит вокруг кончика. Эти насадки часто носят декоративный характер (№ 3, 4 и 5). Верхняя поверхность ножен также обычно украшена множеством любопытных узоров, в которых заметную роль играют спиральные и повторяющиеся узоры завитков (№ 3, 10 и 11). Но, пожалуй, самым замечательным рисунком является изображение трех фантастических животных (№ 9), которые по своему сходству с фигурами на галльских монетах впервые привели Дезора к выводу, что оружие имело сходное происхождение. Известно, что только три ножны были украшены орнаментом по всей длине, а именно. № № 1, 2 и 12. То, что на № 12 было повторено трижды через равные промежутки времени. На нижней стороне ножен всегда имеется застежка-подвеска, которая принимает различные элегантные формы (№ № 4, 13 и 14). В одном случае верхняя пластина ножен была из бронзы, а в другом были обе пластины из железа, но окружающий бортик был из бронзы. № 6 представляет собой кусок железа (один из примерно дюжины подобных предметов, найденных в Ла-Тене), который, как предполагается, является рудиментарной стадией клинка меча.

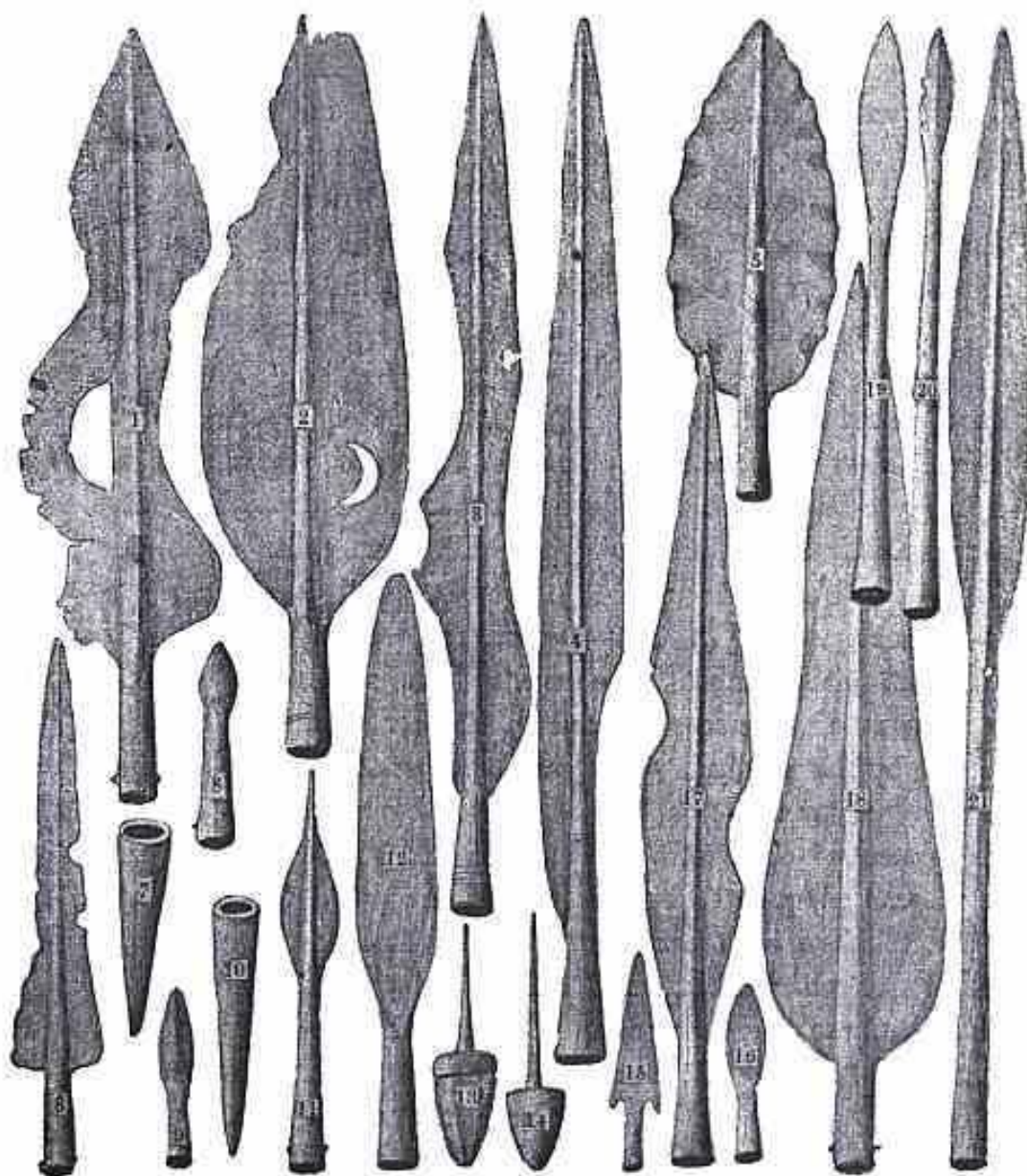

Рис. 88.—Ла Тен. Номера 7, 10, 13 и 14 = $\frac{1}{3}$, а остальные = $\frac{1}{4}$ реального размера.

Наконечники копий и дротиков (рис. 88).—Это оружие чрезвычайно разнообразно по форме и размеру, как видно из приведенных иллюстраций. Все они имеют гнезда, а небольшой диаметр канала ствола сразу отличает их от римского оружия того же класса. Иногда розетка короткая, в то время как лопасть большая и листовидной формы, а в других случаях она проходит почти по всей длине последней. На нижнем конце гнезда видны два отверстия для гвоздей, а иногда и небольшие выступы, с помощью которых деревянная ручка крепилась более прочно. В нескольких экземплярах (№ 12) отсутствует срединный выступ, но обычно это заметная черта, простирающаяся по всей длине клинка, а иногда она принимает треугольную форму, как у нашего современного штыка (№ 3, 4 и т.д.). Другой особенностью некоторых из этих видов оружия является срезание сегментов и полулунных частей либо по краям (№ 1, 3 и 17), либо в теле клинка (№ 1 и 2). Одно прекрасное оружие имеет овальный клинок с зубчатым или волнистым краем (№ 5).

Торцевая часть деревянной рукояти была защищена железным набалдашником (№ № 7, 10, 13 и 14), либо простым коническим, либо многосторонним, над которым имелась аккуратная насадка (№ 13).

Наконечники стрел.—Только при более поздних раскопках было обнаружено несколько наконечников стрел. Как и наконечники копий, все они снабжены гнездами (№ № 15 и 16).

Щиты и т.д. (рис. 89).—В Ла-Тене было найдено несколько предметов, которые следует рассматривать как крепления для щитов. Накидка была сделана из тонкого железа, выгнута дугой в центре и прикреплялась к щиту большими шпильками или иногда маленькими гвоздями (№ 1). Рукоять была сделана из изогнутого железного стержня, приклепанного к двум прямоугольным железным пластинам, прикрепленным к щиту (№ 2). Предполагается, что несколько больших красивых бронзовых табличек яркого характера служили украшениями на лицевой стороне щита (№ 3 и 4), которых в общей сложности было найдено около полудюжины. Помимо них, есть несколько дисков и других бронзовых предметов (№ № 5, 8, с 9 по 11 и 21), многие из которых, вероятно, были украшениями для конской сбруи, а некоторые, по предположению доктора Гросса, были украшениями для шлемов. (Б. 446, с. 28.) Любопытный предмет из тонкой бронзы, представленный номером 20, также предположительно является украшением шлема.

2. Орудия труда и утварь.—*Топорики (рис. 90).*—Несмотря на сравнительную редкость, топорики бывают разных видов (до сих пор найдено всего около двадцати). Одна форма (№ 1, 2 и 7) напоминает крылатого кельта бронзового века. У первого, однако, всего два крыла вместо четырех, как у второго, и его режущая кромка более расширена. Другие похожи на наши современные топоры и тесла (№ 4, 5 и 6). Один из них сделан из бронзы, но настолько маленького размера, что наводит на мысль, что это была игрушка (рис. 91, № 31).

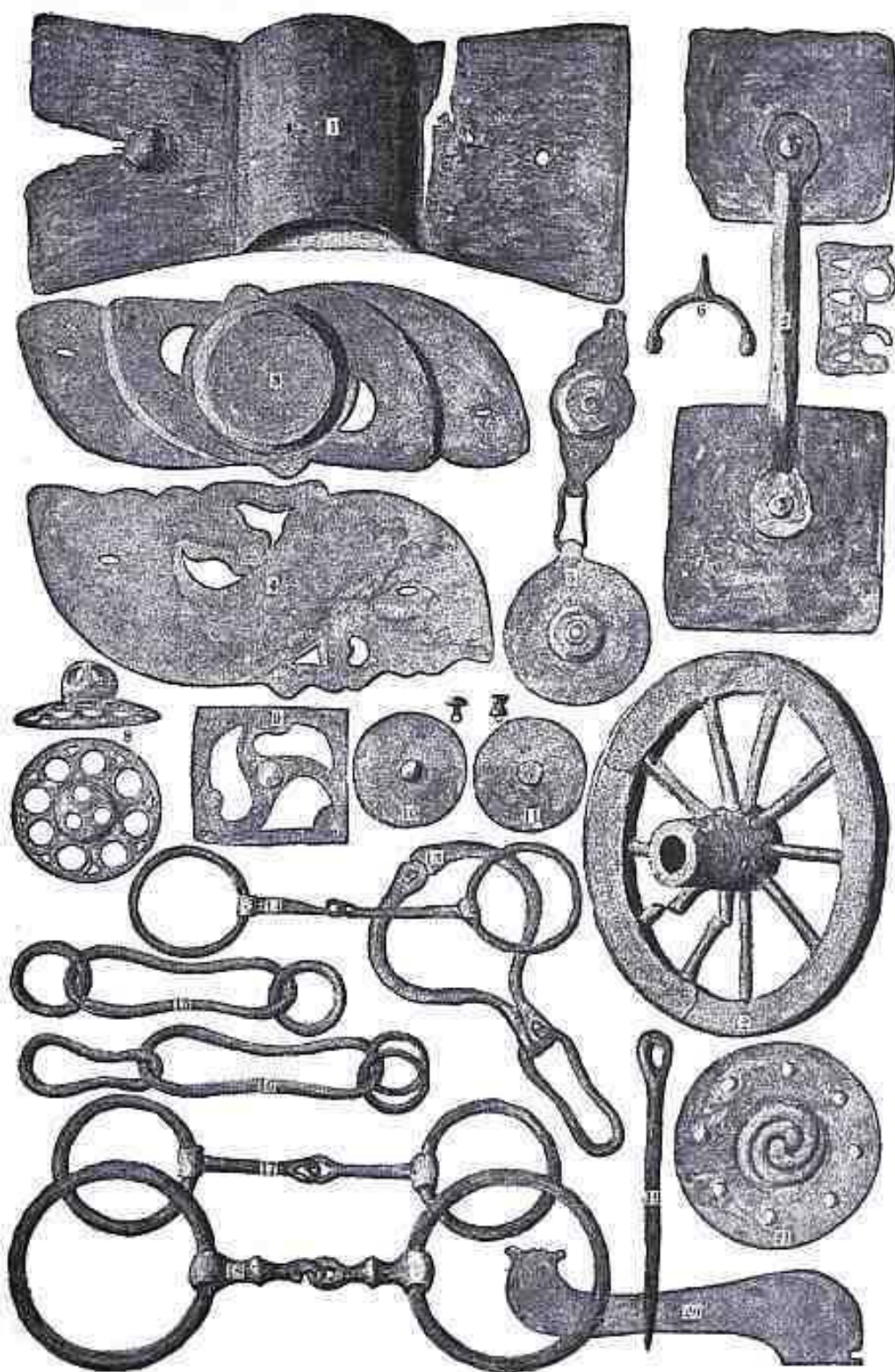

Рис. 89.—Ла Тен. № 8 = $\frac{1}{2}$, 20 = $\frac{1}{8}$, 12 = около $\frac{1}{20}$, а остальные = $\frac{1}{4}$ реального размера.

Долота и выемки.—Эти инструменты отличаются от инструментов бронзового века только тем, что сделаны из железа. Их довольно много (рис. 90, № 33 и 34).

Молотки.— Зарегистрировано лишь очень мало молотков; они маленькие и обычно приводятся в движение рукояткой с центральным отверстием (№ 22). Почти полное отсутствие орудий труда из Ла Тена, необходимых дляковки железа, несколько

примечательно и разительно контрастирует с количеством литейных материалов, собранных в палафиттах "замка бронзы".

Пилы.— Также представлены скудно. У двух найденных Вугой пил были ручки, одна из рога (№ 25), а другая из дерева (№ 24). Другой имеет прочную железную ручку и заканчивается на другом конце любопытным выступающим крючком (№ 29).

Файл.— Записан только один объект этого класса (№ 37).

Ножницы.—Здесь проиллюстрированы три из этих орудий (№ № 15, 16 и 17), из которых видно, что они в точности похожи на те, которые до сих пор используются для стрижки овец. Они имеют элегантную форму, а некоторые даже до сих пор сохраняют свою эластичность. Их количество, собранное в La Tène, превышает дюжину.

Серпы и косы.—Несколько зарегистрированных серпов напоминают современные, и у некоторых из них были зубы. Косы, которых больше, чем серпов, различаются по размеру от 14 до 20 дюймов в длину и от 1½ до 3 дюймов в ширину. Они держались за изогнутый выступ и кольцо, точно такие же, как те, что используются до сих пор (№ № 30 и 32).

Ножи.—Что касается стиля и орнамента, ножи железного века значительно уступают ножам предшествующей эпохи. Их размер и специальные символы достаточно хорошо показаны на иллюстрациях (№ 8-12). Одна из них, как уже было замечено на пиле, имеет на конце своеобразный крючок (№ 23).

Бритвы.—Так называемые бритвы представляют собой короткие, толстые и тяжелые лезвия с закругленной режущей кромкой и небольшим удлинением в виде рукоятки (№ № 18, 27 и 28). Было обнаружено, что одно из этих орудий из-за ржавчины прилипло к паре ножниц (№ № 17 и 18).

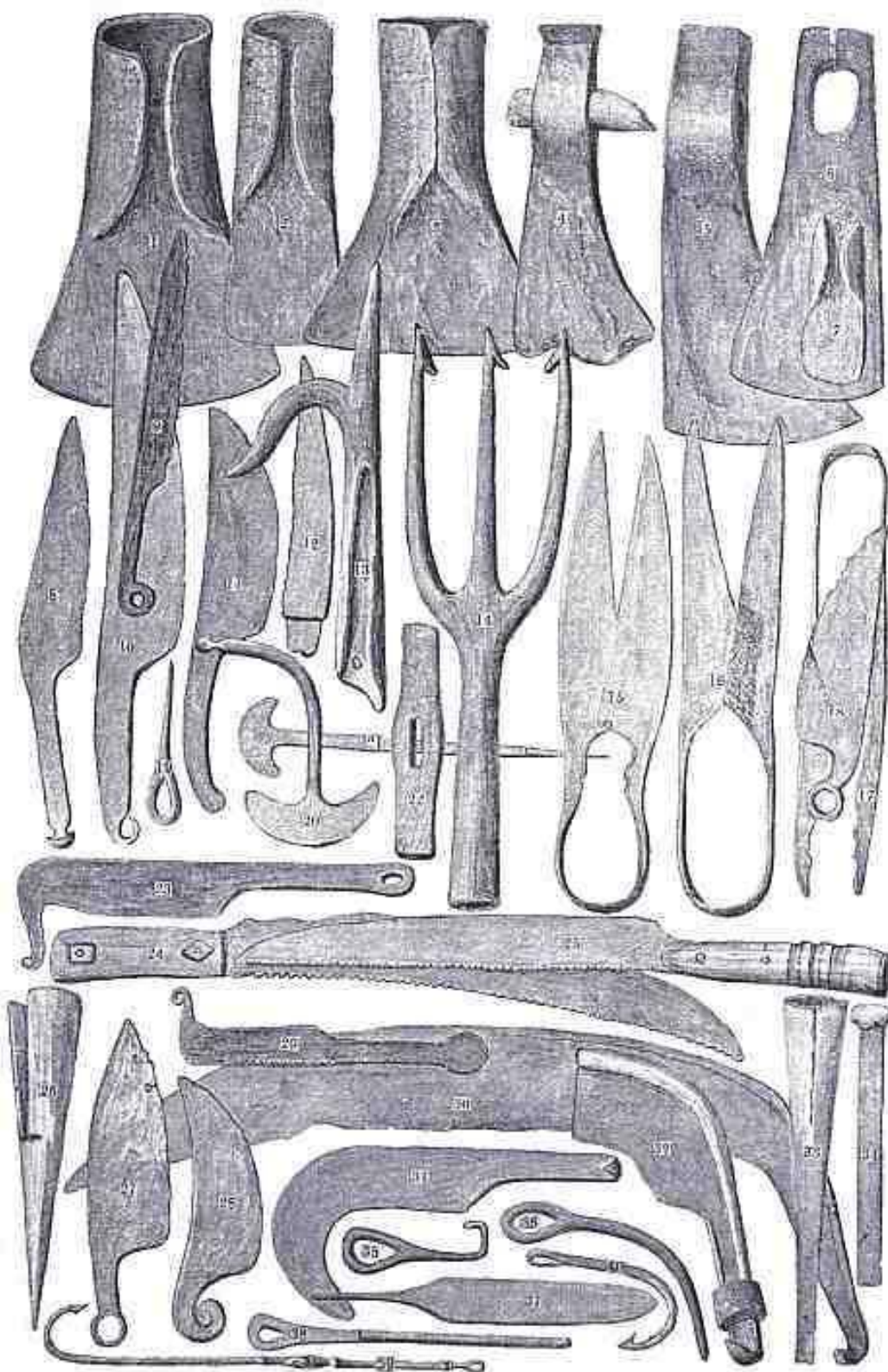

Fig. 90.—La Tène. Все в натуральную величину $\frac{1}{4}$.

Крючки для обрезки.—К этой категории я отношу несколько крупных режущих инструментов в виде изогнутого ножа, аналогичного тому, который в настоящее время используется для стрижки живой изгороди. Тот, что изображен здесь на картине La Tène (№ 31), очень похож на те, что найдены на некоторых палафиттах Боденского озера. (См. [Рис. 32](#), № 11.)

Клещи.—Щипцы изготавливаются из бронзы и железа и значительно различаются как по размеру, так и по форме, как видно из иллюстраций (рис. 91, № 11-14).

Горшки и тарелки.—Из фаянса удалось обнаружить лишь несколько фрагментов, и говорят, что он совершенно не похож на настоящий палафиттес. Она черная и грубая, и на ней нет никаких признаков того, что она была сделана на колесе; но на этот счет, по-видимому, существуют разные мнения. (Б. 428, стр. 27 и 446, стр. 48.) Однако в дополнение к этому виду на поверхности торфяного слоя и в наложенных слоях гравия обычно обнаруживаются фрагменты черепицы, керамики и т.д., римское происхождение которых не может быть ошибочным; но такие промышленные остатки, по мнению исследователей, более поверхностны и, следовательно, находятся после галльских останков. (Б. 428, с. 27.)

С другой стороны, Ла Тен изготовил несколько больших горшков из кованой бронзы с железными ободками и ручками-кольцами (рис. 92, № 19), несколько бронзовых чашек (№ 18), большой железный ковш (№ 20) и одну или две цепочки с большими крючками, вероятно, для подвешивания горшков (№ 1). Представленная здесь чаша была найдена на берегу в окрестностях Ла-Тена, но предполагается, что она прибыла с этой станции.[45]

Рыболовные принадлежности (рис. 90).—Среди предметов этого класса - несколько больших копий с двумя или тремя зубцами (№ 14), рыболовные крючки из бронзы и железа (№ 39 и 40) и некоторые орудия, такие как железные наконечники лодочных гаек (№ 13 и 26).

Разнообразные.—Молотки, полировальные машины и измельчители зерна похожи на те, что использовались в предыдущие эпохи.

3. Предметы украшения и одежды. Что касается предметов, подпадающих под эту категорию, если мы исключим фибулы и накладки, которые, как мы теперь знаем, носили как мужчины, так и женщины, следует отметить, что те, что характерны для женских украшений, чрезвычайно редки, если не сказать совсем необычны — факт, который убедительно подтверждает теорию о том, что эта станция была военным фортом.

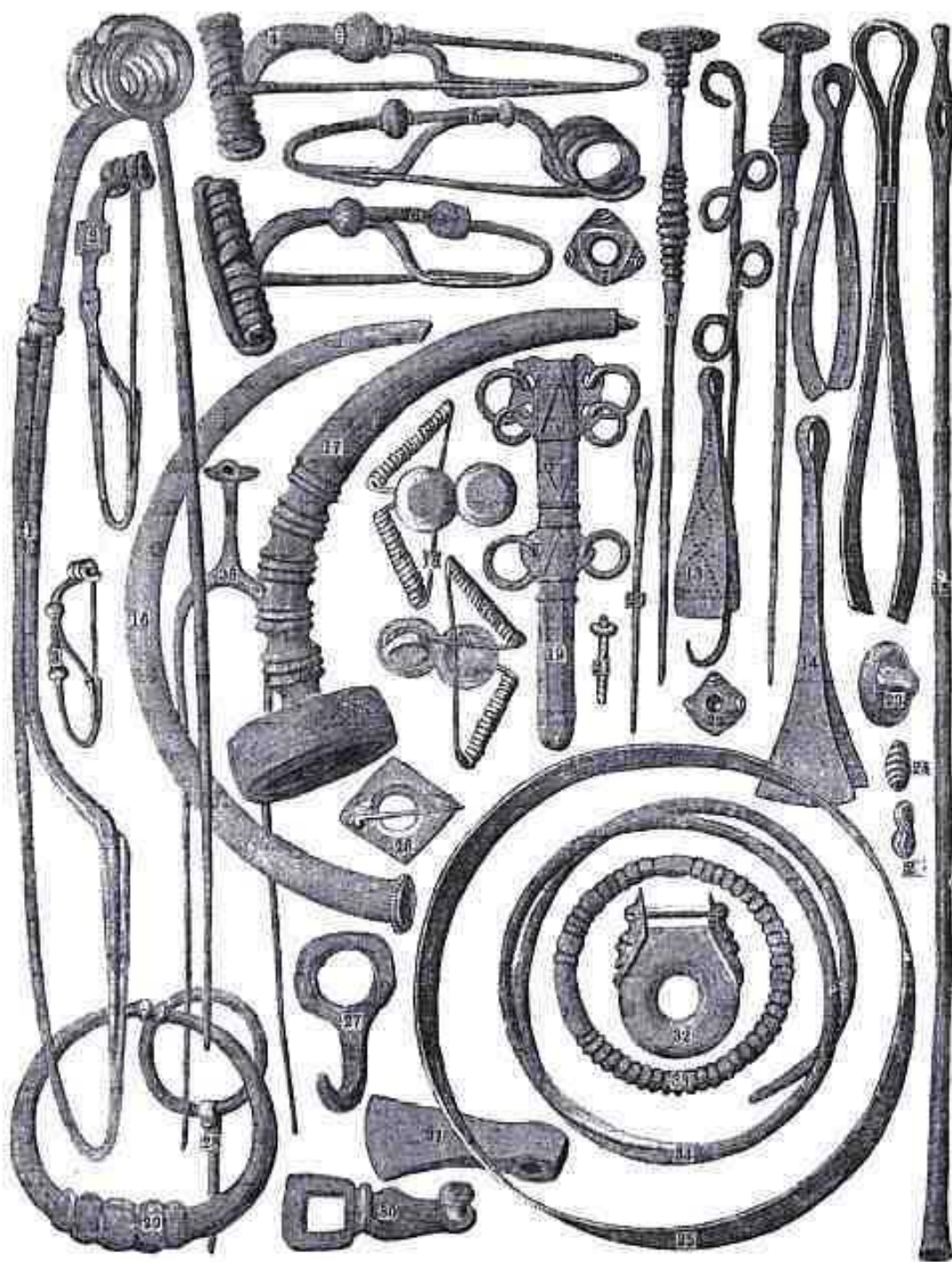

Рис. 91.—Ла Тен. № 32 = $\frac{1}{3}$, а остальные = $\frac{1}{2}$ в натуральную величину.

Малоберцовая кость (рис. 91).— Количество фибул из Ла-Тена в настоящее время составляет несколько сотен. Все они сделаны по одному принципу, а именно. по принципу наших современных английских булавок. Этот принцип является просто эволюционным этапом функционирования прямой булавки, с помощью которой острие загибается так, чтобы оно соприкасалось с верхушкой, после того как стержень был подвергнут нескольким поворотам для придания ему эластичности. В части, соответствующей верхней части булавки, имеется защелка для острия при застегивании. Орнамент на верхней части и количество спиральных изгибов на ножке настолько разнообразны, что каждая фибула обладает ярко выраженной индивидуальностью, и до сих пор не было найдено двух

абсолютно похожих образцов. Их средний размер составляет от двух до шести дюймов в длину, но иногда они превышают это значение, как показано на рисунке (№ 1), который составляет 10½ дюймов в длину. Они почти исключительно сделаны из железа (№ 1-6), исключение составляют одна или две из бронзы (№ 18 и 26) и маленькая золотая брошь круглой формы (Б. 428, с. 28), которые в чем-то аналогичны брошам халльштадтского периода.

Булавки, иголки и т.д.—Декоративных булавок немного, и они обычно сделаны из бронзы. Из четырех изображенных здесь (№ 8, 9, 10 и 36) один имеет двойную ножку и настолько похож на примерно полдюжины предметов, найденных в Пфальбаутенах бронзового века, что это, скорее всего, случайный предмет из последнего, чем реликвия Ла-Тена. Это вовсе не невероятно, поскольку мы уже видели, что в непосредственной близости от Ла-Тена было несколько таких станций, реликтовые слои которых были почти полностью разрушены волнами.

Замечательный предмет, найденный Воугой, состоит из декоративной бронзовой трубки, закрытой с одного конца и имеющей шесть симметрично расположенных подвижных колец (№ 19). Не может быть никаких сомнений, что это был иглодержатель, поскольку в нем находилась хорошо сформованная железная игла (№ 20). Другой любопытный объект, имеющий ушко, похожее на игольное, заканчивающееся удлиненной луковицей вместо острого конца, представлен номером 15.

Пряжки, Кольца и т.д.— Большой ассортимент железных застёжек (№ № 27 и 30), пряжек (№ № 28 и 32), колец (№ 33) и т.д. представлен во всех коллекциях La Tène. Также можно встретить несколько бронзовых бусин и пуговиц (№ 23) и несколько стеклянных бусин красивого синего цвета или с синими, желтыми и белыми вставками (№ 22, 24 и 25). Через один из них проходит часть бронзовой витой проволоки (№ 21).

Браслеты.—В отличие от фибул, браслеты встречаются очень редко. Доктор Гросс изображает одну из бронзовой проволоки; другую - из железного стержня с уплощенной внутренней стороной; и третью - из железной пластины, склепанной в виде полый трубки, напоминающей одно из декоративных полых колец бронзового века. (Б. 446, Стр. х. 17, 18 и 27.) Из двух здесь изображенных (№ № 34 и 35) одна представляет собой спиральный стержень, а другая - плоскую ленту, обе из железа. Также были найдены фрагменты стеклянных браслетов в виде плоской ленты, снаружи украшенной волнистыми гофрами. (Б. 126, с. 294.)

Шейные кольца.—В Ла-Тене были найдены несколько фрагментов массивных шейных колец, в точности похожих на те, что изображены на древних скульптурах, характерных для выдающихся галльских воинов, как, например, на шее "Умиряющего гладиатора" в Риме. Они, по-видимому, были сделаны из двух симметричных частей, которые при ношении соединялись сзади на шее, а затем образовывали большое кольцевидное кольцо с расширенной луковицей на каждом конце (№ № 16 и 17). Иногда это были простые кольца, но обычно они были более или менее выполнены в виде какого-то художественного узора. Отчетливо видно, что изображение умирающего гладиатора закручено по спирали непосредственно над концевыми луковичками. Из двух представленных здесь изделий одно (№ 16) изготовлено из золота и весит 72-90 граммов, а другое из бронзы (№ 17).

4. Конская сбруя, повозки и т.д. - Среди предметов, относящихся к этому классу, у нас есть не только уздечки (рис. 89, № 14-18), шпоры (№ 6), различные диски и другие бронзовые предметы, предположительно служившие украшениями конской сбруи (№ 6). 5, 7, 8, 10, 11, и 21), но фактические остатки фургонов, такие как колеса (№ 12), часть деревянного шеста,

распорные штифты (№ 19) и другие приспособления. Колесо, изображенное здесь, представляет собой ступицу с 10 спицами и шипами, которые связаны вместе железным обручем, точно таким же, как используемые сейчас колеса. "La roue entière," writes its discoverer, "a un mètre de diamètre; trouvée en compagnie d'épées gauloises, elle avait sur le moyeu un umbo de bouclier. Le cercle de fer qui l'entoure, d'environ un centimètre d'épaisseur, a 5 centimètres de largeur, le moyeu a 60 centimètres de longueur, il est formé de deux pièces, reliées de chaque côté par un ou deux petits cercles. Les rais sont en chêne au nombre de dix et la jante est, ou plutôt était, d'une seule pièce courbée et paraît de frêne; elle avait été raccommodée et la pièce est assujettie au moyeu d'un clou et d'une embrasse de fer.

"Elle était encore entière, mais, en la transportant, quelques rais tombèrent et comme je ne pus pas la mettre immédiatement et entièrement dans l'eau, la jante se retira en peu de jours, laissant un espace entre le bois et le fer, de sorte que, quand je voulus mettre la roue entière dans son bassin de zinc, elle se sépara en plusieurs morceaux.

"Dans la même couche, mais dans la partie inférieure, puisqu'elle allait en pente, on trouvait des parties d'autres roues, des rais, moyeux calcinés, des manches de haches droits ou coudés pour celts, des parties de bois de lances, des poches en bois avec manches des fragments de grandes écuelles en bois, etc., de grandes et fortes poutres avec mortaises." (B. 428, p. 22.)

Фрагменты этой интересной реликвии сейчас бережно хранятся в жидкости в большом корыте в музее в Невшателе.

Количество удил для уздечки (исключая объекты, представленные номерами 15 и 16, которые также предположительно использовались для этой цели) составляет около дюжины. Все они сделаны из хорошо отбитого железа, за исключением одного (№ 17), который имеет поверхностный слой бронзы поверх железа, большие боковые кольца и центральный мундштук, разделенный на две симметричные половины.

5. Деньги, Предметы развлечения и т.д. — *Монеты*. — Но, пожалуй, самой интересной особенностью Ла-Тена является обнаружение монет среди его странного ассортимента реликвий. Некоторые из них римские, но другие, несомненно, галльского происхождения, будучи идентичными тем, которые, как известно, были распространены среди различных племен Галлии до какого-либо вмешательства в их дела римлян. В большинстве случаев они были подобраны на поверхности или среди постоянно перемещающегося гравия, и, конечно, из них нельзя было сделать никаких окончательных выводов. Однако теперь эта неопределенность устранена обнаружением двух золотых монет на глубине 10 футов под нынешней поверхностью, которые связаны с обычными характерными объектами Ла-Тена. "En creusant à la drague," says Vouga, "les pêcheurs de M. Schwab ont découvert une monnaie d'or et plusieurs monnaies d'argent et de potin ou de bronze. Plus tard, M. Alexis Dardel et d'autres personnes en ont aussi trouvé en assez grand nombre, surtout sur la tourbe et sur les bords du lac où les vagues les entraînaient, et une quantité de monnaies romaines avec des monnaies de Marseille, de Nîmes, de Lyon, de Vienne. Le plus grand nombre a dû se trouver sur l'île, entre les deux bras de la Thielle; mais de là, à mesure que le terrain était enlevé, ces monnaies étaient balayées et entraînées au bord avec les graviers.

Рис. 92.—La Tène. Номера 1, 15, 19 и 20 = примерно $\frac{1}{6}$, 18 = $\frac{1}{3}$, а остальные = $\frac{2}{3}$ реального размера.

"Comme elles se trouvent toutes pêle-mêle, on ne peut en tirer des conclusions bien sûres. Il n'en est pas de même de deux monnaies en or trouvées à trois mètres de profondeur avec les objets mêmes de la Tène, en février, 1884; ce sont, d'après les descriptions qu'en a faites M. le Dr. Trachsel, de Lausanne, qui les croit Carnutes, du pays Chartrain. Une monnaie gauloise, en or pâle, concave, du poids de 7.783 grammes (**Fig. 92**, No. 2): A. Tête à bandeau royal; R. Aurige conduisant un char attelé de deux chevaux; à l'exergue, inscription étrusque ou grecque, indistincte." (B. 428, p. 29.) Другая монета очень похожа на вышеупомянутую во всех

отношениях, за исключением того, что она меньше и составляет всего около четверти своего веса.

Золотые монеты редки, всего, по словам Вуги, зарегистрировано всего семь. Одна из них, находящаяся в музее Бьенна, описана Келлером (Б. 126, с. 302 и Стр. xv. 34) как плохая имитация македонских монет Филиппа. Другой (описанный в *Anzeiger* за 1883 г., стр. 401) похож на [рис. 92](#), № 2. Пятый представляет собой фрагмент, а остальные два состоят из маленьких удлинённых золотых рулонов (№ 10).^[46]

Помимо золотых монет из Ла-Тена, существует около 100 серебряных и примерно столько же бронзовых или потин (смесь меди, олова и свинца), представляющих большое разнообразие монет, как местных, так и иностранных (№ № 3-9 и 11).

Доктор Гросс, представив несколько образцов этих монет, предназначенных в качестве иллюстраций к его работе о Ла—Тене, М. А. де Бартеlemi, публикует следующее мнение этого выдающегося нумизмата относительно их даты:

"En résumé les monnaies dessinées sur la planche XI, à l'exception des Nos. 23 et 24 [gold coins] qui, à cause de leur métal, ont en un cours prolongé, sont de la seconde moitié du premier siècle avant l'ère chrétienne, principalement de la fin." (Б. 446, р. 47.)

Развлечения.—Среди предметов такого рода есть несколько игральные кости, некоторые из бронзы, другие из кости (№ № 12-14). Кроме того, предполагается, что около дюжины маленьких камешков размером с обычный мраморный шарик и идеально круглых, за исключением одной стороны, где как бы отрезан сегмент, использовались для какой-то игры.

Разнообразный. Завершая это краткое описание реликвий из Ла-Тена, я должен просто упомянуть в качестве неклассифицированных предметов четырехногую статуэтку и маленькое колесо, оба из бронзы, находящиеся в коллекции г-на Дарделя (№ 16 и 17). Доктор Гросс описывает бронзовый предмет, напоминающий трубку (№ 21), который, по его мнению, был найден на этой станции.

6. Костные останки.—К этим реликвиям будет добавлено большое количество костных останков людей и домашних животных. Об обстоятельствах, при которых были сделаны более ранние находки, подобные этому описанию, у нас есть не очень определенная информация. Келлер, писавший в 1866 году (Б. 126, с. 295), говорит о корзине, полной человеческих костей, представляющих около восьми особей; а Дезор примерно в то же время нашел человеческий череп, который он упоминает в своей работе о палафиттах. (Б. 95.) М. Вуга, однако, дает точную и интереснейшую информацию об условиях, в которых он обнаружил костные останки людей, а также лошади, быка, свиньи и собаки.

Мы уже видели, как г-н Вуга наткнулся на *обломки* ряда деревянных домов, построенных на берегах древней реки. Ссылаясь на эти учреждения, он, таким образом, пишет:—

"Devant le premier établissement je trouvai un crâne entier de femme. Devant le second, je trouvai pareillement les ossements de trois ou quatre personnes et trois crânes, dont un portait les traces de coups d'épée sur le sommet; un second était remarquable par sa déformité et l'extension de la partie postérieure. Devant le quatrième, deux mâchoires inférieures et les ossements d'une trentaine de personnes, avec un très grand nombre d'os de chevaux, de bœufs, et de porcs. Devant le troisième, un crâne de chien grand et entier. Devant le cinquième, trois squelettes entiers dont un portait une corde au cou(?).

"Outres ces crânes et ces ossements dont je puis indiquer la provenance, il a été trouvé un grand nombre d'autres squelettes, d'ossements divers, de crânes de chevaux appartenant à une petite race.

"Je ne pourrais pas garantir l'âge de tous les squelettes, puisque, comme je l'ai dit en commençant, deux doivent être bourguignons, ayant retrouvé l'emplacement de la tombe avec un poignard de cette époque, et que six autres se sont trouvés à mi-hauteur, non loin d'un chéneau en bois, et que la couche romaine paraissait s'incliner vers ce côté-là," (B. 428, p. 31.)

Заключительные замечания о Ла-Тене.— Учитывая вышеизложенные факты, мнение более ранних исследователей о том, что Ла-Тене был обычным поселением железного века, аналогичным озерным деревням предшествующих эпох, больше не может приниматься во внимание. Его географическое положение, господствующее над великой магистралью между Констанцем и Женевой, и огромное преобладание боевого оружия среди его реликвий ясно указывают на то, что это была военная база или перспективный объект. Не требуется также особого проникновения, чтобы узнать из его нынешних руин что-то о его окончательной судьбе. Количество человеческих костей, представляющих примерно 30-40 особей, у некоторых из которых порезы на макушках черепов; количество брошенных мечей, все еще в ножнах; неуместная смесь реликвий, найденных Воугой на дне древнего русла реки, — все указывает на то, что его захват врагом был внезапным, а борьба ожесточенной. Обнаружение римских останков, таких как монеты, плитки, керамика, кирпичи (один со знаком 21-го легиона, "Рапах"),^[47] на Ла-Тене и вокруг него, не оставляет сомнений в том, что его завоевателями были римляне.

Литература.—Б. 22, 31, 72, 95, 119, 126, 419, 420a', 420b', 420c, 428, 434a, 446, 449a" и 463c. Также Вирхов о человеческих останках в томах xv и xvi, *Zeit. für Ethn. Verhand.*

ОЗЕРО ПАЛАДРУ.

С незапамятных времен среди жителей озера Паладру бытовала легенда о том, что в его водах был погребен город - катастрофа, вызванная проклятиями монахов соседнего картезианского монастыря Сильве Бените. 24 сентября 1864 года месье Валье из Гренобля и несколько друзей организовали лодочную экскурсию с целью изучения озера на предмет сообщений о наличии в нем свай, с целью подтверждения значимости вышеупомянутой легенды, и обнаружили не менее шести различных мест, где можно было увидеть сваи, более или менее выступающие из грязи. Предполагалось, что это остатки озерных деревень, о которых были установлены следующие подробности:—

1. Станция Гранд Розо.— Эта станция была расположена недалеко от устья озера, примерно в двухстах ярдах от берега; глубина воды от одного до двух футов; сваи иногда на расстоянии трех футов друг от друга, а иногда гораздо меньше; было насчитано более 150.
2. Статистика. de l'Ile de Loyasse.— В двухстах пятидесяти ярдах от первого и примерно в 100 ярдах от берега. Было насчитано всего около двадцати стопок.
3. Статистика. de la Женевьер.— Примерно в 600 ярдах дальше и в 70 ярдах от берега. Насчитал около двадцати свай.
4. Статистика. de la Neyre.— Примерно в 200 ярдах от предыдущего и недалеко от берега.
5. Статистика. платформа.— Насчитано около тридцати свай в воде глубиной от 10 до 13 футов.

6. Статистика. du Puits des Carpes.—Пятьдесят или шестьдесят свай, замеченных близко друг к другу и примерно в 20 ярдах от берега.

Эти указания на свайные жилища, хотя и подкрепленные дальнейшими наблюдениями М. Валье в следующем году, на самом деле мало способствовали прояснению проблемы относительно периода, к которому они относились; так что работа М. Валье "История города Арс на границах озера Паладру" оставляет вопрос во многом в том же положении, в каком его оставил профессор Фурне, который уже предложил в 1860 году[48] что легенда о погребенном городе берет свое начало в прежнем существовании озерных жилищ. Мистеру Эрнесту Шантру из Лиона оставалось провести первые практические исследования, чтобы прояснить эту тайну. К этому направлению исследований его привели поддержка и знания, которые он получил на первом заседании Международного конгресса по доисторической археологии, проходившего в Невшателе в 1866 году, когда у него была возможность быть инициированным профессором Десором и другими исследователями озер. Его первые попытки, отчет о которых был опубликован в *Matériaux* за 1867 год, показали, что две из станций, упомянутых М. Валье, относились к железному веку. Узнав затем, что ведутся инженерные работы по регулированию стока вод этого озера, что привело бы к снижению его уровня, месье Шантр отложил свои предполагаемые раскопки до тех пор, пока не будут созданы более благоприятные условия. Его последующие исследования, проведенные осенью 1870 года, были ограничены первой названной станцией (Гран-Розо), которая, исходя из его прежнего опыта, давала большие надежды на археологические результаты. Из него он уже подобрал несколько костей быка, свиньи, оленя и т. Д., Косточки небольшой вишни и двух сортов слив, осколки керамики, отличной от любой, найденной в швейцарских озерных жилищах, железный нож и деревянную расческу. Из-за понижения уровня озера станция сейчас (1870 г.) находилась на высоте фута над водой, и ее можно было легко осмотреть с помощью лопаты на *твердой земле*. В ходе последовавших раскопок были обнаружены следующие слои: (1) Восемь дюймов торфяной грязи и корни водных растений; (2) около восемнадцати дюймов торфа, содержащего кусочки обработанного дерева и кости; (3) десять дюймов торфа, содержащего кости, фрагменты керамики и большое разнообразие древностей; (4) Под этим торфом находился беловатый озерный осадок, известный как ракушечный мергель.

Площадь, занимаемая сваями и деревянными балками, составляла около 1600 квадратных ярдов и имела несколько круглую форму. Верхушки свай были размыты водой и выступали над грязью от фута до полутора. Они были сделаны из стволов деревьев длиной от 10 до 16 футов и диаметром от 7½ до 15 дюймов, некоторые были обтесаны и заострены топориком, и большинство из них проникло в раковину-мергель. Расстояние между ними сильно различалось. Было замечено, что многие из них были расположены группами по четыре человека, прямоугольно, с поперечными балками, протянутыми между ними, образуя таким образом ряд квадратных или прямоугольных камер. Поперечные балки перекрывали друг друга, и каждая имела вырезанную полость в месте пересечения, которая удерживала ее в нужном положении, в точности по принципу, по которому в наши дни строятся швейцарские шале. Стены затопленных отсеков содержали примерно четыре или пять таких поперечных проходов, а длина замкнутого пространства варьировалась от 7 до 30 футов. В больших помещениях стойки не ограничивались углами, а занимали промежуточные положения внутри замкнутого пространства. Многочисленные шипы, пазы, колышки и другие части обработанных досок доказывали, что эти сооружения были возведены только с помощью топора и стамески, поскольку ни на одном не было обнаружено никаких свидетельств использования пилы; также не было найдено никаких железных гвоздей.

Деревянных изделий было так много, что их удаление стало обычным занятием; и для их обнаружения грязь прощупывали железными прутьями.

В двух местах до берега тянулся двойной ряд свай, одна длиной 230 футов, другая 130 футов, которые, без сомнения, были остатками сходней.

Промышленные реликвии (**рис. 93**) состояли в основном из железных предметов, среди которых были несколько ножей (№ 3), топор (№ 11), шило, буравчик, часть ножниц (№ 2), стамеска, часть замка (№ 8), цепи (№ 7), несколько ключей (№ 9), подковы (№ 5 и 6), гребень для карри (№ 10), шпора (№ 12), копье (№ 4) и части ножниц. дротик.

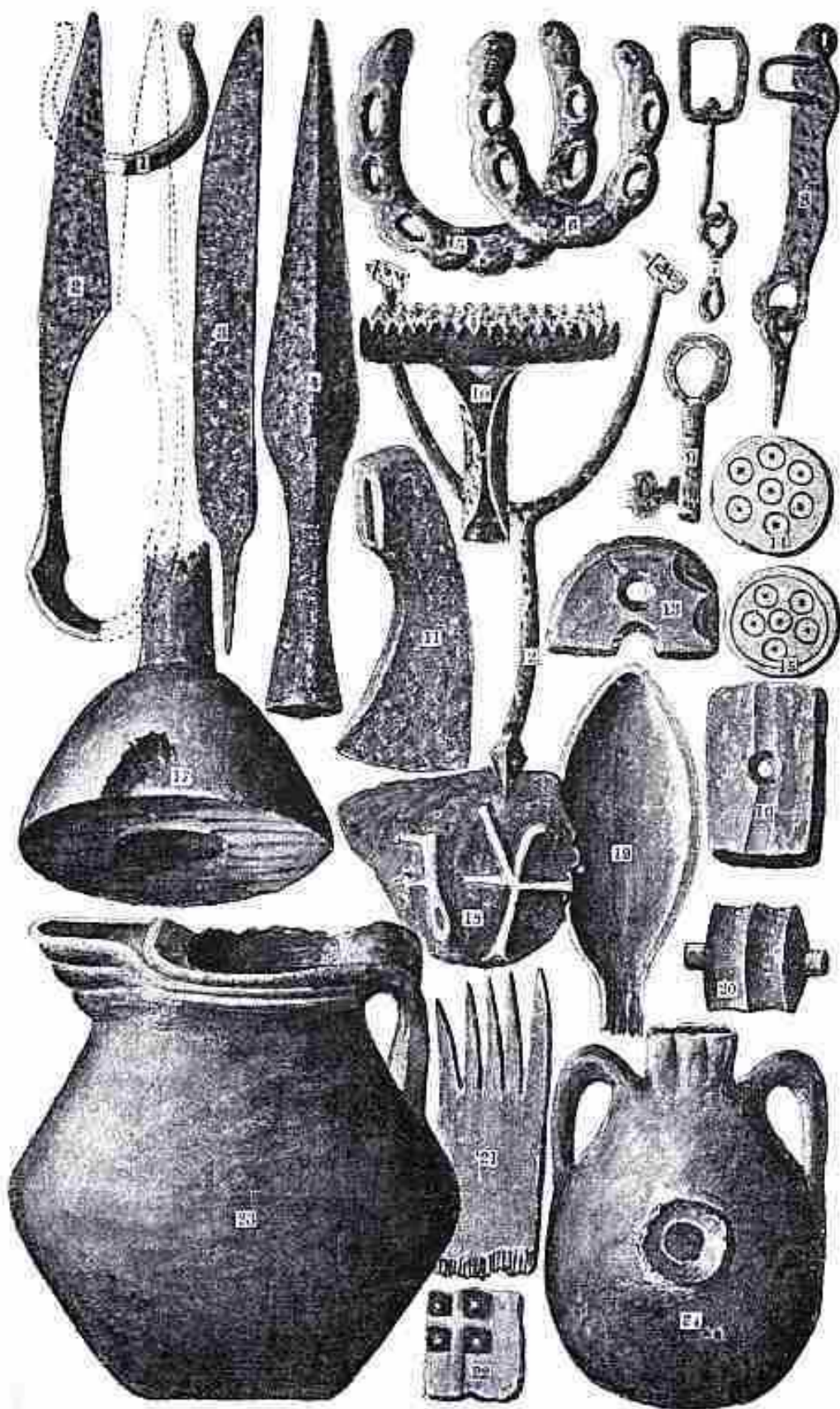

Рис. 93.—Паладру. Все $\frac{1}{3}$ в натуральную величину.В

Из других материалов были найдены две костяные палочки (№ № 14 и 15), точильный камень, половинка свинцового браслета (№ 1) и ряд деревянных предметов, а именно: две

расчески (№ 21), ложки (№ 19), пестики (№ 17), шпулька (№ 20) и несколько перфорированных наконечников, похожих на поплавки для сетей (№ 13 и 16).

Керамика серовато-черного цвета, хорошо обожженная, вылепленная на круге, с орнаментом очень необычного характера (№ № 18, 22, 23 и 24). Единственный целый сосуд имел форму колбы с отверстием посередине одной из его сторон (№ 24). Также были найдены несколько кусков ткани, похожих на римские салфетки, и часть римской вазы.

Животными, идентифицированными по костям, были бык, овца, коза, лошадь (малочисленная раса), свинья, собака и крупная выдра. Среди остатков фруктов были два вида вишни, два вида слив, персики, грецкие орехи, лещина, желуди и т.д.

Дуб был единственной древесиной, используемой при строительстве подводных фундаментов, за исключением одного ствола каштана; но ясень, кизил и самшит использовались для изготовления посуды. (Б. 193.)

В 1885 году, из-за низкого уровня воды в озере, на этой станции (Гран-Розо) были сделаны дальнейшие открытия. Непосредственно перед озерной деревней, на берегу озера, был обнаружен тройной ряд свай, которые, по-видимому, служили волнорезом; и на его месте, наряду с несколькими большими дубовыми балками, были найдены различные реликвии, сходные по характеру с уже описанными. Среди них были следующие железные предметы карловингского периода, а именно: 17 ножей, 2 ключа, крюк, пара ножниц, стремя, 2 шпоры, часть накладки от щита и несколько подков небольшого размера. Другими зарегистрированными предметами были две части деревянных ложек, фрагменты гребня из тиса и кусок козьей шкуры.[\[49\]](#)

РЕЙНСКИЙ ОКРУГ.

На двух только что описанных озерных станциях нам пришлось иметь дело с останками, существенно отличающимися от любых, которые до сих пор попадали в поле нашего зрения. В Ла-Тене изделия из камня и бронзы являются настоящим исключением, в то время как изделия из железа не только представлены в большом изобилии, но и по своему разнообразию и стилю исполнения ясно показывают, что обработка иковка этого металла достигла высокого уровня совершенства. Короче говоря, у нас есть неотъемлемые свидетельства того, что цивилизация бронзового века теперь была вытеснена цивилизацией совершенно иного характера, и все же может показаться, что это полное изменение произошло независимо от прихода римлян и до него. С другой стороны, класс древностей, найденных в озере Паладру, отсылает нас ко временам Карловингов, вероятно, к девятому или десятому веку. Продолжая наши исследования на север, мы находим записи о многих озерных жилищах, которые, подобно этим, являются продуктами более поздних эпох, чем те, в которые процветал швейцарский Пфальбаутен. Но, в то же время, есть удовлетворительные свидетельства относительно других местностей в тех же местах, что они принадлежали к доисторическим эпохам. Профессор Вирхов (В. 165) считает, что, за одним или двумя исключениями, все озерные поселения Северной Германии были основаны в железном веке и, подобно нашим шотландским и ирландским пещерам, существовали вплоть до средневековья. Однако в отношении многих из них нельзя сделать окончательных выводов, поскольку они недостаточно или полностью неисследованы.

ПФАЛЬЦ.

Г-н К. Мехлис (В. 400) утверждает, что в низменности близ Биллигхайма, на левом берегу Рейна, в течение многих лет наблюдались свидетельства свайного жилища. В одном месте

были найдены сваи в их первоначальном положении. Они состояли из прямоугольных дубовых балок длиной около шести футов, расположенных в форме прямоугольника. Рядом с ними в большом количестве были собраны плитки темно-красного цвета, фрагменты керамики, характерные для периода с десятого по тринадцатый века, и кости оленя. В дополнение к этим реликвиям, которые указывают на раннее средневековье, на большей глубине были и другие, которые не менее убедительно указывают на гораздо более ранний период. Они описываются как орудия труда из камня и кремня, такие как ножи, топоры, наконечники копий и т.д.

Другие признаки были замечены на грядках дерна в Ландштуле и Дюркгейме; а под Майнцем Линденшмит показал, что свайные жилища существовали еще во времена римской империи. Говорят, что другие стоянки находятся в Вюрцбурге, Визентхайде и Нидиссигхайме, где были найдены кости различных быков и свиней, связанные со сваями. (400а, стр. 254.)

ДЬЮЛЬ-а-ГУПЛЕН.

В 1876 году М. Риге объявил о существовании свайного жилища на болоте Деуль-а-Улен в Северном департаменте, в котором были найдены не только сломанные кости, отколотые и отполированные кремневые предметы и керамика, но и некоторые металлические предметы.[50]

МАЭСТРИХТ (ГОЛЛАНДИЯ).

В долине Мааса, недалеко от Местрихта, г-н Убагс (В. 413) описывает нечто вроде искусственного острова, составленного из стволов деревьев, хвороста, листьев и т.д., который был обнаружен в 1883 году в ходе железнодорожных раскопок. Это любопытное сооружение находится недалеко от канала, ведущего из Местрихта в Буа-ле-Дюк; и, по-видимому, когда много лет назад строился этот канал, рабочие наткнулись на много дерева и костей, которые были выброшены как несущественные. Участок, который сейчас обнажен в результате раскопок на железной дороге, находился примерно на 16 футов ниже поверхности и простирался параллельно каналу примерно на 50 ярдов при ширине 11 ярдов, и, по оценкам г-на Убагса, в результате работ на канале было разрушено еще 4 или 5 ярдов. Стволы были от 6 до 13 футов в длину и, в некоторых случаях, 1 фут в диаметре. Более крупные находились внизу и покоились на ложе из гравия, в которое они были частично погружены. Над балками были разложившиеся ветви и листья, образующие грядку из растительных обломков толщиной около восьми или девяти дюймов, но нигде не наблюдалось вертикальных штабелей. Мистер Убагс считает, что в прежние времена это был остров, построенный частично, по крайней мере, искусственно, подобно ирландским крэнногам или Пфальбаутенам в Шуссенриде, и что он служил жилищем для охотников, которые оставляли после себя остатки пиршеств и сломанное оружие.

Среди собранных предметов, представляющих археологическую ценность, были следующие: — Часть человеческого черепа, а также различные кости лошади, уруса, быка, оленя, козы, собаки, свиньи, бобра и плечевая кость птицы. Промышленные реликвии состояли из различных видов орудий труда и оружия из кости и оленьего рога, таких как гарпуны, дубинки с отверстиями, кинжалы и т.д., Некоторые из которых здесь представлены (рис. 94). Поскольку эти иллюстрации просто скопированы с работы Убагса и не выполнены в масштабе, я привожу соответствующие длины объектов, а именно. (1) 15½, (2) 10, (3) 6½, (4) 13½, (5) 4½, (6) 3 и (7) 3½ дюйма.

Не было найдено ни одного полного скелета какого-либо животного, потому что, как отмечает г-н Убагхс, эти охотники приносили в свои жилища только определенные части убитых животных. Было также замечено, что губчатые части костей были обглоданы, вероятно, собаками.

К части человеческого черепа (*долихоцефальной*) в настоящее время проявляют более чем обычный интерес, поскольку именно вблизи того же места профессор Крэхей обнаружил знаменитую человеческую челюсть, известную как "Смермаас машуар", и впоследствии описанную сэром Чарльзом Лайеллом в его "Древности человека" как ровесницу бивня мамонта, найденного в окрестностях. Настоящий череп был найден на глубине 11-13 футов под поверхностью, лежащим на гравийном слое, на котором стояли деревянные конструкции. В результате тщательного сравнения с "челюстью Крэхэ", которая сейчас находится в кабинете анатомии Лейденского университета, г-н Убагс обнаружил, что две реликвии идентичны по патине, консистенции кости и составу материала, в который они были вложены (следы которого все еще сохранились на них), и он приходит к прозаическому выводу, что они принадлежали маэстрихтскому краногу: "Cette mâchoire, ainsi que les autres ossements de la même provenance, ont appartenu à notre станция озер-пре-де-Маэстрихт".

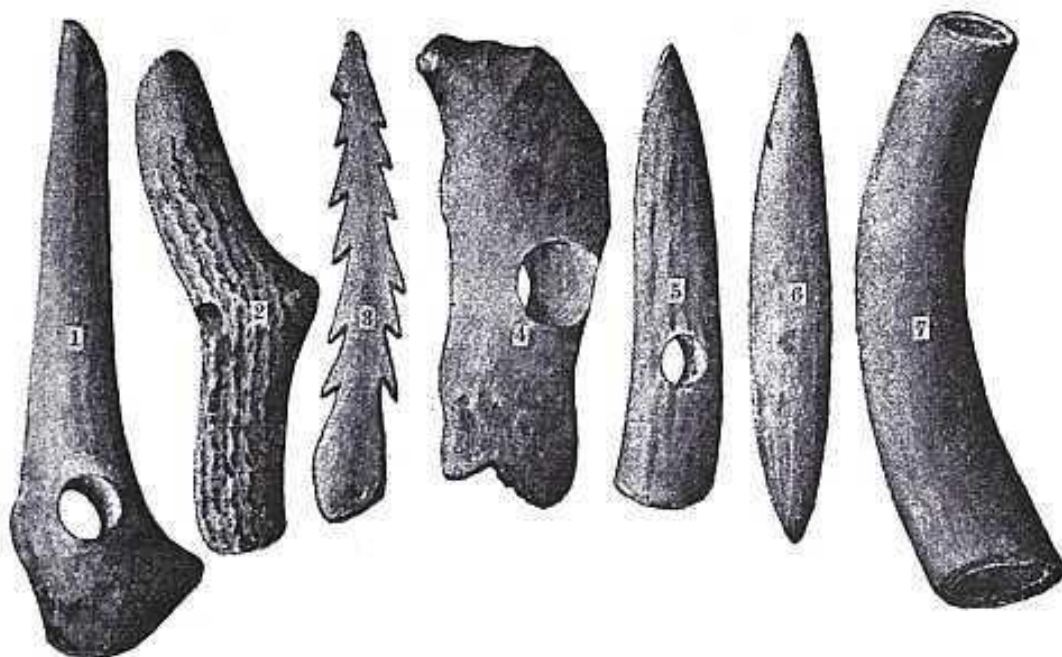

Рис. 94.—Маэстрихт.

М. Керкхоффс[51] критикует сэра Чарльза Лайелла за некоторые очевидные ошибки, которые он допустил относительно взаимного расположения челюсти Крэхэ и бивня мамонта. По словам сэра Чарльза, бивень был найден "на расстоянии шести ярдов от человеческой челюсти, на горизонтальном расстоянии".[52] M. Kerkhoffs gives the following quotation from Crahay's original notice of the discovery:—"Dans une pointe que forme le plateau de Kaberg, en s'avancant dans la plaine, près de Smeermaas, on a rencontré dans la terre argileuse à 6m50 au-dessous du sol, la mâchoire inférieure d'un homme garnie de ses dents, sans être accompagnée d'aucun autre reste; elle ne semblait pas avoir roulé; les ouvriers assurent que la terre n'y avait pas été remuée. L'os est très fragile, mais n'a pas été dans cet état de mollesse des ossements d'éléphants; aussi n'est-ce pas la même couche de terre; car au-dessous de cette mâchoire s'étendait une couche irrégulière de gravier et de cailloux de 2 à 3 mètres d'épaisseur,

au-dessous de laquelle était placée une nouvelle couche argileuse dans laquelle on a trouvé des restes d'éléphants à 14 mètres au-dessous du sol."

Из этих замечаний следует, что отчет сэра Чарльза Лайелла о положении *машуара* не соответствует действительности и не соответствует описанию профессором Крэхеем условий, в которых он был найден, поскольку здесь описывается, что бивень находился более чем на 24 фута глубже.^[53]

СЕВЕРНАЯ ГЕРМАНИЯ.—а) МЕКЛЕНБУРГ.

Латмур. Открытие озерных жилищ в Северной Германии относится к лету 1863 года, когда доктор Лиш, хранитель Антикварного музея в Шверине, сопровождал некоего сержанта Бюша для осмотра торфяного болота в местечке под названием Эгелув, недалеко от Висмара, где, по словам последнего, были найдены какие-то каменные орудия. Доктор Лиш узнал в этом месте озерное жилище и расценил находку как очень важную. Вскоре после этого Бюш, который был членом Общества антикваров Шверина и принимал активное участие в сборе предметов для музея, установил, что подобные останки часто встречались в торфяном болоте, известном как Латмур, расположенном примерно в миле к северу от города Висмар. 4 июля 1864 года Бюш так сильно поразил членов общества количеством и разнообразием предметов, которые он разложил перед ними, что доктор Лиш снова сопровождал его в этой новой области открытий и снова пришел к выводу, что это было место настоящего Пфальбау. Сержант Бюш, которому, несомненно, принадлежит заслуга этих открытий, пришел в восторг от своих успехов и продолжал снабжать доктора Лиша самыми необычными предметами из этого озерного обитателя, все из которых были приняты, не вызвав ни малейшего подозрения, что что-либо из них было подделано. В 1865 году доктор Лиш опубликовал иллюстрированный отчет о жилищах на озере Висмар (В. 100), и этот предмет привлек большое внимание в археологических кругах из-за их аналогии с жилищами в Швейцарии. Вскоре после появления работы Лиша доктор Линденшмит из Майнца объявил, что некоторые предметы, включенные в небольшую коллекцию, которую ему прислал Бюш, были фальсификациями, и особенно указал на костяной гребень и некоторые другие костяные предметы, которые, несомненно, попадали под эту категорию. Сомнения, посеянные таким образом в отношении реликвий из поселения на озере Висмар, усилились, когда вскоре после этого у Бюша возникли неприятности из-за некоторых денежных вопросов, которые закончились тем, что он был осужден и наказан за подделку документов. Теперь под сомнение была поставлена не только подлинность всех реликвий, столь ценимых в Шверинском музее, но и само существование обитателя озера. После этого неприятного события доктор Лиш стал более осторожным и тщательно осмотрел все реликвии, которые уже поступили в музей, результатом чего стало то, что Бюш не только сфабриковал значительное их количество, но и включил в него настоящие предметы древности, найденные в других местах, как принадлежащие обитателям озера. Затем все сомнительные образцы были тщательно исключены из собрания, и дальнейшие исследования проводились компетентных и честных людей, особенно гг. Фромм и Манн Висмар. Результат этого расследования был таков, что не оставил никаких сомнений в подлинности обитателей озера Висмар, поскольку предметы того же класса продолжали находить и после полного исчезновения несчастного Бюша с места происшествия. Пару лет спустя доктор Лиш опубликовал второй отчет Висмара Пфальбаутенского (В. 142), в котором он отмечает те предметы, которые, по его мнению, были подделками, в основном предметы из кости и рога, приведенные в его предыдущем отчете, и включает дальнейшие открытия. С 1867 года в этой части болот почти не велись вырубki торфа, и, соответственно, количество древностей уменьшилось. Окончательный отчет об этом обитателе озера был, однако,

представлен в 1873 году доктором Лишем, который во всех отношениях подтверждает его предыдущий характер. (Б. 242.) Профессор Вирхов, который также посетил местность и со своей обычной критической проницательностью исследовал все это дело, пришел к выводу, что, несмотря на непостижимые мистификации Бюша, обитателям озера в Висмаре, несомненно, можно доверять. (Б. 165.)

Я посетил музей Шверина летом 1888 года специально для того, чтобы увидеть эти останки, и после тщательного осмотра я не смог расходиться с выводами, к которым пришли Лиш и Вирхов. Более того, мисс Буххайм, хранительница отдела антиквариата, заверила меня, что не может быть никаких сомнений в том, что вся коллекция из Висмара, находящаяся сейчас в музее, является такой же подлинной, как и любая подобная коллекция в Европе.

Останки обитателей озера занимают отдельное отделение в одном из настенных шкафов. Среди них из Висмара 32 кремневых топора и стамески более или менее совершенного вида (рис. 95, № 6), три перфорированных каменных топора (№ 16 и 17), восемь полулунных кремневых пил (№ 11 и 12), одно или два наконечника для стрел (№ 20), кремневый кинжал с рукояткой (№ 10), несколько кремневых отщепов и несколько полировальных станков (№ 18). Из рога и кости сделано много обработанных частей, среди которых три перфорированных орудия (№ 14), одна перфорированная бусина из янтаря, части свай и обработанного дерева, а также большая куча костей. Но, конечно, не все предметы попали в этот музей, поскольку некоторые из них, описанные в отчетах доктора Лиша, очевидно, нашли пристанище в каких-то других коллекциях. Среди реликвий есть не только большие полые полировальные камни и круглые каучуки, но и фрагменты настоящих квернов или ручных мельниц, присутствие которых, по-видимому, удивило доктора Лиша, поскольку он считал, что последние датируются гораздо более поздним временем, чем любые другие связанные с ними предметы.

Из бронзы упоминается только один кельтский браслет с боковой петлей и частью нарукавной повязки.

Керамика была необычного характера, сильно разбитая, и ее было трудно разобрать. Одна часть, которая представлена здесь (№ 9), показывает группы линий, идущих вверх и вниз по выпуклости сосуда. Также было найдено несколько глиняных веретенообразных завитушек.

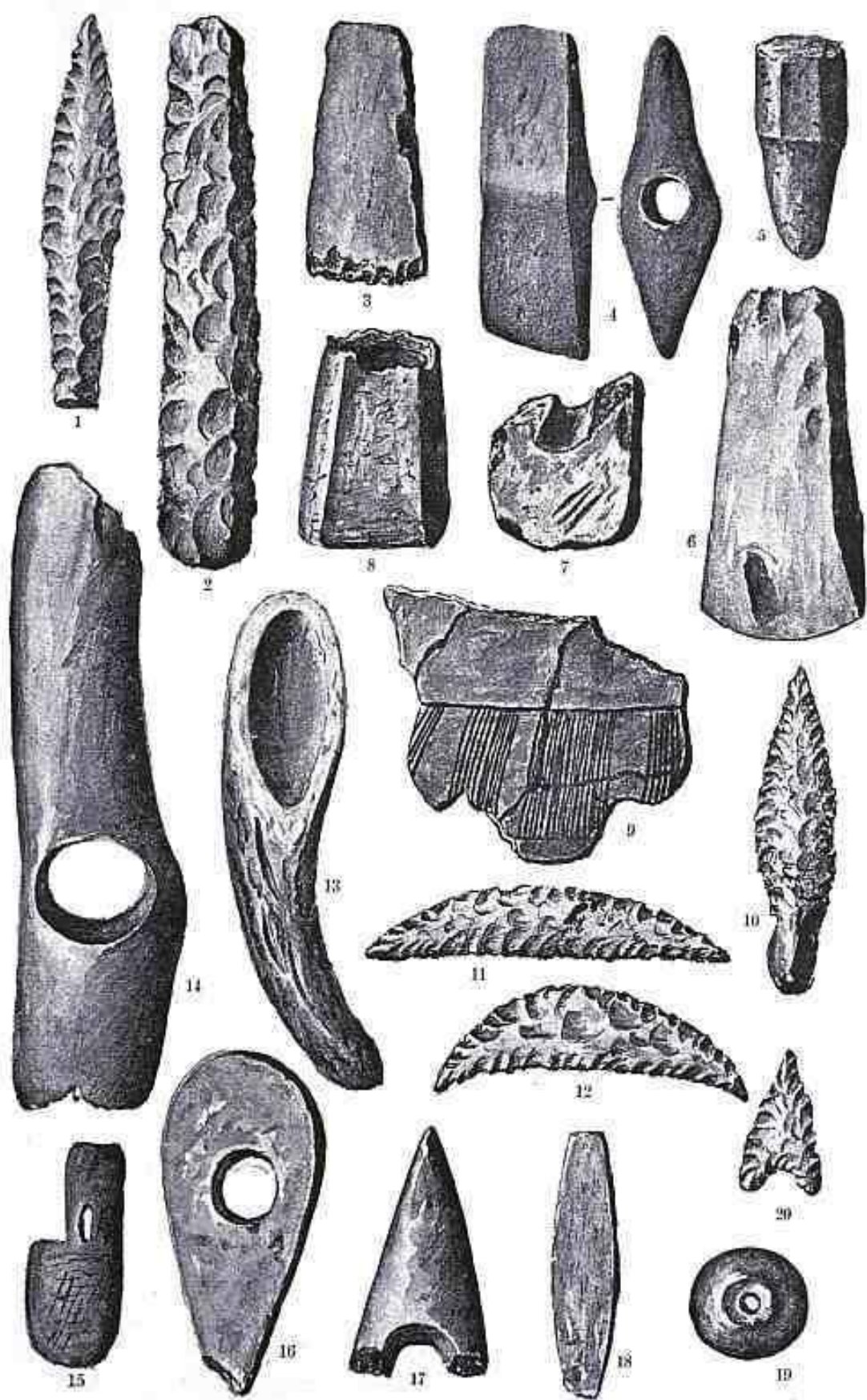

Рис. 95.—Висмар и Гегелув (с 1 по 5, 7, 8 и 19). Все $\frac{1}{3}$ в натуральную величину. В

Среди костных останков профессор Рютимейер идентифицировал следующих животных: — быка (*Bos taurus* и *primigenius*), овцу, козу, свинью (*Sus scrofa ferus* и *domesticus*), оленя,

косулю, лошадь, собаку, бобра, крысу, дикую утку, тюленя, черепаху и щуку. Также было собрано несколько человеческих костей.

Это озерное обиталище находится в низине, известной как Латтмур, недалеко к северу от города Висмар. Судя по характеру местности и ее окрестностей, все авторитетные источники сходятся во мнении, что в доисторические времена это было дно озера неправильной формы, но небольшой глубины. Кучи были обнаружены торфорезами на несколько суженном участке примерно в 260 ярдах к югу от Муггенбургского плиточного завода. При раскопках скопившихся отложений этого бассейна были обнаружены следующие слои: (1) обычный дерн толщиной около 5 футов; (2) слой аллювиальной плесени толщиной около 1 фута; (3) черная илистая масса, содержащая остатки водных растений на глубине 10 футов. Именно в последнем были обнаружены прогнившие сваи, которые проникли на всю его глубину до подстилающей ледниковой глины. Эти сваи были около 10 футов в длину и 6-7 дюймов толщиной; и располагались они примерно в 2 футах друг от друга, а их нынешние вершины находились по крайней мере на 6 футов ниже поверхности болота. По расположению деревянных конструкций доктор Лиш пришел к выводу, что хижина, возведенные над ними, были как круглыми, так и квадратными, и ему показалось, что он узнал три первых и две вторых. Круглые хижины имели диаметр от 14 до 18 футов и располагались с интервалом от 6 до 8 футов. Горизонтальные балки были найдены как на предполагаемых местах расположения этих хижин, так и в промежутках. От одной из хижин к берегу вела полоса из семи или восьми больших гранитных камней.

Gägelow.—Место обитания на озере Эгелув, первое обнаруженное в Северной Германии, представляет собой небольшую впадину недалеко от берега моря в нескольких милях к западу от Висмара. В этой впадине было много плесени, которую герр Зайденшнур, владелец, имел обыкновение использовать в качестве навоза для своих полей. По-видимому, еще в 1861 году в вещах, вывезенных из этого места, были обнаружены какие-то предметы из рога, которые, будучи представлены музеем в Шверине, навели доктора Лиша на предположение о обитателях озера — предположение, которое впоследствии подтвердилось его посещением этого места в мае 1863 года.

Благодаря удалению плесени из года в год эта впадина была частично преобразована в свое первоначальное водное состояние, которое, однако, вряд ли можно было назвать озером, поскольку это был не более чем пруд, примерно 40 ярдов в длину и 30 в ширину. Здесь была обнаружена полукруглая площадка с дубовыми сваями диаметром около 22 футов. Сваи были длиной от 7 до 10 футов и толщиной от 7 до 8 дюймов, и между ними было несколько горизонтальных балок. С этим деревянным сооружением были связаны различные виды древностей, а именно. четыре отполированных или обтесанных кремневых топора (рис. 95, № 2 и 3), две перфорированные головки топора-молота из диорита (№ 4), часть третьего (№ 7) и несколько кремневых кинжалов (№ 1) и отщепов. Четырехугольный раствор из серого базальта высотой 3½ дюйма и шириной 2½ дюйма (№ 8); углы этого сосуда закруглены, а его поверхность аккуратно отполирована. Ручной жернов, или кверн, диаметром 1 фут и толщиной 2½ дюйма, изготовленный из пористого базальта: в центре этого кверна было отверстие с двумя выемками в виде ласточкиного хвоста с каждой стороны для крепления ручки, а его нижняя поверхность была обработана в виде ряда узких канавок, точно подобных тем, что использовались в римские и постримские времена. Было также несколько веретенообразных завитушек (№ 19), часть глиняной массы и фрагменты блюд из черной и красной керамики, у некоторых из которых были ручки. Все кости принадлежали обычным домашним животным.

Морские свайные жилища.—Дух антикварных исследований, пробужденный в окрестностях этими открытиями, привел к обнаружению остатков морских свайных жилищ (Meerpfahlbauten) в заливе Висмар. Впервые внимание было привлечено к этому вопросу мистером Манном, который указал, что в течение нескольких прошедших лет кремневые топоры, кинжалы и ножи, а также различные предметы из рога и кости и даже бронзовые орудия часто вылавливались дноуглубительными машинами, используемыми в гавани. Этот вопрос, однако, не вызвал никакого интереса у рабочих, и таким образом многие ценные предметы были повторно захоронены на большой глубине вместе с извлеченным илом. Сообщалось, что некоторые бронзовые предметы были проданы кузнецу Воссеку и переплавлены, в то время как другие, сделанные из камня и рога, были рассеяны. Похоже также, что в определенном месте, называемом Баумхаус, были замечены штабеля дуба. В 1864 году рабочие, занятые на дноуглубительных машинах, когда их внимание было привлечено к этому вопросу, сообщили о существовании свай в различных местах залива, одна из которых находилась между берегом и небольшим островом Уолфиш, а другая - недалеко от острова Поэль. Предполагалось, что одним необычным предметом из рога, который был отправлен в музей, был *Taschenbügel* или ободок для мешочка. (Б. 100, стр. 101 и т. xxix, стр. 132.)

Bützow.— Кроме того, по словам доктора Лиша, на торфяной пустоши под названием "Зюринг", недалеко от города Бютцов, обитало озерное существо. Здесь, в определенном месте, недалеко от края болот, торфорезы время от времени находили предметы старины, связанные со сваями, которые, будучи отправленными в Шверинский музей, позволили установить истинный характер находки. Было собрано более 60 предметов, среди которых доктор Лиш перечисляет следующие: — две круглые каменные резинки, три полулунные кремневые пилы, кремневый кельт, перфорированный наконечник топора, бронзовый штырь длиной три с половиной дюйма, несколько предметов из рога и кости, кусок рога северного оленя и скорлупа лесных орехов. В. 142.)

Вимфу.—Доктор Вейхман-Кадоу (В. 142) описывает озерное жилище, найденное в небольшом озере в Вимфу, недалеко от Голдберга. Озеро было осушено и превращено в луг в 1865 году, и в его бывшем русле были обнаружены три места с отвалами, только одно из которых, однако, было подвергнуто какому-либо обследованию. Это было примерно на середине озера, и сваи, которые, по-видимому, были фундаментом сгоревшей хижины, занимали круглую площадь около 12 футов в диаметре. Внутри груды были куски сгоревшего дерева, древесный уголь, несколько осколков керамики и три целых сосуда. Некоторые из этих сосудов были хорошо сделаны, с ручками и стилем орнамента, который соответствовал раннему железному веку. Единственными другими останками были несколько точильных камней (*Quetschmühle*), несколько маленьких круглых камешков, предположительно использовавшихся в качестве чертежных, кусочки кости и скорлупа лесных орехов.

б) ПОМЕРАНИЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ ПРУССИЯ.

Райк.—Почти одновременно с открытиями Лиша в окрестностях Висмара были сделаны открытия Фон Хагена в устье реки Вик. (Б. 97.) Слухи об обнаружении различных древних предметов из кремня, бронзы и железа во время углубления русла реки побудили мистера фон Хагена заняться расследованием этого дела. Эти сообщения об открытиях распространились в прошлое более чем на двадцать лет, охватывая 1839-47-59-62 и 64 годы. Только в последний год появилось предположение, что древности указывают на обитателей озера. Не было никаких сомнений в существовании свай, которые, как без колебаний заключил Фон Хаген, использовались для этой цели; но другие думали, что это остатки моста. Проф. Вирхов, писавший в 1869 году (В. 165), после изучения всех обстоятельств, не

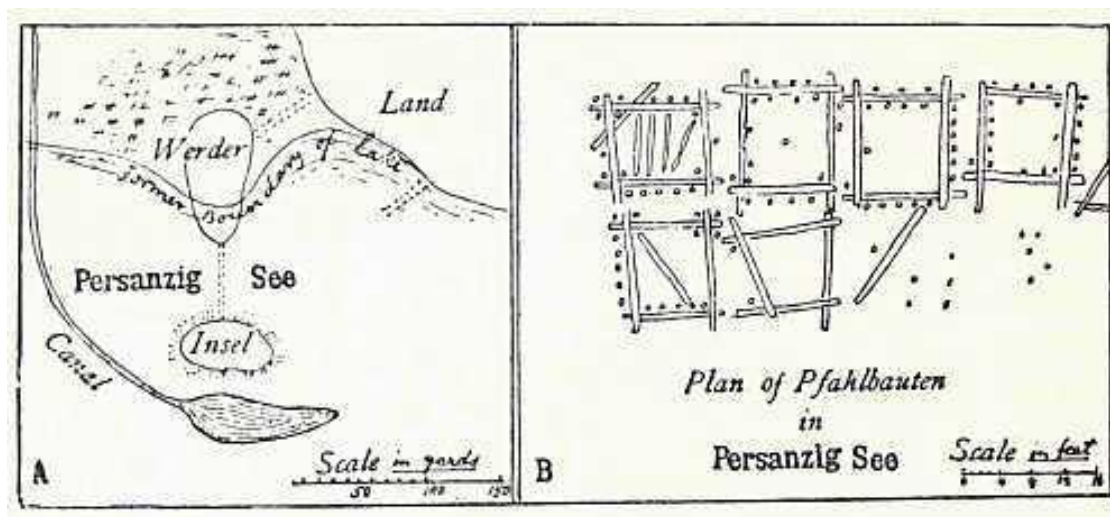
смог составить мнение или решить, указывают ли эти останки на мост или на обитателей озера.

Озеро Хегар.—Это озеро расположено в районе Драмбург, недалеко от Сабина, и в нем было найдено множество железных предметов, более 100 наконечников стрел и копий, шпор и лошадиных удиц, связанных с остатками небольшого деревянного дома. Не было найдено никаких предметов, характерных для каменного или бронзового веков, так что не может быть никаких сомнений в том, что эта станция была сравнительно позднего возраста. (Б. 119, 2-е изд., с. 629.)

Вербелинзее.—По словам профессора Вирхова, в этом озере находятся остатки интереснейшего свайного жилища. (Б. 165.) Озеро расположено недалеко от Иоахимсталя и Ангермюнде, и на его южной стороне, недалеко от деревни Альтенхоф, были обнаружены сваи, которые, по смутной традиции, должны были отмечать место строительства моста. Профессор Вирхов, однако, поместив длинные деревянные шесты в воду там, где были замечены затопленные древние сваи, продемонстрировал существование обширной территории, которая, как признавали даже скептически настроенные лодочники, могла быть предназначена только для основания деревни.

Persanzigersee.—Это озеро, по словам Касиски (В. 125 и 362), расположено в четырех с половиной милях к западу от Нойштеттина и раньше занимало площадь около 186 акров; но в 1863 году оно было понижено примерно на 10 футов в результате строительства дренажного канала, что уменьшило его площадь до менее чем стольких же водоемов. На северной оконечности озера, в 170 ярдах от берега, появился небольшой остров, который, как было обнаружено, был окружен замечательным сооружением из свай и поперечных балок. В шестидесяти ярдах к северу от этого острова находился плоский выступ, называемый "Вердер", который был полностью отрезан от материка частично болотами, а частично рукавом озера шириной 55 ярдов. (Смотрите прилагаемую [эскизную карту](#).)

На участке между островом и мысом Вердер были обнаружены обрубки двойного ряда свай, несомненно, остатки моста. Подобный мост также тянулся от Вердера к берегу; а к югу от него находились остатки третьего моста, который, по-видимому, так и не был достроен, поскольку он внезапно резко обрывался, углубившись примерно на 40 ярдов в озеро в направлении острова. Другой ряд свай, начинающийся на внешнем конце моста, соединявшего остров с Вердером, тянулся по кругу на значительное расстояние по дну озера, как будто предназначался для защиты острова.

Однако главная достопримечательность заключалась в необычных сооружениях, окружавших остров. Они состояли из ряда прямоугольников, числом около 60, сформированных из горизонтальных балок длиной 16 футов и диаметром от 8 до 12 дюймов; они перекрывали друг друга у своих концов, оставляя свободными около 18 дюймов, и каждая балка имела глубокие вырезы, с помощью которых она удерживалась на месте, в точности похожие на план, используемый при строительстве бревенчатого дома. Прямоугольные помещения имели размер в четыре или пять квадратных ярдов и имели по 30 или 40 свай, установленных по обе стороны от стен камеры, очевидно, с целью укрепления горизонтальных балок, как показано на плане. Эти помещения, по-видимому, образовывали полный пояс острова, но они были частично разрушены с южной стороны. Количество использованной древесины было огромным, поскольку одних только штабелей насчитывалось около 1800. На северной стороне сооружения удивительно хорошо сохранились, будучи защищены слоем слизи и тростника толщиной от восьми до двенадцати дюймов. Сначала майор Касиски считал, что прямоугольники - это коттеджи, но впоследствии, после сравнения с аналогичными сооружениями на других озерах Северной Германии, он пришел к выводу, что они образовывали всего лишь затопленный фундамент, на котором были построены коттеджи.

Мосты от Инселя до Вердера и от Вердера до берега были построены на двух рядах свай на расстоянии 8 футов друг от друга, а сваи в каждом ряду находились на расстоянии около 7 футов друг от друга. Майор Касиски сделал вывод по остаткам недостроенного моста, на которых было видно использование шипов и пазов, что он был более поздним, чем другие.

Среди реликвий, собранных на острове или среди окружающих его сооружений, есть две половинки верхнего кверна диаметром 14 с половиной дюймов и толщиной 5 дюймов. Нижняя сторона вогнутая, а центральное отверстие диаметром 1 ¼ дюйма расширяется вверх наподобие воронки. Кверны были найдены в нескольких озерных жилищах на Севере Германии, таких как Эгелув, Висмар и Котбус в Ноймарке.^[54] Другие реликвии состоят из деревянных дубинок, двух кусков кожи, конька, сделанного из кости ноги лошади, молотков из оленьего рога, пяти точильных камней, нескольких веретенообразных завитушек из камня и глины, кусочка коралла, семи кусков обработанного дерева — лопаты, руля и т.д. Из металла здесь есть фрагмент бронзы и железный топорик. Последнее оружие имеет небольшие размеры, всего 3½ дюйма в длину и 2½ дюйма в ширину у режущей кромки, и круглое отверстие для рукоятки.

Керамика, из которой было собрано 45 фрагментов, была изготовлена из тонкой глины с помощью гончарного круга, и по разнообразию ее орнамента и характерным волнистым линиям не может быть сомнений в том, что она принадлежала к типу *Burgwälle* - вывод, который значительно подкрепляется его сходством с тем, что было найдено в Вальберге в Раддэтзее, знаменитом Бургвалле, расположенном в непосредственной близости. Иллюстрации нескольких образцов этой керамики приведены на [рис. 96](#), № 6-9.

В результате исследования собранных костей были идентифицированы следующие животные, а именно: лошадь, бык, коза, овца, свинья, собака, лиса, олень и косуля.

В Вирховзее, немного севернее Персанцига, есть огромная крепостная стена, окруженная водой, в которой были найдены остатки свай. (Б. 165.)

Streitzigsee.—При опускании этого озера обнажилось очень большое количество свай, но, хотя профессор Вирховом и другими было произведено несколько раскопок, не было получено никаких определенных результатов, касающихся их характера и масштабов. Б. 165.)

Lübtowsee. Другая местность, в которой сохранились остатки свайных жилищ, находится справа от Одера, в окрестностях Любтова. (Б. 165.) Здесь река Плен пересекает длинное озеро, и после того, как в 1859 году оно было спущено, к его северной оконечности стала видна обширная территория, покрытая сваями. Говорят, что среди этих куч было найдено много реликвий, некоторые из которых были собраны владельцем; но идея об их принадлежности обитателям озера обсуждалась только несколько лет спустя. Профессор Вирхов посетил эту местность в 1865 году, а затем снова в 1869 году, и в последнем случае он провел обширные раскопки, которые убедили его, что это было обычное озерное поселение. Позже был обнаружен фундамент четырехугольного деревянного здания, из которого, поскольку оно находилось на глубине 3 футов ниже уровня озера, г-н Кюне сделал вывод, что озеро, должно быть, раньше находилось на более низком уровне. Однако в том, что это сооружение, как и сваи, принадлежало железному веку, по его словам, не может быть никаких сомнений, поскольку предметы старины, собранные в обоих, были совершенно одинаковыми, в основном это были железные предметы, такие как мечи, наконечники копий и стрел, стремена, шпоры, ножи и кирпичи тринадцатого или четырнадцатого века. В прямоугольном здании, помимо подобных предметов, были найдены шлем и поножи. Но что было сочтено еще более странным, так это то, что среди куч было найдено несколько каменных долот и молотков, а также один бронзовый кельт. (Б. 119, 2° изд., стр. 629.)

Рядом с этим озером в Бонине, глубоко зарытые в дерн, были обнаружены признаки деревянных строений, которые в 1872 году привлекли внимание профессора Вирхова, который совместно с местными антикварами провел раскопки, в результате которых были обнаружены сооружения, аналогичные тем, что находятся в Персанзигерзее. (В. 227.) При раскопках они прошли через следующие отчетливые слои: — Во-первых, 5-8 футов торфа; во-вторых, несколько тонких слоев мергеля, песка и ила; и, в-третьих, слой реликтовых пород толщиной 2-4 фута. Следователям показалось, что деревянные изделия были порезаны острыми металлическими инструментами. Среди собранных реликвий были четыре точильных камня, несколько перфорированных молотков из оленьего рога, костяное долото длиной 6 с половиной дюймов, несколько больших роговых ручек, маленький железный нож, кусочки кожи, фрагменты деревянной посуды и часть лодки. Также была найдена керамика, относящаяся к типу Burgwälle.

Продано, пожалуйста. В 1857 году это озеро опустилось на 7-8 футов, когда стали видны два острова, один из которых оказался местом обитания озерного жителя, и на нем было найдено значительное количество древностей, среди которых была часть оленьего рога. (Б. 165, с. 407.)

В 1873 году майор Каменский исследовал его с большей тщательностью и опубликовал краткое сообщение о результатах. (Б. 241.) Остров находился в 150 ярдах от берега и имел размеры 85 на 30 ярдов. На нем было много свай, и не было никаких признаков того, что он был уничтожен огнем. Реликвии носили смешанный характер. Вместе с кремневыми отщепами и сломанными каменными топорами были найдены различные железные предметы, такие как крюк, наконечник копья, три лезвия ножей и три половинки подков. Были также наконечники стрел из кости, две части луков, глиняное веретено-завитушка, костяной челнок прекрасной работы и кусок рога с вырезанным на нем своеобразным орнаментом. Фрагменты керамики также указывали на различные виды. Предполагалось, что в качестве очагов использовались камни, которые выглядели так, как будто подвергались воздействию огня. Среди костных останков были останки быка, свиньи, оленя, косули, лисицы, медведя, бобра, дикого кабана и единственный позвонок рыбы.

На земле недалеко от озерного жилища находилась городская стена - факт, который несколько важен, поскольку, по словам Вирхова, между этими двумя классами останков часто существовала тесная связь.

Dabersee (Hinter Pommern). Профессор Вирхов показал, что пфальбаутены в этом озере соединены с прилегающей городской стеной деревянным мостом. (Б. 165.) Он также обнаружил, что сваи были связаны с погруженными в воду деревянными прямоугольниками, подобными тем, которые уже были описаны в Persanzigersee. Вместе с керамикой типа Burgwälle он нашел костяные коньки, железный топорик и украшенный орнаментом гребень, изготовленный из нескольких кусочков кости, соединенных железными заклепками. По поводу этого гребня он замечает, что зубья были подпилены после того, как части были сложены вместе — особенность, которую я отметил для костяных гребней, найденных на айрширских крэнногах.[55]

Lübbinchenersee (Kr. Guben).— В 1877 году сотрудники музея Маркиш в Берлине обследовали озерное жилище рабского периода (*Spätwendischer und darüber Mittelalterlicher Pfahlbau*), из которого они собрали большое количество железных предметов, керамики, костей и т.д., которые сейчас можно увидеть в этом музее. Основание этого озерного жилища было построено точно так же, как в Персанциге, и балки имели аналогичные вырезы у своих концов, где они перекрывали друг друга.

Альт-фрисак (кр. Руппин). Похожий рабский пфальбау был найден в Альт—Фризаке, от которого сейчас в музее Маркиша хранится большое количество обломков— деревянных балок, квершлагов, нескольких глиняных грузил с отверстиями (рис. 96, № 5), железного топорика (№ 2) со следами орнамента на нем, железного продолговатого кольца (№ 1) и керамики с характерными волнистыми линиями (№ 3 и 4).

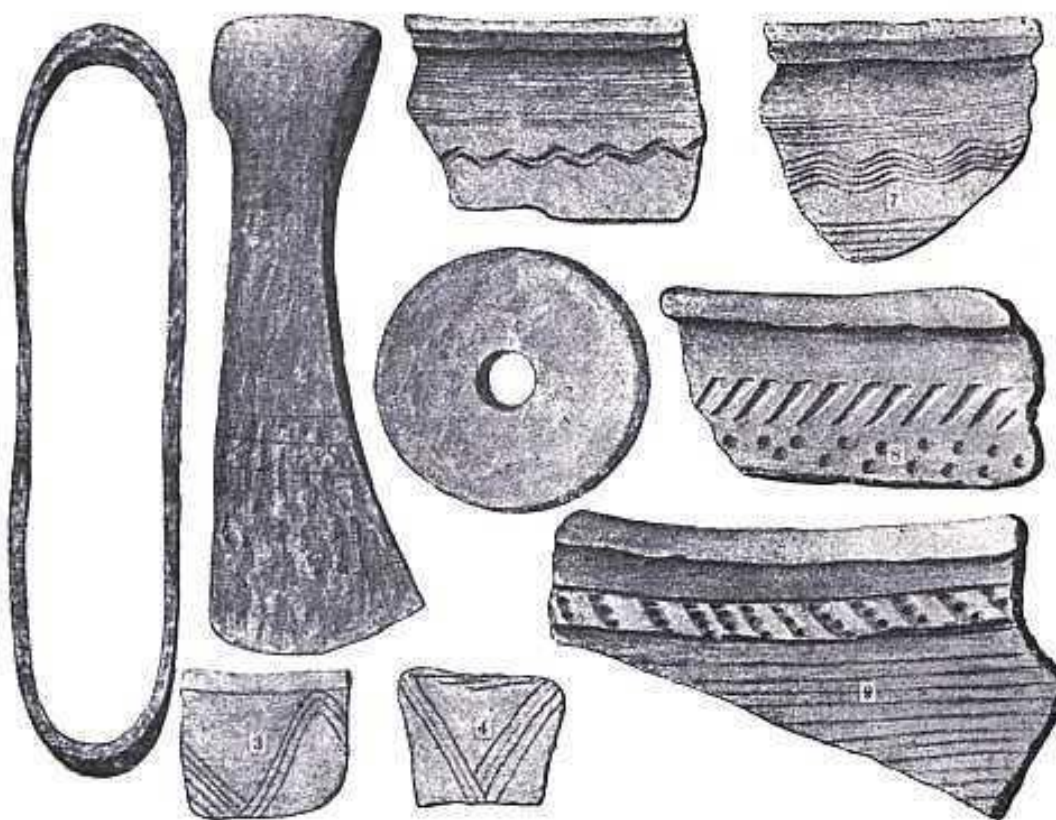

Рис. 96.—Картофель фри (от 1 до 5) и Персики. № 5 = $\frac{1}{4}$, остальные $\frac{1}{2}$ в натуральную величину.

Клоппзее (Ноймарк).—У озерного жителя в Клоппзее, недалеко от Вольденбурга, была получена прекрасная черная керамика, настолько хорошо обожженная, что при ударе по ней появляется металлический звон. Найденные здесь сосуды имеют хорошую форму, а на фрагментах видны ручки, ножки и хорошо сформированные загнутые края. (Б. 165.)

Шпандау.—Одно из самых замечательных озерных открытий в Северной Германии было сделано несколько лет назад (1881 г.) в городе Шпандау, недалеко от Берлина. Здесь, на равнинном участке под названием Стрезов, недалеко от реки Гавел, где рабочие вели раскопки фундамента военного порохового склада, со значительной глубины были подняты дубовые сваи и бронзовое оружие.

Местность была почти окружена прилегающими вялыми водами и настолько влажной, что пришлось поддерживать в рабочем состоянии два насоса, прежде чем мужчины смогли провести необходимые раскопки. Судя по осадочному характеру отложения, а также по обилию пресноводных раковин, не могло быть никаких сомнений в том, что раньше это место было занято озером. Прежде всего, там был слой торфа толщиной около пяти футов, а под ним залежали отложения грязи и песка. На южной стороне раскопанного пространства на глубине почти 12 футов был обнаружен слой зеленоватого вещества, смешанного с костями, пропитанного вивианитом, и было обнаружено, что через этот слой груды проникали в песок под ними. Именно в илистом отложении, непосредственно под торфом, появились верхушки куч, и иногда они располагались параллельными рядами, а иногда без какой-либо видимой регулярности. Некоторые были из дуба, другие - из мягкой древесины. Также много древесины лежало поперек, и многие балки имели признаки обугливания.

Реликвии были собраны между этими кучами и вокруг них равномерно по всей территории. Они состояли из замечательной серии бронзовых орудий труда и оружия, а также нескольких изделий из камня и рога. Там также были найдены кости ручных и диких животных, человеческий брахицефальный череп и некоторые другие человеческие кости, часть каноэ и очень небольшое количество керамики неопределенного характера. Кости были сильно переломаны, но, несмотря на это, они были идентифицированы как принадлежащие следующим животным, а именно: оленю, косуле, зайцу, медведю, быку, лошади, свинье и собаке. Примечательно, что и северный олень, и лось не были представлены.

Реликвии.—Однако именно реликвии отличают эту озерную находку от других в Северной Германии, и я сейчас кратко опишу их: — три меча с рукоятками (**рис. 97**, № 8, 9 и 10), одно лезвие меча, прикрепленное заклепками (№ 11); *командный нож* с орнаментом (№ 18) и небольшой предмет, похожий на пуговицу, украшенный бегущим двойным спиральным завитком; на трех кинжалах есть следы от заклепок, а на одном - зазубрина (№ 5, 6, 7 и 12); один кинжал, все еще в бронзовой рукоятке (№ 13), имеет на торце орнамент в виде концентрических кругов и спиралей, характерных для скандинавской археологической области; два наконечника копий с гнездами (№ 4 и 17), одно из которых украшено линиями и перекладинами (№ 17); один кельтский нож (№ 3); пять ножных ножен (№ 1 и 2); и кусок бронзовой проволоки.

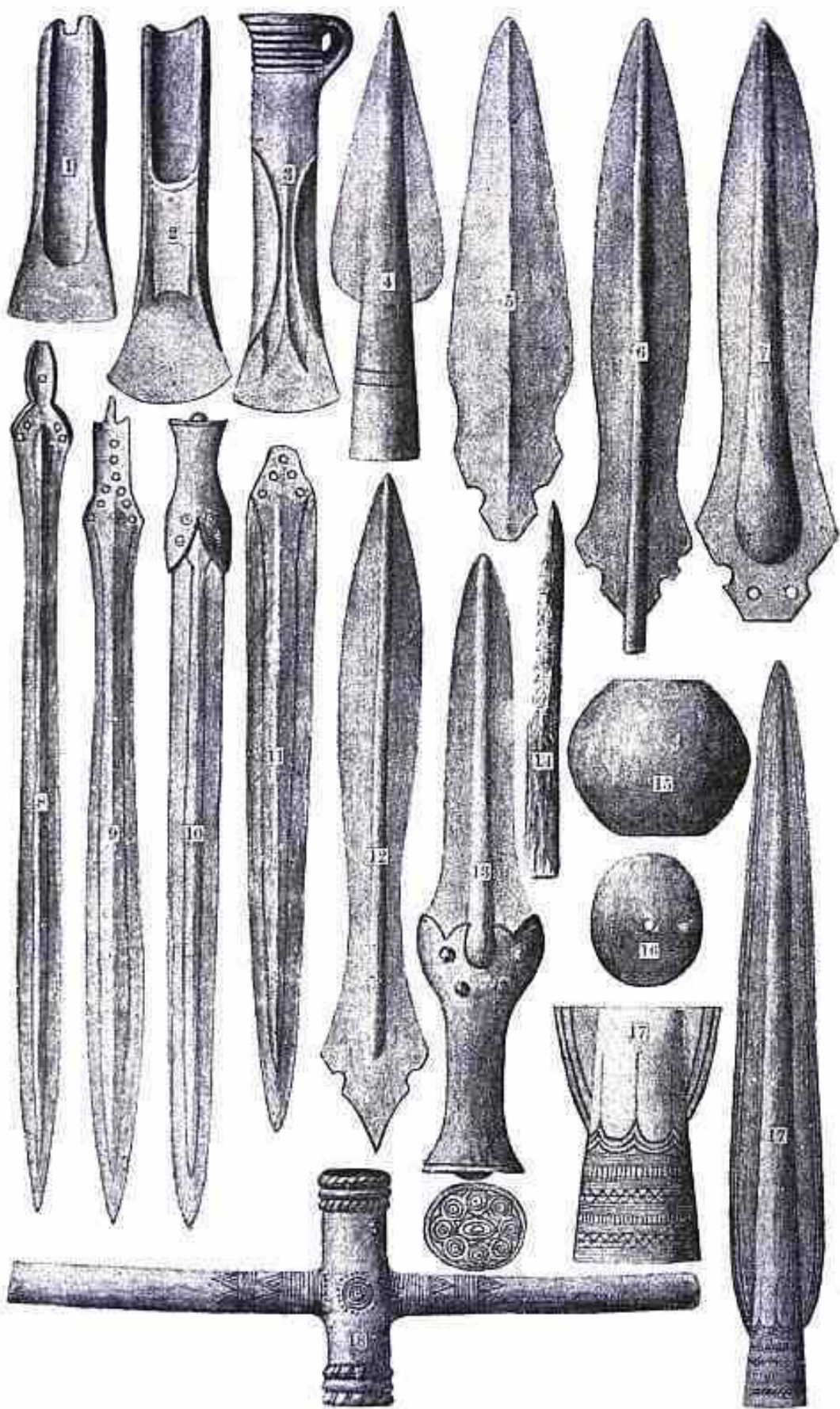

Рис. 97.—Шпандау. Номера с 8 по 11 = $\frac{1}{6}$, а остальные $\frac{1}{3}$ реального размера (гнездо № 17 = $\frac{2}{3}$).

Из каменных предметов были два круглых точильных камня (№ 15) и несколько точильных камней, полированный перфорированный камень (№ 16), часть молотка из зеленого камня и круглый каменный шар диаметром 4 дюйма, похожий на пушечное ядро.

Пять наконечников топора из оленьего рога, диск с отверстиями из рога, часть копья из рога, пять кусочков грубой керамики без украшений и большой глиняный шар с отверстиями. Фрагменты каноэ длиной 10 футов. Сообщается, что были найдены железный инструмент и часть блюда, похожего на фаянсовую посуду двенадцатого века; но, вероятно, они не имели никакого отношения к описанным выше бронзовым предметам. Примечательно, что все реликвии носят военный характер, среди них нет веретен, гребней, заколок для волос, фибул, браслетов или каких-либо других предметов, о которых можно сказать, что они относятся к домашнему обиходу. По этой причине обычно предполагается, что это озерное жилище было военным фортом, подобным Ла-Тену. (Б. 384 и 396.)

с) ПОЗНАНЬ И ПОЛЬША.

Objezierze.— В провинции Познань есть несколько населенных пунктов, подлежащих регистрации, которые дали недвусмысленные указания на озерные жилища, два из которых, а именно. Местные археологи предполагают, что Объективе и Чешево датируются каменным веком. Первый существовал на болоте, ныне заполненном торфом, который, таким образом, сохранил и скрыл груды и другие останки, недавно обнаруженные торфорезами. Реликвии, собранные в этом месте, сейчас хранятся в Археологическом музее Позена, и среди них я отметил следующее: — Несколько удивительно тонких кремневых отщепов, один из которых имеет длину 7 с половиной дюймов, перфорированную бусину, четыре больших глиняных кольца (рис. 98, № 8) и три кельтских кремня скандинавского типа (№ 7). На том же торфяном болоте и в окрестностях озерного жилища был найден большой бронзовый крутящий момент, украшенный орнаментом, как показано в № 9.[56]

Czeszewo (Kr. Вагровице).— Хотя в течение многих лет рыбакам было известно о существовании свай в определенном месте этого озера, только в 1871 году профессор Лепковский из Кракова признал их истинную природу. Озеро было окружено заболоченными бордюрами и торфяниками, и в разное время его уровень понижался, что, таким образом, значительно уменьшало его площадь. Поскольку в округе не хватало дров, рыбаки имели привычку вытаскивать сваи, и таким образом строения были сильно повреждены еще до того, как их увидел компетентный археолог. Место раскопок Пфальбау находилось рядом с большим курганом, построенным недалеко от первоначального края озера. Площадь, занятая сваями, имела форму сегмента круга, основание которого имело 250 шагов в длину и наибольшую ширину 75. Поперечные балки длиной от 10 до 12 футов были обнаружены вперемежку со стойками, которые, как предполагалось, соединяли последние вместе, хотя ни клиньев, ни гвоздей, ни пазов обнаружено не было. Было замечено, что верхушки стоек обуглились, а оставшиеся участки были тем длиннее, чем дальше они располагались от берега, и поэтому предполагалось, что жилище было уничтожено пожаром.

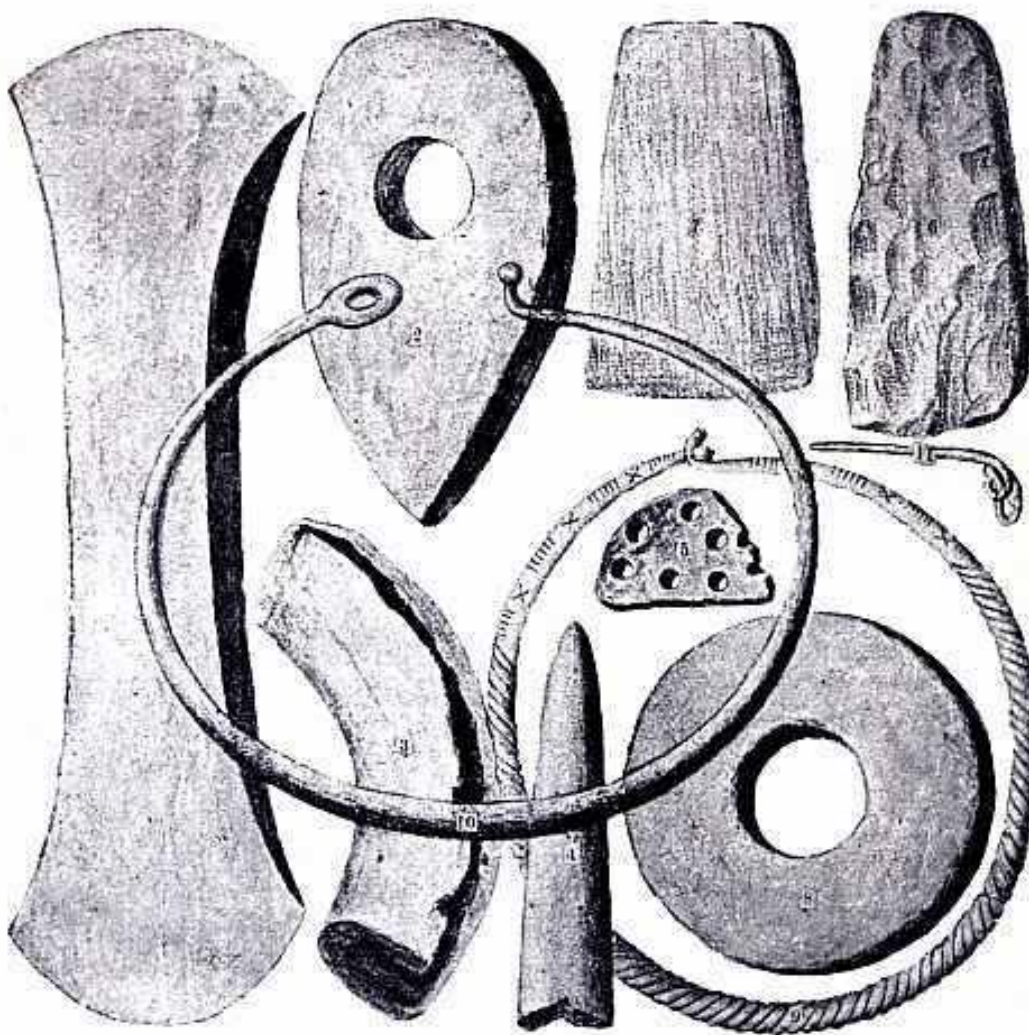

Рис. 98.—Чешево (с 1 по 6), Объежье (с 7 по 9) и Лагевници. Все $\frac{1}{2}$ в натуральную величину.

Остатки человеческой деятельности, собранные на этой станции, сейчас хранятся частично в музее Ягеллона в Кракове, а частично в Археологическом музее в Позене. Среди них фрагменты керамики, один из которых представляет собой часть блюда с маленькими отверстиями (рис. 98, № 5), перфорированные каменные и роговые молотки и топоры (№ 1 и 2), один или два простых кельта (№ 6), несколько фрагментов глиняных колец (№ 3), два фрагмента человеческих черепов и большое количество костных останков различных животных. Говорят, что на этой станции был найден один бронзовый предмет, а одно из каменных орудий имеет лишь частичную перфорацию, поскольку операция была незакончена. Каменные предметы сделаны из темного гранита.

Господа . Кон и Мехлис опубликовали небольшой фотографический обзор предметов, хранящихся в Краковском музее, но более интересные, хотя и меньшего количества, находятся в Познани, откуда взяты иллюстрации, представленные здесь. Сообщения об этом обитателе озера были опубликованы графом Пшездецким (Б. 156 и 195), Коном и Мехлисом (Б. 338) и Оссовским из Кракова (Б. 361) - последнее на польском и французском языках.

Отвратительно. В Альт—Горциге, в Гроссезее, был небольшой остров, который стал виден при понижении уровня озера примерно на 10 футов, вокруг которого были найдены груды и обычные обломки озерного жилища, среди которых были керамика с параллельными и

волнистыми линиями, древесный уголь и железный наконечник топора, а также многочисленные костные останки. (Б. 228 и 352.)

Павловице.—Г-н Шварц из Познани описывает то, что, по его мнению, было обитателем озера недалеко от Павловице. Здесь, на торфяной пустоши, которая раньше была озером, он нашел на глубине пяти футов куски глиняной штукатурки, камни для очага, фрагменты посуды для приготовления пищи и т. Д.[57] Также в Коморово, в Байтинерзее, были обнаружены признаки озерных жилищ.[58]

Лагевници. —Еще одна интересная местность, открытая несколько лет назад, находится в Лагевницах (Познань). Здесь на глубине пяти футов в торфе были найдены верхушки дубовых свай, а рядом с ними - фрагменты двух видов керамики — одной грубой, наподобие той, что использовалась при изготовлении урн, и другой типа Burgwälle. Среди реликвий были деревянный молоток, перфорированный костяной инструмент, несколько отщепов кремня, булава из бронзовой малоберцовой кости типа Ла Тен (рис. 98, № 11) и серебряное ожерелье (№ 10), заканчивающееся на одном конце рельефной пуговицей, которая при застегивании застегивалась ушком на другом. (В. 430.)

Квачала.— По просьбе Краковской академии наук г-н Адам Киркор, хранитель Археологического музея в Вильно, исследовал летом 1873 года торфяную пустошь близ деревни Квачала, на которой, как говорят, были свайные жилища. Г-н Киркор обнаружил балки и сваи в нескольких местах, указанных владельцем, где, как утверждалось, раньше торфорезы работали по дереву. Вода попала в его траншеи на глубине трех футов. Были найдены как вертикальные, так и поперечные дубовые балки, некоторые из которых были более ярда в окружности и 8½ ярдов в длину. Участок с остатками деревянных конструкций имел 70 ярдов в длину и 40 в ширину. Фундамент состоял из горизонтальных балок, расходящихся во всех направлениях, которые, как он заключил, были устроены по какому-то архитектурному принципу. Там было большое количество грубой керамики, на некоторых из которых был линейный или точечный орнамент. Среди обломков были найдены две перфорированные каменные головки от топора и около 300 кусочков обработанного кремня, а также несколько костей лошади. В целом, это примитивное жилище, по-видимому, было особого рода. (Б. 338.)

Бялка (Люблинский кр.).—На болотах Бялки, ранее покрытых водой, есть небольшой островок около 100 шагов в диаметре, на котором, согласно преданию, когда-то стоял заколдованный замок. Профессор Джозеф Пшиборовский из Варшавы провел некоторые раскопки на острове и нашел на поверхности несколько плиток и современные орудия труда, которые пока что подтверждали традицию древнего замка; но при раскопках он наткнулся на деревянные сваи на глубине четырех футов. Его раскопки простирались примерно на двадцать футов в длину и девять футов в ширину, и на всей этой территории он обнаружил множество свай, а также поперечных балок. С этими деревянными сооружениями было связано также ложе для реликвий, полностью отличное от поверхностного слоя, на котором он нашел два хорошо сформированных кремневых наконечника стрел, часть перфорированного змеевидного топора, несколько кремневых орудий и сломанные кости съедобных животных. Если бы это место было должным образом исследовано, автор предсказал бы результаты, имеющие значительную научную ценность. (Б. 338.)

Профессор Оссовски в своей "Археологической карте" (В. 361) приводит следующие места озерных поселений, ни одно из которых, однако, не было тщательно исследовано: -(1) *Варлубье* (кр. Swięć). Это обширное торфяное месторождение, из которого время от времени извлекали орудия неолита и молотки из оленьего рога. В 1878 году его посетил Оссовски,

который нашел несколько фрагментов керамики и древесного угля. Но это лишь усилило подозрение, что древности принадлежат Пфальбаутену. (2) Аналогичные признаки были обнаружены в Ковалево, в районе Торну. (3) В Вабрзезно, в районе Хелмно, есть небольшое озеро, в котором были найдены примитивная ваза, бронзовый рыболовный крючок, каменный молоток и орудие из оленьего рога. (4) Ланкорш, район Любава.

d) ВОСТОЧНАЯ ПРУССИЯ И ЛИФЛЯНДИЯ.

В восточных районах Пруссии остатки озерных обитателей были обнаружены в следующих местах, которые были более или менее исследованы и описаны в различных археологических публикациях, особенно в *Altpreussische Monatsschrift*:-

Aryssee (Kr. Lötzen).—А. М., vol. iv. p. 667; xii. p. 89; xiv. p. 181. *Zeit. für Ethn.*, vol. xix., *Verhand.*, p. 491.

Чарниз (кр. Летцен).—А. М., т. xiv. с. 181; т. xv. с. 481.

Кокзее (кр. Рассел).—А. М., т. xxii. p. 169; *Zeit. für Ethn.*, vol. xvi., *Verhand.*, p. 560.

Пробхензее (кр. Рассел).—А. М., вып. xxii. с. 169

Кертц (кр. Хайльсберг).—А. М., т. xxii. с. 169.

Бонслак (кр. Wehlau).—А. М., vol. xxii. с. 485.

Тулевози (кр. Ликк).—А. М., т. v., стр. 750.

Зонтагзее (кр. Ликк).—А. М., т. xxiv. с. 488.

Каунаткензее (Кр. Ниденбург).—А. М., т. xxiv. стр. 168 и 496.

Лонкоррекерзее (Кульмерланд).—А. М., т. x. стр. 579.

Гесерихзее—*Phy. Ok. Гезель.*, 1874, *Верханд.*, стр. 14.

Арисси.—О существовании обломков замечательного озерного обитателя в Ариссее стало известно в 1863 году в результате прекращения работы мельницы, движущая сила которой обеспечивалась избытком воды из этого озера, и последующего углубления ее выходного отверстия, что привело к понижению ее уровня примерно на семь футов. Его останки были исследованы и описаны разными людьми, в частности профессором Хейдеком из Кенигсберга, который составил планы и модели его своеобразной структуры. Они, а также большая коллекция реликвий сейчас хранятся в музее Пруссии в Кенигсберге. Похоже, это был своего рода *Rackwerk*. Прежде всего, на дне озера поперек друг друга лежали два или три слоя круглых бревен в форме прямоугольников, после чего только их стороны были продолжены вверх отдельными балками, уложенными последовательно с каждой стороны, таким образом оставляя пустые пространства наверху. Эти горизонтальные балки удерживались на месте с помощью многочисленных стоек, которые кое-где обрамляли их с обеих сторон, а также глубоких вырезов на их концах, где они перекрывали друг друга, в точности аналогично плану, принятому в Персанциге и других местах. Это сооружение имело толщину от трех до четырех футов, а поверх него была насыпана деревянная платформа, над которой были построены хижины его обитателей. Над этими платформами были найдены глиняные настилы, кое-где виднелись очаги. Реликвии были найдены как на платформе, так и на изначально пустых местах, которые, конечно же, теперь были заполнены обломками. При его первом появлении на деревянной конструкции был слой грязи толщиной от 1½ до 2

футов, но после некоторого воздействия грязь высохла и сильно сжалась. Центральная площадь этого сооружения имела размеры 72 на 36 футов и была окружена тремя рядами свай. Мост или сходни, также сооруженные на тройном ряду свай, тянулись к берегу примерно на пятьдесят ярдов.

Сначала и в течение нескольких лет после его открытия не было найдено никаких металлических предметов, и, следовательно, предполагалось, что он относится исключительно к каменному веку; но это уже не так, поскольку в последнее время здесь появились предметы как из железа, так и из бронзы.

Среди реликвий следующие: —фрагменты железного наконечника копья длиной 4 дюйма, большая бронзовая пуговица диаметром 1½ дюйма и кусок литой бронзы. Деревянные крючки, похожие на те, что были в Робенхаузене, и перфорированные квадратные наконечники, предположительно служившие поплавками для сетей. Фрагменты керамики и несколько целых блюд, самое большое из которых высотой 18 дюймов, со следами ногтей и пальцев (**рис. 99**, № 11), перфорированными ободками (№ 10) и иногда ручками. Несколько отщепов, наконечники стрел и скребки из кремня (№ № 8 и 9). Фрагмент перфорированного топора-молота из диорита и несколько мелющих камней. Шесть перфорированных роговых топоров, самый большой длиной 6½ дюйма; указатели, булавки, две иглы и различные другие предметы из кости (№ 1-7). Костяные наконечники стрел имеют длину 3-4 дюйма, а скребки - от 1½ до 3½ дюймов. Куски тростниковой кровли, глиняный настил и т.д.

Рис. 99.—Арыс и Каунаткен (с 12 по 14). № 10 = $\frac{1}{8}$, 11 = $\frac{1}{4}$, а остальные = $\frac{1}{2}$ реального размера.

Чарнизи и Тулевози.—Эти два озера находятся в окрестностях Арыс-сея, и в каждом из них было озерное обитание, подобное тому, что было в последнем, как по структуре, так и по характеру его реликвий. На станции в Чарнизи были найдены голубая стеклянная бусина; частично перфорированный каменный топор длиной $3\frac{1}{8}$ дюйма с сохранившейся сердцевинкой; и два железных наконечника копий с гнездами.

Kownatken Pfahlbau также представлял собой упаковочный лист, состоящий из круглых и расщепленных стеблей. Он тянулся вдоль берега озера примерно на семьдесят шагов и имел ширину в двенадцать на восточном конце, которая уменьшалась до семи или восьми на западном конце. Часть керамики с этой станции, среди которой были найдены фрагменты двенадцати сосудов, была украшена следами пальцев, а также следами от нитей (*Шнуровый орнамент*). Среди реликвий - костяные наконечники, один из которых предположительно является коньком (рис. 99, № 14); несколько круглых камней для пращи; каменный топорик правильной формы (№ 12); обработанные кремневые отщепы (№ 13); и точильные камни. Среди костей были кости оленя, косули, свиньи, лошади, быка и куски оленьего рога.

Озерное жилище в Кокзее было обнаружено на дне озера осенью 1882 года. Когда уровень воды опустился на 4 с половиной фута, сооружение появилось над водой. Оно было 34 ярда в

длину и 15 в ширину и тянулось вдоль берега, с которым его соединял мост. Деревянные изделия, по-видимому, были вырезаны металлическими инструментами, хотя ни один из них до сих пор не был обнаружен в обломках. Реликвии состояли из фрагментов керамики и нескольких предметов из камня и кости.

В соседнем Пробхензее недавно обнаружен обитатель озера, во всех отношениях похожий на Кокзее.

В Бонслаке были замечены поперечные балки, привязанные к стойкам с помощью березовых ремней (*Birkengeflecht*). С этой станции сохранилось несколько керамических изделий, продырявленных наподобие сита, и деревянный молоток.

В Зонтагзее также было озерное обитание того же класса, что и описанные выше, точные подробности о котором еще не опубликованы. Из него есть несколько интересных предметов в Музее Пруссии в Кенигсберге, среди которых я заметил костяные наконечники и лопаточки, костяную иглу правильной формы с ушком на одном конце и большую бронзовую пуговицу с выступающим ушком.

Что касается других местностей в Восточной Пруссии, где были обнаружены признаки озерных поселений, открытия, сделанные до сих пор на их участках, слишком неопределенны, чтобы заслуживать здесь подробного упоминания, и я ограничусь уже приведенными ссылками на места, где были зарегистрированы такие наблюдения.

Arraschsee (Livland).—В 1876 году граф Сиверс объявил об открытии обитателя озера в Аррашзее, которое впоследствии посетил неутомимый профессор Вирхов. Это был небольшой круглый остров, поросший березами и кустарником, который, при осмотре оказалось, был искусственно сооружен, как и наши собственные крэнноги. Как и они, он был окружен сваями, а его внутренняя часть была построена из слоев деревянных балок, уложенных поперек друг друга. Его структура была установлена путем выкопки двух больших квадратных ям в разных частях острова, и в одной из них было насчитано девять слоев древесины, а в другой - шесть. Главными собранными реликвиями были бронзовая булава для кольца длиной семь дюймов; бронзовая малоберцовая кость (*eine lettische Fibel*); часть формы; несколько глиняных бусин; заостренный костяной инструмент; обрывки бечевки и мотки бересты; также фрагменты серой и черной керамики с грубыми набалдашниками и следами пальцев и без ручек. По отметинам на деревянных изделиях был сделан вывод, что использовались железные инструменты. Костные останки принадлежали лошади, быку, свинье и бобру. (Б. 292.)

Общие замечания об озерных жилищах Северной Германии.

Профессор Вирхов еще в 1869 году опубликовал превосходную диссертацию об озерных жилищах Северной Германии (В. 165), в которой он утверждал, что все они, возможно, за одним или двумя исключениями, относятся к гораздо более позднему периоду, чем жилища Швейцарии и Южной Германии. Это мнение он основал на следующих соображениях:—

(1) Хотя на первом из них было найдено много предметов из камня и бронзы, почти в каждом случае они были связаны с другими, более позднего типа, включая железные орудия и т.д.

(2) Пищевые отходы чаще всего содержали кости обычных домашних животных, кости диких животных, таких как северный олень, дикий кабан, олень, дикая коза и бобр, встречались крайне редко.

(3) Многие из озерных жилищ были синхронны с бургвалле, что было убедительно доказано наличием у них характерной керамики последнего типа, как, в частности, это имело место в озерном жилище Персанциг. Более того, Вирхов показал, что некоторые из бургвалле имели прямую связь с соседними озерными жилищами, как, например, в Даберзее, Зельдинерзее и Клоппзее.

Обращаясь к этому вопросу позднее (1877 г.), на восьмом конгрессе Немецкого антропологического общества (В. 306), Вирхов, рассматривая дальнейшие открытия озерных жилищ в Северной Германии, сохранил общую правильность своих предыдущих выводов. Эти северные пфальбаутены, по его словам, возникли в результате иммиграции в страну рабов и имеют такое же отношение к бургвалле, какое свайные жилища в Италии имеют к терремапе. "Ich denke," says he, "wir werden uns entschliessen müssen, ganz im Gegensatze zu den süddeutschschweizerischen Pfahlbauten, die Einführung der nördlichen Pfahlbauten an die Einwanderung des Slavo-lettischen Stammes anzuknüpfen."

Мнение Вирхова, однако, не является общепринятым, поскольку многие местные археологи утверждают, что в нескольких озерных жилищах обнаружены реликвии, которые можно объяснить только предположением, что они были основаны в более ранние доисторические эпохи. Главными примерами, на которые ссылаются в поддержку своего утверждения, являются примеры в Висмаре, Шпандау, Чешево, Объективе и Ариссе.

После тщательного изучения реликвий со всех этих станций я должен признать, что многое можно было бы написать по обе стороны этого спора. Несмотря на количество типичных предметов каменного века из Висмара и Эгелова, доктор Лиш отмечает, что вместе с ними были части квернса. Кверны никогда не встречаются среди остатков швейцарских озерных жилищ, и я не знаю об их существовании ни в каких доисторических останках в северной или западной Европе до римских времен. Станция в Шпандау, если ее считать настоящим Пфальбау, несомненно, относилась к бронзовому веку. В Чешево и Объективе обнаружено значительное количество реликвий каменного века, почти не относящихся к последующим эпохам. Говорят, что на первом был найден только один бронзовый предмет, а из последнего в музее Позена хранится бронзовый крутящий момент (рис. 98, № 9), который был найден на небольшом расстоянии от обитателя озера. Что касается Ариссее и соседних с ним озер Чарни и Тулево с их соответствующими озерными жилищами, все из которых относятся к типу *Packwerk*, профессор Хейдек в значительной степени полагается на наличие керамики с орнаментом на нитках и пальцах, как на доказательство их древности, в дополнение к обычным каменным кельтам, рогатым дубинкам и т.д.; Но все же вместе с ними были найдены железные наконечники копий и голубая стеклянная бусина (Чарниз). Аналогичным образом, в *Пакверке* в Каунаткензее были обнаружены кельтские изделия из полированного камня, керамика со следами пальцев и *шнурками*, а также часть рога северного оленя, связанные с костяным коньком, и костные останки домашних животных, таких как лошадь, свинья, бык и т.д. Таким образом, при попытке оценить хронологический диапазон этих озерных жилищ на основе изучения их содержимого, которое (будучи незамеченным в ранних летописях страны) является единственным доступным способом, смешанный характер этих реликвий представляет значительную трудность — трудность, которая, как мы увидим впоследствии, в равной степени применима к шотландским и ирландским крэнногам. Но какие бы сомнения ни возникали относительно их древности и раннего происхождения, не может быть никаких сомнений относительно сравнительно позднего заселения многих из них. Костяной конек и гребень, сделанные из квадратных кусочков, соединенных вместе поперечинами, и свидетельствующие о том, что зубья были срезаны пилой после того, как части были сложены вместе, точно такие же, как можно видеть на

гребнях из шотландских крэнногов и терп-курганов Голландии, были найдены Вирховом в Даберзее Пфальбау. Железные топоры (Даберзее, Персанцигзее и Альт-Фризак), подковы и другие железные орудия труда (Солдинерзее), керамика рабского типа (Бонин, Клоппзее, Персанциг и др.), кожа (Бонин) и даже доспехи и кирпичи XIII века (Любтовзее) не оставляют сомнений в их почти средневековом характере.

Оленьи рога были найдены в Бутцове, Зельдинерзее и Ковнаткензее; но эти предметы не обязательно указывают на большую древность, поскольку это животное, хотя и не упоминается в ранних летописях Северной Германии, как утверждается, обитало в стране во времена Цезаря.

Несомненная современность многих из этих озерных жилищ бургвалле открывает область исследований, имеющую большое значение для европейской археологии; но их точное хронологическое соотношение все еще остается неясной проблемой, главным образом из-за тайны, которая окружает последние.

Бургвалле или *Рундвалле* - общее название, данное остаткам замечательного класса доисторических сооружений, найденных разбросанными по большей части средней и северо-западной Европы, охватывающих южные районы России вокруг берегов Черного моря, Румынию, Болгарию, Трансильванию, Венгрию, Австрию, Богемию, Польшу, Северную Германию, Францию, Великобританию и южные районы Скандинавии. Сейчас сохранились только их фундаменты, и они показывают, что сооружения обычно были круглыми или овальными, но иногда квадратными и полукруглыми. Их можно разделить на три вида в зависимости от материалов, из которых построены их фундаменты, а именно: —земля, камни или камни в остеклованном состоянии (*Erd-, Stein-und Schlackenwälle*). Их размеры варьировались от 20 до 100 шагов в диаметре, а высота - от 10 до 30 футов, и они состояли из одной, двух, а иногда и трех стен. Те, что были сделаны из земли, были круглыми и обычно располагались на болотистой местности или в странах, где камни были труднодоступны. Штайнвалле находились в холмистых районах и менялись по форме в зависимости от характера почвы. Иногда они принимали неправильные очертания мыса или полуострова в озере, в других случаях, особенно когда располагались на нависающей скале, они представляли собой простые полукруги. Форты из остекленных материалов представляют особый интерес для шотландских археологов из-за большого количества остекленных фортов в Шотландии. На Континенте их не очень много, наибольшее их количество в Саксонии и Богемии. В бывшей Югославии известны восемь из них, а именно: Шафберг Лебау, Ротштейн Сохланд, Стромберг Вайсенберг, Ландескрене Герлиц, Брандвалл Блумберг, Кошютц близ Дрездена, Бургберг Лихтенберг и Форберг Кирхберг. По словам Елинека, Богемия богата Шлаккенвалле, наиболее известными из которых являются Катович, Буковец, Литорадич, Градиште фон Хостем, Градиште бай Стракониц, Градец бай Доманич Бургберг, Владар и др. ("Schutz-und Wehrbauten." p. 102). Случаи также встречаются в Силезии, Тюрингенском лесу, Рейнском округе, Бретани и Нормандии.

Бургвалле, как и их аналоги на Британских островах, еще не подвергались систематическому исследованию. По характеру реликвий, найденных в тех, которые были исследованы в Северной Германии, они делятся на *ворславицские*, *славицские* и *шпацлавишные*, различие, которое было предложено уникальным характером славянской керамики. Эти рабские блюда всегда без ручек, но из хорошо обожженной керамики, а при украшении орнамент представляет собой волнистые линии, идущие параллельно ободку, образующие характерный рельеф.

Многие из этих остатков, конечно, теперь полностью исчезли в интересах сельского хозяйства, но их количество все еще остается очень большим. В Восточной Германии доктор Р. Бела описывает и сводит в таблицу не менее 1100 человек. Их больше в плодородных районах. В Оберлаузице, в одном районе длиной 9 миль и шириной от 3 до 16, их насчитывается 100, а в окрестностях Баутцена в радиусе одной мили можно насчитать 20. [59]

Вероятно, материалом, использованным в верхних конструкциях Бургвалле, было дерево, которое, конечно, сейчас полностью сгнило, за исключением некоторых особых условий, таких как болотистая почва, где в качестве фундамента использовались деревянные сваи. Это еще одна точка соприкосновения между этими зданиями и жилищами у озера, которая не была упущена из виду археологами. Вирхов описывает городскую стену Потцлова и Захсова близ Котбуса как построенные на месте бывшего Пфальбаутена; [60] и, действительно, город Котбус, похоже, был полностью построен на сваях, поскольку везде, где производились раскопки, встречаются сваи, и таким образом был найден прекрасно орнаментированный кверн. [61] Деревянные конструкции в виде платформы или *Лакверкбау*, также наблюдались и регистрировались во многих местах, например, в Шлибене, Гросс-Тополе (Позен), Лабензее, Вестпрейссене. [62] Кроме того, к тем, кто находился в заболоченных местах, подходили по деревянным мосткам, остатки которых часто встречались в виде двойного ряда свай. [63]

ДРЕВНИЕ МОРСКИЕ ЖИЛИЩА НА ПОБЕРЕЖЬЯХ ГОЛЛАНДИИ И ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ.

Несмотря на поразительный и необычный вид, который швейцарские жилища у озера, должно быть, представляли иностранцам, примечательно, что римские писатели совершенно умалчивают о них. Это молчание также нельзя объяснить предположением, что жилища у озера полностью прекратили свое существование еще до римских времен, поскольку некоторые из них содержат предметы старины, римское происхождение которых невозможно перепутать. Некоторые археологи полагают, что они распознают в изображении дакийской деревни на колонне Траяна настоящую деревню на сваях (В. 164); но это сомнительно, и, даже если это правда, это всего лишь очень скудное свидетельство обычая, и проблема озерных жилищ остается такой же загадочной, как и прежде. Подобная скрытность со стороны авторов классической литературы, однако, не распространяется на класс древних останков, который я сейчас собираюсь описать.

Плиний очень четко утверждает, что чауки (фризы и другие расы, живущие вдоль побережья Германского океана) имели обыкновение возводить искусственные насыпи, на которых они строили свои дома, чтобы быть вне влияния волн и приливов. Следующий отрывок из его "Естественной истории" [64] будет прочитан с интересом в связи с недавними открытиями, которые были сделаны в упомянутых местностях.

"Я сам лично был свидетелем положения чаучи, как Больших, так и Малых, проживающих в регионах крайнего севера. В этих климатических условиях обширные участки суши, на которые дважды в день и ночь набегают океанские волны, поднимают вопрос, который вечно предлагается нам Природой: следует ли рассматривать эти регионы как принадлежащие суше или как составляющие часть моря?

"Здесь обитает несчастная раса, населяющая либо более возвышенные участки суши, либо искусственно сооруженные возвышенности такой высоты, до которой, как они знают по опыту, никогда не доберутся самые высокие приливы. Здесь они разбивают свои хижины; и когда волны покрывают окружающую местность вдоль и поперек, они подобны многим

морякам на борту корабля; когда, опять же, прилив отступает, их положение такое же, как у многих потерпевших кораблекрушение, и вокруг своих хижин они преследуют рыб, убегающих с отступающим приливом. Им не подобает, в отличие от соседних народов, содержать какие-либо стада для пропитания их молоком или даже вести войну с дикими зверями, даже если каждый кустарник изгнан издалека. Из осоки и болотного тростника они делают веревки и из них плетут сети, используемые для ловли рыбы; они также руками размалывают грязь и высушивают ее с помощью ветров больше, чем солнца, готовят с ее помощью свою пищу и таким образом согревают свои внутренности, замерзшие от северных порывов; их единственным напитком также является дождевая вода, которую они собирают в ямы, вырытые у входа в их жилища; и все же эти народы, если бы в этот самый день они были побеждены римским народом, были бы поражены римлянами. воскликните против того, чтобы вас низводили до рабства! Значит, так тому и быть — Фортуна наиболее благосклонна ко многим именно тогда, когда она хочет их наказать.

Несмотря на точность описания Плиния и тот факт, что в течение нескольких столетий, с тех пор как были возведены огромные дамбы, разбросанные остатки этих курганов были доступны на суше, они лишь совсем недавно привлекли внимание археологов. Я считаю их исследование важным не только из-за большого количества промышленных остатков, которые они содержат, но и для того, чтобы предоставить недостающее звено в доказательстве преемственности европейского обычая строительства свайных жилищ.

ТЕРПЕН (ЗАПАДНАЯ ФРИСЛАНДИЯ).

До строительства великих морских дамб в Голландии почти вся Западная Фрисландия находилась в том смешанном состоянии, описанном Плинием, в котором было трудно сказать, принадлежала ли она морю или суше (*сомнительная территория, парс марис*). Однако в настоящее время эти земли богато возделаны и выглядят так, как будто это мертвый уровень. Только при ближайшем рассмотрении однообразие нарушается определенными возвышенностями значительной протяженности, называемыми *Терпен*, вершины которых поднимаются примерно до уровня более крупных дамб. Эти насыпи расположены через более или менее равные промежутки времени, так что, если бы приливы, вызванные каким-либо стихийным бедствием, имели свободный размах, они выглядели бы как множество островов, разбросанных по стране. Именно на таких возвышенностях обычно строятся современные церкви и деревни, и до тех пор, пока они случайно не привлекли внимание земледельцев, никто, казалось, и не задумывался об их происхождении. Несколько лет назад было обнаружено, что их недра состоят из богатых залежей аммиака, который земледельцы сочли ценным удобрением при разбрасывании по своим полям. Выемка этого вещества для внесения удобрений в настоящее время является важной отраслью промышленности, и любой землевладелец, которому посчастливилось владеть пригодным для работы участком—*то есть* участком, свободным от построек, — находится на пути к получению небольшого состояния. Когда *терп* находят пригодным для выемки, обычно начинают с рытья канала вплотную к его основанию, достаточно большого, чтобы пропускать лодки хорошего размера. Затем лодки легко загружаются этим товаром и таким образом доставляются во все концы страны. По мере продвижения выработок расширяется и канал, так что лодки всегда находятся в непосредственной близости от выработок. В ходе этих операций время от времени попадались кости и рога различных животных, керамика и другие реликвии человеческого производства.

Постепенно эти повторяющиеся открытия привлекли внимание антикваров, и доктор Плейт из Лейдена в настоящее время публикует большой иллюстрированный труд о древностях Голландии (В. 301), в котором заметное место отведено терпским курганам и их

содержимому. Однако большей частью моей информации по этому вопросу я обязан некоторым должностным лицам Музея генофонда Фриша в Леувардене, особенно г-ну Корбелейну Баттаэрду, его хранителю. В этом музее хранится большинство предметов, найденных до сих пор в терп-курганах, и коллекция, уже уникальная в своем роде, ежедневно и быстро увеличивается, поскольку в отношении многих из них были изданы приказы о том, что никакие реликвии не подлежат утилизации без предварительной передачи властям музея.

Как и в большинстве стран, ранние традиции Голландии были забыты или игнорировались, и в ее летописях мало упоминается о *терпенах*. Объясняя происхождение и раннее употребление этого слова, доктор Плейт цитирует отрывок из Окко ван Шарля о том, что один из древних королей Фрисландии по имени Адгилл, правивший в конце VI века, распорядился насыпать большое количество возвышенностей из-за разрушительного наводнения, произошедшего за четыре года до его восшествия на престол, чтобы дать убежище людям и животным в случае повторения этой опасности. Тогда эти курганы назывались *Терпен*.

Г-н Диркс, президент Генофонда Фриша, еще в 1871 году охарактеризовал эти курганы как аналогичные пластам террамара в Северной Италии ("*ce sont des terramares historiques*";^[65] но профессору Пигорини из Рима оставалось показать, что они идентичны с точки зрения внутренней структуры. Это он сделал в 1881 году (В. 372с), после посещения одного из них в Аалзуме, где в то время велись раскопки, когда он показал, что там была ограничивающая дамба, и, хотя никаких настоящих свай тогда видно не было, владельцы сообщили ему, что такие деревянные конструкции иногда встречались. До его визита, по-видимому, на эти структурные остатки не было обращено особого внимания. Однако из всего, что он смог узнать по этому вопросу, и особенно из рассмотрения стратифицированного расположения обломков, Пигорини пришел к выводу, что отложения были образованы свайными жилищами и накапливались в условиях, точно аналогичных условиям терремаре, в отношении которых он является таким выдающимся авторитетом.

В *терпе* в Алзуме все еще ведутся систематические раскопки, и, хотя они расчищены лишь частично, их результаты с археологической точки зрения в настоящее время не имеют аналогов в Голландии. Более того, раскопки ведутся в широких масштабах, и местность легкодоступна. Поэтому я не могу придумать лучшего способа донести до вас некоторые знания о природе и структурных явлениях этих замечательных отложений, чем подробно изложив факты, которые стали мне известны во время моего визита этим летом в то же место под руководством моего замечательного друга мистера Баттаэрда.

The *Терп* находится примерно в миле к северу от города Доккум, примерно в двенадцати милях от Леувардена и в четырех-пяти милях от берега моря. При приближении к местности из Доккума мало что могло привлечь особое внимание, кроме обычных голландских пейзажей — каналов, сочных лугов, стад великолепного скота и кое-где хорошо возделанных кукурузных полей. Перед нами виднелось небольшое возвышение, увенчанное маленькой церковью посреди группы деревьев, окруженных аккуратно огороженными лугами и кукурузными полями. Приближаясь к этой церкви и не доходя до нее нескольких сотен ярдов, мы вышли на наклонную дорогу, как будто поднимавшуюся по дамбе, но с обеих сторон земля была идеально ровной и приносила великолепный урожай: здесь было поле великолепных бобов, а там не менее многообещающее поле пшеницы. Эти поля, сказал мистер Баттаэрд, раньше были частью *терп*-насыпи, с которой уже убрали удобрения, но эта дорога осталась нетронутой, так что теперь мы фактически идем по части ее поверхности. Мало-помалу мы увидели кучи глинистого материала, верхушки которых

сверкали отраженным светом, а посреди них виднелись мачты и такелаж трех лодок. Эти беловатые кучи, похожие на глину, сказал мистер Баттаэрд, образовывали поверхностную почву, которая, не имея коммерческой ценности, должна была быть вывезена, прежде чем можно было добраться до пригодных для продажи отложений. Наконец мы добрались до настоящих выработок, и мы оказались перед перпендикулярным участком высотой около 15 или 18 футов, с которого мужчины и женщины были деловито заняты погрузкой лодок. Главным в моих мыслях был первостепенный вопрос о существовании вертикальных свай, которых, как мы помним, Пигорини на самом деле не видел. Велик был мой восторг, когда с первого же взгляда мой глаз заметил несомненную груду дуба прямо перед рубкой. Рядом с ним я вскоре нашел еще один, и по мере того, как мы продвигались вперед, их было несколько, одни мягкие и податливые, почти не оказывающие сопротивления лопате; другие из дуба, очень твердые в центре, но более сгнившие и зазубренные, чем те, которые я привык видеть среди останков обитателей озера. Те, что были видны в этом разделе, значительно отличались по размеру; и я заметил, что некоторые проникали глубже других. Чуть поодаль лежала груда дубовых балок— недавно извлеченных из траншей, одну из которых я измерил и обнаружил, что она имеет четыре ярда в длину и от шести до восьми дюймов в толщину. Наведя справки, я установил, что эти балки лежат горизонтально и примерно на полпути вниз в слоистом материале.

Те, кто, подобно профессору Пигорини, знаком со структурными особенностями терремаре Северной Италии, не будут удивлены сравнительной редкостью, с которой сваи встречаются в *терпенах*, из-за быстроты, с которой бревна, будучи погребенными в сухой земле, разлагаются и исчезают совсем, не оставляя во многих случаях за собой никаких следов. Этот факт был поразительно продемонстрирован Чиеричи, который представил убедительные доказательства прежнего существования свай в верхних слоях некоторых участков терремаре, показав, что отверстия, оставленные сваями, после того, как древесное волокно полностью исчезло в результате разложения, впоследствии были заполнены пылью и просочившимся материалом, который в конечном итоге затвердел и, таким образом, сохранил фактическую форму первоначальных свай. (См. стр. 248.) Короче говоря, естественные слепки первоначальных свай были сформированы случайно, что, таким образом, раскрыло знание об их прежнем существовании, о котором в противном случае никто бы никогда не заподозрил. К обоснованности этого вывода я сам бессознательно поспособствовал наблюдением, которое я сделал несколько лет назад, копая кранног в Лохостопах, и, записав его, мне, возможно, будет позволено здесь повторить мои слова. "Однажды я был сильно озадачен, обнаружив то, что, очевидно, было частью березы, от 6 до 9 дюймов в диаметре, совершенно плоской, и внутри толстой коры почти не осталось древесины. Ни в одном случае ранее я не видел признаков давления на бревна такого размера; но после тщательного рассмотрения этого вопроса было установлено, что такое воздействие имело место только в верхней части насыпи и над бревенчатым покрытием, где древесина подвергалась атмосферным воздействиям, так что при гниении древесных волокон легко происходило сплющивание коры. Все бревна, найденные погребенными в воде или иле, сохранили свои первоначальные размеры и не показали никаких следов того, что они поддавались сверхнапряженному давлению".[66]

Отсутствие свай и деревянных конструкций на многих из этих курганов, следовательно, не является доказательством того, что они не существовали ранее; и, действительно, трудно объяснить горизонтальность и правильность слоев с помощью какой-либо другой гипотезы.

Пока я бродил по различным участкам, представленным прогрессивными этапами раскопок, удивляясь отчетливости слоев или подбирая случайные предметы из *обломков*, такие как

раковины мидий, кусочки кости, фрагменты керамики и т.д., Которые можно было найти тут и там торчащими из срезов, мой друг мистер Баттаэрд был глубоко занят изучением кучи костей, которые лежали в солнечном углу, подвергаясь непогоде. Присоединившись к нему в его остеологическом исследовании, я обнаружил, что главной достопримечательностью была голова уруса (*Bos primigenius*) огромных размеров с великолепными роговыми сердцевинами — по словам мистера Баттаэрда, лучший образец, который когда-либо попадал в музей.

Земля, прилегающая к краю участка и простирающаяся на значительную часть насыпи, была занята выращиванием кукурузы, и, следовательно, ее размеры можно определить лишь приблизительно. Владельцы, господа У. и Дж. Бирма, любезно сопровождали нас, и один из них заверил меня, что его диаметр не может быть меньше трехсот-четырёхсот ярдов. Его наибольшая высота над водой в канале составляла 18 футов, но, конечно, уровень воды в канале значительно ниже, чем во время прилива в открытом море. Коммерчески ценный материал начинался примерно в 3-4 футах под поверхностью и продолжался без перерыва в пределах нескольких футов от воды канала. Именно в этой промежуточной части были найдены реликвии, но их точное положение, особенно положение предметов меньшего размера, редко удавалось определить, поскольку обычно они обнаруживались после того, как материал частично разрушался во время транспортировки.

Материал *in situ* был отчетливо расслоен, образуя слои различной толщины, от толщины пальца до 3-4 дюймов, а иногда и больше, которые в некоторых случаях можно было непрерывно отслеживать на больших расстояниях. Иногда они вообще откладывались в долгий ящик, и начинались другие. Здесь слой волокнистого вещества, в котором можно было легко распознать количество частично разложившихся волокон льна; там - плотный осадок коричневатого клейкого вещества, похожего на торф. Древесный уголь и зола пронизывали все вокруг и иногда проявлялись в виде отдельных слоев. Глина и песок также были в значительной степени смешаны с этими отложениями и иногда принимали форму отдельных пластов.

Удовлетворившись пока структурным устройством насыпи и расположением ее содержимого, мы направились к церкви, которая находится совсем недалеко от выработок. Это небольшое здание окружено местом захоронения, и среди надгробий есть несколько древних на вид. мистер Баттаэрд сообщил мне, что оно датируется одиннадцатым веком.

Подсчитано, что в общей сложности только в Западной Фрисландии насчитывается около 150 таких курганов, и что из них около половины были более или менее исследованы, некоторые в настоящее время полностью расчищены. Их также можно найти в провинции Гренинген и некоторых других частях Голландии. Доктор Диркс утверждает, что город Леуварден построен на двух терп-курганах;^[67] и доктор Плейт сообщил мне, что у него есть основания полагать, что город Лейден также покоится на подобных отложениях.

Реликвии (**рис. 100**).—Реликвии человеческой промышленности, собранные в *терпене*, очень разнообразны и многочисленны. Приведенные ниже заметки и иллюстрации, взятые в основном из большого ассортимента в музее Леувардена, помогут передать некоторое общее представление о социальной экономике, царившей среди жителей этих необычных поселений, а также о периоде, в который они процветали.

Доисторический.—Обычно так называемые доисторические останки, такие как каменные орудия для резки, представлены слабо, но иногда они все же встречаются, и в этом отношении *терпены* напоминают шотландских и ирландских крэнногов.

Глиняные предметы.—Перфорированные гири для ткацкого станка, как конические, так и плоские; большое количество витков веретена, часто украшенных следами пальцев или рифлеными линиями (№ № 2 и 3). В некоторых плоских и треугольных предметах из глины (№ 22) проделаны три отверстия, по одному под каждым углом, которые иногда перпендикулярны, а иногда параллельны поверхности; по объему и составу они соответствуют грузилам ткацкого станка.

Керамика.—Керамика, как правило, грубая, но обильная, и представляет собой сосуды различных форм и размеров, обычно с ушками, но у некоторых есть ручки (№ № 20 и 23). Самийская посуда представлена множеством фрагментов мисок и блюд. На нескольких вазах, по-видимому, самодельных, видны следы цветных пятен; есть крышки с приподнятыми ручками, украшенные выдолбленными точками.

Кость и рог.—Костяные и роговые орудия очень многочисленны, они состоят из гребней (№ № 1 и 16-19) различных форм, изготовленных из пластин, склепанных вместе железными заклепками и украшенных последовательными кругами, линиями, точками и криволинейными фигурами; среди них также есть несколько гребней с очень длинными зубьями (№ № 30).^[68] Также есть булавки (№ 26 и 28), иглы (№ 29), пуговицы (№ 25), игральные кости (№ 21), кольца для пальцев (№ 12), ручки для ножей, указки и т.д. (№ 10, 11, 13 и 27). Многие так называемые коньки сделаны из длинной кости лошадиной ноги. Две или три короткие кости (бычья нога) покрыты концентрическими кругами, очевидно, для украшения. Любопытный костяной предмет (№ 7) предположительно использовался для изготовления бечевки или канатов.

Рис. 100.—Терпен. Номера 24 = $\frac{1}{6}$, 12, 21, 27 и 29 = $\frac{2}{3}$, а остальные = $\frac{1}{3}$ реального размера.

Стекло.—Бусины синие, зеленые и пестрые; также стеклянный шлак.

Металлические предметы.— Несколько бронзовых блюд (№ 5), одно - тренога с выступающей ручкой (№ 15). Фигурки людей и животных; рука римской статуи, по-видимому, женской, примерно в натуральную величину; римские фибулы; несколько трех или четырех двойных спиралей; пара маленьких ножниц (№ 8) и несколько браслетов с застежками-крючками. Все они сделаны из бронзы. Среди предметов из железа - ножницы, молотки, уздечки (**рис. 101**), шлак и т.д. В Ахлуме был найден свинцовый брусок весом 17 килограммов, помеченный тремя крестиками, то есть "XXX".

Монеты.—Англосаксонские монеты в большом количестве: в Галлуме в банке было найдено 180 *скитта*; византийские деньги в золоте; римские имперские деньги, обычно в серебре, но иногда и в золоте; франкские монеты. Владельцы Алзума нашли в этом мешке несколько серебряных монет со следующей надписью: "+ HLOTHARIVS. IMP. DORE STATVS MON (eta)", который определяет их дату как период между 840 и 855 годами н. э. [69]

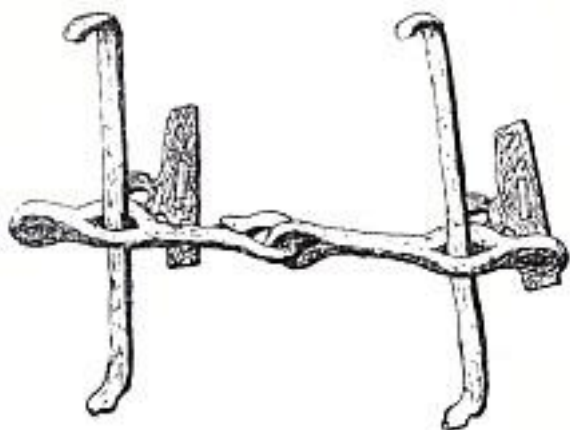

Рис. 101.—Терпен. Железная удила для уздечки, $\frac{1}{4}$ реального размера.

Деревянные предметы.— Маленькие лопатки, точно такие же, какими пользуются дети, забавляясь копанием песка на морском берегу. Несколько больших бочек, шесты которых удерживаются вместе тремя железными обручами. В диаметре эти бочонки не больше обычной сельдяной бочки, но в длину они составляют от шести до семи футов, а примерно в одной трети от верха имеется небольшое квадратное отверстие диаметром 4-5 дюймов. Концы шестов у верхнего края некоторых сильно сгнили, но остальные совершенно целы, и по этой причине предполагается, что они стояли в воде так, что были открыты только верхние части. Они были обнаружены почти во всех исследованных *терпенах*, обычно на одинаковом расстоянии и глубоко захоронены. Один из них, высотой 6 футов, был найден покоящимся внутри чана глубиной 3 фута, а его самая высокая точка находилась более чем в двух ярдах ниже поверхности кургана. Каноэ и маленькие весла также могут быть упомянуты в качестве случайных реликвий.

Неописуемые объекты. Петушиные шпоры; яичная скорлупа домашней птицы и гуся, некоторые из которых, что довольно странно, были, когда их нашли, все еще целыми; раковины различных видов морских ежей, морских звезд и мидий; янтарные бусы, также из этого материала в необработанном виде; аморфный вивианит; большое количество обломков льна; один любопытный предмет — флейта, сделанная из голени небольшого животного; одно маленькое вымышленное блюдо имеет четыре ножки, а несколько других имеют форму трех чашечек, прикрепленных друг к другу. В Алзуме, по случаю моего визита, среди вещей, купленных мистером Баттаэрдом, были варежка и что-то вроде головного

убора, похожего на войлочный халат. У варежки был только один выступ - для большого пальца.

В *терпе*, называемом Битгам, была найдена урна, подобная тем, что были найдены в дольменах Дренте, с несколькими обгоревшими костями. Иногда находят человеческие кости, но предполагается, что они принадлежали ко вторичным захоронениям. В Алзуме была найдена могила с телом, а вместе с ним - малоберцовая кость меровингского периода с плоской спинкой, украшенной красивым мозаичным узором из разноцветного стекла и янтаря.

Фауна.—Костные останки, представляющие следующих животных: —Лошадь, бык (несколько разновидностей —*Bos taurus*, *primigenius*, *longifrons*, *brevicornis*), кошка, собака, овца, кабан, олень, косуля и лань. Среди черепов этих животных (которых здесь много) есть один или два из четырехрогих бараньих. Может быть интересно отметить, что костные останки этого животного были среди тех, которые сэр У. Р. Уайлд идентифицировал как происходящие из кранога Лагора (стр. 351).

ВАРФЕН (ВОСТОЧНАЯ ФРИСЛАНДИЯ).

В 1879 году доктор Тергаст из Эмдена опубликовал краткий отчет о доисторических древностях Восточной Фрисландии, [70] в котором он обращает внимание на существование определенных курганов в низменных регионах, называемых "Варфен", которые, по его мнению, являются остатками очень древних поселений, построенных для защиты их жителей от наводнений и колебаний климата. окружающие воды. Автор не приводит многих подробностей об этих курганах. Однако, по-видимому, они встречаются в значительном количестве, поскольку он предполагает, что для археологической науки было бы крайне интересно составить карту, показывающую их местное распространение. Также они, по-видимому, не подвергались большому практическому исследованию, поскольку только три объекта из них проиллюстрированы в книге доктора Тергаста. Это костяной инструмент (так называемый конек или полировщик ткани), ожерелье из стеклянных и янтарных бусин и железный наконечник стрелы. Он также упоминает гребень (длиной шесть дюймов), аналогичный гребню из *терпена* (рис. 100, № 30), но без указания местности, где он был найден. Все это в точности похоже на предметы, найденные в терп-курганах Голландии. Таким образом, все указывает на то, что *Терпен* и *Варфен* совершенно аналогичны друг другу и относятся к одному и тому же периоду времени.

WURTHEN (DITHMARSCHEN).

В 1883 году доктор Хартманн с Марны (В. 397) дал более подробный отчет о подобных жилищах в районе Голштинских болот, недалеко от устья реки Эльбы. Они, в виде невысоких насыпей, встречаются, по его словам, во всех болотах вдоль этой части побережья Северного моря. В Дитмаршен, как на севере, так и на юге, их очень много, и более крупные из них, такие как терп-курганы Голландии, в настоящее время обычно заняты одним или несколькими современными зданиями. По протяженности они варьируются от 1/4 до 15 акров, а по высоте от 13 до 23 футов выше обычных средних приливов. В последнее время в ходе раскопок фундаментов новых зданий, рытья колодцев и т.д. неоднократно обнаруживались различные реликвии, такие как фрагменты керамики, глиняные гири, железные орудия труда, части обработанных оленьих рогов, сломанные кости и т.д., Которые, однако, наводили на не более чем мимолетные комментарии. Но их истинная природа теперь ясно прослеживается из фактов, зафиксированных доктором Хартманном, основные из которых были установлены в результате раскопок, проведенных им самим в

Фарштедтер-Вурте, расположенном примерно в трех милях к северу от Эльбы. Это сооружение несколько лет назад перешло в собственность производителя кирпича по фамилии Хьюсманн, который имел привычку время от времени использовать его содержимое частично для засыпки старых глиняных карьеров, а частично для внесения удобрений. Таково было состояние Fahrstedter Wurth, когда в августе 1881 года на него обратили внимание доктора Хартманна. Во время своего первого визита, осматривая открытые траншеи, он подобрал на глубине четырех футов от поверхности перфорированную глиняную массу диаметром четыре дюйма и толщиной два с половиной дюйма. После этого он продолжил регулярно посещать местность и за короткое время собрал ряд реликвий, помимо определения многих интересных моментов в отношении структуры кургана. Наибольшая глубина, достигнутая в результате беспорядочных раскопок г-на Хьюсманна, составляла девять с половиной футов. На обнаженном участке до этого места доктор Хартманн различил следующие слои:

1. Обычная почва (<i>Аккерерде</i>)	около 2 футов.
2. Зеленоватая песчаная земля (<i>hellgrüne sandige Erde</i>), предположительно образовавшаяся из-за моря	
спикул или игл губок	1 "
3. Слой красноватой глины (<i>ротера Эстриха</i>)	от ½ до 1 дюйма
4. Остатки деревянных конструкций (<i>Packwerk</i>)	2-4 "
5. Земля, смешанная с глиной (<i>helle Kleierde</i>)	1½ "

Этот упаковочный материал описывается как состоящий из разложившихся ветвей размером с палец и, иногда, толщиной с руку, расположенных горизонтально, но иногда перпендикулярно. Его нижняя часть состояла из большого количества березовых и дубовых прутьев, волокон нескольких болотных растений, сломанных костей и других органических обломков. В подстилающей глине он заметил несколько отверстий, которые, как он заключил, образовались из-за небольших куч, древесина которых исчезла в результате разложения. В этом Пакверке, помимо древесного угля и золы, были найдены разнообразные реликвии человеческого труда, из которых можно отметить следующее: — Фрагменты керамики (серой и черной), среди которых были некоторые с отверстиями по краям; точильные камни; глиняная гиря с отверстиями; двенадцать кусков кварцевых камней, сделанных из базальта и имеющих толщину от полутора до двух с половиной дюймов - из фрагмента было установлено, что весь диаметр одного из них составлял 17 дюймов; несколько железных ножей, наконечник копья и несколько гвоздей, а также другие предметы. вместе с кусками как железного, так и стеклянного шлака. Деревянная ручка, несколько обработанных предметов из кости со следами заклепок, кусочки бересты и т.д. Черная масса асфальта, предположительно изготовленная из бересты, была покрыта скорлупой лесного ореха. Из этого был сделан вывод, что масса изначально находилась в жидком состоянии.

Среди костных останков доктор Пфеффер из Музея естественной истории в Гамбурге и доктор Раутенбург идентифицировали следующих животных: собаку, быка, свинью, овцу, оленя, лошадь, выпь (?) и осетра (узнаваемого по чешуе).

В глине под упаковочной машиной (*Kleierde*) были обнаружены обрубки восьми свай на расстоянии пяти-шести футов друг от друга, которые, как заключил доктор Хартманн, первоначально поднимались вверх при выполнении фасонных работ, но теперь остались только части, погруженные в глину, остальное исчезло в результате разложения. Из этих свай (четыре дубовых, три березовых и одна ясеневая) некоторые были круглыми, некоторые прямоугольными, и почти все более или менее заострены на нижнем конце. Исключения были тупыми и покоились на некоторых обломках гранитных камней. В одной из свай шириной шесть дюймов и толщиной два с тремя четвертями дюйма было четыре круглых отверстия, в одном из которых еще оставалась часть лонжерона.

Убедившись в состоянии этой части уже обнажившегося кургана, доктор Хартманн получил разрешение от владельца пробурить шахту в нетронутой части под ним. Поверхностный участок этой шахты был 12 футов в длину и 9 в ширину, и ее копали до тех пор, пока не был достигнут морской песок на глубине 11½ футов - т.е. примерно в 21 футе от поверхности насыпи.

Продолжая теперь наш осмотр этого участка (верхнюю часть которого я уже подробно описал), мы последовательно прошли через следующие слои: —

6.	Продолжение глинистой земли	1½ фута
7.	Упаковочная бумага (№ 2)	1 "
8.	Черноватый глинистый материал (<i>dunkle Kleierde</i>)	1 "
9.	Легкая глина (содержит обрубки второго ряда куч, четыре	1 "
10.	Упаковочная бумага (№ 3)	3 "
11.	Беловатая глина, смешанная с ветками, сучьями, тростником и т.д.	2 "
12.	Слой коровьего навоза (<i>Grüngelblicher fester Kuhdünger</i>)	2 "
13.	Морской песок (<i>Meeressand</i>)	

Два обнаруженных здесь *Packwerke*, как утверждается, похожи на первый, и реликвии также во многом схожи по характеру. Нижняя часть обоих описана как состоящая из дубовых, березовых и орешниковых прутьев, очень много бересты, обработанных кусочков дерева, деревянных ручек инструментов, горелого хвороста, обломков болотных растений (*Шильфа*, *Бинсена*, и самого многоугольника), небольших пучков луба и других волокон тонких кореньев, скорлупы лесных орехов, фрагментов керамики (шесть фунтов), кусков железного шлака (пять фунтов), сломанных костей (шестнадцать фунтов), древесного угля, кусочка дерева. редстоун, а также раковины некоторых съедобных моллюсков (*Helix fruticum* и *Strigella*, и *Cardium edule*).

Среди реликвий, на которые следует обратить внимание, - веретено, железная пряжка и кусочек кожи.

Особый интерес представляет третий ряд свай, которые, по его словам, заканчиваются морским песком под всеми. Этих свай было пять, четыре дубовых и одна березовая, толщиной от 2 до 5½ дюймов и длиной от 18 до 33 дюймов. Они были расположены зигзагообразно на расстоянии примерно 1½ фута друг от друга и прослежены через слой "Кухдюнтера" до "Пакверка", где они настолько прогнили, что их больше нельзя было узнать. В одном из них также было отверстие, в котором все еще сохранялась часть выступающего лонжерона.

Наш исследователь провел наблюдения, но гораздо более ограниченного характера, за девятью другими *вюртенами*, и во всех из них он обнаружил, что "Pascwerk" является особой чертой их структуры.

Таково краткое изложение фактов, на которых доктор Хартманн основывает свое мнение о том, что не только *Вюртен*, но и соседние *Варфен* и *Терпен* были построены подобно островам фасцины в доисторической Швейцарии, а также шотландским и ирландским крэнногам. Идея свайных построек вряд ли может ему понравиться, и он решительно оспаривает мнение Пигорини относительно *Терпенов* Западной Фрисландии.

Фарштедтер-Вюрт, по словам Хартманна, представлял собой первоначальный курган высотой около семи футов, к которому в двух последующих случаях были сделаны пристройки. Первоначальный процесс его строительства заключался в том, чтобы сформировать основу из *Кюдюнгера* толщиной в два фута. Поверх этого были насыпаны глина и мусор на протяжении еще двух футов; а затем появились фасциновые конструкции, которые подняли насыпь еще на три фута. Чтобы удержать массу вместе, тут и там до песчаного дна были вбиты сваи. Но вскоре жители обнаружили, что это слишком низко, чтобы укрыть их от волн и наводнений, поэтому они соорудили пристройку к своему холму, которая подняла его поверхность на десять футов. Но этого было недостаточно, и поэтому была сделана третья надстройка, которая увеличила насыпь еще на шесть футов. На этой высоте его поверхность была бы примерно на двадцать футов выше среднего уровня моря (*нормальный нулевой уровень*), и на этой высоте доктор Хартманн приходит к выводу, что коттеджи были бы вполне безопасными, поскольку самые высокие приливы за всю историю наблюдений, а именно. 4 февраля 1825 года он достиг всего 12 футов 4 дюйма над средним уровнем моря, что оставило бы значительный запас прочности для Fahrstedter Wurth. Конечно, сейчас приливы и отливы никогда не достигают его, так как он защищен морскими дамбами, первая из которых была построена в середине двенадцатого века.

Очень небольшое размышление показывает внутреннюю неправдоподобность теории доктора Хартманна. Откуда первобытные строители могли взять такое количество "Кухдюнгера" для начала? Если "Pascwerk" был сконструирован как цельная масса, как могли его нижние части быть настолько изобилующими столь разнообразными реликвиями и другими предметами человеческого обихода? Более того, диспропорция между первоначальной и окончательной высотой насыпи несовместима с предположением, что последовательные увеличения были просто дополнениями, вызванными непредвиденными обстоятельствами, такими как необычный шторм. Три платформы с соответствующим им рядом вертикальных свай, слоистый ассортимент строительных материалов и расположение реликвий и *обломков* его обитателей, разбросанных по всему кургану, на мой взгляд, необъяснимы с точки зрения какой-либо другой гипотезы, кроме того, что мы имеем здесь остатки свайных жилищ, последовательно возведенных одно над другим, в точности похожих на уже описанный терремар. Более вероятный *способ действия* состоял в том, чтобы в первую очередь построить ограничивающую насыпь из глины, варьирующуюся по размеру в зависимости от численности племени или семьи, за которой коттеджи были построены на платформах, опирающихся на сваи. Когда подземные пространства стали заполняться скопившимися *обломками* людей и крупного рогатого скота, а также всем прочим хламом, оставшимся от постоянного проживания, процесс повторялся снова и снова, пока вся огороженная территория в течение нескольких столетий не превратилась в плоскую насыпь или остров в пределах приливного берега.

Пятая лекция.

ЖИЛИЩА У ОЗЕР Великобритании И ИРЛАНДИИ.

I.—ИРЛАНДСКИЕ КРЭННОГИ.

Впервые внимание общественности к ирландским крэнногам было привлечено сэром У. Уайльдом в 1839 году. Похоже, что в начале этого года любопытство доктора Петри было возбуждено частыми визитами местного торговца, предлагавшего на продажу предметы, имеющие более или менее археологическую ценность, которые, по его словам, были найдены на торфяном болоте в Даншоглине, в графстве Мит. Выставленные предметы были самого разного характера, и их ассортимент в таком месте казался настолько странным, что доктор Петри решил посетить это место. Соответственно, он и хирург Уайлд (впоследствии сэр У. Р. Уайлд) отправились в Уэст-Мит на поиски таинственной находки, и их провели к торфяному болоту Лагор, недалеко от деревни Даншоглин. Здесь, в пределах осушенного озера, они обнаружили искусственную насыпь, полностью заросшую торфом, затем частично обнаженную торфорезами. Наведя справки о происхождении этого кургана, они узнали, что он был хорошо известен собирателям костей более десяти лет и что уже 150 телег костей были выкопаны и отправлены в Шотландию на удобрение. В целом находка была признана очень важной, и два антиквара договорились, что Петри напишет описание древностей, в то время как Уайльд ограничится анализом останков животных.

Согласно мистеру У. Ф. Уэйкману,^[71] похоже, что доктор Петри немного завидовал энтузиазму хирурга Уайльда к археологии и, соответственно, хотел ограничить сферу его исследований. Статья Уайльда, озаглавленная "Об останках животных и предметах старины, недавно найденных в Даншоглине", была зачитана на заседании Ирландской академии 27 апреля 1840 года, и она является уникальной и, возможно, подтверждает предположение Уэйкмана, что, за исключением двух выдержек, касающихся положения и структуры кургана, в Материалах сообщается только абстрактно. Я привожу здесь эти выдержки как наиболее авторитетное из ныне сохранившихся описаний этого замечательного обитателя озера:

ЛАГОР Или ДАНШОГЛИН.

"Примерно в миле к востоку от деревни Даншоглин, на городской территории *Лагор*, недалеко от края "вырезанного" черного болота, находится круглая насыпь, слегка возвышающаяся над окружающей равниной, ее самая высокая центральная часть находится примерно на восемь футов над краем, а окружность насыпи составляет 520 футов. По кругу протекает небольшой ручей, и все болото, в котором он расположен, занимает небольшую впадину примерно в полторы мили в окружности, ограниченную возвышенными пашнями и пастбищами. На памяти некоторых старых жителей по соседству, это болото было покрыто водой большую часть года, и так неизменно бывает зимой вплоть до настоящего периода. На одном из полей, примыкающих к кургану, до сих пор сохранился большой пруд. Несколько лет назад рабочие, расчищая русло ручья, обнаружили несколько костей, торчащих из его берегов; а в мае 1839 года количество костей, найденных в стоке, было так велико, а их ценность так хорошо известна, что было проведено дальнейшее исследование, когда было обнаружено, что большая часть насыпи состоит из останков животных, помещенных туда следующим образом:

"Окружность круга была образована вертикальными столбами из черного дуба высотой от 6 до 8 футов; они были врезаны в балки из аналогичного материала, уложенные плашмя на мергель и песок под болотом и почти на 16 футов ниже нынешней поверхности. Вертикальные столбы скреплялись соединительными поперечными балками и крепились

большими железными гвоздями; аналогичным образом были найдены части второго верхнего яруса столбов, опирающиеся на нижние. Заключенное таким образом пространство было разделено на отдельные отсеки перегородками или перегородками, которые пересекали друг друга в разных направлениях; они также были сформированы из дубовых балок, находящихся в отличной сохранности, но соединенных вместе с большей точностью, чем первые, и в некоторых случаях их стороны были рифлеными или зазубренными, чтобы между ними можно было вбивать большие панели. Внутренности образованных таким образом камер были заполнены костями и черной болотистой землей, а в некоторых местах груды костей возвышались на высоту не более фута от поверхности. Обычно обнаруживалось, что останки каждого вида животных были размещены в отдельных подразделениях, практически не смешиваясь с какими-либо другими; и предметы старины и т.д. Были найдены вместе с ними без какого-либо порядка или регулярности, но по большей части вблизи дна". (Б. 4, с. 420.)

Из аннотации к статье Уайльда я нахожу, что среди костных останков были представлены следующие животные: — несколько разновидностей быков, свинья (меньшая разновидность, чем сейчас разводят в Ирландии), лошадь, осел, обыкновенный олень и лань, коза, *один череп четырехрогой овцы*, крупный вид из племени борзых, вероятно, ирландский волкодав, и лиса. Также было обнаружено несколько птичьих костей, скорлупа моллюсков и букцидум, а также большое количество разбитой скорлупы лесных орехов. Почти в центре кучи и на расстоянии 2 футов от поверхности были найдены два человеческих скелета, лежащих в длину, без какого-либо окружающего деревянного или каменного гроба. Из-за предрассудков крестьян эти кости пришлось перезахоронить. Далее в отчете говорится: —

"Древности, найденные в этом месте, можно разделить на воинские, кулинарные и декоративные. Они состояли из *железных мечей* разной длины, с прямыми краями и угловатыми заострениями и имели сходство с древнеримскими мечами. Было найдено очень много ножей различных форм и размеров, с железными лезвиями для копий и кинжалов, а также частью выступа или центрального украшения щита; но *никакого медного оружия* какого-либо описания. На мергеле, у подножия ограды, были найдены две кверны, или древние мельницы для измельчения зерна; точильные камни, железные цепи, железный топор, медный горшок и три маленькие медные чаши самой изящной формы и работы; несколько предметов, в точности напоминающих миниатюрные сковородки диаметром около трех дюймов (возможно, курильницы для благовоний); круглые диски из обточенной кости, дерева и сланца, подобные тем, которые предположительно использовались на конце прялки; маленькие ножницы, похожие на современные ножницы для стрижки овец; медные, костяные и железные булавки из от 4 до 6 дюймов в длину, первые очень красивой конструкции; броши и части пряжек, содержащие кусочки эмали и мозаики; браслеты; деревянные (тисового дерева) гребни, зубочистки, травинки и другие предметы туалета. Некоторые из этих изделий демонстрируют необычайное совершенство искусства того периода, когда они были построены.

Рис. 102.—Лагор. Резная кость, демонстрирующая некоторые рисунки в натуральную величину.

Подобным же образом была найдена очень любопытная кость (**рис. 102**), которую выставили на всеобщее обозрение, с рядом вырезанных на ней приспособлений, словно для практики в гравировке; эти приспособления состояли из свитков и знаков, в точности похожих на те, что были найдены на древних ирландских крестах, орнаментах и надгробиях. В раскопках не было найдено ни крестов, ни четок, ни *христианских* священных украшений, но в одном месте на дне было найдено несколько распиленных поперек оленьих рогов, а также куски орешника в большом количестве, как будто заготовленные на дрова. Некоторые из экспонируемых предметов сейчас принадлежат коллекции декана колледжа Святого Патрика, но большее количество было отправлено для осмотра Академии мистером Барнуоллом из Греннанстауна, на территории которого была сделана находка и которому мистер Уайлд был обязан костями и разрешением проводить любые исследования, которые ему могли потребоваться".

Покойный лорд Талбот де Малахайд, написавший в *"Археологическом журнале"* за июнь 1849 г. (Б. 10, стр. 101), говорит по поводу находки в Лагоре:

Большая часть этих ценных реликвий стала собственностью покойного доктора Доусона, настоятеля монастыря Святого Патрика; а после его кончины были приобретены вместе с остальными его ирландскими древностями и подарены Музею Королевской ирландской академии. Хирург Уайльд также подарил тому же учреждению ценную коллекцию костей, найденных в той же местности. Мистер Барнуолл, владелец земли, все еще владеет некоторыми остатками этого сокровища после того, как оно было в значительной степени разграблено нечестными слугами; и теми образцами, которыми я располагаю, изображения некоторых из которых приведены в качестве иллюстрации к этой статье, я обязан щедрости и доброте того же джентльмена".

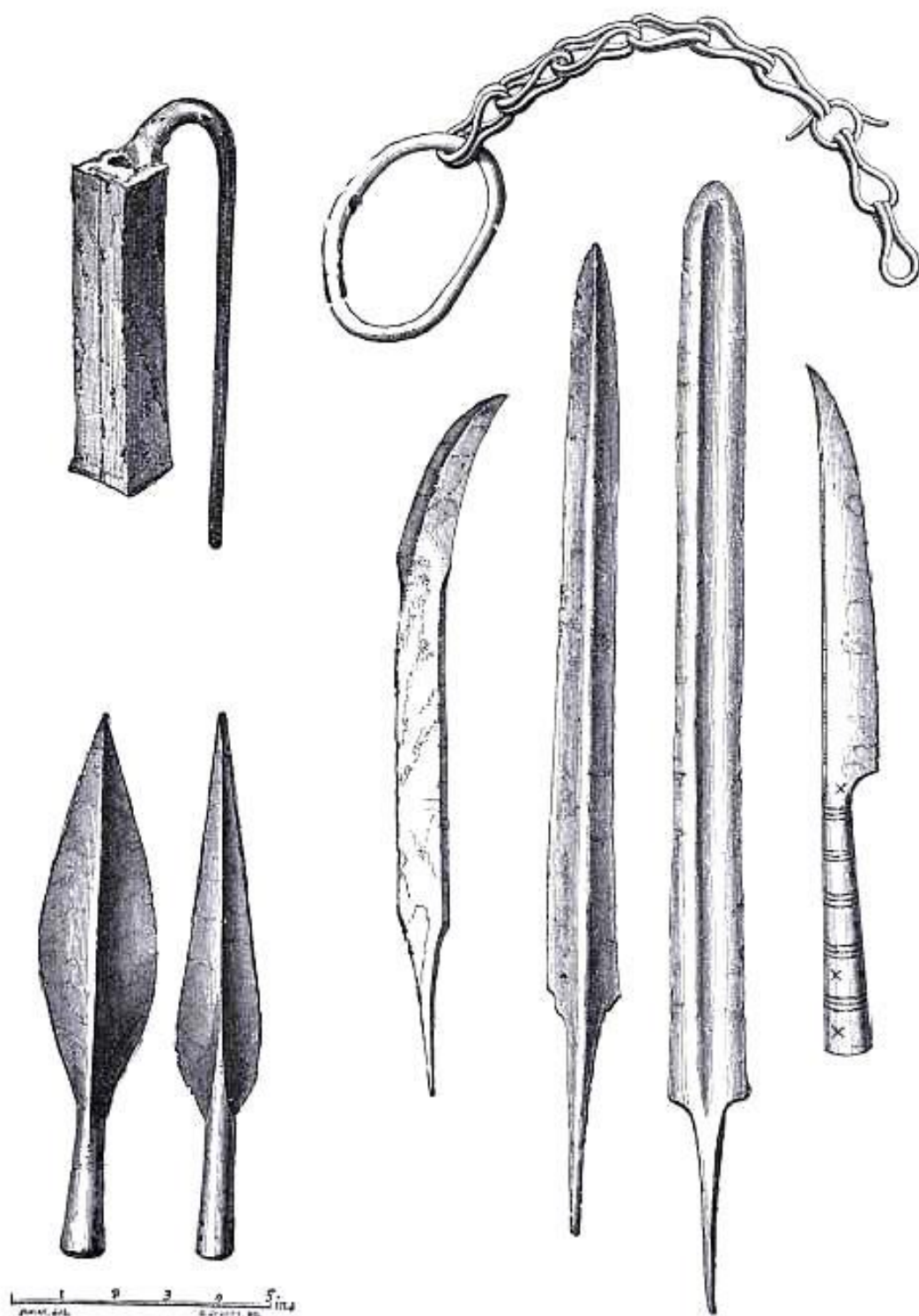

Рис. 103.—Лагор. Железное оружие, своеобразная Железная Труба и Кольцо с прикрепленной к нему частью Цепи.

Следующий список включает различные древности из Лагора, находившиеся в то время во владении лорда Тэлбота, и был представлен членам Института на ежемесячном собрании 2 февраля:—

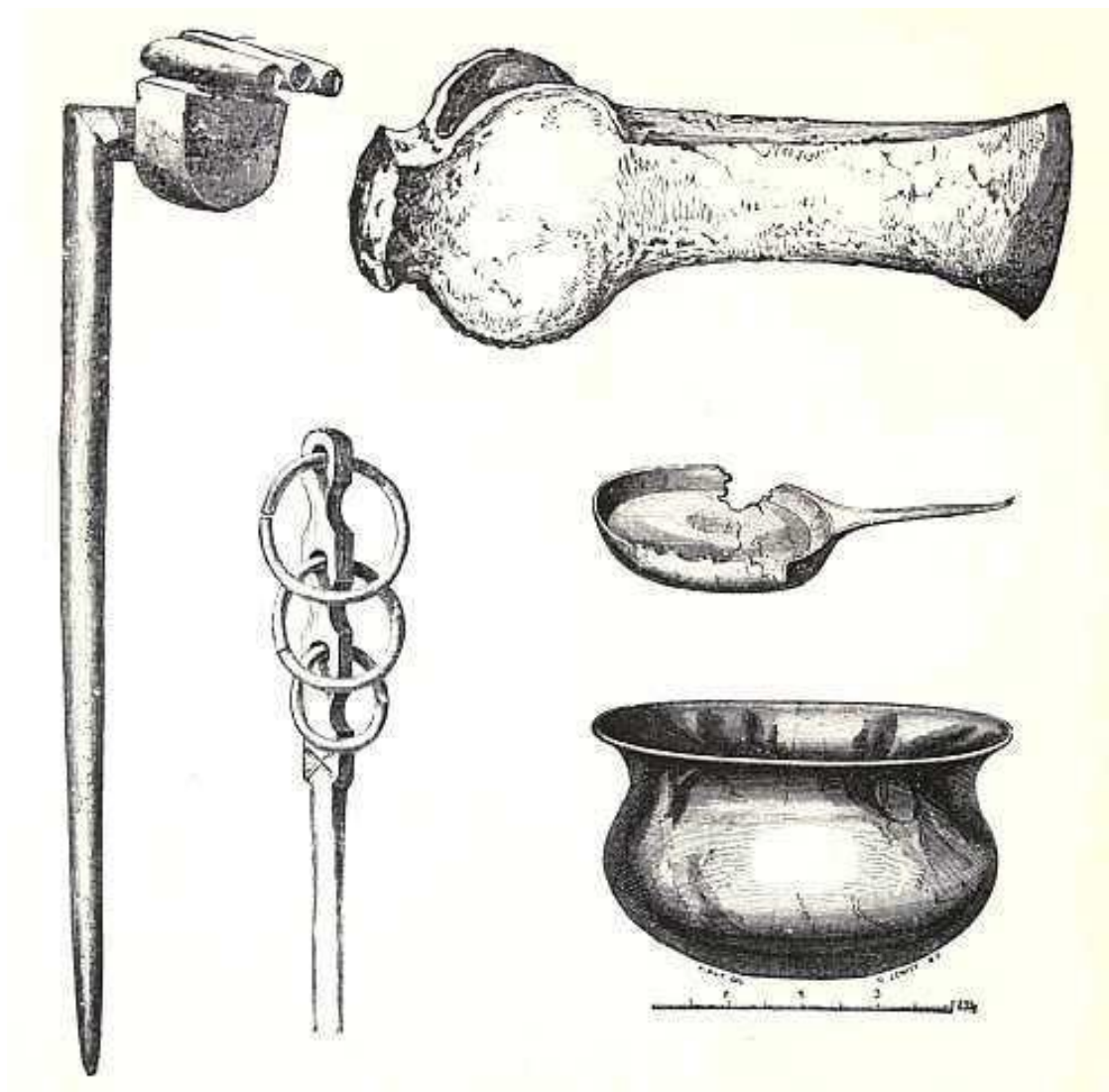

Рис. 104.—Лагор. Два бронзовых штыря ($\frac{1}{4}$), Бронзовая чаша, Ковш и Железный топорик.

Предметы из железа.— Два обоюдоострых меча, один размером 22 с половиной дюйма, включая выступ, проходящий через рукоять; лезвие длиной 18 с половиной дюймов и шириной $1\frac{3}{8}$ дюйма имело широкую неглубокую канавку по всей длине. Другой клинок меча имеет длину 15 с половиной дюймов и имеет центральный выступ. Лезвие, изогнутое к острию, в некоторой степени напоминающее некоторые восточные виды оружия; только изогнутая часть имеет режущую кромку с обеих сторон; длина $13\frac{1}{4}$ дюйма, а ширина изогнутой части 1 дюйм. Два наконечника для копий, прекрасно сохранились и очень острые; длина 10 дюймов. Своеобразное оружие с одним лезвием, напоминающее глефу простейшей формы, но небольшого размера, лезвие длиной всего 8 дюймов. Железный наконечник топора длиной 7 дюймов. Своеобразная железная труба. (См. стр. 431.) Железный ковш. Железное кольцо с частью цепного наручника ([рис. 103](#) и [104](#)).

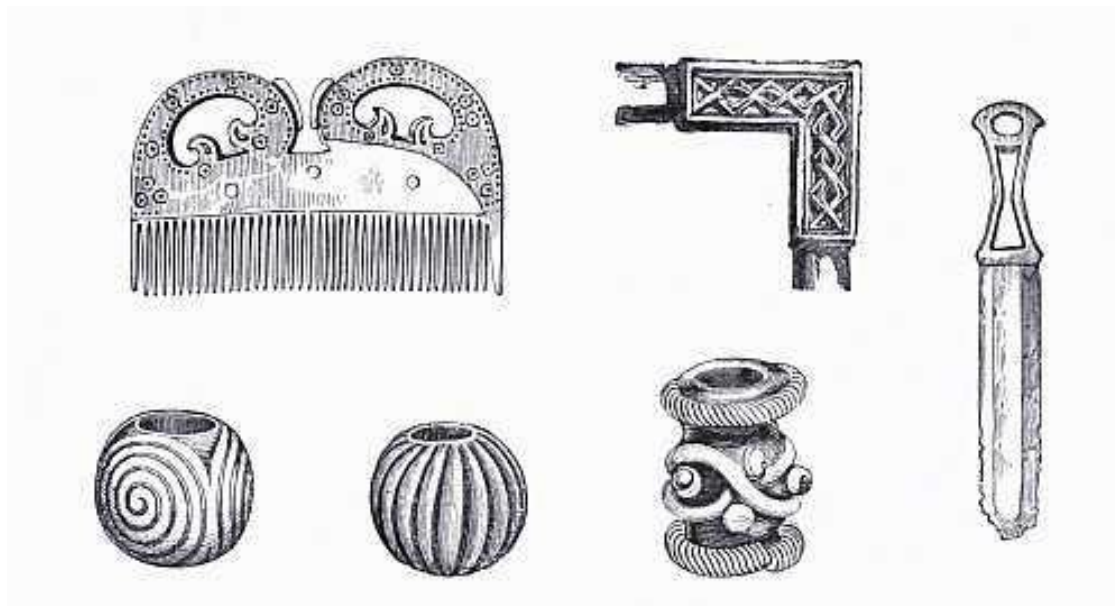

Рис. 105.—Лагор. Украшенный костяной гребень ($\frac{2}{3}$), часть бронзового предмета с переплетениями, бронзовый кинжал длиной $9\frac{1}{2}$ дюйма и 3 бусины.

Бронза.—Маленькая чаша диаметром 5 с половиной дюймов, высотой 3 дюйма. Три армиллы грубой формы. Часть бронзового орнамента с эмалевой обработкой и изысканной отделкой. Часть кольцевой малоберцовой кости с расширенными и плоскими концами, между которыми проходит острие. В металле есть полости, в которые, по-видимому, была инкрустирована эмаль или какой-то другой орнамент. Часть предмета с переплетенным орнаментом (**рис. 105**) неизвестного назначения. Несколько бронзовых булавок различной формы и размера, от 3 до 6 дюймов в длину. Четыре из них имеют подвижные кольца, прикрепленные к одному концу вместо головки. Другая булавка имеет головку очень необычной формы, как показано на прилагаемом изображении, того же размера, что и оригинал (**рис. 104**).

Кость.—Две костяные иглы или проколы на концах, длиной от $2\frac{1}{2}$ до $3\frac{1}{2}$ дюймов. Костяной гребень с двумя зубьями, грубо украшенный линиями и концентрическими кругами, размером $3\frac{1}{2}$ на $2\frac{1}{2}$ дюйма.

В апреле 1887 года, благодаря любезности и помощи нынешнего лорда Талбота де Малахайда, я имел удовольствие осмотреть большинство из вышеописанных предметов, которые до сих пор находятся в надежном месте среди художественных сокровищ замка Малахайд. Иллюстрации большинства из них приведены на **рис. 103** и **104**.

Предметы из Лагора, которые поступили в Музей Ирландской академии, вместе с предметами из коллекции Петри (ныне принадлежащей Академии), находятся в таком беспорядке из-за отсутствия отличительных меток и несоответствия номеров на предметах номерам в официальном каталоге, что, несмотря на несколько визитов в музей с явной целью идентифицировать и выделить некоторые останки крэннога, я не смог существенно дополнить те, что уже проиллюстрированы.

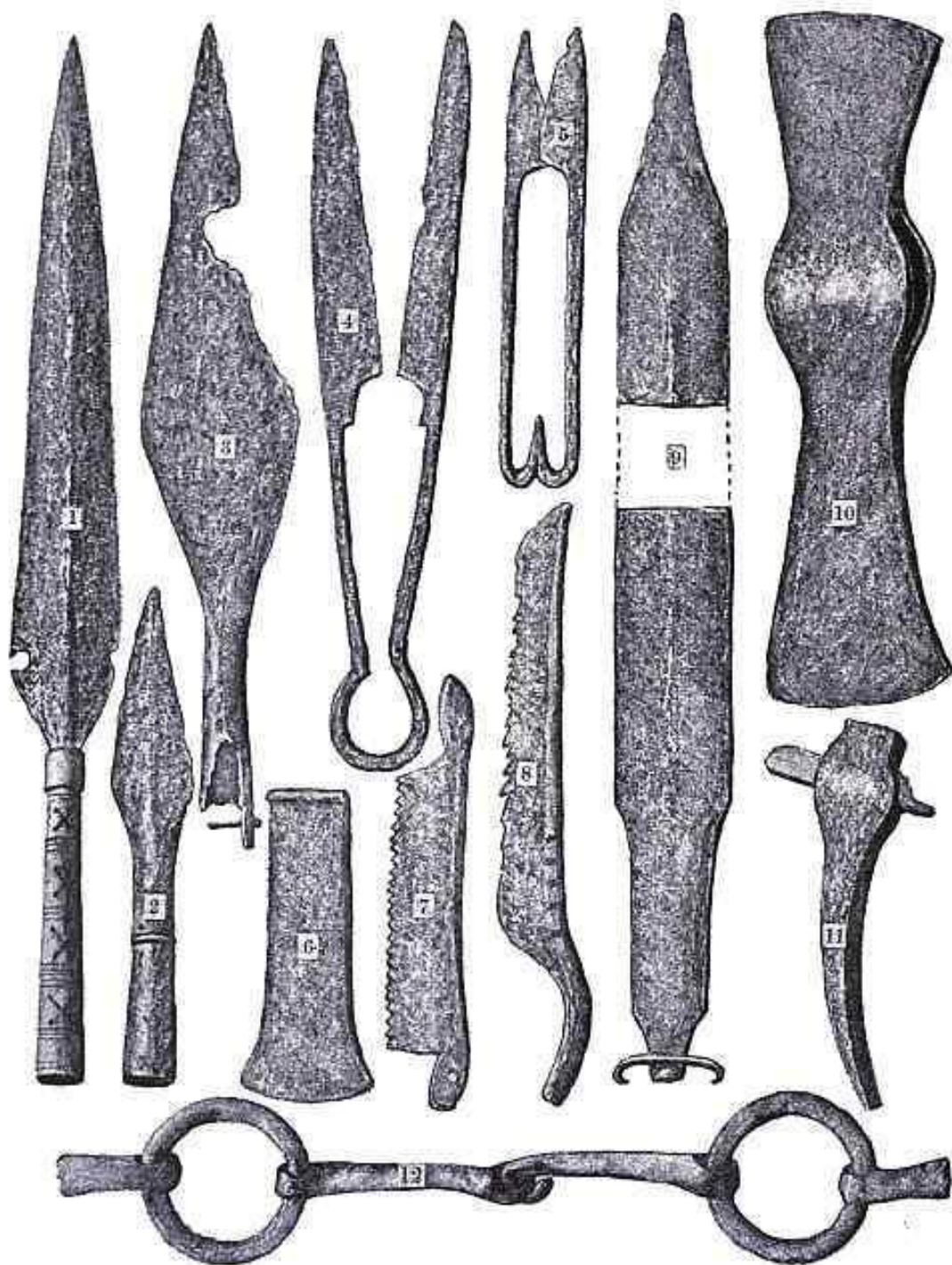

Рис. 106.—Лагор. Железные орудия труда и оружие. Все $\frac{1}{3}$ в натуральную величину. В

С любезного разрешения совета Королевской ирландской академии я имею возможность использовать несколько гравюр на дереве из каталога Уайльда, иллюстрирующих предметы из Лагора. Это: — Верхушка булавки, украшенная тремя подвижными кольцами (рис. 104), декоративный костяной гребень, бронзовый кинжал и три бусины (рис. 105). Ребристая бусина непрозрачная, со следами светло-зеленого лака, и почти идентична бусинкам, найденным в шотландских крэнногах. Другой - длиной в дюйм с рельефным орнаментом белого цвета на темно-синем фоне.

Объекты, представленные на рис. 106, я идентифицировал с помощью мистера Уэйкмана как происходящие из одной и той же примечательной местности. Все они сделаны из железа

и составляют треть натурального размера, и их легко распознать как инструменты и оружие обычного использования.

В отношении исторических заметок Лагора сэра У. Р. Уайльд пишет следующее:—

"Поскольку самым ранним обнаруженным и исследованным кранноджем в наше время был краннодж в Лагоре, недалеко от Даншоглина, графство Мит, поэтому, обратившись к источникам, мы обнаруживаем, что он упоминается первым. Говорят, что озеро Лох-Габхэр было одним из девяти озер, образовавшихся в Ирландии в 3581 году ("Анналы четырех мастеров"; см. также "Священный акт" Колгана, стр. 422, № 14). В 848 году нашей эры мы читаем, что Чинаэд, сын Конаинга, лорд Чианахта-Бреага в Мите, отправился с большим отрядом чужеземцев и разграбил Уи-Нейлл от Съонайнна (Шаннона) до моря; "и он разграбил остров Лох-Габор, а затем сжег его, так что он сравнялся с землей. А в старом переводе "Анналов Ольстера", Codex Clarendensis, этот отрывок переводится так: "И разрушите остров Лох-Гавар до самого дна". Опять же, в 933 году н.э. тот же источник сообщает нам, что "Остров Лох-Гавар [был] разрушен Аулайвом О'Хивейром", а пещера Ноут на реке Бойн была разграблена во время одной из скандинавских мародерских экспедиций, которые тогда беспокоили королевство. Таким образом, у нас есть доказательства того, что Лагор-краннодж был заселен более тысячи лет назад". (Б. 18, с. 229.)

ОБНАРУЖЕНИЕ ДРУГИХ CRANNOGS.

Сэр У. Уайлд утверждает, что через несколько месяцев после открытия Лагора был обнаружен остров, "искусственно сформированный из древесины и торфа", при опускании воды озера Рауан, недалеко от Данганнона, на котором были обнаружены "многочисленные фрагменты древней керамики и костей, несколько бронзовых наконечников копий" и верхний декоративный камень кверн. Другие открытия аналогичного характера последовательно отмечаются как сделанные в различных других местах. При опускании вод озера Лох-Гур, графство Лимерик, обнажился остров, откуда, как говорят, время от времени извлекали обширную коллекцию костей и огромное количество предметов старины. Среди последних наиболее интересна каменная форма (рис. 107) для бронзовых наконечников копий.^[72] В 1845 году мистер Ширли в своем "рассказе о королевстве Фарни" (Б. 8, с. 94) описывает другой кранног, который был обнаружен двумя годами ранее, как представляющий собой "остров, где когда-либо жил Мак Кули". "Фундаменты, - пишет мистер Ширли, - этой древней резиденции были обнаружены осенью 1843 года на глубине семи футов под нынешней поверхностью земли, на маленьком острове Лисаниск, а на два фута ниже нынешнего уровня воды в озере был найден двойной ряд свай, утопленных в иле; они были сделаны из молодых деревьев диаметром от 6 до 12 дюймов, покрытых корой. Территория, огороженная этими сваями, по которой мы можем судить о размерах дома, составляла 60 футов в длину и 42 фута в ширину". В следующем году тот же автор описывает два других озерных жилища в том же районе, одно в Лейк-Моналти, а другое в Лох-на-Глаке, на которых, как говорят, были найдены следующие реликвии:

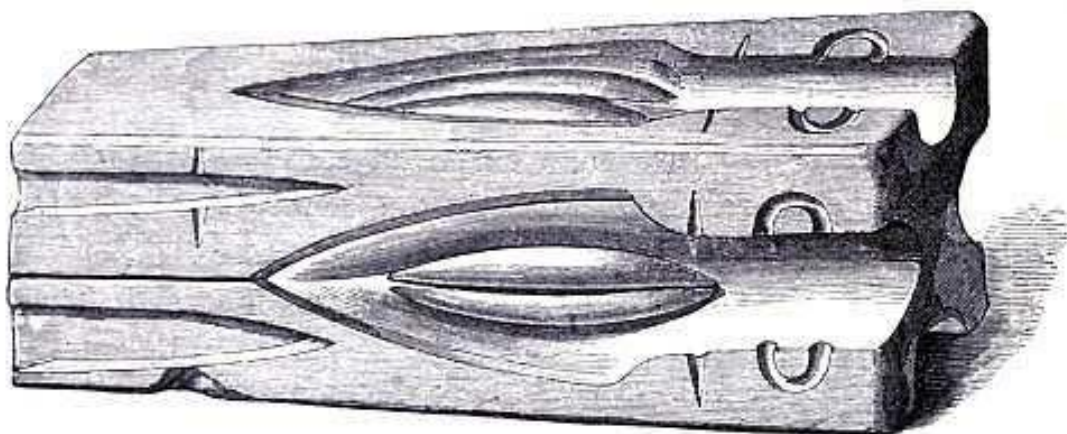

Рис. 107.—Лох-Гур. Форма из камня, 6½ x 2½ x 1½ дюйма.

"В одном из них были найдены три бронзовых кельта с петлями по бокам и остатки посоха; очень совершенный маленький бронзовый кинжал длиной в один фут; два бронзовых наконечника стрел с обоюдоострыми концами; бронзовая выемка или долото, редко встречающиеся в Ирландии; наконечник бронзового охотничьего копья; часть бронзового меча или кинжала; бронзовый наконечник, по-видимому, конец деревянной рукояти какого-то оружия; бронзовая рукоятка дротика или копья с прикрепленной петлей; выступ бронзового щита; бронзовый нож, который, по-видимому, был использован в качестве орудия убийства. позолоченный; бронзовый нож или кинжал длиной 10½ дюймов; меньший размером 7 дюймов в длину; бронзовый болт с петлей длиной 16½ дюймов - он был найден торчащим в грязи недалеко от острова Лох-на-Глак; другой, длиной 12 дюймов, впоследствии был найден на самом острове. Из бронзовых украшений, найденных на этих островах, есть следующие: несколько бронзовых колец разного размера, два из них с поперечными отверстиями для пружин, другие полые и, вероятно, части доспехов или конской сбруи; две бронзовые иглы, одна из них с целым ушком; бронзовая булавка с головкой, выдолбленной в виде чашки и имеющей поразительное сходство с концами золотых украшений, часто встречающихся в Ирландии; несколько бронзовых булавок, похожих на современные булавки для рубашки; части нескольких бронзовых фибул или брошей с фрагментами нескольких бронзовых инструментов, заклепок и т.д.; маленький круглый бронзовый колокольчик, похожий на колокольчик для овец. ; три бронзовых ключа для арфы разных размеров. Из других украшений, найденных на острове Лох-на-Глак, я могу особо упомянуть несколько янтарных и голубых стеклянных бусин, три костяные булавки и гребень, по-видимому, из слоновой кости. Из железных инструментов был найден железный кинжал с рукоятью 15 дюймов; несколько железных сошников от плугов очень примитивной формы длиной 7 дюймов; части железных инструментов, назначение которых невозможно определить; длинный ружейный ствол длиной 3 фута 8 дюймов, кажется, такого типа, который раньше назывался калливер; часть замка пистолета; также было найдено много крупных свинцовых пуль. Я могу добавить к этому списку пару черных камней, найденных на острове Моналти; немного горелой кукурузы; остатки грубо разбитых глиняных сосудов и осколки толстого темного стекла; глиняный горшок в форме шляпы; еще один голландского производства с изображением мужской головы под носиком, использовался в Ирландии в семнадцатом веке и назывался "седобородый"; несколько маленьких голландских табачных трубок; ограненные овальные камни, очевидно, предназначенные для растирания в ступках; несколько круглых камней с отверстиями в центре, часто встречающихся среди древних останков и считающихся в Ирландии принадлежащими древнему ремеслу. прялки; также

несколько камней или точилок различных форм и размеров для заточки оружия и инструментов; латунный жетон, почти стертый, вероятно, времен правления Карла II". (Б. 9, с. 44.)

В 1845 году, когда озеро Корквиви, графство Тайрон, было осушено, мистер Бернсайд обследовал его кранног, когда среди его останков были обнаружены следующие предметы: Пара бронзовых и железных наручников, декоративный гребень из кости, части музыкального инструмента, наконечник стрелы, наконечник копья и каменный молоток.^[73]

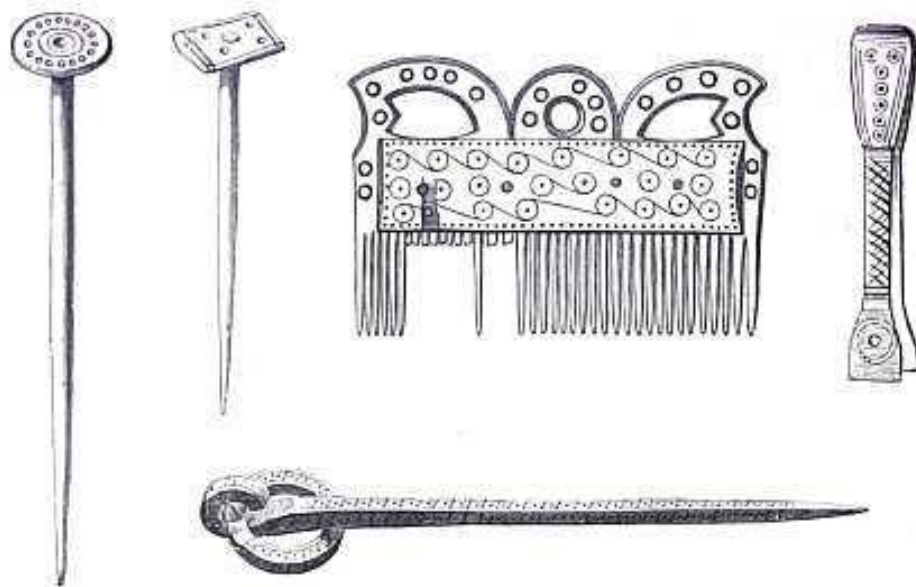

Рис. 108.—Баллиндерри. Костяной гребень ($\frac{2}{3}$), 3 костяные булавки длиной $3\frac{1}{2}$, $4\frac{1}{2}$ и $5\frac{1}{2}$ дюйма и бронзовый пинцет ($\frac{1}{2}$).

Рис. 109.—Баллиндерри. Каменные амулеты.

БАЛЛИНДЕРРИ.

Примерно в то же время стало известно о кранноге в Баллиндерри-Лох, недалеко от Моута, графство Мит, где, по-видимому, было найдено большое количество костей и предметов старины, а также одно или два каноэ. Судя по количеству предметов, находящихся сейчас в Музее Королевской ирландской академии и в частных коллекциях, которые, как утверждается, были найдены в этом кранноге, это, должно быть, было необычайно богатое хранилище реликвий, обитавших в озере; однако, как ни странно, сэр У. Уайльд отвергает эту тему, заявляя, что он был обязан мистеру Хейсу из Моута за описание находки вместе с планом и картой местности. По этому поводу мистер Грейвс, писавший еще в 1883 году, делает следующие замечания:

Рис. 110.—Баллиндерри. Костяные булавки с надписями. Реальный размер.

"В этом озерце был большой кранног, окруженный частоколом из дубовых свай. Вокруг этого места и на кранноге было найдено огромное количество рогов благородного оленя и костей оленей, быков, овец и других животных, которые продавались как навоз. На кранноге, в нем и вокруг него также была найдена огромная и разнообразная масса предметов археологического характера, некоторые из которых попали в руки различных

коллекционеров, а некоторые, я полагаю, находятся в Музее Королевской ирландской академии (рис. 108 и 112), но, к сожалению, не сохранилось никаких записей или связного отчета об этом великом кранноге или его находках. Среди деревянных предметов, которые раздобыл мистер Браун, была часть древней арфы. Булавки и амулеты, выставленные по упомянутому случаю, с тех пор были выгравированы, и теперь я описываю их, начиная с амулетов (рис. 109), которые здесь выгравированы по фотографиям в натуральную величину". (Б. 391, с. 196.)

Рис. 111.—Баллиндерри. Костяные булавки с надписями. Реальный размер.

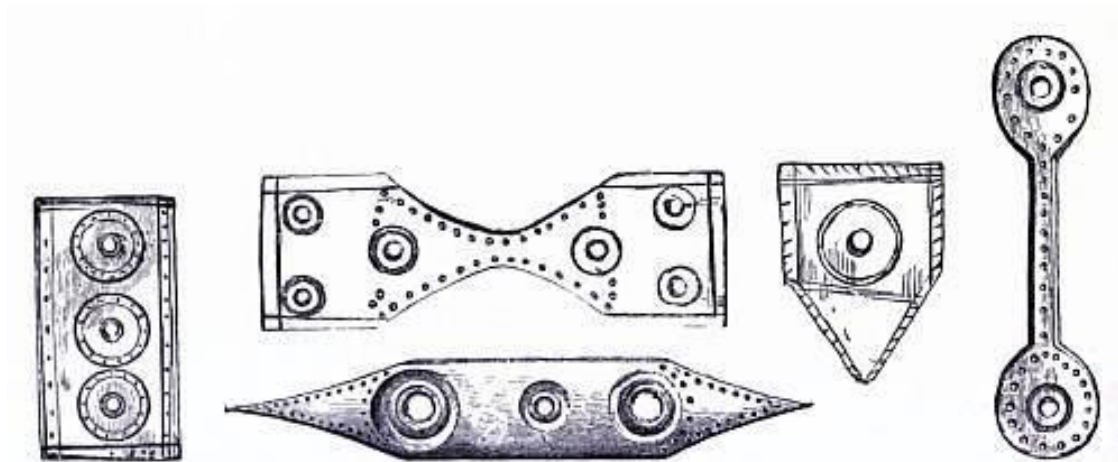

Рис. 112.—Баллиндерри и Строкстаун. Костяные предметы. Все $\frac{2}{3}$ в натуральную величину.

Мистер Грейвс предполагает, что любопытные зарубки на этих булавках имеют природу огамского и рунического письма ([рис. 110](#) и [111](#)), но специальные специалисты, исследовавшие их, не поддерживают эту теорию. Более того, я сомневаюсь в подлинности как булавок, так и амулетов.

ЛОХ ФОЭН.

Преподобный Чарльз Арчболд, автор кранного в Лох—Фауне, графство Даун, говорит:

Рис. 113.—Лох-Фоган.

Глиняный кувшин,
13 дюймов высотой.

"Я обнаружил, что остров был в значительной степени, если не полностью, искусственным. Там были большие колья, вбитые в землю и полностью ограждавшие пространство внутри, но не возвышавшиеся над поверхностью, чтобы образовать частокол, но, очевидно, для того, чтобы предохранить почву от проникновения воды. Традиция, касающаяся этого, гласит, что на противоположном берегу стоял замок, вождь которого превратил этот остров в убежище от внезапных нападений О'Нилов; и чтобы сделать это убежище более безопасным, он никогда не пускал на озеро больше одной лодки или каноэ. Во время осушения озера

несколько лет назад недалеко от острова было найдено каноэ, сделанное из цельного куска дуба." В этом ящике был найден кувшин превосходной работы (**рис. 113**). (Б. 18, с. 224.)

ОТКРЫТИЯ, СДЕЛАННЫЕ ЗАВОДСКИМ СОВЕТОМ.

Но величайшие открытия были сделаны благодаря работе Комиссии по дренажу артерий и внутреннему судоходству Ирландии, которая выявила не менее двадцати двух дополнительных трещин в графствах Роскоммон, Литрим, Каван и Монаган. Отчеты инженеров Совета по строительству об этих раскопках с планами, картами и разделами наиболее важных (**рис. 114** и **115**), а также собранные на них реликвии были переданы Королевской ирландской академии. К сожалению, эти реликвии сейчас без разбора смешаны с другими ирландскими древностями и практически не поддаются идентификации.

Мистер Малвани, комиссар общественных работ, делает следующие замечания об общих особенностях строительства трещин, с которыми они столкнулись во время этих дренажных работ до 1852 года:—

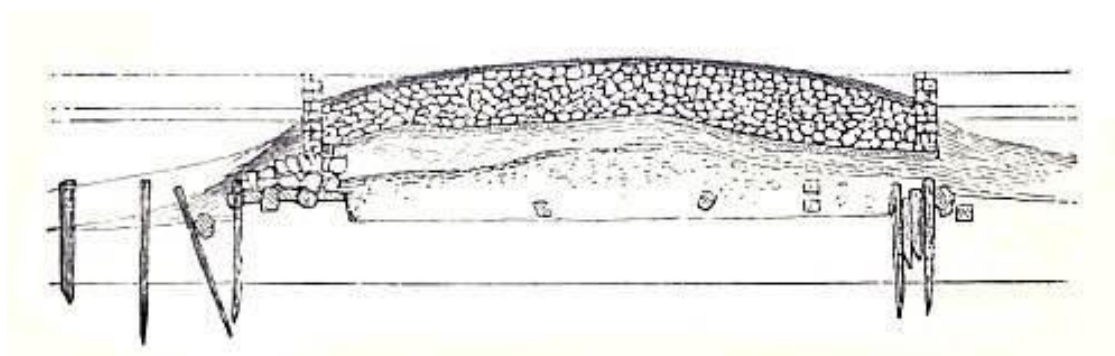

Рис. 114.— Участок Ардакиллен-Кранног, недалеко от Строукстауна.

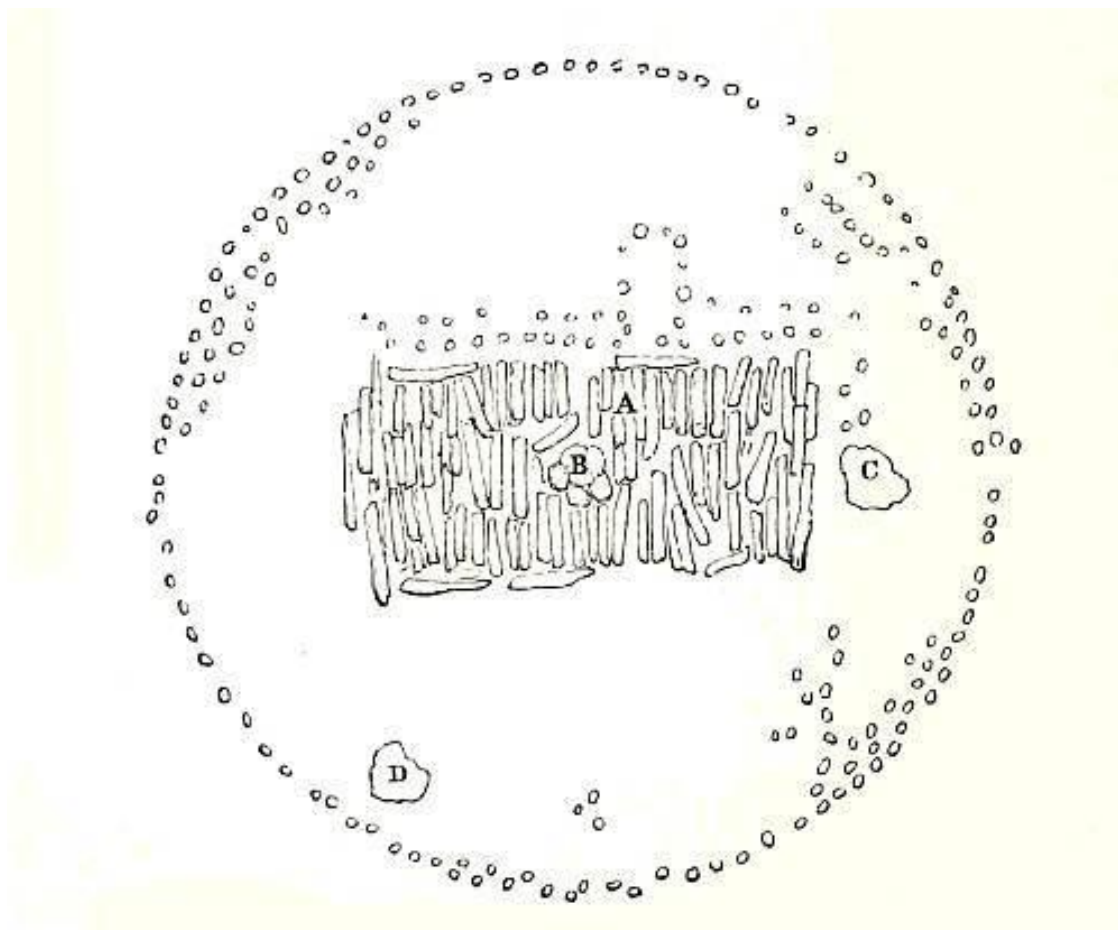

Рис. 115.-План Кранного в Драмалиг-Лох. Внешний круг диаметром 60 футов.

"1. Они окружены кольями, обычно вбитыми по кругу диаметром от 60 до 80 футов; но в некоторых случаях ограждение больше и имеет овальную форму, как, например, ограждение озера Лафтаун, протяженностью 120 футов с востока на запад и 100 футов с севера на юг; и одно из них в Лох-Мак-Хью, протяженностью 118 футов в одну сторону и 74 фута в другую.

"2. Эти внешние кольца обычно изготавливаются из дуба диаметром от 4 до 9 дюймов; иногда вбиваются в один ряд, иногда в два, а в некоторых случаях, как на острове № 1 в озере Драмалиг, кольца расположены в один ряд в некоторых частях острова и в два или тройных ряда или гроздьями в других частях. Остров на озере Лафтаун отличается от других тем, что он окружен массой кольев шириной более 15 футов и довольно наклонен к центру острова.

"3. Части кольев, оставшиеся в земле, очевидно, являются нижними концами молодых деревьев или ветвей больших деревьев, которые были воткнуты вниз так же, как они росли в лесу; более толстый конец направлен вниз и имеет следы топора, которым они были срублены. Следовательно, значительная длина этих кольев должна была выступать над землей; и они, вероятно, могли быть соединены вместе горизонтальными ветвями, переплетенными так, чтобы образовать экран, хорошо рассчитанный на то, чтобы служить укрытием или защитой. Все части кольев, которые находились над землей, были разрушены временем; но те части, которые остались под землей, особенно там, где слой состоит из чистого торфа, обычно очень крепки сердцем и стали такими же черными, как дуб, обычно встречающийся на болотах.

"4. Поверхность внутри огороженного кольями участка обычно покрывается слоем или двумя круглых бревен, нарезанных на отрезки длиной от 4 до 6 футов, поверх которых в большем

или меньшем количестве встречаются камни, глина и гравий. В некоторых случаях, когда основание очень мягкое, как на острове № 2 озера Драмалиг, слои древесины залегают очень глубоко. В других случаях, когда грунт от природы твердый, деревянная платформа ограничена частью острова.

"5. Почти в каждом случае недалеко от центра ограды была найдена куча плоских камней со следами огня на них, которые, по-видимому, служили очагом. На острове № 2 озера Драмалиг было обнаружено три таких очага в разных частях ограждения.

6. На острове или вокруг него обычно находят значительное количество костей, по-видимому, оленьих, черного рогатого скота и свиней; черепа коров длинные и узкие, с очень короткими рогами.

"7. Почти в каждом случае в ограде была найдена одна или несколько пар кверновых камней.

"8. Во многих случаях были найдены куски дубовых рам с вырезанными в них пазами и выступами. Некоторые из них, такие как те, что были найдены на острове № 2 Драмалига, по-видимому, были частями обычной дверной коробки; но другие, такие как те, что были найдены на острове Лох-Скур и в озере Лафтаун, являются частями тяжелой рамы, использование которой не кажется столь очевидным". (Б. 13, Ап., стр. 44.)

БРОДЯГИ ИЗ СТРОКСТАУНА.

Рядом с древним дворцом королей Коннахта находятся три озера, а именно: Клунфрид, Клунфинлаф и Ардакиллен, в каждом из которых одна или две трещины обнажились во время дренажных работ, проводимых Комиссией по строительству.

Следующие предметы старины, найденные в озере Клунфри, были подарены Музею Королевской ирландской академии Алонзо Лоудером, эсквайром (В. 11а, стр. 219):—

"Подкова, сделанная из железа; обломок железа, вероятно, рукоять меча; железный шип для наконечника копья; костяной наконечник копья; костяная булава; две янтарные бусины; бронзовый пинцет; то же самое, сломанный, но из другого материала; бронзовая булава с орнаментированной головкой, на двух сторонах которой вырезаны крест и стрела; очень длинная бронзовая булава с орнаментированным шипом, головкой и кольцом (особенно прекрасный образец); маленькая железная булава с головкой, обмотанной бронзовой проволокой, и маленькая подвеска в виде круглого диска, бивень кабана и пряжка.

Кранног в Клунфинлафе был не менее 130 футов в диаметре и так описан мистером Деннисом Х. Келли (Б. 11, с. 208):

"Он построен на дубовых сваях (многие из них демонстрируют действие огня), вбитых в мягкий мергель на равном расстоянии друг от друга и связанных горизонтальными растяжками, так что вокруг него образуется тройной частокол с интервалом около пяти футов между каждым частоколом. За пределами этого, к северо-западу, находится ряд неправильно расположенных куч, тянувшихся на небольшом расстоянии от островка, и именно рядом с ними было найдено большое месторождение костей. Центр этих частоколов был выложен стволами невысоких дубов, положенными плашмя на мергель и направленными к общему центру, образуя таким образом платформу, на которой был построен сам остров. Когда это было замечено впервые, с острова в озеро, на запад, выступало нечто вроде причала, образованного двойным рядом свай и опор, идущих параллельно, на расстоянии около 8 футов друг от друга, и на которых были плотно уложены горизонтально бревна.

"От этого прохода и частоколов сейчас остались лишь очень несовершенные остатки, так много было сломано и убрано крестьянством.

"Месторождение костей и т. Д. Недалеко от этого острова состояло из костей крупного рогатого скота, оленей, лошадей, свиней, овец, домашней птицы, собак, косуль, как паровых, так и красных, нескольких образцов (в основном сильно сломанных) рогов ирландского лося и одного или двух образцов человеческих останков, а среди них некоторое количество предметов самого разнообразного описания, некоторые из которых, по-видимому, очень древние, а другие - гораздо более позднего времени. Среди них наконечники копий, бронзовые булавки, некоторые тонкой работы, и вряд ли найдутся два совершенно одинаковых по форме. Медная чаша, выкованная из цельного куска; два медных сосуда, сделанные из маленьких кусочков, самым причудливым образом склепанных вместе; брошь прекрасной работы; разнообразные костяные булавки и приспособления; гребни из оленьего рога, очень высокого художественного качества; роговые диски, похожие на фигурки для игры в нарды; ножи, крюки и топоры из железа; мечи и наконечники копий; железный инструмент, похожий на тот, который пекарь использует для запекания буханок в печи, сделанный из листового железа, причудливо склепанный вместе и имеющий в центре круглое украшение с крестом, на котором изображен крест. очевидно, когда-то на нем был арабесковый узор; несколько миниатюрных сковородок и маленький точильный камень; одинарные и двойные бронзовые кольца; одна монета императора Адриана; одна булла папы Павла V. Различные серебряные монеты, в основном Эдвардса, и одна поздняя, Джеймса, 1690 года, и одна серебряная монета, не имеющая рисунка ни в одной коллекции, которую я видел.

"Между островом и разрушенной церковью были найдены два каноэ, выдолбленных из цельных дубов, но ни одно из них не превышало двух футов в ширину; корма одного из них была продырявлена многочисленными отверстиями для шнеков, диаметром около дюйма каждое.

"При исследовании структуры самого острова, которое было произведено путем вырубки траншеи длиной 20 футов и шириной 5 футов, как можно ближе к центру, на глубине около восьми дюймов под поверхностью, покрытой густой травой, растущей в густой плесени, было обнаружено очень плотно уложенное покрытие из валунов неправильной величины. Когда это было снято, обнажился слой черной земли, сквозь который время от времени проглядывали фрагменты костей свиней, домашней птицы, овец, крупного рогатого скота и оленей; и примерно в шести дюймах под этим обнаружился значительный слой обожженной земли с несколькими дюймами необожженной глины под ним. Затем шел второй очень плотно уложенный тротуар из крупных камней с плоской поверхностью, под которым чередовались слои черной земли, обожженной глины и мергеля, доходившие до бревенчатой платформы и перемежавшиеся, как и тот, что над ней, редкими костями и фрагментами костей; несколько человеческих останков, а именно. один череп и части еще нескольких были обнаружены на внешнем краю. Ни гробового камня, ни сундука, ни других останков из захоронения.

Рис. 116.—Клунфинлаф.

Бронзовое блюдо, 7½ дюймов
в ширину, украшенное внутри.

Среди этих реликвий - ножи, *некоторые из которых вышли из строя при ковке*; расчески в незавершенном состоянии, олени рога, распиленные на шлифовальном станке, и стружка, как будто *оставшаяся после токаря*. Все это наводит меня на мысль, что, кем бы ни были его первоначальные обитатели, в более поздние времена маленький остров оглашался деловитым шумом промышленности и что кузнецы, жаровни, гребенщики и токари там вели оживленное ремесло и иногда проводили свой досуг за изготовлением симпатичных игрушек, подобных крошечному ведерку для посуды, находящемуся во владении почтенной хозяйки Строкстауна, аккуратность отделки которого не порочила бы наших лучших современных краснодеревщиков. Он выточен из дуба и обит латунью, высотой четыре с половиной дюйма и диаметром четыре дюйма. Изначально была пара, но одна, к сожалению, сломалась".

Из Клунфинлафа в музей Ирландской академии попали только следующие реликвии:—

"Маленькая латунная чаша (вероятно, **рис. 116**), железный крючок для клювы, длинный железный наконечник копья, железные ножницы, большой зуб, обломок заточного камня, бронзовая булавка с орнаментированной головкой и кольцом, бронзовая булавка с кольцом, маленькая бронзовая булавка с перфорированной головкой, маленькая бронзовая булавка и кусок толстой проволоки, костяная игла и булавка". (*Протокол R. I. A.*, том v., Ар., стр. 61.)

Однако значительная коллекция из того же места нашла надежное пристанище в Британском музее, наиболее интересные экспонаты которого проиллюстрированы здесь (**рис. 117**).

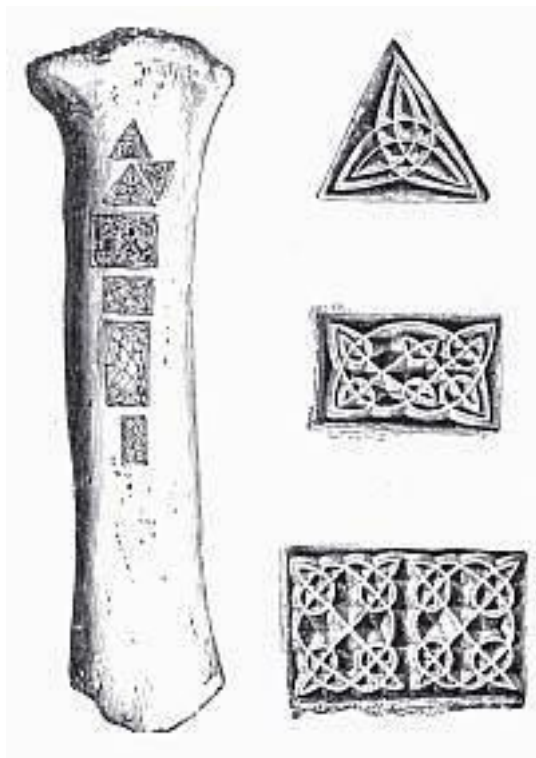

Рис. 118.—Строкстаун. Резная кость, 8½ дюймов длиной. Показаны 3 из устройств в натуральную величину.

"Большая бронзовая булавка с орнаментом и кольцом, бронзовая булавка со сплошной орнаментированной головкой, пять маленьких бронзовых булавок, бронзовая или латунная булавка для арфы, бронзовый крючок, две костяные иглы, два костяных копья, большой зуб, обломок оленьего рога, кусок заточенного камня, кусок каменного кольца, маленький кусочек круглой палки, маленькое серебряное украшение, железный топорик с рукояткой, железная выемка, железное лезвие ножа, часть железной петли и большой гвоздь с шипом, деревянный обруч и совок, а также сверток, содержащий часть деревянного обруча, пепел разных видов, фрагмент погребальных урн, кости и зубы животных, старые железные гвозди, лезвия ножей и т. Д." (*Протокол R.I.A.*, т. v., Ар., стр. 61.)

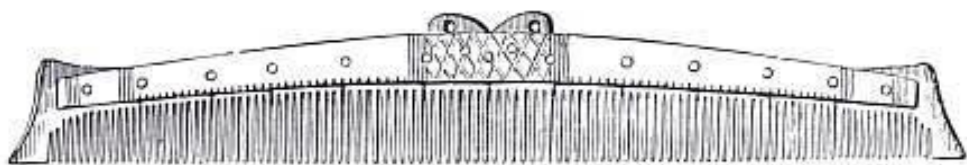

Рис. 119.—Строкстаун. Костяной гребень длиной 10 дюймов.

Рис. 120.—Ардакиллен. Бронзовая брошь с позднекельтским орнаментом ($\frac{1}{4}$).

Рис. 121.—Лох Скур.
Каменная форма для
отливки бронзовых кельтов,
длиной $7\frac{1}{2}$ дюймов.

Среди реликвий из этих журналов, иллюстрированных в каталоге Уайльда, я нахожу следующее в дополнение к уже приведенным. Кость с резными узорами переплетенной работы ([рис. 118](#)), несколько похожими на те, что уже были замечены на кости из Лагоре. Часть красивого костяного гребня длиной 10 дюймов с задней частью, склепанной железными гвоздями. На гравюре изображен восстановленный гребень ([рис. 119](#)). Из Ардакиллена привезена красивая бронзовая брошь с позднекельтским орнаментом ([рис. 120](#)), а из Лох-Скура - каменная форма для отливки бронзовых топоров ([рис. 121](#)).

ЛОХ-РАВЕЛЬ БЛИЗ РЭНДАЛСТАУНА.

В дополнение к заметкам сэра У. Р. Уайльда о большом кранноге близ Рэндалстауна (Б. 24), некоторые очень интересные наблюдения о найденных на нем древностях приведены в *Ольстерском журнале археологии*, т. vii., дополняющем отчет Тройона о швейцарских озерных жилищах. (Б. 27.) Однако наиболее полным отчетом является отчет покойного мистера Эда Бенна, из которого я беру следующую выдержку:—

"Остров близ Рэндалстауна, - пишет мистер Бенн, - был очень большим и важным; говорят, что его занимал член семьи О'Нил. Озеро, на котором он стоял, давным-давно осушили, и теперь это место заросло торфяным мхом, который в течение последних двадцати или тридцати лет приносил древности и до сих пор приносит их ежегодно. Хорошее представление о важности этого острова можно составить по количеству инструментов и

приспособлений для ведения обычных ремесел, которые были обнаружены на нем, таких как щипцы и наковальня кузнеца, представляющая собой грубый кусок железа, несколько сглаженный с одной стороны и весящий пятьдесят или шестьдесят фунтов. Использование его в качестве наковальни - всего лишь предположение; но оно считается весьма вероятным, и, если оно верно, оно показывает, как трудно было раздобыть в те суровые времена кусок железа, достаточно большой и тяжелый для такой цели. Затем были найдены также тигли медной формы, один из которых не использовался, а несколько сильно изношены и сгорели. Идеальный тигель очень аккуратный и хороший, размером с небольшое куриное яйцо. Затем у нас есть ножницы и две портновские иглы; одна из игл размером примерно с то, что называется штопальной иглой; другая длинная и прочная, напоминающая упаковочную иглу, какую используют для шитья мешковины: обе сделаны из меди и хорошей формы. Там же было найдено шило сапожника, очень любопытный предмет, и, по-видимому, более древний, чем другие вещи; лезвие этого шила из меди, а рукоятка из камня. Подвернулось несколько плотницких топоров или топориков, очень похожих на современные; также пара маленьких ножниц, какими пользуются ткачи. Связанные с сельским хозяйством, были найдены очень маленький носок плуга, любопытная лопата, очень легкая, около четырех футов длиной, вся деревянная, но с аккуратным железным наконечником по краю; и пара очень больших ножниц для стрижки овец. Там была также железная игла для плетения сетей, но почти никакого боевого оружия. Ни одно из последних, действительно, не попало в поле моего зрения, кроме железного меча и очень хорошего боевого топора, такого, каким пользовались галлогласы; он по форме похож на топор, которым пользовались бондари, и очень интересен своей редкостью ". Другими предметами, описанными мистером Бенном, являются булавы из латуни, железа, кости и дерева, обычно от 3 до 5 дюймов длиной; большая стеклянная бусина и маленький кусочек стекла в форме полумесяца; пуговица с двумя ушками; подкова; несколько осколков керамики; деревянный совок; латунное блюдо 15 дюймов в поперечнике, включая край шириной полтора дюйма и глубиной чуть больше 2 дюймов; несколько ножей; гребень, аккуратно сделанный из кости и заклепанный железными гвоздями. "Помимо перечисленных здесь вещей, на болоте вокруг Рэндалстаунского краннога уже нашли несколько лодок и их частей; все они были выдолблены из больших деревьев и имели очень хорошую форму. Один из них большого размера и довольно совершенный недавно был извлечен из-под шестнадцати футов мха. Было заявлено, что при первом подъеме он полностью сохранил свою первоначальную форму, но вскоре искорежился и потерял форму. На дне этой лодки лежало очень аккуратно сделанное дубовое весло, около трех с половиной футов в длину, и деревянная чаша, вмещавшая почти кварту. Она была очень толстой и грубой на вид, сделанной не точением, а выдалбливанием из цельного куска, как и сама лодка". (Б. 29, стр. 86.)

Рис. 122.—Лох-Равель. № 2 = $\frac{1}{6}$, 3 и 14 = $\frac{1}{4}$, а остальные = $\frac{1}{2}$ реального размера.

Некоторые реликвии из Рэндалстаунского кранога я смог идентифицировать в музее Белфаста, а несколько других из того же места я нашел в коллекции Королевской ирландской академии в Дублине. Они, а также серебряная брошь, скопированная с *Журнала Королевской историко-археологической ассоциации Ирландии* (В. 215), и три бронзовые броши из *Ольстерского археологического журнала*, тома iv, стр. 269 и vi, стр. 103, проиллюстрированы на [рис. 122](#).

ТОНИМОР.

Следующие важные озерные открытия были сделаны в озере Тонимор, графство Каван. Похоже, что это небольшое озеро славилось ловлей щуки и содержало сухую насыпь или остров около 50 ярдов в диаметре, к которому часто прибегали спортсмены. О том, что этот остров был кранногом, никто не подозревал до тех пор, пока спустя значительное время он не был осушен из-за того, что через него проходила железная дорога. Хотя затем были найдены деревянные сваи и некоторые реликвии, истинная природа открытия не была понята до публикации каталога музея Королевской ирландской академии сэра У. Р. Уайльда в 1857 году, в котором рассказывалось о нескольких подобных станциях. Среди реликвий, собранных тогда в Тониморе, были несколько кверхов, точильные камни, тисовый лук и (в озерной грязи) головы двух лосей.

В 1862 году лорд Фарнхэм распорядился провести дальнейшее обследование кургана под руководством доктора Малкомсона из Кавана, из отчета которого вытекают следующие факты (Б. 60, с. 274):

"Сваи или колья были расположены двумя кругами, один внутри другого; диаметр большего из них составлял 120 футов, другого - около девяноста футов. Свай во внешнем круге было очень много, и в некоторых случаях они были вбиты в непосредственной близости друг от

друга. Некоторые из них, выдержав разрушительное воздействие времени, появились примерно в трех футах над поверхностью, и, когда их извлекли и осмотрели, оказалось, что они были тщательно заострены. Кольев во внутреннем ряду было не так уж много, и не все они были сделаны из дуба, некоторые из них были из желтоватого или другого мягкого дерева.

"Внутри частокола были замечены два небольших холмика (на которых трава была гораздо более зеленой, чем в любой другой части острова), один на севере, а другой на юге. В соответствии с углублением между ними и на глубине 3 футов под землей мы обнаружили во время раскопок плоский камень площадью около четырех квадратных футов и толщиной 3 дюйма, покоящийся на нескольких вертикально стоящих блоках из сгнившего дуба. Это, без сомнения, был камень домашнего очага. Помимо деревянных кольев, входящих в формирование кругов, другие, по-видимому, были уложены горизонтально, их похожие на балки концы видны в той части ограждения, которая была нарушена прохождением железной дороги. Когда выемка была доведена до центра, поверхность разреза представляла сверху вниз следующий разрез: 1-й - глина; 2-й - черный и серый пепел с мелкими камнями и песком; 3-й - кости и пепел с комочками голубой и желтой глины; 4-й - некоторое количество серого пепла; и 5-й - горизонтальные шпалы или подрамники и ветки орешника, лежащие на торфяном дне.

"На том же болоте, примерно в ста ярдах от острова, но ближе к замку Тонимор, находятся два других частокола, расположенных на возвышенном плато. Они, по-видимому, не были островами, поскольку от них к материку ведет возвышенная дамба; но в остальном они напоминают крэннодж своим частоколообразным видом".

Собранные на крэнноге древности были переданы Музею Королевской ирландской академии, среди которых были следующие, описанные сэром У. Р. Уайльдом следующим образом:

"Очень совершенный кверн, 17 дюймов в диаметре, с сильно украшенной верхней поверхностью верхнего камня; найден на дне и недалеко от центра крэннога. Несколько кусков железного шлака; бочкообразный кусок дерева длиной 3 с половиной дюйма, полый на всем протяжении и перфорированный шестью отверстиями; три плоских круглых каменных диска, в среднем 3 с половиной дюйма в диаметре и толщиной в полдюйма; совершеннейшая и богато украшенная ступка высотой 8 дюймов и шириной 17 с половиной дюймов, украшенная по углам четырьмя гротескными фигурами; каменная форма; четырехгранный точильный камень размером 20 на 3 дюйма и одиннадцать фрагментов более мелких точильных камней, из которых два перфорированы.

"Большой овальный и пять шаровидных камней; плоский красный пробный камень из яшмы и камень диаметром 3 дюйма; два точильных камня для оружия из удивительно твердого камня.

"Две большие костяные бусины; бусина из разноцветной эмали; большая янтарная бусина неправильной формы; бусина поменьше из эмалевой пасты, представляющая смесь красного, желтого и синего цветов; а также маленькая голубая стеклянная бусина.

"Два несовершенных костяных гребня, похожих на те, что уже изображены в каталоге на стр. 272 (рис. 105, 108 и 119).

"Костяной наконечник длиной 2 с половиной дюйма, твердый с одного конца.

"Четырнадцать фрагментов керамики, некоторые грубо глазурованные, другие обожженные, а некоторые только с подложкой; и состоящие из фрагментов различных сосудов, используемых либо в искусстве, либо в домашних и кулинарных целях, таких как тигли, кувшины и чаши. Среди них фрагмент чаши или урны из неглазурованной керамики, богато украшенный глубокими бороздками снаружи и небольшими вмятинами на вывернутом выступе. Он имеет большую древность; состоит из очень черной глины, еще более потемневшей от длительного воздействия болота, и смешанной с некоторым количеством частиц белого кварца или полевого шпата, которые, вероятно, добавлялись для придания ему устойчивости. Аналогичное описание предметов искусства можно увидеть на некоторых из наших старейших погребальных урн. Если учесть, что, за исключением урн, которые следует отнести к языческому периоду, у нас почти нет образцов древнеирландской керамики, эти образцы представляют особый интерес для исследователей вымышленной посуды.

"Фрагменты колец из киммерийского угля; вероятно, часть браслета, который, по-видимому, был соединен с одного конца.

- Чашечки двух маленьких трубок, похожих на те, что хранятся в Музее, и обычно, но ошибочно называемых "датскими табачными трубками".

"Замкнутое кольцо из бронзы диаметром 3 с половиной дюйма; большая украшенная бронзовая булавка длиной 7 с половиной дюймов; и еще одна поменьше, длиной 3 дюйма.

"Железное лезвие ножа с перфорированной рукоятью длиной 8 с половиной дюймов: это изделие выглядит так, как будто оно было прикреплено к длинной ручке; лезвие меньшего размера с зазубриной вместо рукояти длиной 2 с половиной дюйма; шарообразный кусок железа диаметром 2 с половиной дюйма, похожий на кротал, с отверстием с одной стороны; головка маленького железного молотка; три части колец и одиннадцать других железных фрагментов, назначение которых не установлено.

"Небольшой перфорированный камень, похожий на завиток или гирьку для прялки". (Там же., стр. 290.)

ДАЛЬНЕЙШИЕ ОТКРЫТИЯ.

Наблюдения г-на Г. Х. Кинахана над ирландскими крэнногами, которые теперь (1863 г.) начали появляться, внесли большой вклад в распространение точных знаний об их строении и географическом распространении. За его заметками о пещерах Лох-Ри (В. 58), Баллинлоу (В. 70а), Лох—Нахинч (В. 70b) и Лох-Наневин (В. 118), которые последовательно появлялись в Трудах Королевской ирландской академии, в 1872 году последовала статья "Каменные жилища на озере в Конноте" (В. 214), в которой он показывает, что в некоторых случаях сухие камни заменяли обычные деревянные конструкции и мусор, из которых обычно сооружались искусственные острова - факт, который находит множество параллельных иллюстраций в Шотландии.

Мистер Кинахан говорит, что остров Ридс, остров Шор, остров Эш и остров М'Куо в Лахри являются крэнногами; в то время как остров Блейка также может быть одним из них. С острова Шор было закуплено 300 тонн костей, среди которых была голова *Megaceros Hibernicus*, длина которой от кончика до кончика рогов составляла 13 футов. Среди множества найденных здесь реликвий, сделанных из камня, рога и дерева, было несколько металлических предметов, таких как железные ножницы, медная булавка, посох из меди, боевой топор, отлитый для монеты, и кованый железный сосуд.

Единственный другой автор, посвященный ирландским крэнногам, на которого я считаю необходимым особо сослаться, - это мистер У. Ф. Уэйкман. Лично знакомый с Петри и Уайльдом и, вероятно, черпающий вдохновение в их восторженной преданности археологии, а также очевидец первой крупной находки крэннога в Даншоглине, мистер Уэйкман с тех пор внимательно изучает древности своей страны. Его особое внимание к кранологии относится только к 1870 году, но с тех пор не проходило и года, чтобы его ручка и карандаш не были востребованы для записи какого-нибудь нового открытия в этой области исследований.

В прежние времена ни один район Ирландии не представлял более благоприятных условий для водного отдыха, чем графство Фермана с его бесчисленными озерами и болотами, перемежающимися с сохранившимися тогда первобытными лесами. Эти преимущества, по-видимому, были полностью признаны строителями краногов, поскольку мы находим здесь больше остатков этих озерных жилищ, чем в любой другой части острова. Количество crannogs, зарегистрированных в настоящее время в этом округе, составляет около 40, но, конечно, это ни в коем случае не полная квота, которая может быть раскрыта при принятии общей системы разведки. Однако такие исчерпывающие методы исследования еще не пустили глубоких корней в Ирландии, так что те немногие достоверные данные такого рода, которые стали известны, мы не можем позволить себе пропустить даже в этом кратком очерке. Следующие выдержки из отчетов мистера Уэйкмана отобраны с целью проиллюстрировать структуру этих останков в этой части Ирландии и общий характер реликвий, оставленных на них их жителями.

БАЛЛИДУЛОУ.

Баллидулоу ("город темного озера") - небольшая полоска воды примерно в пяти милях от Эннискиллена, в которой есть небольшой остров, который в 1870 году был признан кранногом и впоследствии исследован.

"В нем прекрасно сохранились три четверти фундамента его первоначального бревенчатого дома, балки которого были скреплены вместе и дополнительно скреплены дубовыми колышками. Обнаруженные здесь древности были очень интересными и состояли из камня, дерева, бронзы, железа, смеси металлов, вероятно, финдруина, и керамики, примеры которой я приводил в этой и предыдущих статьях. Самой любопытной реликвией, замеченной здесь, был камень Огам, который был объявлен самым северным памятником своего класса, когда-либо обнаруженным в Ирландии. Керамических изделий было очень много, и они обычно имели орнамент чрезвычайно раннего типа, среди которого бросались в глаза шевронные узоры, подобные тем, что были найдены на "погребальных урнах". Бронзовыми изделиями были тонкая пластинка из настоящей античной бронзы, предположительно являвшаяся частью сосуда; булавка с петлей длиной около 4½ дюймов; тонкая лента и предмет, по-видимому, принадлежащий к конной мебели. Были также подобраны два железных ножа, один из которых имел следы бронзовой оправы: они напоминали аналогичные изделия, найденные в курганах Англии. Также была найдена брошь, частично сделанная из белого металла, вероятно, финдруина, а также часть подковы маленькой лошади или осла. Там были каменные плиты, точильные камни, тигель и многочисленные куски железного шлака. Все найденные части ваз состояли из земли и песка, закаленных на огне. Не было ни остекления, ни следов использования колеса. Многие образцы были снабжены ручками или ушками. Единственный сосуд из дерева, вероятно, тиса, был обнаружен целым, но измельченным почти до состояния мякоти. Среди других реликвий были так называемые камни для пращи, огромное количество лесных орехов, три

каное, каждое из которых было сделано из цельного куска дуба, и небольшой дубовый сосуд, сделанный из шестов". (Б. 217, с. 314.)

"ЧУДЕСА".

В другой местности, носящей странное название "Чудеса", расположенной недалеко от Монеи, ныне являющейся болотом, а раньше озером, рубщиками торфа была обнаружена трещина.

Среди каменных изделий были обычные точильные камни и два круглых точильных камня - единственные образцы такого рода, о которых я когда-либо слышал, поскольку они были найдены в кранноге. Тот, что побольше, имеет 8 дюймов в поперечнике; тот, что поменьше, сейчас находится в музее нашей ассоциации (Килкенни) Его подарил мистер Планкет. Материал обоих - плотный желтый песчаник. Костей здесь было много, и они принадлежали к обычному классу крэнногов. В окружающем озере время от времени находили отдельные каное. Найденные здесь остатки керамики были неважны; но, по крайней мере, был найден один очень хороший тигель, а также железный шлак и древесный уголь". (Б. 217, с. 320.)

БОЛЬШИЕ ГЛАЗА.

Лох-Эйс (в древности *Тобернасул, то есть "Колодец очей"*), небольшое озеро всего в две трети мили в длину и четверть в ширину, содержало множество трещин. Самый большой из них имеет 288 футов в окружности и максимальную высоту над самым низким летним уровнем в 10 футов, и поэтому никогда не погружается полностью. Частокол все еще существует в очень интересном состоянии сохранности. К западу и северо-западу колья имеют глубину в четыре метра и расположены так близко друг к другу, что почти соприкасаются. Все они, или почти все, из дуба, грубо обработаны и заострены металлическим топором или теслом".

На нем было найдено большое количество битой керамики, подобной той, что была найдена в Баллидулоу, а также несколько плоских предметов, по-видимому, крышек, и дубинка из оленьего рога. Во всех этих пещерах были найдены железный шлак, керамика, кости и т.д. (Б. 191, с. 553.)

ДРАМДАРРАГ, ИЛИ ТРИЛИК.

В настоящее время это озеро почти осушено, и его кратер диаметром 130 футов недавно был повторно исследован мистером Уэйкманом, который так описывает результат:-

"При осмотре работа представляла собой обычные слои болота, земли и камней, смешанные с небольшими стволами и сучьями ясеня, ольхи, бука, тиса, дуба и других деревьев. Тут и там, на разных уровнях, росли заросли папоротника и дрока. Внешний край был густо зарос молодыми деревьями, похожими на описанные выше; однако подавляющее большинство составляли дубы. Из-за мягкости окружающей среды было невозможно полностью отследить сваи на той стороне острова, которая обращена к древнему ложу озера; но на той, которую можно назвать стороной суши, колья образовывали шесть рядов, расположенных несколько равномерно, с промежутком обычно около двух футов между каждым набором, иногда, однако, они располагались близко друг к другу, почти соприкасаясь. Колья отстояли друг от друга примерно на тридцать дюймов, и те из них, которые были сдвинуты с места с целью осмотра, имели заостренные концы, очевидно, результат мощных и хорошо нанесенных ударов очень острого металлического топора или тесла.

Стремясь выяснить, опирался ли кранног на деревянный каркас, как гласит местная традиция, и для того, чтобы, по возможности, выяснить внутреннюю конструкцию сооружения, я приказал выкопать несколько траншей в разных местах внутри ограждения из кольев, а затем длинным ломиком прощупал все, до чего мог дотянуться этот инструмент. Результатом было то, что мы наткнулись на несколько больших и прочных кусков дерева, но в каком положении они были уложены и прикреплены ли каким-либо образом к другим, определить было невозможно из-за притока воды и губчатого характера трясины, веток и т.д., сквозь которые пробивалось железо. По всему острову — размещенному, по-видимому, без какой-либо попытки симметричного расположения — было несколько кольев того же типа, но большего размера, чем все, найденные в окружающих рядах свай. Я полагаю, что эти бревна были просто предназначены для того, чтобы служить опорами или связующими элементами для корпуса краннога. Они, конечно, не обозначали перегородки. Не было видно ни следов плетения, ни какого-либо примера древесины с видимыми врезными отверстиями.

"В процессе раскопок стало совершенно очевидно, что курган кранног был сооружен в течение трех периодов. В паре футов от нынешней поверхности, недалеко от центра острова, были найдены несколько больших плит из красного песчаника, все еще хранящих следы воздействия огня, и окруженных древесным углем, кусками обугленного дерева, костями оленей, овец, свиней, коз и других животных, многие из которых, очевидно, были разделаны для извлечения костного мозга. Здесь также были несколько фрагментов керамики, которые, без сомнения, служили частями кулинарных сосудов; часть железного ножа раннего типа; второй и гораздо меньший нож из железа, к которому деревянная ручка была прикреплена заклепками; кусок железа, закрученный по спирали; гвоздь или булавка из того же металла и сломанный точильный камень обычного класса *crannog*. Здесь я должен заметить, что в течение многих прошедших лет холм подвергался грубой обработке почвы и последующему обнажению, и что каменные плиты "горшечного" и более обычного типа, относящиеся, по всей вероятности, к этому слою, были найдены рядом с очагом и всего в нескольких дюймах над ним. Сейчас они хранятся в соседнем коттедже.

Второй очаг находился примерно на два с половиной фута ниже в почве и располагался на расстоянии нескольких футов к юго-востоку от первого, от которого он почти не отличался, за исключением того, что поблизости было гораздо больше костей, битой керамики, древесного угля и других "кухонных отходов".

Третий и самый нижний очаг, или, скорее, каминная площадка, поскольку крупных камней не оказалось, располагался примерно на восемнадцать дюймов ниже описанного выше и почти под ним. В связи с тем и другим и в основном смешанные в почве — выше, ниже и на значительном расстоянии вокруг — были сломанные останки животных; бесчисленные зубы свиньи, оленя и т. Д., Бивни кабана; древесный уголь; "обожженные камни"; шарик гагата; бронзовый колышек для арфы; железная голова животного, вероятно, ножка горшка; предмет из железа, напоминающий маленький, узкий двойной топорик или кирку; грубые камни-молотки овальной формы; ловчий нож хорошей формы; превосходно обработанный "кремь для большого пальца". ; "сердцевина кремня, из которой были выбиты отщепы; часть точильного камня и, наконец, фрагменты стенок и днищ вымышленных сосудов вместе с ушками или ручками той же посуды". (Б. 441, с. 372.)

УГОЛЬНОЕ БОЛОТО, НЕДАЛЕКО ОТ БОХО.

Мистер Планкет, исследовавший замечательную находку, обнаруженную здесь в 1880 году, так описывает встреченные деревянные конструкции:—

После тщательного осмотра я понял, что мы стоим на том, что когда-то было искусственным островом овальной формы, слегка приподнятым в центре и со всех сторон обрывающимся пологим склоном, очертания которого до сих пор можно легко проследить. Он имеет 60 ярдов в длину и 14 ярдов в поперечнике при наибольшей ширине. Сваи, или колья, с грубо заостренными концами и разного размера, встречаются через равные промежутки по всей этой местности, и можно увидеть грубые дубовые доски, размером примерно с железнодорожную шпалу, лежащие рядами тут и там и обычно опирающиеся на слой веток, все это покрыто слоем глины и камней, смешанных с древесным углем и золой. Совершенно очевидно, что это место древнего краннога, или искусственного острова. Окружающая впадина, ныне заполненная торфом, известным как Угольное болото, и занимающая несколько десятков акров, когда-то образовывала большой водный покров". (Б. 345, с. 66.)

Здесь были найдены перфорированные столбы и каркасы того, что предположительно было деревянными хижинами. В одном месте на глубине не менее 21 фута под поверхностью торфа было обнаружено деревянное сооружение размером 11 футов 10 дюймов на 6 футов 3 дюйма, сделанное из грубых деревянных балок с грубо выполненными пазами. Два кремневых орудия, несколько фрагментов керамики ручной работы, лишенных орнамента, разбитая скорлупа лесного ореха, а поблизости, на той же глубине в торфе, несколько деревянных тарелок. Скамеечка из огромной *сосны*, которая "до своего гниения, должно быть, имела 14 футов в диаметре", была найдена на высоте 2 футов над уровнем пола хижины, из-за чего ее корни уходили вниз.

Впоследствии м-р Уэйкман утверждает, что недалеко от этого краннога были найдены куски "болотного масла", завернутые в коровьи шкуры, и что древесина огромного корня упомянутого выше дерева при анализе оказалась *тисом*, а не сосной.^[74]

ЛИСНАКРОГЕРА.

Среди недавно обнаруженных озерных жилищ были одно в Лиснакрогере, недалеко от Браушейна, и два в Лох-Морне, оба населенных пункта находятся в графстве Антрим. О первом стало известно около шести лет назад после обнаружения в торфяном болоте нескольких замечательных железных мечей в бронзовых ножнах вместе с другим боевым оружием. Болото, в котором были найдены эти предметы, занимает место бывшего озера, в котором до недавнего времени сохранялось столько воды, что торф не использовался в качестве топлива. Чтобы исправить это, выходное отверстие было углублено, и таким образом новые или нетронутые участки болота оказались в пределах досягаемости торфорезов. Время от времени предметы старины находили на ограниченной территории, на небольшом участке, принадлежащем одному из соседних фермеров. Когда внимание впервые было привлечено к этой местности и рабочих спросили об обстоятельствах, при которых были обнаружены реликвии, оказалось, что было обнаружено какое-то деревянное сооружение, которое, однако, было полностью демонтировано, прежде чем его увидел кто-либо, компетентный составить мнение о его природе. В августе 1866 года я посетил эту местность и подробно расспросил фермера об этих изделиях из дерева, но не смог получить никакой определенной информации. Однако ему было совершенно ясно, что существуют колья, неправильно расположенные балки и хворост, о которых в то время он мало думал. Судя по его описанию и некоторым остаткам дубовых балок, на некоторых из которых видны обычные пазы, я думаю, можно почти не сомневаться в том, что это был кранног, но небольших размеров. Недалеко от того места, где был вырублен торф, есть нетронутая структура камней, только проступающих сквозь дерн, которая, как все же может оказаться, имеет какое-то отношение к краногу. Что касается реликвий, то нет никаких свидетельств об их связи с кранногом, кроме того факта, что они были найдены в его окрестностях. Каноник

Грейнджер, проявивший большой интерес к этой находке, передал своему частному музею большое количество реликвий из Лиснакрогера, но он опасается, что с тех пор, как кранног приобрел известность, его время от времени обманывали, выдавая за происходящие из него предметы, которые на самом деле были найдены в другом месте. Это, на мой взгляд, частично объясняет наличие таких несочетаемых предметов, которые сейчас можно увидеть в коллекции Канона. Среди них особенно много наконечников стрел и кремневых скребков, которые невозможно отличить от аналогичных предметов, найденных на соседних полях. Помимо оружия с бронзовыми накладками, здесь представлен широкий ассортимент останков, которые можно отнести ко всем эпохам — каменный кельт, резиновые изделия, кремневые наконечники стрел и скребки, вплоть до железного жатвенного крюка, ножа для стрижки изгороди и части старого ружейного замка.

Но особый интерес Лиснакрогера кранног представляет к полученной им замечательной серии боевого оружия, состоящей из железных мечей в бронзовых ножнах с орнаментом, железных копий с длинными деревянными рукоятками и бронзовыми насадками, а также множества других бронзовых предметов, вероятно, насадок для щитов. Теперь я приступлю к их описанию.

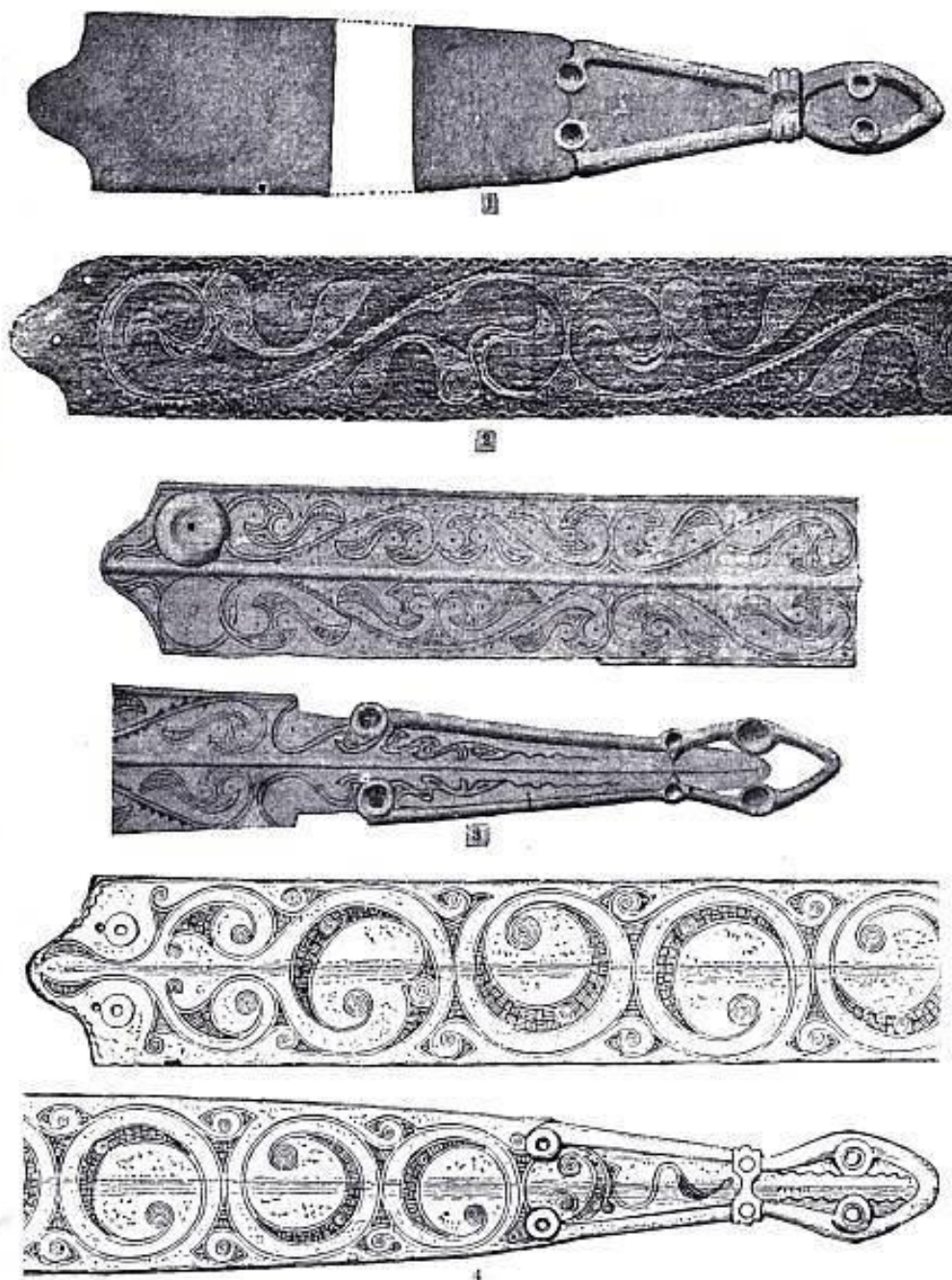

Рис. 123.—Лиснакрогера. Ножны для мечей из бронзы. Все $\frac{1}{2}$ в натуральную величину.

Ножны для мечей.—До настоящего времени были восстановлены четыре ножны (рис. 123, № 1-4), но целой является только одна, остальные находятся в более или менее фрагментарном состоянии. Все они сделаны из тонкой бронзы, скрепленной по краям заклепками, а поверх них имеется бусина, которая ближе к нижней трети переходит в изящный орнамент, очень похожий на тот, который мы уже видели на ножнах для мечей Ла Тена (см. рис. 87.)

Идеальная оболочка (№ 1) лишена орнамента, за исключением того, что образовано краевой бусинкой; но остальные три (из которых сохранилась только одна сторона каждой) украшены высокохудожественными узорами, образованными вырезанными линиями, детали которых будут легко видны на иллюстрациях. № 1, к которому все еще крепко прикреплено лезвие железного меча, имеет длину 17 с половиной дюймов. № 2 имеет дефект на кончике, помимо того, что потерял окружающий его бортик; в своем нынешнем состоянии он достигает 19 дюймов в длину. На приведенном здесь рисунке воспроизведена модель,

уменьшенная вдвое и показывающая только верхнюю половину. Рисунок, выделенный белыми линиями, на самом деле представляет собой вырезанные линии и соответствует темным линиям на двух других. № 3, самый большой из группы, имеет длину 22 дюйма. Здесь представлены оба конца. № 4 - самый маленький, его длина составляет всего 16 с половиной дюймов. Предполагается, что резко очерченные и глубоко врезаемые линии содержали черную эмаль, но сейчас от нее не осталось никаких следов. Круглые углубления в окружающем валике на концах также предназначались для нанесения эмали, вероятно, какого-то яркого цвета. Эти узоры, относящиеся к так называемому "позднекельтскому" стилю орнаментации, при такой обработке, должно быть, производили поразительный эффект на яркой бронзовой поверхности.

На рисунках № 1 и 4 можно заметить поперечную приподнятую полосу, предназначением которой, без сомнения, было укрепление оболочки. Такие полосы были характерной чертой ножен La Tène, которые в некоторых случаях повторялись несколько раз с интервалами на корпусе ножен. В коллекции Canon Grainger я видел одно или два широких кольца, сжатых посередине, которые я принял за поперечные полосы других ножен.

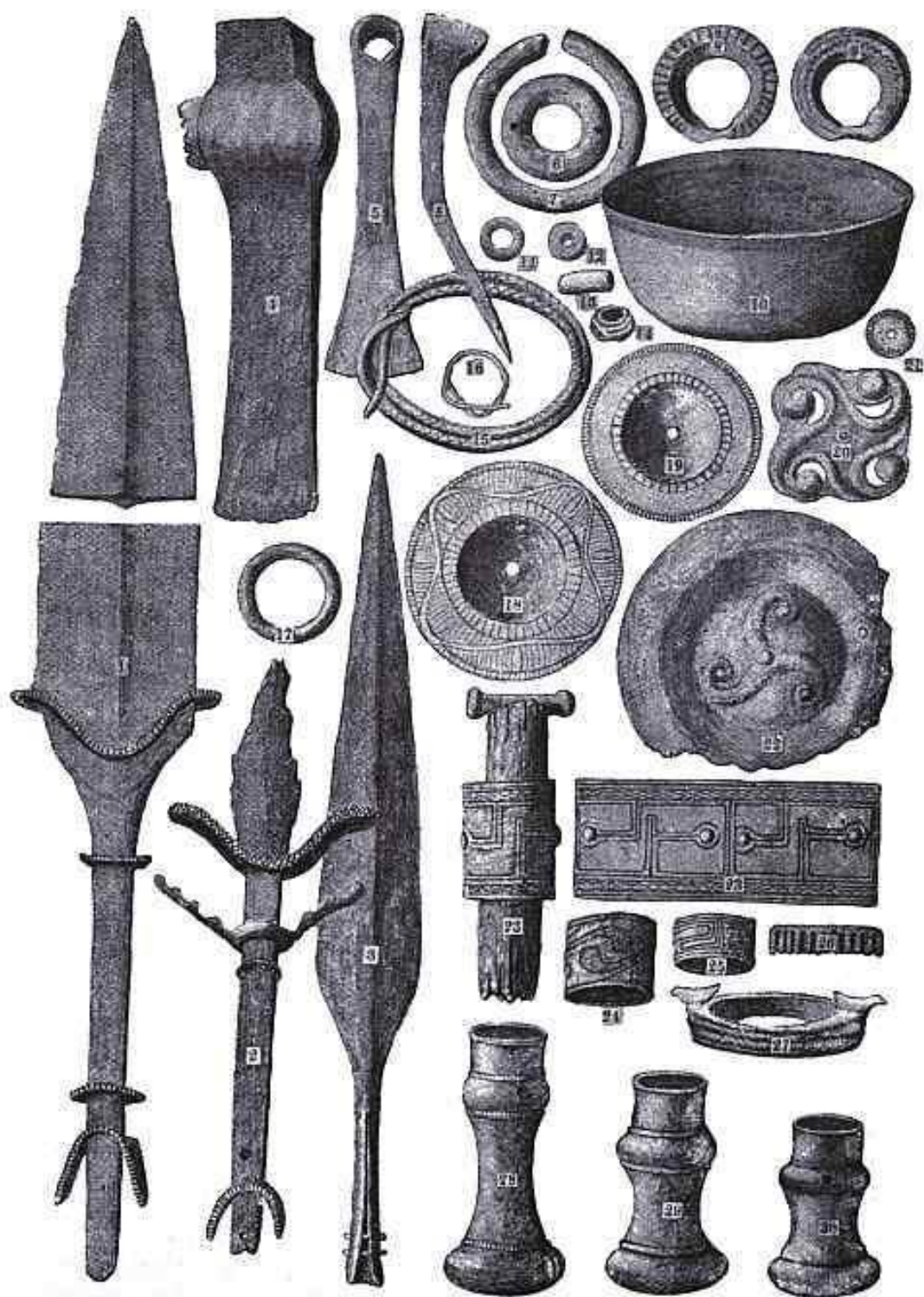

Рис. 124.—Лиснакрогера. Железное оружие и т.д. Номера 4, 5 и 10 = $\frac{1}{4}$, остальные = $\frac{1}{2}$ реального размера.

Мечи.—Все мечи, находившиеся в этих ножнах, были железными, что, вероятно, объясняет их более ветхое состояние. Из четырех найденных на сегодняшний день только один находится в хорошем и совершенном состоянии (рис. 124, № 1). Его общая длина составляет 19 с половиной дюймов, из которых рукоятка занимает пять дюймов, измеряясь от кончика хвостовика до ближайшей части изогнутого гребня, отделяющего его от лезвия. Клинок имеет резко очерченный гребень и изящно сужается к острию. Все остальные мечи

фрагментарные. Один, как уже упоминалось, все еще в ножнах; другой, часть лезвия длиной 14 дюймов, имеет острый центральный выступ и в остальном точно соответствует всему оружию. От четвертого осталась только рукоять (№ 2), лезвие, по-видимому, исчезло в результате окисления. Пока что оно также полностью соответствует оружию в целом. Обе ручки имеют бронзовые крепления, которые, хотя и отличаются некоторыми деталями, настолько своеобразны по своей конструкции и способу исполнения, что мы без колебаний признаем их принадлежащими к одной и той же группе — группе, которая, насколько мне известно, находит аналогию лишь в нескольких примерах из Ла Тена. (См. [Рис. 87](#), № 7 и 8.) Что касается материала, из которого была изготовлена рукоятка, доказательств нет. Бронзовые кольца и выступы на рукоятках, если они находятся в их первоначальном положении, требуют разделения ручек, будь то из кости или рога, на несколько частей. В том, что эти бронзовые ножны и железные мечи были копиями друг друга, не может быть никаких разумных сомнений. Их точки соприкосновения, помимо общих размеров и стиля изготовления, слишком примечательны, чтобы быть случайными. Таким образом, своеобразный изгиб при открытии ножен соответствует изгибу разделительной полосы между рукоятью и лезвием мечей. Также выступающие серединки двух клинков имеют соответствующие выступы в двух ножнах (№ 3 и 4).

Копья.—Хотя в коллекции Lisnacrogheera есть только один наконечник копья, имеется достаточно свидетельств того, что это был не единичный образец такого рода оружия. В настоящее время известно, что некоторые предметы, такие как медная дверная ручка (№ 28, 29 и 30), всего их было семь или восемь, украшали торцы деревянных ручек очень многих копий. Одна из этих ручек длиной 8 футов, хотя сейчас она сильно уменьшилась и искривилась, все еще сохранилась у Canon Grainger и убедительно доказала их использование, а также использование некоторых других предметов, которые ранее казались столь же загадочными. На другом конце древка копья, недалеко от того места, где оно входило в гнездо, находился наконечник того же стиля, что и ножны для мечей (№ 23, 24 и 25). Было найдено несколько таких наконечников, которые, как и орнаменты на торце, значительно отличаются по размеру. Все они украшены элегантными узорами в виде вырезанных линий, которые, как предполагается, также содержали эмаль. Одно из них здесь представлено с куском рукояти и бронзовой заклепкой (№ 23), вероятно, той, которая более прочно закрепляла копье в древке; но от самого копья ничего не осталось. Единственный найденный наконечник копья сделан из железа. Это великолепный клинок длиной 16 с половиной дюймов с тонким гнездом, содержащим две заклепки (№ 3).

Любопытный предмет, представленный здесь под номером 27, состоит из овального кольца, "богато украшенного полосами, на которых сохранились белые и красные эмалевые узоры в виде шевронов или волнистых узоров". На одном краю изображены две формы, похожие на птицу. М-р Уэйкман считает, что это конечное украшение или навершие меча или кинжала. (Б. 411, с. 391.)

Различные Бронзовые крепления.—Среди других предметов, которые по своему характеру и стилю исполнения принадлежали к той же группе, которую мы только что описали, следующие: —(а) Два украшения из тонкой бронзы в репуссе. Один из них представляет собой диск (№ 22), слегка поврежденный по краям, имеющий в центре трикветрум из симметричных спиралей и окруженный слегка приподнятой каймой. Другой (№ 20) находится в более фрагментарном состоянии, но сохранилось достаточно, чтобы показать, что рисунок представляет собой *свастику* или *гамму креста*, выполненную тем же способом, что и первый, и, вероятно, служащую центральным украшением диска. (b) Три украшения в форме чаши, каждое с небольшим отверстием в центре. Один (№ 18) окружен

широкими полями, похожими на широкополую шляпу, которая обильно украшена вырезанными линиями. Если предположить, что это предназначалось для украшения лицевой стороны деревянного щита, то чаша, должно быть, была вделана в дерево, поскольку ясно, что ее вогнутая сторона является лицевой, а с другой стороны орнамента нет. Другой такой же представлен под номером 19 и отличается от первого только меньшим размером и менее оформленной каймой. В третьем экземпляре орнаментированная кайма полностью исчезает, и ее место занимает краевая бусинка. (d) Разнообразные кольцевые и кольцообразные кольца, некоторые из которых полые (№ 6 и 7), а другие сплошные (№ 17). Некоторые, как № 8 и 9, украшены узорами (на одном из которых до сих пор сохранилась эмаль киноварного оттенка) и, вероятно, прикреплялись к булавкам и использовались в качестве колец-брошей. Предполагается, что любопытный предмет, похожий на двойной браслет с прикрепленными друг к другу витками и украшенный зигзагообразными линиями, был ободком овальной броши (№ 15). (e) Простая, но элегантной формы чашка для питья из тонкой бронзы (№ 10) не имеет ни ручки, ни каких-либо следов заклепок. (f) Среди мелких вещей - пара бронзовых булавок, одна с круглым навершием, а другая с маленьким кольцом; также грубое кольцо для пальца (№ 16), декоративная шпилька (№ 21) и заклепка с одной стороны, глубоко зазубренная, как зубчатое колесо (№ 26).

В дополнение к приведенному выше списку объектов, все из которых можно рассматривать как часть одной особой и действительно уникальной группы, которые по какой—то случайности попали в кранног Лиснакрогера, есть и другие, похожие на обычный класс кранног-реликвий; и среди них я отметил следующее:-

Железо.— Два больших железных котла в разрозненном состоянии; большой изогнутый нож, похожий на нож для стрижки живой изгороди, с сохранившейся деревянной рукояткой; топор (№ 4), также содержащий часть рукояти; тесло (№ 5); крюк для жатвы; часть ружейного замка вместе с различными предметами неопределенного характера.

Бусины.—Несколько цветных и пестрых бусин (синих, красных и белых) (№ № 11, 12 и 14). Одна бусина из камня, другая крупная - из гагата, а третья - из янтаря (№ 13).

Камень.—Один небольшой каменный топорик темного цвета и клиновидной формы, несколько удлиненных четырехгранных заточенных камней, камней-молотков и т.д.; несколько отщепов кремня и грубые наконечники стрел.

Керамика.— Несколько фрагментов грубой фаянсовой посуды, указывающих на большие сосуды с широким горлышком.

Разное.—Порция "болотного масла", имеющая вид грубой ткани. Несколько кусков дерева с круглыми и квадратными отверстиями.

ЛОХ-МОРН.

В результате частичного осушения озера Лох-Морн летом 1882 года, когда его бассейн превращался в водохранилище для снабжения водой города Белфаст, обнажились два искусственных острова, которые сразу же были признаны остатками затопленных озерных жилищ. Вскоре после разоблачения я посетил их в компании с мистером Робинсоном, помощником инженера гидротехнического сооружения в Белфасте, и впоследствии записал свои наблюдения в Трудах Общества антикваров Шотландии (В. 439), краткое изложение которых приводится ниже.

Первый, до которого было легко добраться пешком, был очень встревожен повторяющимися "воями" посетителей. Его форма, определяемая участком, на котором находились обрубки

свай, была неправильной круглой, но нигде не превышала 60 футов в диаметре. В пределах этой области были четыре небольших отдельных возвышения, сложенных из нескольких камней, глины и золы вперемешку с обгорелыми ветками и кусочками древесного угля. Ни одно из этих возвышений не имело такого большого диаметра, как 10 футов, и потребовался всего один оборот лопаты, чтобы добраться до нетронутого дна озера. Копая на этих так называемых островках и в пространствах вокруг них, я нашел обрубки вертикальных свай и фрагменты сгоревшего хвороста, которые образовывали тонкий слой поверх настоящих озерных отложений. Сваи были расположены близко друг к другу, примерно в одном или полутора футах друг от друга, и равномерно занимали всю площадь жилища без какого-либо появления круглых частоколов; не было и какого-либо подобия фасциновой конструкции, указывающей на искусственно построенный остров. От края или окраины участка, занятого этими сваями, к берегу тянулся двойной ряд пней, которые, как было обнаружено при прослеживании, заканчивались на полпути к обычной отметке уровня воды. Вывод, к которому я пришел, состоял в том, что это озерное жилище было настоящим палафитом, над деревянной платформой которого были устроены два или три очага из негорючих материалов, таких как камень и глина. Вероятно, эти очаги были бы окружены чем-то вроде хижин. Во время пожара, уничтожившего все деревянные конструкции (в окончательной катастрофе которого мало кто сомневался, судя по количеству сгоревших хвороста и балок, разбросанных по дну озера по всей территории, где находились штабеля), материалы из этих очагов в конечном итоге опустились на дно озера, все еще, однако, сохраняя свое относительное положение, и, таким образом, создают вид низких насыпей над дном озера с торчащими из них обрубками опорных свай.

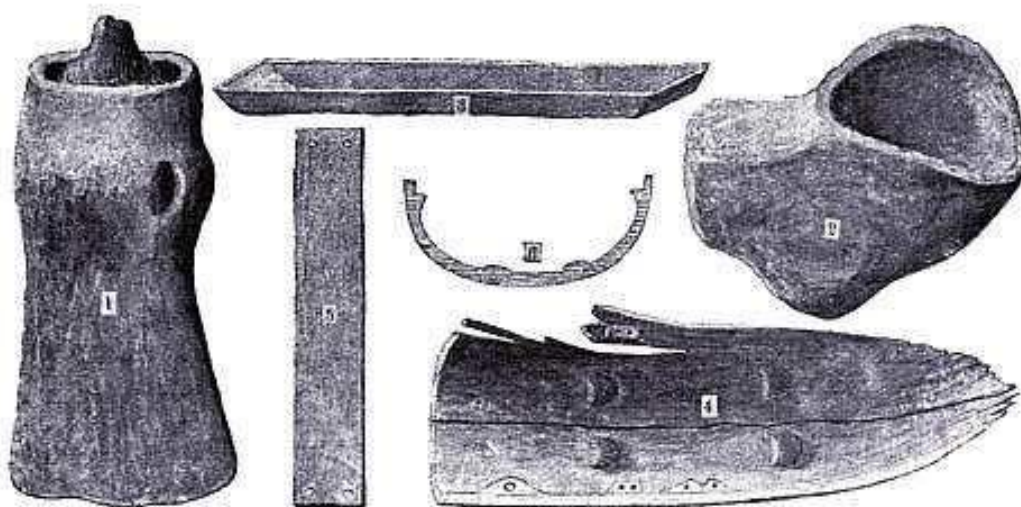

Рис. 125.—Лох-Морн. № 1 = $\frac{1}{4}$, а 2 = $\frac{1}{2}$ в натуральную величину.

Среди реликвий, найденных в этом озерном обитателе, есть "два маленьких каменных тигля" (Б. 320), железный топорик, часть каноэ, камень-молоток, камень для растирания, две маленькие урны (?), часть большого тигля, обугленные кости, зубы, скорлупа лесных орехов. (Б. 439, с. 324.) В окрестностях вдоль берега были найдены кремневые отщепы, скребки и наконечники стрел, но на самом кранном было обнаружено лишь некоторое количество мелкой крошки. Некоторые из этих реликвий я видел у молодого человека по имени Макдональд, который жил по соседству и принимал активное участие в поисках реликвий. Железный топорик оказался исключительно интересным. Это кельтский нож с носком, с петлей на одной стороне для крепления рукояти, часть которой все еще оставалась в гнезде. (Рис. 125, № 1.) Бронзовые кельты этого описания, конечно, очень распространены, но

образцы, сделанные из железа, чрезвычайно редки, особенно на Британских островах, и лишь в исключительных случаях их можно увидеть в музеях Европы. Это единственный экземпляр, до сих пор зафиксированный у британского озерного жителя, и, более того, он совершенно уникален по размеру и форме. Он имеет размеры 6½ дюйма в длину и 3 ¼ дюйма в ширину непосредственно над режущей кромкой. Наибольший диаметр гнезда составляет 2½ дюйма, и эта ширина продолжается примерно на две трети его длины, за исключением тех мест, где отверстие заставляет его выпячиваться наружу.

Один из тиглей, который, как я полагаю, сейчас представлен музеем Белфаста, довольно необычен тем, что имеет короткую выступающую ручку (№ 2).

Таким образом, создается впечатление, что обитатели этого озерного жилища владели искусством металлургии, которое предполагало наличие по крайней мере одной огнестойкой печи и, таким образом, частично объясняло существование такого количества очагов на такой небольшой площади.

Второе жилище находилось примерно в 150 ярдах от берега, на большой глубине и лежало на большой глубине колеблющегося ила. Это был небольшой пример обычного частоколообразного острова, но из-за мягкости ила и просачивания воды удовлетворительного исследования провести не удалось. мистер Робинсон подсчитал, что глубина его погружения составляет 15 футов. Вся его поверхность была занята грудой камней, которые придавали ему вид пирамиды из камней на склоне холма. Копая под этими камнями, мы наткнулись на густой слой вереска и папоротника, перемежавшийся балками и хворостом. У края виднелись несколько грубо забитых свай и балок, от которых один или два длинных луча расходились к центру, как спицы колеса.

В первом описанном озерном обиталище никакого затопления произойти не могло, поскольку дно озера состояло из плотного песка, в котором прочно держались сваи.

В разных частях озера были найдены два вмурованных в ил каноэ из одного дерева, оба из которых сейчас хранятся в музее Белфаста. Одно из них представляет собой простое корыто прямоугольной формы со слегка скошенными сторонами длиной 12½ футов, шириной 2½ и глубиной 9 дюймов (№ 3). Его плоское основание перфорировано шестью круглыми отверстиями диаметром ¾ дюйма. Другой заострен с обоих концов и в целом гораздо более художественен по своей конструкции. Первоначально он был около 13 футов в длину и 3½ фута в ширину, но передняя часть значительно повреждена. Здесь изображена кормовая часть (№ 4). В нем было два сиденья, сделанные из аккуратных дубовых досок шириной семь дюймов и опирающиеся на выступающие выступы с каждой стороны, вырезанные из массива, как показано в разделе № 6. Сиденья (№ 5) удерживались на месте с помощью двух деревянных штырей на каждом конце, которые входили в массивные опоры. Для весел также имелось по два устройства с каждой стороны, состоящие из перфорированных выступов, оставленных вне цельного тела, как показано на полях изображенной здесь части. Но самая примечательная особенность этого каноэ состоит в четырех выступах с острыми краями (также оставленных сплошными) для ног гребцов, как показано на рисунке. Расстояния от центра сидений до соответствующих отметин для ног составляли 33 и 34 дюйма соответственно.

СПИСОК ИРЛАНДСКИХ КРЭННОВ

**В АЛФАВИТНОМ ПОРЯДКЕ,
С ПРИМЕЧАНИЯМИ И ССЫЛКАМИ.**

Аконник Лох, колорадо Каван. В. 13, Ар. стр. 43.
 Акрусел Лох, колорадо Фермана. Б. 444, с. 187.
 Аллен Лох, ко. Литрим. Б. 9, стр. 45.
 [75]Агакилконнел Лох, со. Leitrim. В. 13, Ар. стр. 43.
 Агнамуллен ("Остров Глеб"), колорадо. Монаган. Б. 93b, стр. 229.
 [76]Аннах-Лох, два краннога, между графствами Кинг и Куинс. Б. 149, стр. 154.
 Аннах, приход Килбаррон, Колорадо. Типперэри. Б. 444, с. 212.
 Ардакиллен, четыре краннога. Б. 13, с. 208 и Ап. с. 48; Б. 18, с. 230.
 [77]Залив Ардмор, подводный крейсер crannog, со. Уотерфорд. Б. 329, стр. 61 и Б. 330, стр. 154.
 Эрроу Лох, Колорадо. Слайго, несколько каменных островов недалеко от аббатства Баллиндун. Б. 444, с. 245.
 Оглиш, примерно в пяти милях от Эннискиллена, Колорадо. Фермана. Б. 217, с. 323.
 Баллагмор, Колорадо. Фермана. Б. 217, с. 322.
 Баллинафад, Колорадо. Голуэй. В. 214, стр. 12.
 [78]Баллинахинч, Колорадо. Голуэй. В. 214, стр. 12.
 Баллиндерри, недалеко от Моута, Колорадо. Уэстмит. Б. 391, с. 196.
 Баллинлаф, четыре крэннога, колорадо. Голуэй. Б. 70a.
 Баллидулоу, в пяти милях от Эннискиллена, Колорадо. Фермана. Б. 191, стр. 360 и 569, и Б. 217, стр. 314.
 Озеро Баллигавли, Колорадо. Слайго. Б. 444, с. 246.
 [79]Баллихо-Лох, два крэннога, недалеко от Каррикмакросса, Колорадо. Монаган. Б. 13, с. 417 и Б. 135, с. 8.
 Балликинлер, ко. Внизу. Б. 29, с. 86.
 Баллилаф-Бейли-ан-Лоха. "Анналы четырех мастеров", Б. 27, с. 193 и Б. 438, с. 168.
 Балливулен, Колорадо. Даун. Б. 29, с. 86.
 Богермин, Колорадо. Мит. Б. 444, с. 82.
 Бола Лох, колорадо. Голуэй, каменное жилище на озере. В. 214, стр. 11.
 [80]Breagho, со. Фермана. Б. 217, с. 322.
 Камлаф, Колорадо. Арма. Б. 444, с. 178.
 [81]Каргагог, баронство Фарни, колорадо Монаган. Б. 162, с. 269, и т. в., 4th S., с. 330.
 Каслфорбс, Колорадо. Лонгфорд. Б. 24, стр. 150.
 Каслфор-Лох, ту крэнног, Колорадо. Литрим. В. 13, Приложение, стр. 43; В. 438, стр. 409.
 Клогерни, Колорадо. Тайрон. Б. 119, 2-е изд., стр. 649.
 [82]Cloncorick Castle L., со. Литрим. Б. 440, с. 408.
 Клонигоннелл Л. (Тонимор), три крэннога, колорадо. Каван. Б. 60.
 Клунбо Л., два крэннога, колорадо. Leitrim. В. 13, Ар. стр. 43.
 Клунбониаг Л., со. Литрим. Б. 13, Приложение, стр. 43 и Б. 438, стр. 408.
 Клунфиннен Л., соавт. Литрим. Там же. и В. 438, стр. 408.
 Cloonfinlough, two crannogs, со. Роскоммон. В. 13, стр. 208, и Ар. стр. 40.
 Cloonfree, two crannogs. Там же., стр. 219, и Ар. стр. 48.
 Клунтурк Л., два крэннога, кол. Литрим. Там же., Ар. стр. 43.
 [83]Болото Клауотер, недалеко от Баллимены, Колорадо. Антрим. Б. 148, стр. 21.
 Угольное болото (Килнамаддо), недалеко от Бохо, Колорадо. Фермана. *Jour. Арка.*
Ассоциация, xxxvi. стр. 271; В. 345, стр. 66.
 Coolcranoge, со. Лимерик. Б. 444, стр. 28.
 Коркриви (Лох-Лаогэр), ко. Тайрон. "Анналы четырех мастеров", Б. 13, с. 215.
 Исправление Л., несколько каменных жилищ на озере, Колорадо. Голуэй. В. 214, стр. 11.
 [84]Корнагалл Л., со. Каван. Б. 191a, стр. 461.

[85]Cornaseer, со. Каван. Б. 438, с. 148.
Крейгиворрен, Колорадо. Антрим. В. 444, с. 110.
Крэнна Макнавин, компания. Литрим. Б. 18, с. 233.
Крэнна-Лох, Колорадо. Антрим. Б. 24, стр. 157.
Крэнног-на-н-Дуйни, Колорадо. Донегол. Б. 18, стр. 233.
Крэнног-бой, приход Инишкил, Колорадо. Донегол. В. 444, стр. 28.
Крэнног Мак Самхрадайн, колорадо Каван. "Анналы четырех мастеров", Б. 9, стр. 45.
Крина Л., два крэннога, колорадо. Литрим. Б. 438, с. 408.
Каллина, недалеко от Мэриборо, графство Куинс. Б. 444, с. 210.
[86]Currygrane L., two crannogs, со. Лонгфорд. Б. 443, с. 410.
Деррин Л., ко. Роскоммон. Б. 13, Ап. с. 62.
Деррескит Л., ко. Cavan. В. 13, Ар. стр. 43.
Драмалиг Л., два крэннога, колорадо. Leitrim. В. 18; В. 13, Ар. стр. 43.
Драмдарраг или Триллик, колорадо. Фермана. Б. 441; Б. 217, с. 324.
[87]Драмгей, три крэннога и один стоун-айленд, колорадо. Фермана. Б. 189, с. 232 и Б. 217, с. 314.
[88]Драмкери Л., недалеко от Бейлиборо, Колорадо. Каван, Б. 57, с. 483.
[89]Драмкелин, приход Инвер, колорадо. Донегол. Б. 3, стр. 361.
[90]Драмлейн, в восьми милях от Кавана, два крэннога, колорадо. Каван. Б. 438, с. 149.
Драмскимли, три крэннога, колорадо. Фермана. Б. 189, с. 583 и Б. 217, с. 320.
[91]Драмслоу, со. Фермана. Б. 217, с. 321.
Эффернан, ко. Клэр. Б. 346, с. 336.
Эйс Лох, сикс крэнногс, Колорадо. Фермана. Б. 189, с. 553 и Б. 217, с. 317.
Фаун Л., ко. Внизу. Б. 24 и 25; Б. 18, стр. 158.
Форт Л., Колорадо. Донегол. В. 444, с. 181.
Фуншина Л., кол. Литрим. В. 13, Ар. стр. 43.
Гэлбалли, Колорадо. Тайрон, Б. 217, с. 197.
Гленкар Л., five crannogs, со. Слайго и Лейтрим. В. 444, с. 243.
Горталоу, Колорадо. Фермана. Б. 346, с. 336.
Грантстаун, Колорадо. Королева. Б. 93, с. 228.
Гил Л., колорадо. Антрим. Б. 148, с. 20.
Гур Л., ко. Лимерик. Эванс "Древние бронзовые орудия и т.д.", стр. 436; Б. 18, стр. 223.
Хакетт Лох (L. Címbe), со. Голуэй. "Анналы Лох-Ке", 1067; Б. 119, 2-е изд., стр. 654; Б. 18, стр. 230.
Гильберт Л., остров Горомна, обитатель озерных камней, Колорадо. Голуэй. В. 214.
Инишраш (Грин-Лох), Колорадо Дерри. В. 25, стр. 212.
Джористаун, ин-Ривер-Дил, Колорадо. Уэстмит. Б. 13, Ап. стр. 55, и Б. 444, стр. 205.
Килгласс Л. Б. 13, Ап., стр. 48.
Киллинюр, недалеко от Эннискиллена, Колорадо. Фермана. Б. 217, с. 323.
Килмор Л., два крэннога, колорадо. Монаган. Б. 13, Ап. стр. 43.
Килкнок Л., Колорадо. Антрим. Б. 24, стр. 153.
Нокани (Лох-Сенд), Колорадо. Лимерик. Б. 444, с. 156.
Лагор, или Даншоглин, ко. Мит. Б. 175, с. 462; Б. 14, с. 35; Б. 18; Б. 4, с. 425; Б. 10, с. 101.
Лейн Л., компания Роскоммон. *Калифорния. Государственные документы Ирландии*, том 156, стр. 374.
Ланкхилл, недалеко от Эннискиллена, Колорадо. Фермана. Б. 441, с. 372.
Лисборо Л., ко. Монаган. Б. 13, с. 43.
Ленаган, Колорадо. Фермана. Б. 444, с. 188.
Лисаниск, Колорадо. Монаган. "Остров, где когда-либо был дом Маккули"; Б. 18, с. 231; Б. 9,

с. 46 и Б. 8, с. 94.

Лиснакроглиера, недалеко от Браушейна, Колорадо. Антрим. Б. 411.

Лоханакранног, колорадо. Слайго. Б. 444, с. 246.

[92]Остров Лохран ("Иннис-ан-Лохан"), на реке Банн, недалеко от Колрейна, Колорадо. Антрим. Б. 13, с. 417; Б. 27, с. 192.

Луганнадеррига, остров Ахилл, Колорадо. Майо. Б. 444, с. 230.

Лугиншолин, ко. Дерри. Б. 18, с. 233; Б. 25, с. 157.

Лугаварра, Колорадо. Антрим. *Ольстер Дж. Арх.*, том vii, стр. 192; "Анналы четырех мастеров", 1544.

Лугавилли, Колорадо. Фермана. Б. 217, с. 321; Б. 346, с. 332.

[93]Лохли, три краннога, кол. Роскоммон. Б. 13, Ап. стр. 48 и 61; Б. 18, стр. 29.

Лох-на-Глак, кол. Монаган. Б. 9, с. 46.

Лох-Кэм, озеро стоун-хоуминг, Колорадо. Голуэй. Б. 214, с. 12.

Лафмагарри, ко. Антрим. Б. 24, с. 156.

[94]Loughtamend ("Лоуглитоман"), со. Антрим. *Там же.*, стр. 155.

Лафтаун, Колорадо. Литрим. Б. 13, Ап. 43.

Лофри, четыре крэннога, Колорадо. Голуэй, Б. 58, стр. 412.

Лох Оутер, три или более крэннога, колорадо. Каван. Б. 438, с. 151.

Линч-Лох ("Лох-Лейт-иннси"), Колорадо. Антрим. Б. 27, с. 193.

Мак Хью Л., два крэннога, колорадо. Leitrim. В. 13, Ар. стр. 43, и В. 440, стр. 408.

Макнин Л., три краннога, колорадо. Фермана. Б. 217, с. 323.

Мак Невин (Mac Spáidhain) Крэнног, колорадо. Голуэй. В. 70, стр. 176.

Манорхамилтон, Колорадо. Литрим. Б. 25, с. 346 и Б. 18, с. 552.

Марлаку, Колорадо. Арма. *R. H. A. A.*, том vi., 4th S., стр. 432.

Маска Л., Замок Ведьмы, каменное жилище на озере. Б. 214, стр. 11.

Мелвин Л. (Мелдж), между соавторами. Фермана и Литрим. "Анналы четырех Мастеров"; Б. 18, с. 231 и Б. 13, с. 215.

Мойненное, колорадо. Фермана. Б. 217, с. 322.

Монаинча, Колорадо. Типперэри. В. 444, стр. 212.

Моналти, в полумиле от Каррикмакросса, Колорадо. Монаган. Б. 8, с. 94 и Б. 9, с. 46.

Монеа, Колорадо. Фермана. Б. 217, с. 318.

Монгавлин, Колорадо. Донегал. "Анналы Лох-Ке"; В. 444, с. 151.

Монначин Л., ко. Монаган. *Там же.*, стр. 151.

Морн Л., два крэннога, колорадо. Антрим. Б. 390, стр. 194 и 371, и Б. 439, стр. 321.

Мойна Л., кол. Мит. Примечания полковника. Вуд-Мартин.

Муикана Л. (Лох Лейзи), компания Роскоммон. Б. 18, стр. 230.

Макноу Л., колорадо. Монаган. Б. 444, с. 151.

Муинтир Эоле, колорадо. Литрим. "Анналы четырех мастеров"; Б. 18, с. 231; Б. 9, с. 45.

Нахинч Л., Типперэри и Королевское графство. Б. 70b; "Ирландия" Уэйкфилда, том i, стр. 94.

Наневин Л., ко. Голуэй. Б. 118, с. 31.

Уни Л. ("Лох-н-Уитни"), Колорадо Монаган. "Анналы Лох-Ке"; В. 444, с. 156.

Оуэл Л., со. Вестмит. *Pro. R. I. A.*, том ix. стр. 210.

Площадка или Лодка Л., недалеко от Лох-Айз, Колорадо. Фермана. Б. 217, с. 318.

Равель Л., "Деррихоллоу", "Агалоуган", недалеко от Рэндалстауна, Колорадо. Antrim. В. 24 и 25; В. 148, стр. 22; В. 215, стр. 74 и 194; *Кулк. А. С.*, 2-й С., тома iii, стр. 88 и iv, стр. 36.

[95]Раханс Л., недалеко от Каррикмакросса, Колорадо. Монаган. *К. А. С.*, том iv., 2-й С., стр. 379.

Рамор Л., ко. Каван. Б. 438, с. 152.

[96]Ринн Л., три или четыре крэннога, со. Литрим. Б. 24, с. 147; Б. 440, с. 408.

Росс Л., недалеко от Кроссмаглена, Колорадо. *Armagh. J. R. H. A. As.*, том vi., 4th S., стр. 432.
Roughan L., близ Данганнона, Колорадо. Тайрон. Б. 438, с. 152.
Роуски Л., ко. Монаган. Б. 444, с. 151.
Скур Л., два крэннога, колорадо. Литрим. "Анналы Лох-Си", 1345, 1390 и 1580; Б. 13, Ап. стр. 43. Б. 18, стр. 223.
[97] Сент-Джонс-Лох, четыре крэннога, колорадо. Литрим. Б. 13, Ап., стр. 43 и 59.
Талог Л., в Финаге, несколько кранногов, колорадо. Литрим. Б. 440, с. 408.
Чудеса, кол. Фермана. Б. 217, с. 319 и Б. 346, с. 331.
Toom Bar, со. Антрим. Б. 92, с. 227.
[98] Талли Л., три краннога, колорадо. Каван. Б. 438, с. 150.
Tullyline, со. Каван. Б. 13, с. 215.
Виаг Л., Колорадо Донегал. "Анналы", Б. 18, стр. 231.
Йоан Л., со. Фермана. Б. 217, с. 324.

II.—ШОТЛАНДСКИЕ ОЗЕРНЫЕ ЖИЛИЩА Или КРАННОГИ.

Только после того, как открытия на Континенте привлекли всеобщее внимание, археологи начали искать подобные останки в Британии. Затем было обнаружено, что ранние исторические упоминания об островных фортах и некоторые случайные упоминания о вскрытии погребенных островов, искусственно построенных из дерева и камня, и других остатков озерных жилищ во время осушения озер и топей в последней и начале этого столетия были полностью упущены из виду. Заслуга правильной интерпретации этих останков в Шотландии и систематического представления их антикварам принадлежит покойному Джозефу Робертсону, эсквайру, Ф.С.А., Шотландия, который 14 декабря 1857 года прочитал в Обществе антикваров Шотландии доклад на эту тему, озаглавленный "Уведомления об острове Лох-оф-Банчори, острове Лох-Канмор и других шотландских примерах искусственных или частоколенных островов, называемых крэнногами в Ирландии и Кельтишен-Пфальбаутеном в Швейцарии".

Статья мистера Робертсона, хотя и не была опубликована, сразу же привлекла внимание и стимулировала столь интенсивные дальнейшие исследования со стороны членов Общества, что на следующем заседании Общества был зачитан еще один доклад по этому вопросу мистером Джоном Маккинли, Ф.С.А., Шотландия (В. 21), из которого явствовало, что еще в 1812 году этот джентльмен наблюдал какие-то останки (теперь предполагается, что это крэнног) в Ду Лох, на острове Бьют, которые были описаны в письме от 13 февраля 1813 года. Это сообщение дошло до Джорджа Чалмерса, эсквайра, автора книги "Каледония", по поводу которой в письме от 26 апреля 1813 года он говорит: "Это непосредственно иллюстрирует некоторые из самых малоизвестных древностей Шотландии. Я имею в виду деревянные замки, которые относятся к шотландскому периоду, когда камень и известь мало использовались в строительстве. Я должным образом воспользуюсь этим открытием мистера Маккинли." В 1863 году доктор Джон Григор из Нэрна описал "два древних озерных жилища, или краннога, в озере Кланов, Нэрншир". (Б. 55.) Останки, однако, были слишком несовершенны, чтобы представлять ценность для иллюстрации их строения, и единственными найденными реликвиями были фрагмент небольшой каменной чаши или лампы, два точильных камня, железный наконечник топора, немного древесного угля и кусочки кости.

Более важным открытием, сделанным примерно в то же время, была группа искусственных островов в озере Лох-Доуолтон, графство Уигтауншир, которые были впервые описаны его светлостью герцогом Нортумберлендским (тогда еще лордом Ловейном) в докладе, прочитанном на собрании Британской ассоциации в Ньюкасле-на-Тайне в 1863 году. (Б. 56.) Примерно два года спустя мистер Джон Стюарт, секретарь Общества антикваров Шотландии, посетил Доуолтон и, благодаря тому, что за это время было произведено большее осушение озера, получил возможность повторно осмотреть острова Доуолтон при более благоприятных обстоятельствах. Результатом его трудов стал подробный доклад для Общества, в котором он дал подробный отчет о структуре и реликвиях этих крэнногов, а также воспользовался возможностью включить в свою статью все факты, которые он смог почерпнуть, чтобы обеспечить основу для сравнения шотландских примеров с примерами в других странах. В. 94.)

С момента публикации статьи доктора Стюарта в 1866 году был достигнут незначительный прогресс в исследовании шотландских крэнногов, хотя их следы время от времени замечались в различных частях Шотландии, вплоть до открытия и изучения Лохли крэнног, графство Эйршир, в 1878-9 годах. Работа, сделанная в Лохли, была важна не только из-за собранной разнообразной коллекции реликвий, но и из-за интереса, который она вызвала к археологическим исследованиям, плоды которых уже были пожаты открытием не менее пяти других озерных жилищ на юго-западе Шотландии, все из которых в настоящее время тщательно исследованы. Полные подробности этих исследований приведены в Коллекциях Археологической ассоциации Эйршира и Галлоуэя, а также в моей недавней работе о "Шотландских озерных жилищах". (Б. 331, 344, 373 и 426.)

Хотя вряд ли можно сказать, что такие общие указания на жилища у озера ограничивают их географическое распространение какой-либо конкретной областью Шотландии, примечательно, что в том, что касается обнаружения фактических останков, свидетельствующих о цивилизации и социальном положении их обитателей, мы почти полностью зависим от исследований, проведенных в Доуолтоне, Лохли, Лохспоутсе, Бустоне, Эйриуленде, Бархапле и Фрайарс-Карсе, все из которых расположены в графствах Эйр, Дамфрис и Вигтаун. Проводя сравнение реликвий этих соответствующих групп, мы обнаруживаем столь поразительное сходство, что нам нетрудно отказаться от необходимости обсуждать достоинства каждой группы в отдельности; так что любые выводы, которые могут быть законно выведены из критического рассмотрения любой одной группы, могут быть безопасно применены ко всей в целом.

В качестве предварительного пояснения к этому исследованию нижеприведенных подробностей исследования озерных жилищ в Шотландии, я надеюсь, будет достаточно, чтобы дать широкому кругу читателей достаточно правильное представление о социальных условиях и окружении народа, историю которого, исключительно с археологической точки зрения, является нашей целью здесь изложить.

ДАУЭЛТОН.

Озеро Дауэлтон было неправильной формы, около 1½ мили в длину и около трех четвертей мили в наибольшую ширину, и без какого-либо заметного стока для осушения. Сэр Уильям Максвелл добился этого, проделав прорезь глубиной 25 футов в стене из уинстона и сланца, которая замыкала его на юго-восточной границе. Когда летом 1863 года воде позволили отойти, стало видно не менее пяти искусственно построенных островов. На одном из них была выложена пирамида из камней, которая всегда оставалась над водой и была известна как "Пирамида мельника" из-за того, что ее использовали, подобно Нилометру, для

измерения количества воды в озере и, таким образом, для регулирования ее подачи на соседние мельницы. "При приближении к пирамиде, - говорит доктор Стюарт, - сначала привлекли внимание многочисленные ряды свай, которые ее окружали. Эти сваи были сложены из молодых дубков. На северо-востоке располагались врезные рамы из дубовых балок, похожие на барьеры, а под ними горизонтально лежали круглые деревья. В некоторых случаях вертикальные сваи были врезаны в горизонтальные брусья. Под ними были слои веток орешника и березы, а под ними - заросли папоротника, все вперемешку с большими валунами, пронизанными кучами. Выше всего была поверхность из камня и почвы, которая находилась на несколько футов под водой, пока не был проведен недавний дренаж. Каркасы ограждения были аккуратно скреплены между собой и закреплены колышками во врезных отверстиях. На одной стороне острова появилось круглое пространство размером в несколько футов, на котором лежал слой белой глины, побуревшей и прокаленной, как от действия огня, а вокруг него были кости животных и древесная зола.... Ряды свай, по-видимому, служивших опорой для дамбы, вели от нее к берегу". (Б. 94.)

Другие острова были построены аналогичным образом и из аналогичных материалов. Самый большой и удаленный от берега имел двадцать три ярда в диаметре, и его поверхность была на три фута ниже, чем у остальных. Несколько каноэ и бронзовая посуда были найдены в грязи поблизости от этих островов, и при раскопках на них было собрано много реликвий и сломанных костей, список которых, насколько известно на сегодняшний день, приводится ниже:—

РЕЛИКВИИ КРЭННОГОВ Из ОЗЕРА ЛОХ-ДОУОЛТОН.

Металл.— "Горшок или коленная чашечка из бронзы желтоватого цвета (**рис. 126**) с ручкой, выступающей из верхнего края, длиной 7 дюймов, на которой выбиты буквы P. CIPOLIBI. На дальнем конце находится круглое отверстие. Дно украшено пятью выступающими кольцами и имеет диаметр 6 дюймов; поперек горловины оно имеет диаметр 8 дюймов; внутренняя сторона, по-видимому, покрыта оловом и имеет ряд вырезанных линий на разном расстоянии. Сосуд украшен снаружи, напротив ручки, рельефным человеческим лицом, окруженным подвижным кольцом, с помощью которого можно было поднимать горшок". (Б. 94, с. 109.)

Рис. 126.—Бронзовое блюдо (высота 5½ дюйма).

Бронзовый таз размером 10 дюймов в диаметре и 4 дюйма в глубину украшен несколькими заплатками (рис. 127). Он состоит из нескольких отдельных кусков листового металла, склепанных вместе, и, по-видимому, имел железную ручку.

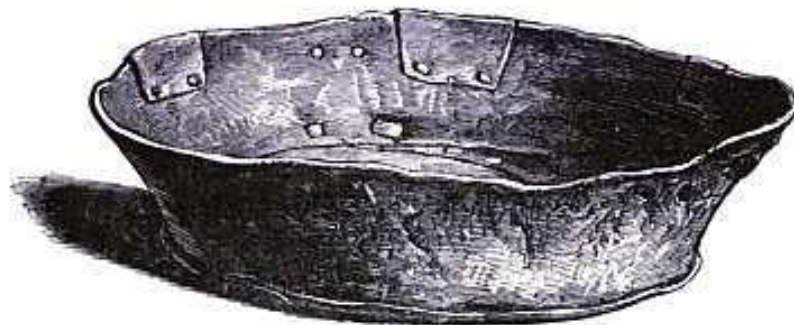

Рис. 127. Бронзовое блюдо диаметром 10 дюймов.

Два бронзовых блюда, выкованных из массива. Одно имеет размеры 12 дюймов в диаметре и 4 дюйма в глубину. Другой имеет тот же диаметр, что и первый, но на 1 дюйм меньше в глубину и имеет загнутый обод шириной 1 дюйм (рис. 128).

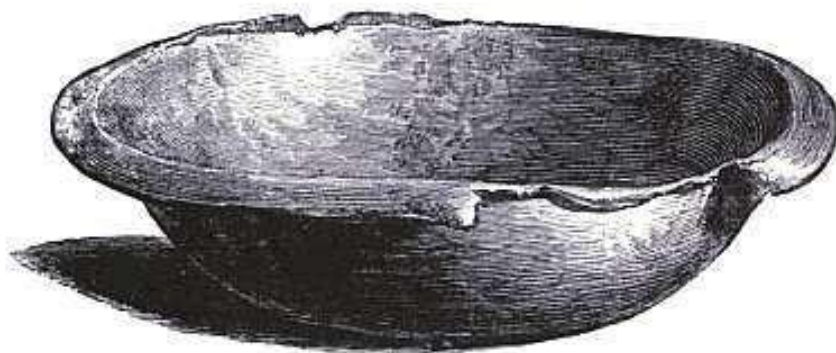

Рис. 128. Бронзовое блюдо диаметром 12 дюймов.

Бронзовое кольцо, к которому прикрепили часть сосуда, у которого оно служило ручкой (рис. 129).

Рис. 129.—Бронзовое кольцо-ручка, $\frac{1}{2}$ реального размера.

Кольцевая брошь и круговой орнамент с отверстиями в форме трубы, вероятно, предназначенные для эмали[99] ([Рис. 130](#)). Также небольшое кольцо, осколок бронзы и железный шлак.

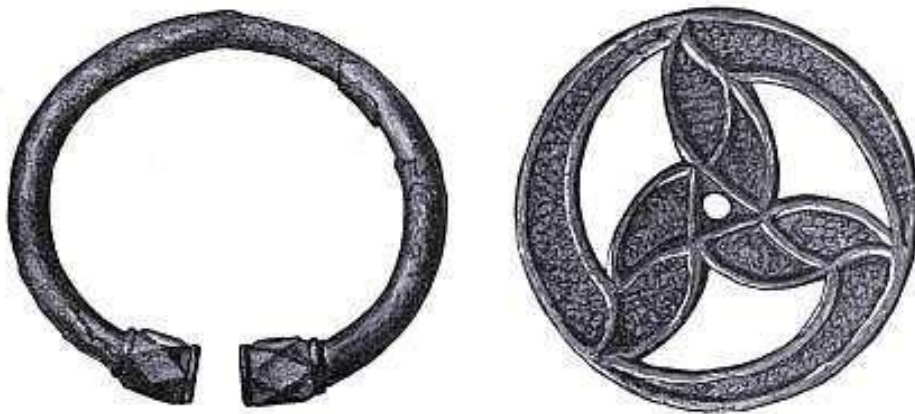

Рис. 130.—Бронзовая брошь ($\frac{1}{4}$) и Бронзовое украшение (2 дюйма в диаметре).

Три железных молотка или топорща ([рис. 131](#)).

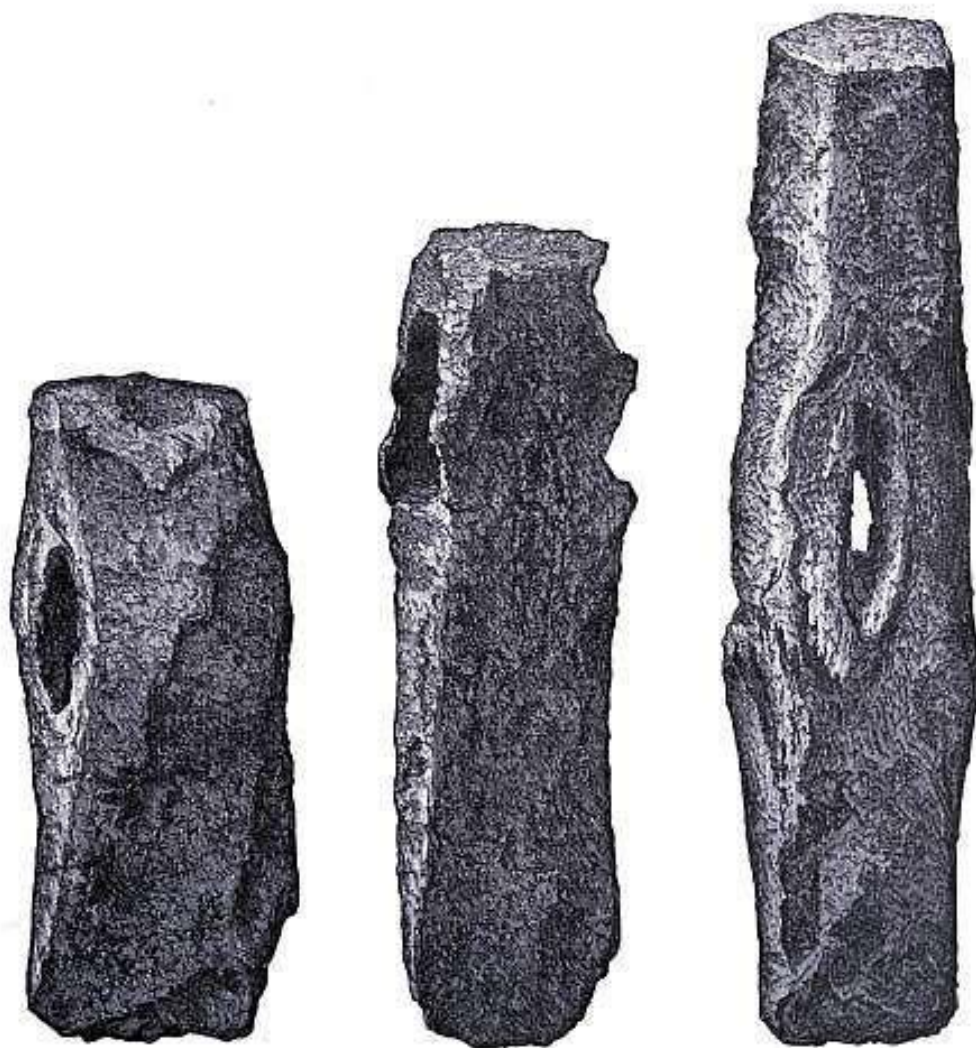
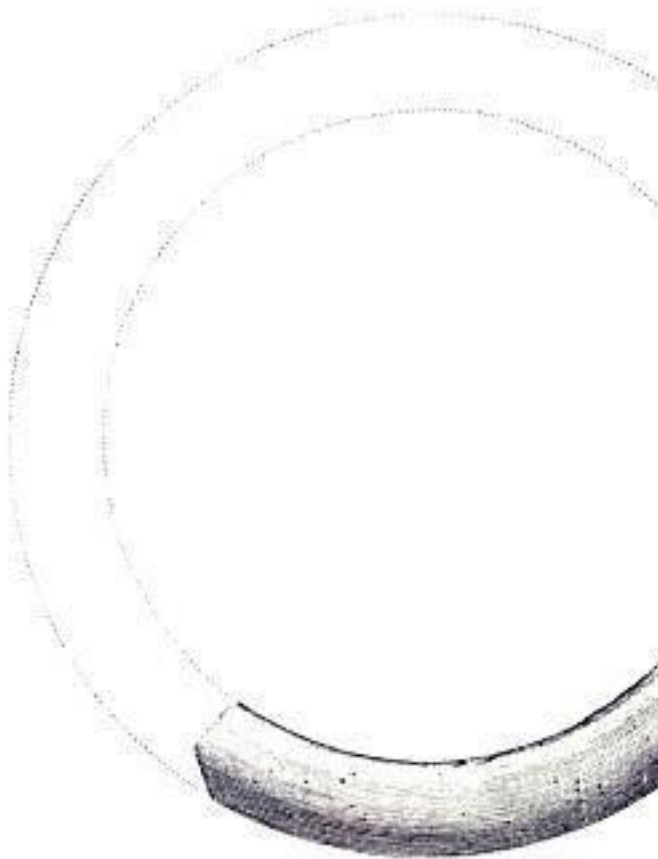

Рис. 131.—Железные топоры-молотки ($\frac{1}{2}$).

Стекло.— Две бусины из фаянса с ребристым рисунком, на которых видны следы зеленой глазури; одна из стекловидной пасты беловатого цвета с красными пятнами; половина другой бусины из белого стекла с синими прожилками; и большая бусина диаметром $1\frac{1}{4}$ дюйма, несколько примечательного характера. Последний имеет в центральной части бронзовую трубку, а края обеих сторон перфорации украшены тремя тонкими полосками из витого желтого стекла, в то время как корпус выполнен из синего стекла с ребристым рисунком ([рис. 132](#)).

Браслет из белесого стекла
с прожилками голубой ($\frac{1}{2}$).

Часть браслет ($\frac{1}{4}$).

Синяя стеклянная бусина,
длинной 1 дюйм и
шириной $1\frac{1}{4}$ дюйма.

Бусины настоящего размера.

Рис. 132.—Предметы из стекла или стекловидной пасты.

Несколько частей стеклянных браслетов. Половина одного из них из белого стекла с синими прожилками. Другие имеют желтоватый или беловатый цвет (**рис. 132**). Небольшой кусочек синего стекла.

Кожа.— Часть кожаного ботинка длиной 7 дюймов, почти покрытая декоративными штампованными узорами (**рис. 133**).

Камень. Тонкий плоский камень прямоугольной формы, хорошо отполированный, предположительно использовался в качестве зеркала; пять квернов, обломок желтого кремня и несколько точильных камней.

Рис. 133.—Часть кожаного ботинка (длина 7 дюймов).

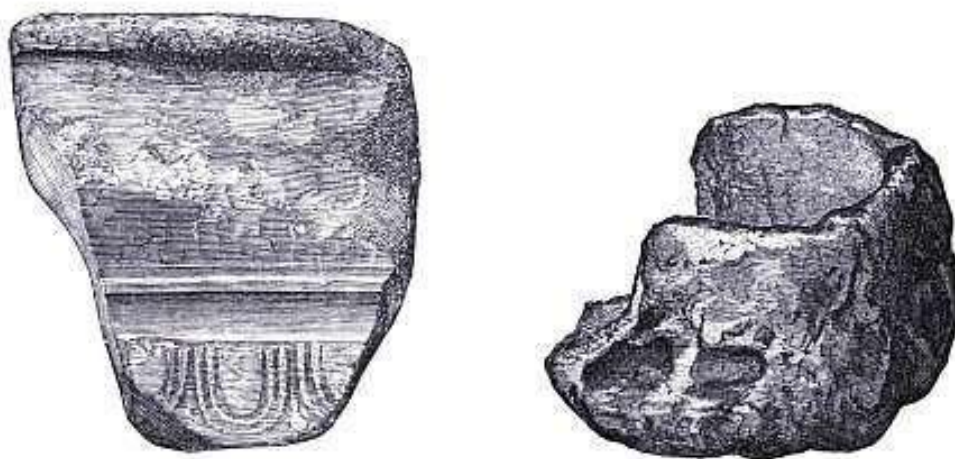

Рис. 134.—Кусочек самийской посуды ($\frac{1}{4}$) и часть тигля ($\frac{1}{2}$).

Дерево.—Пять каноэ размером от 18 до 25 футов в длину и от 2 футов 7 дюймов до 4 футов 2 дюйма в ширину. Доктор Стюарт описывает один из них как "25 футов в длину, укрепленный выступающей к центру поперечной полосой, оставленной в твердом теле для выдалбливания внутренней части". Большой деревянный сосуд, грубо вырезанный из цельного куска, и часть чаши с круглыми канавками, сделанными с помощью токарного станка по дереву.

Керамика.—Небольшой фрагмент самийской посуды и глиняный тигель ([рис. 134](#)).

Разное.—Маленькое незаконченное колечко из сланца, янтарная бусина и медная монета.

ЛОХЛИ.

На месте озера Лохли крэнног было небольшое озеро, которое раньше занимало около девятнадцати акров того, что сейчас является пахотной землей и было ею в течение многих лет на ферме Лохли, недалеко от Тарболтона. До того, как он был искусственно осушен, около пятидесяти лет назад, никто, по-видимому, не предполагал, что маленький остров, который становился видимым летом и служил безопасным местом обитания чаек и других морских птиц в период их размножения, раньше был резиденцией человека; не привлек он внимания и поэта Бернса, который четыре года прожил на этой ферме пахарем у своего отца, тогдашнего арендатора этого места. Крэнног находился недалеко от устья озера, а

ближайшая земля, его южный берег, находилась примерно в семидесяти пяти ярдах от него. Когда был проведен первый дренаж озера, некоторое внимание привлекли кованые изделия из дерева, обнаруженные в канализационных трубах, проходящих через остров, и особенно обнаружение двух каноэ, зарытых во мху. Однако только в 1878 году, в результате некоторых открытий, сделанных во время повторного осушения местности, этот важнейший кранног был исследован.

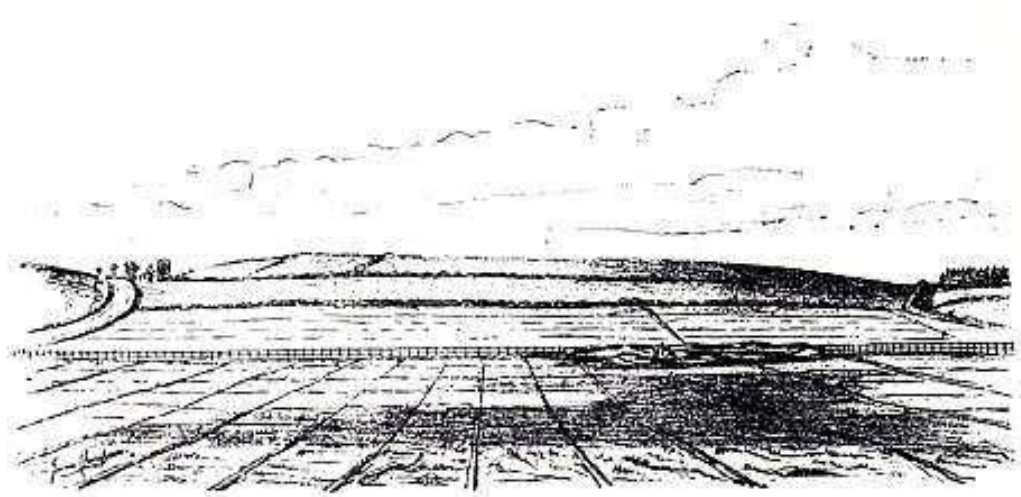

Рис. 135.—Общий вид местности Лох-Ли-Крэнног.

Общий вид, который он представлял до начала раскопок, как показано на [рис. 135](#), представлял собой поросший травой холм, более сухой, плотный и немного более возвышенный, чем окружающее поле. Ближе к краю этого холма виднелись верхушки нескольких деревянных свай, едва выступающих над травой, что сразу наводило на мысль, что это могли быть части частокола на острове.

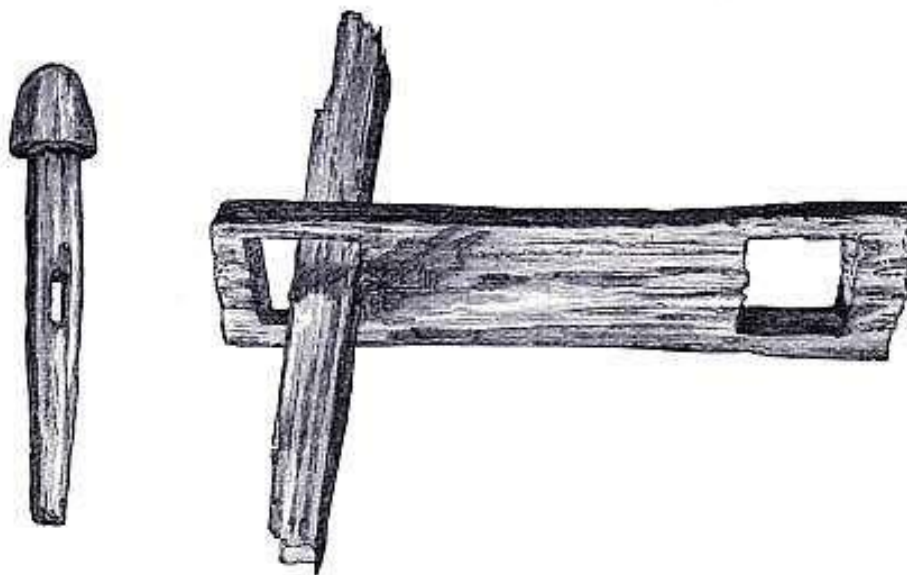

Рис. 136.— Врезная балка с частью стойки ($\frac{1}{24}$) и деревянным колышком ($\frac{1}{8}$).

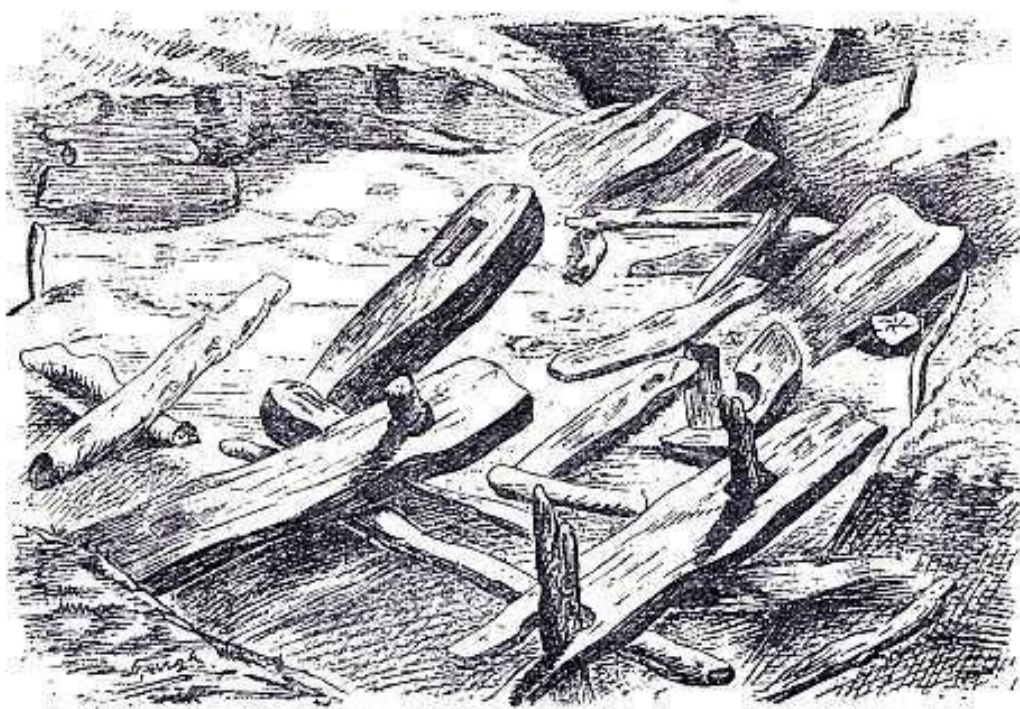

Рис. 137.—Эскиз, показывающий часть окружающего частокола с врезными балками.

Диаметр острова составлял около ста футов; и его поверхность была занята следующим образом: В центре находилась плоская круглая площадка диаметром около шестидесяти футов. Затем последовал двойной ряд вертикальных свай на расстоянии от 2 до 3 футов друг от друга. Они были связаны между собой короткими поперечными балками с отверстиями, обычно квадратными, на каждом конце ([рис. 136](#)), в которые входили верхушки стоек, в то время как другие тянулись по окружности, образуя прочную сеть. Поверхность этих горизонтальных вяжущих была примерно на три фута выше уровня внутренней площадки, и, таким образом, частокол напоминал бруствер. В северо-восточном углу это устройство было более совершенным, чем где бы то ни было (см. Эскиз, [рис. 137](#)) и представляло собой то, что должно было быть пристанью, поскольку от нее на несколько ярдов вглубь тянулся аккуратно сколоченный деревянный настил. За частоколом с северной стороны была навалена масса хвороста и кольев, образующих своего рода решетку, как будто предназначенную для дальнейшей защиты острова. В центре внутренней территории находился квадратный участок размером 39 футов с каждой стороны, покрытый плотно уложенными балками из расщепленных стволов деревьев, имеющими вид и размер железнодорожных шпал, которые, по-видимому, были настилом деревянного дома. Эта бревенчатая мостовая (как мы ее называли) была окружена деревянной стеной, от которой тогда остались только обрубки, и линия таких же обрубков тянулась поперек нее с востока на запад, разделяя таким образом здание пополам на два почти равных отсека. Стороны этого деревянного фундамента были обращены к четырем сторонам света, а его углы как раз доходили до окружающих частоколов. На поверхности деревянного тротуара были найдены фрагменты балок причудливой работы и несколько больших широких досок. Некоторые из них были рифлеными, а также имели квадратные отверстия, в которые можно было врезать как поперечные, так и вертикальные балки. (Смотрите эскиз, [рис. 138](#).) Дверной проем, обрубки боковых стоек которого были легко различимы, открывался на юг; а впереди, но левее, находилась обширная куча мусора, в которой было найдено множество реликвий. Эта куча мусора занимала пространство между южным краем бревенчатого настила и

окружающими частоколами - примерно 10 или 12 футов в ширину и примерно вдвое больше в длину.

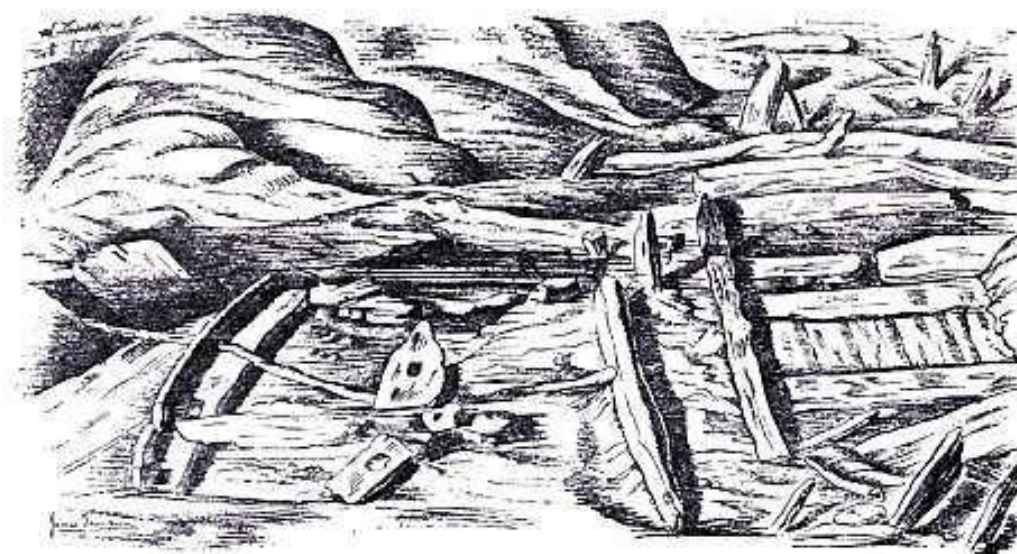

Рис. 138.—Балки с пазами, лежащие поверх бревенчатого покрытия.

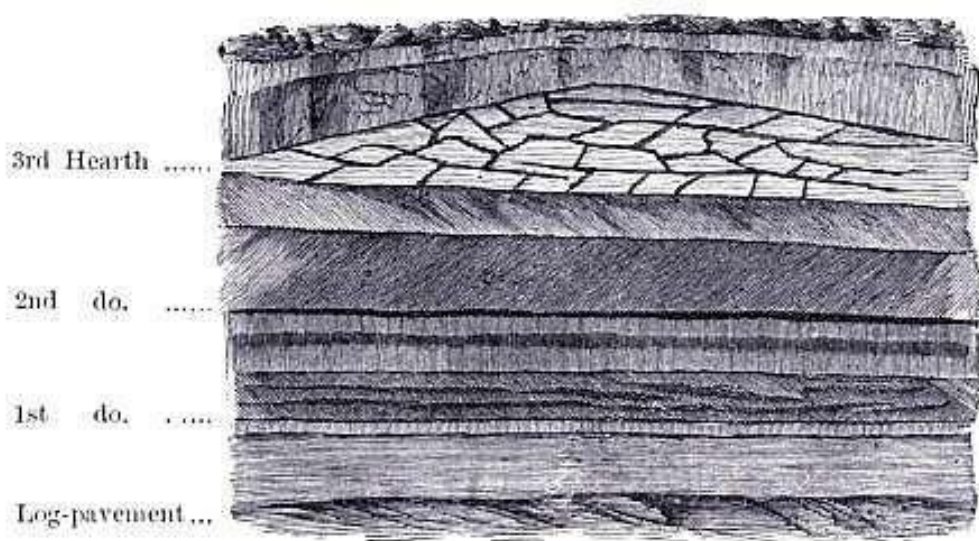

Рис. 139.—Перпендикулярный разрез через три нижних пода.

Примерно в середине северной половины бревенчатого настила был обнаружен примечательный ряд из четырех очагов, или кострищ, расположенных один над другим. Самый нижний располагался немного выше бревенчатого настила, и между ним и деревом находился слой камней, глины и земли. Примерно на полтора фута выше располагался второй очаг; через такой же интервал - третий; и еще на 2 с половиной фута выше - четвертый. Эти очаги были сформированы из небольших валунов, уложенных вплотную друг к другу, наподобие каменной дамбы, погруженных в слой глины и окруженных им (**рис. 139**). Они были овальной или круглой формы и около четырех футов в диаметре. Соответствующие

слои глины выходили значительно за пределы очагов, вокруг которых они, по-видимому, образовывали настил. Третий очаг (считая снизу вверх) был построен более искусно, чем остальные, и он был окружен несколькими обрубками прочных стоек, которые, без сомнения, были остатками второстепенного здания, поскольку их нижние концы не выходили далеко за уровень очага. Пространство под глиняным слоем, соответствующее этому очагу и простирающееся вниз до бревенчатого настила, было рядом с мусорной кучей самым богатым на реликвии. В нем, примерно на уровне второго очага, были найдены почти целые скелеты двух животных, похожих на козу или овцу, к черепам которых были прикреплены короткие роговые стержни.

Трап.—За навозной кучей, за пределами острова, были обнаружены вершушки нескольких свай, и при проведении поисковых раскопок оказалось, что это остатки трапа. Поскольку это сооружение было очень своеобразным и в чем-то сравнимым с деревянными конструкциями, описанными Вирховом и другими в немецком Pfahlbauten, я приведу здесь свое первоначальное описание этого *in extenso*. (Смотрите план и разделы на [странице 416](#)):—

"Мы начали это исследование с раскопок прямоугольного пространства длиной 30 футов, шириной 16 футов и глубиной 3-4 фута в направлении, указанном сваями, и обнажили целый лес дубовых кольев. Затем были проделаны другие траншеи с точно такими же результатами. Обнаруженные таким образом колья на первый взгляд не соответствовали какому-либо систематическому расположению, но мало-помалу мы обнаружили, помимо шести отдельных куч, небольшие группы по три, четыре и пять, расположенные тут и там через короткие промежутки времени. Это наблюдение, однако, не имело большого значения, так что мы не могли составить никакого мнения относительно способа их использования. До этого момента нигде не было видно следов врезных балок. Во всех этих траншеях выкопанный материал был одинакового характера. Первым или самым верхним слоем был слой тонкой глины толщиной более 2 футов, а затем мягкая темная субстанция, образовавшаяся из разложившихся растительных остатков. Источник последнего был очевиден по наличию в его верхнем слое большого количества листьев, некоторых стеблей, ветвей и корней низкорослых деревьев *in situ*. Вершины куч в траншее рядом с кранном находились на 2-3 фута ниже поверхности поля, но они постепенно поднимались по мере того, как мы удалялись от кранного, и в траншее рядом с берегом одна или две были найдены на уровне травы. Материал на дне траншеи глубиной около 4 футов был таким мягким, что человек едва мог стоять на нем, не проваливаясь по щиколотку. Он был и близко не таким тяжелым, как верхние слои, но более клейким и орехово-коричневого цвета, который при воздействии быстро темнел. Несмотря на рыхлость этого материала, сваи на ощупь были довольно прочными, и этот факт, вместе с опытом, полученным при исследовании более глубоких структур острова, привел к предположению, что сваи должны заканчиваться каким-то более прочным основанием, чем до сих пор казалось очевидным. Чтобы устранить все сомнения на этот счет, хотя длинный железный прут можно было легко опустить вниз, не встречая никакого сопротивления, мы приказали вырыть большую глубокую шахту на линии свай, и для этой цели была выбрана выемка, ближайшая к кранному. Это было сделано с большим трудом, но мы были щедро вознаграждены, наткнувшись на сложную систему обработки дерева, понять которую мне показалось не менее трудным, чем описать ее сейчас. Первая горизонтальная балка достигала глубины около 7 футов, а на протяжении остальных 3 футов мы проходили через целую сеть подобных балок, расположенных в разных направлениях. Ниже этого уровня —*т.е.* в 10 футах от поверхности — рабочие больше не могли найти балок, и озерный ил стал более твердым и рыхлым. Затем мы расчистили большую площадь, чтобы, по возможности, продемонстрировать структурное расположение

деревянных элементов. Теперь стала очевидна причина группировки свай. Группы были расположены несколько зигзагообразно по бокам прохода, и от каждой расходился ряд горизонтальных балок, концы которых пересекали друг друга и удерживались на месте стойками. Одна группа была тщательно проверена. Первая или самая низкая наблюдаемая балка была прямой поперек, следующая проходила вдоль и, конечно, под прямым углом к первой, затем три или четыре расходились по диагонали веером и заканчивались другими группами на противоположной стороне прохода, и, наконец, одна снова проходила вдоль. Таким образом, каждая балка поднимала уровень общей конструкции точно на высоту своей толщины, хотя в середине оставались большие пространства в форме ромба, совершенно свободные от каких-либо балок. Общая ширина исследованной части этого уникального сооружения составляла около 10 футов (но отдельно стоящая свая была замечена дальше), а ее толщина варьировалась от 3 до 4 футов. Большая дубовая доска, около 10 футов длиной, на которой видны следы от режущего инструмента, с помощью которого она была сформована, была найдена лежащей на краю с западной стороны и за линией свай, но в остальном никаких остатков платформы обнаружено не было. Все балки и колья были сделаны из дуба и так тщательно скреплены друг с другом, что, хотя не было обнаружено ни единого стыка, паза или булавки, вся ткань была прочной, как камень. Ни при каких раскопках вдоль линии этого прохода не было найдено никаких реликвий". (Б. 373, с. 99-101.)

Структура острова. Теперь, собрав основные сведения о бревенчатом настиле, окружающих его конструкциях и вмещающих материалах, мы решили пробить шахту примерно в центре кранога с целью установления, по возможности, толщины, состава и типа строения самого острова. Шахта была прямоугольной формы и достаточно большой, чтобы в ней могли работать трое мужчин. (См. план и разделы, [страница 416](#).) Сняв три или четыре слоя дубовых досок, составлявших эту часть бревенчатого настила, мы наткнулись на тонкий слой хвороста, а затем на большие стволы деревьев, уложенные правильными слоями, причем бревна в каждом слое лежали параллельно друг другу, но поперечно или иногда наискось по отношению к бревнам в слое непосредственно над или под ним. В западном конце траншеи, после снятия первого и второго слоев бревенчатого покрытия, мы нашли часть небольшого каноэ, выдолбленного из ствола дуба, очевидно, часть старого изношенного каноэ, которое таким образом экономили и использовали вместо подготовленного бревна. Значительный прогресс в такого рода земляных работах был отнюдь не легкой задачей, поскольку приходилось заставлять двух человек постоянно откачивать воду, которая обильно стекала со всех сторон в траншею, и даже тогда на дне всегда оставалось немного. Продвигаясь вниз, мы натыкались слой за слоем на стволы деревьев с плотно обрубленными ветвями, такими мягкими, что лопата легко перерубала их. Преобладающей породой древесины была береза, но иногда встречались дубовые балки с отверстиями на концах, через которые дубовые колышки проникали в другие отверстия в бревнах под ними. Было обнаружено, что один такой колышек, примерно трех-четырех дюймов в диаметре, проходит не менее чем через четыре балки в последовательных слоях и в конечном итоге заканчивается круглым стволом диаметром более тринадцати дюймов. Одна из дубовых балок была извлечена целиком и имела размеры 8 футов 3 дюйма в длину и 10 дюймов в ширину, а отверстия в ней находились на расстоянии 5 футов друг от друга. Другие имели небольшие круглые выступающие бруски, которые вставлялись в врезные отверстия в соседних балках. На глубине около четырех футов бревна были грубо расколоты, но ниже это были круглые грубые стволы, к которым все еще прилипла кора. Их средний диаметр составлял от шести дюймов до одного фута, и среди них было несколько странно искривленных стеблей, иногда демонстрирующих большие узловатые выступы. Конечно, в процессе рытья траншеи древесина была разрезана на куски, и, когда ее раскрыли, ее волокна имели естественный и даже свежий вид, но через несколько минут после

воздействия воздуха свежесрезанные куски стали черными, как чернила. Среди обломков, выброшенных с глубины 6 футов под бревенчатым покрытием, я подобрал большую часть разбитого молотка или полировальной машины, которая, судя по изношенному виду, представленному ее изломанными краями, должно быть, использовалась впоследствии для ее поломки. После значительного труда, когда действительно открыто говорилось о вероятности полного замешательства при достижении дна, наш самый энергичный мастер, наконец, объявил, прорубив большой плоский ствол толщиной 14 дюймов, что под ним он не может найти никаких следов дальнейшей обработки дерева. Вещество, извлеченное из-под нижних бревен, состояло из нескольких веточек орешника, вмурованных в темную, твердую, но рыхлую и несколько торфянистую почву, которая, как мы пришли к выводу, была илом озера, отложившимся до того, как был заложен фундамент кранного. Глубина этой сплошной массы деревянных изделий, измеряемая от поверхности бревенчатого настила, составляла 9 футов 10 дюймов, или около шестнадцати футов от поверхности поля. Среди самых последних лопат, извлеченных с этой глубины, была найдена почти половина хорошо сформованного и отполированного кольца из сланца, внешний и внутренний диаметры которого составляли 3½ и 2 дюйма соответственно.

РЕЛИКВИИ Из ЛОХЛИ.

Камень.—Несколько молотков, камней для пращи и т.д. Пять точильных камней обычной формы. Они сделаны из твердого глиняного камня или иногда из мелкого песчаника и варьируются в длину от 5 до 7 дюймов. На одном из них длиной 6 с половиной дюймов почти по всей длине проходит канавка (рис. 140). Большой овальный камешек из белого кварца, используемый в качестве наковальни. Плоский круглый камень диаметром 3 дюйма и толщиной 1¾ дюйма, по форме напоминающий сыр. Один каменный кельт сделан из твердого пятнистого зеленого камня (рис. 141). Пять верхних и несколько обломков нижних жерновов или квернов, в основном из гранита. Все первые несколько вытянуты, с воронкообразным отверстием в центре и, как правило, с небольшим круглым отверстием у края, как показано на прилагаемой иллюстрации. Два камня с чашеобразной маркировкой, один с двумя концентрическими кругами (рис. 141). Одно веретено-завиток из камня и три из глины (рис. 141). Два кремневых отщепа и один скребок (рис. 141). Несколько обработанных участков камней.

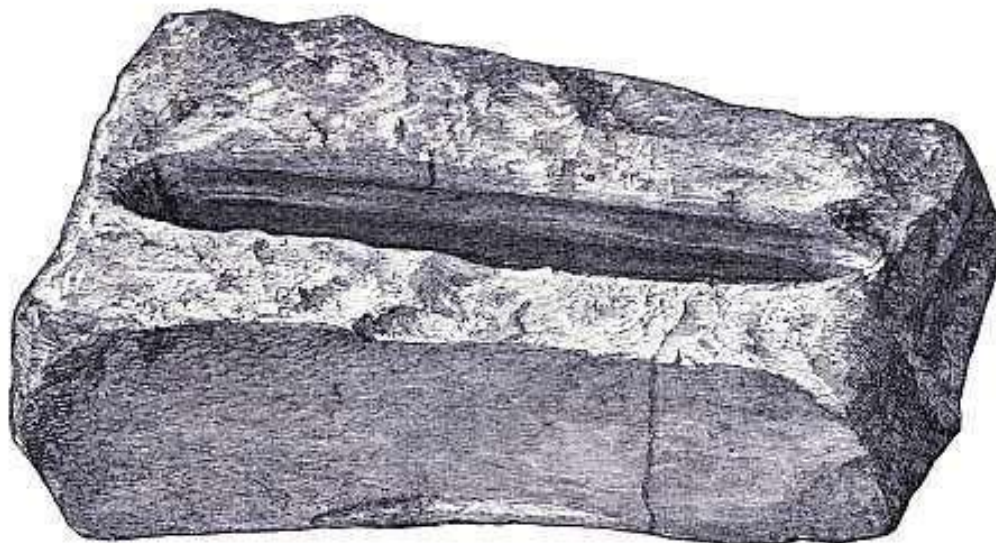

Рис. 140.—Заточка длиной 6 ¼ дюйма.

Кость и рог.—Две стамески, пять заостренных предметов, маленькая ложка, игла с ушком посередине, маленькое кольцо и несколько обработанных кусочков ребер были сделаны из кости. Из рога было изготовлено около сорока изделий — дубинки, крючки, накладки, рукояти и т.д. (**Рис. 142**).

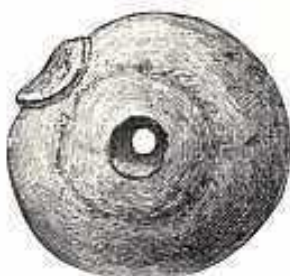
Quern, 1.

Sandstone, 1.

Stone Whorl, 1.

Clay Whorl, 1.

Flint Scraper, 1.

Stone Axe,

1

Flint Flake,

Рис. 141.—Предметы из камня и глины.

Дерево.—Аккуратное корыто, похожее на мясницкий поднос, вырезанное из цельного дерева (рис. 143). Пять блюд, выточенных на токарном станке, миски, тарелки, половник и т.д. Кусок ясеня площадью 5 дюймов с любопытным рисунком, вырезанным с обеих сторон (рис. 144 и 145). Шесть орудий, похожих на дубинки, молоток и несколько предметов, очевидно, предназначенных для сельскохозяйственных целей. Пять разновидностей колышков длиной от пяти до четырнадцати дюймов, с головками и иногда перфорацией. Один из них, изображенный здесь, имеет длину 14 дюймов (рис. 136). Корма - часть каноэ, двойное весло, часть большого весла и три каноэ. Лопатка и молоток здесь фигурные (рис. 146).

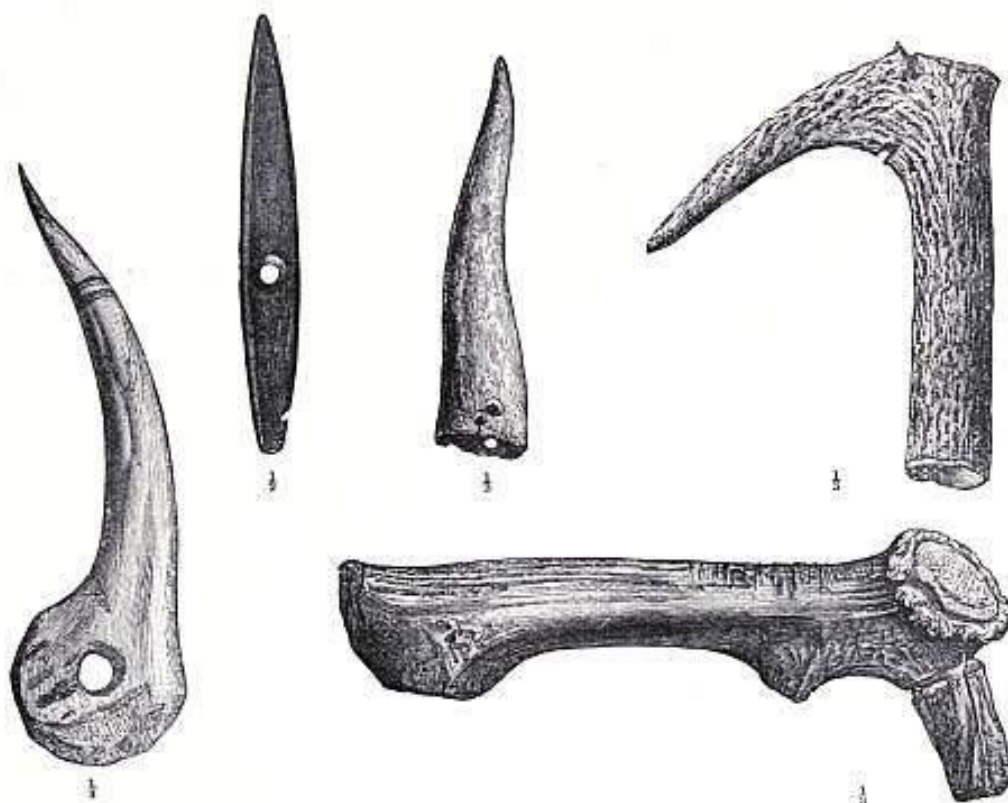

Рис. 142.—Предметы из кости и рога.

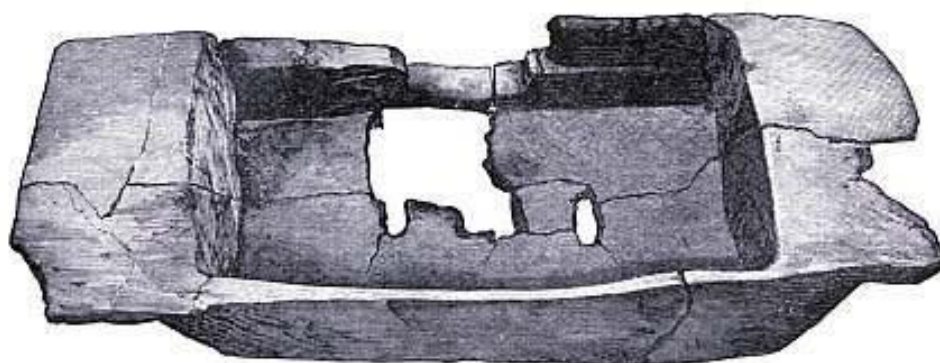

Рис. 143.—Деревянный поднос ($\frac{1}{6}$).

Железо.— Наконечник топора с куском рукояти, все еще находящимся в гнезде (рис. 146); выемка длиной 8 дюймов и стамеска длиной 10 дюймов, обе с зазубринами, на которых имеется толстый выступ, предотвращающий их слишком глубокое вхождение в рукоятку; два ножа с зазубринами; маленький перфоратор, шило и другие заостренные инструменты; поперечная пила, состоящая из трех фрагментов, вместе взятых длиной 38 дюймов; большое железное кольцо; пара ножниц; и большой трехзубый инструмент примечательного характера. Последние два объекта показаны на рис. 147. Два наконечника копий с гнездами и частями деревянной рукояти, оставшимися в каждом. Более крупный, 13 дюймов в длину, имеет выступающий центральный выступ. Пять кинжалов, все с зазубринами, у одного из которых костяная рукоятка и латунный наконечник.

Рис. 144.—Резное дерево ($\frac{1}{4}$).

Бронза или латунь.— Любопытный предмет, похожий на лопаточку, из кованой бронзы (рис. 147). Три фибулы и кольцевая булавка (рис. 148). Часть квадратной формы в верхней части последнего имеет свастику или красный крест на одной стороне и крест с четырьмя равными плечами на другой. Спиральное кольцо для пальца с тремя витками, два куса прочной проволоки и предмет неизвестного назначения.

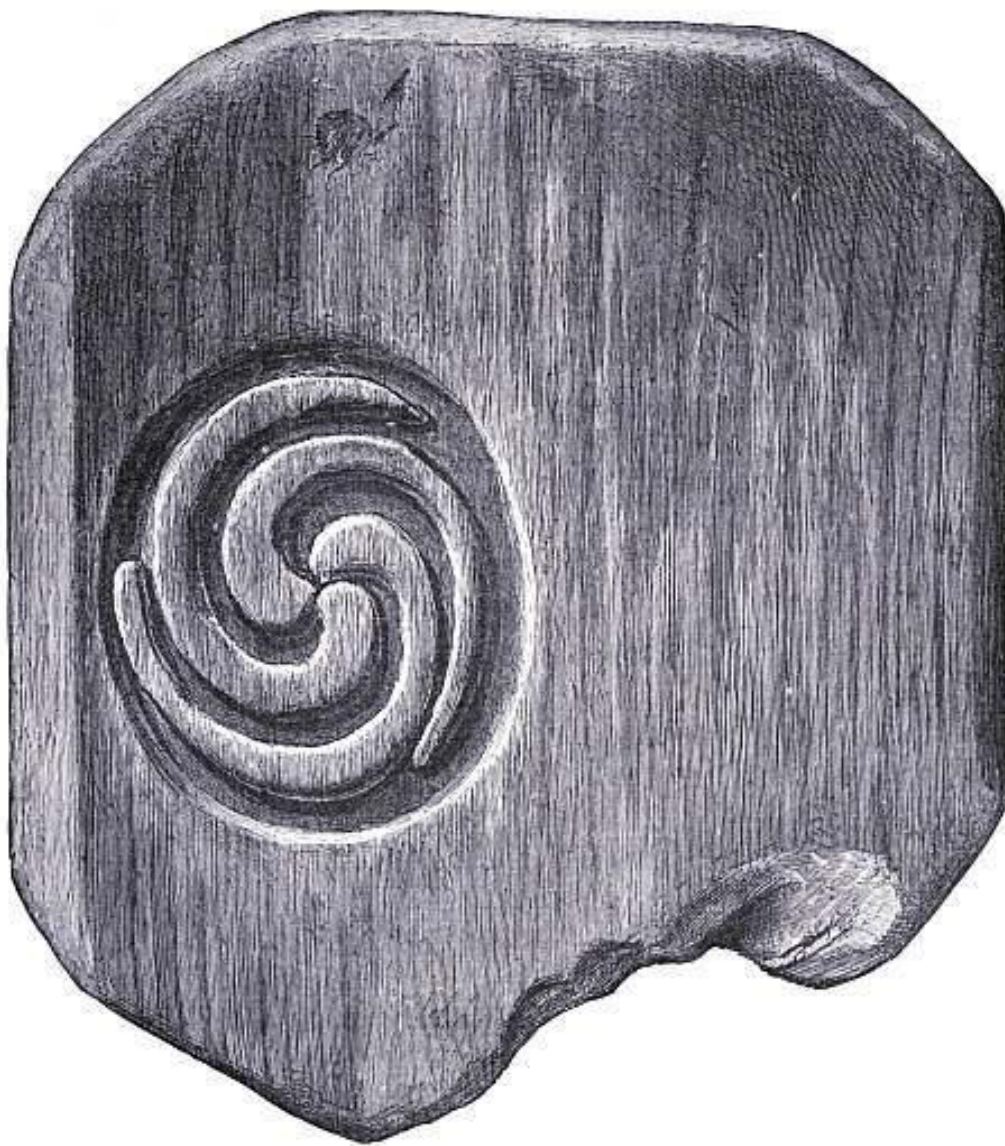

Рис. 145.—Вырезано—другая сторона **рис. 144** ($\frac{1}{4}$).

Удила для уздечки, имеющие центральную часть из железа и боковые части частично из железа, частично из бронзы - кольца железные, а петлевидная часть бронзовая (**рис. 149**).

Ведущий. -Один круглый набалдашник, похожий на рукоять рукояти.

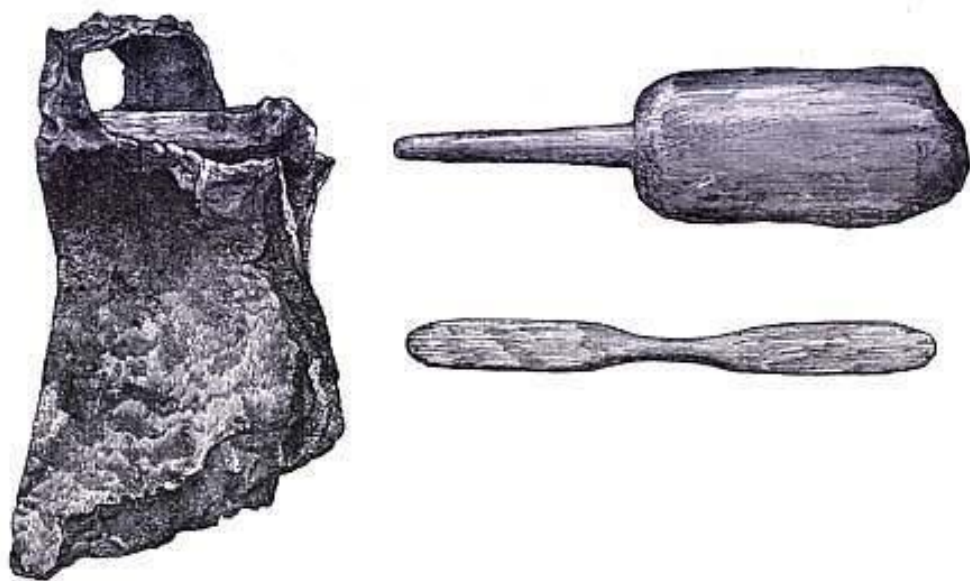

Рис. 146.—Железный топор ($\frac{1}{2}$), Деревянный молоток ($\frac{1}{8}$) и Лопатка ($\frac{1}{24}$).

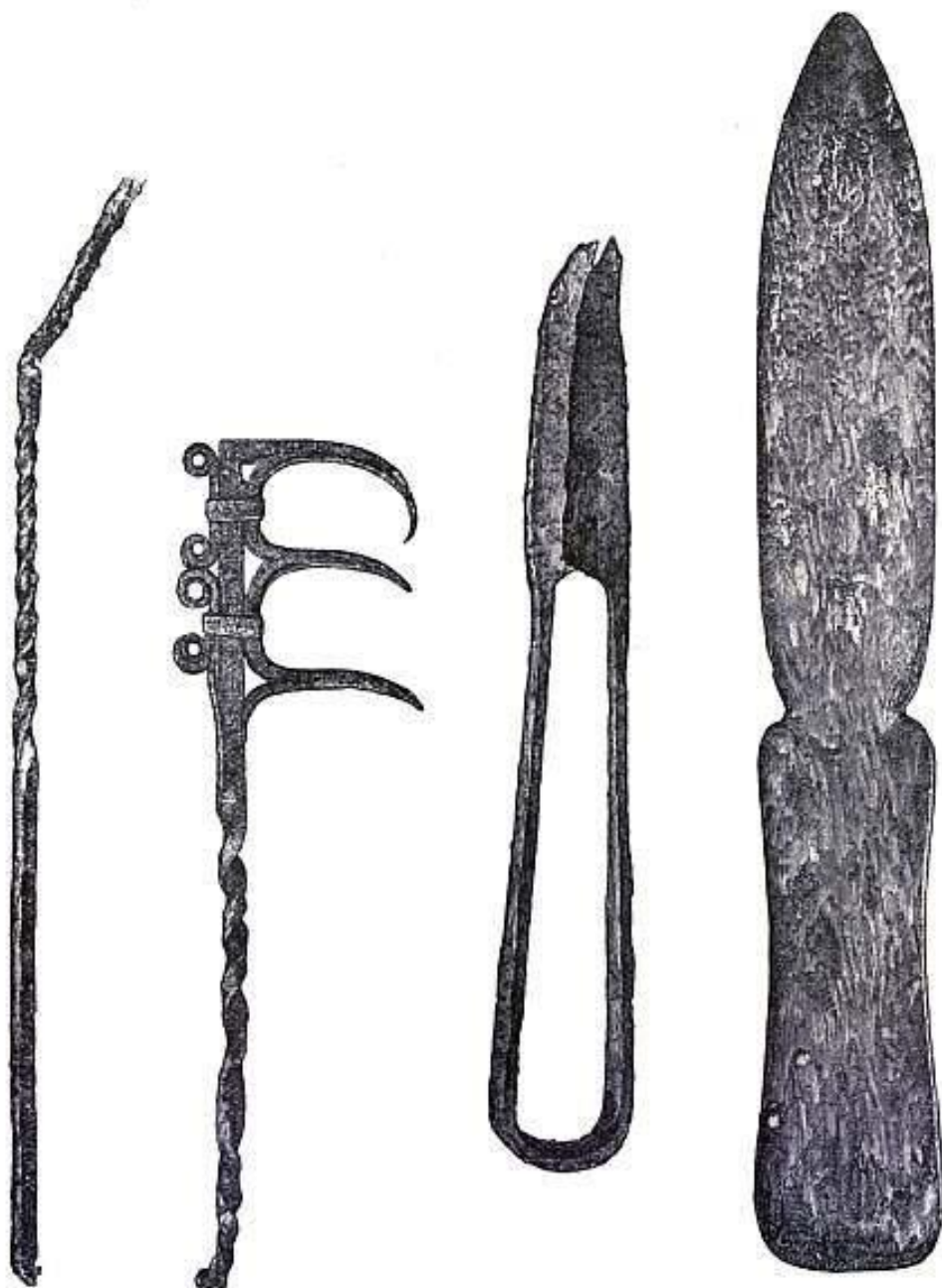

Рис. 147.—Железный зубец ($\frac{1}{5}$), железные ножницы ($\frac{2}{3}$) и бронзовая лопатка ($\frac{1}{2}$).

Керамика.— Часть дна блюда, похожего на самийскую посуду, и пять фрагментов беловой неглазурованной посуды с параллельными полосами, как будто сделанными на круге. Фрагмент маленького тигля.

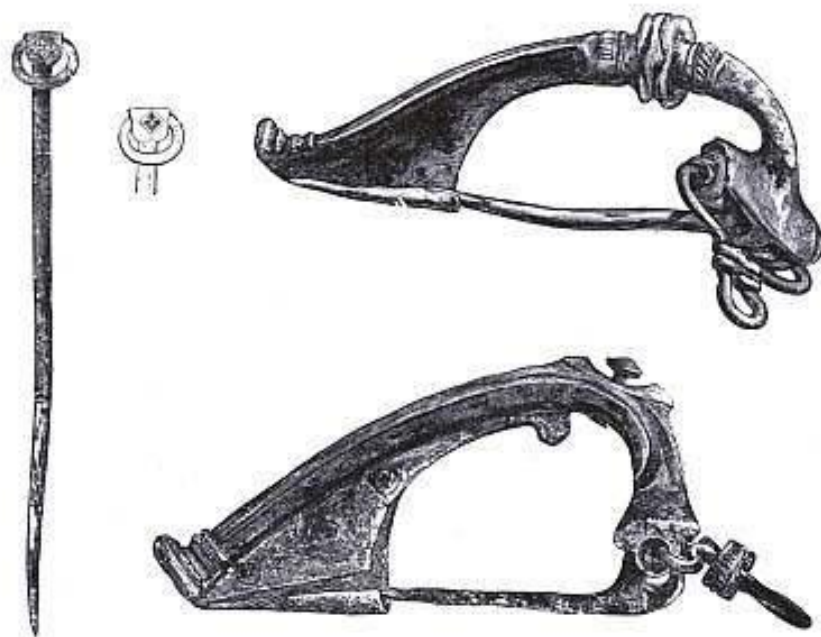

Рис. 148.—Две малоберцовые кости ($\frac{1}{4}$) и Кольцевая булавка ($\frac{1}{2}$).

Стекло.—Две бусины, одна из фаянса с ребристым рисунком, покрытая зеленой глазурью, как у Dowalton. (См. [Рис. 132.](#)) Другой - из зеленого стекла, гладкого и по форме напоминающего гантели.

Рис. 149.—Уздечка ($\frac{1}{2}$).

Кожа.— Часть ботинка и различные кусочки кожи, один из которых плотно пригнан медными гвоздями ([рис. 150](#)).

Разное.—Три части простых браслетов из гагата; другая часть гагата похожа на часть пуговицы; бивень кабана, обработанный в виде заостренного кончика; комочки синего и красного пигмента, большое количество рогового покрова насекомых, таких как жуки, и один или два ярко окрашенных *надкрылья*; одна одиночная раковина (*Littorina littorea*).

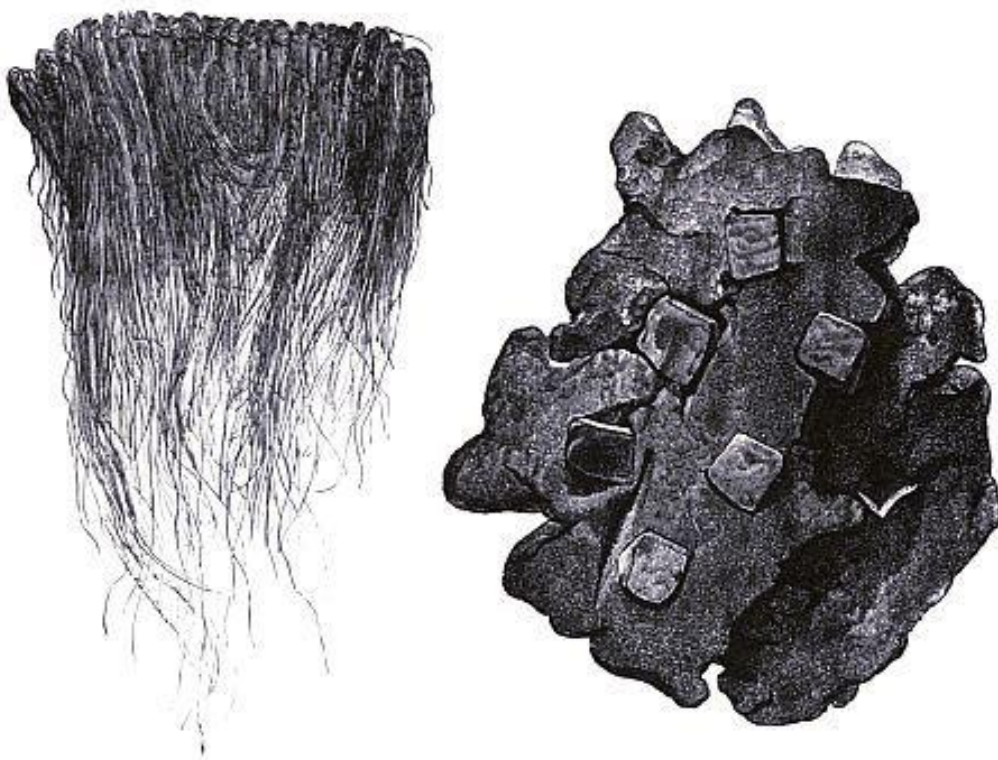

Рис. 150.—Бахрома, сделанная из стеблей мха (*Polytrichum commune*) ($\frac{1}{3}$) и куска толстой кожи с медными гвоздями ($\frac{1}{4}$).

Предметом, вызвавшим немалое любопытство, является устройство, сделанное наподобие бахромы путем переплетения вместе на одном конце длинных стеблей какого-то мха (**рис. 150**). Части подобных изделий были найдены в трех разных частях кранного, и все они были глубоко захоронены. Одна часть этого мха была сплетена в четыре слоя и имела форму кия или косички. Он был 17 дюймов в длину и 2 дюйма в ширину посередине и сужался к концу.

ВОДОСТОЧНЫЕ ТРУБЫ.

Лохспаутс - небольшая озерная впадина, примерно в трех милях к юго-западу от Мейбола, несколько овальной формы, расположенная у подножия холмистой местности, которая окружает ее, за исключением северной части, где проходит узкая дамба-ловушка, отделяющая ее от открытой долины за ней. Таким образом, это естественная плотина, образовавшаяся на склоне, который за гребнем-ловушкой все еще продолжает быстро спускаться вниз на протяжении нескольких сотен ярдов. Следовательно, в любое время не могло существовать другого выхода, кроме как вдоль этого барьера, и при осмотре его нынешнего состояния обнаруживается несколько глубоких прорезей, через которые когда-то вытекал избыток воды. Действительно, некоторые из старейших жителей утверждают, что название "Лохспаутс" было дано ему потому, что в прежние времена, во время сильных наводнений, его воды переливались через этот хребет в разных местах. По воспоминаниям некоторых из них, в скалистом устье была сделана искусственная выемка с целью использования его вод для "ходячей мельницы", что позволило снизить уровень озера примерно на десять футов, а его площадь - примерно до двух акров. Затем, должно быть, появился небольшой остров, но, по-видимому, о его природе никто и не подозревал; и таким он оставался до 1879 года, когда мистер Джеймс Макфадзин признал его местом древнего обитателя озера. Это необычное, окруженное первобытными лесами уединенное маленькое озеро теперь восстановлено в своих первоначальных размерах; но его вода, вместо того чтобы служить защитой островной крепости или приводить в движение примитивное водяное

колесо, образует резервуар для бытового снабжения города Мейбол. Необходимые изменения, повлекшие за собой это преобразование жилища строителей кранного, - одним из которых было расчистить скопившийся мусор многих веселых застолий, на которых, судя по костным остаткам, свиньи, быки и овцы не были редкостью, — пришлось как нельзя кстати, поскольку позволили археологам завершить исследование, которое в первую очередь было начато благодаря щедрости сэра Джеймса Фергюссона, владельца.

Остатки кранного в виде невысокого круглого холма, поросшего жесткой травой, находились на северной стороне озера, недалеко от средней части скалистого хребта, и так близко к нынешнему краю, что образовывали полуостров, к которому легко подойти со стороны *твердой земли*.

Сначала единственным возможным исследованием было удаление *обломков* до уровня воды, и в ходе этой операции были установлены следующие факты:—

(1) *Композиция кургана*. Поверхность кургана состояла из грубой травы с жесткими спутанными корнями, распространяющимися в тонком слое почвы, который примерно на полтора фута перекрывал камни и мусор, в которых не было обнаружено никаких реликвий. Под ним материалы были очень разнообразного характера: иногда растительная плесень, стебли трав, соединенные наподобие соломы, и подстилки из вереска и мха, которые можно было легко разделить на слои; а иногда кучи золы и древесного угля, смешанные с большим количеством скорлупы моллюсков, моллюсков и лещинных орехов. К этой разнородной массе были примешаны большие и маленькие камни, сломанные кости, куски оленьих рогов и различные реликвии. Хотя поблизости от очагов было отчетливо различимо несколько куч золы, обычной кучи мусора обнаружено не было; а сломанные кости и рога, казалось, были разбросаны по всей площади кранного.

(2) *Бревенчатая мостовая*.— На глубине около пяти футов (измерение от центра насыпи) и всего в нескольких дюймах над уровнем окружающей воды обнажилась грубая, несовершенная деревянная мостовая неправильной формы, сделанная из сплюснутых дубовых балок. Он покрывал только центральную часть участка, заключенного в круг свай, остальная часть была выложена ветками и стволами деревьев. При раскопках под этим бревенчатым покрытием обычно встречались большие балки и хворост, но обильный поток воды не позволил провести достоверные наблюдения за этими более глубокими сооружениями. Время от времени попадались зола и древесный уголь, а в одном месте, недалеко от центра, и под моим собственным наблюдением, мужчинам удалось копнуть глубже, чем на два фута под бревенчатое покрытие, прежде чем вода начала просачиваться наверх, в ходе чего не было извлечено ничего, кроме чистой золы, кусочков древесного угля и большого количества раковин моллюсков и обыкновенных моллюсков. На дне этой ямы лежали прочные дубовые балки, по-видимому, сплюснутые; но как только обнажились их поверхности, вода хлынула внутрь и заполнила траншею. Эти наблюдения привели к предположению, что этот нижний уровень представляет собой скопление *обломков* другого и, конечно же, более древнего периода заселения людьми — предположение, которое также получило некоторое подтверждение из того факта, что поверхность бревенчатого настила находилась на более высоком уровне, чем вершины окружающих свай.

(3) *Очаги*.— Над бревенчатой мостовой на расстоянии нескольких ярдов друг от друга располагались три круглых очага, каждый около пяти футов в диаметре, сложенных из плоских камней, вмурованных в слой желтой глины и поднятых на своего рода пьедестал, сложенный из глины и камней, высотой от одного до полутора футов. Было обнаружено, что один из них, после сноса, был построен прямо над бывшим очагом аналогичной

конструкции с интервалом около фута. Эти очаги располагались недалеко от центра кранного, но на южной его половине, то есть в наиболее удаленном от берега полукруге.

(4) *Трап.* — Прodelав несколько пробных траншей в пространстве непосредственно между берегом и кранногом в поисках трапа, мы не смогли обнаружить никаких признаков деревянных конструкций. Однажды, однако, мое внимание привлекла часть бревенчатого настила, которая выглядела как деревянная мостовая, выступающая к краю острова и указывающая в северо-западном направлении, на выступ в гребне трапа. Заметив также, что до того, как озеро опустилось, этот выступ был ближайшей сушей к кранному, мне сразу пришло в голову, что, если бы там вообще был проход, он был бы найден вдоль этой линии. На этот раз гипотеза оказалась верной. Клейкая природа озерных отложений не позволяла воде просачиваться наверх так быстро, как это происходило в кранном, так что мы смогли обнажить деревянные конструкции на несколько футов ниже уровня озера. Ближе к кранному верхние перекладыны трапа были примерно на три фута ниже поверхности травы; но по мере того, как мы приближались к берегу, копая землю, они становились менее заглубленными, и было обнаружено, что некоторые стойки даже выступают над землей.

Общий план, по которому был построен этот проход, по-видимому, был идентичен плану, принятому строителями кранногов в Лохли. Вертикальные сваи, поодиночке и группами, располагались зигзагообразно, между которыми веерообразно тянулись горизонтальные балки, образуя, таким образом, своего рода решетку с пустыми промежутками в форме ромба между ними.

Из одного из этих отверстий, или сеток, примерно в пяти футах под поверхностью земли, был извлечен прекрасный гранитный квершлаг. Сваи выступали примерно на два фута или более над основанием трапа, но не было никаких признаков подводной или надводной платформы. Таким образом, создается впечатление, что его верхние поперечины первоначально находились под водой — замечание, в равной степени применимое к аналогичным остаткам в Лохли, — но на какую глубину уходили деревянные конструкции, установить не удалось.

Дальнейшие раскопки. — Чтобы облегчить планируемые операции по расчистке дна озера, инженеры Maybole Waterworks вырубили скальный выход до протяженности 3 фута, что, таким образом, позволило им удалить соответствующую секцию кранного. Результатом этого было показать, как можно было предположить на основании фактов, установленных в ходе предыдущих исследований, что примерно в 2 с половиной футах под бревенчатой мостовой и ее очагами, уже описанными, находилась другая обитаемая зона с бревенчатой мостовой, врезными балками и т.д., а также различными реликвиями человеческой промышленности. Похоже, что это была первоначальная поверхность кранного, поскольку она соответствовала окружающим частоколам, некоторые из которых были найдены на прежнем месте. Другие были замечены среди кучи древесины, собранной из выкопанных обломков, среди которых было несколько обычных поперечин с квадратными отверстиями на концах. Одна толстая балка имела глубокие бороздки и напоминала ту, что была найдена в Лохли. (См. **Рис. 138.**) Несколько больших плоских досок, имевших на одном конце круглый выступ, похожий на ручку, длиной около 18 дюймов, имели только одно квадратное отверстие, иногда располагавшееся рядом с этой ручкой, а иногда и на противоположном конце. Другая толстая дубовая балка длиной 6 футов содержала ряд круглых отверстий диаметром около дюйма на расстоянии от 5 до 6 дюймов друг от друга. Отверстия, которые были на широкой стороне балки, были глубиной около двух дюймов, но проникали в нее только наполовину, и из одного из них был извлечен обломок деревянного штыря. Эта балка находилась в разрозненном состоянии, будучи, как и многие другие, частично обугленной.

РЕЛИКВИИ.

Камень.— Примерно полный курган камней-молотов и круглой гальки диаметром от 1 до 6 дюймов. Также многочисленные полировальные станки и точильные камни, последние иногда с отверстиями для подвешивания. Три части песчаника имели круглую перфорацию воронкообразной формы с обеих сторон. Двенадцать каменных глыб, почти все из гранита, из которых девять или десять являются верхними камнями. Одна спираль диаметром $1\frac{1}{2}$ дюйма. Предполагается, что в качестве зеркал использовались два полированных диска, один из которых представляет собой сегмент круга (рис. 151). Овальный инструмент с двумя выпуклыми поверхностями, подобный представленному на рис. 175; его длина составляет $3\frac{1}{4}$ дюйма, ширина $2\frac{5}{8}$ и толщина 1 дюйм. Чашеобразные углубления слишком велики, чтобы на них можно было оставить всего лишь следы пальцев. Он сделан из твердого серого камня-ловушки и, хотя весь хорошо обработан, не отполирован и на нем нет никаких отметин, которые можно увидеть на обычных камнях-молотах. Два кремневых скребка, один из которых здесь изображен (рис. 151).

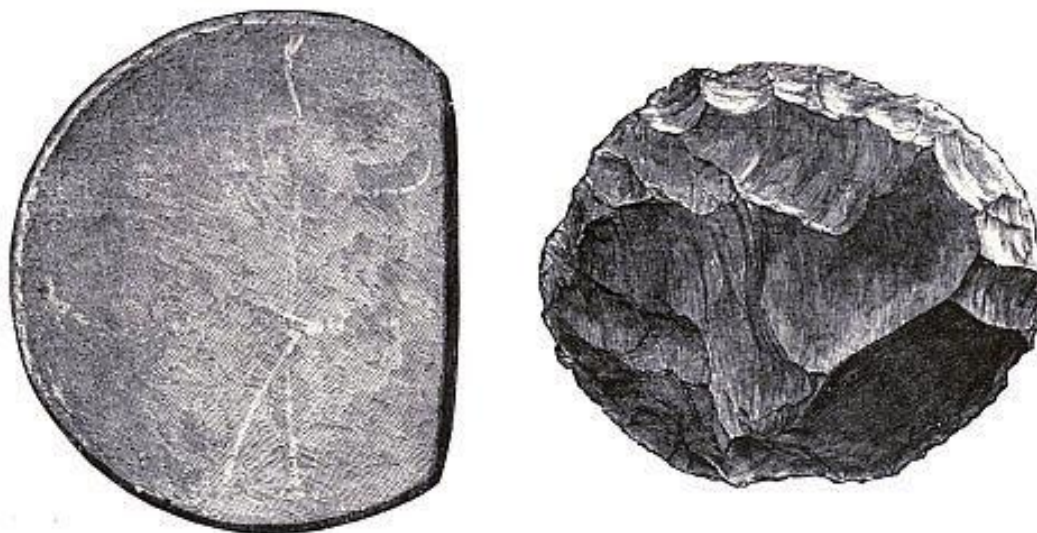

Рис. 151.—Каменный диск ($\frac{1}{2}$) и кремневый скребок ($\frac{1}{4}$).

Кость и рог.—Булавка, стамеска (рис. 152), шило, два наконечника и рукоятка ножа сделаны из кости. Из рога также есть всего несколько предметов, таких как кирка, дубинка и некоторые заостренные орудия из шипов оленьего рога.

Дерево.—При более ранних исследованиях не было найдено никаких конкретных предметов, за исключением шеста от сосуда, похожего на молочный бидон; но из самого нижнего слоя были найдены несколько любопытных деревянных орудий. (См. Б. 373, стр. 310.)

Рис. 152.—Долото по кости ($\frac{2}{3}$).

Железо.—Изделия из железа были очень редки и сильно проржавели — только одно сохранило свою форму достаточно хорошо, чтобы его можно было распознать как маленький кинжал.

Бронза.—Два любопытных предмета, ключ и спираль из бронзовой проволоки, показаны на **рис. 153**. Маленькое кольцо на палец. Говорят, что также был найден браслет, но, к сожалению, его не удалось раздобыть для описательных целей.

Свинец.—Предполагается, что небольшой кусочек свинца в форме шарика, перфорированный круглым отверстием, представляет собой веретено-завиток.

Рис. 153.—Предметы из бронзы ($\frac{1}{4}$).

Рис. 154.—Фрагмент самийской чаши ($\frac{1}{4}$).

Рис. 155.—Фрагменты керамики ($\frac{1}{4}$).

Керамика.—Несколько фрагментов самийской посуды, один орнаментированный ([рис. 154](#)). Другой вид фаянса был светлого цвета, с ручками и правильной формы ободками ([рис. 155](#)).

Стекло.— Две ребристые бусины, покрытые зеленоватой глазурью, подобной глазури из озера Лох-Доуолтон ([рис. 132](#)), одна янтарного оттенка, красиво переливающаяся ([рис. 156](#)), а другая из желтой стекловидной пасты.

Рис. 156.— Коническое украшение из горного хрусталя, Стеклянная бусина, Кольцо и Подвеска из гагата (всего $\frac{1}{4}$).

Горный хрусталь.— Здесь в общих чертах показан конический кусок горного хрусталя, отполированный и, очевидно, отшлифованный до его нынешней формы ([рис. 156](#)).

Гагат или лигнит.— Несколько кусочков, свидетельствующих о мастерстве изготовления; полированное кольцо диаметром $1\frac{1}{4}$ дюйма ([рис. 156](#)) и части двух более крупных, вероятно, браслетов; и замечательная подвеска в виде окруженного креста ([рис. 156](#)). Стороны креста, а также окружающий круг украшены чередованием вырезанных кругов, чередующихся с короткими линиями, которые, как предполагается, предназначались для нанесения какого-либо вида эмали.

БУСТОН.

Примерно на полпути между Стюартоном и Килмаурсом есть неглубокая котловина лугов, которая раньше, согласно Атласу Блау, была дном озера значительных размеров под названием Лох-Бустон. В воспоминаниях нынешнего поколения эта местность летом представляла собой поросшее мхом болото, а зимой - сплошную воду; и около пятидесяти лет назад, когда нынешний арендатор, мистер Роберт Хэй, поселился на ферме, в центре ее располагался небольшой холм, известный как *Суон Ноу*, из-за количества диких лебедей, которые раньше часто здесь водились. Когда впоследствии занялся рекультивацией болота, мистер Хэй утверждает, что с "Ноу" было вывезено не менее тринадцати телег древесины, и он отчетливо помнит, что из-за трудностей с отсоединением некоторых врезанных балок его отец заметил: "Когда-то здесь могли быть обитатели". Он также утверждает, что до тех пор, пока несколько лет назад земля не была полностью осушена, здесь все еще можно было увидеть значительный холм; но в начале декабря 1880 года, когда я впервые посетил эту местность, там почти не было возвышенности, чтобы отличить ее от окружающего поля.

Несмотря на разрушения, нанесенные деревянной обшивке кранного длительным воздействием атмосферных факторов, прежде чем он окончательно затонул под защитным воздействием мутной воды, а впоследствии и безжалостными руками земледельцев, все еще оставалось достаточно материалов, чтобы дать не только общее, но и конкретное и поучительное представление о механических принципах, по которым были построены остров и прилегающие к нему сооружения. Общие результаты расследования можно безапелляционно резюмировать следующим образом:—

1. Остров состоял из ряда слоев стволов и ветвей деревьев, перемежавшихся в некоторых местах камнями, дерном и т.д.; И вся масса была прочно скреплена вместе с помощью вертикальных свай и горизонтальных балок, расположенных тремя, а в одной части четырьмя концентрическими кругами.
2. Внешний круг предназначался скорее для защиты, чем для придания устойчивости острову, и в некоторых частях, как, например, на восточной стороне мусорной кучи, сваи были установлены вплотную, их верхушки были закреплены в поперечной балке на манер лестничных перил; в то время как сваи внутреннего круга не только глубоко проникали внутрь и придавали устойчивость острову, но и использовались как часть стены центрального здания.
3. Территория, окруженная частоколом, имела слегка овальную форму размером 61 на 56 футов и была грубо вымощена деревянными балками, многие из которых были прочно прикреплены к нижним деревянным конструкциям с помощью толстых деревянных колышков, а также к окружающим частоколам, таким образом, здесь и там как бы появлялись *точки приложения сил*.
4. Хотя недалеко от центра находился один общий очаг, свидетельства наличия одного или двух очагов в других местах были вполне убедительными. Одно из них, по-видимому, было плавильной печью, поскольку в нем лежали плоские камни, сильно испачканные следами пожара, и несколько кусков тяжелого шлака.

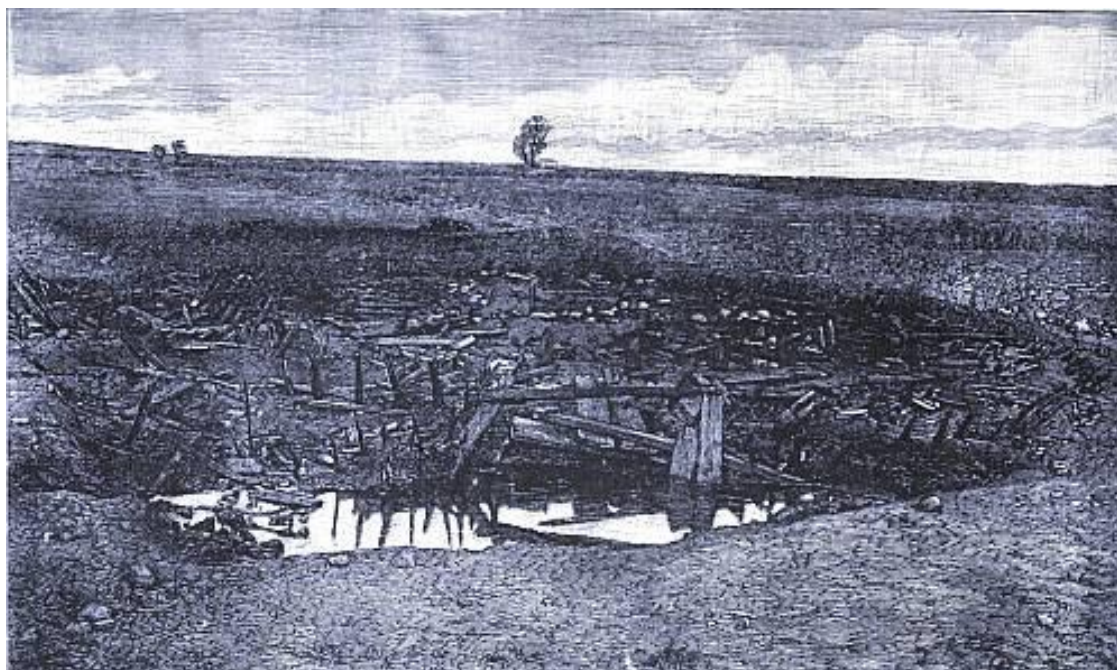

Рис. 157— Общий вид Кранного в Бустоне, если смотреть на север.

5. Вход в центральную зону, который определялся обрубками двух массивных дверных косяков, имел юго-восточную сторону, а перед ним находилась хорошо сконструированная деревянная платформа, сделанная из больших дубовых досок, опирающихся на прочные слои древесины, к которым они были приколочены.

6. За этой платформой, отделенная от нее массивными деревянными перилами, которые шли параллельно внутреннему кругу частоколов, находилась свалка мусора; а справа деревянная дорожка, также защищенная с внешней стороны, вела вниз и на запад к внешнему кругу, где, по-видимому, находилась пристань. (См. [Рис. 157](#) и [158](#).) Примерно в двенадцати ярдах от этого места и в 4 футах от поверхности поля было найдено каноэ, зарытое в древний озерный ил ([рис. 159](#)).

Рис. 158. — Участок северной стороны Бустон-Кранного с вырытым пространством между Внутренним и Вторым кругами свай, показывающий расположение Врезных балок и структуру острова.

Это каноэ было 22 фута в длину, 3 фута 6 дюймов в ширину на корме, расширялось примерно до четырех футов в середине и 1 фут 10 дюймов в глубину. Он примечателен тем, что свидетельствует о ремонте в двух местах с помощью аккуратно подогнанных кусков дубовой обшивки, которые удерживались на месте с помощью поперечных ребер и деревянных штырей. Кормовая часть была подвижной и вставлялась в углубление в бортах лодки. В грязи, извлеченной из ее внутренностей, было несколько камней и часть черепа быка.

Мусорная куча занимала продолговатое место непосредственно перед южным входом. Он имел размеры около 30 футов в длину, 15 или 20 в ширину и 5 футов в глубину вдоль вышеупомянутых перил. Здесь были найдены почти все реликвии и несколько массивных костей. Эти кости были обильно пропитаны минералом вивианит, как в его аморфном, так и в кристаллическом состоянии, но образцы кристаллов здесь значительно уступали образцам из Лохли. Положение мусорной кучи видно на самом переднем плане **рис. 157** после удаления ее содержимого в виде ямы, частично заполненной водой.

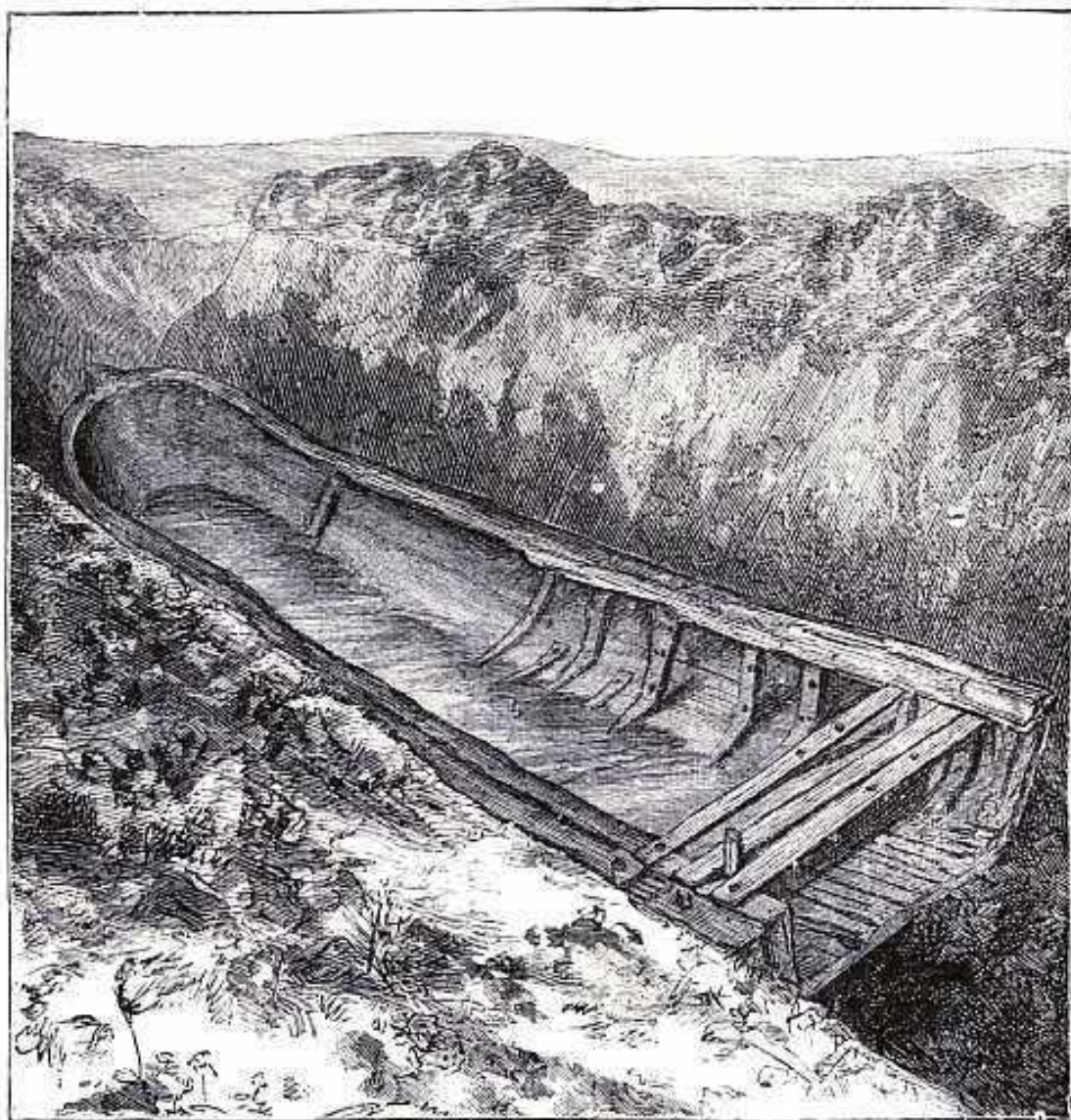

Рис. 159.—Внешний вид каноэ *in situ* после обнажения.

"крэнног" находился примерно в ста пятидесяти ярдах от ближайшего берега, и никаких следов трапа обнаружено не было.

СПИСОК РЕЛИКВИЙ.

Камень.—Молотки, полировальные и точильные камни были сравнительно редки, их было найдено всего около полудюжины. Среди последних - фрагменты круглого точильного камня из мелкого красного песчаника диаметром около пятнадцати дюймов и большого продолговатого гладкого камня с отверстием на одном конце.

Два блока песчаника с углублениями неправильной формы в каждом; третий имеет большую чашеобразную полость диаметром $5\frac{1}{2}$ дюймов и глубиной $2\frac{1}{2}$ дюйма, и на нем видны следы от заточных инструментов; следовательно, предполагается, что чашка предназначалась для удержания воды для облегчения процесса заточки. Еще один небольшой фрагмент имеет аккуратно сформированное углубление в форме чашки. Два кверна, оба верхних камня; один обычной формы, но другой плоский и больше похож на современный жернов. Его размер составляет 18 дюймов в поперечнике, а центральное отверстие имеет диаметр 3 дюйма, но не воронкообразную форму. Для вставки ручки рядом с краем имеется квадратное отверстие.

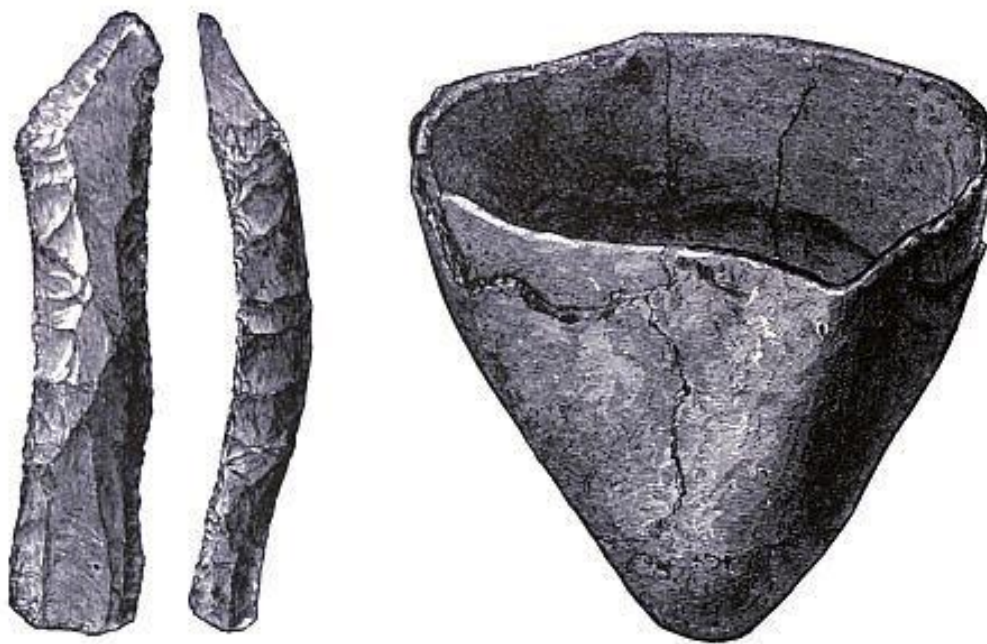

Рис. 160.—Кремневый нож и глиняный тигель ($\frac{1}{4}$).

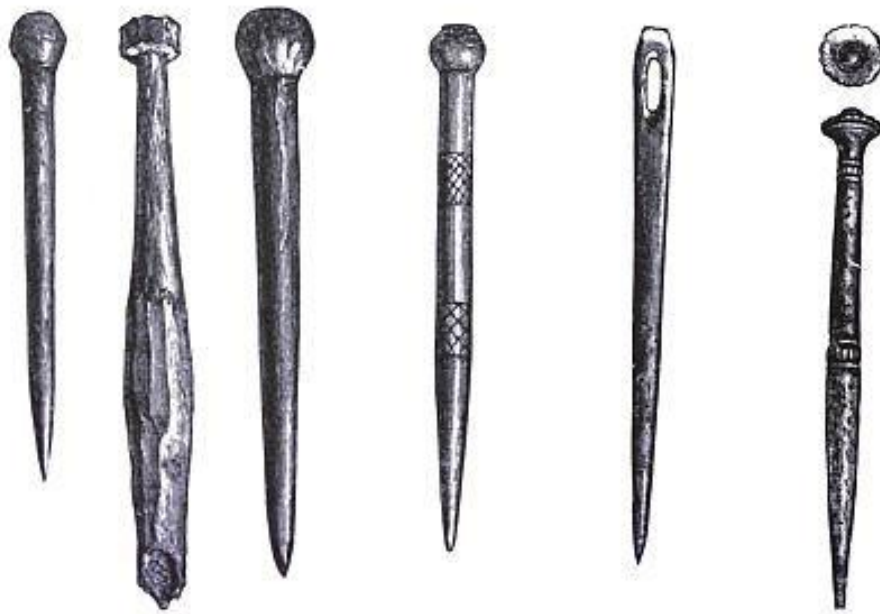

Рис. 161.— Четыре булавки и игла из кости и одна булавка из бронзы. Все ($\frac{1}{4}$).

Два веретена, одно из которых было сделано из каннельного угля. Три тигля, в щелях одного из которых находятся частицы золота, а в другом - остатки желтоватого шлака (**рис. 160**). Один кремневый нож (**рис. 160**), два скребка, два стержня и несколько щепок.

Кость.—Двадцать булавок, из которых только одна была украшена клетчатым рисунком (**рис. 161**). Одна штопальная игла (**рис. 161**). Три круглые ручки и один предмет необычной работы. Одна из ручек украшена круговыми линиями. Три почти идеальные туалетные расчески и фрагменты других (**рис. 162**).

Рог.— отполированный кинжал длиной 7 с половиной дюймов, другой грубо оgranенный и с несколькими рукоятками.

Дерево. Фрагменты деревянной чаши, украшенной тремя параллельными ободку насечками, которые, должно быть, были сделаны на токарном станке по дереву; на одном маленьком фрагменте была застежка из тонкой латуни, как будто его починили. Части весла, каноэ, доска с дырками и несколько больших булавок, похожих на те, что нашли в Лохли.

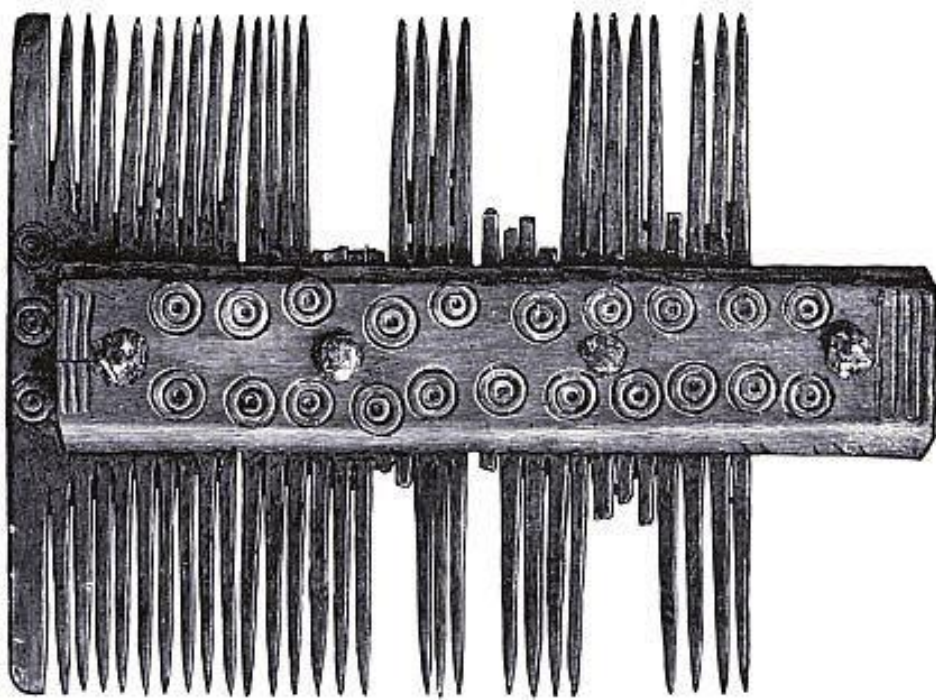

Рис. 162.—Костяной гребень ($\frac{1}{4}$).

Железо.—наконечник топора (**рис. 163**), выемка, шесть лезвий ножей, все с зазубринами, пробойник и три шила. Наконечник копья с гнездом, украшенный двумя группами круглых линий на гнездовой части (**рис. 164**). Три больших наконечника стрелы или наконечники арбалетных болтов; часть древнего замка;[100] два спиральных объекта и небольшой инструмент, раздваивающийся в острие (**рис. 164**).

Бронза.—Круглая брошь (**рис. 164**), две булавки, одна с орнаментированным камнем и синей бусинкой в верхней части головки (**рис. 161**) и несколько маленьких кусочков латунной фольги.

Рис. 163.— Железный топор ($\frac{2}{3}$).

Золото.— Два спиральных кольца для пальцев и маленькая монета, сложенная вдвое при обнаружении ([рис. 165](#)). Что касается этой монеты, доктор Эванс сообщает следующее:—

"Две золотые пластины, по-видимому, первоначально составляли оболочку ранней подделки монеты, окисленная сердцевина которой образует содержимое маленькой трубочки.

Сначала я подумал, что вещество может быть смолистым, но я думаю, что это какая-то соль меди. Какой-нибудь химик мог бы легко попробовать это [впоследствии было доказано, что это соль меди]. Сама монета принадлежит к классу триентов, которые были найдены почти исключительно в Англии и, вероятно, саксонского происхождения. См. "Собрание сочинений" Смита, том i, стр. xxii. 9. Другие были найдены в Бэгшот-Хит или Крондейле. См. *Число. Хроника.*, vi. Они, вероятно, относятся к шестому или седьмому веку. Находка ценна тем, что помогает установить дату кранного". (Б. 373, с. 231.)

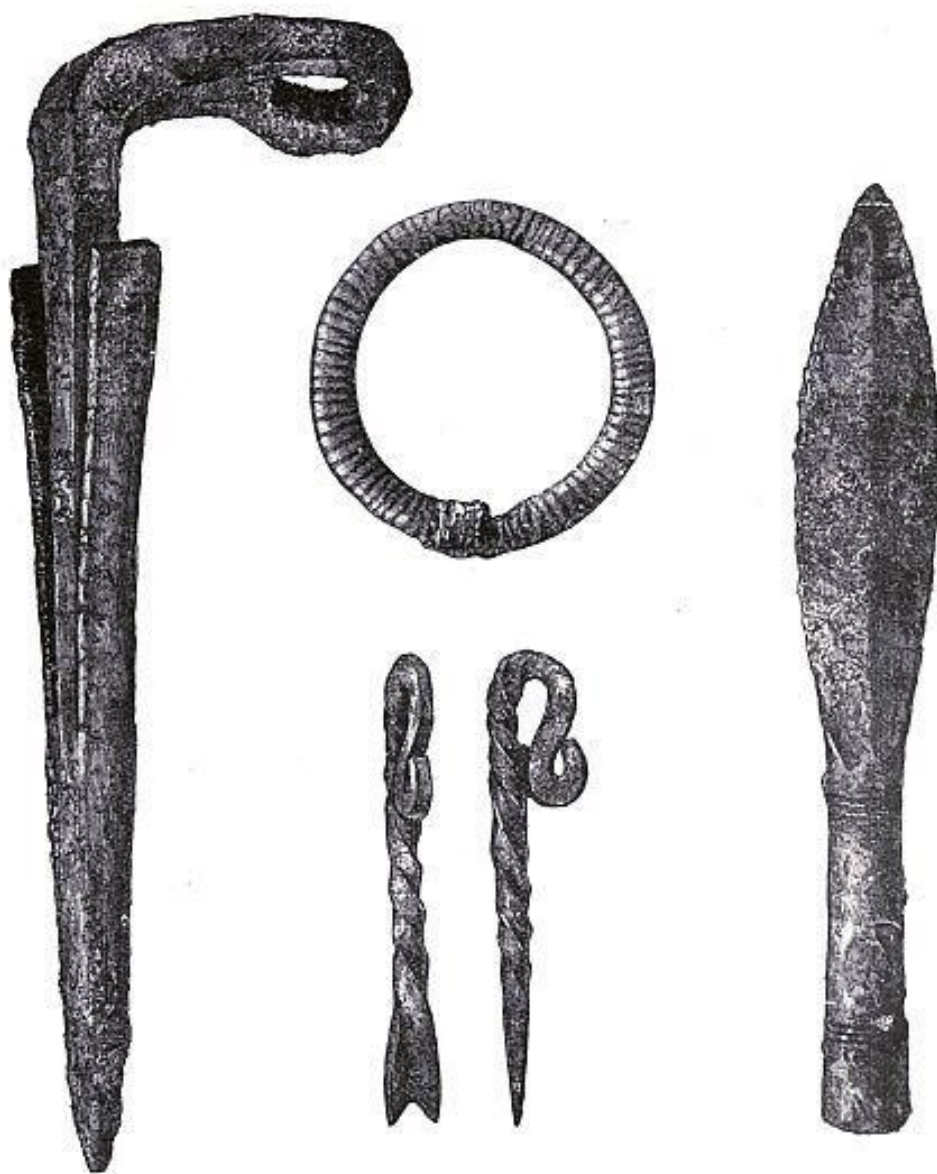

Рис. 164. — Засов висячего замка ($\frac{1}{4}$), Spear-head ($\frac{1}{2}$), and a small Tool of Iron ($\frac{1}{4}$), and a circular Brooch of Bronze ($\frac{1}{4}$).,,

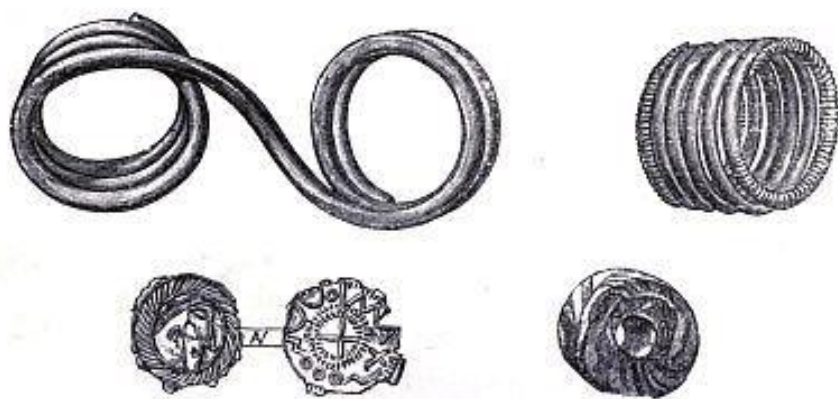

Рис. 165.—Два золотых кольца, золотая монета и стеклянная бусина. (Все $\frac{1}{4}$.)

Стекло. Шарик цилиндрической формы, окрашенный в три разных цвета, красный и желтый преобладают над кусочками прозрачного стекла ([рис. 165](#)); крошечный шарик из желтой

пасты; круглый предмет размером с шарик, сделанный из разноцветной пасты, но без отверстия; сплюснутая капля беловатой пасты размером с шиллинг; один или два кусочка темного шлака; три осколка ярко—зеленого стекла.

Несколько полосок кожи.

Гагам.— Фрагменты трех браслетов и небольшое украшение, похожее на конечное звено старинного ожерелья.

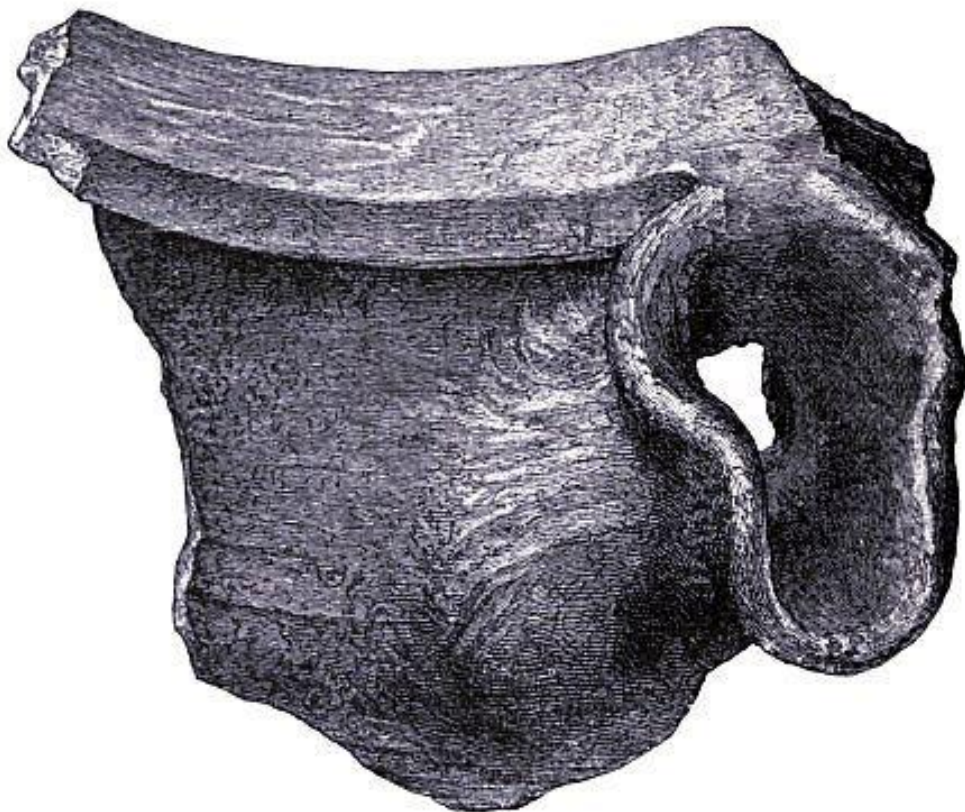

Рис. 166.—Фрагмент керамики ($\frac{1}{4}$).

Керамика.—Фрагмент самийской посуды и фрагменты посуды из другой керамики.

Здесь изображена одна часть с любопытным отверстием, похожим на носик кувшина, и аккуратно сформованным ободком ([рис. 166](#)).

Рис. 167.—Алые шарики стекловидной пасты ($\frac{1}{4}$).

ВОЗДУШНАЯ СТРАНА.

"Этот кранног, - пишет сэр Х. Максвелл, - расположен в центре торфяного мха, который раньше был озером и до сих пор большую часть лета и всю зиму представляет собой трясущееся болото. Ближе к центру этого мха, площадь которого составляет около шестидесяти акров, находится круглое ограждение диаметром 54 фута, окруженное низкой стеной. На картах Артиллерийской службы это обозначено как форт; но никакой форт, в обычном понимании, не мог существовать в центре того, что на не очень большом расстоянии во времени было озером. Хотя во время нашего визита не было видно бревен, вся поверхность ограждения была покрыта зеленой травой, а окружающий мох - вереском и болотными растениями, его расположение и характер указывали на его истинную природу тем, кто бывал в озерных жилищах, и очень небольшие раскопки сразу подтвердили это мнение. Начав с центра, копатели обнажили под неглубоким слоем растительной почвы знакомые черты жилища из фасцинов. Единственной новой и наиболее интересной особенностью этого краннога является окружающий его забор, который, несомненно, был обычным способом защиты хижин или вигвамов внутри страны, но который в большинстве исследованных кранногов до сих пор был превращен под действием волн в бесформенную насыпь или пляж из небольших валунов. Однако здесь, благодаря использованию плоских плит, конструкция получилась идеальной, окружив весь островок на высоту около трех футов. Глубина сооружения от поверхности до аллювиального ложа озера составляла 4 фута. Дно озера, в которое были вбиты сваи, представляло собой мягкий торф глубиной 7 футов. Мох вокруг острова вырос с тех пор, как сооружение было возведено на уровне острова; но из этого факта нельзя было сделать никаких выводов относительно возраста краннога из-за разной скорости роста мха и неопределенности относительно того, когда озеро наполнилось и мох перестал расти. На удивительно точной и кропотливой карте Тимоти Понта, опубликованной в 1672 году, нынешний моосс фигурирует как озеро. Трехдневного труда хватило, чтобы расчистить большую часть содержимого вольера. Главными обнаруженными реликвиями, помимо большого количества костей обычного вида, включая кости козы и косули, были 17 маленьких бусин из алого стекловидного шлака (**рис. 167**), составляющих часть ожерелья; кольцо из грубого сланца, несколько превосходных молотков и точильных камней, множество кварцевых камешков, которые были принесены по какой-то неизвестной причине [камни для пращи?] с морского берега, на расстоянии около мили; два разбитых тигля (**рис. 168**), вращающийся завиток из кости или рога. С глубины трех футов обнаружены отщепы кремня, маленькое кольцо из гагата, часть перфорированного орнамента из гагата и замечательный бронзовый предмет, похожий на пуговицу (**рис. 168**)". (Б. 426, стр. 113.)

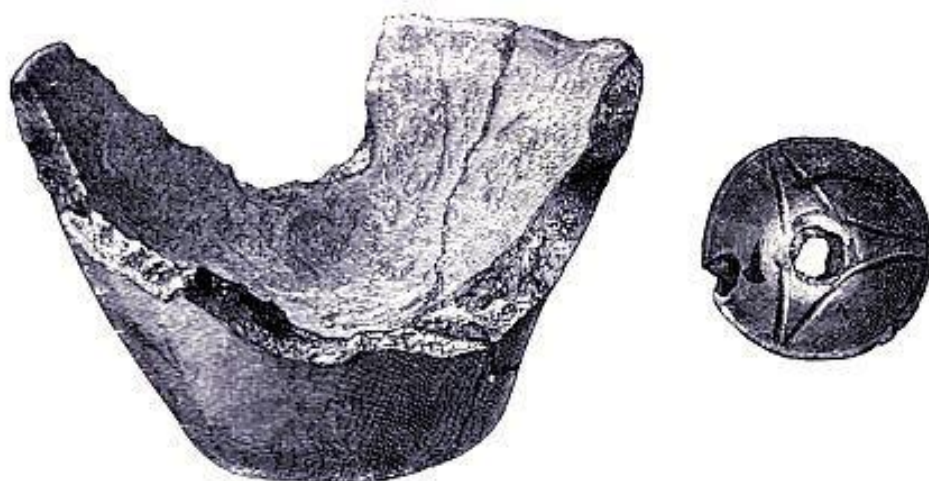

Рис. 168.— Разбитый тигель и Бронзовая пуговица ($\frac{1}{4}$).

БАРХАТНЫЙ УДАР.

Рис. 169.—Кольцо, углубление из угля ($\frac{1}{4}$).

Бархапле ("лошадиный холм") Лох - небольшое озеро длиной около 500 ярдов и шириной 300. Здесь в 1880 году в результате дренажных работ стала видна трещина; но из-за губчатости ее поверхности эффективное обследование провести не удалось. Граф Стэйр, обнаружив, что летом 1884 года остров стал намного суше и тверже, принял меры к его тщательному исследованию. То, что повышенная твердость и уплотнение острова были вызваны усадкой, было очевидно из того факта, что вертикальные сваи, которые, когда их обнаружили, едва выступали над илом, теперь выступали на 2-3 фута и представляли вид загнившего леса с его все еще стоящими чахлыми стволами. Было также замечено, что это сокращение распространилось на все части поросшего мхом дна озера; и, как следствие этого, в высокой траве стали видны две двойные линии свай, одна из которых начиналась на северном, а другая - на восточном берегу озера. Обе линии были направлены к кранногу, но остановились, не доходя до него примерно 20 или 30 ярдов. Что касается конструкции краннога, было отмечено, что не только вертикальные стойки, но и горизонтальные балки были расположены более методично и имели более сильный характер по направлению к краю. Здесь стойки, многие из которых были сделаны из молодых деревьев дуба и ясеня, прочно поддерживались, особенно во внешнем круге, переплетением между собой горизонтальных бревен. На северной стороне, на одной линии со сваями одного из трапов, была прослежена четкая дорога, сделанная из круглых балок, идущая от края острова к жилому дому, который был расположен на восточной стороне, прямо напротив другого трапа. В этом здании были обнаружены два очага, один немного севернее другого, а вокруг них лежал слой древесного угля толщиной от 5 до 12 дюймов, в который были вложены остатки сгоревших балок, вереск и хворост. Из этих тлеющих углей было извлечено несколько больших заготовленных балок, также частично сгоревших, две из которых заканчивались круглыми шипами, имеющими на небольшом расстоянии от своих концов приподнятую головку или выступ. Из этих и других появлений был сделан вывод, что кранног был уничтожен пожаром во время сильного северо-западного шторма, и поскольку не было никаких свидетельств большого скопления обломков, предполагалось, что эта катастрофа произошла вскоре после его возведения. При прокладывании траншеи через остров было обнаружено, что под сгоревшим слоем были заросли хвороста, папоротника и т.д. На глубину 2-3 фута. Под ним лежало торфянистое вещество дна озера, сквозь которое можно было легко погрузить железный стержень на глубину 4 фута, когда он наткнулся на какой-нибудь твердый материал, вероятно, камень или ил первоначального ледникового дна.

Хотя это был самый большой кранног, найденный до сих пор в Шотландии, - 157 ярдов в окружности, - в нем было крайне мало реликвий, что может быть объяснено непродолжительностью его существования. Список реликвий включает три сланцевых кольца (**рис. 169**), от двух из которых остались лишь фрагменты; половину каное; сломанное весло и несколько обработанных кусков дерева.

БЕЛОЕ ОЗЕРО РАВЕНСТОУН.

Это небольшое озеро, расположенное в нескольких минутах ходьбы от замка Равенстоун, окружено широкой полосой болота и высокими зарослями тростника. В пределах этой болотистой местности, сразу за кромкой воды с западной стороны, есть плоская насыпь площадью около 80 квадратных футов и высотой 6-7 футов, на поверхности которой сохранились руины высохших каменных построек. Эти руины состоят из фундаментов стен высотой в фут или около того, которые четко очерчивают очертания надстройки, разделенной на пять прямоугольных отсеков. Это здание занимало не всю поверхность острова, размером всего 55 на 47 футов. Курган был сложен из больших плит и валунов, на вершине которых нашло подходящую среду обитания несколько деревьев, и не менее четырех отсеков были заняты в каждом стволе почтенного на вид ясеня. При исследовании основания насыпи в нескольких местах были обнаружены сваи и выступающие концы поперечных балок, и предположительное мнение о том, что вся насыпь была построена на деревянном основании, было окончательно подтверждено рытьем центральной ямы в единственном свободном отсеке каменного здания. Результатом этого было обнаружение на глубине восьми футов сети балок, расположенных поперек друг друга, но на неопределенной глубине.

Северная, или сухопутная, сторона острова имела признаки того, что была грубо застроена большими неприкрытыми флагами, но остальная часть его каменистого периметра была довольно ветхой. То, что деревянный остров был заселен как крэнног, прежде чем его уровень был поднят до нынешней высоты за счет добавления огромной массы камней и земли, лежащих в основе его последних построек, идея, подсказанная открытием древесного угля и скорлупы лесных орехов поверх деревянных конструкций, является гипотезой, которая требует дальнейших доказательств, прежде чем ее можно будет принять как обоснованную на самом деле. (Б. 426, с. 121.)

ПОВОЗКА МОНАХА.

Место, где располагался крэнног во Фрайарз-Карс, представляло собой небольшую грушевидную впадину, расположенную за лесистым холмом, недалеко от парламентской дороги в Дамфрис, посреди хорошо возделанного, но необычайно холмистого района. Углубив выходное отверстие этого озера на два фута, был произведен частичный дренаж, что уменьшило его площадь с 10 до 3 акров. Только тогда (1878) стало общеизвестно, что небольшой, поросший кустарником островок недалеко от середины озера был искусственно построен из дубовых досок и стволов деревьев. Поскольку погода, предшествовавшая нашему визиту, была сухой в течение нескольких недель, а уровень воды особенно низок, мы с готовностью ступили на остров по тому, что, казалось, было старым дном озера, представлявшим тогда твердую, хрустящую и высохшую поверхность водных растений. Остров имел почти круглую форму, размером 80 на 70 футов, был прочно построен и окружен сваями, некоторые из которых, однако, были видны только сквозь воду. Бревенчатая мостовая, которая к этому времени была полностью обнажена, состояла из параллельных дубовых балок, расположенных группами, лежащих в разных направлениях и прочно соединенных между собой наложением друг на друга, а иногда и зазубриванием их концов.

На краю острова было большое количество камней, особенно на его северной стороне — т.е. со стороны, обращенной к самой глубокой части озера.

Сквозь эти камни, которые уходили под воду, выступали несколько вершин окружающих свай, одни над водой, другие под водой. В горизонтальных балках кое-где виднелись врезанные отверстия, но не было никакого подобия бруствера, окружавшего деревянную мостовую, что отличало ее от Лохли-крэннога. В центре было несколько концов стоек, расположенных прямоугольными рядами, по-видимому, остатки перегородок, одну из которых я проследил на протяжении 40 футов по прямой.

Поинтересовавшись, где находится мусор, вывезенный с острова, нам сообщили, что его отвезли на западную сторону краннога и свалили в кучу рядом с тем местом, где мы ступили на остров. Здесь он пролежал несколько дней, но однажды утром, к великому удивлению рабочих, его нигде не было видно. При осмотре оказалось, что внешне сухое дно озера представляло собой спутанную корку ила и корни водных растений, которые, практически плавая над водой, внезапно подломились под накопившимся весом, и таким образом вся масса кранового мусора исчезла в воде под ним. Эта необычная, но прискорбная катастрофа положила конец всем перспективам найти еще какие-либо реликвии. Похоже, что на острове не было большой глубины обломков, их максимальная толщина составляла всего 2-3 фута в центре, где они образовали кучу пепла, древесного угля и нескольких сломанных костей. Здесь было найдено несколько фрагментов керамики.

Круглая часть бревенчатого настила, ближе к его центру, была покрыта мелкими камнями, как будто для защиты от пожара; некоторые остатки глиняных полов были обнаружены в других частях острова.

Рис. 170.—Перфорированный каменный топор ($\frac{1}{3}$).

О более глубоких структурах мало что можно сказать. Мистер Нельсон попытался прорубить дыру в бревне, и, насколько позволяла вода проникнуть людям, он не увидел ничего, кроме лежащих поперек друг друга слой за слоем дубовых балоков. Однако, судя по прочности острова, большому размеру некоторых бревен и глубине окружающей воды (все еще около двенадцати футов немного к западу от острова), общая толщина этой массы древесины не может быть меньше 12 или 16 футов.

В книге Гроуза "Древности Шотландии"[101] встречается следующая ссылка на этот остров:—

Здесь находилась келья, принадлежащая богатому аббатству Мелроуз, которая во время Реформации была пожалована комендантом лэрду Эллисленда, кадету Киркпатриков из Клозберна. От которого оно перешло к Максвеллам из Тинуолда, а от них к семье Барнклю, также воспитанникам лордов Максвелла. От которого оно перешло к Риделлам из Гленридделла, нынешним владельцам. В старой трапезной, или столовой, стены были толщиной 8 футов, а дымоход - шириной 12 футов. Это старое здание, пришедшее в упадок, было снесено в 1773 году, чтобы освободить место для нынешнего дома.

Рядом с домом находилось озеро, которое было прудом для ловли рыбы при монастыре. Посреди которого находится очень любопытный искусственный остров, основанный на больших сваях и дубовых досках, где монахи хранили свои ценные пожитки, когда англичане вторглись в Стратнит".

Реликвий, собранных в ходе описанных выше операций, очень мало. Каноэ длиной 22 фута и тяжелый наконечник топора из уинстона (рис. 170) были найдены на некотором расстоянии от кранного. Две ручки от кувшинов со следами желтоватой глазури, несколько фрагментов керамики, украшенных рядами оттисков с косточками (рис. 171), круглая шлифовальная машина для камня и стекловидная масса овальной формы - вот и все, что было найдено в самом кранном.

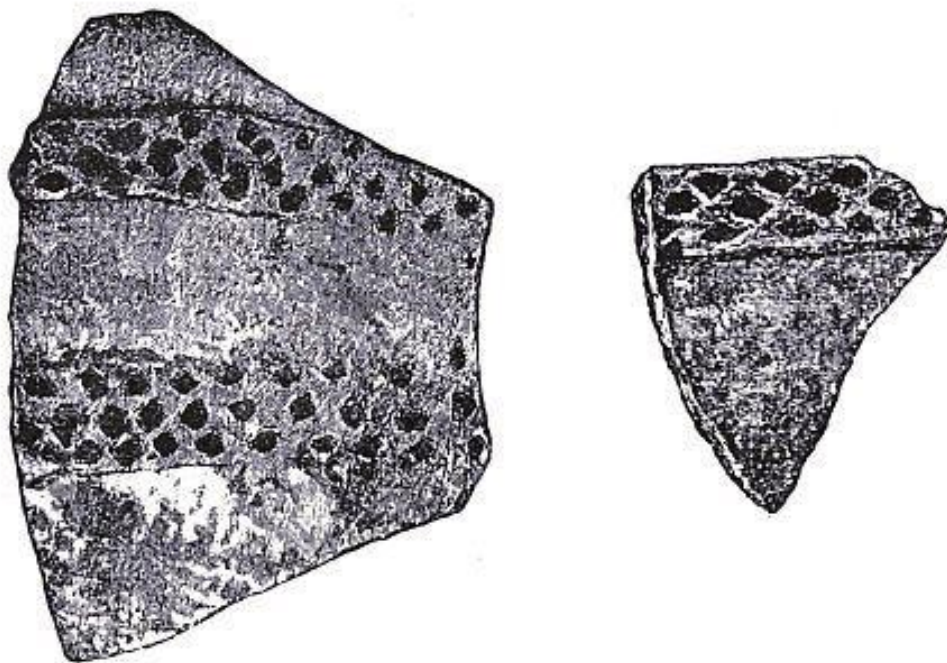

Рис. 171.—Фрагменты керамики ($\frac{2}{3}$).

КАМЕННЫЕ ОЗЕРНЫЕ ЖИЛИЩА И ДРУГИЕ ИСКУССТВЕННЫЕ ОСТРОВА.

Но помимо деревянных островов есть и другие, все еще сохранившиеся в нескольких наших шотландских озерах, которые, по-видимому, полностью состоят из камней и земли, беспорядочно нагроможденных друг на друга. В отсутствие каких-либо исторических знаний относительно их возраста нет *на первый взгляд* причины, по которой некоторые из них не должны быть современниками первых, поскольку нельзя предположить, что строители кранногов сделали дерево *непременным* условием в структуре островов. Несомненно, существовали определенные стоячие болота и небольшие озера, в которых деревянный фундамент был необходим для строительства острова из-за мягкости и податливости грязи; но, с другой стороны, были и другие с плотным каменистым или гравийным слоем, в которых в равной степени были бы применимы любые твердые материалы, такие как камни, земля, дерн и т.д. Истоки более крупных озер, особенно таких, которые образовались в ледниковых и вырубленных в скалах бассейнах, были более приспособлены для последних, и, насколько мои наблюдения позволили мне составить мнение, это те самые ситуации, в которых изобилуют каменные жилища на озере. Некоторые из них представляют собой просто бесформенные пирамиды из камней, без каких-либо признаков того, что здесь когда-то жили, в то время как на других видны остатки каменных построек. Что касается деревянных хижин или жилых домов, то, если бы на них когда-либо возводились подобные сооружения, маловероятно, что они могли бы в течение сколь угодно длительного времени противостоять разрушительным тенденциям атмосферных воздействий, так что все их следы давным-давно исчезли бы.

Социальные или военные потребности, которые побудили людей строить искусственные острова, также побудили бы их воспользоваться такими естественными островами, которые были бы сочтены наиболее подходящими, и мы можем обоснованно заключить, что именно в отсутствие последних прибегли бы к первым. Великой и первостепенной целью строителя островов была защита, обеспечиваемая окружающим озером или болотом, обеспечение безопасности которых продолжало оставаться основным принципом при возведении оборонительных сооружений вплоть до средневековья, еще долго после того, как деревянные острова перестали строиться. Переход от кранного к массивному средневековому замку со рвом и подъемным мостом - всего лишь этап в поступательном движении цивилизации.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ШОТЛАНДСКИХ ОЗЕРНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ.

К этим замечаниям о структурных деталях нескольких типичных пещер, раскрытых систематическими исследованиями, я прилагаю сводный список всех мест, известных до сих пор в Шотландии, включающий не только искусственные острова, сделанные из дерева или других материалов, но и некоторые естественные, которые, как известно, были искусственно укреплены, а также несколько примеров замков и т.д., ныне или ранее расположенных на болотах или осушенных топях.

СПИСОК ШОТЛАНДСКИХ КРЭННОВ

В АЛФАВИТНОМ ПОРЯДКЕ, С ПРИМЕЧАНИЯМИ И ССЫЛКАМИ.

Примечание— обелиск (†) перед названием в этом тексте указывает на то, что остров полностью или частично построен из дерева. **NSA** или **OSA** обозначают Новый или Старый статистический отчет Шотландии.

[102]	†	Ахилти Л., ко. Росс. Н. С. А., том xiv. стр. 238. Ахрей Л., Колорадо. Перт. Б. 94, стр. 172-7.
	†	Airrieoulland, со. Уигтаун. В. 426. Ard L., со. Перт. О. S. А., том x. стр. 130.
	†	Arisaig L., со. Инвернесс. Б. 150, с. 576.
	†	Банчори (L. of the Leys), колорадо Aberdeen. <i>Proc. S. A. Scot.</i> , том i. стр. 26; том vi. стр. 126.
	†	Баран Л., ко. Кирккадбрайт. В. 373, стр. 37, и <i>Дамф. и G. N. H. Soc.</i> , 1865.
[103]	†	Barhapple L., со. Уигтаун. "Эйр и Уиг". Кол., том iii. и v.; Б. 373; Б. 192.
	†	Барлокхарт Л., со. Вигтаун. <i>Proc. S. A. Scot.</i> , т. xi. с. 583; т. xv. с. 267.
	†	Барнсалзи Л., компания Уигтаун. <i>Там же.</i> , том ix. стр. 377.
[104]	†	Battleflowes, со. Бервик. N. S. А., том ii. стр. 171. Черная пирамида, Бьюли-Ферт, Колорадо. Росс. "Горные форты и каменные круги Шотландии", стр. 89; N. S. А., том xvii. стр. 350.
	†	Богхолл (Бейт), колорадо, N. S. А., том v., стр. 580. Борге, ко. Кирккадбрайт. N. S. А., том iv. стр. 54.
		Брора Л., ко. Сазерленд. O. S. А., т. x., с. 303; N. S. А., т. xv, с. 151.
[105]	†	Бруич Л. (Beauly), со. Росс. Б. 442.
	†	Бустон, ко. Эйр. "Эйр и парик. Полковник", том iii.; В. 373.

[106]

†

Канмор (Кинорд) Л., со.
Абердин. В. 94, стр. 167-71.

†

Carlingwark L., two crannogs,
co. Kirkcudbright. O. S. A.,
том. viii. с. 304; Б. 94, с. 126;
Proc. S. A. Scot.,
том vii. стр. 7 и х. стр. 286.

†

Касл Лох, Колорадо Вигтаун.
"Заметки" преподобного Г.
Уилсона.

Каслтаун, колорадо Роксбург.
N. S. A., том iii. стр. 164.

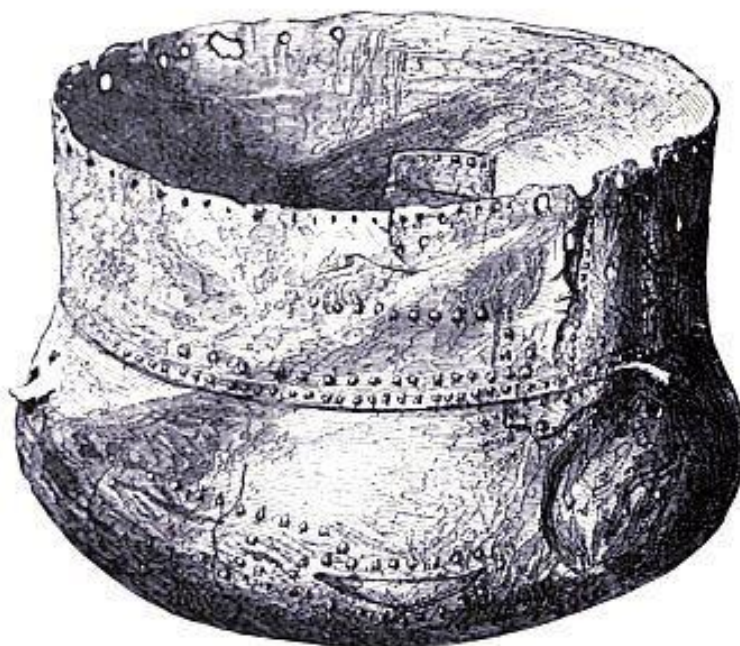

Рис. 172.— Большой Бронзовый котел из озера Карлингварк.

Клозберн, Колорадо.
Дамфрис. *Фил. Пер.*, 1756, с.
521; Гроуз, "Шотландский
муравей", том i, стр. 150.

Клуни Л., ко. Перт. O. S. A.,
том ix. стр. 231.

Коллесси, ко. Файф. O. S. A.,
том ii. стр. 418.

†

Корнкок (Эпплгарт),
колорадо Дамфрис. Б. 94, с.
163.

†

Cot L., со. Линлитгоу. *Там же.*,
стр. 159.

[107]

†

Croy, со. Инвернесс. N. S. A.,

		том xiv. стр. 448.
	†	Ду Лох, Колорадо. Бьют. Б. 21, с. 43.
		Долай Л., ко. Сазерленд. Б. 94, с. 172-7.
		Дун Л., ко. Эр. Н. С. А., том v., стр. 337.
	†	Дауэлтон, файв крэнногс, колорадо. Вигтаун. Б. 56, 94, 373 и 426.
		Эрн Л., ко. Перт. О. С. А., том xi. стр. 180.
		Элдриг Л., три крэннога, колорадо. Вигтаун. "Заметки" преподобного Г. Уилсона.
[108]	†	Eriska, со. Аргайл. Б. 427, с. 192.
		Фаснаклойх (Аппин), колорадо. Аргайлл. Б. 94, стр. 175.
		Federatt, со. Aberdeen. О. S. А., том ix. стр. 191.
		Фелл Л., ко. Уигтаун. Б. 192, т. ix. с. 378.
[109]		Фергус Л., со. Кирккадбрайт. О. С. А., том xi. стр. 25.
	†	Флемингтон, Л., колорадо. Нэрн. Б. 55, с. 118.
		Форфар, озеро Лох-оф, Колорадо. Впервые. Б. 1; О. S. А., том vi. стр. 528; Б. 94, стр. 125; Б. 216, стр. 31.
		Фрейчи Л., со. Перт. Б. 94, стр. 173.
	†	Friar's Carse, со. Дамфрис. Б. 373, с. 152 и Б. 374, с. 73.
		Фуллах Л., со. Перт. Б. 94, стр. 172.
		Гласс Л., со. Росс.
		Операционная система, том i, стр. 282.
		Гранек Л., со. Перт. Б. 94, с. 177.
	†	Грин Ноу, колорадо. Lanark. N. S. A., vol. vi. стр. 346; <i>Proc.</i>

S. A. S., vol. vi. стр. 160 и vol. viii. стр. 19.

Гинаг Л., со. Инвернесс. Н. С. А., том xiv. стр. 65.

Херон Л., два острова, Колорадо. Вигтаун. Б. 192, том ix. с. 378.

Хогсеттер Л., Шетландские острова. *Proc. S. A. Scot.* том xv. стр. 303.

Кельзибар Л., со. Аргайл. Б. 134, стр. 332 и 516.

Килбирни Л., колл. Эр. Б. 268, с. 284.

Килчонан, Колорадо. Аргайл. О. С. А., том xi. стр. 281.

Kinder L., со. Кирккадбрайт. *Old. S. A.*, том ii. стр. 139.

Кинеллан Л., ко. Росс. Н. С. А., том xiv. с. 238; Б. 94, с. 126.

Лагган Л., колорадо. Перт. О. С. А., том xviii. стр. 327.

Ledaig, со. Аргайлл. Б. 190.

Левен Л., со. Кинросс. Б. 460, с. 118.

Озеро Кланов, два краннога, колорадо. Нэрн. Б. 55, стр. 116 и 332.

Лох-ин-Данти, Колорадо. Нэрн. Б. 55, с. 118.

Лох-инч-Криндил, колорадо. Вигтаун. Б. 212, стр. 381 и 388.

[110]

†

†

[111]

†

†

[112]

†

[113]

†

†

†

[114]

†

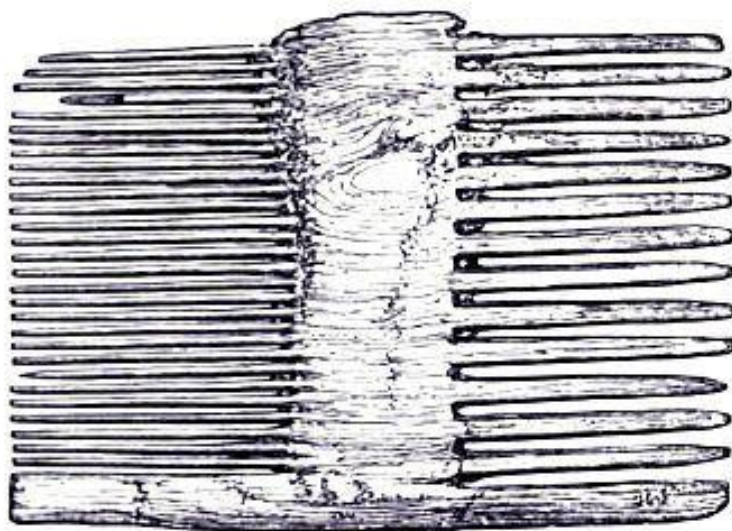

Рис. 173.—Деревянная расческа из Ледайга ($\frac{2}{3}$).

	†	Лохиндорб, Колорадо. Морей. Операционная система, том vii. стр. 259.
	†	Лохли, Колорадо, Эйр. "Эйр и парик. Полковник", том ii.; Б. 331 и 373.
	†	Лохмабен, колорадо. Дамфрис. Б. 94, с. 160; <i>Арх. Шотландец.</i> , том iii. стр. 77.
	†	Лох-на-Миаль, остров Малл. Б. 172, с. 465.
	†	Лохнелл, колорадо. Аргайлл. Б. 190, том ix. стр. 105.
	†	Лохор, Колорадо. Файф. Б. 94, стр. 160.
	†	Лохраттон, колорадо. Кирккадбрайт. О. С. А., том ii. стр. 37.
	†	Лохспаутс, Колорадо, Эр. "Эр и парик. Кол.", т. iii. стр. 18; iv. стр. 9; Б. 373, стр. 158 и 305.
		Лохвуд, ко. Дамфрис. О. С. А., том iv. стр. 224.
[115]	†	Lochy L., со. Инвернесс. Б. 94, с. 160.
[116]	†	Ломонд Л., со. Стерлинг. <i>Там же.</i> , стр. 131.
	†	Lotus L., со. Кирккадбрайт.

[117]

†

Proc. S. A. Scot., том xi. стр. 21.

Machermore L., несколько crannogs, со. Вигтаун. Б. 192.

Мертон Л., ко. Вигтаун. Б. 94, с. 123.

Мокрум Л., колорадо. Вигтаун. Б. 192.

Мониверд Л., ко. Перт. OSA, том. viii. с. 570.

Моралл Л., компания. Перт. Б. 94, с. 176.

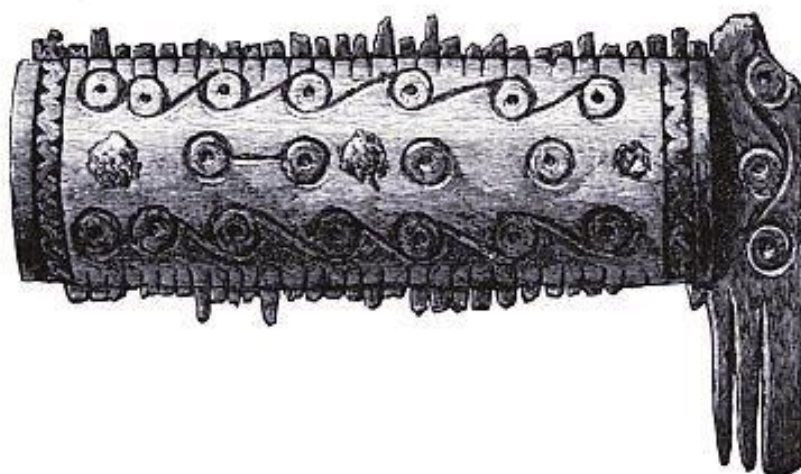

Рис. 174.—Костяной гребень из Крэннога в Лох-инч-Криндиле ($\frac{1}{4}$).

Мортон, Колорадо. Дамфрис. Н. С. А., том iv. стр. 96.

Мулен Л., осушенный, колорадо. Перт. OS. А., том v., стр. 69.

Маунтблэйри, Колорадо. Морей. О. С. А., том iv. стр. 399.

†

Мой Л., Эллан-на-Глак, колорадо. Инвернесс. N. S. А., том xiv. стр. 100; В. 94, стр. 129.

[118]

†

Обан (Лохавуллин), со. Аргайл.

Орр Л., Колорадо Дамфрис. О. С. А., том ii. стр. 342.

Пил Богг, Колорадо. Абердин. N. S. А., том xii. стр. 1089.

†

Quien Loch, со. Бьют. Б. 21, с. 45.

†

Раннох Л., кол. Перт. N. S. A., т. х., стр. 539; Б. 94, стр. 129.

†

Равенстоун Л., ко. Уигтаун. Б. 426, с. 121.

†

Рескоби Л., ко. Впервые. Б. 94, стр. 176.

Ротемерчус, Лох-ан-Эйлан, Колорадо. Морей. N. S. A., т. хiii. с. 137; Б. 94, с. 145.

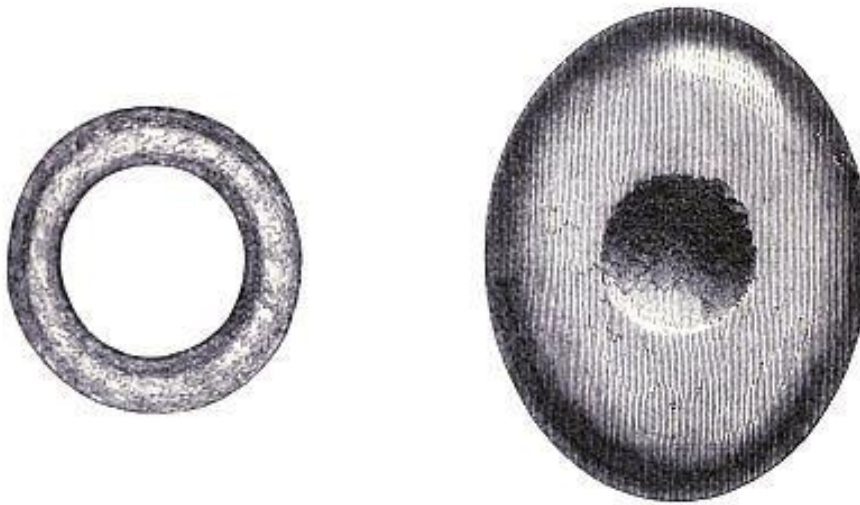

Рис. 175. —Каменное кольцо ($\frac{1}{4}$) и Каменный инструмент с полой поверхностью с каждой стороны ($\frac{1}{2}$).

[119]

†

Санкухар, Черное озеро, Колорадо. Дамфрис. *Продолжение. Думф. и Гал. N. H. Soc.*, 1863-4, стр. 12, и В. 373, стр. 36.

Син Л., ко. Сазерленд. Б. 94, с. 172-7.

†

Спини Л., ко. Морей. *Операционная система*, том х, стр. 625.

Стравити, колорадо. Файф. N. S. A., том ix. стр. 365.

†

Sunonness L., со. Уигтаун. Б. 192, с. 738.

Тай Л., со. Перт. В. 94, стр. 173; OSA, vol. xvii. с. 465; N. S. A., т. х., с. 465.

†

Толста, Льюис и ко. Росс.

†

Сборник научных трудов,
том х, стр. 741.

Торланди, осушенное озеро,
Колорадо Инвернесс. *Proc. S.*
A. Scot., том vii. стр. 519.

Талла Л., Колорадо. Перт. Б.
94, с. 172.

Таммелл Л., компания. Перт.
О. С. А., том ii. с. 475; Б. 94, с.
129.

Урр Л., ко. Дамфрис. Б. 94,
стр. 160.

Венначар Л., колорадо.
Дамфрис. Б. 94, с. 177.

Вейох Л., колорадо. Уигтаун.
Б. 192.

Йетхолм Л., ко. Росбург. N. S.
А., том iii. стр. 164.

КРИТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ РЕЛИКВИЙ.

Однако большая ценность исследований озерных жилищ, особенно на юго-западе Шотландии, зависит от количества и разнообразия остатков человеческой деятельности, обнаруженных на их стоянках и вокруг них. Именно по таким фрагментарным останкам, как пищевые отходы, разрозненные украшения, сломанное оружие, бесполезные и изношенные орудия труда и тому подобные беспризорные животные, оставленные людьми, археологи пытаются реконструировать очертания социальной жизни и организации доисторического прошлого. Для тех, кто, возможно, пожелает заняться этой проблемой, эти исследования, как мы только что видели, предоставили обширную коллекцию предметов, сделанных из камня, кости, рога, дерева, бронзы, железа и золота.

Среди каменных предметов — кверны, камни-молотки, точильные камни, так называемые камни для пращи, несколько камней с чашеобразными отметинами (один окружен концентрическими кругами), веретенообразные завитки, отщепы кремня и скребки, полированный кельт, перфорированный наконечник топора-молота, части двух полированных круглых дисков и несколько овальных орудий с кованой выемкой с каждой стороны.

Кости и рога оленей использовались различными способами и изготавливались из них булавы, иголки, набойки, шила, отмычки, туалетные расчески, рукоятки ножей и т.д. Гребни аккуратно сформованы из трех или четырех плоских частей, удерживаемых на месте двумя поперечными накладками, по одной с каждой стороны, и склепанных вместе железными заклепками. Они часто украшены серией вырезанных кругов, которые иногда соединены бегущей спиралью, как на [рис. 174](#).

Деревянные изделия состоят из мисок, половников, молотков, мотыг, дубинок и т.д., а также множества других предметов, явно предназначенных для сельскохозяйственных целей.

Орудия труда и оружие из железа многочисленны. Среди первых - зазубрины, стамески, ножи, ножницы, пилы, топоры, шила, молотки, уздечка, засов от всякого замка и другие предметы неизвестного назначения. Оружие состоит из листовидных наконечников копий, как зазубренных, так и заостренных, кинжалов и наконечников стрел, напоминающих наконечники арбалетных болтов.

Предметы, изготовленные из бронзы, в основном носят декоративный характер и включают: фибулы в форме арфы, круглые и кольцевые броши, кольца для пальцев, спиральный орнамент, булавки с орнаментом, одна с верхушкой в виде кольца, другая в стеклянной оправе, маленький ключ и некоторые другие изделия неопределенного характера. Из Доуолтона привезены тазы или котлы из кованой бронзы, некоторые с зазубринами и клепками; у одной, предположительно римской кастрюли, на ручке указано имя производителя.

На Бустон-кранноге были найдены два красивых и массивных спиральных перстня, сделанных из золота. Один простой, с пятью с половиной изгибами; другой, помимо дополнительного изгиба, имеет оба конца, украшенные рядом круглых канавок. Там же находится любопытная золотая монета саксонского происхождения, подделка шестого или седьмого века.

Керамика представлена многочисленными фрагментами, некоторые из которых относятся к так называемой саамской посуде, но большинство из них представляют собой сосуды с глазурованной посудой, в то время как некоторые относятся к архаичному типу. В коллекции также есть несколько аккуратно сформованных тиглей, содержащих следы золота и шлака.

Среди различных предметов - браслеты и бусы из цветного и пестрого стекла или стекловидной пасты; также несколько гагатовых украшений, одно из которых представляет собой красивую подвеску в виде равноугольного креста, вписанного в круг и имеющего одну поверхность, украшенную серией вырезанных кругов, на которых сохранились остатки желтой эмали. Доктор Джозеф Андерсон считает это христианской реликвией очень раннего типа. Гладкий и плоский кусок ясеня со своеобразной спиральной резьбой с обеих сторон и похожий на бахрому прибор, сделанный из длинных стеблей мха, относятся к числу предметов, вызвавших наибольшее любопытство. По поводу тонко отполированного конического предмета из горного хрусталя, найденного в Лохспоутсе, рецензент в "*Академии*" от 14 октября пишет: "Это амулет или, возможно, он служил центральной ручкой или выступом в переплете какого-нибудь богато украшенного требника или Евангелия? Кристаллы, очень похожие, но продолговатые по форме — как бразильский орех — можно увидеть на некоторых богатых обложках книг раннего времени, а несколько оторванных сохранились в коллекциях. Один такой предмет является частью хрустального ожерелья в музее Эшмола, а другой, находящийся в частных руках, использовался не так уж много лет назад в Вест-Райдинге, графство Йоркшир, с целью видения духов. Если эта реликвия действительно является книгохранилищем, это делает вероятным, что крэнног когда-то был населен или, по крайней мере, посещался христианами миссионерами". Доктор Джозеф Андерсон также указал, что этот предмет чрезвычайно похож на "большой круглый горный хрусталь, который образует центральное украшение на нижней поверхности подножия знаменитой серебряной чаши, выкопанной в Рат-оф-Рераста, недалеко от Ардага, графство Лимерик, Ирландия, в 1868 году, и сейчас находится в музее Королевской ирландской академии в Дублине". По словам графа Данрейвена, этот прекраснейший образец нашего древнего искусства был выполнен либо в девятом, либо в десятом веке". (См. Указ. соч. *Antiq. Шотландец*, 4 декабря 1882 г.)

Из соответствующих отчетов профессоров Оуэна, Роллстона и Клиленда о подборке костных останков, взятых из озерных жилищ в Доуолтоне, Лохли и Бустоне, мы можем составить четкое представление о пище оккупантов. В основном употреблялись кельтский короткорогий бык, так называемые козлорогие овцы и домашняя порода свиней. Лошадь использовалась крайне редко. Количество костей и рогов благородного оленя и косули показало, что оленина ни в коем случае не была редким дополнением к их рациону. Среди птиц был идентифицирован только гусь, но это не является критерием степени их посягательства на пернатое племя, поскольку были собраны и о них сообщалось только о более крупных костях. К этому меню жители Лох-Споутс-крэннога, расположенного сравнительно недалеко от моря, добавили несколько видов моллюсков. Во всех озерных жилищах, которые попадались под мое личное наблюдение, разбитая скорлупа лесных орехов была в изобилии.

По количеству костей и значительному преобладанию костей домашних над костями диких животных можно сделать вывод, что для пропитания они больше зависели от обработки почвы и разведения крупного рогатого скота, овец и свиней, чем от обычных продуктов охоты.

Доказательствами длительного, но время от времени прерываемого проживания также являются большое скопление мусора на деревянных тротуарах, размер и содержимое кухонных навозных куч и расположенных друг над другом очагов.

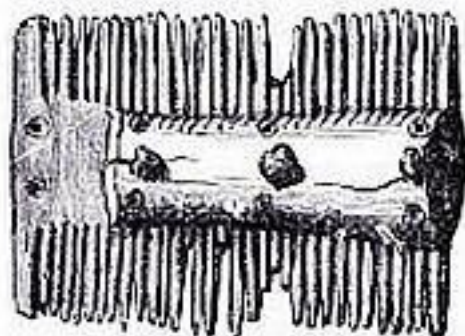
Давайте теперь посмотрим на замечательную серию орудий труда, оружия, украшений и неопишуемых предметов, представленных здесь нам, с целью извлечь из них некоторые обрывки информации об их первоначальных владельцах. Фрагменты саамской посуды, бронзовые блюда, фибулы в форме арфы и большой ассортимент бус, бронзовых и костяных булавок, костяных гребней, гагатовых украшений и т.д. Настолько похожи на класс останков, найденных при раскопках романо-британских городов, что вряд ли могут быть какие-либо сомнения в том, что римская цивилизация вступила в контакт с обитателями озера. Кельтский элемент, однако, сильно развит не только в общем характере многих промышленных орудий из камня, кости и железа, но и в стиле искусства, проявляющемся в некоторых декоративных предметах, включенных в коллекцию. Таким образом, кусок ясеня с вырезанными спиральными узорами (рис. 144 и 145), гребни, особенно тот, на котором изображен ряд концентрических кругов, соединенных бегущей спиралью (рис. 174), и некоторые бронзовые броши и украшения (рис. 130) представляют стиль орнаментации, который считается характерным для кельтского искусства. Спиральные кольца для пальцев, по-видимому, также были местного происхождения, и есть вероятность, что они были изготовлены там, где были найдены, поскольку среди реликвий того же озерного обитателя есть несколько тиглей, один из которых, поскольку он все еще содержит частицы золота, доказывает, что его использовали для плавки этого металла. (Б. 373, с. 236.)

С другой стороны, фальшивая золотая монета — единственная реликвия, о которой можно с уверенностью сказать, что она произошла из саксонского источника - по крайней мере, иначе это объяснить невозможно.

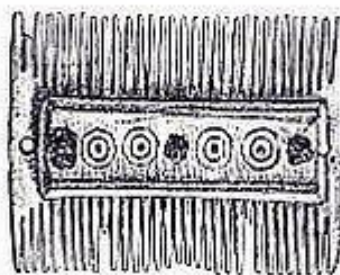
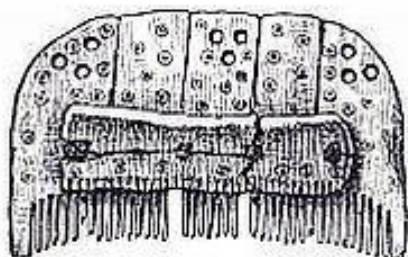
Но если на основании внутренних свидетельств выдвигается предположение в пользу кельтского происхождения и заселения этих озерных жилищ, оно значительно усиливается, если мы примем во внимание, что соседние кельтские расы, особенно в Ирландии, имели обыкновение возводить подобные островные жилища, в то время как нет ни малейших доказательств в пользу идеи о том, что подобные сооружения возникли при римских завоевателях Британии или ее саксонских захватчиках.

Гребень из римского города
Уриконий ($\frac{2}{3}$).

Гребень из Ноу-хау
Савероу, Оркни ($\frac{1}{2}$).

Два гребня из броши Бурриана, Оркнейские острова ($\frac{1}{2}$).

Рис. 176.—Костяные гребни, для сравнения с гребнями из Озерных жилищ.

Нельзя также упускать из виду сходство между останками, найденными в шотландских и ирландских озерных жилищах, а также другими антикварными находками кельтского характера. Гребни, похожие по структуре и орнаменту на гребни из Бустона, были найдены в нескольких ирландских кранногах, в брошах и других древностях севера Шотландии, а также во многих руинах романо-британских городов в Англии. (См. [Рис. 105](#), [108](#) и [176](#).) Железные ножи и ножницы, разноцветные бусины из нечистого стекла с бороздками и спиральными отметинами, украшения из гагата и бронзы, орудия труда из камня, кости и рога, помимо квернов, точильных камней и т.д., - все это обычное явление кельтских древностей, где бы они ни были найдены.

То, что многие из этих реликвий были продуктами утонченной цивилизации, не более примечательно, чем неожиданные и странно противоречивые обстоятельства, при которых они были найдены. По этой причине можно было бы предположить, что кранноги были штаб-квартирой воров и разбойников, где хранились доходы от их мародерских вылазок среди окрестных римских провинций. Выводы, сделанные в результате тщательного рассмотрения всех фактов, как мне кажется, не подтверждают эту точку зрения, равно как и другую точку зрения, иногда выдвигаемую, а именно. что это были укрепленные острова, занятые солдатами-хранителями народа. Действительно, среди реликвий военные останки

представлены лишь несколькими железными кинжалами и наконечниками копий, одним или двумя наконечниками стрел сомнительного происхождения и большим количеством круглых камешков и так называемых камней для пращи. С другой стороны, очень большой процент изделий составляют печи, орудия труда, тигли, различная домашняя утварь и т.д., Из которых, не говоря уже о большом разнообразии украшений, не может быть никаких сомнений в том, что они свидетельствуют о мирном занятии озерными жителями различными искусствами и промыслами.

Существует, на мой взгляд, только одна гипотеза, которая может удовлетворительно объяснить все приведенные здесь факты и явления, а именно. что жилища у озера на юго-западе Шотландии использовались кельтскими жителями как средство защиты своей жизни и движимого имущества, когда после частого ухода римских солдат из этого района они оставались в одиночку сражаться с англами на востоке и пиктами и скоттами на севере. Маловероятно, что эти провинциалы, так долго привыкшие к роскоши и удобствам римской цивилизации, или их потомки в последующем королевстве Стратклайд, стали бы жертвами таких жестоких и незаконных врагов, от которых, даже будучи побежденными, они не смогли бы извлечь никакой пользы. Следовательно, их военная тактика и операции должны были принять скорее характер обороны, чем агрессии, и для того, чтобы победить цель частых и внезапных набегов северных племен, которая заключалась в грабеже жителей, а не в завоевании страны, опыт научил их необходимости быть готовыми к чрезвычайным ситуациям, имея определенные места более чем обычной безопасности, где они могли бы хранить свои богатства или куда они могли бы удалиться в качестве последнего ресурса в случае крайней необходимости. Этими убежищами могли быть пещеры, укрепленные лагеря или недоступные острова, но в местностях, где таких естественных опорных пунктов не существовало, военный гений кельтских жителей, подсказанный, возможно, унаследованными представлениями, побудил их построить эти деревянные острова. С момента окончательного ухода римлян до завоевания королевства Стратклайд нортумбрийскими англами, длившегося несколько столетий, у этого несчастного народа было мало мирных периодов, и с их полным поработанием прекратились особые функции озерных жилищ как национальной системы защиты. Несомненно, некоторые из них, а также пещеры и подобные укрытия продолжали бы служить убежищем для разрозненных остатков туземцев, доведенных до отчаяния безжалостным преследованием их врагов; но в конечном счете все они попали бы в руки своих саксонских завоевателей, когда отныне им было бы позволено превращаться в грязь или приходить в упадок.

III.—АНГЛИЙСКИЕ ОЗЕРНЫЕ ЖИЛИЩА.

Открытие озерных поселений к югу от шотландской границы, хотя примеры ни в коем случае не столь многочисленны и не изобилуют промышленными остатками, как в Шотландии и Ирландии, представляет, тем не менее, особый интерес из-за промежуточного положения, в котором Англия географически находится по отношению к районам их самого раннего и позднего освоения в Европе. Следует отметить, что некоторые из воспроизведенных здесь записанных наблюдений на самом деле были сделаны до того, как антиквары осознали важность предмета; в противном случае невозможно представить, как такие наводящие на размышления факты сразу не привели к более определенной информации.

ОЗЕРА НОРФОЛК И САФФОЛК.

Ретам Мер. Сэр Чарльз Ф. Банбери еще в 1856 году заметил некоторые явления в осушенном озере близ Ретэм—Холла, которые ясно указывают на то, что это остатки обитателей озера. В сообщении по этому поводу Геологическому обществу он говорит: —

"Ретем-Холл, резиденция У. Берча, эсквайра, расположен примерно в шести милях к северу от Тетфорда, на том обширном участке открытых песчаных равнин, который можно назвать возвышенностью по сравнению с болотами, но на очень умеренной высоте над уровнем моря, о чем свидетельствует медленное течение стекающих с него ручьев. Около Ретама есть несколько *водоемов*, или небольших естественных водоемов без какого-либо выхода. Тот, на который мистер Берч обратил мое особое внимание, занимал около сорока восьми акров и был расположен в небольшой естественной впадине, земля к нему со всех сторон слегка наклонялась. Вода была откачана машинами с целью использования в качестве навоза черного торфянистого ила, образовавшего дно. Этот черный ил, глубина которого местами превышает двадцать футов, представляет собой не что иное, как мягкий, гнилой, неуплотненный торф; или, возможно, его следует описать как растительный материал в более полной стадии разложения, чем обычный торф, без отчетливых следов растительной структуры. Многочисленные рога благородного оленя были найдены в этом торфянистом иле, обычно (как мне сообщили) на глубине 5-6 футов под поверхностью, редко глубже; многие прикреплены к черепу, другие отделены и, по-видимому, были сброшены естественным путем. Что самое примечательное, несколько из тех, что были найдены с прикрепленными черепами, были *отпилены* чуть выше надбровных рогов — не сломаны, а срезаны чисто и гладко, очевидно, руками человека. Некоторые из рогов большого размера, размером 9 дюймов в окружности непосредственно под надбровным рогом

"Были найдены многочисленные дубовые столбы, выполненные с помощью человеческого искусства и заостренные, стоящие вертикально, полностью погребенные в торфе".

Похоже, что в 1851 году более примечательная "находка" стала заметна при осушении другого *водоема* в этом же поместье, хотя события оставались незарегистрированными до 1858 и 1862 годов. Следующее уведомление составлено в основном и почти дословно на основе наблюдений мистера Ньютона, которые, как он утверждает, были получены непосредственно от мистера Берча, владельца: —

В этом водоеме (Западном водоеме) обычно было около четырех футов воды, а под ней - около восьми футов мягкой черной грязи, частично находящейся во взвешенном состоянии и требующей удаления черпаками. Недалеко от центра *болота*, лежащего под слоем черной грязи, был найден кольцевой холмик из мелкой белой земли, достаточно твердой, чтобы мистер Берч мог ездить по ней верхом, не поддаваясь весу своего пони. За пределами этого кольца дно озера было таким мягким и глубоким, что становилось почти непроходимым, пока не была расчищена грязь. Кольцо было примерно двадцати или тридцати футов в поперечнике, шириной в фут сверху и около четырех футов в высоту. Недалеко от его внутренней окружности было круглое отверстие, около четырех с половиной футов в диаметре и примерно на шесть футов глубже, чем дно *озера*. Он был очерчен кругом из толстых кольев или небольших свай, по-видимому, из ольхи, и на нем виднелись следы плетения. Между этими двумя кругами были остатки стены высотой около двух футов и, следовательно, ниже верхней части кольца, сложенной из кремней, спаянных вместе с мергелем или мягким мелом. В том же месте было немного земли ярко-синего цвета, которая при высыхании рассыпалась в порошок и не сохранилась, хотя следы все еще были видны на костях. В этом промежутке было найдено еще большее количество костей, а также остатки сильно сгнившей лестницы, стороны и закругления которой находились на расстоянии 15 дюймов друг от друга. Колья были около четырех дюймов в диаметре, очень твердые, тяжелые, как камень, и темно-серого цвета. Фрагменты лестницы, напротив, были очень гнилыми и легкими, но остатки того и другого, пролежав некоторое время, отслаивались и полностью рассыпались в пыль. Внутри и вокруг этого кольца лежало огромное количество

костей, немалую часть которых составляли верхние части черепов *Bos longifrons* с прикрепленными к ним роговыми сердцевинами, а также множество рогов благородного оленя, целых или фрагментированных. У всех первых, за исключением одного необычно крупного экземпляра, был перелом размером с полкроны во лбу (Бабингтон). Некоторые из оленьих рогов, несомненно, были сброшены в положенный природой срок, но другие, напротив, были отделены от головы путем распиливания. Что касается других костей, найденных в Вест-Мерее, а мне сказали, что их были сотни, то большинство самых крупных были сломаны на той или иной конечности, несомненно, для того, чтобы извлечь содержащийся в них костный мозг. Другая кость, и, насколько я могу судить, единственная найденная, обладающая этой особенностью, была отполирована с одной стороны; но причина этого не очень очевидна, если только она не служила, как я ранее предположил в случае с подобным образцом, коньком. Я должен добавить, что ни в этом, ни в каком-либо из соседних озер не было обнаружено никакого оружия или металлических орудий, которые можно было бы отнести к сколь-нибудь отдаленному периоду, но было найдено большое количество кремневых дисков, которые, согласно полученному мной описанию (к сожалению, ни одно из них, похоже, не сохранилось), должны были очень походить на те, что известны датским антикварам как "камни для пращи", судя по их вероятному использованию. (Б. 46, стр. 17.)

Бартон Мер. — В 1869 году преподобный Гарри Джонс направил в Саффолкский институт археологии и естественной истории доклад "Об открытии некоторых предполагаемых остатков свайного жилища в Бартон Мер, недалеко от Бери Сент-Эдмундс", резюме которого приводится ниже:—

Бартон-Мер расположен в естественной впадине, примерно в четырех милях к востоку от Бери-Сент-Эдмундс, и в основном питается источниками, но в некоторые сезоны года вода стекает в него с возвышенностей на юге, западе и севере. В заполненном состоянии он занимает около десяти акров и в среднем достигает 7 футов в глубину. На северной стороне мер находится мергелистый мел, который, действительно, образует основное дно мер, будучи перекрыт отложениями темной глины глубиной от 1 до 5 футов. Нижний слой этого осадка состоит из глины торфянистого цвета, настолько прочной, что сохраняет свою форму на гончарном круге. Большая часть костей и некоторые фрагменты керамики были найдены в этом нижнем слое, толщина которого варьируется от нескольких дюймов до примерно полутора футов. Мере время от времени подвержен засухам. За последние сорок лет здесь было сухо по меньшей мере четыре раза. Около тридцати восьми лет назад (1830), когда мер был тогда пересохшим, его дед, мистер Куэйл, живший в Бартон-Мер, выкопал некоторое количество материала, чтобы разложить его на земле. В результате его рытья получилась яма, в которой в двух последующих случаях, когда вода была низкой, скопилось достаточно воды, чтобы сохранить часть рыбы живой и создать пруд для скота. Сообщалось, что кости и рога оленя, а также несколько наконечников копий и бронзовых колец были найдены среди шести или семи деревянных кольев, *торчащих из дна и толщиной примерно с тонкую часть человеческой ноги.*

Раскопки, проведенные мистером Джонсом в 1867 году, были произведены путем выкопки нескольких ям площадью около трех квадратных футов. В первых двух ямах ничего найдено не было, но в третьей были обнаружены череп быка, сломанные кости, части заостренных костяных орудий и бронзовый наконечник копья. Последний, который находился всего на 18 дюймов ниже поверхности и над торфяной глиной, имел размеры 13 дюймов в длину и два дюйма в самой широкой части. Кости принадлежали *Bos longifrons*, оленю, свинье, овце или козе, крупной собаке или волку, урусу (*Bos primigenius*) и зайцу. Все они находились в

торфянистом слое. Рядом с костями были найдены две или три кремневые отщепки, стержни и грубые кремневые орудия. Там было несколько кусков обожженного песчаника с явными следами огня на них и обожженные дайверами кремни. Также фрагмент тонкого сосуда ручной работы. Кроме костей, было найдено несколько оленьих рогов, один или два из которых были обглоданы, вероятно, собаками, а на другом виднелись следы какого-то мелкозубого животного, например крысы. Другие были вырезаны человеческими руками. В самом широком месте одного рога было грубо проделано отверстие. Были также различные рога *Bos longifrons*, что достаточно любопытно, одно из позвоночных ящеров. Последний находился недалеко от главной "находки", и было высказано предположение, что кто-то из туземцев, принеся его на это место, мог использовать его в качестве молотка.

Однако та часть "находки", которая вызвала больше всего предположений, была тканью из кольев и прутьев. "Я нашел один кол толщиной в 2 с половиной дюйма и длиной в 2 фута, лежащий близко к тому месту, где мы нашли большую часть костей, но ткань, на которую я сейчас ссылаюсь, находилась примерно на двадцать восемь дюймов ниже поверхности самой глубокой части озера. Почва по соседству с ним была потревожена, поэтому я взял окучник и совок и обработал все это собственными руками. В результате получилась плетеная структура овальной или яйцевидной формы длиной 5 футов 7 дюймов и шириной 3 фута 10 дюймов. Там было 14 стоек толщиной от 2 до 2½ дюймов, расположенных на почти равных расстояниях друг от друга. Они были сделаны из прутьев и палочек, похожих на стенки очень грубой корзины. Сначала я подумал, что это могло быть затонувшее суденышко, но, зачерпнув глину, которой оно было заполнено, я обнаружил, что плетень заканчивался примерно на 14 дюймов ниже, а стойки представляли собой просто колья длиной от 21 до 27 дюймов, первоначально вбитые в меловой мергель. Нижняя часть этой ткани была заполнена осколками кремня, которые также были найдены снаружи нижней части стоек и между ними. Кремень, должно быть, был вставлен, концы кольев были такими острыми и чистыми, что их невозможно было вбить сквозь слой кремня".

Верхушка плетня находилась на уровне мелового мергеля, на котором было разбросано большинство костей, фрагментов керамики и т.д. И который был покрыт слоем темной глины на глубину от 2 до 4 с половиной футов. Больше кольев найдено не было, но в меловом мергеле появились несколько отверстий, некоторые из них почти в линию, в которых мы не могли отделаться от мысли, что они, возможно, когда-то стояли. Однако мы не нашли в этих ямах остатков дерева". (Б. 161, с. 31.)

Профессор Бойд Докинз в статье "Жилища в Британии в бронзовом веке" пишет следующее:

Иногда в целях защиты дома строились на сваях, вбитых в болото или на дно озера, как, например, в Бартон-Мер, недалеко от Бери-Сент-Эдмундс, где среди свай и больших каменных блоков были обнаружены бронзовые наконечники копий, один длиной 13 дюймов, как в некоторых озерах Швейцарии. Наряду с ними было найдено огромное количество сломанных костей оленя, косули, дикого кабана и зайца, к которым также следует добавить уруса, животного, о дикости которого свидетельствуют его крупные кости с ярко выраженными выступами для прикрепления мышц. Жители также питались домашними животными — лошадью, короткорогим быком, домашней свиньей и, по всей вероятности, собакой, кости последнего названного животного находились в таком же раздробленном состоянии, как и кости остальных. Также были найдены фрагменты керамики. Скопление можно отнести скорее к позднему, чем к раннему бронзовому веку, судя по обнаруженному наконечнику копья с носком. Это открытие имеет значительную зоологическую ценность, поскольку доказывает, что урусы обитали в Британии в диком состоянии еще в бронзовом веке. Однако это, должно быть, было очень редким явлением, поскольку это единственный

случай его возникновения в тот период в Британии, с которым я знаком ". ("Ранний человек в Британии", стр. 352.)

ЖИЛИЩА У ОЗЕРА На БОЛОТИСТОЙ МЕСТНОСТИ.

Обнаружение такого количества подводных жилищ в Голландии и на прилегающих побережьях Германии, которые я уже описал, наводит на мысль, что аналогичные останки могли быть найдены в Болотах и других низменных районах Британии. Единственное упоминание, однако, о таких жилищах, с которыми я знаком, — это следующее краткое уведомление мистера Скертчли:

"Я обнаружил останки одного из них (обитателя озера) в Кроуленде в 1870 году, во время некоторых раскопок. Кучи были из желтоватого грунта, посаженного очень близко друг к другу, на них был уложен хворост, а поверх него слой гравия. Было найдено огромное количество костей, главным образом кельтского короткого, вместе с несколькими костяными орудиями и любопытным орнаментом из гагата. Недалеко от Эли в торфе были найдены кольца, но они, похоже, не принадлежат обитателям озера. ("Прошлое и настоящее Фенленда" Миллера и Скертчли, 1878.)

СВАЙНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ЛОНДОНЕ.

18 декабря 1866 года полковник Дж. Лейн Фокс (ныне генерал Фокс-Питт-Риверс) прочитал статью в Антропологическом обществе, озаглавленную "Описание определенных свай, найденных близ Лондонской стены и Саутуорка, возможно, это остатки свайных построек".

Автор начал с замечания о том, что его внимание привлекла к этому месту короткая заметка в "Таймс" от 20 октября, в которой говорилось, что при раскопках, которые велись для фундамента склада шерсти недалеко от Лондонской стены, было извлечено более двадцати тел, нагруженных костями. Раскопки начались в 40 ярдах к югу от уличного покрытия, следовательно, по всей вероятности, примерно в 70 или 80 ярдах от места, где была старая стена. Раскопанный затем участок имел неправильную продолговатую форму, 61 ярд в длину, простиравшийся с севера на юг, и 23 ярда в ширину.

Участок почвы состоял из...

"1. Гравий, похожий на балласт Темзы, на глубине 17 футов к северу, с уклоном на 22 фута к южной оконечности.

"2. Выше - торф неодинаковой толщины, от 7 до 9 футов.

"3. Современные остатки лондонской земли, состоящие из скопившегося городского мусора".

Между торфяным дном и самой высокой отметкой весеннего прилива, существующей в настоящее время, есть разница в 5 футов; но, конечно, во времена Римской Империи это могло быть иначе.

Относительно остатков свай в этой местности автор делает следующие наблюдения:—

"При осмотре земли мое внимание сразу же привлекло несколько куч, истлевшие верхушки которых виднелись над неразрытыми участками торфа, разбросанными тут и там по всему расчищенному пространству. Я записал положение всего, что в то время находилось над землей; и поскольку раскопки продолжались в течение последних двух месяцев, я время от времени отмечал положение всех остальных по мере их появления на виду.

"Начиная с юга, ряд из них тянулся на север и юг с западной стороны, справа от них был изогнутый ряд, как бы образующий часть кольца. Выше по земле наискось шел ряд свай, вдоль южной стороны которых была уложена доска толщиной около полутора дюймов и шириной в фут, как бы скрепляющая сваи вместе. Слева от них еще один ряд штабелей тянулся на восток и запад; на северо-востоке снова было несколько круглых групп штабелей; они были расположены не кольцами, а гроздьями, и расстояние между штабелями составляло от восьми до шестнадцати дюймов. Слева от него на север и юг тянулся еще один ряд свай и досок толщиной в два дюйма. К северу от этого были еще два ряда и несколько отдельно стоящих штабелей, но, без сомнения, несколько к северному концу были убраны до моего приезда.

"Стопки в среднем имели площадь от 6 до 8 квадратных дюймов; другие меньшего размера имели размеры 4 на 3 дюйма; а одна или две были размером с квадратный фут. Они казались грубо обтесанными, словно топором, и заостренными квадратно; ни на одной из них не было следов железных подков, как и металлических креплений на досках; возможно, они были привязаны к сваям, но если так, то связующий материал истлел.^[120] На некоторых из них все еще была видна текстура древесины, и они, по-видимому, сделаны из дуба. Толщина досок составляла в среднем от одного до двух дюймов. Наконечники свай были воткнуты на один-два фута в гравий и по большей части хорошо сохранились, но все верхушки сгнили примерно на высоте двух футов над гравием, что, как я заключаю, должно было быть поверхностью земли или воды в то время, когда существовали эти сооружения".

Эти реликвии были обнаружены исключительно в торфе, или среднем слое (толщина которого варьировалась от 7 до 9 футов), и "разбросаны по нему на разных уровнях сверху донизу".

"Среди найденных в торфе изделий человеческой работы подавляющее большинство, несомненно, относится к римской эпохе. Среди них большое количество битой красной самийской керамики, в основном простой, но на некоторых из них рельефно изображены люди и животные; на одном экземпляре выбито имя Макрина. Вся эта керамика, по мнению мистера Фрэнкса, которому я ее показал, иностранного производства. Другие образцы того же типа, как предполагается, были изготовлены на болотах Апчерч в графстве Кент и на месте кладбища церкви Святого Павла. Бронзовые и медные булавки, железные ножи, железный и бронзовый стилус, пинцет, железные ножницы, кусок полированного металлического зеркала, такого яркого, что в нем можно разглядеть свое лицо (по словам доктора Перси, это железный колчедан, белая сера железа без сплава), железный обоюдоострый топорик, железный инструмент, по-видимому, для выделки кожи, кусок бронзового сосуда и другие бронзовые и железные орудия, которые благодаря консервирующим свойствам торфа находятся в отличной сохранности. Среди них было также некоторое количество кожаных подошв от туфель или сандалий, некоторые из которых, по-видимому, сильно поношены, а другие, густо утыканные стругаными гвоздями, могут быть признаны калигами римских легионов; также кусок черепицы с выбитыми на ней буквами P. PR. BR. Образцы этих монет представлены на столе. Найденные монеты принадлежат Нерве, Веспасиану, Траяну, Адриану и Антонину Пию

"В дополнение к упомянутым выше римским реликвиям, еще предстоит описать другие, более грубые конструкции. Они состоят из того, что, при отсутствии каких-либо свидетельств, касающихся их использования, можно назвать рукоятками и остриями из кости. Первые состоят из пястных костей благородного оленя и *длинных костей бос*, прорезанных посередине и грубо обтесанных на узком конце; другие, которые рабочие называют наконечниками копий, заострены на одном конце и выдолблены на другом, как бы

для того, чтобы в них помещалось древко. И профессор Оуэн, и мистер Блейк сходятся во мнении, что эти орудия, возможно, были изготовлены из кремня, но я не могу утверждать, что они были найдены на более низком уровне, чем римские останки, и, насколько мне известно, никаких кремневых орудий в этом месте найдено не было. Вместе с ними на столе были найдены также два костяных конька; они сделаны из пястной кости небольшой лошади или осла, один из которых часто использовался на льду. Точно такие же коньки пястной кости лошади или осла были найдены в кургане каменного периода в Остеренде во Фрисландии; их рисунок приведен в Каталоге музея Линденшмита в Майнце и др. Другие также были найдены в Зеландии, в Утрехте и в Гельдерланде, и один экземпляр находится в музее в Ганновере. Профессор Линденшмит относит все это к каменному периоду, но образцы на столе, очевидно, относятся к железному веку, поскольку отверстия на обратной стороне были образованы для вставки железной скобы. Похожие коньки были найдены в Темзе, но до сих пор считалось, что они появились в Англии не так рано, как во времена Римской Империи".

По всему торфу было разбросано несколько кухонных отбросов. Один из них, нанесенный на полтора фута выше гравия, описывается следующим образом: "Слой раковин устриц и мидий толщиной около фута с просачивающейся сквозь мох фильтрацией карбоната извести. В этой кухонной навозной куче были найдены римская керамика и римская калига. Неподалеку острие кучи, часть которой выставлена напоказ, было найдено вертикально в торфе; оно было вбито таким образом, что острие опускалось до уровня кухонной навозной кучи и не дальше. Теперь, поскольку куча, чтобы получить опору, должна была быть заглублена в землю по крайней мере на два фута, очевидно, что торф должен был подняться по крайней мере на один фут над верхушкой кухонной навозной кучи до того, как была забита эта куча".

Вторая кухонная навозная куча отмечена на высоте 3 с половиной футов над гравием, "состоящая из раковин устриц, ракушек и мидий, а также барвинков, с римской керамикой и костями козла и *Bos longifrons* и т.д., расколотых вдоль, как будто для извлечения костного мозга, с разбитыми черепами и отрезанными рогами. Он имеет толщину около полутора футов в центре, утончаясь к концам, как это естественно для кучи мусора, и от 12 до 14 футов в длину; над ним примерно на фут или полтора насыпан торф, а над торфом еще один кухонный навоз того же типа, что и предыдущий. Наконец, подошвы обуви и римская керамика того же типа, что и найденная ниже, были извлечены из самого верхнего слоя торфа".

Выдающийся исследователь, стремясь получить дополнительные доказательства толщины слоя, в котором были найдены римские останки, заявляет, что он решил наблюдать за рабочими в течение четырех или пяти часов в течение нескольких дней подряд, пока они копали сверху донизу, начиная с поверхностной земли и проходя через торф к гравиям внизу. Результат был следующим: "Римская красная самийская посуда встречается на высоте до 13 футов от поверхности, но очень редко и в небольших количествах. На глубине 15 футов он часто встречается, и с этой глубины его количество увеличивается, пока гравий не достигнет глубины от 18 до 21 фута. Основная область римских останков находится в пределах двух-трех футов от гравия".

Среди останков животных были, по словам профессора Оуэна, останки "лошади или осла, благородного оленя, дикого кабана, дикой козы (*bouquetin*), собаки, *Bos longifrons* и косули. Впоследствии я убедился, что все рога косули были найдены на более высоком уровне. Они, а также лошадь и коза вошли в поверхностный слой земли, в котором также была найдена глазурованная керамика; но остальное, включая благородного оленя, дикого кабана и *Bos*

longifrons, оказалось, насколько я мог судить по моим наблюдениям, приуроченным к торфу".

Впоследствии м—р Картер Блейк идентифицировал среди этих костных останков не менее четырех различных видов рода *Bos*, а именно: *primigenius*, *trochoceros*, *longifrons* и *frontosus*; а также образец пиренейского горного козла.

Несколько человеческих черепов были найдены в самых нижних слоях торфа или непосредственно над гравием. Наряду с этими черепами были найдены только три другие человеческие кости; но это, по мнению автора, могло быть и не результатом недосмотра, поскольку было известно, что и кельты, и римляне практиковали обезглавливание.

Сваи на южном конце были идентифицированы как вяз, остальные - как дуб (*Quercus robur*).

Из приведенных выше тщательно наблюдаемых и зафиксированных фактов следует, что в дополнение к первичным сваям, которые были вставлены в гравий, были и другие, которые проникали не так глубоко, причем была тщательно отмечена одна, которая заканчивалась в торфе на полтора фута выше гравия. Факты, в точности аналогичные, наблюдались почти во всех свайных жилищах, будь то на суше или в воде, показывая, что возвышения, на которых были возведены платформы и хижины, последовательно обновлялись. Другой вывод, который мы вправе сделать из характера реликвий и условий, в которых они были найдены, заключается в том, что в низменных районах Лондона система свайных жилищ была известна в Британии в постримские времена. Нельзя также сказать, что это был единичный случай, поскольку аналогичные останки были найдены на Нью—Саутуорк-стрит, в связи с чем автор пишет следующее: -

"Сваи сделаны из того же бруса, также из дуба, но несколько длиннее, чем сваи Лондонской стены; острия вбиты в гравий; толщина торфа от трех до четырех футов; большие балки того же размера, что и сваи, были уложены поперек них горизонтально, и римская керамика найдена на любой глубине в торфе. Судя по размерам, в которых были обнаружены эти сваи, не может быть никаких сомнений в том, что при раскопках фундаментов многих крупных складов и других зданий, которые сейчас строятся в этом районе, постоянно обнаруживаются остатки ранних поселений, которые уничтожаются, не привлекая внимания".

Что касается реликвий из этих лондонских свайных жилищ, позвольте мне в заключение заметить, что в определенной степени как по характеру, так и по окружающим условиям они соответствуют реликвиям из Терп-курганов в Голландии и Северной Германии, откуда, вероятно, происходили самые ранние англосаксонские завоеватели.

КРЭННОГ На ОЗЕРЕ ЛЛАНГОРС, НЕДАЛЕКО От БРЕКОНА, ЮЖНЫЙ УЭЛЬС.

До сих пор в Уэльсе был зарегистрирован только один обитатель озера, а именно. обитатель Ллангорса. Частичное исследование, которому он был подвергнут, было предпринято преподобным мистером Дамблтоном, и результаты зафиксированы им в "*Археологии Камбрэнсиса*" за 1870 и 1872 годы. (Б. 173.) Следующие выдержки из этих отчетов ясно показывают, что остров был полностью искусственным и построен по образцу шотландских и ирландских крэнногов. Его структурные особенности были хорошо видны по окружающим частоколам и бревенчатым настилам, в то время как кучи древесного угля, остатки пищевых отходов и другие признаки указывают на длительный период пребывания здесь человека. Мистер Дамблтон утверждает, что примерно до семи лет назад, когда озеро было искусственно понижено на полтора фута, этот остров не был и в половину таким, как сейчас.

Затем он приводит различные свидетельства, показывающие, что раньше уровень воды был еще ниже, и, следовательно, остров был бы больше, чем сейчас. Это мнение может быть и, вероятно, является правильным; но мы должны помнить, что при обсуждении неизменного затопления этих островов необходимо принимать во внимание еще один фактор, а именно. их собственное давление на образующийся озерный осадок вместе с разложением хвороста и других органических материалов, которые обычно образовывали их нижние слои. Вызывает сожаление, что на этом острове не было найдено никаких реликвий, и я не могу отделаться от мысли, что в сложившихся обстоятельствах более тщательный поиск дал бы какие-нибудь фрагменты творения рук его обитателей. Из описания ясно, что для обработки деревянных изделий использовались металлические инструменты, но в остальном, в отсутствие каких-либо исторических свидетельств, у нас нет средств определить ни возраст этого уникального озерного жилища, ни социальное положение его обитателей.

"Непосредственно под южными отрогами Черных гор, в ложбине большого геологического разлома, отделяющего эту цепь от Брекнокширских маяков, находится водный слой, который сейчас называется озером Ллангорс. Раньше его называли Ллин Саватан, или озеро затонувшей земли. Площадь воды когда-то была гораздо обширнее, чем сейчас; и впоследствии она была, как я думаю, значительно меньше, чем в настоящее время. Теперь она будет окружена кольцом в пять миль. Окраина плоская и заболоченная, за исключением северо-востока, где гора несколько круто обрывается к береговой линии. Глубина, хотя, по вульгарным сведениям, она огромна и устрашающая, Лиланд несколько преувеличил, назвав ее тринадцатью морскими саженьями".

"На расстоянии выстрела из лука от плоских лугов на северной стороне есть остров, который казался бы совсем небольшим над водой, если бы не несколько небольших деревьев и кустарника, которые окружили его.

"Проплывая мимо острова однажды в 1867 году, я заметил, что камни, выступающие на южной и восточной сторонах, выглядели странно новыми и совсем не походили на истертые водой округлые фрагменты, которые на главном берегу подверглись воздействию волн; похоже, там вообще не было никакой первоначальной скальной основы. На самом деле это была не что иное, как огромная куча камней, брошенных в воду на глубину двух или трех футов. Я подумал, что это ключ к старой традиции города на озере? Летом прошлого года мой брат, живший тогда по соседству, впервые обнаружил ряд свай или плит; некоторые возвышались на несколько дюймов над водой, так как уровень озера был очень низким. В течение последнего месяца мы вместе провели несколько исследований, о результатах которых я расскажу подробно.

"Остров, находящийся сейчас над водой, имеет в окружности 90 ярдов и имеет форму квадрата со скругленными углами. Самая высокая часть находится почти в центре и находится на высоте 5 футов над уровнем воды. Стороны, наиболее подверженные воздействию непогоды, где также вода самая глубокая, сложены из камней, спускающихся в воду и простирающихся на расстояние пятнадцати ярдов от края. Однако под водой они разбросаны далеко не так густо, как наверху. Примечательно, что с подветренной или северной стороны примерно четверть острова почти лишена каменной защиты, которой покрыта большая часть. Это просто поверхность овощной формы, наклоненная к воде. Ни в воде, которая там очень мелководна, ни на той стороне нельзя найти больше десятка камней. Теперь я должен поговорить о стопках. Они бывают двух видов, наиболее очевидные из которых находятся либо на краю, либо в нескольких футах от него. Как и камней, их больше всего там, где действие шторма было бы наиболее ощутимым, и на мелководье они полностью исчезают. Они были расположены в виде кругов, внутри которых были навалены

камни, и таким образом были спасены от того, чтобы их унесло волнами. Эти сваи (или, скорее, плиты) сделаны из расщепленного дуба и заострены, как кажется, металлическим теслом. Мы насчитали около шестидесяти. Они были плотно вбиты в ракушечный мергель на глубину четырех футов. Есть и другие сваи, круглые, обычно из мягкого дерева, которые находятся за пределами нынешнего края острова. Некоторые из них находятся в воде на глубине двух футов и вдавлены в мергель всего на двенадцать-восемнадцать дюймов. Они были бы совершенно бессильны удерживать камни и, очевидно, предназначались для другого назначения.... Разве не вероятно, что сам остров был центральной общей территорией? и что жилища выступали от его края к воде и поддерживались этими толстыми круглыми сваями? Нечто вроде такого кольца найдено рядом с упомянутыми выше дубовыми плитами; следы второго ряда находятся на расстоянии двенадцати или пятнадцати ярдов в воде глубиной около двух футов. Между ними в изобилии встречается мелкая древесина, на несколько дюймов в мергеле. Примерно в десяти ярдах от берега и на глубине двух футов в воде, по-видимому, находятся настоящие остатки затонувшей платформы. Три ствола мягкой древесины лежат почти параллельно друг другу. С ними был дубовый ствол длиной 6 футов, количество которого я не могу определить. Верхнюю часть мы отпилили, так как на ней видны следы какого-то тяжелого режущего инструмента, которым в наши дни пользовались бы пилой.

"Я должен добавить к этой теме обнаружение двух гораздо более совершенных платформ в сложной ситуации, а именно внутри дубовых плит. Они состояли из восьми прямых стволов около шести дюймов в диаметре, лежащих бок о бок. Их направление - от центра к воде; их концы, обращенные к берегу, упираются в сваи перекрытий; другие закрыты в одном случае поперечной дубовой балкой....

Осмотр интерьера, конечно, повлиял бы на ход строительства. Поэтому мы проделали несколько перпендикулярных отверстий, и они неизменно вели нас вниз, к ракушечному мергелю, показывая сначала слой крупных рыхлых камней с растительной плесенью и песком; затем (примерно на восемнадцать дюймов выше мергеля) торф, черный и плотный; а под ним остатки тростника и мелкой древесины. Эта древесина, похожая на хворост, в изобилии росла по всем краям острова и в одном и том же относительном положении, а именно непосредственно на мягком мергеле; целью ее было, конечно, уберечь камни от погружения.

"При раскопках вышеупомянутой нижней части расщелины обнаружился материал иного порядка. Как я уже сказал, камней очень мало; глубина 3 фута вместо 5; 18 дюймов растительной гнили; 6 дюймов земли, густо смешанной с древесным углем; и 1 фут торфа, мелкой древесины или тростника. Здесь я могу сказать, что этот древесный уголь находится под водой, в виде очень частых мелких фрагментов, на этой северо-восточной стороне; и покрыт он не мергелем или камнями, а песком. Кости в большом количестве находят среди камней, где вода довольно мелкая; на каждой лопате мергеля в некоторых местах, когда вода стекает, видны один или несколько мелких фрагментов кости или зубов".

Костные останки были более или менее идентифицированы профессорами Оуэном, Роллстоном и Бойдом Докинзом как принадлежащие *Bos longifrons*, лошади (мелкой и крупной разновидности), благородному оленю и дикому кабану.

ОЗЕРНЫЕ ЖИЛИЩА В ОЛУХАХ И Т.Д.

В 1878 году профессор Т. Руперт Джонс, F.R.S., опубликовал в *Nature* краткое сообщение об "Английских озерных жилищах и свайных сооружениях", в котором, обратив внимание на

ранее опубликованные статьи генерала Лейна Фокса и сэра Чарльза Банбери, он пишет следующее:-

"С момента написания вышеизложенного мне сообщили, что мистер У. М. Уайли, Ф.С.А., ссылаясь на этот факт в *Archæologia*, vol. xxxviii., в примечании к его прекрасным мемуарам о жилищах у озера. Я могу добавить, однако, что останки *Cervus elaphus* (благородного оленя), *C. dama?* (лань), *Ovis* (овца), *Bos longifrons* (мелкий бык), *Sus scrofa* (свинья) и *Canis* (собака), были найдены здесь, согласно информации, предоставленной мне покойным К. Б. Роузом, Ф.Г.С., из Своффхэма, который также указал в письме от 11 августа 1856 г., что в прилегающих водоемах или местах древних водоемов, таких как Сахам, Тови, Карбрук, Олд Бакенхэм и В Харгеме были обнаружены останки шейки матки; так, в Сахаме и Тови - *Cervus elaphus* (благородный олень); в Бакенхеме - *Bos* (бык) и *Cervus capreolus* (косуля); в Харгеме - *Cervus tarandus* (северный олень).

"Появление в большом количестве кремневых орудий и отщепов на месте осушенного озера между Сандхерстом и Фримли, описанное капитаном К. Купером Кингом в "*Журнале Антропологического института*", январь 1873 г., стр. 365 и т.д., также, по всей вероятности, указывает на какое-то озерное обитание, хотя бревен обнаружено не было.

"Наконец, покойный доктор С. Палмер, Ф.С.А., из Ньюбери, сообщил Уилтширскому археологическому обществу в 1869 году, что дубовые сваи и доски были выкопаны из болотистой почвы на Колд-Эш-Коммон, недалеко от пруда Фэйркросс, недалеко от Эрмитажа, Беркс". (Б. 312, стр. 424.)

Ниже приводится замечание доктора Палмера о свайных конструкциях в Колд-Эш—Коммон, о которых говорилось выше:-

Возвращаясь к древностям собственно торфа, я бы затронул тему озерных жилищ. Я не отчаиваюсь найти их по соседству, поскольку полагаю, что их следы были обнаружены возле Холодного Ясеня, причем какое-то подобное сооружение было обнаружено при копании болотной земли для садоводческих целей. Он был круглым, размером 30 футов в поперечнике, а доски были от 16 до 18 футов в длину, грубо обтесанные, с перекрещивающимися из стороны в сторону балками, опирающимися на сваи. К нему вело что-то вроде дамбы. Оно находилось на границе болота, места обитания диких птиц на памяти человека. Общий вид долины в этом месте наводит меня на мысль, что она не так давно была покрыта водой; в центре до сих пор есть пруд. Болотную землю увезли еще до того, как я услышал об этой находке, так что у меня не было возможности исследовать ее на предмет останков животных или других предметов".

Редактор журнала "*Труды полевого клуба округа Ньюбери*" добавляет следующее примечание к приведенному выше отрывку:—

"Мистер Уолтер Мани, Ф.С.А., собрал некоторую информацию об этой интересной реликвии прошлого. Она расположена на части того, что раньше было Холодным пеплом... и долгое время был известен как "Пруд с дикими утками"; сейчас это овальный участок воды, не более 20 футов в поперечнике, окруженный пахотной землей.

"Около тридцати лет назад, до того, как Пустошь была огорожена, в засушливый сезон "Пруд с дикими утками" был расчищен мистером Уайтингом из Лонглейн-Гейт, который подумал, что скопившаяся почва или ил могли бы пригодиться на земле. После удаления верхнего слоя почвы был обнаружен грубый деревянный каркас, лежащий поперек центра ямы, образуя, казалось бы, грубую платформу. Было расчищено пространство глубиной около

десяти футов, где было найдено тяжелое дубовое бревно, лежащее поперек из стороны в сторону. Это не было убрано. Затем работы были прекращены; было обнаружено, что извлеченный грунт бесполезен для земли. Около тринадцати лет назад раскопки были повторены мистером Ланкастером, тогдашним арендатором этой части Кол. Собственность Лойд-Линдси; но расследование не продвинулось далеко, и после того, как вода потекла в вырытый "Пруд с дикими утками", он снова был восстановлен почти до прежнего состояния". (Перевод. Полевого клуба округа Ньюбери, том ii. стр. 148.)

Останки, напоминающие свайную конструкцию, также были замечены мистером Долби в 1870 году в одном из прудов в Фенсл-Вуд, недалеко от Эрмитажа. Здесь при раскопках они обнаружили "что-то вроде пирамидального жилища под землей, крыша которого была покрыта глиной толщиной около фута. Эта крыша поддерживалась большим бревном длиной около двадцати шести футов, которое они достали. Там также были насыпи на глубине пятнадцати или шестнадцати футов. Вода уже давно хлынула внутрь и заполнила раскопки, так что больше об этом месте ничего не известно". (Там же., том i, стр. 123.)

ЖИЛИЩА У ОЗЕРА В ХОЛДЕРНЕССЕ, ГРАФСТВО ЙОРК.

Открытием озерных жилищ в Холдернессе мы обязаны мистеру Томасу Бойнтону из Бридлингтона (в последнее время из Ульром-Грейндж), чье внимание впервые было привлечено к этому предмету весной 1880 года. До раскопок большой дренажной схемы примерно в начале нынешнего столетия этот район, по-видимому, пересекался серией извилистых озер неправильной формы, избыточные воды которых частично находили выход не в нынешних искусственно сооруженных каналах, которые доставляют их непосредственно в Германский океан, а совсем в другом направлении, вдоль все еще существующего медленного русла, впадающего в Хамбер близ Халла. Мистер Бойнтон и другие геологи, с которыми я имел удовольствие обсуждать этот вопрос, считают, что этот последний в прежние времена был естественным руслом для стока всех вод Холдернесса. М-р Г. У. Лэмплаф полагает, что Цыганский род — ручей, который сейчас впадает в море у Бридлингтона, — в какой-то прежний период продолжал свое течение через эту цепь озер и, наконец, тем же путем впадал в Хамбер. Естественные причины, вызвавшие это значительное изменение гидрографических условий Холдернесса, следует искать в неуклонно прогрессирующем наступлении моря на сушу, которое здесь происходит с очень высокой скоростью. Когда море находилось на много миль дальше, что, несомненно, имело место в прежние времена, предполагается, что промежуточная суша находилась несколько выше, и, следовательно, Холдернесс представлял собой сплошной водный бассейн с выходом к Хамберу. Но по мере того, как море продвигалось вперед, постепенно подрывая и размывая мягкие ледниковые отложения, которые здесь образуют его берега, этот естественный бассейн стал, так сказать, сужаться посередине и таким образом позволил водам его верхнего течения уходить прямо в море — процесс, в точности аналогичный тому, посредством которого его окончательное осушение было осуществлено человеческими усилиями.

Это мнение также не основано исключительно на геологических соображениях, поскольку в ранних летописях страны у нас есть положительные исторические доказательства того, что раньше существовали города, места которых сейчас находятся далеко в море. Так, м-р Поулсон ("История Холдернесса", стр. 467) утверждает, что "автор "Хроники аббатства Мо", сокрушаясь об убытках, которые понесло аббатство, отмечает, что они получили почти 30 фунтов стерлингов от городка Хайт в приходе Скипси, главным образом, от десятины рыбы; но сейчас, говорит он, 1396 год, *это место полностью разрушено* — доказательство того, что оно ушло в море до начала пятнадцатого века". Озеро Виту, которое, согласно записям,

платило десятину за свою рыбу в 1288 году (*Там же.*, 468), в настоящее время не только полностью осушено, но и более половины его дна размыто, а морской пляж, который проходит прямо через него, представляет собой наиболее поучительный участок его осадочных отложений и последующего роста торфа.

Из этих замечаний будет видно, что при оценке точных физических условий, которые преобладали при строительстве озерных жилищ, которые я сейчас собираюсь описать, нам приходится иметь дело с проблемами несколько дискурсивного характера, и которые, следовательно, выходят за рамки данной работы. Однако ясно, что до искусственного осушения местность была покрыта чередой мелководных озер и болот, в высшей степени хорошо приспособленных для строительства озерных жилищ. Озер сейчас нет, и вместо них у нас есть искусственные дренажи, извивающиеся по самым нижним участкам их бывших русел. Именно на крутых берегах этих полноводных каналов м-р Бойнтон обнаружил в различных местах сваи и поперечные балки, которые он справедливо считает остатками древних озерных жилищ. До настоящего времени были обнаружены признаки пяти станций, которые для удобства первооткрыватель назвал следующим образом: (1) Уэст—Ферз, (2) Раунд-Хилл, (3) Бармстон, (4) Грансмур и (5) Литтл-Келк.

Они расположены на значительном расстоянии друг от друга, варьирующемся от полумили до двух-трех миль, и, поскольку они глубоко зарыты, их исследование требует значительных затрат труда. Пока что систематическому исследованию подвергались только станции в Вест-Ферзе и Раунд-Хилл. Несколько лет назад мистер Бойнтон за свой счет провел серию раскопок на бывшей станции, в результате которых был удовлетворительно определен ее характер, а впоследствии он взялся исследовать вторую станцию с помощью гранта Общества антикваров; но эти работы еще не завершены, и в настоящее время они полностью приостановлены из-за большого количества воды в канализации.

Могу заявить, что я несколько раз посещал эту местность и таким образом практически ознакомился с общими чертами этих открытий. Более того, в связи с особой целью этой работы мистер Бойнтон добровольно предоставил в мое распоряжение все имеющиеся у него материалы и разрешил мне добавить к моим заметкам сопроводительные иллюстрации нескольких наиболее интересных объектов.

Западная Ферза. Это было обнаружено первым, и обстоятельства, приведшие к открытию, таким образом описаны мистером Бойнтоном (Б. 373, с. 300):

Весной 1880 года уполномоченные дренажных служб Беверли и Бармстона сочли необходимым углубить один из этих дренажей (ответвление, называемое стоком Скипси).

Вскоре после того, как это было сделано, я прогуливался по одному из прилегающих к моему дому полей и подобрал несколько инструментов из перфорированной кости. Вскоре после этого я перевернул землю, которая была выкопана в этом месте, и нашел еще несколько орудий того же класса. Также два, сделанные из рогов благородного оленя, и небольшой кусочек красной охры с несколькими камнями, на которых видны следы использования.

"В мае месяце 1881 года, когда уровень воды в канализации в то время был очень низким, и, заручившись услугами полудюжины людей, привыкших к подобной работе, я перекрыл водоем и вырыл из торфа слой гравия на высоте 9 футов 6 дюймов от поверхности.

"Мы нашли еще три продырявленных костяных орудия, все в стороне от стока и на глубине 7 футов, а также несколько кольев и кучи с остатками хвороста. Затем я решил, когда представится возможность, вести раскопки в полевых условиях, и приступил к этому в

декабре прошлого (1881 г.) года. Мы начали с рытья траншеи, параллельной дренажу, длиной 60 футов. Эта траншея и дренаж образовывали две стороны квадрата, идущие на север и юг".

Впоследствии мистер Бойнтон расчистил всю ограду, обозначенную таким образом этими первичными траншеями, и обнаружил, что вся она занята искусственным сооружением из дерева, подобным так называемым швейцарским фашинам или кранногам Шотландии и Ирландии. Глубина залегания гнилого хвороста была очень значительной, и в нем кое-где виднелись вертикальные штабеля. На краю эти кучи были толще, и в одном месте, в юго-восточном углу, он утверждает, что они встречались с большим "количеством кольев, с небольшим количеством хвороста, земля представляла собой торфяной мергель". Дальнейший прогресс с этого момента описан следующим образом:—

"На склоне есть ровный слой хвороста толщиной около двух футов, также утыканного кольями, а вдоль внутренней стороны южной траншеи мы обнаружили несколько куч диаметром от 5 до 7 дюймов, расположенных в ряд и в основном вертикально. Один из них у нас получился совершенно идеальным. Он сделан из дуба, 4 фута в длину, 6 дюймов в диаметре и имеет раздвоенный верх, который, по-видимому, предназначался для крепления горизонтальной балки или опоры. Сваи находятся примерно в 4 футах друг от друга. Одна из них уступила место и была заменена.

"Поскольку траншея находится не совсем на одной линии со сваями, некоторые из них теперь остались стоять и частично обнажены. На этом участке раскопок мы нашли несколько костей животных, своеобразный точильный камень из уинстона или гранита, почти полукруглой формы, 12 дюймов в длину и 7 дюймов в ширину, кремневый стержень, камень с выемкой в центре, камень-молоток и два фрагмента грубой керамики.

"Орешков много; несколько, которые я подобрал, похоже, были раскупорены белками".

Дренаж, по-видимому, проходил через деревянную конструкцию, и поскольку раскопки были ограничены одной стороной, точные размеры обитателя озера установить невозможно. Его длина составляла примерно около 70 футов, а ширина, вероятно, на треть меньше. При моем первом осмотре местности после завершения этих раскопок я был поражен узостью озерной зоны, на которой было возведено сооружение. По характеру прилегающей местности было легко заметить, что озеро очень значительно расширилось как вверх, так и вниз; но здесь оно было настолько сужено, что деревянные конструкции, казалось, занимали всю ширину водного пути — факт, который навел меня на мысль о том, что это мост или военная крепость. Однако при ближайшем рассмотрении я увидел, что скопление дождевых стоков значительно нарушило первоначальное русло озера, и я удовлетворен тем, что в прежние времена здесь было бы достаточно места для придания жилищу полностью изолированного характера.

В ходе расследования были собраны следующие реликвии, находящиеся в настоящее время во владении мистера Бойнтонна:

Рог и кость. Наиболее примечательными предметами являются орудия из перфорированной кости (**рис. 176а**, № 1 и 2), которых было собрано не менее восемнадцати. Все они состоят из суставчатых оконечностей длинных костей некоторых крупных бычьих животных, за исключением двух, одна из которых представляла собой толстый конец лопатки, а другая - шейный позвонок. С последним не манипулировали, и причина, по которой оно здесь классифицируется как орудие труда, заключается в том, что все еще сохранилась часть деревянной ручки, которая была вставлена в позвоночное отверстие. Таким образом,

позвонок превратился в грозное оружие, с которым при использовании в качестве дубинки или крушителя черепов вряд ли могло сравниться какое-либо произведение искусства. Я придерживаюсь мнения, что все эти орудия из перфорированной кости были просто воинственным оружием. Три ручных кирки, сделанные из рогов благородного оленя — передний рог, образующий кирку, и остов рога, очищенный от рогов, рукоятка. Также дубинка или сломанная кирка и несколько частей обработанных зубьев.

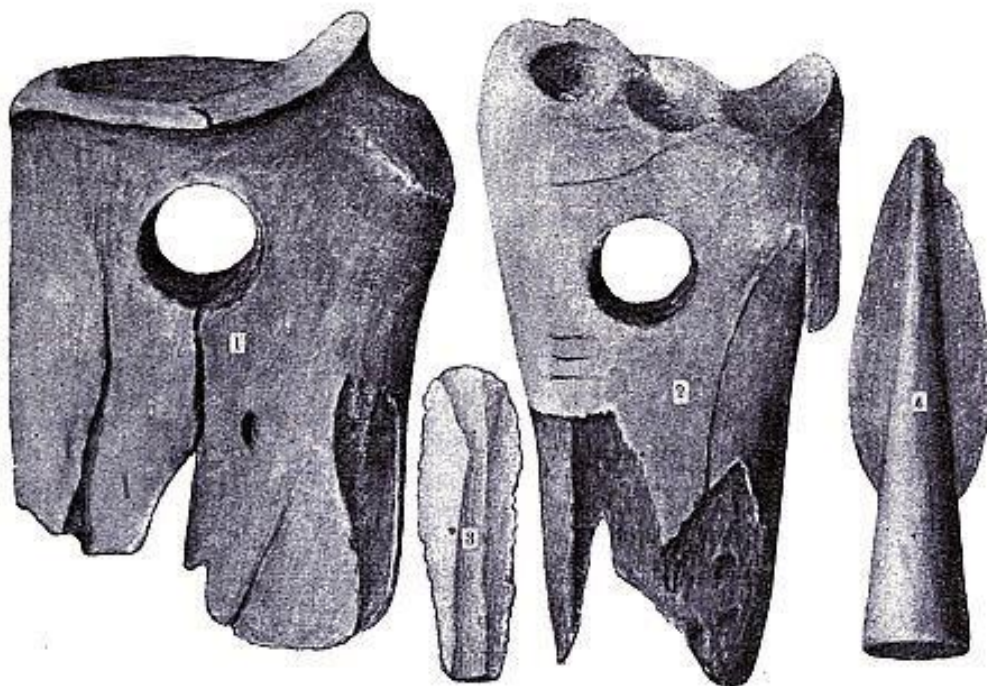

Рис. 176a.—Холдерность. Все $\frac{1}{2}$ в натуральную величину.

Камень.—Три молотка из натуральной гальки; две наковальни, одна плоская и круглая, а другая с небольшим углублением с одной стороны; шесть полировальных инструментов или резинок; два кремневых стержня и около 50 солидных на вид отщепов. Одна чешуйка была хорошим примером ножа и свидетельствовала о том, что ею пользовались; три другие чешуйки были вторично сколоты и превращены в аккуратные скребки и пилу (№ 3).

Бронза и гагат.— Один бронзовый наконечник копья (№ 4) и фрагмент нарукавной повязки из гагата, как у эйрширских крэнногов.

Керамика.—Были найдены фрагменты грубой керамики без украшений, из которых был восстановлен один сосуд следующих размеров: -11 дюймов в ширину у горловины; 12 дюймов в самом широком месте, немного ниже горловины; и $7\frac{1}{2}$ дюйма у основания. Рост - 7 с половиной дюймов.

Примерно в тридцати ярдах от обитателей озера, в торфяной впадине в поле, мистер Бойнтон нашел глиняную посуду аналогичного характера. Он был зарыт примерно на три фута в торф. Глубина торфа над обитателем озера была несколько больше, нигде не меньше 4 футов.

Фауна.—Ни один эксперт пока не сделал заключения о костных останках, но считается, что они представляют следующих животных:—*Bos longifrons* и *primigenius*, лошадь (мелкая порода), собака или волк, бобр, бык, свинья, овца или коза, олень, выдра (?), гусь и некоторые мелкие птицы.

Один хорошо сформированный человеческий череп с частью верхней челюсти.

Круглый холм.— Насколько можно судить по раскопкам этой станции, деревянные конструкции, по-видимому, были точно такими же, как на первой, но занимаемая площадь имеет большие размеры. Мистер Бойнтон считает, что сваи здесь относятся к разным периодам времени, и любопытный факт, на который он указал канонику Гринвеллу и мне, кажется, подтверждает эту точку зрения. Он показал нам острие одной сваи, которое вошло в обрубок другой и заканчивалось им, из чего сделал вывод, что до того, как была вставлена первая, последняя уже находилась в состоянии гниения. Сгнивший хворост также имел большую толщину, чем в Вест-Ферзе. Однако на станции было обнаружено не так уж много реликвий, основными предметами являются небольшой каменный кельт, часть перфорированного каменного молотка и половинка браслета из гагата. Последний, по-видимому, уникален. Он имеет плоскую форму и украшен с внешней стороны пятью выступающими гребнями, идущими по кругу. Краевые гребни отделены от трех центральных более широким интервалом, в котором проходит меньший гребень или валик. Этими гребнями, очевидно, манипулировали без использования токарного станка, поскольку они не идеально однородны, хотя намерение художника состояло в том, чтобы сделать их такими.

Что касается трех других станций, то есть только признаки того, что они имеют аналогичный характер, такие как сваи и поперечные деревянные конструкции вдоль дна и боковых сторон водостока. В Бармстоне были найдены каменный топор, орудие из перфорированной кости, подобное тем, что были найдены в Вест-Ферзе, и кусочки древесного угля. В Грэнсмуре на дне водостока, среди множества дубовых свай и балок, было обнаружено очень большое количество сломанных костей, но среди них не было найдено никаких орудий труда.

IV. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ОЗЕРНЫХ ЖИЛИЩАХ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ИРЛАНДИИ.

Представив вам со значительной полнотой некоторые подробности исследований древних озерных жилищ, которые проводились на Британских островах в течение последней половины столетия, я перехожу теперь к обсуждению некоторых фактов, имеющих отношение к окончательному вопросу об их происхождении и развитии. Поскольку мои выводы носят несколько аргументированный характер, предполагающий рассмотрение некоторых сопутствующих явлений, а также критический анализ специальных материалов, полученных в результате археологических исследований, было бы целесообразно, чтобы обеспечить, насколько это возможно, точность, по крайней мере, в методах, сосредоточить внимание на нескольких определенных проблемах — так сказать, удобных фокусах для группировки моих наблюдений. Соответственно, я предлагаю последовательно рассмотреть их структурные особенности; их распространение в пространстве и времени и то, насколько этот диапазон совпадает с этнографическими данными; и, наконец, их связь с аналогичными останками в Европе.

За исключением очень немногих случаев, о которых будет сказано позже более подробно, все исследованные до сих пор озерные жилища в Великобритании и Ирландии были построены на искусственных островах, сделанных обычно из дерева, но иногда из камней и таких других материалов, которые могли быть сочтены подходящими. Хотя в Ирландии не было зарегистрировано таких поучительных примеров, как в Лохли, Бустоне и т.д., не может быть никаких сомнений в том, что в последней стране они были построены на тех же общих принципах. Действительно, мало кто из авторов, посвященных ирландским кранногам, уделял много внимания структуре островов, и, помимо простого утверждения, что они были

обнесены частоколом или окружены одним или несколькими кругами свай, они не предоставили никаких объяснений крепления и надлежащего функционирования окружающих свай. Но хотя назначение врезных балок, по-видимому, поначалу не было хорошо понято в Ирландии, важно отметить, что их существование не было полностью упущено из виду. Доктор Ривз, описывающий кранног в графстве Антрим, говорит: "Эти сваи были от 17 до 20 футов длиной и от 6 до 8 дюймов толщиной, вбитые в дно озера и выступающие над этим слоем примерно на 5 или 6 футов. Наверху они были соединены горизонтальными дубовыми балками, в которые были врезаны, и закреплены в пазу толстыми деревянными колышками". (*Протокол R. I. A.*, том vii. стр. 155.)

Г—н Г. Х. Кинахан в статье о трещинах в Лох-Ри таким образом случайно ссылается на этот предмет: "Немного к северо-западу от двойного ряда, в старой выработке, есть часть круга из свай; а в другом - ряд свай, идущий почти с востока на запад. Г-н Хемсворт из Дейнсфорта, который провел много дней своей юности, катаясь на лодке по озеру, и знает каждую его часть, сообщает мне, что на верхнем конце некоторых вертикальных свай были отметки о том, где горизонтальные балки были врезаны в стену. они. Теперь они, казалось, исчезли, поскольку я их не заметил". (*Там же.*, т. viii. с. 417.)

Это ни в коем случае не единичные наблюдения по этому вопросу, и когда мы рассматриваем, с какой легкостью обнаженные деревянные конструкции необитаемого краннога были бы разрушены либо рукой человека, либо естественными процессами разложения, нам не нужно удивляться, что до наших дней сохранились только обрубки свай и, как правило, затопленные части этих необычных сооружений.

Строительство краннога, должно быть, было гигантской операцией в те дни, требующей во многих случаях услуг всего клана. Остановившись на подходящем месте, топографические требования к которому, казалось, заключались в небольшом замшелом озере с берегом, заросшим сорняками и травой, уединенном среди густых зарослей первобытных лесов, следующим соображением был выбор материалов для строительства острова. Очевидно, что в озере, содержащем мягкий и податливый осадок из разложившихся растительных веществ, любые тяжелые вещества, такие как камни и земля, были бы совершенно недопустимы из-за их веса, так что твердые бревна, при условии наличия под рукой обильных запасов, были бы лучшим и дешевым материалом, который можно было бы использовать.

Принятый общий план состоял в том, чтобы сделать остров из стволов деревьев и хвороста, уложенных поперечно, с которыми были смешаны камни и земля. Эта масса была прижата друг к другу и окружена рядом частоколов, которые были прочно соединены переплетающимися ветвями или, в более искусно сконструированных трещинах, горизонтальными балками с врезными отверстиями для установки стоек. Эти горизонтальные балки были расположены двумя способами. Один комплект шел по окружности и соединял все стойки в одном круге, в то время как другие имели радиальное направление и соединяли каждый круг вместе. Иногда последние были достаточно длинными, чтобы охватить три круга. Иногда наблюдалось, что внешние концы этих радиальных балок были покрыты дополнительными укрепляющими материалами, такими как деревянные подпорки и большие камни, которые, по-видимому, в некоторых случаях также служили волнорезом. Механическое мастерство, проявленное в их конструкции, было специально направлено на придание устойчивости острову и предотвращение того, чтобы сверхнапряжение не привело к выпячиванию общей массы наружу.

К югу от шотландской границы остатки озерных жилищ слишком сильно разрушены или недостаточно изучены, чтобы предоставить много надежных данных, относящихся к этому предмету. Однако пока, судя по имеющимся свидетельствам, искусственный остров в Ллангорсе и озерные жилища в Холдернессе были настоящими фашинами; первые действительно обладали всеми атрибутами типичного кранного.

Доступ к crannogs был обеспечен различными способами. На некоторых были кроты или каменные насыпи, о существовании которых в некоторых случаях стало известно только после осушения озера. Следовательно, высказывается предположение, что эти подходы, возможно, всегда были затоплены и, таким образом, снабжались в экстренных случаях секретными средствами связи с берегом. На эту идею натолкнуло извилистое направление, которое многие из них предполагали, как, например, дамба, обнаруженная в озере Санкухар, которая имела зигзагообразное направление, и поэтому перейти ее вброд могли только люди, хорошо знакомые с ее извилинами. К другим вел деревянный трап, о котором сейчас свидетельствуют только обрубки двойного ряда свай. Другие снова были полностью изолированы, и добраться до них можно было только на лодках. Одна особенность, касающаяся некоторых деревянных трапов, заслуживает особого внимания. Как в Лохли, так и в Лохспоутсе было обнаружено, что сваи плотно охватываются на своих нижних концах причудливо сконструированной сетью поперечных балок. Поскольку поверхность этих сложных сооружений находилась на глубине от 3 до 7 футов под дном озера, моим первым впечатлением было, что они, возможно, использовались, подобно затопленным каменным дамбам, как скрытое средство сообщения с берегом. Чтобы проверить это предположение, я провел специальные раскопки вдоль линии прохода в пирамиде Миллера в Лох-Доуолтоне. (Б. 426, стр. 102.) Прокопав 3 фута уплотненного и затвердевшего ила, мы наткнулись на слой тонкой голубой глины, чрезвычайно цепкой и мало подверженной смещению. Заостренные колья трапа, которые проникали в эту глину всего на несколько дюймов, здесь встретили решительное сопротивление. Тогда мне пришло в голову, что искусно скомпонованные деревянные балки в Лохли и Лохспоутсе служили просто для той же цели, что и голубая глина в пирамиде Миллера, и что их можно было найти только в местах, где на большой глубине залегал ил, неспособный обеспечить достаточную устойчивость свай. С подобными трудностями сталкивались строители свайных жилищ во всех странах, и любопытно отметить разнообразие методов, с помощью которых они преодолевались. Швейцарские озерные жители иногда окружали сваи грудками камней, которые теперь носят название *штейнбергов*; в других случаях на мягкий ил, в который были вбиты сваи, клали расщепленные доски. Первый план был принят на скалистых берегах, слишком твердых для забивания свай, а второй - там, где была большая глубина мягкого ила, как в Воллисофене и других станциях, прилегающих к городу Цюрих. В Северной Германии, таких как Персанциг, Ариссее и других населенных пунктах, при строительстве подводных фундаментов был применен принцип бревенчатого дома, который значительно экономил материалы. Мне кажется, что именно этот принцип был принят в структуре большого ирландского кранного в Лагоре, поскольку сэр У. Уайльд отчетливо утверждает, что он был "разделен на отдельные отсеки перегородками или отделами, которые пересекали друг друга в разных направлениях". Именно в этих отсеках, заполненных костями и черной грязью, были найдены предметы старины; так что жители кранного, должно быть, использовали их в качестве кухонных отходов. Первоначально в них содержалась только вода, но со временем они наполнились пищевыми отходами и другим мусором. Таким образом, уборка в доме была сведена к минимуму, в то время как законы санитарии нарушались не больше, чем в подземных бассейнах многих наших современных жилищ. Любопытное утверждение Уайльда относительно захоронения костей в Лагоре состоит в том, что "останки каждого

вида животных были помещены в отдельные секции, практически не смешиваясь с любыми другими".

Можно также упомянуть, что конструкции из бревенчатых домов, описанные Пигорини как выстилающие внутреннюю часть окружающей дамбы в террамаре Кастионе, были совершенно аналогичны, только в этом случае отсеки были заполнены глиной и мусором, чтобы лучше *противостоять* глиняной стене.

Каное настолько неизменно ассоциируются с крэнногами, что их обнаружение в озерах и болотах было рассмотрено доктором Стюартом как указание на существование последних. В некоторых случаях это может быть правдой; но в других, таких как Клозберн, Лохвиннох и Лох-Дун, трех примерах, приведенных им, более вероятно, что каное использовались обитателями средневековых замков, в окрестностях которых они были найдены. Из этих и других примеров, попавших в поле моего зрения, я пришел к выводу, что выкопанные каное не указывают на такую большую древность, как им обычно приписывают, и поэтому они не обязательно возвращают нас к доисторическим временам.

В структуре или форме этих блиндажей нет никаких особенностей, которые отличали бы их возраст или национальность. В Музее Королевской Ирландской академии их хорошая коллекция. У некоторых заостренный нос и квадратная корма; у других заострены оба конца; у некоторых поперечные полосы, похожие на ребра, оставленные в массиве дуба через равные промежутки времени, как бы для укрепления судна; в то время как у других они равномерно вырезаны без каких-либо выступающих гребней. Они сильно различаются по размеру и форме. О самом большом из них говорится в небольшом справочнике по музею: "В центре зала находится самое большое известное каное, сделанное из цельного дерева. Останки достигают 42 футов в длину, а каное, вероятно, было 45 футов в длину и 4-5 футов в ширину в своем первоначальном состоянии. Он был извлечен со дна озера Лох-Оуэл в Вест-Мите и разрезан на восемь частей для транспортировки. В нижней части имеется любопытное расположение отверстий, по-видимому, предназначенных для размещения концов стоек, поддерживающих подъемную палубу".

Одно из каное, найденных в Лохли, остатки которого до сих пор хранятся в Музее Бернса в Килмарноке, при извлечении из земли имело длину 10 футов, ширину 2½ и глубину 1½. В его нижней части было девять отверстий, расположенных в два ряда, по четыре с каждой стороны, с нечетным отверстием на вершине. Эти отверстия были идеально круглыми и ровно в один дюйм в диаметре; но когда лодку нашли, они были совершенно незаметны, поскольку все были плотно закупорены, и только много времени спустя пробки, высохнув, выпали и таким образом выявили свое существование.

Летом 1874 года каное ([рис. 177](#)) было обнаружено в озере Лох—Артур, или Лох-Лотос, в округе Стюарт в Кирккадбрайте, поблизости от небольшого искусственного острова, который преподобный Джеймс Гиллеспи описывает следующим образом:

Рис. 177— Передняя половина каное, найденного в озере Лох-Артур.

"Когда каноэ было полностью выставлено на обозрение из-за вырытой вокруг него траншеи, стало видно, что оно огромных размеров, богато отделано и находится в хорошей сохранности. Оно было выдолблено из ствола дуба, который, должно быть, был патриархом леса, крайняя длина каноэ составляла 45 футов, а ширина на корме - 5 футов. Лодка постепенно сужается от кормы к носу, который заканчивается замечательным продолжением, напоминающим вытянутую шею и голову животного. При раскопках эта часть каноэ была целой. В горловине фигурной головки имеется круглое отверстие, около 5 дюймов в диаметре, от края до края. На носу каноэ из цельного дуба была вырезана небольшая лестница, ведущая от верха ко дну. Корма квадратная и сделана из отдельного куска дерева, вставленного в паз примерно в полутора дюймах от оконечности каноэ.

"Вдоль правого борта (который, когда его нашли, был в хорошей сохранности, за исключением кормы) можно было проследить семь отверстий диаметром около трех дюймов. Три передних отверстия были почти идеальными, но на корме борт был настолько изломан, что можно было разглядеть только нижние части отверстий. Они находятся примерно в пяти футах друг от друга, и примерно на таком же расстоянии от носа находится переднее отверстие, а последнее - примерно в семи футах от кормы. В днище через неравные промежутки пробиты три отверстия." (*Указ. соч. Antiq. Шотландец.*, том xi. стр. 21.)

Любопытной особенностью некоторых из этих каноэ было то, что случайные дефекты были устранены, и метод, использованный при их изготовлении, заслуживает внимания. Каноэ, найденное недалеко от уже описанного Бустон-крэннога ([стр. 428](#)), в значительной степени демонстрирует эту особенность. Другой житель озера Кэнмор так описан преподобным Джеймсом Уотти:

"16 июня 1859 года со дна озера, недалеко от северного берега, напротив Тюремного острова, было выловлено каноэ ([рис. 178](#)), выдолбленное из цельного дуба, длиной 22½ фута, шириной 3 фута 2 дюйма вверху на корме, 2 фута 10 дюймов посередине и 2 фута 9 дюймов на расстоянии 6 футов от носа, которое заканчивалось почти острием. Края тонкие и острые, глубина неравномерная — в одном месте 5 дюймов, в наибольшей степени 9 дюймов. Здесь нет ни сидений, ни перекладин, ни мест для весел; но, возможно, по бокам были сиденья, закрепленные булавками через отверстия, все еще оставленные в днище. В дне есть две прорехи, расположенные рядом друг с другом, длиной около восемнадцати футов каждая; чтобы исправить их, в дно снаружи были врезаны пять брусков в поперечнике длиной от 22 до 27 дюймов и шириной 3 дюйма, за исключением концов, где они были чем-то вроде "ласточкиного хвоста" и шириной 4 дюйма. Один из этих брусков сохранился до сих пор, он очень искусной работы и аккуратно врезан. Другие бруски утеряны, но их места вполне различимы. Они были закреплены булавками, для которых в днище каноэ, с противоположной стороны, на расстоянии от 18 до 20 дюймов, проделано пять пар отверстий, причем дно должно быть плоским. В нижней части также есть пять пар отверстий большего размера и т.д." (Б. 94, с. 167)

Рис. 178. Каноэ, найденное в озере Лох—Канмор.

Точные параллели всему этому были обнаружены в континентальных озерных жилищах. Из двух, найденных в Вингельце, озеро Бьенн, самый большой был 43½ фута в длину, 4 фута 4 дюйма в ширину и имел 4 ребра, оставшихся внутри. У него также были железные скобы, по-видимому, для его укрепления, и он принадлежал к доримскому железному веку. У одного из Cudrefin также были эти твердые поперечные ребра. Один из наиболее хорошо сохранившихся был найден несколько лет назад в Винgrave (озеро Бьенн), покрытый слоем грязи в 2 с половиной фута, и сейчас хранится в музее Нойвиля. Он грубо сделан, имеет толстые борта и квадратную корму с пазом для подвижной части кормы. По результатам измерений, недавно сделанных мной, я обнаружил, что его длина составляет 30 с половиной футов, ширина - чуть меньше 3 футов, а наибольшая глубина - 1 фут. По краям его бортов было четыре или пять прорезей, очевидно, для использования весел. (Б. 392, с. 20.)

То, что крэнноги в Шотландии и Ирландии просуществовали достаточно долго, чтобы оказаться на границе истории, не требует здесь большого уточнения. Упоминания о крэнногах в ирландских анналах очень многочисленны и охватывают период с середины девятого по семнадцатый век.

В 1870 году в *Журнале Королевской историко-археологической ассоциации Ирландии* (В. 171а) был опубликован отчет о неудачном нападении английской армии под командованием заместителя лорда Сиднея на кранног близ Омахи в 1566 году. Этот документ, который был скопирован доктором Колфилдом из депеш Государственного архива Лондона, дает яркое описание методов, принятых при нападении и защите. На "плавучих бочках" было сооружено что-то вроде понтона, который доставил атакующую сторону на остров; но они обнаружили, что он "настолько утыкан кольями и другим острым деревом, что его не без труда можно было взобраться на него, и настолько укреплен, как будто живая изгородь была сожжена — из—за чего фейерверк не удался, - что вскоре его нельзя было скрыть. Тем не менее, некоторые взобрались на вершину, одним из которых был Эдвард Воэн, которого оттуда же толкнули пикой, он упал между изгородью и мостом и, будучи тяжело вооруженным, хотя и умел прекрасно плавать, утонул, а двое других пострадали на крепостном валу и утонули" и т. Д.

О том, что эти островные форты, какими бы неприступными они ни считались в прежние эпохи, в конечном итоге должны были пасть перед более современными средствами ведения войны, свидетельствует следующий рассказ, взятый из "Календаря государственных документов Ирландии", т. 156, стр. 374:—

"Был один Дуалтах О'Коннер, печально известный предатель, который дольше всех остальных оставался вне закона, обладая властью творить зло. Он очень сильно укрепился на их манер на острове или кранноже в пределах Лох-Лейн, расположенном в графстве Роскоммон и на границах той страны, которая называется Костеллоге. Несколько дней назад, когда мне представилась возможность и время, я внезапно собрал войска и осадил остров засветло, и так продолжалось семь дней, не давая им ничего ни высылать, ни принимать, а тем временем я вызвал из Этлона водолазные лодки и пару больших железных орудий, которые были доставлены к острову, и на седьмой день мы взяли остров, никто с нашей стороны не пострадал, за исключением моего брата Джона, который получил пулевое ранение в спину. Когда наши люди вошли на остров, на нем было обнаружено 26 человек, из которых 7 были сыновьями и дочерьми Дуалтаха; но он сам и 18 других, пытавшихся спастись вплавь и в своих хижинах добывавших древесину на берегу, по большей части утонули. Некоторые сообщают, что Дуалтах утонул, но правда неизвестна. Было мало дневного света, и погода была туманной, когда они обратились в бегство. Ирландцы считали это место непобедимым". — Сэр Р. Бингем Берли, 16 декабря 1590 г.

В дополнение к историческим свидетельствам у нас есть реликвии, найденные во многих из этих тайников, включая железные горшки, ружья, свинцовые пули, монеты и т.д. Таким образом, с двумя крэнногами в Лох-Аннаге были связаны железная кираса, фитильные ружья, пистолеты, старинные ключи, шпоры, различные орудия из железа, бронзовый ковш, бронзовый наконечник копья и т.д. (Б. 149, с. 156.)

Рис. 179.—Латунный сосуд, найденный в озере Лох-Канмор. Высота 10½ дюймов.

Рис. 180.—Костяной предмет, найденный в озере Форфар. Натуральный размер.

Литературным исследованиям покойного доктора Дж. Робертсона мы обязаны столь же недвусмысленными историческими замечаниями относительно шотландских кранногов: "Среди наиболее примечательных кранногов Шотландии есть кранног в озере Форфар, который носит имя Святой Маргариты, королевы короля Малькольма Кэнмора, умершего в 1097 году. Она в основном естественная, но была укреплена сваями и камнями, и забота, предпринятая для сохранения этого искусственного барьера, засвидетельствована записью 1508 года. Другой замок — Лохиндорб в Морее — посетил король Англии Эдуард I. В 1303 году, примерно в это же время он был укреплен замком такой марки, что в 1336 году король Эдуард III. король Англии повел армию на помощь ей через горные перевалы Атол и Баденох. Третья трещина — в озере Лох—Каннор или Кинорд в Абердиншире - упоминается в истории в 1335 году при короле Джеймсе IV. для своего гостя в 1506 году и продолжал оставаться местом силы до 1648 года, когда парламент распорядился разрушить его укрепления. Он занимает площадь около акра и практически ничем не обязан искусству, если не считать каменного вала и ряда свай. В том же озере есть еще одна трещина гораздо меньшего размера, полностью искусственная. Спустя сорок лет после сноса пещеры Лох-Каннор о пещере Лох-ан-Эйлан в Стратспее говорят как о "полезной для страны во времена смут или войн, потому что люди складывают здесь свое имущество и детей, и ее легко защитить". Каноэ, выдолбленные из стволов дубов, были найдены как рядом с шотландскими, так и рядом с ирландскими пещерами. Бронзовые (латунные) сосуды, по-видимому, для кухонных целей ([рис. 179](#)), также встречаются часто, но, по-видимому, не очень древнего типа. Были обнаружены оленьи рога, кабаньи бивни и кости домашних животных; и в одном случае был выкопан каменный молоток, а в другом - предметы, похожие на предметы для какой-то такой игры, как шашки или нарды" ([рис. 180](#)).

Рис. 181.—Медные горшки, найденные в озере Банчори.

Рис. 182.— Латунный горшок (высота 11 дюймов) и латунный кувшин (высота 9 дюймов), найденные в озере Банчори.

"До недавнего осушения озера Лейс - или озера Банчори, как его называли в старину, — озеро занимало площадь около 140 акров, но в более ранние времена было в четыре или пять раз больше. Там был один небольшой остров, давно известный как искусственный, овальной формы, размером почти 200 футов в длину и около 100 в ширину, возвышающийся примерно на 10 футов над дном озера и удаленный примерно на 100 ярдов от ближайшей точки материка. То, что было обнаружено относительно структуры этого островка, лучше всего передать словами джентльмена, частью поместья которого он является, сэра Джеймса Хорна Бернетта из Кратеса. Возобновлены раскопки в озере Лейс. Вытащили два дуба, растущих на дне озера, один 5 футов в окружности и 9 футов длиной; другой короче. Очевидно, что основание острова было сделано из дуба и березы, уложенных попеременно и засыпанных землей и камнями. Кора на деревьях была довольно свежей. Остров окружен дубовыми сваями, которые сейчас возвышаются на 2-3 фута над землей. Очевидно, их загнали внутрь, чтобы защитить остров от воздействия воды. "Под поверхностью были найдены кости и рога благородного оленя огромных размеров, кухонные сосуды из бронзы (**Рис. 181 и 182**), мельничный жернов (заменяющий кверн в ирландских крэнногах), небольшое каноэ и грубая плоскодонная лодка длиной около 9 футов, сделанная, как в Ирландии и Швейцарии, из цельного куска дуба. Поверхность краннога была занята мощным основательным зданием (**рис. 183**). Это в последнее время стало известно под названием замка Лейс, и традиция, или предположение, говорит о нем как о крепости, из которой Уошопы были изгнаны во время войн Брюса, добавляя, что это была резиденция Бернеттов до середины шестнадцатого века, когда они построили нынешний замок Кратес. Дар короля Роберта I. предкам Бернеттов включает в себя *lacum de Banchory cum insula ejusdem*. Остров снова появляется в записях в 1619, 1654 и 1664 годах под названием "Остров озера Банчори".

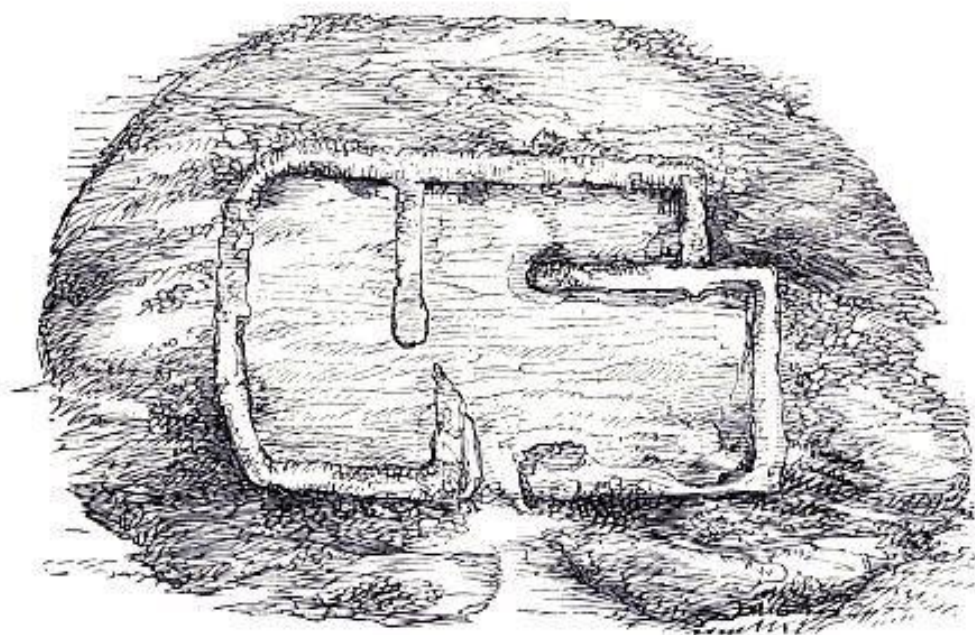

Рис. 183.—Вид поверхности острова Лох-оф-Банчори, на котором видны фундаменты каменных зданий.

Чтобы показать, что шотландские озерные поселения были известны под тем же названием, *крэнног*, что и ирландские, доктор Робертсон приводит следующую выдержку из Реестра Тайного совета:

Инструкции Андро Бишопу из Иллиса, Андро лорду Стюарту из Вчилтри и Джеймсу лорду из Бьюли, контролеру и так далее.... Чтобы министерство обороны Хейлла, стронгхолдис и *краноки* в городе, принадлежащем тейму, и их фойрсайдисы были переданы его мэйсти и, согласно распоряжению его Хейнса, передали то же самое по усмотрению его мэйсти и т.д., 14 апреля 1608 г."

Таким образом, хотя сравнительно позднее заселение кранногов в обеих странах не вызывает сомнений, их раннее происхождение окутано глубочайшей тайной. Была ли система местным изобретением — результатом ограниченных местных потребностей — или заимствована из иностранных источников? и когда она была основана или внедрена? это вопросы, которые вызвали ответы разного характера. Сэр У. Р. Уайльд, несомненно, один из ведущих специалистов по ирландским крэнногам, относит их к железному веку.

"Несомненно, - говорит он, - свидетельства, полученные из найденных у нас предметов старины, которые в основном сделаны из железа, относят их к гораздо более позднему периоду, чем швейцарский; в то время как мы не находим ни кремневых стрел, ни каменных кельтов, и лишь очень мало бронзового оружия в наших раскопках. Более того, у нас есть положительные документальные свидетельства занятия многих из этих крепостей во времена Елизаветы, а некоторых даже позже". (Б. 24, с. 152.) Г-н Г. Х. Кинахан, с другой стороны, таким образом формулирует свое мнение в короткой статье, приложенной к книге Келлера (Б. 119, 2-е изд., с. 654): "О времени, когда крэнноги были впервые построены, нет известных записей, но то, что они, должно быть, были заселены в ранний период, очевидно, поскольку в них обнаружены предметы старины, относящиеся к каменному веку. Некоторые использовались до наших дней, например, Крэнноу-Макнавин, графство Голуэй, был разрушен англичанами в 1610 году нашей эры, в то время как замок Балли-на-хьюиш был заселен пятьдесят лет назад. Некоторые кранноги, по-видимому, были постоянно заселены,

пока не были окончательно заброшены, в то время как другие оставались заброшенными в течение более длительного или короткого периода времени. На острове Шор, Лох-Ри, графство Голуэй, имеется озерное скопление толщиной более 3 футов, отмечающее время, прошедшее между двумя оккупациями".

В том, что предметы, предположительно типичные для каменного и бронзового веков, были найдены во многих ирландских пещерах, не может быть никаких сомнений. Например, среди останков, описанных мистером Ширли из крэнногов страны Мак-Магона, есть каменные кельты, наконечники стрел из кремня и бронзы, бронзовые кельты с тремя петлями и т. Д.; Но они были связаны со многими железными предметами сравнительно современного производства, такими как ружейный ствол, пистолетный замок, лемехи из железа, части арф, прялки и т. Д.

"Самым старым предметом, - пишет мистер Бенн, - найденным в кранноге в Рэндалстауне, насколько мне известно, был каменный топорик, довольно небольшого размера, но не примечательный и не редкость. Самая свежая и единственная монета, о которой я когда-либо слышал, обнаруженная в такой местности, - это низкопробная монета Филиппа и Марии". (Б. 29, с. 88). В кранноге на озере Рауан, последнем пристанище сэра Фелима О'Нила, было найдено несколько бронзовых наконечников копий, а также богато украшенный каменный кверн. При спуске Лох-Гура стал виден остров, который, как говорят, был кранногом, и на нем были найдены, среди прочего, удивительно тонкий бронзовый наконечник копья, [121] с украшенным золотом гнездом, каменная форма для наконечников копий (рис. 107) и несколько костей северного оленя; но все же он существовал как крепость. до 1599 года, когда англичане передали его графу Десмонду. [122] Клинки мечей, изображенные Вудом Мартином (В. 444, стр. xxxvii.) как происходящие из стоянок крэнногов в Тоом-Баре, несомненно, являются характерными образцами оружия бронзового века; но тогда доказательства того, что они вообще являются реликвиями крэнногов, настолько скудны, что для определяющих целей их можно считать бесполезными. Более того, они ассоциировались с предметами, одинаково типичными для всех эпох — от кремней эпохи палеолита до средневековых серебряных украшений. "Все эти кремневые отщепы относятся к древнейшему типу, - говорит мистер Дэй, описывающий эту местность, - многие из них очень похожи на те, что были найдены в "слое" в Аббевилле"; среди реликвий - кремневые стержни, предметы из камня и бронзы, "кольцевая брошь, эмалированная бусина и серебряный браслет". (Б. 92, с. 227.) Аналогичные замечания в равной степени применимы ко всем шотландским пещерам, на которых были найдены предметы, по-видимому, относящиеся к разным возрастам. Рецензент моей работы "Древние шотландские озерные жилища" (В. 373), в которой я высказал свое мнение о том, что Лохли крэнног должен быть отнесен к постримскому времени, возражает против этого мнения на том основании, что среди реликвий есть кельтский отполированный камень неолитического типа, кремневые скребки, которые, по его словам, "могут относиться к бронзовому веку, но вряд ли могут рассматриваться как постримские", и части оленьих рогов, которые, по его словам, "вряд ли могли когда-либо заходить так далеко на юг". период более поздний, чем эпоха неолита. Если бы мой рецензент прочитал замечания в моей книге на странице 147 относительно этого полированного топора из зеленого камня, он вряд ли выбрал бы его для доказательства того, что этот кранног существовал в эпоху неолита. Мои слова таковы: "Поскольку многие из реликвий, если судить независимо от остальных и их окружения, могут быть приняты за хороших представителей трех так называемых эпох камня, бронзы и Железа, вполне естественно, что читатель задается вопросом, определила ли их суперпозиция соответствующим отношением. На этот счет у меня нет никакого сомнительного мнения. Отполированный каменный кельт (о котором упоминает мой рецензент) и железный нож

были найдены почти рядом, примерно на уровне самого нижнего очага". Железные орудия труда на этом крэнноге включали топоры, стамески, долбила и поперечную пилу, а самые нижние бревна безошибочно свидетельствовали о том, что с ними манипулировали острыми металлическими инструментами. Полное отсутствие режущих инструментов из бронзы делает более чем вероятным, что такие орудия были сделаны из железа и были похожи на те, что найдены в крэнноге. Что касается выводов, сделанных на основании наличия рогов северного оленя (нерешительно идентифицированных покойным профессором Роллстоном), то теперь фактически доказано, что это животное вымерло в Шотландии не ранее двенадцатого века. В "Саге об Оркнейцах"^[123] утверждается, что "каждое лето графы имели обыкновение отправляться в Кейтнесс и в леса, чтобы поохотиться на благородного оленя". Недавнее обнаружение его костей и рогов в кучах мусора в Кейтнесе и во многих бродах на севере Шотландии убедительно доказывает, что норвежцы охотились на северного оленя и употребляли его в пищу уже в вышеуказанные времена.

Какое бы объяснение ни появилось относительно преобладания доисторических реликвий в этих пещерах, невозможно отрицать, что подавляющее большинство из них были не только заселены, но и построены в железном веке. Мистер Уэйкман, в наиболее тщательно исследованном из всех пещер в Фермане, а именно. то, что находится в Драмдарраге, описывает три периода оккупации; однако среди реликвий, соответствующих самому раннему периоду, было несколько железных предметов, одним из которых была "голова животного из железа", которая, по его мнению, могла быть ножкой горшка. Я также не знаю, что суперпозиция определила в каком-либо четком примере гетерогенную смесь реликвий, которые обычно обнаруживаются в crannogs.

Следует также отметить, что лишь немногие из них, если таковые вообще имеются, могут быть классифицированы как относящиеся исключительно к более ранним эпохам, подобным тем, которые столь многочисленны в Центральной Европе. Действительно, есть только два или три, которые имеют какие-либо претензии на такое разграничение, а именно. те, что в Угольном болоте (Килнамаддо), в болоте Драмкелин, графство Донегол, и в Холдернесе. На двух бывших участках были найдены самые совершенные образцы бревенчатых хижин, которые когда-либо были обнаружены, и поскольку обе они были глубоко зарыты в торф, на 17 и 25 футов соответственно, они, несомненно, указывают на некоторую древность. Но реликвий, которые включают каменный топор и несколько кремневых предметов, слишком мало, чтобы оправдать такой радикальный вывод, как то, что эти жилища были построены в период, когда металлические орудия были неизвестны в стране. Во всяком случае, не может быть никаких разумных сомнений в том, что период наибольшего развития шотландских и ирландских озерных поселений пришелся на железный век и, по крайней мере, настолько же предшествовал римской цивилизации, насколько швейцарский пфальбаутен предшествовал ей.

Проводя исследование относительно того, насколько географическое распределение крэнногов совпадает с географическим распределением различных национальностей того периода, мы приходим к некоторым поразительным результатам. Таким образом, принимая предложенное Скене разделение четырех королевств, на которые Шотландия была в конечном итоге разделена соперничающими национальностями пиктов, скоттов, англов и бриттов Стратклайда, после окончательного ухода римлян, я нахожу, что из пятидесяти или шестидесяти собственно крэнногов ни один не расположен на территориях англов; десять и семь находятся соответственно в пределах пиктов и шотландцев; в то время как все остальные расположены в шотландской части древнего королевства Стратклайд. То, что они не были найдены в юго-восточных провинциях Шотландии, может быть связано с редкостью

подходящих озер или отсутствием надлежащих исследований со стороны антикваров; но, как обстоит дело на самом деле, их отсутствие наводит на мысль о том, что эти районы были заселены чужеземным элементом до того, как кельтская цивилизация придала такое значение озерным жилищам. Таким образом, будет видно, что в первые века христианской эры распространение крэнногов в Шотландии и Ирландии близко совпадает с четко определенной территорией, на которой говорили на кельтском языке. В доказательство того, что в те дни это был язык юго-запада Шотландии, мне достаточно указать на недавнюю работу сэра Герберта Максвелла по топографии Галлоуэя.

Но из этимологического анализа самой ранней топографической номенклатуры Британии следует вывод, что в еще более ранние времена гораздо большая часть Британии, если не вся она, находилась под властью кельтов. Следовательно, становится интересным выяснить, существуют ли в этих местностях, из которых было изгнано кельтское влияние, следы озерных жилищ. В местностях, где кельтские расы никогда не были вытеснены иностранцами, было бы действительно странно и совершенно противоречило бы археологическому опыту, если бы привычка прибегать к изолированным и недоступным островам в поисках безопасности была бы сразу же отброшена, как только стало известно о большей безопасности, обеспечиваемой каменными зданиями. Отсюда и упорство, с которым сохранялись островные форты в этих кельтских регионах. Но в этой более обширной кельтской области, исходя из предположения, что кельты были интродуцентами или основателями системы, мы должны найти некоторые остатки этих жилищ в регионах, пройденных ими до того, как они оказались изолированными от своих континентальных собратьев и поселились в западных районах Британии. Это именно то, что показали общие исследования британских озерных жилищ по их разрозненным остаткам, найденным в Ллангорсе, Холдернессе, на *болотах* Норфолка и Саффолка, в Колд-Эш-Коммон и т. Д. Все они, за исключением, возможно, свайных сооружений у Лондонской стены, кажутся старше большинства пещер Шотландии и Ирландии.

Принимая во внимание все эти факты, а также отчетливое заявление Цезаря о том, что бритты имели обыкновение использовать деревянные сваи и болота в качестве укреплений, я склонен полагать, что здесь мы имеем свидетельство широко распространенного обычая, который лежит в основе последующего большого развития озерных жилищ в Шотландии и Ирландии. Более того, я полагаю вероятным, что ранние кельты получили эти знания в результате контактов с жителями свайных деревень в Центральной Европе. Из этой гипотезы следовало бы, что кельты мигрировали в Британию, когда эти озерные обитатели были в полной моде в Швейцарии, и что они сохранили свои знания об этом искусстве еще долго после того, как оно пришло в упадок в Европе. Последующие иммигранты в Британию, такие как белги, англы и т.д., культивировали новые и усовершенствованные методы оборонительной войны; в то время как первые кельтские захватчики, все еще сохранявшие свои первоначальные представления о цивилизации, когда их преследовали враги и они были вынуждены действовать в обороне, прибегали к унаследованной ими системе защиты с такими вариациями и усовершенствованиями, какие предлагали им лучшие орудия труда и топографические требования страны. Кельты строили свои жилища у озера как защитники, а не как завоеватели.

Эта гипотеза, которая впервые была изложена в моей работе о "Древних шотландских озерных жилищах" как простое предположение, вызвала значительное расхождение мнений со стороны критиков. В *Times* от 4 октября 1882 года на это ссылаются следующим образом: "Это чистая теория, и в ней совершенно нет необходимости учитывать факты: с таким же успехом можно было бы утверждать о связи между обитателями свай Новой Гвинеи и

Центральной Африки и обитателями швейцарских озер". Сэр Джон Лаббок ("*Природа*", 24 декабря 1882 г.) признается, что он склонен сомневаться в существовании какой-либо связи между географическим распределением известных в настоящее время шотландских озерных жилищ и географическим распределением древних кельтов. С другой стороны, другой рецензент пытается защитить это на том основании, что "в швейцарских озерных жилищах железного века есть признаки, особенно в украшении ножен для мечей и других предметов, стиля искусства, который близко соответствует стилю украшения, распространенному в пещерах Шотландии и Ирландии" (*Scotsman*, 22 ноября 1882 г.).

Приведенные выше указания в поддержку этой гипотезы, основанной на сравнении реликвий, будут более уместно обсуждены в моей следующей лекции, когда я перейду к обзору озерных жилищ железного века в Центральной Европе. Есть, однако, одно или два возражения с другой стороны - как, например, разница в структуре и позднее заселение кранногов по сравнению с швейцарскими озерными жилищами, — которые требуют сейчас краткого рассмотрения.

Что касается предполагаемого различия в строении, мне достаточно сослаться на конструктивные детали различных фашинных жилищ, например, на озерах Фушль, Шуссенрид, Нидервиль, Инквиль, Вовиль и т.д., Как на достаточное доказательство сходства между ними и шотландскими и ирландскими кранноговами. Верно, что свайные жилища были более многочисленны на континенте, чем фасциновые сооружения, в то время как в Шотландии и Ирландии дело обстоит наоборот - если действительно о первых вообще можно сказать, что они существовали в этих странах. Тем не менее, мы не лишены некоторых положительных свидетельств того, что система свай была известна строителям кранногов и время от времени применялась к ним. Г-н Г. Х. Кинахан говорит, что несколько ирландских кранногов были построены на сваях (В. 119, 2-е изд., стр. 654), и приводит пример озера Лох-Кимбе (ныне Лох-Хакетт), графство Голуэй, которое так часто разрушалось, что оккупантам пришлось превратить его в остров, что они и сделали, нагрузив лодками камней на его месте. Я пришел к выводу, что одно из озерных жилищ в Лох-Морне было свайным (см. стр. 386), и оно было соединено с берегом деревянным мостком. М-р Бернс Бегг описывает остатки свайного жилища в озере Лох-Левен как "продолговатую деревянную платформу, поднятую над водой на сваях высотой двенадцать футов или выше". (В. 460.)

Впоследствии у меня была возможность посетить это место вместе с мистером Бернсом Беггом, и я убежден, что эти останки не могли быть обычным затопленным краном или искусственным островом. Дно озера не мягкое и не поддается сжатию, а, напротив, очень компактное и совершенно неспособное к сколько-нибудь значительной податливости. Сооружения, даже при нынешнем пониженном уровне озера, никогда не находятся ниже, чем на 1-2 фута ниже поверхности; но поскольку раньше над ними было бы на 9 футов больше воды, совершенно маловероятно, что такое затопление могло быть объяснено обычным оседанием или сжатием затопленных материалов.

Некоторые из примеров озерных жилищ, зарегистрированных в Англии, например, описанные сэром Чарльзом Банбери и доктором Палмером, по-видимому, также представляли собой свайные сооружения.

Следовательно, если оба принципа были известны строителям кранногов на Британских островах, то почему, можно спросить, они отдавали предпочтение фасциальным сооружениям? Я уже отмечал, что эти сооружения на Континенте были приурочены к небольшим мшистым озерам, которые из-за податливости их донных отложений и торфянистых отложений были непригодны для свайных жилищ. В таких условиях, которые

обычно распространены в Шотландии и Ирландии, деревянный остров с большей готовностью и, возможно, с меньшими затратами труда обеспечивал необходимую устойчивость платформ в заболоченных озерах и топях, предназначенных для хижин и других надстроек, особенно когда эти платформы были небольшими, а острова расположены редко.

Предполагается, что широкий хронологический интервал, отделяющий крэнногов от озерных поселений Центральной Европы, также опровергает предположение о существовании какой-либо причинно-следственной связи между ними. Но этот разрыв скорее очевиден, чем реален, поскольку при тщательном рассмотрении обнаруживается, что он был преодолен более тесным рядом связей, чем представлялось до сих пор. Мало того, что в железном веке в Швейцарии существовало несколько озерных жилищ, но в нескольких случаях на их местах были обнаружены римские, галло-римские и даже аллеманийские останки, как, например, в озерах Штарнберг, Уберлинген, Цюрих и др. (См. стр. 543.) Среди предметов старины, собранных на месте жилищ на озере Паладру, были подковы, гребни для карри и множество других древностей, которые, по мнению М. Г. де Мортилле и других археологов, не могли быть отнесены к произведениям какой-либо цивилизации до времен Карловингов. Мы также видели, что в Северной Германии они существовали в столь же поздние времена, значительно перекрываясь периодом рабства; в то время как терповые насыпи в Голландии и других местах были вытеснены только строительством огромных морских дамб. Следует также помнить, что обычай строить жилища у озера не был повсеместно принят в Европе. Их отсутствие в Северной Европе, Испании, Португалии и других местах не может быть объяснено недостатком топографических и гидрографических требований к таким сооружениям. Они, по-видимому, распространились из огромной центральной области своего первого развития в Европе спорадическими группами, но никогда не выходили за пределы, которых, вероятно, достигли бы обычные волны человеческого общения и цивилизации.

Принимая во внимание все эти обстоятельства, я повторяю, что, хотя у нас есть основания приписывать остатки озерных жилищ, насколько они в настоящее время известны на Британских островах, кельтскому источнику, я не вижу *prima facie* невероятности в том, что касается их структуры и распределения в пространстве и времени, против гипотезы о том, что кельты почерпнули свои знания об этом обычае из великой системы Центральной Европы, хотя и основанной и развитой в гораздо более ранний период.

Единственным исключением из общего утверждения о том, что кельты были единственными строителями озерных жилищ в Британии (не принимая во внимание более ранние остатки подобных сооружений в Англии, от которых, из-за нехватки промышленных остатков, пока нет никаких этнологических свидетельств), является открытие у Лондонской стены, зарегистрированное генералом Питт-Риверсом. Я уже отмечал (стр. 464) сходство этих останков с останками из Терп-курганов во Фрисландии. Особенно интересны два костяных конька, сделанных из пястных костей лошади, зафиксированных на первом, поскольку такие орудия распространены во втором. Я не согласен с Линденшмитом (страница 462) в отнесении всех этих так называемых скатов к каменному периоду. Напротив, они в основном относятся к постримскому периоду. В озерных жилищах они встречаются очень редко, и только один зарегистрирован как происходящий со станции каменного века, а именно. Мусседорф (страница 75). Другими населенными пунктами, из которых были зарегистрированы примеры, являются Персанциг (страница 315), Даберзее (страница 317), Каунаткен (страница 328), Штарнберг (Б. 119, 2-е изд., стр. 593) и Террамара в Венгрии (страница 167).

Хотя англосаксы, пришедшие из устья Эльбы и низменных районов между ней и Рейном, должны были быть знакомы с морскими свайными сооружениями, они, по-видимому, не культивировали эту систему в какой-либо значительной степени после иммиграции в Британию. Но это может быть объяснено тем фактом, что очень скоро они стали завоевателями страны. Жилища на озерах и болотах использовались только для обороны.

Шестая лекция.

ОЗЕРНЫЕ ЖИТЕЛИ ЕВРОПЫ - ИХ КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ.

I.—КАМЕННЫЙ ВЕК.

В кратком описании остатков озерных жилищ, которое я представил вашему вниманию в предыдущих лекциях, вы, вероятно, заметили, что часто характер реликвий был очень разнообразным даже на станциях, расположенных близко друг к другу. На основании изучения только этой особенности мы должны заключить, что некоторые из них процветали в то время, когда использование металлов было совершенно неизвестно их жителям, поскольку все инструменты и оружие, найденные на *обломках*, были сделаны из таких материалов, как камень, кость, рог и т.д. Замена этих материалов бронзой знаменует собой решительное изменение в культуре и цивилизации озерных жителей — изменение, которое еще больше видоизменяется с появлением железа. Таким образом, мы имеем большое разнообразие озерных жилищ, отличающихся друг от друга в целом характером их промышленных остатков, в соответствии с конкретной цивилизацией, преобладавшей в период их обитания, некоторые из которых относятся к чисто каменному веку, другие - к бронзовому веку, в то время как третьи снова несут на себе отпечаток различных более поздних цивилизаций, таких как римская, кельтская, карловингская, рабская и т.д. Таким образом, имея дело с озерными останками в целом, мы должны принимать во внимание не только их распространение на обширной географической территории, но и их сохранение в различных частях Европы в течение длительного периода, простирающегося от эпохи неолита до зари письменной истории.

Отдаленные части этой обширной области, включающие, в частности, останки обитателей озер в Северной Германии, Великобритании и Ирландии, я уже достаточно рассмотрел при рассмотрении их археологических деталей, так что нет необходимости снова выдвигать их на первый план. Таким образом, остается только центральная область Европы, где они первоначально развивались и так широко процветали в каменном и бронзовом веках. Следовательно, первой и первостепенной целью этой лекции является извлечь из общей критики массы восстановленных материалов, которые я представил вам в первых трех лекциях, некоторое общее представление о культуре и цивилизованности, которые характеризовали их носителей.

Хотя знаменитые три эпохи камня, бронзы и железа были установлены в качестве метода классификации еще до того, как стало известно о озерных сокровищах, я сомневаюсь, что во всем спектре доисторической археологии существует какой-либо класс древностей, который в большей степени подтверждает эту замечательную хронологическую последовательность или проливает больше света на проникновение металлов в Европу, чем те, которые были собраны в озерных жилищах. Период существования ранних свайных жилищ в Центральной Европе полностью охватывает и перекрывает тот, который был свидетелем внедрения великого искусства металлургии в Европе. Хотя содержимое могил и церемониальные захоронения важны для сохранения особых продуктов технического

мастерства народа, в некоторых из этих озерных жилищ мы располагаем материалами для реконструкции всей истории жизни их обитателей, дающими, так сказать, полную картину их искусства, промышленности, предметов роскоши и развлечений.

Мы легко можем поверить, что многие из этих озерных деревень, построенных на деревянных платформах из горючих материалов, были подвержены пожарам, и у нас есть убедительные доказательства того, что многие из них таким образом пришли к безвременному концу. Действительно, именно таким катастрофам мы обязаны большей частью нашей информации, поскольку внезапное прерывание оживленных сцен жизни таким образом, и особенно когда это сопровождалось обстоятельствами, которые имели тенденцию сохранять руины от разрушения, было средством предоставить нам, так сказать, фотографическую картину привычек, обычаев и занятий людей; и требуется лишь достаточное количество таких примеров, чтобы на основе сравнительного изучения найденных реликвий составить справедливую картину прогрессивной цивилизации и культуры жителей озера. С другой стороны, есть озерные деревни, которые существовали в разные эпохи, такие как Нидау, но ассоциация объектов, столь сильно разделенных по времени, в одном месте вводит в заблуждение, особенно если их относительный возраст не может быть проверен путем наложения на дно реликтовых отложений, что редко бывает при озерных исследованиях, поскольку в процессе выемки все реликвии перемешиваются.

Профессор Дезор, заметив, что в определенных местностях было найдено большое количество керамики всевозможных описаний, которые не могли принадлежать одной семье, и что многие бронзовые орудия и инвентарь были новыми и неиспользованными, предположил, что палафитты на озере Невшаталь были просто магазинами, а не обычными жилищами людей. (Б. 252, с. 3.) Но это мнение не было принято швейцарскими археологами; и, на самом деле, оно вообще не обосновано изучением характера разнообразных предметов, обнаруженных среди их обломков, которые, несомненно, были обнаружены среди местных жителей. указывают на деревенскую жизнь и выполнение общественных и домашних обязанностей на месте. Д—р Гросс, оспаривая мнение Дезора, основанное на неиспользованном состоянии многих реликвий, замечает: "Я владею моей коллекцией" сокровищами, а также памятниками эпохи возрождения, фрагментированными при длительном использовании. *Un grand nombre d'outils s'y montrent altérés et modifiés par la même cause.*" (В. 392, р. xii.)

Поселения чисто каменного века обнаружены лишь на ограниченной территории в Центральной Европе. Наибольшее развитие они получили в озерах, граничащих по обе стороны Альп, и именно на основе представленных там данных мы знакомимся с их характерными особенностями. Эта область может быть более конкретно определена как включающая озера Ломбардии, Лайбаха, Баварии, Швейцарии и Савойи, за исключением, возможно, озера Бурже, чьи дворцы, по—видимому, были построены исключительно в бронзовом веке.

Одним из наиболее поразительных фактов, на который я обращаю особое внимание, является развитое состояние культуры и социальных организаций, которые преобладали среди первых строителей этих необычных жилищ. Несомненно, что с самого начала их жители были знакомы с различными отраслями промышленности, особенно с ткачеством, которым они усердно занимались; что они разводили обычных домашних животных; и что они выращивали лен, фрукты и различные виды зерна. Например, в Вангене два сорта пшеницы и двухрядный ячмень были отчетливо различимы как по целым колосьям, так и по отдельным зернам, причем последнее в количествах, которые можно было измерить в бушелях. Косточки винограда, которые профессор Хир (Б. 123) несколько нерешительно

объявил среди плодов с этой станции, теперь могут быть приняты за подлинные, поскольку виноград (*Vitis vinifera*) недавно был найден на Штекборне, другой станции чисто каменного века, [124] и в Хальтнау. (Б. 462, с. 58.) В Вангене также было найдено несколько разновидностей хорошо выделанной льняной ткани и циновки из лыка. В музее Фрибурга хранится обугленное веретено с озера Морат, на котором видны тонкие нити, все еще обвитые вокруг него, а доктор Гросс изображает похожий предмет из Локра. (Б. 392.) Большинство антикваров знакомы с замечательными разновидностями ткани, бахромы, сеток, шнуров и веревок, обнаруженных Мессикоммером в самом нижнем хранилище реликвий в Робенхаузене (рис. 25). Даже образцы вышивки были найдены на соседней станции Иргенхаузен. (Б. 126, Стр. xvi.) Остатки льняной ткани, ниток, сеток, плетеных корзин и т.д. Также были найдены на очень многих других станциях, таких как Винельц, Локрас, Шаффис, Лагоцца, Лайбах и др. Но отсутствие таких хрупких и скоропортящихся реликвий на многих других станциях не следует воспринимать как свидетельство того, что их обитатели не были знакомы с подобными производствами; ибо следует помнить, что только когда ткани обугливаются или хранятся в условиях, исключительно благоприятных для их сохранения, они предотвращаются от естественного процесса разложения. Так, в Шуссенриде, хотя настоящей ткани найдено не было, на сгущенной массе пшеницы отчетливо виден отпечаток хорошо сотканной ткани - вероятно, на мешке, в котором хранилось зерно, — а в Лайбахе аналогичный отпечаток наблюдался на фрагменте керамики.

Одна из станций в Муссидорфзее, которая полностью обнажилась в результате дренажных работ и была тщательно обследована опытными археологами господами Дж. Ян, Морло и Ульман обнаружили большое количество костных останков животных, среди которых следующие предположительно находились в стадии одомашнивания, а именно: собака, овца, коза, свинья и различные виды быков. Также было найдено несколько костей и зубов лошади, но они, возможно, принадлежали дикому виду, поскольку нет единого мнения и нет никаких доказательств того, что это животное было одомашнено до бронзового века. Культурными растениями на этой станции были ячмень, два вида пшеницы, горох, мак и лен. Среди множества его промышленных останков, которые сейчас хранятся в Бернском музее, около дюжины кельтских нефритовых (один из жадеитов), обрывки шнура, деревянная расческа, рыболовный крючок из кабаньего бивня, кремневые пилы с деревянными ручками и фрагменты керамики, некоторые из которых украшены следами от гвоздей или перфорациями по краю. На одном куске темной керамики (рис. 184, № 5) с помощью асфальта нанесен ряд треугольных кусочков бересты. (Б. 336, с. 37.) Если бы потребовались какие-либо дополнительные доказательства, чтобы показать мастерство первых обитателей озера в искусстве прядения и ткачества и степень, в которой они занимались сельским хозяйством и разведением домашних животных, я должен был бы только привлечь внимание к огромному количеству веретен, ткацких гирь и т.д., Которые можно встретить повсюду; кукурузодробилки, ярма для крупного рогатого скота (рис. 184, № 1), полевые мотыги, кирки и другие сельскохозяйственные орудия, найденные на местах самых ранних поселений, таких как Робенхаузен, Шаффис, Шуссенрид и др.

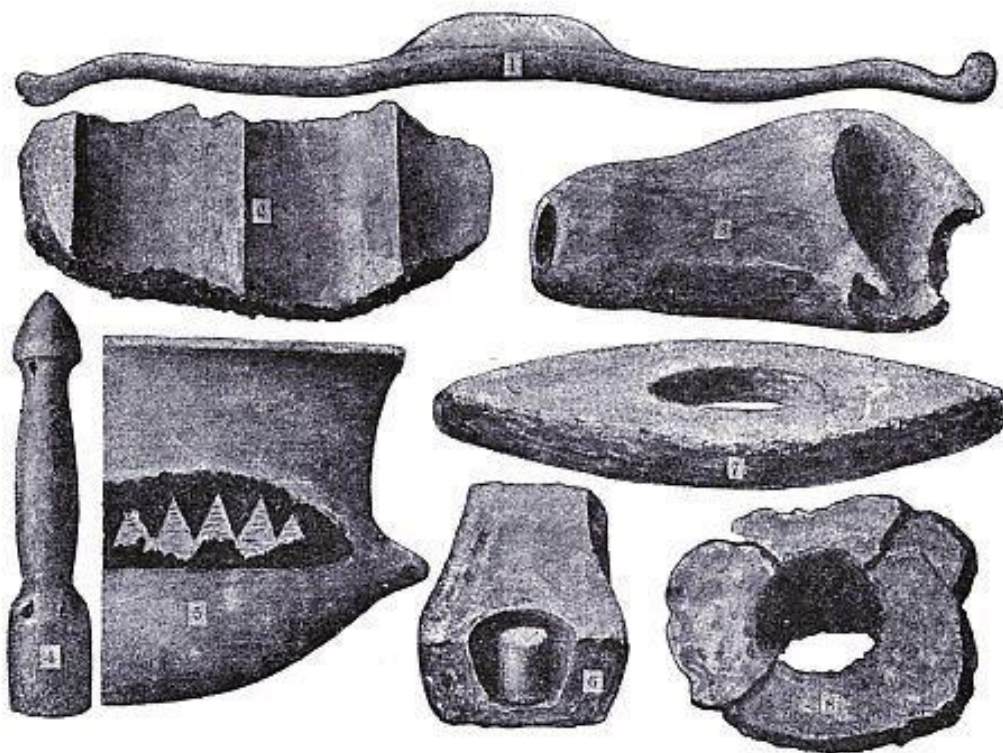

Рис. 184.—Разные объекты.

№ 1 = около $\frac{1}{14}$, 4 = $4\frac{1}{3}$ футов в длину, 3 и 8 = $\frac{1}{4}$, а остальные = $\frac{1}{2}$ реального размера.

То, что гончарное искусство было хорошо известно древним обитателям озера и ими практиковалось, вряд ли нуждается в каких-либо доказательствах, когда мы смотрим на массу фрагментов и даже целых блюд, состоящих из мисок, тарелок, кубков, кувшинов, ложек и больших ваз, которые в настоящее время сведены в таблицу и хранятся в различных музеях озерных предметов. Эта посуда была изготовлена без знания гончарного круга, и паста обычно содержала крупный песок или мелкую гальку; но для сосудов меньшего размера использовался и более мелкий сорт. Вообще говоря, на более ранних станциях они были грубо сделаны, с перфорированными ручками вместо ручек, но иногда встречаются примеры, которые показывают, что ручки не были неизвестны. Орнамент состоит из следов пальцев и струн, неправильных царапин заостренным инструментом, выступающих шишечек, перфораций по краю, а также точек и линий в различных фантастических сочетаниях. Никогда не было найдено двух сосудов, совершенно одинаковых по стилю и орнаменту. Единственный подход, который я видел, - это в случае с двумя вазами, одной от Bodmann (рис. 30, № 20), а другой от Schussenried (рис. 35, № 4), что, безусловно, наводит на мысль, что сосуды были изготовлены под влиянием одного и того же художника. В Лагоцце и Поладе художественные узоры были сделаны по отпечаткам небольшой трубки, вероятно, жесткого соломенного или костяного инструмента, чередующихся с панелями из перекрещенных линий. В Лайбахе большое мастерство проявляется не только в разнообразии и элегантности сосудов, но и в их орнаменте, который состоит из различных фигур, прямоугольников, крестов, ромбов, треугольников и т.д., линии которых обрамлены небольшими заостренными оттисками. В Мондзее проявляется похожий вкус к геометрическим фигурам, и здесь линии крупные и глубоко вырезаны, чтобы в них можно было вставить белое вещество, которое на изначально черной керамике должно было производить поразительный эффект. Однако с этими фантастически украшенными блюдами, как в Лайбахе, так и в Мондзее, ассоциируются другие блюда гораздо более низкого типа.

К запасам продовольствия, получаемым от сельского хозяйства, разведения домашних животных, семян и плодов диких растений, они добавляли продукты охоты и рыбной ловли; многочисленны остатки оружия, использовавшегося в этих занятиях. Наконечники стрел из кремня, а иногда и из других минералов, таких как горный хрусталь, нефрит и кость, являются одними из наиболее распространенных реликвий; и даже было обнаружено несколько луков, сделанных из тисового дерева, несмотря на их склонность к гниению: два из Робенхаузена и по одному с каждой из станций Винельца, Суца и Клерво.

Похоже, что более ранние наконечники стрел были треугольного типа, с ножками или без них, и предполагается, что добавление зазубрин было эволюционным процессом совершенствования и, конечно, произошло позже. Таким образом, ни одна из стрел Schaffis не имеет зазубрин, но, с другой стороны, Vinelz представила несколько прекрасных примеров (рис. 7). Колющие формы также распространены на палафиттах озера Варезе и Полада, но они полностью отсутствуют на станциях в Мондзее, Аттерзее и Лайбахской пустоши.

Обнаружение некоторых наконечников стрел с все еще прикрепленной частью деревянного древка показало тот факт, что это соединение было достигнуто, по крайней мере в некоторых случаях, с помощью клейкого материала, такого как асфальт. В районе Невшаталь этот материал действительно может быть природным продуктом с таким названием, поскольку его так легко найти в соседнем *Валь-де-Траверс*. Однако более вероятно, что, как предположил доктор Дом из Тюбингена, это было изготовленное изделие из бересты - предположение, которое объясняет частоту, с которой рулоны этого материала находили среди обломков стольких озерных жилищ. Этот клейкий материал использовался не только для закрепления наконечников стрел и других орудий труда в рукоятках, но и в смеси с древесным углем для придания керамике черного блеска или лака. Его открытие и применение для таких целей в Поладе, Мондзее, Шуссенриде и на многих швейцарских станциях каменного века, таких как Сент-Обен, Локра, Муссидорф и т.д., доказывает, что его использование было распространено на всей территории каменного века, населенной озерами.

Наконечники копий и кинжалы изготавливались из кремня, и образцы последнего были найдены вставленными в деревянную рукоять или окруженными кольцом, чтобы оружие лучше держалось. Существовало также очень эффективное оружие этого класса, изготовленное из костей ног оленя и других животных, а также из зубьев оленьих рогов и т.д.

Для выполнения обычных обязанностей по ведению домашнего хозяйства и общественной жизни озерные жители располагали разнообразным набором инструментов и приспособлений, однако точное назначение некоторых из них было трудно определить. У них были топоры, ножи, пилы, скребки, буры и т.д. из кремня и других твердых камней. Режущие инструменты также изготавливались из рога, кости и бивней дикого кабана, а также из бесконечного множества заострений, долот и т.д. С помощью таких инструментов они строили деревянные дома, выковыривали каноэ и придавали дереву форму различных видов посуды, дубинок и ручек. Каменный кельтский топор, самое незаменимое из всех орудий труда людей каменного века, монтировался различными способами. Чаще всего топор крепился в кожаной оболочке из рога, который затем вставлялся в деревянную рукоятку (рис. 185, № 8 и 10). Иногда крепление из рога имело V-образную прорезь на противоположном от топора конце (рис. 7, № 13), которая вставлялась в соответствующую прорезь в изогнутой рукояти (рис. 185, № 1, 13 и 14). В закрытом состоянии инструмент превращался в своего рода тесло, режущая кромка которого располагалась поперек оси рукояти. Доктор Гросс считает, что этот метод особенно использовался в медном веке. В Вангене роговые

крепления использовались редко, топорик вставлялся в расщепленную расщелину на кривой ветке. Интересно отметить, что этот метод использовался доисторическими добытчиками соли в Халлайне, недалеко от Зальцбурга,^[125] и в Кастионе в Италии (рис. 185, № 13).^[126] Небольшие топоры и долота, а также различные кремневые орудия нередко вставлялись непосредственно в подходящие участки оленьего рога, как показано на многих прилагаемых иллюстрациях.

Перфорированный топор из камня или рога имел просто деревянную рукоятку, прочно закрепленную клином, вставленным в щель на конце в отверстии, образец которого, найденный в Шуссенриде, г-н Франк бережно хранит. Помимо них, есть множество предметов из рога и кости, которые могли использоваться в качестве орудий труда или оружия, но в основном, я бы сказал, для сельскохозяйственных целей, таких как кирки (рис. 185, № 4 и 7), молотки, дубинки и т.д. Некоторые из более мелких костяных орудий также были вставлены в рукоятки, образцов которых было особенно много в Сент-Обене.

Кремневых пил было чрезвычайно много, и их можно найти среди остатков почти всех более ранних стоянок, на многих из которых до сих пор сохранились деревянные или роговые рукоятки. Составная и двуручная пила была найдена только в Поладе (рис. 67, № 12). Он состоит из деревянного корпуса с четырьмя кремнями, зацементированными в паз по одному из краев.^[127]

Рис. 185.—Разные объекты.

Номера с 20 по 24 = $\frac{2}{3}$, а остальные, кроме № 25 = $\frac{1}{3}$ реального размера.

Другой любопытный предмет, предположительно пила, был найден в Винельце и сейчас находится в Кантональном музее в Берне ([рис. 185](#), № 17). Он состоит из массивной

деревянной рукояти, явно сделанной специально для руки, с тремя обработанными кремнями, воткнутыми в ряд и удерживаемыми на своем месте асфальтом.

Среди домашней утвари, помимо керамики, есть маленькие чашечки и шкатулки из рога (№ № 12 и 18). Есть также ложки, булавки, иголки, пуговицы, шила, ножи, гребни для льна и т. Д. Из кости. Гребни для волос обычно изготавливались из дерева обычной формы (рис. 11, № 7). Другим наиболее оригинальным методом было связывание вместе ряда подготовленных веточек с загнутыми в одну сторону концами, как показано на рис. 185, № 19.

Деревянная посуда, вырезанная из твердого материала, такая как ковши, миски, бадьи и т.д., была найдена на многих стоянках, но особенно в Робенхаузене; и не может быть сомнений в том, что подобные сосуды широко использовались ранними обитателями озера.

Я уже обратил внимание на находки рыболовных сетей в Робенхаузене и Винельце и рыболовного крючка, искусно сделанного из бивня кабана. Другие рыболовные крючки были сделаны из кости, как видно на иллюстрациях Бодманна, Вангена и Баушанце.

Эти первые поселенцы также не были нечувствительны к очарованию личных украшений. Раковины (как современные, так и окаменелые), цветные камешки, зубы плотоядных животных, украшенные кусочки кости и рога, каменные и глиняные бусы и даже круглые части человеческого черепа прокалывали для подвешивания и носили либо как кулоны, либо как ожерелья (№ № 9, 11 и 20-24).

Мастерство, проявленное при изготовлении перфорированных каменных топоров и молотков, часто вызывало удивление антикваров; и многие из них считали, что вряд ли возможно просверлить идеально круглые или овальные отверстия в таких твердых материалах без использования металлических инструментов. Тем не менее, это, несомненно, было сделано, поскольку мы находим не только сверлильные орудия, но и гладко распиленные части на самых ранних станциях, как, например, в Шаффисе, Муссидорфе, Вангене, Робенхаузене и др. Из первых в Бернском музее хранятся каменные кельты с круглым отверстием и один с перфорацией овальной формы. Столь же необъяснимы многочисленные фрагменты камня, которые, судя по параллельным канавкам, ясно указывают на то, что они были отпилены. Некоторые из этих кусков отнюдь не маленькие, и их легко можно было бы обработать с помощью кремневых пил. В Цюрихском музее хранится большой обкатанный водой камень из серпентина размером 14 на 9 на 8 дюймов, который был извлечен из грунта в Воллисофене, на нем виден разрез длиной 11 дюймов и глубиной $\frac{5}{8}$ дюйма. Одна сторона разреза была отломана, но, к счастью, фрагмент также удалось восстановить, и когда он был подогнан на свое место, что было сделано очень аккуратно, можно легко установить, что максимальная ширина разреза составляет $\frac{3}{8}$ дюйма. Стороны этого среза мелко исчерчены параллельными бороздками, которые не совсем прямые, но слегка загнуты книзу посередине. Перед началом распиливания имеются четкие признаки того, что путем зазубривания была сделана поверхностная канавка, очевидно, с намерением направлять пилу на начальных стадиях процесса. Из чего могла быть сделана эта пила? Я не думаю, что с помощью кремневого инструмента можно было сделать такой разрез. Он такой же правильный, как у современного стального инструмента. В настоящее время предполагается, что распиливание камней производилось с помощью тонкой деревянной доски и небольшого количества сухого песка. Покойный доктор Келлер экспериментировал с этими простыми средствами и обнаружил, что их вполне достаточно для этой цели. Он также практически доказал, что таким же образом, с помощью деревянной трубки, быстро вращающейся вокруг своей оси, он мог легко просверлить отверстие в самом твердом камне. (Б. 336, с. 49.) Любой, кто посетит музей в Цюрихе, может на практике лично

убедиться в эффективности этих процессов, и услужливый хранитель с удовольствием демонстрирует метод работы. Установлено, что мягкая древесина лучше твердой, так как первая поглощает больше частиц песка, которые действуют как мелкие зубья при шлифовании камня. О том, что для растачивания камней озерными жителями использовались какие-то трубки, свидетельствуют находки сотен круглых стержней, результат растачивания по этому принципу, а также, иногда, орудия с начатым, но незавершенным растачиванием, на которых видно, что круглый стержень все еще находится в отверстии, как показано на [рис. 184](#), № 6. В Цюрихском музее также находится молоток из оленьего рога из Робенхаузена с частично просверленным отверстием и стержнем в центре, что доказывает, что с рогами также манипулировали таким же образом ([рис. 24](#), № 12).

Ни одна проблема на протяжении многих лет не ставила археологов в большее замешательство, чем попытки объяснить находки время от времени в различных частях Европы этих удивительно изящных орудий, изготовленных из минерального вещества, широко известного как нефрит. До сих пор их обычно находили изолированными в почве или в захоронениях каменного века, таких как дольмены Бретани. Излюбленная теория, поскольку этому минералу нельзя было приписать местную среду обитания, заключалась в том, что эти орудия были завезены первоначальными людьми эпохи неолита, которые, как предполагалось, мигрировали на запад с равнин Северной Индии. Обнаружение большого количества кельтов и небольших долот в озерных жилищах, а также нескольких других предметов, сделанных из нефрита, жадеита и хлормеланита, вновь поставило проблему их происхождения, в результате чего, однако, спорное пламя разгорелось ярче, чем когда-либо. Независимо от находок обитателей озера, количество нефритовых предметов, известных в настоящее время в Европе, можно приблизительно оценить в 200, примерно половина из которых происходит примерно из 44 департаментов Франции. Из оставшихся 100 около 80 из Западной Германии, остальные распределены по различным населенным пунктам Италии, [\[128\]](#) Австрия и Греция. Согласно мнениям компетентных минералогов, подавляющее большинство минералов из Западной Европы состоят из жадеита и хлормеланита, количество которых несколько превышает количество последних. Во французской группе есть только один нефрит из окрестностей Реймса, а в немецкой группе три или четыре, найденных в Бадене и Баварии. Г-н А. Б. Мейер утверждает, что, за исключением одного из Позена, все немецкие образцы были найдены к западу от Эльбы.

По внешнему виду нефрит, жадеит и хлормеланит очень похожи друг на друга, и из-за значительных различий в цвете, которым все они в большей или меньшей степени подвержены, их трудно отличить невооруженным глазом. Вообще говоря, нефрит имеет несколько мыльный оттенок, с более светлым и прозрачным зеленым оттенком, чем жадеит, в то время как хлормеланит темнее и менее прозрачен, чем любой из них. По словам Мейера, их удельный вес составляет: —нефрит от 2·9 до 3·2, жадеит от 3·3 и хлормеланит от 3·4 до 3·6. Судя по большому количеству орудий труда, особенно топоров, небольших долот, а иногда и ножей ([рис. 185](#), № 28) — реже наконечников стрел и украшений, - найденных почти на всех озерных стоянках каменного века, ими очень восхищались и они были востребованы жителями этих поселений. Доктор Гросс считает, что они были в наибольшем изобилии на тех станциях, которые процветали в период, непосредственно предшествующий введению металлов, и что после этого события они исчезают совсем. (Б. 392, стр. 10.)

Количество нефритовых орудий из Боденского озера в настоящее время значительно превышает 1000, в чем можно убедиться, посетив музеи по соседству. Только на одной станции, в Маурахе, было поставлено 349 довольно хороших и 141 плохо сделанных орудий труда, а также не менее 154 щепок и распиленных заготовок размером от ногтя до

нескольких дюймов. (Б. 378, с. 78.) Подобные чипы также время от времени встречались на других станциях. Это сразу проясняет один важный момент, а именно. что жители озера действительно владели сырьем, которое они обрабатывали на месте. Хотя в большинстве поселений на Боденском озере было добыто более или менее образцов, ни одно из них даже не приближается к Маураху по численности, следующими по величине являются Унтер-Ульдинген, Имменштадт и Сипплинген, из каждого из которых было собрано по два-три десятка экземпляров. По мере продвижения на восток, в сторону долины Дуная, они становятся намного реже. Таким образом, Шуссенрид добыл только один (жадеит), Ользенройте - семь (все нефриты), Штарнбергерзее - два (нефриты), Лайбах - один (нефриты). Только один (жадеит) зафиксирован на Мондзее, и ни одного - на Аттерзее. Согласно Фишеру, [129] 97 процентов. орудия из Боденского озера изготовлены из нефрита, а остальные три процента. почти поровну разделены между жадеитом и хлормеланитом. В Цюрихском музее он нашел 28 орудий из нефрита, одно из жадеита и шесть из хлормеланита. Из первых 22 орудия из Мейлена и четыре из Робенхаузена. Из 295 экспонатов в музеях Берна (которые поступили из озер Невшатель, Бьенн, Морат, Инквиль и Муссидорфзее) 118 экспонатов сделаны из нефрита, 124 - из жадеита и 53 - из хлормеланита. Из этих приблизительных расчетов мы видим, что, хотя нефрита в поселениях Боденского озера и его окрестностей было значительно больше, чем жадеита, это неравенство постепенно устраняется по мере продвижения на запад, пока мы не прибудем во Францию, где их относительная частота фактически меняется на обратную. С другой стороны, хлормеланит, хотя в целом встречается гораздо реже, чем нефрит или жадеит, по-видимому, был распределен более равномерно. Грубо говоря, во всей Европе имеется от 300 до 400 обработанных предметов из жадеита и около 200 из хлормеланита, в то время как нефритовых изделий в два раза больше, чем вместе взятых.

Эти факты наводят на размышления и, несомненно, подтверждают теорию о том, что эти минералы были найдены обитателями озера где-то по соседству. Но, несмотря на самые тщательные поиски со стороны геологов и минералогов, ни одна частица ни одного из них до сих пор не была найдена *in situ* ни в одной части Швейцарии. Чтобы побудить деревенских жителей быть начеку, несколько лет назад была предложена награда в 200 франков [130] любому, кто сможет добыть кусочек нефрита, найденного *in situ*, размером с мужской кулак, но, насколько я знаю, награда до сих пор остается невостребованной.

В Германии были обнаружены три изолированных участка: один в аллювиальных песках Потсдама, другой в окрестностях Меерсбурга и третий в окрестностях Лейпцига. [131] Также при несколько схожих обстоятельствах были записаны две части из Штирии. [132] Говорят, что он был найден *in situ* в небольших количествах в горных породах Силезии, как записал Х. Траубе из Бреслау в статье, озаглавленной "Супер-ден-нефрит фон Йордансмюль в Шлезииене". [133] Г-н Редигер обращает внимание (примечанием в *Antiqua*, 1884, стр. 150) на тот факт, что в работе, опубликованной в 1834 году, было указано, что он был найден в кантоне Фрайбург. В доисторических пещерах Ментоны было найдено несколько осколков, связанных с обработанными кремнями. [134]

К этим замечаниям по нефритовому вопросу я должен только добавить, что доктор Арзруни [135] утверждает, что микроскопически можно показать, что нефрит и жадеит из озерных жилищ отличаются от азиатского минерала. Также может быть интересно отметить, что 13 маленьких топориков или долот из нефрита были найдены Шлиманом в доисторических городах Троя (*Илиос*, стр. 240).

Что касается хижин или коттеджей, в которых жили озерные жители, то свидетельства все еще несколько скудны. Долгое время единственными признаками того, что хижины

возводились над платформами, были куски глины с отпечатками круглых бревен (рис. 184, № 2), камни для очага и несколько разрозненных балок и кусочков кровли. Однако недавно более определенная информация была представлена мистером Франком, исследователем озерных обитателей в Шуссенриде. Это поселение не имело ни малейших признаков того, что оно было уничтожено пожаром, и предполагается, что его жители добровольно покинули его из-за роста окружающего торфа. В этом случае вполне вероятно, что хижинам было бы позволено прийти в естественное упадок, но до того, как это произошло, существовал шанс, что какая-то часть зданий зарастет мхом и, таким образом, станет как бы герметично закрытой. То, что нечто подобное действительно имело место, теперь доказывается обнаружением на этой станции фундамента и частей стен коттеджа, глубоко заросшего мхом. Как только стало известно о находке, мистер Фрэнк немедленно приказал вскрыть руины, и до того, как исчезли крошащиеся материалы, был составлен план здания, с которым благодаря любезности исследователя я имел возможность ознакомиться. Сооружение имело продолговатую прямоугольную форму, около 33 футов в длину и 23 фута в ширину, и было разделено перегородкой на две камеры. С южной стороны была дверь шириной чуть более 3 футов, которая открывалась в одну из камер. Другая, или внутренняя комната, была несколько больше и не имела сообщения с внешней, кроме как через первую дверь в перегородке. В этих камерах не было найдено никаких реликвий, но во внешней части была груда камней, которые свидетельствовали о том, что здесь когда-то был очаг. Стены были построены из вертикально поставленных расщепленных бревен, а их щели замазаны глиной. Пол в обеих камерах состоял из четырех слоев плотно уложенных бревен, разделенных таким же количеством слоев глины. Эти повторяющиеся настилы, возможно, были вызваны постепенным подъемом окружающего торфа, который в конечном итоге изгнал жителей.

Мистер Мессикоммер (В. 406с) в ходе своих исследований в Робенхаузене обнаружил на участке 33 ярда в длину и 10 в ширину признаки того, что он считал четырьмя отдельными жилищами. Изучив своеобразную группировку и распределение промышленных остатков на этой территории, он пришел к выводу, что в каждом коттедже была своя особая мебель, очаг, ткацкие приспособления, жернова, точильные камни и т.д., и по этому принципу он определяет размер хижин. Исходя из этих расчетов, размеры коттеджей Робенхаузена будут почти идентичны размерам коттеджей в Шуссенриде, каждый из которых имеет площадь около 750 квадратных футов. Из наблюдений, сделанных в Иргенхаузене, были получены аналогичные результаты. В Нидервайле, где границы смежных жилищ были четко определены, площадь, отведенная каждому из них, оказалась несколько меньше.

Швейцарские археологи утверждают, что видят в остатках их озерных деревень каменного века свидетельства трех различных периодов, которые доктор Гросс сформулировал следующим образом:

"Les fouilles que j'ai faites, depuis une dizaine d'années, dans les villages lacustres de l'âge de la pierre, m'ont prouvé qu'ils n'ont pas tous été habités à la même époque, mais qu'ils remontent à trois périodes différentes bien caractérisées.

"Dans la *première période*, je range les stations les plus anciennes, représentées, dans le lac de Bienne, par la palafitte de Chavannes (Tschaffis), près de Neuveville. Les produits de l'industrie humaine trouvés sur ces emplacements, dénotent un art tout-à-fait primitif; les haches de pierre sont petites, à peine polies et presque toutes en minéral indigène; les haches-marteaux n'apparaissent que sous forme de grossières ébauches, et les outils en corne et en os sont mal travaillés. On ne remarque aucune trace d'ornementation, ni sur les armes et les instruments, ni

sur les produits de la céramique. La poterie, du reste, est façonnée d'une argile grossière, sans l'aide du tour naturellement, et revêt des formes qui trahissent l'enfance de l'art du potier.

"La *seconde période*, à la quelle appartient l'ancienne station de Locras, celle de Latrigen et en général la plus grande partie de nos établissements de l'âge de la pierre, présente déjà un notable progrès sur la précédente, en ce que les armes et les outils sont perfectionnés, les haches en pierre, quelquefois perforées pour recevoir le manche, sont fort bien travaillées, polies avec soin et revêtent parfois des dimensions colossales. On constate aussi dans ces stations une abondance relative de hachettes en néphrite, jadéite et chloromélanite. En effet, tandis que ces objets en minéral étranger font presque entièrement défaut pendant la première et la troisième période, on les rencontre dans les stations qui nous occupent dans une proportion qui peut varier du 5 au 8% des haches en minéral indigène.

"Le métal n'apparaît pas encore dans cette période, ou du moins pas dans la couche archéologique; exceptionnellement, on trouve, ici et là, entre les pilotis, quelques lamelles de cuivre, et plus rarement de bronze.

"La poterie, faite d'une pâte plus fine et mieux façonnée, présente quelques traces d'ornementation sous forme d'éminences percées et de dents de loup.

"Enfin la *troisième période* comprend les stations de l'époque de transition de la pierre au bronze. C'est l'*époque du cuivre*, si je puis l'appeler ainsi, caractérisée par la présence dans la couche archéologique même, d'armes et d'instruments de cuivre pur (très-rarement de bronze), de haches-marteaux habilement perforées, d'outils de bois et de corne très bien façonnés, et surtout de vases de formes variées, quelques-uns munis d'anses et la plupart ornés de dessins faits avec les doigts ou au moyen de ficelle imprimée dans l'argile encore molle. Comme je l'ai déjà fait remarquer plus haut, les haches en néphrite et jadéite sont devenues plus rares et font même presque entièrement défaut." (B. 392, p. 2.)

Следует помнить, что аналогичное деление каменного века было принято М. Борелем в его эссе о озерных станциях вдоль берега Бева. (См. стр. 49.) На мой взгляд, для такой классификации нет археологических оснований; но я сохраняю ее терминологию для удобства, особенно термин "Переходный" период. Жители Шаффуса (упоминаемого доктором Гроссом и признанного одной из старейших станций в Швейцарии) знали и практиковали искусство растачивания и распиливания камней; у них были орудия из нефрита и жадеита (рис. 185, № 29), а в изготовлении обычных кремневых орудий они, по словам доктора В. Фелленберга, были выдающимися. В ассортименте предметов с этой станции в Кантональном музее в Берне можно увидеть несколько фантастической формы дубинок из рога и кости с отверстиями, большую иглу и пять необычных предметов из рога, подобных тем, что были найдены на многих станциях переходного периода, таких как Суц, Герлафинген и др. (№ 26 и 27), куски ткани, льняные гребни, разнообразные глиняные гири, каменные топоры-молотки на всех стадиях изготовления, кинжалы правильной формы из кремня и кости, кремневые пилы с деревянными ручками. На этой станции д-р Гросс также описывает обнаружение частей лестницы; а д-р Келлер (Б. 336, с. 48) части двери или окна с длинным засовом (№ 25). Это правда, что образцы керамики грубые и лишены орнамента; но это могло быть вызвано скорее социальными причинами, чем недостатком знаний, поскольку мы находим, что на некоторых других ранних станциях, как, например, в Шуссенриде, керамика сильно орнаментирована. В борьбе за существование первоначальным основателям озерных жилищ, окруженным свирепыми аборигенами и дикими животными, приходилось уделять больше внимания простым жизненным потребностям, чем искусству. С течением времени появляются признаки значительного

процветания и соответствующего развития культуры, но ничего достойного того, чтобы быть охарактеризованным как отдельный период, до появления бронзы, которая, облегчая все механические и промышленные операции, произвела социальную революцию. Но это изменение происходило лишь постепенно, и наложение каменного и бронзового веков уместно обозначить как переходный период. Как бы долго или недолго ни существовали озерные жители в чистом каменном веке (в отношении которого существует не так много свидетельств), ясно одно: за все это время основные элементы их культуры и цивилизации практически не претерпели изменений.

II.—ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД.

Прежде чем перейти к описанию изменений, вызванных внедрением металлов в социальную экономику обитателей озера, существует важная проблема, которая требует нескольких мимолетных замечаний, а именно. доказательства существования медного века в Европе. Теория тех, кто выступает за положительное решение этой проблемы, среди которых особенно выделяются профессор В. Пульски из Буда-Пешта и доктор Мач из Вены, состоит в том, что доисторические народы Европы впервые познакомились с искусством извлечения меди из руды, которую они изготавливали как плавкой, так и ковкой в различные виды оружия, орудий труда и украшений. В первом случае это были простые имитации ранее использовавшихся предметов. Таким образом, плоский топор, или кельт, почти единственная форма, когда-либо найденная из меди в Европе (за исключением Венгрии), был явно изготовлен по образцу ранее использовавшихся каменных орудий. Кинжалы и наконечники копий также являются имитациями своих кремневых прототипов, в чем можно убедительно убедиться, сравнив [рис. 7](#), № 11, с [рис. 8](#), № 2, где первый выполнен из кремня, а второй - из меди.

Поскольку самые веские аргументы в поддержку медного века основаны на количестве и разнообразии предметов из чистой меди, обнаруженных в ходе исследований обитателей озер, я постараюсь как можно короче указать на их общее отношение к этой проблеме. Мы уже видели, что во многих случаях кельты, кинжалы, бусы и другие предметы из меди были найдены на различных стоянках, но почти неизменно ассоциировались с бронзовыми предметами, как это было, например, в Воллисхофене. Вряд ли может быть какое-либо сомнение в том, что переход от каменного к самому расцветному периоду бронзового века произошел во время заселения этого озерного поселения, но делать вывод о том, что его медные предметы были изделиями медного века, было бы явно выходящим за рамки законного вывода. От этих долгоживущих поселений с их беспорядочным содержанием мы должны перейти к тем, которые пришли, так сказать, к преждевременному завершению, вскоре после того, как начали использоваться первые металлические предметы, но до полного развития бронзового века. Из таких станций в районе, населенном озерами, я выбираю следующие семь как наиболее интересные, а именно: Полада, Лайбах, Мондзее, Робенхаузен, Локрас, Винельц и Сен-Блез. В следующей таблице я свел в таблицу все металлические предметы, которые я могу найти в записях или хранящиеся в местных коллекциях, как поступающие с этих станций.

Название станции.	Медь.	Бронза.	Список литературы.
Полада	-	1 кинжал, 3 плоских кельта.	Коллекция доктора Рамботти, Дезенцано, рис. 67 .
Laibach (тигли)	1 плоский кельт, 6 кинжалов и режущих	1 крылатый кельт, 3 булавки, 2 меча, 1	Рис. 45 ; В. 302 и 317.

Название станции.	Медь.	Бронза.	Список литературы.
	лезвий, 5 шилов, 1 фрагмент.	кинжал с орнаментом, 2 простых клинка, 2 браслета.	
Mondsee (тигли, Рис. 184 , № 3)	14 плоских кельтов, 6 кинжалов, 3 спирали, 3 шила, 1 рыболовный крючок, 2 фрагмента	1 части кинжала, 1 заколка для волос	Рис. 39 ; Много: <i>Kupferzeit в Europa</i>
Робенхаузене (тигли)	1 плоский кельт	1 плоский кельт	Рис. 24
Locras	, 4 кинжала, 2 шила, 1 двойная кельта (№ 10, рис. 186), 1 бусина,	1 меч с плоской рукоятью, 1 кинжал, 2 заколки для волос,	Рис. 186 , № 1; Б. 336, стр. 33; <i>Matériaux</i> тома xiv и xv; <i>Antiqua</i> , 1885, стр. 106,
Vinelz	49 бусин (45 из которых находятся в Берне и 4 в Gross Coll.), 9 кинжалов, 6 шил, 1 плоский кельтский нож, 8 подвесок, 1 спираль, 1 трубка, 3 перфоратора, 1 заколка для волос, 1 стамеска	-	Рис. 7 <i>Antiqua</i> , 1885, стр. 107; В. 462, стр. xv. и xvi.
Святой Блез (тигли)	5 кинжалов, 2 части плоских кельтов, 3 ножа, 3 бусины, 4 наконечника стрел, 2 серьги, 1 спираль	1 кинжал с ребром посередине. <i>Anzeiger</i> , 1882, Pl. xix. 3	Рис. 8 ; <i>Antiqua</i> , 1883, стр. 61; <i>Там же.</i> , 1884, стр. 59 и 60; <i>Там же.</i> , 1885, стр. 10, 108; и <i>там же.</i> , 1886, стр. 13

Общее количество медных предметов, приведенное мистером Форрером в его тщательно подготовленной "Статистике в швейцарском фонде Купферграте", [136] составляет 250. Из них 107 - бусы или украшения, а из оставшегося числа 37 — плоские кельты, остальные - зубила, ножи, кинжалы, молотки и т.д. Медные находки на других станциях, за исключением семи упомянутых здесь, можно не рассматривать как ослабляющие, а не усиливающие свидетельства существования отдельного медного века, поскольку с ними было связано преобладание бронзовых предметов, как это имело место, например, в Латтрингене и Герлафингене.

Рассматривая теперь семь выбранных нами стоянок, мы видим, исходя из общего характера реликвий, с которыми ассоциировались металлические предметы, что они принадлежали в основном каменному веку; и может показаться, что использование металлов было известно недостаточно давно, чтобы изменить их преобладающий характер. Теперь следует отметить, что на всех этих семи станциях, за исключением одной, а именно. Винельц, также были найдены предметы из бронзы, связанные с предметами из меди. С другой стороны, в Поладе

сохранилось лишь несколько бронзовых орудий, и все же не может быть никаких сомнений в том, что эта станция существовала в самый ранний переходный период. И в этом отношении оно не является чем-то особенным, поскольку в Обер-Мейлене были найдены два предмета из бронзы, а именно. плоский кельт и браслет, связанные с реликвиями каменного века, но ни одного из меди. Также на переходной станции в Морже (Розо) было найдено не менее 18 бронзовых кельтов того же типа, а также несколько других предметов из этого материала, но ни одного из меди. Если предположить, что медный век преобладал в течение какого-то периода времени как предшествующий бронзовому, то из этого следует, что станция в Винельце была более ранней, чем другие. Характер его реликвий, однако, не поддается такой интерпретации, поскольку перфорированные топоры и другие реликвии более многочисленны и изящны, чем где-либо еще, а некоторые из его керамических изделий сильно орнаментированы и в некоторых отношениях напоминают керамику бронзового века. Наконечники стрел и кинжалов из кремня чрезвычайно хорошей формы, и среди множества типов первых есть некоторые с загнутыми зазубринами. Также эта стоянка богата тканями, сетями, нитками, костяными пуговицами и т.д. И во всех отношениях соответствует стоянке в Локре, где были найдены бронзовый меч и кинжал, а также несколько медных орудий труда. Простое отсутствие бронзы в Винельце не является достаточным основанием, *само по себе*, предполагать, что оно существовало в эпоху чистой Меди без знания бронзы. Все медные предметы с других станций несут на себе те же свидетельства примитивной работы, что и те, что с этой.

С другой стороны, самые ранние бронзовые предметы, где бы они ни были найдены, такие как мечи и кинжалы и т.д. Из Локраса, Полады и Лайбаха, демонстрируют совершенно иной и гораздо более высокий стиль изготовления; но все же нет даже предполагаемых доказательств в пользу идеи, что они относятся к более поздней эпохе, чем грубые медные инструменты и оружие из Винельца. Современность большего или меньшего количества бронзовых предметов на шести других станциях Переходного периода, названных выше, полностью перевешивает исключительные свидетельства этой. Допуская, что эти медные предметы были изготовлены обитателями озера, предположение, которое становится весьма вероятным благодаря находкам такого количества тиглей в Робенхаузене, Мондзее, Лайбахе и других местах, мы должны также признать, что их изготовители были каким-то образом знакомы с превосходными качествами бронзовых орудий. Следовательно, изготовление этих низших изделий должно быть объяснено на каких-то других основаниях, кроме предположения о медном веке, в том смысле, что он предшествовал бронзовому веку и постепенно перерос в него. Я полагаю, истинное объяснение заключается в том, что озерные жители впервые познакомились с металлическими инструментами в виде привезенных бронзовых предметов, особенно мечей и кинжалов, и что это навело их на мысль и непосредственно привело к открытию искусства извлечения чистого металла из медной руды. Местные или приезжие медники, пытаясь подражать этим импортным орудиям труда, продолжали изготавливать медные изделия до тех пор, пока не научились искусству их упрочнения с помощью соответствующей примеси олова. Возможно, изначально это знание хранилось в большом секрете. Но, как бы то ни было, несомненно, что секрет хранился недолго, поскольку вскоре мы обнаруживаем, что озерные жители в полной мере владеют искусством изготовления всевозможных бронзовых изделий. Незнание природы сплава или, возможно, нехватка или дороговизна олова, ведущие к умышленному обману со стороны изготовителей, могут частично объяснить производство некоторых из этих медных орудий. Также было высказано предположение, что повторное плавление бронзы приводит к исчезновению олова и что таким образом могли появиться медные предметы. Но это объяснение неприменимо к обитателям озерных жилищ, поскольку все они самого

примитивного типа и, несомненно, были изготовлены на начальных стадиях развития металлургического искусства.

III.—БРОНЗОВЫЙ ВЕК.

Искусство изготовления режущих инструментов из бронзы, когда-то известное, должно было быстро войти в обиход благодаря их огромному превосходству над ранее использовавшимися орудиями, будь то из камня или меди. Это не только придало огромный импульс обычным делам жизни, но и фактически привело к развитию новых отраслей промышленности. Вместо примитивного оружия и инструментов, которые использовались ранее, теперь у нас есть великолепное множество мечей, кинжалов, копий, топоров, ножей, тесаков, стамесек, долбил, серпов и т.д. Простой кинжал из кости или кремня, который можно было использовать только для колющего удара, стал не только более специализированным и мощным оружием, но и превратился в новое оружие — обоюдоострый меч. Первой формой этого оружия, которое попало к озерным жителям, по-видимому, была плоская рукоятка (рис. 186, № 1, 7 и 9) с рядом отверстий для заклепок для крепления пластин из кости или дерева, чтобы дать владельцу лучший захват. Впоследствии рукоять была отлита отдельно из цельной бронзы, а затем клинок был прикреплен к ней с помощью заклепок. Одной из самых элегантных из этих форм была та, что заканчивалась у рукояти парой спиралей, несколько примеров которых проиллюстрированы на рис. 11, 19 и 186. Из Мерингена есть очень редкий меч этого типа, но часть рукояти отломана. Клинок сделан из железа, а рукоять из бронзы украшена инкрустированными железными полосами (рис. 186, № 6).

Такое острое оружие требовало осторожности при ношении с собой, и, соответственно, использовались ножны, вероятно, в первую очередь сделанные из дерева с бронзовыми наконечниками. Предметы, предположительно являющиеся этими наконечниками, были найдены в различных местах, таких как Меринген, Овернье, Шампревейер, Луизель (рис. 19, № 4), Бурже и др. (рис. 21, № 20).

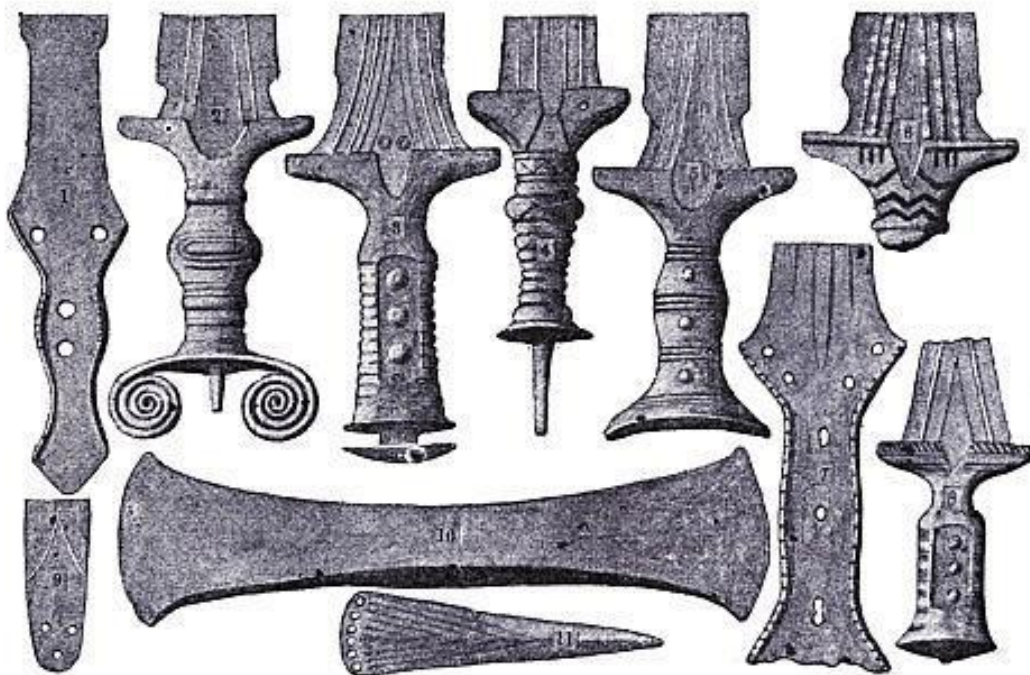

Рис. 186.—Бронзовое оружие и кельтская медь.

Номера 10 и 11 = $\frac{1}{6}$, а все остальное = $\frac{1}{3}$ реального размера.

В то время как кинжалы крепились к рукояткам из цельной бронзы, рога или других материалов (рис. 186, № 8), форму, которую они сохраняли на протяжении всего бронзового века, наконечники копий издревле изготавливались с гнездами. Наконечники стрел были подвержены большим вариациям, поскольку мы находим их заостренными, зазубренными или просто плоскими деталями треугольной формы. Последние обычно имели два или четыре небольших отверстия, с помощью которых они крепились к стержню проволокой или нитью (рис. 21, № 22-26). Топорики демонстрируют ряд эволюционных усовершенствований, различные стадии которых можно легко проследить. Таким образом, примитивная каменная форма, которая была сохранена только в немногих найденных до сих пор образцах меди, была также продолжена в бронзе, и в этой форме бронзовый топор распространился в значительной степени по Европе. Но постепенно она уступила место модели с закрылками, или крыльями, с петлями или без петель для более прочного крепления инструмента к рукоятке. Наконец, у нас есть топорик с носком, который, по-видимому, считался лучшей формой, использовавшейся в бронзовом веке. Только когда железо вытеснило бронзу в использовании режущих инструментов, современный тип, т.е. с поперечным отверстием для рукояти, вошел во всеобщее употребление, хотя принцип был хорошо известен в предыдущие века и, действительно, действовал, как в перфорированных каменных молотах и топорах. Бронзовые пилы (рис. 6, № 7), по-видимому, использовались в крайне ограниченных масштабах, поскольку во всей озерной зоне Центральной Европы было найдено всего около полудюжины образцов. Их редкость по сравнению с переизбытком кремневых пил в каменном веке может быть объяснена большим количеством острых режущих инструментов, которые были сейчас распространены и которые были лучше приспособлены для многих целей, для которых раньше использовались пилы, таких как изготовление наконечников стрел, деревянных рукояток и т.д. Обычные ножи *palafittes* чрезвычайно элегантны по форме, лезвие всегда более или менее изогнуто и часто украшено параллельными или волнистыми линиями и бегущими узорами из концентрических кругов и точек. Обычно они изготавливались с помощью зазубрины или гнезда, но иногда лезвие и рукоять изготавливались из одного цельного куска. Многочисленные примеры всех этих различных форм приведены на наших иллюстрациях.

Интересно отметить, что ножи с набойками очень редки в Восточной Швейцарии, из-за большой находки в Воллисофене не зафиксировано ни одного примера, в то время как по мере продвижения на запад их количество относительно увеличивается, пока на озере Бурже они не станут правилом, а не исключением.

Лезвия, известные под названием бритв, хотя и имеют различные формы, могут быть разделены на два вида, в зависимости от того, являются ли они одно- или двухлопастными. Первые имеют ребристую спинку, которая обычно выступает с одного конца, превращаясь в короткую рукоятку, часто принимающую форму концевой кольца, как показано на рис. 20, № 22 и 23. У одного из них в Общей коллекции есть рукоятка из оленьего рога. Последние, или двухлопастные, имеют рукоятку, расположенную посередине между лезвиями, и распространены в терремаре и палатфитте Пескьеры (рис. 63), но они не встречаются на озере Бурже. Маленькие щипчики, предназначенные, как предполагается, для эпиляции, столь распространенные в Ла-Тене и в галло-римские времена, по-видимому, вошли в обиход ближе к концу бронзового века, поскольку они чрезвычайно редки в палафиттах Центральной Швейцарии, но более распространены в районах озера Бурже. Один

изображен доктором Гроссом из Мерингена и похож на тот, что изображен здесь на озере Бурже (**рис. 20**, № 24).

Серпы также были широко распространены в районе обитания озер бронзового века, включая терремаре. Они плоские с нижней стороны, но с верхней стороны у них есть два или более продольных выступа, целью которых было укрепить орудие труда. С помощью выступающего набалдашника или отверстия для заклепки, а иногда и выступающей шпоры, он прочно крепился к деревянной ручке, как показано на **рис. 187**. То, что представлено здесь, было найдено в Мерингене и искусно оформлено впадинами и округлыми выступами, приспособленными для правой руки. То, что это было нормальным состоянием этих ручек, вероятно из того факта, что два других подобных предмета были найдены на корсетах, которые сейчас хранятся в музее в Лозанне.

Что касается молотков, долот, долбил, пуансонов, шилов, игл, крючков и копий для рыбной ловли и т.д., нет необходимости добавлять к уже приведенным описательным деталям, и их общие характеристики достаточно понятны из иллюстраций.

Рис. 187.—Деревянная рукоять с бронзовым серпом ($\frac{1}{3}$). На рисунке меньшего размера показан способ использования этого инструмента.

В категории предметов, используемых для туалета и личных украшений, у нас есть большой ассортимент новых и причудливых форм, таких как браслеты, подвески, ожерелья, фибулы, булавки, гребни, застёжки для ремней, кольца для пальцев, пуговицы, запонки, серьги, цепочки, а также несколько украшений из золота, янтаря и стекла.

Первыми по важности являются нарукавники или ножные браслеты, которые сильно различаются по размеру, форме и украшению (**рис. 188** и др.). Они бывают закрытыми или открытыми. Первые представляют собой сплошные или полые кольца, либо простые, либо украшенные обычными геометрическими фигурами из вырезанных линий, кругов и точек в различных сочетаниях. Открытые браслеты более многочисленны и имеют более широкий выбор стилей и узоров. Некоторые состоят из прочной проволоки со спиральными

канавками, однослойной или двухслойной (рис. 3, № 15) или плоской ленты с концевым крючком и проушиной для закрепления при ношении через руку. Другие имеют кольцевую форму с плоскими выступами на каждом конце, а более массивные имеют углубление в центре, чтобы уменьшить их вес. Эти последние характерны для палафиттов Западной Швейцарии, получивших наибольшее развитие на озерах Невшатель, Бьенн и Морат. Они встречаются в озере Бурже, но не в такой степени, как твердые формы. Гагатовые браслеты редки, только один или два зафиксированы в швейцарских палафиттах (рис. 11, № 14); но они более многочисленны на озере Бурже. Один из них сделан из олова (рис. 188, № 3).

Подвески и подобные им украшения имеют так много различных форм, что было бы бесполезно пытаться здесь их классифицировать. У всех них есть один общий элемент, а именно. перфорация или кольцо наверху для подвешивания, и вполне вероятно, что многие из них являются просто отдельными частями сложного орнамента, подобного тому, что был найден в Овернье и изображен доктором Гроссом (В. 392, Стр. xxiii. 33), в котором с центрального колеса свисает не менее четырнадцати различных подвесок. Но, несомненно, многие из них, особенно более крупные формы, такие как найденные на палафитте в Оненсе (рис. 189, № 1-3), должны были использоваться как отдельные украшения.

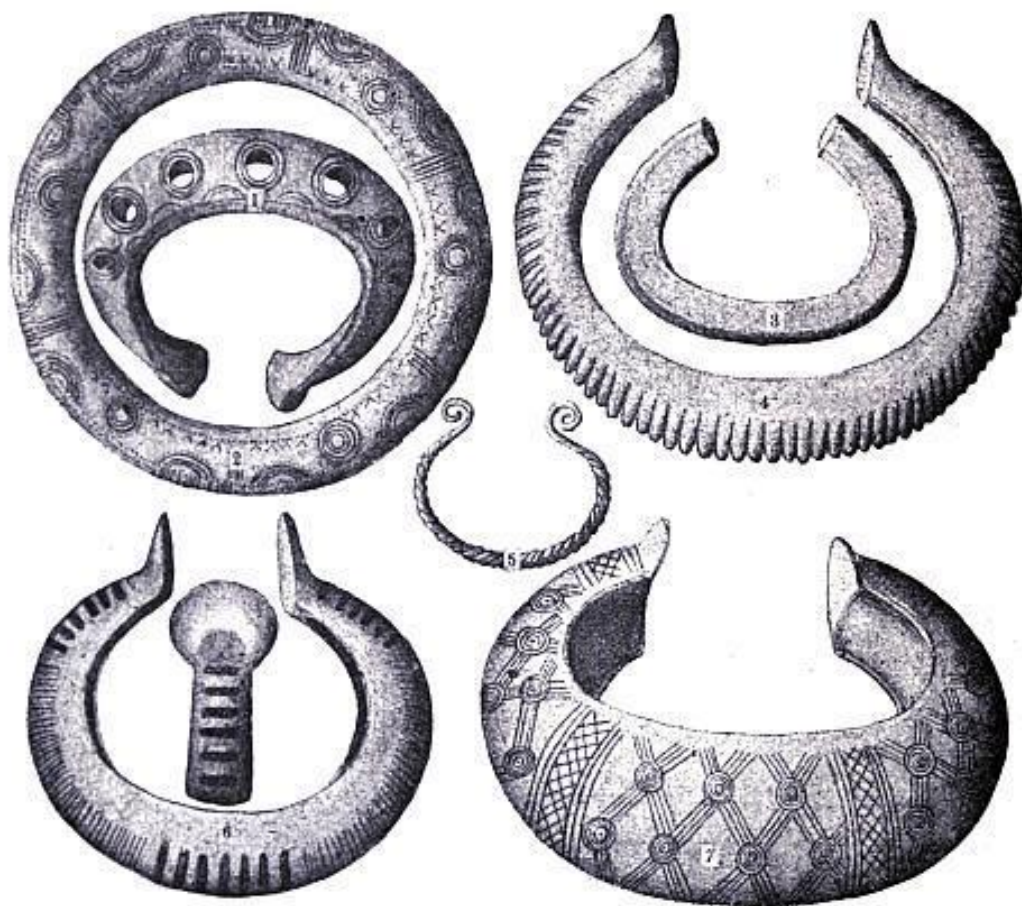

Рис. 188.—Бронзовые и оловянные браслеты. Все $\frac{1}{2}$ в натуральную величину.

Ожерелья, образованные нанизыванием вместе бусин из различных материалов, подобные тому, что представлено на рис. 11, № 1, вероятно, были распространенным методом личного украшения; но, конечно, они редко встречаются, за исключением отдельных бусин. Массивные кольца для шеи, или накладки, встречаются крайне редко, их общее количество, зафиксированное в озерных жилищах бронзового века, составляет менее полудюжины. Все

они одного типа и похожи на две иллюстрации, приведенные на [рис. 10](#), № 3, из Кортайо и на [рис. 63](#), № 19, из Пескьеры.

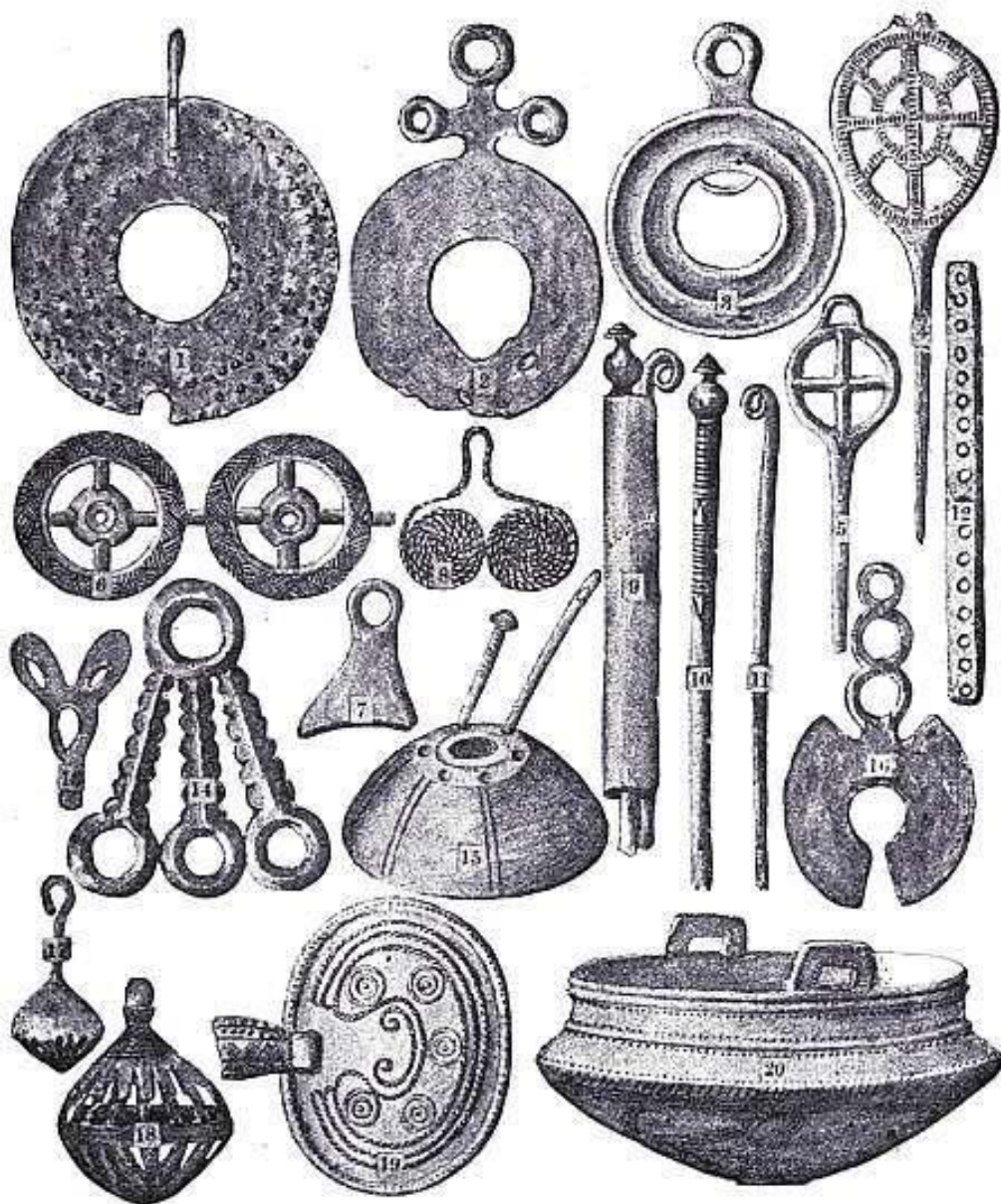

Рис. 189.—Подвески, Украшения и т.д. из бронзы и олова. Номера с 1 по 3 и с 17 по 20 = $\frac{1}{3}$, а остальные = $\frac{2}{3}$ реального размера.

Фибулы были не такой редкостью, как торки, и, по-видимому, они были примерно одинаково распределены по территории, населенной озерами, как к северу, так и к югу от Альп. Хотя они хорошо представлены в Пескьере, их существование в настоящих отложениях террамары все еще является предметом споров среди археологов. При взгляде на различные примеры, приведенные на наших иллюстрациях ([рис. 3](#), № 20; [рис. 6](#), № 4, 9 и 10; [рис. 12](#), № 4, 12, 14 и 26) и т.д., будет видно, что они занимают промежуточное место между прямой булавкой и более развитыми и замысловатыми формами, обнаруживаемыми среди реликвий более поздних эпох.

Булавки являются наиболее распространенными предметами среди промышленных остатков озерных жилищ, общее количество которых, найденных только на швейцарских станциях, составляет примерно более 10 000. Их основной функцией было украшать волосы,

но, без сомнения, некоторые использовались для других целей, таких как крепление одежды, и поэтому они заняли место фибул. Они чрезвычайно разнообразны по размеру и стилю изготовления, бывают всех сортов, от дюйма до 30 дюймов в длину, и от простой ножки без украшений с простым набалдашником вместо головки до богато украшенных образцов, столь многочисленно представленных на наших иллюстрациях, таких, например, как с массивными головками в виде полого шара (рис. 13, № 12), или чашечки (рис. 3, № 9), или расширенного диска (рис. 10, № 24). У некоторых было свободное кольцо вместо головы, к которому в некоторых случаях были прикреплены обрывки цепей (рис. 3, № 6). В озере Бурже было найдено несколько экземпляров с плоскими головками в форме колеса (рис. 189, № 4 и 5).

Бронзовые гребни довольно широко представлены как в наземных, так и в озерных жилищах. Они почти всегда маленькие, с одним или двумя рядами зубьев. В коллекции Gross представлены застёжки для поясов, подобные той, что представлена в Бурже (рис. 20, № 25), а также несколько других, немного отличающихся по форме. Пуговицы, запонки, цепочки, кольца для пальцев из одной или нескольких витков, серьги, стеклянные и янтарные бусы также настолько многочисленны и широко распространены, что показывают, что они были не просто исключительными предметами среди обитателей озера.

На нескольких швейцарских станциях было найдено несколько бронзовых блюд, всего не более дюжины. Они имеют форму маленьких чашечек из ковanej бронзы с широким горлышком, с ручками или без них, и часто украшены слегка выступающими набалдашниками ручной работы (рис. 10, № 20) или похожи на маленькие кувшины из литой бронзы (рис. 3, № 22 и рис. 6, № 2). Фрагменты более крупных блюд, таких как этрусские ситуте, сделанные из тонких листов, склепанных вместе, с массивными ручками, также скрепленными заклепками, были найдены в Воллисофене (рис. 4, № 17 и 22).

Золото встречается редко, а предметы, как правило, мелкие или фрагментарные. В таком состоянии образцы драгоценного металла находятся среди реликвий из Нидау, Мерингена (рис. 189, № 8), Овернье, Консиса, Кортайо, Монтилье, Воллисофена, озера Бурже и др. Несколько предметов сделаны из олова, наиболее часто встречающимися являются маленькие колесики с четырьмя, пятью или восемью спицами, которые зафиксированы на нескольких станциях, фрагмент кольца и браслета из Монтилье (рис. 188, № 3), небольшой брусок с 16 отверстиями из корсета (рис. 189, № 12) и подвеска из Овернье (№ 7), небольшой крест с озера Гарда (рис. 64, № 26) и т.д. Олово также представлено в небольших слитках и, как мы позже более подробно заметим, использовалось для украшения внутренней части различных фаянсовых блюд.

К этим промышленным объектам, многие из которых имели свои прототипы в каменном веке, мы должны добавить различные приспособления для осуществления металлургического искусства. Каменные наковальни уступили место бронзовым, и из них наиболее примечательна наковальня из Воллисофена (рис. 4, № 21). Формы обычно изготавливались из песчаника или затвердевшей глины, причем первые были наиболее многочисленными, и образцы их можно увидеть во всех коллекциях со станций как к северу, так и к югу от Альп. Следует напомнить, что две створки бронзовой формы для крылатого кельта были найдены в Моржах на очень ранней стадии озерных исследований (рис. 17, № 8). В течение многих лет это устройство оставалось единственным и уникальным примером формы такого типа, но теперь были найдены три других клапана, похожих на клапаны из Моржа, по одному на каждой из станций в Овернье, Корселетте и Эставайере (рис. 9, № 22). Тигли представлены в изобилии. Они бывают различных форм и размеров, иногда с цельной ручкой, как у Рохенхаузена и Сен-Блеза, а иногда с коротким выступом, имеющим отверстие, через

которое в качестве ручки можно было бы вставить деревянную палочку (**рис. 184**, № 3, и **рис. 45**, № 14). В качестве дополнительного доказательства того, что основатель практиковал свое искусство *на месте*, у нас есть различные записи о находках слитков меди, олова и свинца, а также шлака, бракованных отливок, нагара и отходов плавильных печей. В общей коллекции есть круглая лепешка из олова с маленьким кольцом для подвешивания, похожая на свинцовую лепешку из Воллисофена (**рис. 4**, № 23). Огромная масса меди в форме двойного кельта (**рис. 186**, № 10), вероятно, предназначалась для той же цели и вообще не использовалась в качестве орудия труда.

В коллекции доктора Эвана есть замечательный бронзовый нож (**рис. 190**) из Бурже, рукоятка и лезвие которого сделаны из цельной отливки, которая выглядит так, как будто ее только что извлекли из формы. Она, очевидно, не подвергалась последующей полировке и до сих пор сохраняет тонкий неправильной формы ободок по всей окружности, соответствующий месту соединения двух половин каменной формы.

Рис. 190.—Бронзовый нож ($\frac{1}{3}$).

Однако не следует предполагать, что я утверждаю, что все разнообразные предметы, найденные в *обломках* озерных жилищ, являются произведениями местного искусства; напротив, я полагаю, что существует множество предметов, особенно более сложных и орнаментированных, которые можно отнести к иностранным источникам. Но, с другой стороны, простое знакомство с обширным ассортиментом литейных материалов, особенно с разнообразием форм, в том числе для мечей (В. 282, Pl. liv. Рис. 2 и Б. 392, стр. xxix. Рис. 11), кинжалы, копья, ножи, серпы, всевозможные кельтские долота, браслеты, пряжки, булавки, кольца, диски и т.д., не оставляют сомнений в том, что домашняя промышленность по изготовлению бронзы была обширной и искусно выполнялась. Действительно, мастерство и изобретательность, проявленные при изготовлении такого разнообразия предметов, могут только вызвать наше удивление. Как была изготовлена серия сложных и массивных колец из литой бронзы, представленных на **рис. 10**, № 1, действительно остается загадкой. Модель такого предмета, сделанная из воска, если ее замочить в мягкой глине, а затем затвердеть под воздействием тепла, чтобы расплавить воск и, таким образом, дать ему возможность вытечь, могла бы снабдить создателя необходимой формой. Но то, что именно этот метод был принят основателем lacustrian, конечно, является всего лишь предположением.

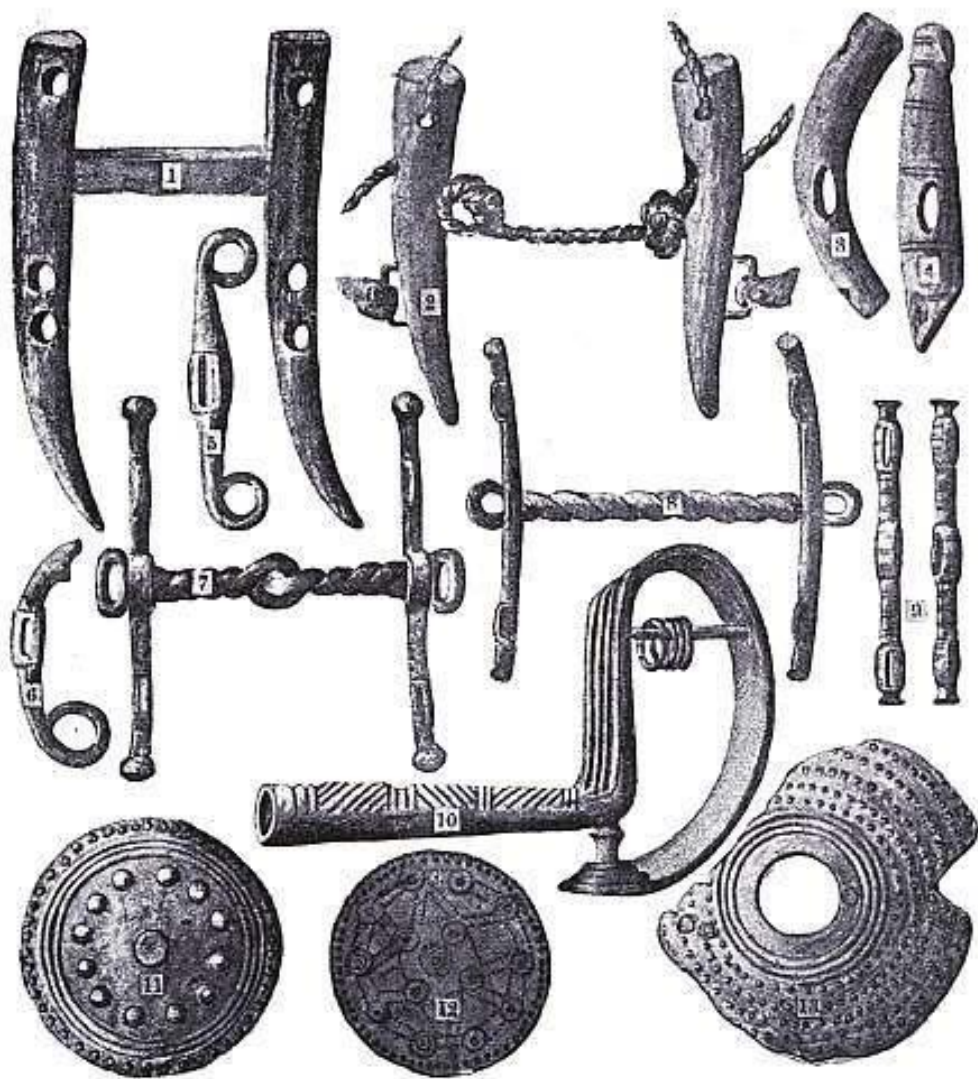

Рис. 191.—Уздечки, лошадиная сбруя и т.д. Все $\frac{1}{3}$ в натуральную величину. В

Тому, что лошадь была теперь одомашнена и находилась под контролем озерных жителей, у нас есть весьма косвенные доказательства в виде находок уздечек, различных украшений для сбруи и даже колеса и других креплений колесницы или биги. В течение многих лет некоторые любопытные и тщательно отполированные части рога длиной от 4 до 7 дюймов с тремя или более отверстиями, одно в центре, а другое на концах, были среди необъяснимых реликвий стоянок бронзового века (рис. 191, № 3 и 4). Отверстия в этих предметах имели изношенный вид, и было замечено, что направление центрального отверстия всегда находилось под прямым углом к отверстиям на концах. Однако их использование оставалось полной загадкой до 1872 года, когда в Мерингене была обнаружена удивительно тонкая и хорошо сохранившаяся бронзовая лошадиная удила (№ 7). Сходство этих роговых предметов с боковыми частями бронзовых удила привело к предположению, что они были аналогичными частями лошадиных удила, сделанных из рога. Последующее открытие нескольких других бронзовых наконечников, все того же типа, постепенно укрепило это мнение; но какие бы сомнения ни оставались относительно их функции, теперь они развеяны открытием в Корселетте в 1888 году цельного образца, сделанного из двух зубцов оленьего рога с поперечным мундштуком из кости (№ 1). Из найденных до настоящего времени бронзовых уздечек целыми являются только три, но есть несколько отдельных боковых и центральных частей со стоянок Нидау, Мерингена, Овернье, Корсетта и Эставайера (№ 5, 6 и 9). Следует заметить, что все приведенные здесь примеры (которые включают в себя самые

разнообразные формы), хотя и отличаются некоторыми деталями, относятся к одному и тому же типу. Единственное заметное различие между двумя целыми образцами заключается в том, что у одного (№ 7) мундштук разделен посередине, тогда как другой (№ 8) представляет собой один цельный кусок. Этот последний был найден в Корсете и сейчас находится в музее Лозанны. Третий цельный образец, который также был найден в Корсетах, судя по иллюстрации (В. 462), идентичен № 8.

По словам доктора Гросса, № 7 был изготовлен в одну отливку, что доказывает совершенство обработки бронзы. Все эти образцы удил, насколько можно судить по ширине мундштука, указывают на очень маленьких лошадей: у № 7 расстояние между боковыми частями составляет 3½ дюйма, а у № 8 - менее 4 дюймов.

Вся уздечная часть рога еще меньше, всего 2½ дюйма в ширину. Это так описано доктором Бриером (В. 461):—

"Cette intéressante pièce, en parfait état de conservation, se compose de 2 branches en bois de cerf, percées chacune de 3 trous évidés à la partie supérieure sur une profondeur de 3 centimètres et mesurant 18 centimètres de longueur, reliées entre elles par la barre du mors qui est en os et mesure exactement 7 centimètres entre les 2 branches. Cette barre en os est creuse et pour assujettir la pièce aux branches, on a enfoncé de petits coins en corne de cerf pour combler le vide et pour la rendre solide."—*Antiqua*, 1888, p. 37.

Судя по частоте, с которой отдельные боковые части уздечек, сделанные из рога, были найдены почти на всех бронзовых подставках, не менее 12 из которых сейчас хранятся в Мюнхенском музее в Штарнберге, а 14 - в музее Лозанны в Корсетах, лошадь, должно быть, была обычным явлением среди озерных жителей. Следует также помнить, что подобные предметы были найдены в терремаре, и доктор Карло Бони считает, что вместо жесткого мундштука использовался кусок веревки, как показано в п. 2.

Существуют различные другие предметы, которые, как предполагается, использовались в качестве украшений для конской сбруи, такие как *фалеры* или бронзовые диски, кольца, набалдашники и т.д. Первые (№ № 11-13) часто слегка выпуклые с одной стороны и украшены кружочками или маленькими шишечками, сформированными при повторной обработке, а с другой стороны есть небольшая петелька для их закрепления. Несколько дисков из рога и кости, особенно из Штарнберга (рис. 36, № 24 и 30), предполагают аналогичное использование.

Два любопытных бронзовых предмета (рис. 191, № 10), найденные на восточном берегу озера Невшатель, один в Шевру, а другой в Эставайере, вместе с частью полый трубки с орнаментом аналогичного стиля, долгое время оставались необъясненными. Однако в сочетании с бронзовым колесом, найденным в Кортайлоде (рис. 10, № 17), доктор Келлер показал, что это были ручки и часть верхнего ограждения этрусской биги или боевой колесницы. (В. 336.)

Использование длинных медных штырей с рукоятками, похожими на мечи (*Себельнадельн*), найденных на станциях Воллисофен (рис. 4, № 9 и 10), Гроссер-Хафнер (рис. 2, № 32) и Великий город Моржес, еще недостаточно изучено. В 1886 году майор В. Трельч, [137] в записке Обществу антропологии в Берлине обратил внимание на тот факт, что в музее в Донауэшингене хранился предмет того же рода, который был найден в Бургвалле (*Лагерплац*) на Хознхевен, "эйнем дер вулканический замок в Берлине". Хегау - бей Синген". Объект, описанный таким образом майором В. Трельчем, в точности похож на тот, что изображен на рисунке Гроссера Хафнера (рис. 2, № 32). Его общая длина составляет 16½

дюйма, из которых штифт занимает 13 дюймов, а клеммное кольцо - $1\frac{3}{8}$ дюйма. Ножка имеет квадратное сечение, и в этом отношении она соответствует образцам, найденным в Цюрихе и Морже. Впоследствии доктор Л. В. Рау,[\[138\]](#) Г-н Р. Форрер,[\[139\]](#) и г-н Хейерли[\[140\]](#) предоставил Обществу некоторые дополнительные заметки об этих необычных орудиях, но не пришел к какому-либо соглашению относительно их функции.

Рис. 192.—Бронзовое зеркало из Порт-Албана ($\frac{1}{3}$).

В дополнение к этим бронзовым реликвиям, столь подробно описанным и проиллюстрированным на предыдущих страницах, существует множество предметов, которые не могут быть отнесены ни к одной из предыдущих рубрик, поскольку их использование неизвестно. Предполагается, что фрагменты маленьких полых шариков использовались в качестве детских погремушек. В Мерингене были найдены образцы керамики, два из которых, находящиеся сейчас в музее в Берне, по-прежнему совершенны ([рис. 193](#), № 9). Оба предмета украшены орнаментом и содержат внутри кусок затвердевшей глины, который при встряхивании издает звенящий звук. В музее Цюриха также находится небольшая подвеска из Мерингена, похожая на колокольчик, который сейчас используется на конской сбруе ([рис. 189](#), № 17). Доктор Гросс (Б. 392, с. 75) описывает аналогичный предмет, найденный в Овернье ([рис. 189](#), № 18), как шкатулку для духов (cassolette). Среди более поздних находок - предмет, представленный на [рис. 192](#), который предположительно является частью зеркала, подобного тем, которые так часто встречаются среди этруских и римских останков. (Б. 420, с. 167.) Мы уже отмечали, что на нескольких шотландских крэнногах были найдены несколько тонких камней, тщательно отполированных и круглых или квадратных, которые, как предполагается, использовались для той же цели. Эти камни, смоченные водой и рассматриваемые при определенных условиях освещения, ни в коем случае не являются плохой заменой более совершенным отражающим зеркалам наших дней.

Эти великие новшества, следовавшие за металлами, вряд ли могли не повлиять на такое пластическое искусство, как гончарное. Соответственно, мы находим более качественную пасту, большее разнообразие и элегантность форм, а также определенный подход к систематическому оформлению. Существует одна новая форма, весьма характерная для нашей эпохи, которая, если бы не чрезвычайная элегантность и гармония всех ее частей,

можно было бы предположить, что она указывает на ретроградное движение. Это была маленькая ваза в форме бутылки с водой, которая, имея коническое основание, не могла стоять вертикально на плоской поверхности без какой-либо опоры. Предполагается, что эта опора представляет собой глиняное кольцо (рис. 2, № 2, 5 и 31), большое количество которых было найдено на стоянках бронзового века. В конечном счете были введены красящие материалы, которые значительно усилили эффект орнаментации посуды. Помимо систематических узоров повторяющихся геометрических фигур, образованных линиями на мягкой глине, мы иногда находим похожие узоры, нанесенные на поверхность сосудов с помощью тонких полосок оловянной фольги, приклеиваемых с помощью чего-то вроде жевательной резинки или асфальта. Сосуды, с которыми манипулировали таким образом, имели чрезвычайно изящные формы и были сделаны из тонкой пасты с гладкой черной поверхностью. Этот обычай был особенно распространен на озере Бурже, но образцы были найдены и в некоторых других озерах, таких как Нидау, Отерив, Кортайо, Монтилье, Эставайер и т.д., Но в Восточной Швейцарии он встречается крайне редко. На рис. 193 я показал несколько дополнительных образцов керамики. № 1 - это четверть блюда в форме молочной тарелки с небольшим плоским основанием. Он перфорирован группами отверстий, расположенных систематически, как показано на рисунке, а внутренняя сторона украшена несколькими вырезанными кругами. Это блюдо, или, скорее, кофеварка, была найдена в озере Бурже и являлась частью коллекции мистера Рабута, которая сейчас находится в Британском музее. Другая кофеварка аналогичной формы и размера, с иным орнаментом и с небольшим изменением расположения сгруппированных отверстий, была найдена в Монтилье и изображена Келлером. (Б. 126, Стр. 26.) № 2 представляет четверть блюда той же формы, что и вышеупомянутое, но без отверстий. Его внутренняя часть украшена полосками оловянной фольги (здесь они представлены белым цветом), создающими удивительно сложный дизайн. Это блюдо было найдено в Кортайлоде и сейчас находится в музее Шваба вместе с чрезвычайно красивой вазой с широким горлышком, также из Кортайлода, внешняя сторона которой украшена аналогичным орнаментом. В последнем случае верхняя часть сосуда окружена небольшими панелями с различным рисунком, состоящими из кругов, линий и крестов. (См. Б. 126, Стр. xvi. 1.) № 6 - ваза с коническим основанием из Готерива, также украшенная таким же образом. Глядя на эти сосуды, украшенные оловом, трудно разобрать узоры, так как олово теперь еще чернее, чем керамика. Следовательно, на № 4 и 5, оба из которых с озера Бурже, олово представлено темными линиями. № 3 представляет собой фрагмент керамики, ныне хранящийся в музее в Экс-ле-Бене, который показывает, как чинили разбитую посуду, пропуская два или три слоя жесткой травы или тростника через отверстия с каждой стороны трещины. После того, как фрагменты были таким образом собраны воедино, один из тростников был закручен по спирали вокруг других, очевидно, для защиты их от износа. Оставшийся номер. (7-10) иллюстрируйте некоторые игрушечные тарелки и детские игрушки из Мерингена и Овернье.

Рис. 193.—Образцы керамики бронзового века. Номера 1 и 2 = $\frac{1}{4}$, а остальные = $\frac{1}{2}$ реального размера.

Веретенообразные завитки бронзового века обычно изготавливаются из фаянса и часто сильно орнаментируются, что свидетельствует об улучшенном вкусе людей.

Среди наиболее примечательных предметов, характерных для бронзового века, - определенные полированные камни в форме круглых или овальных дисков с краевой канавкой ([рис. 194](#)). Раньше эти камни считались камнями для пращи, но теперь они широко известны как гончарные орудия, используемые, вероятно, для придания формы основаниям посуды.

Рис. 194.—

Дискообразный
камень ($\frac{1}{3}$).

Факты, изложенные на этих страницах, указывают на множество проблем, заслуживающих тщательного рассмотрения, но в этом кратком обзоре я могу лишь бегло коснуться одной или двух. Прежде всего, мы должны выяснить, совершали ли озерные жители религиозные обряды. В подтверждение положительного ответа на этот запрос есть несколько указаний, и несколько объектов, поддающихся такой интерпретации, проиллюстрированы на [рис. 195](#). В эту категорию я включаю следующее:—

(1) Сильно орнаментированные деревянные палочки или *батоны командования*, из Кастиона (№ 1 и 2) и из Мерингена (№ 3). Единственный идеальный пример (№ 1) имеет длину менее шестнадцати дюймов, а остальные, по-видимому, не были больше.

(2) Четыре замечательные бронзовые трубки с кольцевыми отростками с озера Бурже (Грезин). Они, хотя и различаются по размеру и некоторым другим параметрам, все одного типа и были четко задуманы и изготовлены по единому плану и для какой-то определенной цели. Наиболее совершенный из этих предметов ([см. стр. 102](#)) кажется законченным и состоит из декоративной трубки, окруженной тремя рядами фиксированных петель, по три в каждом ряду, расположенных на одинаковом расстоянии друг от друга, и к каждой петле прикреплены три свободных кольца, как показано на иллюстрации (№ 4). На двух ранее проиллюстрированных ([рис. 21](#), № 1 и 2) в каждой из девяти петель только по одному кольцу, и не похоже, что их было больше. Четвертый, ныне хранящийся в музее в Шамбери, почти такого же размера, как идеальный; но он сильно поношен, и сейчас на нем сохранилось всего несколько колец, некоторые петли разорваны или протерты насквозь. Это проиллюстрировано Перреном. (Б. 282, Стр. lxiv. 1.)

(3) Декоративные почковидные кольца (*Schwurring*) из Морджеса и Тонона ([рис. 17](#), № 2 и 3) не могли использоваться в качестве браслетов, и доктор Форель предполагает, что они аналогичны *крестцовой складке*, на которую древние германцы обычно клали руки, собираясь принести торжественную клятву. (Б. 286, с. 46.)

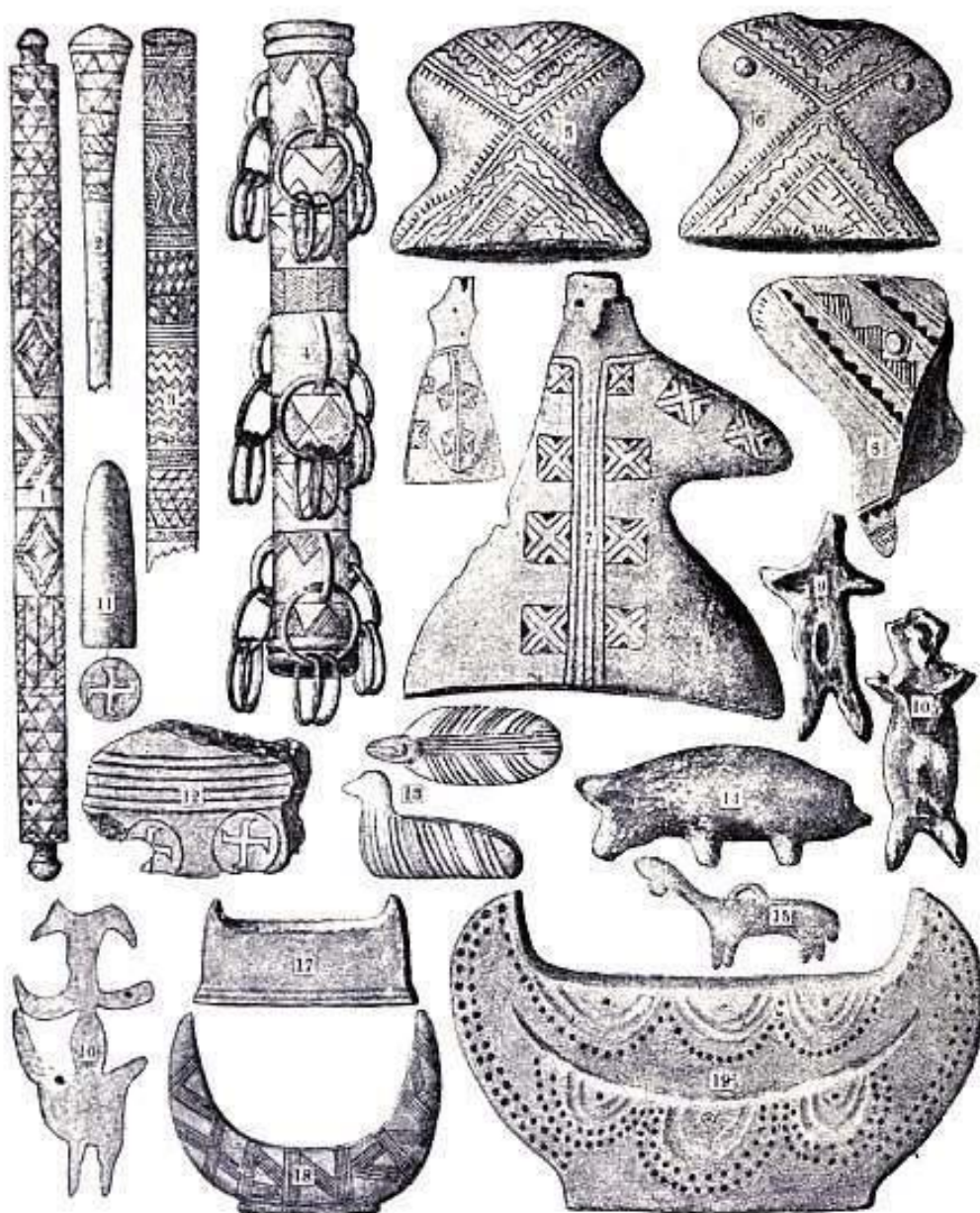

Рис. 195.—Предметы, наводящие на мысль о религиозных идеях. Номера 4, с 9 по 13, 15 и 16 = $\frac{1}{2}$; с 1 по 3, с 5 по 8, 14 и 19 = $\frac{1}{4}$; и 17 и 18 = $\frac{1}{8}$ реального размера.

В музее в Брауншвейге, в Германии, я заметил три таких кольца, одно из которых почти идентично кольцу из Моржа, отличаясь от него только деталями орнамента; но об их истории и происхождении, похоже, ничего не известно. Другой находится в Гражданском музее в Турине, а также большое круглое кольцо, подобное тому, что было на озерной станции в Воллисофене (**рис. 188**, № 2), оба из которых были изображены Гастальди. (В. 294, Стр. xii.) Я считаю более вероятным, что эти большие круглые кольца, хотя обычно считаются браслетами, использовались для той же цели, что и почковидные кольца. Среди предметов доисторической и римской коллекции древностей в Санкт-Ульрике, в Регенсберге (Ратисбон), есть большое полое кольцо из бронзы, украшенное тремя линиями концентрических кругов, наружный диаметр которого составляет шесть дюймов, а внутренний - три дюйма, таким образом, на толщину кольца остается один с половиной дюйма. Он был найден вместе с несколькими другими вещами в доримской могиле (Хюгель-граб) недалеко от Вельбурга.

(4) Глиняные изображения животных, найденные на нескольких станциях в разных частях района обитания озер, а также на терремаре (**рис. 84**, № 23 и 24), и особенно человеческие изображения из Лайбаха, вероятно, являются идолами. На **рис. 195**, наряду с четырьмя глиняными фигурками с озер Невшатель и Бурже (№ 9, 10, 13 и 14), я представляю две бронзовые фигурки (№ 15 и 16), которые я заметил в коллекции Бодманна в музее Штайнхаус в Юберлингене. Один из них, очевидно, использовался как кулон, а другой, по-видимому, предназначался для человека. Глиняные фигурки из Лайбаха (№ № 5-8), хотя и фрагментарные, несомненно, являются изображениями человеческого тела. На рисунках № 5 и 6 изображены туловище самки сзади и спереди, в то время как на рисунке № 7 изображено человеческое тело с выступающим носом. Эти две фигуры полые внутри и богато украшены снаружи узорами, которые, как предполагается, являются имитацией вышитых одежд. Другая из этих человеческих фигур из Лайбаха, а также изображение небольшого животного представлены на **рис. 42**, № 11, 23 и 24.

Необычайное количество орудий труда и осколков нефрита, найденных в Маурахе, и такое же преобладание кремневых отходов и орудий труда на всех стадиях изготовления на некоторых других станциях, таких как Вальхаузен, Нуссдорф и т.д., Наводят на мысль, что различные отрасли промышленности, которыми занимались жители озерных деревень, уже развились до такой степени, что стали локализованными в определенных центрах. Опять же, локализация определенных отраслей промышленности в виде продуктов питания в одном месте, льна на различных подготовительных стадиях в другом, полного набора литейных инструментов в третьем и т.д. - все это указывает на знание и практику принципов разделения труда.

О том, что озерные жители поддерживали торговые отношения с зарубежными странами, свидетельствует наличие у них материалов, не только характерных для отдаленных или ограниченных территорий, таких как янтарь, нефрит, кремнь и т.д., Но и определенных предметов, имеющих такие особенности формы или стиля орнаментации, которые позволили опытным археологам проследить их первоначальную эволюцию. Так, в Корсетах были найдены декоративное бронзовое блюдо и часть малоберцовой кости (**рис. 189**, № 19 и 20), в которых Монтелиус, увидев их в музее в Лозанне, сразу признал северное происхождение. (Б. 348.) Доктор Келлер также показал, как уже говорилось, что определенные бронзовые предметы, найденные в озере Невшатель, которые долгое время оставались загадкой для археологов, принадлежали этрусской повозке или биге. Несколько фибул, найденных в швейцарских озерных жилищах, также были прослежены до их естественной среды обитания в Северной Италии.^[141] Кремневые ножи в форме полумесяца, столь характерные для Скандинавии и Северной Германии, были найдены на юге вплоть до Мондзее, и один единственный представитель (**рис. 34**, № 20), который сейчас находится в Музее естественной истории в Штутгарте, как говорят, прибыл со станции Шуссенрид.

Одним примечательным фактом о распределении озерных жилищ является то, что их реликвии соответствуют по стилю, орнаменту и общим характеристикам современным древностям в окружающих районах; и я не нахожу в их промышленных остатках никаких особых признаков, которые объединяли бы озерных жителей в единый клановый народ. Легко видеть, что реликвии озерных жилищ каменного века в Северной Германии тесно связаны с реликвиями скандинавской археологической области. Какими бы ни были первоначальные сходства и точки соприкосновения основателей, вскоре они были изменены и адаптированы к физическим условиям и требованиям окружающей среды.

О том, что выращиванию домашних животных в бронзовом веке уделялось постоянное внимание, свидетельствуют их костные останки, которые были критически исследованы такими компетентными органами, как Рютимейер (В. 42), Штудер (В. 404), Ульман (В. 336) и другими. В то время как у озерных жителей раннего каменного века в качестве домашних животных были только один небольшой вид собаки, небольшой бык, рогатая овца и коза, мы обнаруживаем, что к концу этого периода и в течение последующего бронзового века были выведены не только новые и крупные породы, но и к списку добавилась еще одна, а именно: лошадь. Судя по останкам домашней лошади, найденным в Мерингене и других местах, это было маленькое животное с тонкими конечностями и маленькими копытцами, и в целом оно значительно уступало дикой лошади, на которую охотились и употребляли в пищу пещерные люди времен палеолита, прямым потомком которых оно, как предполагается, было. При раскопках канала Аар были найдены кости более мелкой или домашней лошади, связанные с бронзовыми предметами, не менее чем в девяти различных местностях, все из которых соответствуют приведенным выше характеристикам. (Б. 404.) Лошадь терремара, по словам профессора Штробеля, обладает теми же признаками, что и швейцарские озерные обитатели, и, как мы уже видели по уздечкам и другой конской сбруе, не может быть никаких сомнений в том, что она также находилась в стадии одомашнивания. Я могу также упомянуть, что Рютимейер после самых тщательных размышлений предположил, что череп, найденный в Овернье, принадлежит ослу. Профессор Штробель также опознал костные останки осла в терремаре. (В. 389b.) Овцы значительно отличались от своей более ранней формы и потеряли большую часть своего козлиного облика, став теперь крупнее и развившись в различные породы. Еще более разнообразными были породы крупного рогатого скота, особенно в окрестностях озер Бьенн и Невшатель. *Bos primigenius*, по-видимому, был приручен и скрещен с более ранним типом, дав начало множеству пород, таких как *трокоцерос* и *фронтозус*, у одной из которых были широкие ветвистые рога, о чем свидетельствуют ее останки, найденные в Консисе, Шевру, Локре и др. Маленькая собака каменного века (*Canis domesticus palustris*, рут.) уступила место гораздо более крупному виду, чем-то напоминающему нашу современную борзую. Домашняя свинья также, по-видимому, прошла через различные эволюционные фазы, но дикий кабан все еще сохранял свою индивидуальность нетронутой. Доктор Ульманн в своем отчете о костных останках из Гроссер-Хафнера в Цюрихе (В. 336) описывает три разновидности свиней, а также три разновидности крупного рогатого скота.

За исключением домашней птицы и ручной кошки, домашние животные, выращиваемые обитателями озера, были похожи на тех, что сохранились сейчас. Нет особых изменений и в том, что касается диких животных и птиц, преобладавших в то время. Животные, которые сейчас часто встречаются в высокогорьях Альп, такие как сурок, серна и дикий козел, очень редки в озерных жилищах, что свидетельствует о том, что природа уже поместила их в зону их нынешнего обитания. В целом, с появлением более совершенного оружия бронзового века последовало, согласно Рютимейеру, заметное уменьшение относительной доли обычных диких охотничьих животных и соответствующее увеличение доли домашних пород. Огромные дикие быки, урусы и бизоны, совсем исчезли из окрестностей.

Однако, несмотря на тщательные исследования профессора Хира, такие прогрессивные достижения в сельском хозяйстве не заметны в растительных остатках. (Б. 123.) С самого начала колонисты, живущие на озере, выращивали лен, две или три разновидности ячменя и пшеницы, просо и горох. Единственными добавками, которые, по-видимому, были внесены в бронзовый век, были овес (*Avena sativa*) и карликовая полевая фасоль (*Faba vulgaris*) поразительно маленького размера. С другой стороны, мы должны отметить отсутствие озимой пшеницы, ржи, конопли и большей части кулинарных и огородных овощей. Фрукты и

ягоды в основном использовались в пищу, но нет никаких свидетельств того, что они были выращены. Среди них были выявлены следующие: —яблоки, груши, сливы, терн, один или два вида вишни, малина, ежевика и клубника, лещина и буковые орехи, водяные каштаны, мак и т.д. Виноградные косточки из Вангена были нерешительно включены профессором Хиром в составленный им список плодов из озерных поселений; но, как уже упоминалось, теперь это сомнение рассеяно находкой виноградных косточек в Стакборне, другой стоянке каменного века. Виноградные косточки были рано обнаружены среди *обломков* виноградников озера Гарда, а совсем недавно г-н А. Гойран идентифицировал косточки оливы (*Oleo europæa*) и персика.[142]

Хлеб готовили только из пшеницы и проса, причем последнее обычно содержало немного зерен пшеницы и льняного семени. Лепешки, приготовленные из семян мака, также были найдены в Робенхаузене.

Различные части костных останков человека, включающие череп и другие части скелета, были найдены на нескольких станциях, таких как Мейлен, Воллисхофен, Гроссер-Хафнер, Шаффис, Суц, Локрас, Винельц, Нидау, Вовиль, Бебекс, Инсел-Верд и др. Все эти останки были более или менее критически исследованы и описаны Вирховом (В. 305 и 433), Штудером (В. 419 и 432) и Коллманом (В. 420), но, несмотря на ряд тщательных измерений и научных изысканий, эти ученые придерживаются противоречивых мнений относительно расы или рас людей, населявших озерные жилища. Доктор Штудер отстаивает теорию Тройона о том, что с появлением бронзы возникла и новая раса людей, и это мнение он основывает на том факте, что в Суце и Винельце были найдены два вида человеческих черепов, а именно *брахицефальные* и *долichoцефальные*, тогда как на станциях чисто каменного века были встречены только *брахицефальные* черепа. Сегменты верхних частей человеческих черепов, предположительно использовавшихся в качестве чашек для питья, были найдены в Герлафингене (Б. 392, с. 107), Суце, Шаффисе и Локрасе, а из последнего также был извлечен череп с круглой частью, как будто производилась трепанация. (Б. 336, с. 31.)

Хотя в настоящее время довольно точно установлено, что в эти доисторические времена трепанация практиковалась еще в каменном веке,[143] не похоже, что этот череп из Локраса (В. 336, Стр. v. 28) подвергался операции при жизни человека. Предполагается, что кругляшки, вырезанные из черепов, использовались в качестве амулетов, и их часто можно встретить в захоронениях того периода. Из озерных жилищ были зафиксированы два таких объекта; один из кратких (**рис. 185**, № 20)[144] имеет две небольшие перфорации для подвешивания, а другой, с одним отверстием, изображен доктором Гроссом. (В. 392, Pl. xxiii. 65.) На колонне Траяна изображена дакийская деревня с человеческими черепами, насаженными на шесты перед стенами. (Б. 164.) Таким образом, находка черепов представителей другой расы в озерных жилищах может быть объяснена предположением, что они были трофеями их врагов, а не тех, кто занимал озерные жилища. Анатомические выводы из нескольких обнаруженных длинных костей скелетов указывают, насколько позволяют данные, на то, что люди бронзового века были небольшого роста — вывод, который также подтверждается небольшим размером рукоятей мечей и другого оружия того периода.

Профессор Вирхов в пространном обзоре краниологии швейцарских озерных жителей приходит к следующим выводам (Б. 433, с. 300):-

(1) Достоверно известно, что на стоянках чисто каменного века существовали только черепа брахицефалов.

(2) В переходный период известны как брахицефалы, так и долихоцефалы.

(3) В период полной бронзы черепа более склонны к долихоцефальному типу.

(4) Жители Ла-Тена имели весьма смешанный характер, среди которых, однако, преобладали брахицефальные типы.

Выдающийся берлинский антрополог считает, что в бронзовом веке к первоначальным обитателям озера постепенно присоединился новый народ, но не как единая великая иммиграция, ниспровергающая прежний порядок вещей. Это мнение, по-видимому, в значительной степени подкрепляется сопутствующими обстоятельствами. Мы уже видели, как постепенно бронза распространилась среди обитателей озера. Нигде не обнаружено никаких насильственных нарушений прежних условий жизни. Первоначальная система строительства озерных деревень остается точно такой же, и единственные изменения таковы, что могут быть объяснены использованием более совершенных орудий труда. Озерные жилища бронзового века построены на большей глубине и, следовательно, дальше от берега, чем жилища каменного века, а сваи более тонкие, часто стержни разделены на две или четыре части. Штейнберги, по-видимому, были сняты с производства или использовались только на твердом и каменистом берегу, в который нелегко было вбивать сваи. Места расположения последних деревень находятся на той же земле, что и самые ранние, или в непосредственной близости от них. Остатки коттеджей все те же, а именно. куски штукатурки со следами круглых бревен и несколько камней для очага. С озера Бурже найдены куски глиняной штукатурки с этим изображением, украшенные вырезанными линиями и оттисками групп концентрических кругов (рис. 21, № 15) или свастики (рис. 195, № 12). Также из того же места найдены фрагменты глиняных труб, внутренности которых почернели от сажи, предположительно это были небольшие дымоходы (рис. 184, № 8).

В Восточной Швейцарии и долине Дуная количество станций значительно сократилось в бронзовом веке, в то время как на Женевском озере их количество скорее увеличилось, а на озере Бурже восемь станций относятся почти исключительно к этому периоду.

Станции в Лайбахе, Мондзее, Аттерзее и Шуссенриде прекратили свое существование в Переходный период, и к востоку от Боденского озера только одна, а именно. то, что происходило в Штарнбергерзее, продолжалось и в бронзовом веке. В озерах Констанца, Цюриха, Невшателя, Мората и Бьенна их численность также значительно сократилась; но, с другой стороны, они занимали большие площади и демонстрировали большую концентрацию в отдельных населенных пунктах, часто у истоков озер.

Только в 1876 году были обнаружены какие—либо могильные останки, имеющие отношение к вопросу о том, как озерные жители избавлялись от своих мертвецов. В этом году несколько рабочих, занятых рытьем фундамента для дома в окрестностях места обитания озерных обитателей в Овернье, примерно в 50 ярдах от берега, наткнулись на большую каменную плиту размером 5 на 4 на 4 фута, которая оказалась крышкой каменного гроба, содержащего останки 15 или 20 скелетов. Могила была сооружена обычным способом, установив по краям четыре больших флага, которые образовывали ее борта, а поверх них в качестве покрытия был положен пятый. Эти вертикальные флаги были сделаны из гранита и гнейса, а самый большой имел размеры 6 ¼ футов в длину, 6 футов в ширину и 11 дюймов в толщину. Прямоугольное пространство, огороженное таким образом, имело размеры 5 футов 3 дюйма в длину, 3 фута 8 дюймов в ширину и 5 футов 10 дюймов в глубину. Доктор Гросс, который руководил расчисткой от его содержимого, утверждает, что тела были уложены вокруг могилы в сидячем положении, головами к стенам, а ступнями к центру. Снаружи от этого

гроба, с двух его сторон, был еще один ряд вертикальных плит, которые образовывали две камеры меньшего размера, и в одной из них также были человеческие кости.

Реликвии, связанные с этим захоронением, состояли из нескольких перфорированных зубов (кабана, медведя и волка); небольшого полированного костяного диска с отверстиями (рис. 196, № 3); двух маленьких каменных кельтов — один с отверстием для подвешивания на конце напротив режущей кромки. Из бронзовых предметов, найденных на самом деле в могиле, их было всего три, а именно. простая булавка длиной 6 ¼ дюйма (№ 1), маленькое кольцо (№ 6) и бусина, похожая на медную (№ 2).

В шести футах к востоку от этой могилы и примерно на такой же глубине рабочие впоследствии наткнулись на скелет ребенка, просто зарытый в землю без какого—либо каменного гроба, а рядом с ним были найдены следующие предметы: - Две пары маленьких овальных браслетов (№ 4 и 5), любопытная подвеска в виде гвоздика (№ 7) и янтарная бусина.

Два человеческих черепа были отправлены Рютимейеру, который объявил, что они относятся к *tribu de Sioni* идентичны тем, которые он уже исследовал в нескольких озерных жилищах в Нидау, Мейлене, Робенхаузене и Вовиле.

Из этих данных следует, что гробница Овернье относилась к переходному периоду. (Б. 286.)

В 1876 и 1877 годах недалеко от набережной в Монтре было найдено несколько захоронений, некоторые с каменными урнами, некоторые без них, а вместе с ними были связаны различные реликвии, такие как браслеты (№ № 10 и 11), заколки для волос (№ № 12 и 13), керамика, украшенная геометрическими фигурами (№ 14), кремневые ножи, небольшой каменный полумесяц и лошадиный зуб, намного меньший, чем у нашей современной лошади. (Б. 336.) Снова, в 1884 году, рядом с тем же местом было обнаружено еще несколько гробниц, в которых были найдены предметы бронзового века, а именно. бронзовая булавка, шесть бронзовых браслетов (№ 8 и 9) и две или три урны (*Антиква*, 1884, стр. 101).

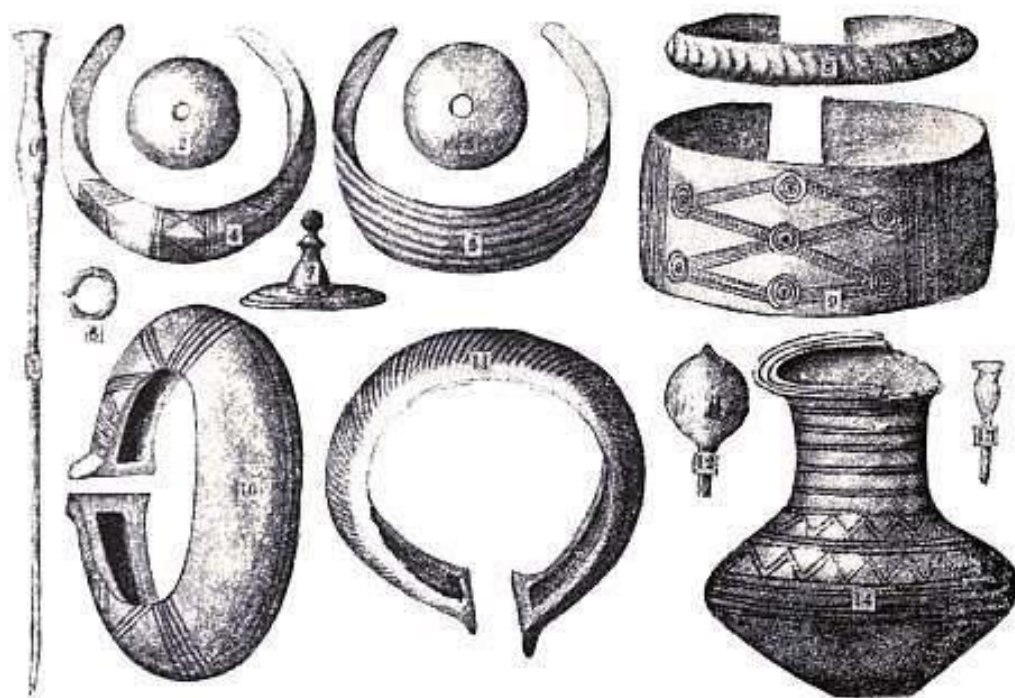

Рис. 196.— Предметы из гробниц озерных жителей бронзового века.
№ 14 = $\frac{1}{5}$, а остальные = $\frac{1}{2}$ реального размера.

Доктор Ф. А. Форель (В. 286, с. 48) описывает "озерные кладбища" в окрестностях Моржа и Сен-Прекса. В первой группе в каменных гробницах было найдено несколько скелетов, у одного из которых к костям все еще прилипали два браслета. "Ces bracelets," says Dr. Forel, "qui sont actuellement au musée cantonal de Lausanne, et à la bibliothèque de Morges, appartiennent incontestablement par leur beau travail et leur ornementation riche et très-caractéristique à la belle époque du Bronze, à l'époque de la grande cité de Morges." На кладбище близ Сен-Прекса было найдено около тридцати скелетов, захороненных в свободной земле, и с ними были связаны некоторые бронзовые украшения (старинные браслеты, браслеты шево, анно и т.д.), Которые, по словам доктора Фореля, бесспорно принадлежали к белому веку бронзы. Более того, в том же самом месте, почти регулярно чередуясь со свободными захоронениями, находились урны с пеплом и древесным углем. В одной из этих урн (все еще сохранившейся на дату описания доктора Фореля, 1876 год) диаметром 6 с половиной дюймов и высотой 5 дюймов были представлены все характерные черты керамики озерных жилищ бронзового века.

Здесь интересно отметить связь двух способов захоронения на одном и том же кладбище. То, что обе системы были распространены в Швейцарии, по крайней мере, еще в переходный период, недавно было показано г-ном Хейерли в его описании "Eine Gruppe prähistorischer Gräber" и "Vorrömische Gräben im Kanton Zürich". В результате этих исследований он доказывает, что сожженные тела были захоронены под насыпями, связанными с глиняными сосудами, которые были украшены точками, линиями и следами от веревочек, точно подобными тем, что были на сосудах, найденных в Винельце.

В качестве дальнейшего вклада в эту тему у нас есть доисторические могилы в Шамбланде, недалеко от Пулли, которые, по словам покойного Мореля-Фатю, который их описывает (В. 377),^[145] принадлежали обитателям озера каменного века. По-видимому, земледелец, копая фундамент дома, наткнулся на ряд древних могил на глубине шести или семи футов, образованных четырьмя плитами, установленными по краям, с пятым в качестве покрытия.

Вместе с каждым скелетом было найдено по 40 отщепов от бивней дикого кабана, проткнутых на каждой конечности. В одном скелете была обнаружена морская раковина, также пронизанная двумя отверстиями. В следующем году в том же месте были обнаружены другие подобные захоронения, и на этот раз их содержимое было исследовано более тщательно. По бокам были установлены четыре флага с дополнительным в качестве покрытия. В среднем эти кисты измеряли метр в длину и половину этого в ширину и глубину, но были отмечены одна или две меньших величины. Когда находили один скелет, он всегда лежал ногами на восток. Однако в одном из скелетов было четыре скелета, и в этом случае головы располагались по четырем углам. Что касается положения груди, то было обнаружено около 40 кабаньих зубов с двойным отверстием, которые, должно быть, были прикреплены к одежде. Кроме них, там было несколько перфорированных раковин и две порции красящего вещества, одна желтая, а другая красная. В другой гробнице был обнаружен полный скелет, на шее которого лежали пять морских раковин с двойными отверстиями, а возле головы - четыре кусочка желтой и красной материи и два амулета из человеческих черепов. В этой могиле были разбросаны бусины, которые выглядели как янтарь, но, по мнению некоторых, были коралловыми. В одной могиле лежал сферический камень-молоток, слегка приплюснутый; в другой был продырявленный прекрасно сделанный топор из змеевика длиной 6 с половиной дюймов; в третьей, принадлежавшей ребенку (27 на 13 дюймов), были три маленьких плоских круглых камешка, похожих на неперфорированные веретенообразные завитушки, уложенные в форме треугольника, а в одном из углов могилы было немного древесного угля и фрагментов обгоревших костей.

Согласно мистеру Морел-Фатио, все, что было найдено в этих захоронениях, имело свои точные аналоги в ранних озерных жилищах, таких как Шевру. Неподалеку, в Пьерра-Порте и Шатлар-сюр-Лютри, были обнаружены другие захоронения каменного века, которые также, по его мнению, принадлежали озерным жителям (*озерникам*).

IV В.—ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК.

При рассмотрении характерных черт железного века нам приходится иметь дело с еще более сложными проблемами. В действительности в Центральной Европе нет озерных жилищ раннего железного века, свидетельствующих о переходном периоде, который, как мы видели, имел место между каменным и бронзовым веками; и, действительно, нет ничего такого, о чем можно было бы сказать, что они являются продолжением большой системы свайных жилищ, которые так широко преобладали в более ранние времена. Несомненно, железо проявляется в нескольких предметах, характерных для бронзового века, таких как несколько мечей и браслетов, инкрустированных декоративными полосами из этого материала, но нет никаких инструментов или оружия из железа, аналогичных тем, которые характерны для бронзового века. Никакого переходного периода, подобного тому, который мы находим в реликвиях из могил в Халльштадте, где железо как бы конкурирует с бронзой. Напротив, в швейцарских озерных поселениях обработка железа предстает в состоянии великого совершенства. Немногие предметы, найденные на их стоянках, в основном относятся к ла-тенскому типу, который, как мы видели, полностью отличается по характеру, изготовлению и стилю орнаментации от всего, что было известно в предыдущие эпохи. На некоторых станциях мы находим не только латенские образцы, но и римские изразцы, керамику и монеты, и даже предметы еще более позднего периода, такие как галло-римские, аллеманишские и меровингские останки. Так, в Штарнберге у нас есть железные наконечники двух копий, подкова и замечательный нож ([рис. 37](#), № 1). В ходе исследований, проведенных зимой 1864-5 годов на Юберлингерзее, доктор Лахманн зафиксировал следующие железные предметы с бронзовой станции Унтер-Ульдингена: — один наконечник

копья, пять наконечников стрел, один топор, два долота, 12 лезвий ножей, два серповидных предмета, один кинжал-нож, одно кольцо, одну треугольную пластину с прикрепленным кольцом, одну малоберцовую кость, одну булавку, часть обоюдоострого меча, короткий меч с деревянной рукоятью, вилку, штамп, пару ножниц, клещи и т.д. - во всех 40 объектах. Также в Сипплингене были найдены три наконечника стрел, два серпа, один наконечник копья, меч с обоюдоострым концом и римский ключ. В музее во Фридрихсхафене находится несколько предметов из железа, вывезенных из Ульдингена, а именно. два ножа, похожих на секаторы (*hippen*), топорик-молоток, малоберцовая кость (*La Tène*) длиной 9 дюймов, два гарпуна, несколько наконечников стрел, шесть подков, один кинжал и крюк для пояса. Еще более интересны осколки тонкого стекла, найденные на обеих этих станциях, а также на Рауэнегге в Констанцском заливе. Один кусочек этого стекла серо-зеленоватого цвета был украшен золотой эмалью. По мнению господина Хофрата Клемма из Дрездена, это стекло относится к шестому или седьмому веку. В. 378.)

В Цюрихском озере на станции Гроссер-Хафнер были найдены железный наконечник копья, подобный тем, что были найдены в Ла-Тене, римские изразцы и керамика, известная как *terra sigillata*, а также монеты времен Августа, Тверии, Веспасиана и т.д., что позволяет отнести станцию к концу первого века христианской эры. Из Нидау и Суца есть несколько любопытных железных наконечников для копий, а из Шевру - трехзубый гарпун, идентичный аналогичным предметам из Ла-Тена (рис. 13, № 15). Меринген принес железные удила, железный меч (*La Tène*), любопытную железную вилку и т.д. На южной стороне острова Святого Петра, в озере Бьенн, полковник Шваб нашел среди некоторых куч предметы каменного, бронзового и галло-римского периодов, а также 40 римских монет. Оттуда же в Бернском музее хранится железный топорик с деревянной рукояткой типа *La Tène* (рис. 197). На нескольких станциях на озере Невшаталь время от времени появлялись подобные объекты. В озере Морат в Греинге, Фауге, Гево и Мотье были найдены железные предметы и римские останки. Также нож, лезвие которого было частично из железа, частично из бронзы (рис. 14, № 1).

Рис. 197.—Железный топор с частью деревянной рукояти ($\frac{1}{3}$).

Железные предметы также время от времени находили на нескольких станциях на Женевском озере, например, в Плонжоне и Морже; в последнем из них доктор Форель обнаружил ряд серпов различной формы, некоторые из которых были похожи на серпы из

Ла-Тена. В озере Бурже был найден нож с бронзовой ручкой и железным лезвием (Международный конгресс, Париж, стр. 266), а также керамический предмет с выбитым на нем именем *Северинус*. (Б. 176, стр. 24.) В музее Шамбери хранится большой железный наконечник копья, инкрустированный широкими линиями меди или бронзы из этого озера (рис. 198), который очень похож на тот, что был найден возле Пон-де-ла-Тиле.

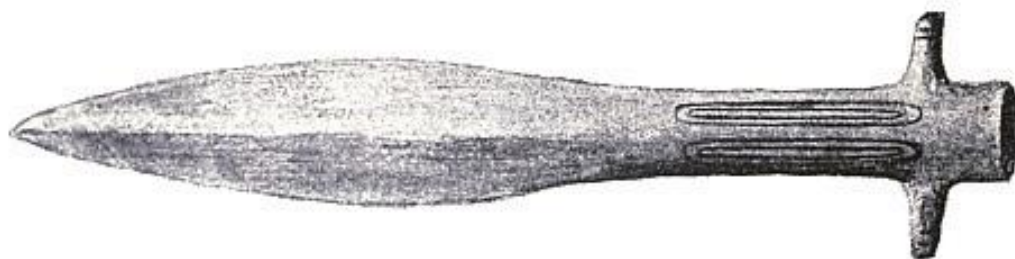

Рис. 198.—Железное копье, украшенное бронзой (около $\frac{1}{3}$).

Но во всех этих случаях присутствие железа настолько исключительно, что на них могут быть основаны только вероятные выводы. Большинство железных предметов, несомненно, имеют то же происхождение, что и предметы из Ла-Тена. Редкие бронзовые предметы с инкрустированными железными полосами, такие как несколько браслетов (Меринген, Овернье, Кортайо и корсеты) и один или два меча (Меринген), не должны вызывать удивления, если вспомнить, в какой степени торговые сношения, по-видимому, велись озерными жителями с восточными народами; и что и железо, и бронза использовались в Греции по крайней мере за 1200 лет до христианской эры, в то время как в Египте и Центральной Азии эти металлы были известны примерно на 1500 лет раньше. Между предметами, в которых железо используется в качестве украшения (все они выполнены в том же стиле, что и бронзовые предметы), и оружием Ла Тена существует большая пропасть, которую не преодолеть никакими реликвиями, найденными в озерных жилищах. Короче говоря, эволюционный этап между выплавкой бронзы и ковкой железа представлен здесь соответствующим *разрывом* между стилями искусства двух периодов, более разительным, чем тот, который отличает неолитические остатки промышленности от палеолитических.

Насколько я изучил эти вопросы, я могу только заключить, что с введением железа во всеобщее употребление в Швейцарии у нас появился новый народ, который покорила озерных жителей и нанес смертельный удар их системе озерных деревень. С тех пор эти деревни пришли в упадок, и в результате последовавшего всеобщего разрушения эти орудия труда La Tène, возможно, были завезены захватчиками. Во времена Римской империи здесь сохранились лишь руины нескольких станций. Ясно установлено одно: завоеватели озерных жителей обладали полным знанием обработки железа на всех ее этапах. Важным моментом здесь является не дата открытия этого металла, а его применение для изготовления всего оружия и режущих инструментов. Маловероятно, что столь сложное искусство, требующее такого большого металлургического и технического мастерства, как выплавка и ковка железа, возникло внезапно; и, следовательно, мы должны искать его место рождения и этапы эволюции в другом месте. Замечательная коллекция оружия, орудий труда и украшений, найденных в Ла-Тене, на которую я специально обратил внимание в предыдущей лекции, дает нам поразительную картину металлургического мастерства, которого достигли их владельцы до какого-либо влияния римского искусства. Археологи считают эти древности настолько важными, что название La Tène теперь стало общим выражением и представляет особую группу, которую как по форме, так и по стилю орнаментации нельзя спутать ни с какой другой, греческой, римской, этрусской или

финикийской. Кто были эти новоприбывшие в Швейцарию, которые так внезапно вторглись к мирным обитателям озера? На этот вопрос нет ответа из черепов и других частей человеческих скелетов, найденных в Ла-Тене. Из десяти черепов, представленных профессору Вирхову, он обнаружил, что пять были брахицефальными и два долихоцефальными, в то время как остальные три имели промежуточные черепные индексы. Поэтому мы должны вернуться к характеру древностей; и с этой целью я предлагаю вам несколько типичных примеров этой замечательной группы (**рис. 199**), взятых из различных источников, чтобы показать их полную идентичность с древностями из оппидум-Ла-Тене. Удовлетворившись этим, я быстро окидываю взглядом географическую область, в которой найдены такие предметы, с целью показать, какому народу они принадлежали.

При прокладке большой дороги из Берна к мосту Тифенау в 1849-50 годах рабочие наткнулись на большое количество оружия и орудий труда из железа, которые, хотя и сильно проржавели и сгнили, могут быть четко идентифицированы как принадлежащие группе Ла Тен. Эти предметы, ныне хранящиеся в музее в Берне, состоят из обломков оружия, кольчуг, колесниц, уздечек, лошадиных костей, керамики тонкой и грубого помола, около тридцати денежных знаков (*massaliotes et celtiques*), стеклянных бус, железных и бронзовых пуговиц, серпов, ножей, топориков и т.д. Все эти предметы, которые были перемешаны самым разным образом примерно в двух-трех футах под поверхностью, не имели вида обычного захоронения и поэтому считаются *обломками* поля битвы. Объекты, насколько их можно разглядеть, описаны и изображены бароном де Бонштеттенем в его "Дополнении к исследованию античных суиссов", 1860 год" и "Обратите внимание на оружие и колесницы в борьбе с Тифенау, 1851 год".

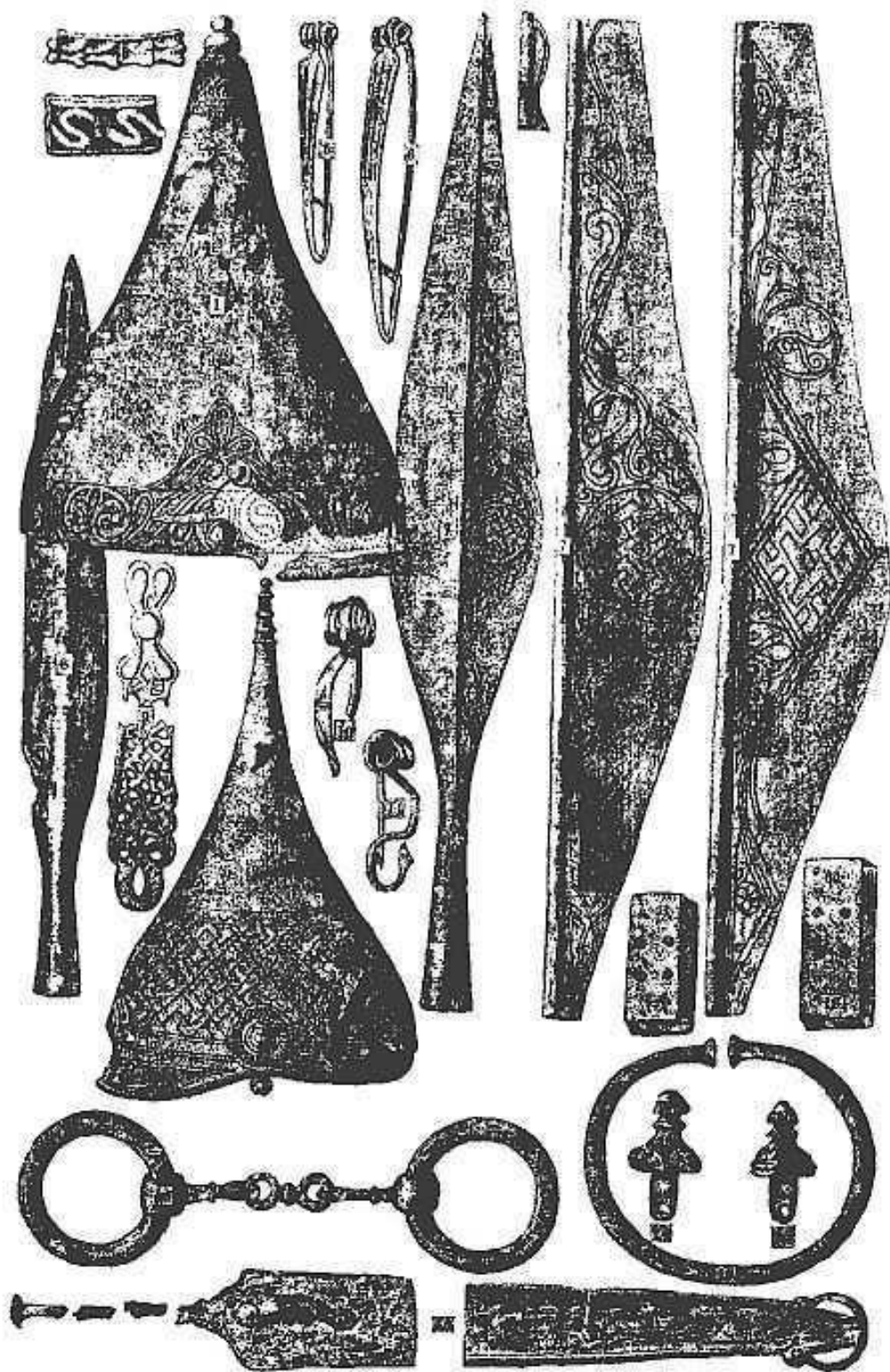

Рис. 199.—Объекты типов La Tène для сравнения. Номера 1, 7, 8, 12 и 16 = $\frac{1}{4}$; 2 = $\frac{1}{6}$; а остальные (включая рисунки на № 7) = $\frac{1}{2}$ реального размера.

Во время раскопок для "Исправления О-дю-Юра" было сделано несколько замечательных открытий, особенно при углублении и выпрямлении нижнего Тиля между Нидау и Мейенридом. Непосредственно ниже деревни Порт были обнаружены обломки свайной деревни, о которой я уже упоминал. Над этой деревней земснаряды наткнулись на ряд свай, которые, как заключил доктор В. Фелленберг, были опорами моста. Эти груды были толщиной от 8 до 12 дюймов, и рядом с ними было собрано более 100 видов оружия эпохи Ла

Тен, включая мечи, копья и т.д. Другой населенный пункт находился немного ниже Брюгга, где были обнаружены следы двух мостов, один из которых относился к галло-римскому периоду, а другой, предположительно, более позднего времени. Рядом с первым была собрана большая коллекция древностей, включающая предметы не только ла-тенского типа, но и другие этрусского и римского происхождения. Среди предметов Ла Тена, собранных во время этих операций, - мечи и ножны (один из последних сделан из бронзы), наконечники копий, топоры, серпы и т.д., которые идентичны изображениям из Ла Тена. Один из наконечников копья украшен вырезанными линиями, образующими два рисунка, по одному на правой стороне каждой поверхности, как показано на [рис. 199](#), № 7.

Во Франции аналогичные древности были собраны на полях сражений гальветико-Романо, таких как Ализе Сен-Ренн (Алезия Цезарская) и Мон-Бевре (Бибракте), а также в некоторых захоронениях на севере Франции, особенно в долинах Марны и Об. Некоторые из этих могил, очевидно, были местом последнего упокоения галльских вождей и содержали в дополнение к телу полный набор военного снаряжения. Для сравнения я привел здесь несколько иллюстраций этих находок. № 1 представляет собой знаменитый бронзовый шлем, известный как *Casque de Berru*, описанный Бертраном, который особенно интересен из-за орнамента, который на нем изображен.[\[146\]](#) № 2 - похожий шлем, украшенный своеобразной резьбой, и вместе с ним в той же могиле было найдено множество предметов, оружия, украшений, бронзовые крепления лошадиной сбруи и обломки колесницы.[\[147\]](#) Некоторые из них проиллюстрированы здесь, а именно. железное копье (№ 8), меч и ножны для него из железа (№ 16), две бронзовые фибулы (№ 10 и 11), золотой браслет (№ 13), бронзовые удила (№ 12) и несколько образцов крепления колесницы (№ 14 и 15) и сбруи (№ 9).

Характерные находки этого периода также были обнаружены в Савойе, на Альпийских перевалах и в Северной Италии. В музеях Болоньи, Эсте, Милана, Турина и др. хранится содержимое многочисленных воинских захоронений, на которых безошибочно видны характерные мечи, ножны и другие предметы ла-тенской цивилизации. Однако его центральным домом, по-видимому, были районы среднего и верхнего Рейна, Баден, Бавария, а также на восток, в Богемию и Лайбах. На севере единичные примеры встречаются вплоть до Балтийского моря.

Одна из самых важных находок этого вида в Европе была обнаружена, исследована и описана около десяти лет назад.[\[148\]](#) Недалеко от деревни Страдонич в Богемии есть усеченное возвышение, известное под названием "Берг-Градишт", на которое из-за крутизны его склонов можно попасть только с одной стороны. По своей природе это скалистое возвышение превосходно приспособлено для размещения военного лагеря, и то, что оно было занято в таком качестве в доисторические времена, очевидно из массы промышленных остатков всех эпох, найденных на разной глубине на его вершине. Среди них, однако, наибольшее количество было ла-тенского типа, включая большое количество денег, точно похожих на те, что были найдены на Ла-Тене. Золотых изделий было особенно много, около 200 были найдены в одном месте. Другие были из серебра и потина, некоторые имитировали монеты Филиппа Македонского, а на других были оттиски фантастического коня с длинным хвостом и рогом ([рис. 92](#), № 5-8). Римские монеты также присутствовали, но их было очень мало. Среди промышленных и декоративных останков были фрагменты стеклянных браслетов желтого, синего или красного цвета (№ № 3 и 4), клещи, торки, гротескные фигурки голов животных, железные топоры, уздечки и т.д. Более 100 игровых костей (№ 17 и 18). Характерные малоберцовые кости были из железа и бронзы, однако преобладали первые. Здесь я поместил рядом две бронзовые фибулы, совершенно

одинаковые, за исключением размеров, одна (№ 5) из Ла-Тена, а другая (№ 6) из Градишта. Первый назван в честь Вуги (В. 428, Стр. xvi. 17), который описывает его как относящийся к типу Халльштадта и, вероятно, более древнего происхождения, чем обычные объекты Ла-Тена. Присутствие двух предметов, столь похожих по стилю и орнаменту, в таких отдаленных местностях не только доказывает, что это распространенные в то время формы фибул, но и становится ярким подтверждением современности оппидум-Ла-Тене и оккупации лагеря на Градиште. В том, что это были одни и те же люди, занимавшие оба места, не может быть никаких сомнений.

Неоднократные вторжения галлов в Северную Италию до ее завоевания римлянами, о которых так часто упоминают классические авторы, были убедительно подтверждены недавними археологическими исследованиями. На кладбищах Беначчи, Вилланова и Марцаботто, в окрестностях Болоньи, галльский элемент уже некоторое время признается многими наиболее компетентными археологами. Во время раскопок в Беначчи были обнаружены три серии могил на разной глубине, содержимое которых ясно доказывает, что это были кладбища разных рас. Первыми, или самыми верхними, были захоронения римского периода. Под ними находилась группа из двенадцати могил, которые, судя по длинным железным мечам и характерным фибулам, найденным вместе с телами, теперь повсеместно признаны кельтскими или галльскими. Под ними, опять же, находилась третья группа, которая во всех отношениях соответствовала этрусскому кладбищу Вилланова.^[149] Хелбиг относит дату кельтских захоронений в Марцаботто к концу пятого или началу четвертого века до нашей эры (В. 335, стр. 35.)

В 1878 году Кастельфранко исследовал кладбище в Сольдо, в районе Брианца, на котором, среди прочего, он нашел следующие реликвии: —Бронзовую малоберцовую кость и железный нож, в точности похожие на те, что были найдены здесь в жилище на озере Штарнберг (рис. 36, № 22 и рис. 37, № 1); железные ножницы, подобные тем, что были найдены в Ла-Тене: кельтская серебряная монета; ваза со словом VITILIOS, нацарапанным грубым *граффити*, которую Фабретти приписывается кельтскому источнику ("La direi celtica per la desinenza, будь чистым в соответствии с формой"). См. В. 343, стр. 6-28 и текст i.

Совсем недавно (1886) тот же автор описал несколько групп кладбищ, разбросанных по Ломбардии, особенно на левой стороне реки По, в которых он нашел характерные образцы ла—тенской цивилизации - мечи, копья, ножи, фибулы, пилы, ножницы, узловатые кольца и т.д.^[150]

Во время более ранних открытий предметов этого своеобразного этапа искусства существовало значительное расхождение во мнениях относительно людей и периода, к которому их следует отнести. "Находка" Тифенау была отнесена г-ном Альбертом Яном к древним гельветам ("Кантон Берн"), в то время как барон де Бонштеттен отнес ее к германским расам, вторгшимся в Гельвецию в четвертом веке. М. Вешер де Реффье, описывая находки в древней крепости Алезия, приписал оружие, найденное в траншеях, которое оказалось того же характера, что и оружие из Ла-Тена, гельветам.^[151] Основываясь на этом предположении, Дезор выразил мнение, что латенское железное оружие и другие орудия труда были завезены в Швейцарию гельветами, которые были родом из Германии и вошли в страну как завоеватели. Доктору Келлеру, очевидно, предвзятому из-за своего предвзятого представления о том, что озерные жилища каменного и бронзового веков были созданы кельтами, было трудно поверить, что развитая цивилизация Ла-Тене была прямым эволюционным продуктом бронзового века; но все же он не согласился бы с мнением, что эти цивилизации указывают на разные расы.

Но, возможно, наиболее важный вклад в эту тему внес мистер Фрэнкс,^[152] который продемонстрировал путем анализа стиля орнамента вместе с множеством исторических ссылок, касающихся обычаев древних кельтских рас, что только им следует приписывать замечательные останки, о которых идет речь. Несколько дополнительных упоминаний о более поздних открытиях, представленных здесь, только укрепляют это мнение. В моих исследованиях британских озерных жилищ почти единственным примером, в котором были обнаружены аналогичные останки, является "находка" в Лиснакрогере; но распространенность таких древностей в Британии примерно со второго века до нашей эры до введения христианства, когда спиралевидный и трубообразный орнамент был изменен и в значительной степени вытеснен добавлением переплетений, была настолько полно установлена мистером Фрэнксом, что по этому вопросу говорить больше нечего.

Из этих замечаний вы видите, что мы относимся к классу древностей (описанных и проиллюстрированных в "Horæ Ferales"), которым мистер Фрэнкс дал название "позднекельтских". Владельцами этого латенского оружия в Швейцарии были гельветы, известные римляне, которые, согласно Цезарю, были ветвью великой кельтской семьи, которая так долго господствовала над остальными арийскими расами и чья цивилизация только сейчас ведет смертельную борьбу в отдаленных районах Западной Европы. Кем были эти кельты - вопрос, который до сих пор ставит в тупик историков, филологов и археологов. Термин "позднекельтский" достаточно ясен и, как мы видели, точно определяет наиболее замечательную группу древностей; но он обязательно включает в себя аналог, а именно "раннекельтский" период, в отношении которого ни один археолог не высказал никакого мнения, кроме простого предположения. До моих прогулок среди руин и реликвий озерных деревень у меня не было причин сомневаться в правильности мнения, выдвинутого и обнародованного покойным доктором Келлером, а именно. что первые обитатели озера принадлежали к кельтской расе. Я не думаю, что археология поддерживает это мнение. Если "позднекельтские" реликвии правильно представляют кельтов того периода, они, должно быть, были расой крупного телосложения, владеющей большими мечами с массивными рукоятками, что совершенно не соответствует ручному оружию бронзового века, найденному на местах озерных поселений. Несколько указаний, полученных из данных, предоставленных исследованиями обитателей озер, наводят на мысль, что эволюция кельтов в Европе совпадает с заменой железа бронзой при изготовлении более важных режущих инструментов и оружия, и что более ранние стадии этого перехода можно обнаружить значительно восточнее рейнских районов - как, например, в Халльштадте.

Высказывая свое мнение относительно первоначальных основателей озерных жилищ в Центральной Европе, я бы сказал, что они были частью первых иммигрантов эпохи неолита, которые проникли в страну из регионов, окружающих Черное море и побережье Средиземного моря, и распространились на запад вдоль Дуная и его притоков, пока не достигли великих центральных озер. Здесь они основали ту замечательную систему озерных деревень, руины и реликвии которых сейчас извлекаются как бы из другого или забытого мира. Те, кто последовал за Дравом и Сейвом, вошли в Штирию, где основали свои поселения на месте, которое тогда было большим озером в Лайбахе. Отсюда они пересекли горы и попали в долину По, где основали не только свайные деревни, но впоследствии и терремаре. Дунайские скитальцы, достигнув верховьев Дуная, пересекли нагорье через Шуссенрид и прибыли на берега Боденского озера, откуда они быстро распространились по низменным районам Швейцарии. От озера Невшатель, все еще продолжая двигаться на запад, они достигли долины Роны через Морж, где построили одно из своих самых ранних и крупных поселений. От Женевского озера у них был легкий доступ к озерам Анси и Бурже.

Стоит отметить, что почти единственные исторические упоминания о привычке строить жилища у озера, которые дошли до нас, относятся к районам вдоль этого предполагаемого маршрута. Следующая цитата из Геродота (ст. 16) дает яркое описание озерной деревни, которая процветала примерно за 500 лет до Рождества Христова. Упомянутое здесь озеро Прасиас расположено на юге Румелии, недалеко от устья реки Стримон, и довольно примечательный факт, который здесь зафиксирован, показывает, что его озерные жители были настолько могущественны, что успешно противостояли вооруженным силам персидской армии.

С другой стороны, те, кто жил около горы Пангейум и в стране доберов, агрианцев и одомантийцев, а также те, кто населял озеро Прасиас, не были завоеваны Мегабазом. Он действительно стремился подчинить себе обитателей озера, но не смог достичь своей цели. Их образ жизни следующий: —Платформы, поддерживаемые высокими сваями, стоят посреди озера, к которым с суши ведет единственный узкий мост. Сначала сваи, на которых держатся платформы, устанавливались на своих местах всеми гражданами; но с тех пор обычай, который преобладает при их установке, таков: их привозят с холма, называемого Орбелус, и каждый мужчина вбивает по три для каждой жены, на которой он женится. Теперь у всех мужчин по несколько жен на каждого, и так они живут. У каждого есть своя хижина, в которой он живет, на одной из платформ; и у каждого также есть люк, ведущий к озеру внизу; и они обычно привязывают своих младенцев за ноги веревкой, чтобы они не скатились в воду. Они кормят своих лошадей и других животных рыбой, которой в озере так много, что человеку нужно только открыть люк и опустить корзину на веревке в воду, а затем очень недолго подождать, пока она не наполнится рыбой".

Другое упоминание о жилищах у озера встречается в отрывке Гиппократ ("Де Эйбус" и др., xxxvii), а местность, к которой были применены эти замечания, лежит к востоку от Черного моря.

Что касается народа Фазиса, то этот регион болотистый и жаркий, полноводный и лесистый; и в любое время года там выпадают частые и сильные дожди. Жители живут на болотах, и у них есть дома из дерева и тростника, построенные посреди воды; и они редко выходят в город или на рынок, но плавают туда-сюда в лодках, сделанных из цельного ствола дерева, поскольку в этом регионе множество каналов. Вода, которую они пьют, горячая и застойная, разлагается на солнце и разбухает от дождей, а сам Фазис - самая застойная и тихотекущая из всех рек".

В работах недавних путешественников я нахожу утверждения, подтверждающие мнение, уже опубликованное доктором Келлером (В. 119, 2-е изд., стр. 666), о том, что остатки озерных жилищ были обнаружены в Малой Азии, особенно на Кавказе и в регионе между Черным и Каспийским морями. Еще в 1849 году Бавария обнаружила палафиттов в озере Гокчай и в озере Палеострум, недалеко от устья реки Рион (Фазис). Г-н Шантр утверждает, что на понижении озера Топорован, недалеко от деревни Чоуча в устье реки Кура, и в некоторых других озерах на побережье Черного моря были обнаружены признаки их существования.^[153] Однако ни один из них не был исследован в достаточной степени, чтобы представлять археологическую ценность.

В то время как озерные жители Швейцарии спокойно жили в своеобразных жилищах, которые гидрографические условия страны позволили им развить в столь значительной степени, в других местах среди неолитических поселенцев Европы происходили большие и прогрессивные изменения. Вероятно, другие иммигранты вскоре нашли свой путь на дальний запад и принесли с собой знания о бронзе. С течением времени произошли

значительные расхождения с первобытной цивилизацией, частично вызванные географическими и климатическими условиями, а частично - нововведениями, вызванными более свободным общением с обитателями берегов Средиземного моря. Тогда постепенно были заложены зачатки исторических национальностей Европы. Как раз на заре истории мы находим кельтов, не в лучах своего могущества, но с поблекшей силой и ушедшей славой, ограниченных ограниченной территорией в Европе. После распада великих озерных деревень нет ничего необычного в том, что знание системы сохранилось среди окружающих национальностей, которые впоследствии переросли в деятельность в различных спорадических уголках и породили не только шотландских и ирландских крэнногов, но и аналогичные остатки во Фрисландии, Северной Германии, Паладру и т.д. Как известно, что крупные вымершие млекопитающие обитали в глубинах горных хребтов и других уединенных местностях, так и искусственные острова, или трещины, и другие озерные поселения железного века являются всего лишь обветшалыми остатками обреченной системы, которая, как и любое умирающее искусство перед окончательным исчезновением, прошла стадию упадка и дегенерации.

БИБЛИОГРАФИЯ исследований обитателей озер в Европе

- 1.— 1822 г. Джеймисон, преподобный доктор, Отчет о некоторых остатках древности в Форфаршире (Дюйм королевы Маргариты, озеро Форфар). *Арка. Шотландец.*, том ii.
- 2.— " Вентури, Джамбаттиста. *Storia di Scandiano. Модена.*
- 3.— 1833 Мадж, У. Описание древнего сооружения, раскопанного в болоте Драмкилин, в приходе Инвер, графство Донегол. *Археология*, вып. xxvi.
- 4.— 1840 Уайлд, У. Р. Об останках животных и предметах старины, недавно найденных в Даншоглине, в графстве Мит. *Протокол R. I. A.*, том i.
- 5.— " Бриньоли, Дж. э. Реджи, Ферд. *Saggio di Storia Naturale degli Stati Estensi. Modena.*
- 6.— 1841 Seletti, Pietro. *Dissertazione storico-polemico-critica. Милан.*
- 7.— 1843 Г. Гиоцци, Андреа. *Controversie archeologiche patrie. Борго С. Донино.*
- 8.— 1845 Ширли, Э. П. Некоторые сведения о территории или доминионе Фарни в провинции и графстве Ольстер. *Лондон.*
- 9.— 1846 г. Ширли, Э. П. О краях и обнаруженных в них останках. *Арка. Журн.*, том iii.
- 10.— 1849 г. Тэлбот, Джеймс. Воспоминания о некоторых древних оружиях и орудиях труда, найденных в Лагоре, недалеко от Даншоглина, графство Мит. *Арх. Журнал.*, том vi.
- 11.— 1851 Келли, Денис Х. О некоторых древностях, недавно обнаруженных в озере Клунфри, графство Роскоммон. Граф Эннискиллен зачитал меморандум преподобного У. Смита Бернсайда о Крэнноге. *Протокол R. I. A.*, том v.
(a) Список древностей, найденных в озере Клунфри, подаренный Музею Академии Алонсо Лоудером, эсквайром. *Там же.*
(b) Список составлен У. Т. Малвани, эсквайром, со стороны Комиссара общественных работ Ирландии. *Там же.*

- 12.— 1852 Бернет, Дж. Х. Заметки о различных древних бронзовых сосудах и других любопытных предметах, недавно обнаруженных при осушении озера Лейс. *Proc. S. A. Scot.*, vol. i.
- 13.— " Малвани, Т. Дж. Меморандумы, касающиеся искусственных островов или частоколов в графствах Литрим, Каван и Монаган. *Протокол R. I. A.*, том V.
- 14.— 1854 Уэйкман, У. Ф. Ирландские древности саксонского периода. *Собирать. Antiqua*, vol. iii.
- 15.— " Keller, F. Die keltischen Pfahlbauten in den Schweizerseen. Тридцать три страницы с пятью иллюстрациями. *Перчатка. der Antiq. Ges. in Zürich*, bd. ix.
- 16.— " Rosa, Gabriele. Scoperte archeologiche nei laghi della Svizzera. *Il Crepusculo*, № 52.
- 17.— 1856 г. Банбери, С. J. F. Уведомление о некоторых явлениях, наблюдаемых при осушении водоема близ Ретэм-Холла, Норфолк. *Кварту. Журн. G. Soc.*, том xii.
- 18.— 1857 Уайльд, У. Р. О кранах. *Catalogue of Antiquities in the Museum of the R. I. A.*
- 19.— " Jahn, A., und Uhlman, J. Die Pfahlbau-Alterthümer von Moosseedorf im Kanton Bern. (Включая Берихта фон профессора А. Морлота, убер ден Зее фон Инквилья.)
- 20.— 1858 Бабингтон, Калифорния, на Вест-Мер, в Ретеме, недалеко от Тетфорда, в Норфолке. *Кэм. Antiq. S. (Communications)*, vol. i. стр. 339.
- 21.— " Маккинли Дж. Уведомление о двух "Кранногах", или частоколах, в Бьют, с планами. *Proc. S. A. Scot.*, том iii.
- 22.— " Келлер, Ф. Пфальбаутен. Zweiter Bericht. Сорок четыре страницы и три листа. *Перчатка. der Antiq. Гэс. Zürich*, bd. xii.
- 23.— " Meyer, H. Ueber die Pfahlbauten bei Wangen im unter Bodensee. *Анцайгер*, стр. 22.
- 24.— 1859 Уайльд, У. Р. Описание трех Краногов, или частоколообразных островов, открытых в графствах Литрим, Лонгфорд и Антрим. *Proc. R. I. A.*, том vii.
- 25.— " Ривз, преподобный доктор, Наблюдения над некоторыми пещерами в Ольстере (дополнение к статье доктора Уайлда). Рассказ о пещере Инишраш и ее древних обитателях. *Там же*.
- 26.— " Уилли, У. М. Об озерных жилищах ранних периодов. *Археология*, вып. xxxviii.
- 27.— " Тройон, Ф. Древние озерные поселения Швейцарии. *Ольстерский журнал. из Арх.*, том vii.
- 28.— " Тройон, Ф. Краткие обиталища озер. *Anzeiger*, стр. 64.
- 29.— 1860 Бенн, Ред. Наблюдения за ирландскими кранногами. *Journ. Кулк. Arch. Soc.*, vol. iii., 2nd S. (Табличка, иллюстрирующая объекты, описанные в этой статье, находится в vol. iv., 2nd S.)
- 30.— " Тройон Ф. Подробности открытий, сделанных в древних озерных поселениях Швейцарии. *Ольстерский журнал. из арх.*, вып. viii.
- 31.— " Troyon, F. Habitations lacustres des temps anciens et modernes. *Lausanne*.
- 32.— " Gilliéron. Notice sur les habitations lacustres du pont de Thielle. *Акты Соч.*

Юра. d'Émulation.

- 33.— " Morlot, C. A. Études géologico-archéologiques en Danemark et en Suisse. *Actes Soc. Vaud. des S. N.*, vol. vi.
- 34.— " Keller, F. Pfahlbauten. Dritter Bericht. Пятьдесят четыре страницы и семь листов. *Mitt, der Antiq. Гэс. Zürich*, bd. xiii.
- 35.— " Lindenschmit, L. Der Pfahlbau von Wangen. *Die Vater. Alt. der Furst. Hohenzollerschen Sammlung zu Sigmaringen.*
- 36.— " Rüttimeyer, L. Untersuchung der Thierreste aus den Pfahlbauten der Schweiz. *Перчатка. der Antiq. Гэс. Zürich*, bd. xiii.
- 37.— " Gastaldi, B. Selci lavorate, oggetti di bronzo ed in legno, trovati nella torbiera di Mercurago presso Arona. *Il Nuovo Cimento*, vol. xi.
- 38.— 1861 Desor, E. Quelques considérations sur les habitations lacustres des lacs de Suisse et d'Italie. *Almanach de Neuchâtel.*
- 39.— " Morlot, C. A. Fouilles à Concise. *Anzeiger*, no. 4, p. 68.
- 39a.— " Troyon, F. Rapport présenté à la commission des musées du Canton de Vaud. Четырнадцать страниц, с одной табличкой. *Extrait du 49e Bul. de la Soc. Vaud. des Sc. Nat.*
- 40.— " Keller, F. Pfahlbauten. Vierter Bericht. Тридцать четыре страницы и четыре листа. *Mitt, der Antiq. Гэс. Zürich*, bd. xiv.
- 41.— " Mörikofer, J. C. Die Pfahlbauten im Untersee. *Typr. Beŷm. für Vaterland. Geschichte*, bd. i.
- 42.— " Rüttimeyer, L. Die Fauna der Pfahlbauten in der Schweiz. С шестью тарелками. *Basel.*
- 43.— " Gastaldi, B. Cenni su alcune armi di pietra e di bronzo trovate nell' Imolese, nelle marniere del Modenese e del Parmigiano, e nelle torbiere della Lombardia e del Piemonte. Тридцать страниц. *Атти делла С. Им. ди Ск. Нац.*, том iii.
- 44.— " Штробель, П. Марньер. Автор впервые сообщает о существовании свай в террамаре Кастионе. *Gaz. ди Парма*, № 164.
- 45.— 1862 Лаббок, Дж. О древних озерных поселениях в Швейцарии. *Нат. Hist. Rev.*; и *Доисторические времена.*
- 46.— " Ньютон А. О зоологии Древней Европы. *Перед Камерой читают газету. Phil. Soc.*, March 31.
- 47.— " Rabut, L. Rapport sur les premières recherches dans le lac du Bourget. *Научный сотрудник и исследователь архитектуры.*
- 48.— " Труайон, Ф. Фуйе де Конспект. *Anzeiger*, p. 18.
- 49.— " Deick, J. C. Nachricht über neu entdeckte Pfahlbauten am Bodensee. *Ibid.*, p. 15.
- 50.— " Messikommer, J. Pfahlbauten im Robenhausen bei Wetzikon. *Там же.*, стр. 17.
- 51.— " Кведони, К. Сулле террамаре. *Atti e Mem. delle R. R. Dep. di St. Pat. per le prov. Modenesi et Parmensi*, vol. i.
- 52.— " Gastaldi, B. Nuovi cenni sugli oggetti di alta antichità trovati nelle torbiere e nelle marniere dell' Italia. Девяносто пять страниц и шесть листов. *Torino.* Эта работа содержит "Prima relazione" Штробеля и Пигорини и переведена на английский Чемберсом (№ 91).
- 53.— " Пигорини, Л. Террамара ди Казарольдо. *Gaz. di Parma*, no. 277.

- 54.— " Strobel, P. Palafitta di Castione. *Gaz. di Parma*, № 234-5.
- 55.— " Григор, Дж. Обратите внимание на остатки двух древних озерных жилищ, или Кранногов, в озере Кланов, Нэрншир. *Proc. S. A. Scot.*, том v.
- 56.— 1863 г. Ловейн, лорд. О недавнем открытии озерных поселений человека в Уигтауншире. *Пер. Брит. As. for Advancement of Sc.*, 1863.
- 57.— " Харкнесс Р. На трещине, найденной в Драмкери-Лох, недалеко от Бейлиборо, графство Каван. *Археология*, вып. xxxix.
- 58.— " Кинахан, Г. Х. О трещинах в Лох-Ри. *Кварта "Дублин". Journ. of Sc.*, том iv.; и *Proc. R. I. A.*, том iv. viii.
- 59.— " Морант Г. Примечание к предметам, найденным в пещерах Моналти и Раханс—Лейк. *К. А. С.*, том iv., N. S.
- 60.— " Уайлд В. Р. Описание пещеры в графстве Каван. *Сборник статей R. I. A.*, том viii.; также дублирован. *Кварт. J. of Sc.*, том iii.
- 61.— " Келлер, Ф. Пфальбаутен. Fünfter Bericht. Шестьдесят страниц и семнадцать листов. *Перчатка. der Antiq. Гэс. Zürich*, bd. xiv.
- 62.— " Pupikofer, J. A. Der Pfahlbau bei Frauenfeld zwischen Niederwyl und Strass. *Чм. Бейм. für Vater. Geschichte*.
- 63.— " Angelucci, A. Le stazioni lacuali del lago di Varese. *Como*.
- 64.— " Canestrini, G. Sulle terremare del Modenese. *Il Panaro*, no. 285.
- 65.— " Cornalia, E. Le palafitte e le stazioni del lago di Varese. *La Perseveranza*, Nov. 20th.
- 66.— " Pigorini, L. Breve relazione sulle terremare dell' Emilia. *Ла Рувиста Продолжение.*; также *Газ. di Parma*, nos. 246-7.
- 67.— " Stoppani, Ant. Prima ricerca di abitazioni lacustri nei laghi di Lombardia. Десять страниц. Сulle ricerche fatte a spese della Società nelle palafitte del lago di Varese. *Atti della S. It. di Sc. Nat.*, vol. v.
- 68.— " Strobel, P. Ricerche paleoetnologiche nelle terremare e nelle palafitte del Parmigiano. *Gaz. di Parma*, no. 182.
- 69.— " ——— Avanzi preromani raccolti nelle terremare e nelle palafitte dell' Emilia illustrati popolarmente. *Парма*.
- 70.— 1864 Kinahan, Г. Н.
(a) заметки о Crannoges в Ballinlough.
(b) Заметки о трещине в озере Лох-Нахинч. *Proc. R. I. A.*, том ix.
- 71.— " Ловейн, Господи. Озерные поселения в Шотландии. *Arch, Æliana*, vol. vi.
- 72.— " Desor, E. L'âge du fer dans les constructions lacustres du lac de Neuchâtel. *Musée Neuchâtelois*.
- 73.— " Rabut, L. Habitations lacustres de la Savoie. С альбомом пластинок. *Mém. de la Soc. Sav. d'Hist. et d'Arch*.
- 74.— " Siebold, V. Pfahlbauten in Bayern. Comptes-rendus de l'Académie de Munich.
- 75.— " v. Sacken, Ed. Der Pfahlbau im Gardasee. *К. Akad. der Wissen. Sitz. der Phil. Hist.*, classe xlviii.
- 76.— " Staub, J. Die Pfahlbauten in der Schweizerseen. *Zürich*.
- 77.— " Alberti, G. e Martinati, P. P. Di due nuove abitazioni lacustri scoperte nel Benaco.

Член академии. d' Agri., Com., ed Arti di Verona, xliii.

- 78.— " Angelucci, A. Le stazioni lacuali sul lago di Varese. *Мужчины Рассенги. della Cam. di Com. ed Arti di Varese*, no. 10.
- 79.— " Canestrini, G. Sulle terremare e le palafitte del Modenese. *Il Panaro*, nos. 108, 121, 142, and 160.
- 80.— " ——— Sopra due teschi umani scavati nelle terremare del Modenese. *Свод, за la Zoolog., l'Anat. и др.*, том iii.
- 81.— " Кьеричи, Г. Террамара Сервиrola. *Atti e Mem. delle R. R. Dep. di St. Pat. per le prov. Mod. e Parma*, vol. ii.
- 82.— " Cornalia, E. Di una terramara recentemente trovata a Salso-Maggiore. *Atti delli S. It. Sc. Nat.*, vol. vii.
- 83.— " Lioy, P. Di una stazione lacustre scoperta nel lago di Fimon. Шесть страниц. *Ibid.*
- 84.— " Pigorini, L. Abitazioni lacustri di Pavullo di Modena. *Gaz. di Parma*, no. 135; also in *Le Giornale delle Alpi degli Appennini*, an. i.
- 85.— " Ranchet, G. Delle abitazioni lacustri nel lago di Varese. *Рас. мужчины. della Cam. di Com. ed Arti di Varese*, no. 12.
- 86.— " Stoppani, A. Abitazioni lacustri in Lombardia. *Политехнический институт*, том II. xxii.
- 87.— " ——— Sulle antiche abitazioni lacustri del lago di Garda. *Atti della S. It. Sc. Nat.*, vol. vi.
- 88.— " Strobel, P. Avanzi preromani raccolti nelle terremare e palafitte dell' Emilia. Fas. ii. *Парма*.
- 89.— " Штробель и Пигорини. Le terremare e le palafitte del Parmense. Seconda relazione. (С картой станций terramara.) *Atti della Soc. It. Sc. Nat.*, vol. vi.
- 90.— " Villa, G. B. Notizie sulle torbe della Brianza. *Там же*.
- 91.— 1865 чамберс, С. Х. Озерные поселения и доисторические останки в турбулентных отложениях и мергелях Северной и Центральной Италии. Перевод работы Гастальди (№ 52). *Антроп. Соч.*, Лондон.
- 92.— " Дэй Р. Заметка о древностях, собранных на мосту Тум. *Килк. А. С.*, том v., N. S.
- 93.— " Фицпатрик Б.
(a) Заметка о трещине в озере Грантстаун, графство Куинс, Ирландия. *Там же*.
(b) Заметка об обнаружении трещины на острове Глеб, в приходе Агнамуллен, графство Монаган. *Там же*.
- 94.— " Стюарт Дж. Заметки о группе искусственных островов в озере Дауэлтон, Уигтауншир, и других искусственных островах или "Кранногах" по всей Шотландии. *Proc. S. A. Scot.*, vol. vi.
- 95.— " Desor, E. Les Palafittes ou constructions lacustres du lac Neuchâtel. *Paris*.
- 96.— " Von Fellenberg. Analysen einiger Nephrite aus den schweizerischen Pfahlbauten. *Перчатка. der Berner Naturf. Гезелл*.
- 97.— " v. Hagenow, F. Pfahlbauten in Neu-Vor-Pommern. *Jahr. des v. für Meck. Gesch. und Alter.*, xxx.

- 98.— " Hochstetter, F. Bericht über Nachforschungen nach Pfahlbauten in den Seen von Kärnthen und Krain. *K. Akad. der Wissen.*, bd. li.
- 99.— " Kner, R. Bericht über die Untersuchungen der Seen Oberösterreichs bezüglich etwa vorhandener Pfahlbauten. *Там же.*, bd. l.
- 100.— " Лиш, Г. К. Ф. Пфальбаутен в Мекленбурге. *Jahr. des v. für Meck. Gesch. und Alter.*, xxx.
- 101.— " Unger, F. Bericht über die auf die Möglichkeit des Vorhandenseins von Pfahlbauresten in den ungarischen Seen im Sommer 1864 unternommenen Untersuchungen. *K. Akad. der Wissen.*, bd. li.
- 102.— " Alberti, G. Di altre abitazioni lacustri scoperte nel Benaco. *Gaz. Ufficiale di Venezia*, April 20.
- 103.— " Boni, C. Notizia di alcuni oggetti trovati nelle terremare Modenese. *Modena*.
- 104.— " Calegari, M. La terramara di Gorzano. *Il Panaro*, no. 202.
- 105.— " Canestrini, G. Oggetti trovati nelle terremare del Modenese illustrati. Двадцать восемь страниц с пятью таблицами. *Arch. per la Zoolog.*, etc., vol. iv.
- 106.— " Cavedoni, C. Cenni archeologici intorno alle terremare nostrane. *Atti e Mem. delle R. R. Dep. di St. Pat. delle Prov. Mod. e Parm.*, vol. ii.
- 107.— " Chierici, G. Una capanna delle terremare nel Reggiano. *L'Italia Centrale*, nos. 135-6.
- 108.— " Cornalia, E. Le palafitte e stazioni lacustri del lago di Varese. *La Perseveranza*.
- 109.— " De Mortillet, G. Les terramares du Reggiano, passage des époques antehistoriques aux temps historiques. *Rev. Арка. de Paris*.
- 110.— " Lioy, P. Le abitazioni lacustri dell' età della pietra nel lago di Fimon. *Atti dell' Inst. Veneto di Sc., Let. ed Arti*, an. v.
- 111.— " Pigorini, L. Le terremare e le palafitte del Parmense. *La Civiltà Italiana*, no. 10.
- 112.— " ——— *Parma*.
- 113.— " ——— *Gaz. di Parma*, no. 92.
- 114.— " ——— *Ibid.*, no. 233.
- 115.— " ——— *Gaz. ди Бергамо*, № 116.
- 116.— 1866 Г. С. Каминг, Замечания Х. С. о свайных конструкциях в Саутуорке. *Journ. Арх. Ассоциация*, вып. xxii. с. 446.
- 117.— " Фокс, А. Л. (ныне Питт-Риверс). Описание некоторых свай, найденных близ Лондонской стены и Саутуорка, возможно, остатков Свайных построек. *Journ. Антроп. Соч.*
- 118.— " Кинахан, Г. Х. Заметки о трещине в озере Наневин. *Proc. R. I. A.*, vol. x. стр. 31.
- 119.— " Ли, Дж. Изд. "Озерные жилища Швейцарии и других частей Европы" доктора Ф. Келлера; переведено и оформлено с многочисленными иллюстрациями. *Лондон*. (Второе изд. значительно расширенное, в 2 т., 1878.)
- 120.— " Уилсон, Дэниел. Обратите внимание на коллекцию примитивных орудий труда древних швейцарских озерных жилищ из Крафта, на озере Невшатель. *Proc. S. A. Scot.*, vol. vi.

- 121.— " Forel, F. Note sur deux anneaux en bronze découvertes dans la station lacustre de Morges en Avril, 1866. *Anzeiger*, p. 49.
- 122.— " Vallier, G. La légende de la ville d'Ars, sur les bords du lac de Paladru. *Rev. du Lyonnais*, tom. ii., 3e série.
- 123.— " Heer, O. Die Pflanzen der Pfahlbauten. *Zürich*.
- 124.— " Hassler, K. D. Die Pfahlbautenfunde des Ueberlingersees. *Ulm*.
- 125.— " Kasiski, D. Beschreibung der Pfahlbauten in dem ehemaligen Persanzigsee bei Neu-Stettin. *Zeit. der Ges. für Erdkunde zu Berlin*, bd. i.; *Balt. Studien*, vol. xxiii., 1869.
- 126.— " Keller, F. Pfahlbauten. Sechster Bericht. Восемьдесят две страницы на семнадцати листах. *Перчатка. der Antiq. Гэс. Zürich*, bd. xv.
- 127.— " Pallman, R. Die Pfahlbauten und ihre Bewohner. *Greifswald*.
- 128.— " Wagner, M. Das Vorkommen von Pfahlbauten im Bayern. *Sitz. der K. bayer. Ak. der Wissen. im München*; also *Arch. für Anthropol.*, bd. ii.
- 129.— " Angelucci, A. Le palafitte dell' età della pietra nel lago di Varese. *Rev. delle Alpi degli Ap. etc.*, anno iii.
- 130.— " Boni, C. Oggetti d'arte di alta antichità recentemente scoperti nelle terremare Modenese. С тремя тарелками. *An. della Soc. dei Nat. Mod.*, an. i.
- 131.— " Canestrini, G. Oggetti delle terremare Modenese illustrati. С тремя тарелками. Там же. Seconda relazione, avanzi organici. *Ibid*.
- 132.— " Lioy, P. La stazione lacustre di Fimon. *Atti della Soc. It. di Sc. Nat.*, vol. viii.
- 133.— " Pigorini, L. Sopra due terremare nella provincia di Parma. *Bul. dell' Inst. di Corrisp. Apx*.
- 134.— 1867 г. Мейплтон, Р. Дж. Уведомление об искусственном острове в озере Кильзибар. *Proc. S. A. Scot.*, vol. vii.
- 135.— " Морант, Г. Крэннодж в озере Баллихо, примерно в пяти милях от Каррикмакросса. *Journ. Кулк. Arch. Soc.*, vol. vi., 2nd S.
- 136.— " Delfortrie, E. Cité palustre au centre même de la ville de Bordeaux. Десять страниц с пятью таблицами. *Soc. des Sciences Physiques et Nat. de Bordeaux*.
- 137.— " de Mortillet, G. Les habitations lacustres du lac du Bourget à propos de la Croix. *La Rev. Savoisienne*.
- 138.— " Rabut, E. Habitations lacustres de la Savoie. С альбомом пластинок. *Acad. Imp. des Sc., etc., de Savoie*.
- 139.— " Balduhu. Bericht über die Pfahlbauten bei Werder im Kreise Lötzen. *Альмп. Monat.*, bd. iv. and v.
- 140.— " Fischer, H. Ueber die in den Pfahlbauten gefundenen Nephrite und nephritähnlichen Mineralien. *Арка. für Anth.*, bd. i.
- 141.— " Lindenschmit, L. Studien über die neueste Pfahlbautenliteratur. *Ibid*.
- 142.— " Lisch, G. C. F. Pfahlbauten in Mecklenburg. *Jahrbuch des v. für Meck. Gesch. und Alter.*, xxxii.
- 143.— " Messikommer, J.
(a) *Ausland*, no. 9.

(b) Там же., № 30.

- 144.— " Канестрини, Дж. Террамарес дю Модене. *Материалы для истории и др.*, а также. iii. стр. 57 и стр. 466.
- 145.— " - Дворец Горцано. *Империаде*, № 154.
- 146.— " Кьеричи, Дж. Террамарес и кабинет министров Реджо. *Мат. для истории и т.д.*, а также. iii. Земля. *Популярная Энциклопедия*, Итал. дополнение., том ii.
- 147.— " Пигорини, Л. Терремаре. *Популярная энциклопедия*, том ii.
- 148.— 1868 г. Бенн, Изд. Примечания к кранологам. *Журнал R. H. A. A.*, том i, 3—й S.
- 149.— " Грейвс, доктор, Извещает о Кранноге в Лох-Аннах, графство Кингз. *Там же*.
- 150.— " Мейплтон Р. Дж. Описание частоколов, недавно обнаруженных в Арисайге, графство Инвернесс. *Proc. S. A. Scot.*, vol. viii.
- 151.— " Скотт, леди Дж. Заметки о деревянных конструкциях, обнаруженных во мху Уайтбэрн, в поместье Споттисвуд, Бервикшир. *Ibid*.
- 152.— " Thioly, F. Les habitations lacustres du lac de Genève. *Almanack de la Suisse romande*.
- 153.— " Andreas, J. Die Pfahlbauten in Bodensee zwischen Rorschach und Stand. *Перчатка. Vater. Ges. der hist. Ver. St. Gallen*.
- 154.— " Messikommer, J. Die Nachgrabungen auf der Pfahlbaute Robenhausen im Jahre 1868. *Ausland*, no. 48.
- 155.— " Meyer, H. Pfahlbaute bei Zürich. *Anzeiger*, стр. 103 и 121.
- 156.— " Пшездиецкий, граф. Pfahlbauten am Czeszewersee bei Golancz, Posen. *Арка. für Anth.*, bd. iii.
- 157.— " Boni, C. Scoperta di una terramara al Montale. *Il Panaro*, no. 237.
- 158.— " Giacometti, V. Relazione intorno ad alcune scoperte ultimamente fatte adiacenze di Mantova. *Atti e Mem. della R. Accad. Virgiliana di Sc., Let. ed Arti*.
- 159.— " Marinoni, C. Le abitazioni lacustri e gli avanzi di umana industria in Lombardia. Пятьдесят одна страница и семь листов. *Памятка С. И. ду Нац. науки.*, том iv.
- 160.— " Палья, Э. Терремаре де Бигарелло. *Matér. pour l'hist., etc.*, an. iv.
- 161.— 1869 Джонс Х. Об обнаружении некоторых предполагаемых остатков свайного жилища в Бартон-Мер, недалеко от Бери-Сент-Эдмундс. *Кварти. Journ. Саффолкский институт арх. и нац. наук История*.
- 162.— " Морант Г. О деревянных конструкциях в болоте Карпагог. *Journ. R. H. A. A.*, vol. i., 3rd S.
- 163.— " Keller, F. Gegenstände aus dem Pfahlbau von Estavayer. *Anzeiger*, p. 1. Ueber den Einbaum. *Ibid.*, pp. 33 and 69.
- 164.— " Rückert, E. Die Pfahlbauten und Völkerschichten Osteuropas, besonders der Donaufürstenthümer. *Würzburg*. (Содержит изображение предполагаемой дакийской озерной деревни из колонны Траяна. See also *Das Ausland*, 1867.)
- 165.— " Virchow, R. Die Pfahlbauten des nördlichen Deutschlands. *Zeit. für Eth.*, vol. i.
- 166.— " Chierici, G. Ragguagli di Scavi a Sampolo. *L'Italia Centrale*, no. 16.

- 167.— " de Stefani, Stefano. Del bacino torboso al Vallese presso Verona e degli avanzi preistorici che vi si rinvencono. *Член совета директоров Agr., Com. ed Arti di Verona.*
- 168.— " Gastaldi, B. Iconografia di alcuni oggetti di remota antichità rinvenuti in Italia. Сорок восемь страниц и десять листов. *Mem. della R. Ac. delle Sc. di Torino*, 2nd S., vol. xxvi.
- 169.— " Marinoni, C. Nuova località preistorica dell' epoca del bronzo in Lombardia. *Атти делла Соц. Ит. ди Нац.*, том xii.
- 170.— " Штробель, П. Террамапе. *Tagblatt der 43. Ver. deut. Нац. и др., в Инсбруке.*
- 171.— " Тинелли, К. Палафитт де Момбелло пре де Лавено. *Matériaux u т. д.*, объем. в. п. 76.
- 171A.— 1870 счету экспедиции, предпринятой Лордом заместитель Сидней, чтобы напасть на Crannoge в Лох возле Ома. Скопировано доктором Колфилдом из Государственного архива Лондона. *Журнал R. H. A. A.*, 4th S., том i.
- 172.— " Кэмпбелл Ф. Обратите внимание на искусственный остров и древнее каноэ, найденные при осушении озера близ Тобермори, Малл. *Proc. S. A. Scot.*, vol. viii.
- 173.— " Думблтон, Э. Н. На Кранноже, или Частоколообразном острове, в озере Ллангорс, недалеко от Брекона, Уэльс. *Арка. Camb.*, 4th S., том i. стр. 146 и 192.
- 174.— " Роузхилл, лорд. Выставка и описание коллекции камней и других остатков швейцарских озерных жилищ и т.д. *Proc. S. A. Scot.*, vol. viii.
- 175.— " Уэйкман У. Ф. Отмечает три до сих пор незамеченных трещины на озере Драмгей, недалеко от Эннискиллена. Два уведомления. *Journ. R. H. A. A.*, 4th S., vol. i.
- 176.— " Costa, Le Comte de Beaurégard. Habitations lacustres du lac du Bourget. *Paris.*
- 177.— " Desor, E. Des porte-monnaies lacustres de l'âge du bronze. *Anzeiger*, стр. 187.
- 178.— " Гранжье, проф. Antiquités lacustres près d'Estavayer. *Ibid.*, p. 169.
- 179.— " Perrin, A. Étude préhistorique sur la Savoie. С альбомом пластинок. *Mem. de l'Acad. Imp. de Savoie*, 2nd S., vol. xii.
- 180.— " Hartman, R. Ueber Pfahlbauten, namentlich der Schweiz, sowie über, nach einige andere, die Alterthumskunde betreffende Gegenstände. *Zeit. für Eth.*, vols. ii. iii. and iv.
- 181.— " Heer, O. Getreidereste, neugefundene aus Pfahlbauten. *Anzeiger*, p. 161.
- 182.— " Keller, F. Pfahlbauansiedler an der Mündung der Donau. *Ibid.*, p. 120.
(a) *Ibid.*, p. 167.
(b) *Ibid.*, p. 139.
- 183.— " Niederberger, P. M. Pfahlbauten in obern Zürichsee. *Ibid.*, p. 119.
- 184.— " Boni e Generali. Sulle terremare Modenese. Девяносто восемь страниц и семь листов. *Modena.*
- 185.— " Coppi, F. Relazione di una nuova scoperta della terramara di Gorzano. *Л'Ан. della Soc. dei Nat. in Modena*, an. v.
- 186.— " Crespellani, A. Marne Modenesi e monumenti antichi lungo la Via Claudia. *Modena.*

- 187.— " Maggi, L. Di un' abitazione lacustre in Valcuvia. *Rend. de R. I. Lomb. di Sc., Let. ed Arti*, 2—е издание, том iii.
- 188.— " Пигорини, Л. Земля Эмилии. *Le abitazioni lacustri. Новая антология Науки., литератор. изд. статьи.*
- 189.— " Кинахан, Г. Х. Наблюдения за исследованием трещин. *Журнал R. H. A. A.*, 4th S., том i.
- 190.— 1871 Смит А. Описательный список древностей близ озера Лох-Этив, Аргайлшир и др. *Proc. S. A. Scot.*, тома. ix и x.
- 191.— " Уэйкман, У. Ф. Замечания о Кранноге в Баллидулоу, графство Фермана. *R. H. A. A.*, 4-е издание, том i.
- (a) Наблюдения за некоторыми железными орудиями труда и другими предметами старины, недавно обнаруженными в Кранноге в Корнагалле, графство Каван. *Там же.*
- (b) Крэнноги в Лох-Айз, графство Фермана. *Там же.*
- 192.— " Уилсон Г. Заметки о пещерах и озерных жилищах Вигтауншира. *Proc. S. A. Scot.*, vols. ix. and x.
- 193.— " Chantre, E. Les palafittes ou constructions lacustres du lac de Paladru. *Гренобль.*
- 194.— " Гранжье, профессор. Canot lacustre de Cudrefin. *Anzeiger*, p. 279.
- 195.— " Przewdziecki, Le Comte. Restes de l'habitation lacustre la plus orientale qui ait été découverte en Europe jusqu'à présent. *Конгр. Инт. д'Арч. et d'Anth.*, 5th S., стр. 205.
- 196.— " v. Fellenberg, E. Pfahlbaustationen des Bielersees. *Anzeiger*, p. 281.
- 197.— " Keller, F. Bronzenadel aus dem Pfahlbau von Möringen am Bielersee. *Ibid.*, p. 236.
- 198.— " Meyn, L. Ueber wahrscheinliche Pfahlbauten am Kundensee. *Zeit. für Eth. (Sitz.*, p. 2), bd. iii.
- 199.— " Raeber, B. Pfahlbau zu Heimenlachen. *Anzeiger*, p. 286.
- 200.— " Wurmbrand, Le Comte. Sur les palafittes de la Haute Autriche. *Международный конгресс. et d'Arch.*, заседание v.
- 201.— " Вурмбранд, граф. Untersuchung der Pfahlbauten in Salzkannergut, etc. (a) *Рукавица. Муравейник. Wien*, bd. i.
- 202.— " Simony, F. Die Pfahlwerke bei Kammer und Litzelberg im Attersee. *Ibid.*
- 203.— " Angelucci, A. Le palafitte del lago di Varese e le armi di pietra del Museo Nazionale d'Artiglieria. *Torino.*
- 204.— " Boni, C. Le valve dell' unio nella terramara del Montale. *An. della Soc. dei Nat. in Modena*, vol. vi.
- 205.— " Chierici, G. Sur la ville de Marzabotto et la terramara de Castellarano. *Конгр. Стажер. д'Ант. и д'Арч. Préh.* Session de Bologna.
- 206.— " Chierici, G. Le antichità preromane della provincia di Reggio nell' Emilia. *Reggio.*
- 207.— " Coppi, F. Monografia ed iconografia della terra-cimiteriale o terramara di Gorzano, ossia monumenti di pura archeologia. С тридцатью четырьмя тарелками. *Modena.*

- 208.— " Crespellani, A. Appendice alle Marne Modenesi. *Modena*.
- 209.— " Marinoni, C. Nuovi avanzi preistorici raccolti in Lombardia. *Mem. della Soc. It. di Sc. Nat.*, vol. iv.
- 210.— " Pigorini, L. Terramara di San Prospero e Coloreto. *Gaz. di Parma*, nos. 41 and 290.
- 211.— " Ranchet, G. Oggetti di antichità del lago di Varese. *La Cronaca Varesina*, an. vi., № 48; an. ix., № 14.
- 212.— 1872 г. Далримпл, С. Е. Заметки об исследовании Кранного в Черном озере, в древности называвшемся "Лох Инч-Криндил", Уигтауншир. *Proc. S. A. Scot.*, том ix.
- 213.— " Дарбишир, Р. Д. Заметки об открытиях в Эхенсайд Тарн, Камберленд. *Археология*, вып. xlv.
- 214.— " Кинахан, Г. Х. Каменные жилища на озере в Коннахте. *Журнал R. H. A. A.*, 4th S., том ii. стр. 11.
- 215.— " Паттерсон, У. Х. Уведомление о серебряной броши, найденной в Кранноже на болоте Агалоуган, недалеко от Рэндалстауна. *Там же.*, стр. 74.
- 216.— " Стюарт Дж. Заметка о недавних раскопках в Сент-Маргаретсинч, в озере Форфар. *Proc. S. A. Scot.*, vol. x.
- 217.— " Уэйкман, У. Ф. Наблюдения за основными трещинами Фермана с иллюстрациями. *Journ. R. H. A. A.*, 4th S., vol. ii.
- 218.— " Gross, V. Les habitations lacustres du lac de Bienne. Сорок шесть страниц с восемью иллюстрациями. *Делемон*.
(a) *Anzeiger*, p. 334.
(b) *Ibid.*, p. 358.
- 219.— " Le Mire, J. Découverte d'une station lacustre de l'âge de la pierre polie dans le lac Clairvaux. *Besançon*; also in *Acad. des Sci., Belles-lettres et Arts de Besançon*, 1870.
- 220.— " Rabut, L. Histoire des habitations lacustres de la Savoie. *Sabaudia*, Nov. 15th and Dec. 15th.
- 221.— " Jeitteles, L. H. Die vorgeschichtlichen Alterthümer der Stadt Olmütz und ihrer Umgebung. *Рукавица. Муравейник. Wien*, bd. i.
- 222.— " Keller, F., und Uhlman, J. Die Pfahlbauten in und um Zürich. *Anzeiger*, pp. 329 and 347.
- 223.— " Much, M. Erster Bericht über die Auffindung eines Pfahlbaues im Mondsee: (a) Erklärung einiger Gegenstände aus dem Pfahlbau im Mondsee. *Рукавица. Муравейник. Wien*, bd. ii.
- 224.— " Stendel, A. Vortrag über die Pfahlbauten. With a map. *Sch. des V. für Ges. des Bodensees*.
- 225.— " Stutz, J. Der neulich entdeckte Pfahlbau am Baldeggersee. *Anzeiger*, p. 303.
- 226.— " Uhlmann, J. Eigenthümliche Verzierung eines Pfahlbautopfes. *Ibid.*, p. 375.
- 227.— " Virchow, R. Ausgrabungen in dem Pfahlbau bei Bonin am Lüptowsee in Pommern. *Zeit. für Eth., Verhand.*, p. 165, bd. iv.
- 228.— " Witt. Pfahlbauten von Alt-Gortzig (Prov. Posen). *Там же., Верханд.*, стр. 175; также bd. xii., *Верханд.*, стр. 161.

- 229.— " Вурмбранд, граф. Ergebnisse der Pfahlbau-Untersuchungen. Zweiter Bericht. *Рукавица. Муравейник. Wien*, bd. ii.
- 230.— " ——— *Ibid.*, ii. and iii.
- 231.— " Bonizzi P. Relazione e conclusioni sugli scavi fatti nella terramara del Montale nel Settembre, 1871. *An. della Soc. dei Nat. in Modena*, an. vi. and vii.
- 232.— " Foresti, L. Terramara di Rastellino, provincia di Bologna. *Rend. dell'Ac. delle Sc. dell'Inst. di Bologna*.
- 233.— " Mantovani, P. Monte Venere. *La Settimana*, June 22nd.
- 234.— " Pigorini, L. Terramara dell'epoca del bronzo in Montepelato (Parma). *Gaz. di Parma*, no. 276.
- 235.— " Quaglia, B. Oggetti trovati nella torbiera di Bardello. *Ла Кроп. Varesina*, an. vii., no. 21; an. viii., no. 40.
- 236.— " Strobel, P. Le valve degli unio nelle marniere dell'Emilia e nei Paraderos della Patagonia. *Архив Антроп. и Этн.*, том ii. *Firenze*.
- 237.— " Zannetti, A. Di alcuni oggetti trovati nella torbiera di Mercurago. *Ibid.*
- 238.— 1873 Gross, V. Objets nouveaux de la station de l'époque du bronze de Möringen. *Anzeiger*, p. 402.
(a) *Ibid.*, p. 425.
(b) *Ibid.*, p. 439.
- 239.— " Aeby, C. Ueber das relative Alter der schweizerischen Pfahlbauten. *Corr.-blatt der Ges. für Anth.*
- 240.— " Jentsch, A. Ueber die Auffindung von Pfahlbauten in der Elster bei Leipzig. *Jahrb. d. K. K. Geolog. R. Verhand.*
- 241.— " в. Каменский. Ueber den Pfahlbau der Möwen-Insel im Soldinersee. *Zeit. für Eth.*, bd. v., *Verhand.*, p. 108.
- 242.— " Lisch, G. C. F. Pfahlbauten von Wismar. *Verein für Meck. Gesch.*, Jahrgang 38.
- 243.— " в. Шаб, Сиг. Die Ergebnisse der neuesten Forschungen in den Pfahlbauten des Würmsees. *Corr.-blatt der d. Ges. für Anth.* Geschichte und Urgeschichte der Rosen-Insel in Starnbergersee. *Ibid.*
- 244.— " Thiessing, C. B. Die Pfahlbauten der Schweiz. *Aus allen Welttheilen*, iv., p. 143.
- 245.— " Töppen, M. Ueber Pfahlbauten in Culmerlande. *Альт. Р. Monatschr.*, bd. x.
- 246.— " Бесини, Л. Сулле терремапе. *Il Muratori*, March 30th.
- 247.— " Chierici, G., e Mantovani, P. Notizie archeologiche dell'anno 1872, raccolte e referite. *Reggio*.
- 248.— " Masè, F. Abitazioni palustri nel Mantovano. *Atti della Soc. Veneto-Tretina di Sc. Nat.*, vol. ii.
- 249.— " Pigorini, L. Ricerche archeologiche nella sponda sinistra dell'Enza. *Gaz. du Парма*, № 248.
- 250.— " Штробель, П. "Земля". *Рукавица. Муравейник. Вена*, bd. iii.
- 251.— 1874 Лиддел, П. Описание подземного сооружения в Грессе, недалеко от Сторновей, и других древних останков на острове Льюис. *Proc. S. A. Scot.*, vol. x.
- 252.— " Дезор и Фавр. Le Bel Âge du Bronze lacustre en Suisse. С семью тарелками.

Париж и Невшатель.

- 253.— " Амрейн, проф. Pfahlbauten Ausgrabungen am Baldeggersee. *Geschichtsfreund*, bd. xxix.
- 254.— " v. Fellenberg, Ed. Der Einbaum von Vingelz. *Anzeiger*, стр. 556; см. также проф. Бахман. *Там же.*, стр. 560.
- 255.— " Хейдек, проф. Ueber Pfahlbauten im Geserichsee. *Физика. Экономика. Ges.*, p. 14.
- 256.— " Messikommer, J. Die Nachgrabungen auf den Pfahlbauten Robenhausen und Niederweil. *Anzeiger*, p. 495.
- 257.— " Much, M. Zweiter Bericht über Pfahlbauforschungen in den Oberösterreichischen Seen. *Рукавица. Муравейник. Wien*, bd. iv.
- 258.— " Uhlmann, J. Einiges über Pflanzenreste aus der Pfahlbaustation Möringen. *Anzeiger*, p. 532.
- 259.— " Wurmbrand, Graf. Pfahlbauten im Neusiedlersee. *Рукавица. Муравейник. Wien*, bd. iv.
- 260.— " Chierici, G. La terramara di Gorzano. *Il Panaro*, March 3rd.
(a) *L'Italia Centrale*, March 7th.
- 261.— " Coppi, F. Monografia ed iconografia della terramara di Gorzano, etc. С тридцатью двумя пластинами, том ii.
- 262.— " --- Клапан для установки на землю. *Архив за Рубежом. e la Entol.*, an. iv.
- 263.— " Crespellani, A. Scoperta di una nuova terramara. *Il Muratori*, Jan. 30th.
(a) *Там же.*, 27 марта.
- 264.— " Магги, L. Cuspide di lancia в бронзе. *Cron. Var.*
- 265.— " Marinoni, C. La terramara di Regona di Seniga, e le stazioni preistoriche al confluente del Mella nell' Oglio, nella Bassa Brescinna. *Atti della Soc. It. di Sc. Nat.*, vol. xvii.
- 266.— " Pigorini, L. Terremare di Casaroldo e di Castione. *Gaz. di Parma*, July 1.
- 267.— " Strobel, P. Intorno all' origine delle terremare. *Архив Древности и Этноса.*, том iv.
- 268.— 1875 г. Лав, Р. Заметка о Краноге в озере Килбирни, Эйршир. *Proc. S. A. Scot.*, vol. xi.
- 269.— " Chantre, E. Les palafittes ou constructions lacustres du lac de Paladru, près Voiron. 2-е изд. *Лион.*
- 270.— " Гранжье, проф. Objet lacustre en bronze. *Anzeiger*, p. 571.
- 271.— " v. Fellenberg, Ed. Bericht an die Tit.-Direction der Entsumpfungen über die Ausbeutung der Pfahlbauten des Bielersees in den Jahren 1873 und 1874. *Bern.*
- 272.— " Fischer, H. Nephrit und Jadeit nach ihren mineralogischen und ethnographischen Bedeutung. *Stuttgart*. (2—е изд., 1880.)
- 273.— " Гейдек, проф. Die Untersuchung eines Pfahlbaues bei Werder am Aryssee. *Altp. Monat.*, bd. xii. p. 89.
- 274.— " Mestorf, J. Die Entstehung der Terramaren. *Corr.-blatt*, p. 6.
- 275.— " Naumann, E. Die Fauna der Pfahlbauten im Starnbergersee. *Archiv für Anth.*, vol. viii.

- 276.— " Wurmbrand, Graf. Ergebnisse der Pfahlbau-Untersuchungen, iii. *Перчатка. Муравейник. Wien*, bd. v.
- 277.— " de Vit, V. Il lago Maggiore, etc.; chap. v.: Abitazioni lacustri del lago Maggiore.
- 278.— " Pigorini, L. Esposizione di Antichità preistoriche tenuta in Brescia. *Nuova Antologia*, vol. xxx.
- 279.— " *Bullettino di Paletnologia Italiana*, an. i.:—
 (a)
 (b)
 (c)
 (d)
 (e)
 (f)
- 280.— 1876 Forel, F. A. Antiquités lacustres du lac Lemman. *Anzeiger*, p. 699.
- 281.— " Gross, V. Les tombes lacustres d'Auvernier. *Там же.*, стр. 663.
- 282.— " Перрен, А. Достопримечательности озерных поселений. In "*Études Pal. dans le bassin du Rhône.*" *Paris*.
- 283.— " Széchenyi Bela, Comte. Trouvailles de l'âge de la pierre dans le bassin du lac de Neusiedle. *Конг. Интер, д'Ант. et d'Arch.*, session vii.
- 284.— " Uhlmann, J. Notice sur les palafittes du Canton de Berne. *Genève*.
- 285.— " Frank, E. Die Pfahlbaustation Schussenried. *Sch. des V. für Gesch. des Bodensees*.
- 286.— " Keller, F. Pfahlbauten. Siebenter Bericht. Шестьдесят девять страниц, двадцать четыре листа. *Перчатка. der Antiq. Гэс. Zürich*, bd. xix.
- 287.— " Much, M. Dritter Bericht über die Pfahlbauforschungen im Mondsee in den Jahren 1875-6. *Перчатка. Муравейник. Wien*, bd. vi.:
 (a) *Ibid.*
- 288.— " v. Raeber, B. Die neue Pfahlbauansiedelung im Krähenried bei Kaltenbrunnen. *Anzeiger*, p. 655.
 (a) *Ibid.*
- 289.— " v. Radies, P. Das Laibacher Moor. *Ausland*, no. 10.
- 290.— " v. Sacken, E. F. Der Pfahlbau im Laibacher Moore. *Перчатка. der K. K. Central-Com. zur Erfors. und Erhaltung der Kunst. und pre-Denk*, N. F., bd. ii.
- 291.— " v. Шаб, Сиг. Die Pfahlbauten im Würmsee. С восемнадцатью тарелками. *Бейт. zur Anth. und Urge. Bayerns*, bd. i.
- 292.— " Sievers. Pfahlbau im Arraschsee in Livland. *Zeit. für Eth.*, bd. viii., *Verhand.*, pp. 157, 276, 279; bd. ix. p. 433.
- 293.— " Virchow, R. Terramare an der Theiss und über ungarische Alterthümer überhaupt. *Ibid.*, p. 243.
- 293a.— " Coppi, F. Monografia ed iconografia della terremara di Gorzano. Том iii., со страницами 32 и 16. *Modena*.
- 294.— " Gastaldi, B. Frammenti di Paleoetnologia Italiana. *Atti della R. Ac. dei Lincei*, Roma.

- 295.— " Lioy, P. Le abitazioni lacustri di Fimon. *Мем. дель Р. Инст. Veneto di Sc. Let. ed Arti*, vol. xix.
- 296.— " Martinati. Storia della Paletnologia Veronese. Тридцать восемь страниц.
- 297.— " Пигорини, Л. История Террамаре де Казарольдо. *Конг. Интер. д'Ант. et d'Arch.*, сессия vii.
- 298.— " *Бюллетень итальянской палитнологии*", раздел ii:—
 (a)
 (b)
 (c)
 (d)
 (e)
- 299.— 1877 Gross, V. Un porte-aiguille lacustre de Möringen. *Anzeiger*, p. 719.
 (a) Там же., стр. 763.
- 300.— " Ройд, проф. Tombeaux du temps des habitations lacustres. *Ibid.*, p. 759.
- 301.— " Pleyte, W. Nederlandsche Oudheden van de vroegste Tijden tot op Karel den Groote. *Leiden*. (In progress.)
- 302.— " Deschmann, C. Bericht über die Pfahlbautenaufdeckungen im Laibacher Moore im Jahre 1876. *Sitz. der Wiener Ak. d. Wiss., Phil., Hist.*, cl. lxxxiv.
- 303.— " Fraas. Ueber den Steinhauser Knuppelbau bei Schussenried. *Korr.-blatt*, стр. 159.
- 304.— " Хейдек, проф. Die Fortsetzung und der Abschluss der Ausgrabungen in Arys-See. *Altp. Mon.*, bd. xiv. p. 181.
- 305.— " Virchow, R. Ueber Schädel und Geräthe aus den Pfahlbauten von Auvernier, Sutz und Möringen. *Zeit. für Anth.*, ix. *Verhand.*, p. 126.
- 306.— " Bericht über die acht allgemeine Versammlung der deutschen Anthropologischen Gesellschaft zu Constanx. *Corr.-blatt*, pp. 66 to 163.
- 307.— " Castelfranco, P. Stazione litica dell' Isola dei Cipressi nel lago di Pusiano. *Atti della Soc. It. Sc. Nat.*, том xx.
- 308.— " Хельбиг, В. Ориентация на местности. *Bul. dell' Inst. di Cor. Arch.*
- 309.— " Levi, A. S. Alcuni cenni di studi preistorici sulla Savoia. *Atti della Soc. Tosc. di Sc. Nat.*, vol. iii.
- 310.— " Pigorini, L. Le abitazioni lacustri di Peschiera nel lago di Garda. *Atti della R. Ac. dei Lincei*, p. 19, an. 274.
- 311.— " *Bullettino di Paletnologia Italiana*, an. iii.:—
 (a) a') La questione dell' ambra in terremare dell' età del bronzo. (a'') Stazione Demorta nel Mantovano. (a''') Stratificazioni co-ordinate delle tre età preistoriche.
 (b)
 (c)
 (d) Стробель, П. Огетти, интересующие terremаре.
- 312.— 1878 Джонс, Т. Р. Английские озерные жилища и свайные сооружения. *Природа*, том. xvii.

- 313.— " Гранжье, проф. Les stations lacustres d'Estavayer. *Anzeiger*, p. 803.
- 314.— " Gross, V. Möringen et Auvernier. Deux stations lacustres. (Двенадцать тарелок.) *Neuveville*.
(a) Вокзал Сен-Блез. Две тарелки.
- 315.— " Ревон, Л. Верхняя Савойя, авангард римлян. *Paris et Annécy*; also *Rev. Savoisienne*, 1875.
- 316.— " Romer, Florian, F. Les terramares en Hongrie. *Конг. Интер. д'Ант. и д'Арч. Budapest*, vol. ii. p. 18.
- 317.— " Deschmann, C. Ueber die vorjährigen Funde im Laibacher Pfahlbau. *Перчатка. Муравейник. Wien*, bd. viii.
- 318.— " Much, M. Ueber die Funde aus dem Neusiedlersee. *Ibid*.
- 319.— " Wilkens, M. Ueber die Schädelknochen des Rindes aus dem Pfahlbau des Laibacher Moores. *Ibid*.
- 320.— " Borghi, N. Sulla scoperta di una stazione preistorica nella palude Brabbia. *Atti della Soc. It. di Sc. Nat.*, vol. xxi.
- 321.— " Castelfranco, P. Le stazioni lacustri dei laghi di Monate e di Varano, e considerazioni generali intorno alle palafitte. *Atti della Soc. It. Sc. Nat.*, vol. xxi.
- 322.— " Coppi, F. Nuova scoperta archeologica nella terramara di Gorzano. *Atti della R. Ac. del Sc. di Torino*, vol. xiv.
- 323.— " Crespellani, A. Le terremare del Modenese. *Atti della Soc. It. Sc. Nat.*, vol. xxi.
- 324.— " Garoni, T. Scoperte paleoetnologiche nell' Isolino, sul lago di Varese. *Nelle Notizie degli Scavi Com. alla R. Ac. dei Lincei*.
- 325.— " Garovaglio, A. Torbiere di Bosisio e Pusiano. *Pub. Arch. della Prov. di Como*.
- 326.— " Ranchet e Regazzoni. Le nuove scoperte preistoriche all' Isolino, nel lago di Varese. *Atti della Soc. It. di Sc. Nat.*, vol. xxi.
- 327.— " Regazzoni, I. L'uomo preistorico nella provincia di Como (4°, 136 pages with 10 plates). *Milano*.
- 328.— " *Bullettino di Paletnologia Italiana*, an. iv.:—
(a)
(b)
(c)
(d) d') Nuove scoperte nella torbiera Cascina del Veronese.
(e)
- 329.— 1879 Ussher and Kinahan. На подводной лодке Crannog, обнаруженной Р. Дж. Ашером в Ардморе, графство Уотерфорд. *Материалы R. I. A.*, том ii., 2—й С.
- 330.— " Хейман и Ашер. На подводной лодке Крэннодж, обнаруженной на торфе под высокой отметкой воды в заливе Ардмор. *Журнал R. H. A.*, том v., 4—й S.
- 331.— " Манро, Р. Уведомление о раскопках Краннога в Лохли, Эйршир. *Proc. S. A. Scot.*, xiii.
- 332.— " Forel, F. A. Les tenevières artificielles des cités lacustres. *Anzeiger*, also *Mat. pour l'hist., etc.*, vol. xiv.
- 333.— " Gross, V. Un étrier en bronze trouvé près de l'embouchure de la Thielle dans le

lac de Bienne. *Anzeiger*, p. 909.

- 334.— " ——— *Matériaux, etc.*, vol. xiv.
- 335.— " Helbig, W. Die Italiker in der Poebene. Сто сорок страниц, с картой и двумя таблицами. *Leipzig*.
- 336.— " Keller, F. Pfahlbauten. Achter Bericht. Пятьдесят восемь страниц и восемь листов. *Mitt. der Antiq. Гэс. Zürich*, bd. xx.
- 337.— " ——— *Anzeiger*, p. 887.
- 338.— " Kohn und Mehlis. Materialien zur Vorgeschichte des Menschen in Östlichen Europa. *Jena*.
- 339.— " Studer, T. Beitrag zur Kenntniss der Hunderacen in den Pfahlbauten. *Арх. für Anth.*, bd. xii.
- 340.— " Coppi, F. Lo scavo e gli oggetti della terramara di Gorzano nell' anno 1879. Двадцать три страницы и одна табличка. *Atti della R. Ac. delle Sc. di Torino*, vol. xv.
- 341.— " Regazzoni, I. Dei nuovi scavi nell' Isola Virginia, lago di Varese. Двадцать две страницы с тремя иллюстрациями. *Pub. Arch. della prov. di Como*.
(a) *Ibid*.
- 342.— " de Stefani, S. Ricerche paleontologiche nel lago di Garda. Nelle notizie degli scavi, etc., *R. Ac. dei Lincei*.
- 343.— " *Bulletino di Paleontologia Italiana*, an. v.:—
(a)
(b)
(c)
- 344.— 1880-4 Munro, R. Ayrshire Crannoges. Коллекции Эйр-Энд-Гэллоуэй-Арч. Ассоциация, тома ii. iii. и iv.
- 345.— 1880 Планкет, Т. О древнем поселении, обнаруженном примерно на глубине двадцати одного фута под поверхностью торфа, в Угольном болоте близ Бохо, графство Фермана. *Proc. R. I. A.*, том ii., 2nd S.
- 346.— " Уэйкман, У. Ф. О некоторых недавних открытиях древних Краног-структур, главным образом в графстве Фермана. *Journ. R. H. A. A.*, vol. v., 4th S.
- 347.— " Gross, V. Dernières trouvailles dans les habitations lacustres du lac de Bienne. *Matériaux, etc.*, vol. xv.
(a) Там же.
(b) *Anzeiger*, p. 69.
- 348.— " Montelius, O. Deux bronzes d'origine Scandinave découverts en Suisse. *Matériaux, etc.*, vol. xv. p. 14.
- 349.— " Pillot, E. Notice sur les habitations préhistoriques de l'époque lacustre de Villchetif, près de Troyes.
- 350.— " Böll, A. Die neuesten Pfahlbauten am Ueberlinger-See. *Sch. des V. für Ges. des Bodensees*.
- 351.— " Keller, F. Funde auf dem grossen Hafner. *Anzeiger*, p. 25.
- 352.— " Witt. Pfahlbauten in Alt-Gorzig. *Zeit. für Eth. Verhand*.
- 353.— " Brizio, Ed. I Liguri nelle terremare. *Nuova Antologia*.

- 354.— " Castelfranco e Sordelli. Notizie intorno alla stazione lacustre della Lagozza. Пятьдесят две страницы и одна табличка. *Atti della Soc. It. Sc. Nat.*, том ii. xxiii.
- 355.— " Cavazzocca, A. Abitazioni lacustri del lago di Garda—Palafitta del Bor. Девятнадцать страниц с пятью таблицами. *Verona*.
- 356.— " Coppi, F. Breve rapporto sugli scavi di Gorzano nel 1880. *Atti della R. Ac. della Sc. di Torino*, vol. xvi.
- 357.— " Parazzi, Ant. Stazioni preistoriche del Viadanese. Notizi degli Scavi Com. *R. Ac. dei Lincei*.
- 358.— " de Stefani, S. Degli oggetti preistorici raccolti nella stazione dell' età del bronzo scoperta nel Mincio, presso Peschiera. *Atti dell' Ac. d' Agri., Arti e Com. de Verona*, vol. lvii.
- 359.— " *Bullettino di Paletnologia Italiana*, an. vi.:—
 (a) a') Degli oggetti preistorici raccolti nella stazione dell' età del bronzo scoperta nel Mincio.
 (b)
 (c) c') Иструменто оссо умано из уна Террамара.
- 360.— 1881 де Мортилле, Г. Импорт нефрита и бронзы. *Matériaux, etc.*, vol. xvi.
- 361.— " Ossowski, G. Carte archéologique de la Prusse occidentale. *Krakow*.
- 362.— " Kasiski, F. W. Beschreibung der vaterlandischen Alterthümer in Neustettiner und Schlochau Kreise. *Danzig*.
- 363.— " Keller, F. Zinn in Pfahlbauten. *Anzeiger*, p. 133.
 (a) *Ibid*.
- 364.— " v. Luschau, F. Ueber die menschlichen Schädel aus den Laibacher Pfahlbauten. *Рукавица. Муравейник. Wien*, bd. x.
- 365.— " ——— *Ibid*.
- 366.— " Tischler, O. Gliederung der vorrömischen Metallzeit. Bericht über die xii. Allgemeine Versammlung der d. Ant. Ges. *Corr.-Blatt*.
- 367.— " Crespellani, A. Di alcuni oggetti delle terremare Modenesi. *An. della Soc. dei Nat. di Modena*, an. xv. стр. 233. См. Тома. x. 44, 106; xii. 45; xiv. 39. Также годовые отчеты автора о раскопках в Модене. *Atti e Mem. delle Dep. di Storia nat. per le Prov. Mod. e Parm.*
- 368.— " Gozzadini, G. Di una terramara a Crespellano nel Bolognese. *Notizie degli Scavi, etc.*
- 369.— " Portioli, A. Le terremare di Villa Cappella e di Gazzoldo nel Mantovano. Семнадцать страниц. *Mantova*.
- 370.— " de Stefani, S. Stazioni lacustri nel Garda ai piedi del Monte Rocca e nel Golfo di Peschiera. *Notizie degli Scavi d'Ant.*
- 371.— " Zannoni, A. Scoperta di una terramara nel Bolognese. *L'Opinione*, 7 Ottobre.
- 372.— " *Bullettino di Paletnologia It.*, an. vii.:—
 (a) a') La paletnologia italiana nel 3° Congresso geografico internazionale.
 (b)
 (c) c') Terramara e sepolcreto dell' età del bronzo nel Bolognese. (c'') Di

una scoperta paleontologica nel Modenese.

(d) d') Nuovi scavi nella stazione palustre della Lagozza.

(e) Штробель, П. Огетти ди леньо делла мариера ди Кастионе.

- 373.— 1882 Манро, Р. Древние шотландские озерные жилища, или Кранноги, и др., стр. хх., 313, с многочисленными иллюстрациями. *Эдинбург*.
- 374.— --- Записки Краннога из Фрайарз-Карс, Дамфришир. *Proc. S. A. Scot.*, vol. xvi.
- 375.— " Уилсон Г. Уведомление о Краноге в озере Бархапл-Лох, Гленлюс. *Полковник. Эйр. и Гал. А.*, том iii.
- 376.— " Гросс против Корсетной станции. *Neuveville*.
(a) *Anzeiger* p. 259.
(b) *Ibid.*, p. 324.
(c) *Ibid.*, p. 325.
- 377.— " Morel-Fatio, A. Sépultures des populations lacustres Chamblandes, près Pully, Suisse. *Matériaux*, vol. xvii.
- 378.— " Böll, A. Die neuesten Pfahlbaufunde am Ueberlingersee. *Sch. des V. für Gesch. des Bodensees, etc.*, p. 93.
- 379.— " Haag, G. Pfahlbau und Entwässerung Julius. *Baltische Studien*, Jahrg. 32.
- 380.— " Дженни. Pfahlbauten bei Steckborn. *Jahrbuch des V. von Alter. im Rheinlande*, Heft 73.
- 381.— " Leiner, L. Die Entwicklung von Konstanz. *Sch. des V. für Gesch. des Bodensees*, p. 73.
- 382.— " ——— *Corr.-Blatt*, p. 35.
- 383.— " Messikommer, J. Neue Funde auf den Pfahlbauten von Steckborn, Robenhausen, etc. *Ibid.*, p. 36.
(a) *Das Ausland*, p. 377.
(b) *Anzeiger*, p. 324.
(c) *Ibid.*, p. 321.
- 384.— " Vater und Voss. Bronze Fund von Spandau. *Zeit. für Eth.*, bd. xiv., *Verhand.*, pp. 112 and 371.
- 385.— " *Antiqua: Unterhaltungsblatt für Freunde der Alterthumskunde*, Jahrg. i.:—
(a)
(b)
(c)
- 386.— " Boni, C. La terramara di Montale. Nineteen pages with one plate, part i.
- 387.— " Regazzoni, E. Gli scavi della Lagozza. *Riv. A. del Prov. di Como*.
- 388.— " Strobel, P. Il teschio del porco delle marière, Studio comparativo. *Atti della Soc. It. Sc. Nat.*, vol. xxv.
- 389.— " *Bullettino di Pal. It.*, an. viii.:—
(a)
(b) Стробель, П. Гли аванзи дель азино нелле терремаре.

- 390.— 1883 Локвуд, У. Дж. Отчет об исследовании черепных коробок в Лох-Морне, недалеко от Каррикфергуса. *Журнал R. Н. А. А.*, том vi., 4th S.
- 391.— " Грейвс, Дж. Заметки о каменных и костяных древностях, некоторые с огамиическими надписями, найденные в Кранноге в Баллиндерри-Лох, графство Уэстмит. *Ibid.*
- 392.— " Gross, V. Les Protohelvètes ou les premières colons sur les bords des lacs de Bienne et Neuchâtel. Сто четырнадцать страниц и тридцать три фототипных листа. *Berlin.*
- 393.— " Vouga, A. Les stations lacustres de Cortaillod. *Anzeiger*, p. 456.
- 394.— " Forrer, R. Die Pfahlbaute auf dem Grossen Hafner. *Ibid.*, p. 463.
- 395.— " Frank, E. Die Pfahlbautstation Olzreuthe. *Kopp.-Бламт*, стр. 57.
- 396.— " Фридель. Der Bronzepfahlbau in Spandau. *Арха. für Anth.*, bd. xiv.
- 397.— " Hartmann, R. Ueber die alten Dithmarscher Wurthen und ihren Packwerkbau. Тридцать восемь страниц. *Marne.*
- 398.— " Kamienski, V. Bericht ueber den Pfahlbau im Soldiner-See in der Neumark. Sitz., *Altp.-Monat.*, bd. xx.
- 399.— " Leiner, L. Geräte von Kupfer und kupferischer Bronze aus der Vorzeit der Geschichte unserer Gegend. *Sch.des V. für Gesch. des Bodensees.*
- 400.— " Mehli, C. Pfahlbauten in der Südpfalz. *Corr.-Blatt*, p. 48.
(a) *Deutsche Rev.*, vol. iii. p. 251.
- 401.— " Meyer, A. B. Die Nephritfrage kein ethnologisches Problem. *Berlin.*
- 402.— " Messikommer, H. Sämereien und Früchte auf der Pfahlbaute Robenhausen. *Zeit. für Eth., Verh.*, bd. xv. p. 233.
- 403.— " ——— *Das Ausland.*
- 404.— " Studer, Th. Die Thierwelt in den Pfahlbauten des Bielersees. *Перчатка. der Nat. Ges. Bern*, 1883-4.
- 405.— " Voss, A. Pfahlbauten bei Schussenried und in Olzreuthersee. *Zeit. für Eth., Verhand.*, bd. xv. p. 272.
- 406.— " *Antiqua, etc.* Jahrgang ii.:—
(a) Бек, Ф. Цур Нефритfrage.
(b)
(c)
(d) d´) Verzierungen auf Pfahlbauten. (d´´) Neue Funde aus den Pfahlbauten der West-Schweiz.
- 407.— " Pigorini, L. Terramara dell' età del bronzo situata in Castione de' Marchesi. Пятьдесят семь страниц с пятью таблицами. *Atti della R. Ac. dei Lincei*, an. 280.
- 408.— " ——— *Ibid.*
- 409.— " Regazzoni, I. Gli scavi della Lagozza nel 1882. Одиннадцать страниц с одной табличкой. *Pub. Arch. della Prov. di Como.*
- 410.— " *Bull. di Palet. It.*, an. ix.:—
(a)

(b) b´) Le spade e gli scudi delle terremare dell' età del bronzo e delle necropoli laziali. (b) Terramara detta la Gatta nel comune di Noceto in provincia di Parma.

(c)

(ум.) ундсет, Дж. Се—ла- малоберцовая кость nell terremар.

- 411.- 1884 уэйкман, У. Ф. О трувайле из Кранного в Лиснакрогере, недалеко от Браушейна, Колорадо Антрим. *Journ. R.H.A.A.*, vols. vi. and ix., 4th S.
- 412.— " Serand, E. Palafittes du lac d'Annécy. *Rev. Sav.*, 31st Dec.
- 413.— " Ubaghs, C. L'âge et l'homme préhistoriques et ses ustensiles de la station lacustre près de Maëstricht. *Liège*.
- 414.— " Vouga, A. La station lacustre de l'âge de la pierre polie de Forel, dans le canton de Fribourg, en 1883, p. 1;
(a) Les stations lacustres de Cortaillod dans le canton de Neuchâtel, pp. 36, 57, 139;
(b) Quelques objets rares de la station lacustre de l'âge de la pierre polie de Forel, p. 199;
(c) Station lacustre du bronze de la Creuse ou Crousa près Estavayer, p. 140;
(d) Station lacustre du bronze de Concise, p. 175; (e) Station du bronze de Chevroux, p. 199. *Anzeiger*, vol. v.
- 415.— " v. Fellenberg, Ed. Zur Nephritfrage. *Zeit. für Eth., Verh.*, p. 256.
- 416.— " Forrer, R. und Ed. Pfahlbau Wollishofen bei Zürich und Pfahlbaute bei der "Bauschanze." *Anzeiger*, vol. v. pp. 3, 33, 85, 109.
- 417.— " Heydeck und Virchow. Pfahlbauten in Ostpreussen. *Zeit. für Eth. Верханд.*, с. 560; *Альт. Пн. Sitz. der Gesel. Prus.*
- 418.— " Messikommer, H. Die Niederlassung St. Blaise. *Das Ausland*.
(a) *Ibid.*, p. 479.
- 419.— " Studer, Th. Mittheilungen über die Menschen Schädel der Pfahlbauer. *Перчатка. der Nat. Ges. Берн*.
- 420.— " *Антиква и др. Jarg. iii.*:—
(a) a´) Gallische Bronzefigur von la Tène; (a´´) Statistik der in der Schweiz gefundenen Kupfergeräthe.
(b) b´) Calvaria von la Tène; (b´´) und von der Insel Weerd.
(c) 20252025 c´) Neue Funde aus den Pfahlbauten.
(d)
(e)
- 421.— " Boni, C. La terramara di Montale. Parte ii. Тридцать две страницы и шесть листов. *Modena*.
- 422.— " Crespellani, A. La carta topografica delle terremare Modensi. Двадцать девять страниц с картой. *Modena*.
- 423.— " Quaglia, G. Laghi e torbiere del circondario di Varese, provincia di Como. Девяносто две страницы с четырьмя таблицами. *Varese*.
- 424.— " De' Stefani, S. Sopra gli scavi fatti nella palafitta Centrale del golfo di Peschiera ed in quella del Mincio. Сорок страниц, с одной табличкой. *Atti della Ac. d'Ag.*,

Arti e Com. di Verona.

- 425.— " *Bull. di Palet. It.*, an. x.:—
(a) a') Sopra alcuni oggetti della terramara di Montale.
(b) Штробель, П. Доказательства предыстории изготовления нефрита и ди Джадайте (см. Также an. ix., стр. 177).
- 426.— 1885 Манро, Р. Жилища у озера Вигтауншир. *Полковник . Эйр. и Гэллоуэй Арх.* А., том v.
- 427.— " --- Обратите внимание на искусственный холм или пирамиду из камней, расположенную в пятидесяти ярдах в зоне прилива на берегу острова Эриска, Аргиллшир. *Proc. S. A. Scot.*, vol. xix.
- 428.— " Vouga, E. Les Helvètes à la Tène: Notice historique avec un plan et vingt planches. Сорок страниц. *Neuchâtel.*
- 429.— " Forrer, R. Ueber die Totenbestattung bei den Pfahlbauern. *Das Ausland*, p. 151.
- 430.— " Köhler, Dr. Pfahlbauten von Lagiewnicki, Kr. Kosten am Posen. *Zeit. für Eth., Verhand.*, p. 176.
- 431.— " Messikommer, J. Die neuentdeckte Pfahlbaute Bleiche-Arbon. *Das Ausland*, p. 1003.
- 432.— " Studer, T. Westschweizerischen Pfahlbau-Bevölkerung. *Zeit. für Ethn., Verhand.*, p. 548.
- 433.— " Virchow, R. Pfahlbau-Bevölkerung. *Там же.*, стр. 283 и 548.
- 434.— " *Antiqua u др.* Jahrg. iv.:—
(a) a') Statistik der in der Schweiz gefundenen Kupfergeräthe. (a'') Zur Aechtheitsfrage der punktierten Horn und Knochenobjecte.
(b) б) Die Verbreitung der P. in der Schweiz während Stein und Bronzezeit.
(c) Messikommer, J. Die jüngsten Nachgrabungen auf der P. Robenhausen. (c') Der neuentdeckte Pfahlbau Bleiche-Arbon. (c) Neue Funde aus den Pfahlbauten.
- 435.— " Costa, T. Studio sull' origine delle terremare. Тридцать шесть страниц с двумя таблицами. *Болонья.*
- 436.— " Парацци, Ант. Sopra una nuova terramara scoperta ed esplorata nel territorio del Commune di Viadana. *Notizie degli Scavi Com.*
- 437.— " Regazzoni, I. Paletnologia. (Серия руководств Хепли.) Degli scavi nell' Isola Virginia. *Рив. Арх. делла Пров. ди Комо.*
- 438.— " Миллиген, С. Ф. О Кранногах в графстве Каван. *Журнал R.H.A.A.*, том vii., 4th S.
- 439.— 1886 Манро Р. Заметки о жилищах у озера в Лох-Морне, графство Антрим. *Proc. Scot.*, vol. xx.
- 440.— " де В. Кейн, У. Заметки о тайниках в Литриме. *R.H.A.A.*, vol. vii., 4th S.
- 441.— " Уэйкман, У. Ф. Тайники Драмдарраха, иначе Триллика, и Ланкилла, графство Фермана. *Там же.*
- 442.— " Уоллес Т. Заметки о древних останках в долине Бьюли: искусственный остров в озере Лох-Брейч. *Proc. S. A. Scot.*, vol. xx.
- 443.— " Вуд-Мартин, У. Г. Заметки о Крэнногах в Лонгфорде. *R.H.A.A.*, vol. vii., 4th S.

- 444.— " --- Озерные жилища Ирландии: или Древние озерные поселения Эрина, обычно называемые Крэнногами. Двести шестьдесят восемь страниц с многочисленными иллюстрациями. *Dublin*.
- 445.— " Borel, A. et M. Notice sur les stations lacustres de Bevaix (avec carte). *Musée Neuchâtelois*, No. 6.
- 446.— " Gross, V. La Tène. Un Oppidum Helvète. Шестьдесят две страницы на тринадцати листах. *Париж*.
(a) Über die eigenthümlichen Knochenschnitzereien aus den Schweizer Pfahlbauten. *Рукавица. Муравейник. Wien*, bd. xvi.
- 447.— " Fischer, H. Begleitworte zu der Karte ueber die geographische Verbreitung der Beile aus Nephrit, Jadeit und Chloromelanit in Europa. Mit einer Karte. *Арка. für Anth.*, bd. xvi.
- 448.— " Heierli, J. Der Pfahlbau Wollishofen. Тридцать две страницы с четырьмя иллюстрациями. *Перчатка. der Antiq. Гэс. Zürich*, bd. xxii.
- 449.— " *Antiqua, etc.* Jahrg. v.:—
(a) a) Die Handelsbeziehungen der Schweizerischen Pfahlbauer nach dem Ausland. (a) Была война в ла-Тене, Шлюссворт. (a) Pfahlbaufunde aus der Westschweiz. (a) Neue Pfahlbaufunde.
(b)
- 450.— " Crespellani, A. Terramara delle Trinità. *Atti della Soc. Nat. di Modena. Rend. delle Adunanze*, 3 S., vol. iii. p. 36.
- 451.— " Parazzi, A. Terramara e sottostante torbiera con palafitta nel Casale Zaffanella presso Viadana. Тридцать три страницы с тремя таблицами. *Bul. di Palet. It.*, an. xii.
- 452.— " Regazzoni, I. Oggetti preistorici della Lagozza nel museo di Como. (a) Il museo preistorico Ponti all' Isola Virginia nel lago di Varese. *Пув. Arch. della Prov. di Como*.
- 453.— " Strobel, P. L'ambra podana. *Ibid*.
- 454.— 1887 *Antiqua, etc.*:—
(a) Forrer, R. Die Verbreitung der Pfahlbauten in Europa.
(b) Messikommer, H. Ein Bronzebeil auf Robenhausen. (б) Die verschiedene Resistenzfähigkeit des Pfahlbauholzes im Wasser.
(c) Messikommer, J. Nachgrabungen auf dem Packwerkbau Niederwyl im Jahre 1886.
- 455.— " Brizio, Ed. Di una terramara scoperta al Poggio della Gaggiola e di altra a Santa Maria Villiana nel Commune di Poretta. *Notizie degli Scavi*, 1887, p. 387.
- 456.— " Castelfranco, P. Les villages lacustres et palustres et les terramares. *Rev. d'Anthrop.*, p. 706; and 1888, p. 568.
- 457.— " Scarabelli, G. Stazione preistorica sul Monte del Castellaccio presso Imola. Девяносто пять страниц, на двадцати трех листах. *Imola*.
- 458.— " Zannoni, Ant. Terramara a Faenza. *Il Lamone*, 10th April.
- 459.— " *Bullettino di Paletnologia Italiana*, an. xiii.:—
(a)

- (b)
- (c)
- (d) d) Оггетти ди пьетра делла мариера ди Кастионе.
- 460.— 1888 Бернс-Бегг, Р. Сообщение о Кранноге, обнаруженном в Лохлевене, графство Кинросс. *Proc. S. A. Scot.*, vol. xxii.
- 461.— " Brière, Dr. Une nouvelle trouvaille de la station Corcelettes. *Anzeiger*, p. 69.
- 462.— " Heierli, J. Pfahlbauten. Neunter Bericht. Шестьдесят шесть страниц, двадцать один лист. *Перчатка. der Antiq. Гэс. Zürich*, bd. xxii.
- 463.— " *Antiqua, etc.*:—
- (a)
- (b)
- (c)
- (d)
- 464.— " Cordenons, F. Antichità preistoriche anariane della regione Euganea, Padova. Тридцать пять страниц в 8^{редакциях}, на четырех листах. *Atti del Soc. Veneto-Trentina di Sc. Nat.*, vol. xi.
- 465.— " Pigorini, L. Appunti per lo studio delle stazioni lacustri e delle terremare italiane, Roma. *Rend. d. Acc. dei Lincei*, сер. 4^a, том iv.
- 466.— " *Бюллетень итальянской палеонтологии*"
- , an. a) Canestrini, G. Cenni sugli avanzi animali della palafitta di Arquà.
- xiv.:—
- (b) Pigorini, L. Abitazioni lacustri di Arquà-Petrarca in Provincia di Padova.
- 467.— 1889 Meschinelli, L. Studio sugli avanzi preistorici della valle di Fontega. *Atti della Soc. Veneto-Trent. di Sc. Nat.*, vol. xi.
- 468.— " Stobel, P. Accampamenti di terramaricoli nel Parmense. *Bul. Palet. It.*, anno xv.
- 469.— 1890 Meschinelli, L. Su alcuni strumenti di legno provenienti da' varie abitazioni lacustri di Europa. *Rend. della R. Accad. delle Sc. Fis. электронная математика. di Napoli*.

Сноски

[1] *Корр.-Блатт*, стр. 14, 1884. *Antiqua*, 1883, i. стр. 31, 55; и ii. стр. 47, 54. В. 336 и 462.

[2] *Antiqua*, 1883, p. 61.

[3] *Matériaux*, vol. xvi. p. 257.

[4] Доктор Гросс в переписке—*Blatt*, 1882, стр. 99.

[5] *Antiqua*, 1884, стр. 42 и 85.

[6] *Antiqua*, 1884, p. 59.

[7] *Antiqua*, 1885, p. 165.

[8] *Bul. de la Soc. d'Hist. Nat.*, том xi.

[9] В 1861 году г-н Тройон провел исследования под руководством квалифицированных специалистов, чтобы предотвратить фальсификации, к которым часто прибегали железнодорожные рабочие. И в результате он перечисляет собранные подлинные объекты следующим образом:—

- А комплектный топорик с деревянной ручкой, держателем из рога и змеевидным топором; различные ручки из рога, некоторые раздвоенные, все еще сохраняют свои топоры и стамески; заостренный кусок дерева, закрепленный в рукоятке топора вместо камня.
- 2 указки из дерева с роговыми ручками.
- 6 молотки из оленьего рога с остатками деревянных ручек.
- 8 наконечники стрел из кости с остатками *мастики*.
- 40 ручки из рога для стамески, за вычетом инструментов.
- 200 держатели топоров.
- 20 роговые наконечники, используемые в качестве долот.
- 121 костяные наконечники длиной от одного до четырех дюймов.
- 46 резцы из кости.
- 4 бивни кабана, заточенные в виде лезвия ножа.
Несколько костяных булавок и различных украшений.
- 145 топоры и стамески из камня.
- 20 кремневые наконечники для стрел и скребки.
- 12 круглые камни с перфорацией; немного резины и полировальных средств.
Много костей животных, но никаких следов металла. (Б. 39а.)

[10] *Корр.-Блатт*, 1881.

- [11] "Recherches sur les Antiquités d'Yverdon," *Mitt. der Antiq. Gesel.*, Zürich, vol. xiv.
- [12] *Anzeiger*, 1871, p. 280.
- [13] *Там же.*, 1878, стр. 803.
- [14] *Antiqua*, 1885, p. 162.
- [15] *Antiqua*, 1885, стр. 97; и 1887, стр. 35, 51.
- [16] *Zeitschrift für Ethn.*, vol. xvi., *Verhand.*, p. 84; *Antiqua*, 1884, p. 167.
- [17] *Antiqua*, 1886, стр. 12 и 21.
- [18] *Anzeiger*, 1858, p. 57; "Supplément au Recueil d'Antiquités Suisses, 1860."
- [19] Катастрофа, постигшая Цуг летом 1887 года, в результате которой часть города соскользнула в озеро, полностью снесла с лица земли территорию этой озерной станции.
- [20] Эта форма состоит из двух частей, и она примечательна тем, что была найдена в разное время. Первая половина была найдена мистером Ф. А. Форелем 25 февраля 1855 года, а вторая - его сыном, доктором Форелем, 18 октября 1859 года. (Б. 31, стр. 111.)
- [21] *Das Ausland*, 1884, p. 479; *Antiqua*, 1884, p. 70.
- [22] *Antiqua*, 1885, p. 1.
- [23] *Kopp.-Blatt*, том xv. стр. 55.
- [24] *Antiqua*, 1884, p. 140.
- [25] *Antiqua*, 1883, стр. 14; и *там же.*, 1885, стр. 2.
- [26] *Matériaux*, vol. xvii. с. 321.
- [27] *Vereins für Vater. Naturkunde*, Stuttgart, 1878, p. 95.
- [28] "Kupferzeit in Europa," p. 9.
- [29] *Перчатка. Муравейник. Wien*, vol. xv. p. 120.
- [30] Пигорини, Б. 298е; Вирхов, Б. 293; Месторф, "Der Intern. Антроп. und Arch. Конг. в Буда-Пеште".
- [31] *Перчатка. des Hist. Vereins für Krain*, October and November, 1864.
- [32] *Zeit. für Eth.*, vol. v., *Verhand.*, p. 119.
- [33] *Zeit. für Eth.*, vol. vi., *Verhand.*, p. 180, 1874.
- [34] *Там же.*, том ix., *Верх.*, стр. 168.
- [35] *Atti della Soc. Veneto Trentina di Sc. Nat.*, vol. xi., 1889.
- [36] Доктор Мешинелли в ответ на мои наблюдения над машиной Лайбаха, предварительные доказательства которых я ему отправил, отвергает теорию бобровых капканов как возможное объяснение использования машин Фонтеги, но предполагает, что они могли использоваться в качестве капканов для ловли дикой птицы. (Б. 469.)

[37] *Atti della Soc. It. di Sc. Nat.*, том ii. стр. 177.

[38] Так назвал Конгресс итальянских натуралистов, собравшихся здесь в 1878 году, в честь Вирджинии Понти, жены владельца.

[39] *Atti della Soc. It. di Sc. Nat.*, vol. ii.

[40] В. 90, и *Джорнале-дель-Инж. Арх. изд-во Agri.*, an. xii.

[41] Brizio, "La Grotta del Farnè."

[42] *Bul. Palet. Им.*, 1883, с. 17.

[43] *Atti della Soc. It. di Sc. Nat.*, vol. vii.

[44] Brizio, "La Grotta del Farnè," p. 45.

[45] *Antiqua*, 1886, p. 65.

[46] *Antiqua*, 1884, стр. 128; и *Bul. de la Soc. suisse de Num.*, 1884, No. 7.

[47] *Rev. archéologique*, 1884. p. 194.

[48] *Акад. de Lyon*, tome xi. p. 229.

[49] *Association Française pour l'avancement des Sciences*, 1885, vol. i. p. 175.

[50] *Matériaux, etc.*, vol. xi. p. 95.

[51] *Bul. Сок. Ант.*, 1884. Смотри также "Crannia Ethnica": "Предыстория" (Мортилле); *Бюл. Сок. Ант.*, 1874, 22 января

[52] "Древность человека", 4-е издание, стр. 241.

[53] В примечании на странице 241 своей "Древности человека" сэр Чарльз утверждает, что мемуары профессора Крэхэя были опубликованы в 1836 году в *Бюллетене Бельгийской королевской академии*, том iii. стр. 43. Однако я нахожу, что в этой ссылке Крэхэй просто в нескольких строках отмечает находку костей слона в упомянутых выше раскопках и вообще не упоминает человеческую челюсть.

[54] *Das Ausland*, 1877, p. 960.

[55] "Древние шотландские озерные жилища", стр. 219.

[56] *Zeit. für Ethn., Verhand.*, p. 39, vol. viii.

[57] *Zeit. für Ethn.*, vol. vi., *Verhand.*, p. 228.

[58] *Там же.*, т. x., *Верх.*, стр. 52.

[59] "Die vorgeschichtlichen Rundwälle im östlichen Deutschland." Berlin, 1888.

[60] *Zeit. für Eth.*, vol. vi., *Verhand.*, p. 115, and vol. vii., *Verhand.*, p. 127.

[61] *Там же.*, т. ix., *Верх.*, стр. 449.

[62] Behla, "Die vergeschichtlichen Rundwälle," p. 8.

[63] *Там же.*, стр. 22.

[64] "Нац. Hist.," lib. xvi. 1.

[65] *Интер. Конг. д'Антроп. et d'Arch.*, Ses. V., p. 212.

[66] "Древние шотландские озерные жилища", стр. 273.

[67] *Конг. Интер. д'Антроп. et d'Arch.*, Ses. V., 1871, p. 212.

[68] Гребень, точно подобный изображенному здесь (№ 30), описан и изображен Оссовским как происходящий из пещеры Вежховска-Гурна в Польше. *Antiqua*, 1887, стр. 41 и стр. vii. Рис. 10.

[69] *Handelingen van het Friesch Genootschap*, 1886-7, p. 12.

[70] "Die heidnischen Alterthümer Ostfrieslands." Emden, 1879.

[71] *Журнал R. H. A. A.*, т. v., 4-й S., стр. 325.

[72] *Археологический журнал*, том xx. стр. 170.

[73] *Протокол R. I. A.*, т. v., стр. 215.

[74] *R. H. Arch. As.*, т. v., 4-й S., стр. 330.

[75] В этом кранноге были найдены три железных горшка, один из которых имел треугольную форму.

[76] Различные средневековые предметы, собранные в грязи на стоянках кранног и рядом с ними: железные кирасы, фитильные ружья, пистолеты, старинные ключи, шпоры, железные орудия труда, бронзовый ковш, бронзовый наконечник копья. Сабли и ружейные стволы были найдены торчащими в грязи со дна озера.

[77] Огромное количество свай, покрывающих овальное ограждение диаметром около 100 футов. О подводных кранах см. "Руководство по геологии Ирландии" Кинахана, стр. 264, и Примечание 83 (стр. 443) к шотландскому списку кранов.

[78] О'Флаэрти в своей истории упоминает, что древний замок О'Флаэрти из Буновена на озере Баллинахинч был построен на искусственном острове.

[79] Два краннога, один большой, а другой маленький. Первый отделен от материка только неглубоким каналом, а летом до него можно добраться по узкой дамбе. На нем были найдены "два прекрасных образца бронзовых булавок, помимо других менее интересных изделий из свинца и железа, и кремневый наконечник копья".

[80] Частокол, около 35 футов в диаметре, лежащий примерно на 12 или 14 футах ниже поверхности болота. Известно, что на нем была найдена "великолепная пара квернских камней" и большой чашеобразный сосуд из дуба.

[81] Любопытный деревянный настил, зарытый на 14 футов в болото. Он покоился на "толстом слое веток орешника и березы". Над ним была "коллекция каменных плит, плотно подогнанных друг к другу с подложкой из голубой глины, но все они были уложены на деревянные доски, образующие часть пола. На нем было много пепла, доказывающего, что это был очаг в древнем жилище".

[82] "Грудами вокруг края и среди камней на его поверхности были найдены кверны, некоторые совершенные, некоторые в сломанном состоянии". Каноэ стало видно на глубине от 2 с половиной до 3 футов, когда уровень воды в озере был необычно низким.

[83] Небольшая трещина, обнаруженная резчиками торфа и "интересная тем фактом, что инструменты, сделанные из железа и камня, были найдены вместе". Среди прочего были бронзовая булавка, осколки тиглей, кусочки антрацитового угля, железный инструмент с носком, два маленьких кремневых ножа, каменный кельт, круглый плоский камень с продолговатыми углублениями с каждой стороны и несколько кусочков грубой керамики.

[84] Искусственный остров диаметром 30 ярдов, густо поросший лесом и окруженный сваями. В 1870 году на берегу этого островка было найдено каноэ, увязшее в грязи и наполовину разрушенное пожаром. Среди вещей, валявшихся на полу, были найдены некоторые железные инструменты — тесло, молоток (оба с ручками), зубило с цоколем, два точильных камня и несколько фрагментов железа.

[85] Небольшое озеро, едва ли около мили в окружности, и примерно в трех милях от Кавана. Примерно в ста ярдах от берега виднелась груда камней, окруженная кольцами частоколов диаметром около пятидесяти футов. Во мху у озера были найдены два каноэ длиной 21 и 18 футов.

[86] Это озеро находится в приходе Клонброни и содержит два кранного, называемых "Круглый остров" и "Остров Фрая". Первый имеет 18 с половиной ярдов в диаметре, и "деревянные сваи, хотя и в мясистом и прогнившем состоянии, все еще можно увидеть. В озере было найдено небольшое каноэ длиной 9 с половиной футов, железное копье, нижний камень каучука и оленье рога (с восемнадцатью остриями), погруженные в ил".

[87] Это небольшое озеро, расположенное в трех с половиной милях к северу от Эннискиллена, около мили в длину и полумили в ширину. Он содержит три кранного, самый большой из которых имеет 105 футов в диаметре. "Здесь были найдены кверны, точильные камни, обработанные куски оленьего рога, несколько фрагментов железа, покрытых бронзой, множество керамических изделий с орнаментом, некоторые из которых были снабжены ушками или ручками; очень любопытный камень (по-видимому, надгробная плита), изваянный в виде креста и украшенный четырьмя человеческими головами, а также свитками, и большой валун, на котором была вырезана крестообразная фигура".

[88] Большой кранног, занимающий площадь около акра, но лишь частично искусственный. Около тридцати тысяч свай использовалось для укрепления острова, на котором был причал, и рядом с ним было найдено каноэ. Основными реликвиями являются несколько каменных молотков, три кремневых скребка, бусина из янтаря и еще одна из стекла, маленькое каменное кольцо размером с перстень на пальце, фрагменты керамики, тигель, несколько изделий из меди и куски болотной руды. Сваи были вырезаны очень острыми металлическими инструментами.

[89] В 1833 году капитан У. Мадж, Р.Н., обнаружил здесь деревянную хижину, сделанную из каркаса из больших дубовых балок, врезанных по четырем углам. Его площадь составляла 12 квадратных футов, а высота - 9 футов, и примерно на полпути вверх был настил, который разделял пространство на два этажа. Крыша этой уникальной хижины была зарыта в торф на высоте 16 футов от поверхности, а ее основание покоилось на подстилке из хвороста, напоминающей кранног. (См. стр. 489).

[90] Два кранного, один большой, 100 футов в диаметре. Железный котел, найденный недалеко от берега озера, изготовленный по тому же принципу, что и обычные бронзовые котлы, из кованого железа и заклепанный.

[91] Украшенный квернский камень, найденный в кранного.

[92] "Шесть каменных и два бронзовых кельта, железный наконечник копья и штык, три фибулы, одна уздечка и две бронзовые щитки", найденные на этом острове.

[93] Из этого кранного музею Королевской ирландской академии были представлены следующие предметы: — "Кусок круглого точильного камня, кусок кремня, старый железный ключ, две части лезвий железных мечей и обломок костяного шипа".

[94] Четко очерченный частокол с горизонтальными балками. Каноз и следующие предметы, записанные из этого кранного: "Два железных меча; небольшая наковальня, очень блестящая и чистая; пара весов и несколько молотков; несколько золотых булавок; металлические блюда; маленькие наконечники топоров; железный котел невысокой расширенной формы; камень желтовато—белого цвета, прекрасно отполированный, около двенадцати дюймов в длину, трех с половиной в ширину и двух в толщину, точно выровненный по бокам, имеющий круглое отверстие глубиной около одного с четвертью дюйма и диаметром в полдюйма на каждом конце, верхняя поверхность и один из краев бока покрыты резными украшениями; и кверн".

[95] "В другом кранного на озере Рахан, - говорит мистер Морант, - мы нашли пять шиллингов королевы Марии, сплавленных в массу; бронзовую булавку; плоский наконечник копья и каменный кельт. Мы также нашли камни для очага и немного золы. Груды вокруг острова все еще видны над водой".

[96] Содержал три или четыре кранного. "В доме напротив Клонкахира было найдено несколько квернов разных размеров и узоров (в основном плоской формы, украшенных обычным рисунком в виде креста, более или менее разнообразным), и многие из них были увезены мистером Кейном для сохранения в замке Мохилл. Когда уровень воды был низким, было проведено небольшое обследование конструкции крана. Было обнаружено, что существовало два, возможно, три концентрических круга из свай небольшого размера, охватывающих площадь, значительно превышающую площадь нынешнего острова, и огороженное таким образом пространство, по-видимому, было заполнено грубыми необработанными бревнами примерно до нынешнего летнего уровня воды. На нем был нанесен слой камней и гравия, среди которых были найдены уже упомянутые кверны. В том же озере находятся три других кранного — остров Мэн, остров Крейн и еще один".

[97] Три серебряные монеты времен правления Эдуарда I, II и III. найдено в этом кранного.

[98] В этом озере три кранного, два близко друг к другу, к ним ведет дамба, которая заканчивается примерно в шестнадцати футах от кранного, оба около двадцати пяти футов в диаметре. На краю этого ущелья, под водой, был найден бронзовый наконечник копья длиной 5½ дюйма и кельтский наконечник с петлей длиной 4 дюйма.

[99] *Proc. S. A. Scot.*, том xv. стр. 153.

[100] Среди предметов из Лагора, упомянутых лордом Тэлботом (**рис. 103**), есть своеобразная железная труба, описанная как неизвестного назначения. Весьма примечательно, что он и этот штыкообразный предмет из Бустона должны быть аналогами своего рода висячего замка, использовавшегося в раннем средневековье, который

действовал следующим образом: —Когда пружинный засов (подобный засову предмета из Бустона) пропускался через трубку вверх, шип, прикрепленный к последнему, проходил через отверстие в первом. Внутри трубки имелись два небольших выступа, которые, когда затвор был достаточно выдвинут до упора, захватывали кончики пружин и предотвращали его возврат. В этом состоянии висячий замок был надежно заперт, и открыть его можно было только ключом, состоящим из другой, но меньшей трубки, которая, проходя через другой конец большей трубки и поверх пружин, прижимала последние вплотную к корпусу засова до тех пор, пока их кончики не освобождались от внутренних защелок, и таким образом позволяла извлечь пружинный засов.

[101] Том первый, стр. 146.

[102] Этот кранног имеет прямоугольную форму, 43 на 41 фут, и образован слоями больших стволов, уложенных поперечно.

[103] См. Примечание 3, стр. 447.

[104] Вопрос о подводных кранах все еще остается неясным, и те немногие факты, которые стали известны, оставляют вопрос под вопросом относительно того, были ли сооружения первоначально построены в воде или на суше, а впоследствии затоплены вследствие изменений относительных уровней моря и суши. Единственные останки этого персонажа, о которых я знаю в Британии, — (1) пирамида из камней на древесном субстрате недалеко от острова Эриска, в устье озера Лох-Крерар; (2) Черная пирамида в заливе Бьюли-Ферт; и (3) несколько обрубков свай в заливе Ардмор, графство Уотерфорд. Курган в Эриске, который, как было установлено при осмотре, имел круглую форму и 60 футов в диаметре, был сухим при низкой воде, но погружался под воду во время весенних приливов на глубину до пяти футов. Немного золы, древесного угля и сломанные кости овец и мелких бычков были единственными найденными останками, свидетельствующими о том, что здесь жил человек. Черная пирамида из камней упоминается в Статистическом отчете Шотландии, а также мисс Маклаган. До отметки затопления около четырехсот ярдов. Вершина видна только при низкой воде, а основание, как говорят, состоит из очень больших деревянных балок.

[105] Мистер Уоллес описывает остров как полностью искусственный, "возведенный на сваях и поперечных балках, примерно в пятидесяти ярдах от берега, длиной 189 футов и шириной в среднем 112 футов. Вода, непосредственно окружающая его, глубокая, и край острова поднимается перпендикулярно от глубокой воды, глубина которой составляет около семи-восьми футов с северной и восточной сторон и десять-двенадцать футов с южной и западной. Сваи и поперечные балки, на которых он был возведен, лежат как тротуар вокруг него, наклоняясь к центру. Балки сделаны из дуба, сосны и березы. Самые крупные - из сосны и дуба. Между балками и по всему острову было собрано множество кусочков древесного угля. Остров возвышается в центре, и после того, как была убрана часть пышной крапивы и высокой травы, были обнаружены участки обнесенного стеной сооружения. Следов известково-цементного покрытия обнаружить не удалось, но камни были крупными и хорошо уложенными друг на друга. Руины этого здания подняли остров на высоту семи футов над нынешней отметкой воды." Остров отмечен в исторических анналах, а в 1596 году предоставил убежище графу Арранскому. Наличие остеклованных материалов на поверхности придает этому краногу, по словам мистера Уоллеса, особый интерес. Я мог бы понять этот интерес, если бы было доказано, что над краногом были построены остекленные здания. При строительстве кранного, конечно, использовались камни, взятые с берега, и таким образом можно было бы учесть остеклованные материалы или, что более вероятно, это шлак плавильной печи. Ниже приводятся слова мистера Уоллеса: "Я посетил остров в

июле 1885 года и едва успел ступить на берег, как нашел небольшой кусок настоящей остеклованной скалы; и велико было мое изумление, когда я обнаружил, что весь остров был покрыт обломками разных размеров из одного и того же материала. Он был найден среди свай и поперечных балок в больших количествах. Несколько более крупных массивов — один размером четыре на три фута — были найдены на западной окраине острова, глубоко вмурованными среди камней, над сваями и поперечными балками, недалеко от кромки воды. После тщательного изучения было обнаружено, что остеклованный материал ничем не отличается от того, из которого формируются наши остекленные форты. Между кранногом и берегом есть небольшой остров из крупных камней, который виден только тогда, когда уровень озера исключительно низкий, как это было в этом сезоне. Этот остров размером 90 на 60 футов, кажется, полностью построен из камней. Стороны, как и у более крупного острова, перпендикулярны. Здесь был найден один кусок остеклованной скалы. Расстояние между островами около шестидесяти футов, а между островом поменьше и берегом около двадцати футов.

[106] При частичном осушении озера Карлингварк в 1765 году были замечены различные виды искусственных сооружений, таких как деревянные дороги, плотины, построенные из камня и глины, и пара островков, построенных на каркасе из черного дуба. В грязи были также найдены различные реликвии, такие как медный кинжал длиной 22 дюйма, украшенный золотой оплеткой; медная сковорода; замечательный котел (рис. 172), содержащий бронзовые и железные орудия труда; и несколько больших оленьих голов.

[107] "При осушении озера в восточной части прихода Крой в нескольких ярдах от берега появилась искусственная насыпь, около шестидесяти футов в окружности и пяти в высоту. Он был сформирован из чередующихся слоев камней, земли и дуба; дубовые сваи, вбиваемые в землю, прочно закреплялись поперечными балками меньшего размера. Поверх них лежали круглые камни, а на поверхности на несколько дюймов покрывала мелкая черная плесень. В кургане были найдены фрагменты медных колец, кусочки керамики и засов от замка необычных размеров. Примерно в ста ярдах от нас находится круг из больших дубовых бревен, вбитых глубоко в землю, по-видимому, это начало второго кургана; но для какой цели они были предназначены, догадаться невозможно. В то же время было найдено каноэ прекраснейшей работы, которое какой-то современный гот с тех пор срубил для низменных и раболепных целей".

[108] См. примечание 3, стр. 443.

[109] Искусственное озеро с двумя островами, которое, как говорят, является резиденцией Фергуса, лорда Галлоуэя.

[110] Преподобный Р. Дж. Мэплтон таким образом подводит итог своим наблюдениям: "В целом, я думаю, очевидно, что кранног был полностью сложен из камня и ограждения, средняя часть которого была заполнена камнями меньшего размера; что, по крайней мере, с восточной, южной и западной сторон имелись значительные постройки из дерева, но был ли это вал снаружи или здание на самом сооружении, не совсем ясно; что была часть дамбы, сейчас находящаяся под водой, и промежуток был либо заполнен хворостом, либо проплыл на каноэ".

[111] "В озере Лох-Киндер есть искусственная гора из камней, возвышающаяся на шесть или семь футов над поверхностью воды и опирающаяся на каркас из больших дубов, который виден в ясную и безветренную погоду".

[112] кранног овальной формы, 50 футов в длину и 28 футов в ширину, построенный из слоев молодых деревьев, уложенных поперечно. По всему сооружению были разведены три очага, а среди мусора были найдены две сломанные деревянные гребенки, одна из которых изображена здесь ([рис. 173](#)), и кусок дерева с греческим крестом, с выжженными на нем крестиками.

[113] Полвека назад озеро Лох-Левен было опущено на девять футов благодаря дренажу, и в настоящее время останки обитателей озера всегда находятся на глубине от одного до трех футов под водой. Курган имеет размеры 35 ярдов на 20 ярдов и от 1½ до 2 футов в высоту. В этом районе были обнаружены остатки двух рядов свай, расположенных на расстоянии двенадцати футов друг от друга, и каждая свая находилась на расстоянии четырех или пяти футов друг от друга. Кроме того, в линии, тянувшейся к берегу, который находится примерно в шестидесяти ярдах от нас, были наткнуты одна или две сваи, как бы образующие часть трапа. Дно озера здесь твердое и не подвержено сжатию, так что сооружение, будь то древнее или современное, на самом деле было свайным сооружением. Единственные реликвии - кусочек резного дерева, который, возможно, был ручкой, и фрагмент архаичной керамики.

[114] Остров имеет овальную форму, 180 футов в длину и 135 футов в ширину в самой широкой части. Были выставлены каминь, деревянные полы и другие изделия из дерева, а также несколько реликвий, а именно. украшенный орнаментом костяной гребень ([рис. 174](#)), плоская петля из бронзы, часть обода большого сосуда из литой бронзы длиной 3 дюйма и часть браслета из зеленоватого стекла с сине-белым витым канатным орнаментом, опоясывающим его.

[115] Доктор Стюарт цитирует следующий отчет о кранноге в озере Лох-Лохи из заметок мистера Робертсона, извлеченных последним из рукописи в библиотеке адвоката, написанной ближе к концу семнадцатого века: "В Локхабере в древности жил лорд по имени милорд Камминг, который был жестоким и тиранствующим человеком, превосходящим жителей и древних арендаторов этой страны Локхабер. Этот лорд построил ane iland, или дом, на юго-восточной оконечности Логлогхэ; ... и когда наступит лето, в определенные годы или дни, одна из самых больших лесных насмешек, количество ее будет поднято над водой. И многие жители страны имели обыкновение ходить и видеть этот кусок дерева, который все еще стоит там; и они говорят, что палец человека может бросить его туда и обратно в воду, но сорок человек не могут вытащить его, потому что он лежит в другом месте под водой". Б. 94, с. 160.

[116] В "Истории Шотландии" Мейтленда содержится любопытное наблюдение, согласно которому Боус утверждает, что в озере Лох-Ломонд были рыбы без плавников, волны без ветра и плавучий остров. (Boet. "Шотландец. Рег. Описание", fol. 7.)

[117] Реликвии из уигтаунширских кранногов, помимо уже упомянутых, немногочисленны. От Барлокхарта сохранилось каменное кольцо ([рис. 175](#)), два кверна и веретено-завиток из глинистого сланца. Из одной из трещин в Мачермор-Лох извлечено каменное орудие с круглыми углублениями на каждой грани ([рис. 175](#)). Относительно таких орудий преподобный Джордж Уилсон пишет так: "Они бывают двух типов, удлиненные и овальные, приближающиеся к круглой форме, и я хочу обратить на них внимание, потому что пока [1879] в Шотландии зарегистрировано только восемь, семь из них из Вигтауншира" (*Proc. S. A. Scot.*, т. xiv. стр. 127). Вскоре после этого другой, описанный на [странице 422](#), был найден в ущелье Лохспоутс в Эйршире.

[118] Лохавуллин, расположенный к востоку от железнодорожной станции Обан, раньше, как следует из названия, использовался как плотина для водяной мельницы, но в течение многих лет летом это было болото, которое часто посещали спортсмены из-за количества бекасов, которых оно укрывало. В настоящее время его используют частично как лужайку, засыпая его дно, а частично как пруд для катания на коньках; и в ходе этих работ примерно в центре болота была обнаружена затопленная платформа из деревянных балок, уложенных поперечными слоями. Я посетил это место весной 1888 года, но, кроме того, что я увидел фрагменты деревянных конструкций и определил, исследуя грязь, что они простирались на несколько ярдов во всех направлениях, ничего археологической ценности обнаружено не было. Пока, однако, все выглядит как обычный сгаппог, мнение, которое подкрепляется физическими условиями окружающей среды.

[119] Это озеро занимает площадь около двух акров. На северной оконечности есть небольшой остров, покрытый буйной растительностью и несколькими низкорослыми деревьями шотландской ели и березы. От него к берегу тянулась неровная кривая дамба. "Вокруг острова были видны вбитые сваи, к которым были прикреплены прочные поперечные балки, и, сделав разрез шириной шесть или семь футов в стороне острова, чтобы определить его структуру, мы обнаружили платформу глубиной около четырех футов, приподнятую поперечными балками, расположенными попеременно друг на друге, и удерживаемую на месте с помощью вбитых свай. Последние, как правило, представляли собой небольшие дубки, но обработанные и заточенные металлическим инструментом, у некоторых из них были зазубрины на головках, где можно было закрепить поперечную рейку или балку".

[120] К северу автор впоследствии нашел "доску с несколькими римскими гвоздями в ней; и количество незакрепленных гвоздей, найденных в почве над ней, показало, что они, вероятно, принадлежали какой-то деревянной надстройке, которая погибла".

[121] Эванс, "An. Br. Implements", стр. 436.

[122] *Proc. R. I. A.*, том ix, стр. 176; и том i, 2-я серия, стр. 223.

[123] Смотрите перевод О. S., отредактированный доктором Джозефом Андерсоном, стр. 182; также *Proc. S. A. Scot.*, vol. viii.

[124] *Antiqua*, 1883, p. 15.

[125] *Matériaux, etc.*, vol. xvi. p. 215.

[126] *Бюллетень Палитры. It.*, An. i: стр. 7.

[127] Во время посещения коллекции египетских древностей мистера Флиндерса Петри, недавно выставленной в Лондоне, меня очень заинтересовал деревянный серп правильной формы с пазом, в который все еще была вделана кремневая пила. Паз приспособлен для трех таких пил, но только одна осталась на своем месте. Деревянная часть этого уникального инструмента имеет форму современного кукурузного крючка, за исключением того, что рукоятка поворачивается вниз под прямым углом к плоскости резания, а противоположный конец переходит в длинное острие. Его длина составляет 12 с половиной дюймов от кончика до кончика и 17 дюймов от острия до самой выпуклой части тела. Из того же места были найдены различные другие кремневые орудия и несколько полулунных ножей или пил, в точности похожих на те, что так распространены в скандинавской археологической зоне. М-р Петри также указал на некоторые кремневые предметы, которые, несомненно, были имитацией орудий из меди и бронзы, с которыми они ассоциировались. Считается, что

гробницы Хавары, в которых были обнаружены эти реликвии, относятся к 12-й династии и датируются примерно 2600 годами до нашей эры

- [128] Б. 423, с. 80, 90; Бюл. *Palet. Итал.*, Ан. xii. стр. 80.
- [129] *Archiv für Anthropologie*, vol. xvi.
- [130] *Antiqua*. 1883, p. 89.
- [131] *Kopp.-blatt*, 1882, 1883 и В. 401.
- [132] *Перчатка. der Anth. Ges. Вена*, Б. xiii. стр. 213 и 216.
- [133] *Neues Jahrb. für Mineralogie*, В. iii., 1884.
- [134] *Археологический журнал*, том. xxxvi., 1880.
- [135] *Zeit. für Ethn.*, bd. xv. pp. 163-190.
- [136] *Antiqua*, 1885, p. 138.
- [137] *Zeit. für Ethn.*, vol. xviii., *Верх.*, стр. 83.
- [138] *Там же.*, стр. 411.
- [139] *Там же.*, т. xix. стр. 97.
- [140] *Там же.*, стр. 140.
- [141] Кастельфранко: Бюл. *Palet. Ital.*, Anno iv. p. 50.
- [142] *Nuovo Giornale Bot. Итал.*, том. xxii., Вып. 1, 1890.
- [143] Превосходное изложение доказательств, подтверждающих этот факт, дано бароном де Байе в его недавней работе "*Archæologie Prehistorique*", глава vi.
- [144] *Zeit. für Ethn.*, vol. xviii., *Верх.*, стр. 368.
- [145] См. также *Anzeiger*, 1880, стр. 46; и 1882, стр. 221.
- [146] *Archéologie Celtique et Gauloise*, p. 368.
- [147] *Double Sépulture Gauloise de la Gorge-Meillet (Marne)*. Под ред. Фурдринье. Париж, 1878.
- [148] W. Osborne, *Zur Beurtheilung des prähistorischen Fundes auf dem Hradischt bei Stradonic in Böhmen*. *Перчатка. der Anth. Ges. Wien*, vol. x.
- [149] *Бык. dell'Inst.*, 1875, стр. 50 и 178, и 1877, стр. 74.
- [150] *Бык. Palet. It.*, anno xii, стр. 194 и др., с шестью таблицами.
- [151] *Revue Archéologique*, 1864.
- [152] "*Horæ Ferales*", стр. 172-189.
- [153] "*Recherches Anthropologiques dans le Caucase*," vol i. p. 70.